

Annotation

Город пышных дворцов и храмов, благоухающих садов и искристых фонтанов, город, носящий горделивое имя «Ворота Богов», пестрый, суетный, шумный, раздираемый внутренними распрями, подтачиваемый смутным предчувствием близящегося заката, но все еще величественный и надменный, твердо верящий в свою избранность, – таким предстает в романе словацкой писательницы Маргиты Фигули легендарный Бабилу – Вавилон, столица Ново-Вавилонского, или Халдейского, царства.

Роман в живой, увлекательной форме знакомит нас с одной из интереснейших страниц мировой истории, с многовековой вавилонской культурой, научными достижениями, литературой и искусством, которые надолго пережили падение Вавилонского царства и явились важной составной частью древней культуры человечества.

* * *

Маргита ФигулиМаргита ФИГУЛИ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГА ВТОРАЯ

* * *

Маргита Фигули

Вавилон

Маргита ФИГУЛИ

ВАВИЛОН

Роман о падении Вавилона

Город пышных дворцов и храмов, благоухающих садов и искристых фонтанов, город, носящий горделивое имя «Ворота Богов», пестрый, суетный, шумный, раздираемый внутренними распрями, подтачиваемый смутным предчувствием близящегося заката, но все еще величественный и надменный, твердо верящий в свою избранность, – таким предстает в романе словацкой писательницы Маргиты Фигули легендарный Вавилон – Вавилон, столица Ново-Вавилонского, или Халдейского, царства.

Роман М. Фигули в живой, увлекательной форме не только знакомит нас с одной из интереснейших страниц мировой истории, с многовековой вавилонской культурой, научными достижениями, литературой и искусством, которые надолго пережили падение Вавилонского царства и явились важной составной частью древней культуры человечества, ее книга наряду с познавательной ценностью до сих пор сохраняет свое значение страстного призыва, прямо обращенного к современности.

Книга создавалась в трудные времена, в период существования марионеточного профашистского словацкого государства (1939-1944 гг.), когда все прогрессивное, демократическое подвергалось преследованиям, изгонялось из жизни и литературы. Стремясь выразить всеобщее недовольство, несогласие с политикой режима, пресмыкавшегося перед Гитлером, ввергшего народ в братоубийственную войну против Советского Союза, многие словацкие писатели в этот период, обходя рогатки цензуры, прибегают в своем творчестве к языку символов и аллегорий, в которых прорывается моральное осуждение насилий, чинимых над человеком, звучит протест против войны, смерти, политического и расового террора.

Характер развернутой притчи присущ и «Вавилону» Фигули. Конечно, было бы нелепой натяжкой проводить прямые аналогии между эпохами, отделенными друг от друга дистанцией в две с половиной тысячи лет. «Вавилон» – это прежде всего исторический (хотя и не строго документальный в передаче отдельных конкретных реалий) роман. Но в самой его фабуле, опозитизированной легендарными преданиями, бесспорно, содержатся возможности, позволяющие художнику пойти не только по пути воспроизведения исторических фактов, но и по пути известного отлета от них ради создания обобщенной исторической метафоры. Обе эти тенденции отчетливо прослеживаются в романе, определяя своеобразие его художественного строя, обуславливая трактовку различных персонажей.

Перед взором читателя проходят представители всех основных слоев населения Вавилона в их отношениях к надвигающейся персидской опасности.

Для лицемерной жреческой олигархии, привыкшей интересы своей касты выдавать за высшие государственные интересы, представляется бессмысленным сопротивление персам с того самого момента, как только Кир даст заверение не посягать на вавилонские святыни. Трудно сказать, имел ли в действительности место сговор вавилонских жрецов с их коллегами из Экбатаны, но то, что Эсагиле было выгодно саботировать военные приготовления Вавилонии, не подлежит сомнению. Исме-Ададу, конечно же, была известна принципиальная лояльность персов – кстати сказать, зафиксированная в источниках – по отношению к религиозным культам покоренных народов. В этой ситуации цепляться за «своего» царя не имело ни малейшего смысла с точки зрения таких осмотрительных и искушенных мастеров политической интриги, какими по праву считали себя халдейские жрецы.

Весьма опасной и – главное – не сулящей никакой реальной выгоды казалась борьба с персами и представителям другого чрезвычайного влиятельного слоя Вавилонии – торгово-ростовщической и бюрократической верхушки. Настроения этой наиболее богатой части рабовладельцев М. Фигули также весьма достоверно передает в романе. Для них – поклонников золота и наживы, – в сущности, не имеет значения национальная принадлежность государя. Так не лучше ли добровольно, не доводя дело до войны, подчиниться Киру, войти в состав его обширной державы и, опираясь на свой

многовековой опыт, на прославленную культуру Вавилонии, прибрать к рукам этого «горного варвара»? К тому же война неизбежно сопряжена с лишениями, с опасностями, война грозит не только потерей состояния, но и жизни. Изнеженная, эгоистичная вавилонская аристократия не хотела и думать о войне.

Была еще одна причина, которая, несомненно, заставляла наиболее проницательных представителей вавилонской олигархии с надеждой взирать на север: тревожное брожение в трудовых слоях населения. Читателю этой книги на первый взгляд могут показаться несколько модернизированными те ее места, где довольно обстоятельно освещается положение этих слоев, выявляется «точка зрения» задавленных бесконечными поборами крестьян, бедствующего городского плебса, рабов на происходящие события. Однако известное осовременивание материала заметно, пожалуй, разве что в образе Сурмы, точнее, в чересчур четкой «классовой» логике его рассуждений. Что же касается описания той внутренней борьбы, которая завязывается в Вавилоне между привилегированной эксплуататорской верхушкой и обездоленными массами (вспомним в этой связи страницы, посвященные деятельности верховного судьи Идин-Амуррума), то здесь писательница отнюдь не расходится с историческими фактами. В настоящее время, благодаря усилиям ученых-ассириологов, можно считать установленным, что в VI веке до и. э., накануне персидского завоевания, Вавилон был ареной острых столкновений между правящими верхами и низами населения.

Если рабовладельцы видели в персах силу, способную подавить волнения в низах, то угнетенные слои, мечтавшие об изменении своего бедственного положения, возлагали на Кира иные надежды. Легенды о доброте и справедливости этого государя, с легкой руки персов получившие широкое хождение на Востоке, глубоко проникли в сознание простого люда Вавилонии. Не только рабы и поселенцы-иноплеменники, вроде евреев, которых еще Навуходоносор после разгрома Иудеи увел в вавилонский плен, но и коренные жители Двуречья ждали Кира как мессию-освободителя, как сказочную «огненную птицу», ниспосланную небесами, чтобы покарать их мучителей. Подобно многим крестьянам из Деревни Золотых Колосьев, описанной в романе, они охотно укрывают в своих хижинах персидских лазутчиков, «делятся с ними хлебом». Война с персами не была популярной в народе, что, в сущности, и предрешило судьбу державы. На могучих бастионах Мидийской стены и Вавилона в решающий момент оказалось слишком мало стойких защитников.

Часть халдейской аристократии все же пыталась организовать сопротивление персидскому натиску. В победоносной войне они видели подходящее средство для сокрушения засилья жрецов, для восстановления приоритета светской власти. Ставленником этих сил был, по-видимому, сын Набонида, наследный принц Валтасар, который после удаления Набонида в Тейму оставался фактическим правителем Вавилона. О его деятельности не сохранилось сколько-нибудь подробных свидетельств. Известно только, что именно Валтасар возглавлял вавилонскую армию в войне с персами. Такая скудность фактических сведений позволила писательнице дать свою обобщенно-аллегорическую трактовку этой личности.

Фигура Валтасара принадлежит к числу ключевых, в художественном отношении наиболее разработанных образов романа. Этому последнему владыке Вавилона явно не по плечу роль, выпавшая на его долю. Полностью лишенный полководческого дара и государственной мудрости своих предков, он не в состоянии даже осознать масштабы надвигающейся катастрофы. Тщеславный и упрямый, трусливый и подозрительный, сластолюбивый и переменчивый, Валтасар олицетворяет собой предельную деградацию деспотической системы, уже не способной даже в критическую минуту выдвинуть сколько-нибудь крупную личность, системы, утерявшей всякое моральное право на дальнейшее существование. Боясь даже самому себе признаться в собственном ничтожестве, Валтасар топит редкие проблески здравого смысла в необузданных приступах садистской жестокости, в потоках кичливой похвальбы, в неистовых оргиях и разврате.

Создавая образ самовластного тирана, М. Фигули явно опиралась на известную трактовку Валтасара, содержащуюся в «Книге Даниила» – Библии. Она воспользовалась,

в частности, знаменитым преданием о последнем Валтасаровом пире, в разгар которого на дворцовой стене появились таинственные, начертанные огненной рукой письма, предвещавшие в ту же ночь гибель Вавилону и его неправедному владыке. Включение таких заведомо легендарных сведений в общее русло повествования – прием, характерный для творческой манеры писательницы. Сама отдаленность, «полусказочность» воссоздаваемой эпохи даст М. Фигули возможность свободно совмещать реальное и фантастическое, становиться на путь стилизации. Библейские сюжеты и даже персонажи (пророк Даниил), мотивы древнего шумеро-вавилонского эпоса о Гильгамеше – вся эта поэтическая фольклорная стихия, щедро представленная в романе, выполняет гораздо более важную функцию, чем может показаться на первый взгляд. Речь идет не только и не столько о придании экзотического колорита повествования, сколько о выявлении основного глубинного смысла произведения. Вместе с преданиями и легендами в роман входит идея высшей справедливости, извечная мечта человека о торжестве добра над злом, о временах, когда «люди будут жить в любви и правде», о героях, поднимающих меч не ради очередного кровопролития, а во имя блага человеческого, утверждения счастья и мира на многострадальной земле,

С этой точки зрения история вавилоно-персидского конфликта, основные контуры которого весьма достоверно воссозданы в романе, предстает перед нами как столкновение и борьба двух противоположных этических начал, причем водораздел между ними отнюдь не всегда совпадает с линией, разграничивающей воюющие стороны. И в лагере вавилонян, и в стане персов есть герои, с одинаковой симпатией изображенные автором. Это благородные рыцари идеи, движимые высокими помыслами – чувством, долга и чести, правды и общечеловеческой справедливости. Обстоятельства против них. Центробежной силой войны их разбросало в разные стороны, но мыслят они родственными категориями, мечтают, в сущности, об одном и том же. Драматическое переплетение судеб этих героев служит композиционным стержнем романа.

Сам по себе прием введения в историческое повествование любовной пары или треугольника далеко не нов. Со времен Вальтера Скотта сочетание романической интриги и политического действия стало одним из традиционных признаков жанра исторического романа. Такое построение наряду с выгодами таит и свои опасности, главной из которых является возможное «раздвоение интереса», в случае если романисту не удастся добиться органического единства обеих линий. Каждый художник стремится дать собственное решение этой композиционной задачи. У М. Фигули, в частности, отчетливо прослеживается тенденция придать любовной, вообще эротической теме смысл чуткого нравственного барометра, свидетельствующего о духовном здоровье, возрождении или деградации человека и общества.

Таким внутренним подтекстом сопровождается рассказ о чистой, «идеальной» любви, связавшей двух центральных героев романа – прекрасную Нанаи и мужественного Набусардара. Она – простая крестьянка, девушка из рода, гордящегося бескорыстной преданностью отечеству. Он – потомственный аристократ, верховный военачальник вавилонской армии, второе после царя лицо в государстве, Романтическая исключительность взаимоотношений, складывающихся между этими социально столь неравноправными партнерами, совершенно очевидна, учитывая тем более замкнутый, кастовый характер, присущий высшему вавилонскому обществу. Однако М. Фигули сознательно идет на такое отступление от законов реалистической достоверности. Ведь Нанаи в романе – это не просто воплощение идеальной женственности, но прежде всего – олицетворение высокого нравственного начала, живущего в народе. Внутренняя чистота, неиспорченность, душевная цельность ее натуры – вот что неодолимо влечет к ней духовно истерзанного Набусардара.

Умный и проницательный политик, свободный от всякой мистики. полевой государственный деятель и полководец – таким предстает в романе этот наиболее влиятельный и убежденный сторонник активного сопротивления персам. Как никому другому, ему ясна вся неимоверная трудность выпавшей на его долю миссии. В прогнившем Вавилоне, где каждый ищет лишь удовольствий да личной выгоды, где плетут свои бесконечные интриги жрецы, а на престоле сидит бесталанный, трусливый и

самодовольный государь, он чувствует себя бесконечно одиноким в святом горении за судьбы отчизны: «Великие боги за какие-то грехи ослепили халдейскую знать... мне единственному оставили зрение, чтобы я видел грозящую нам беду». Встреча с Нанаи для него – перст судьбы. С этого момента Набусардар обретает душевные силы, столь необходимые ему для свершения великого подвига. Если раньше им руководила скорее ненависть к коварным и своекорыстным жрецам, достоинство воина и сословная гордость халдея-аристократа, не допускавшего даже мысли о том, чтобы без борьбы склонить голову перед «горным варваром», то теперь все прочие доводы тускнеют, оттесненные высшей целью – защитой отечества и народа от надвигающегося опустошительного нашествия. Просветленному любовью Набусардару открывается великая истина, что государство может быть спасено только самим народом. Усилиями Набусардара и немногих преданных ему соратников была создана армия, способная противостоять персам. Правда, измена дала в руки Киру ключи к Мидийской стене, зато Вавилон успешно выдерживал осаду до тех пор, пока обороной руководил Набусардар. Поглощенный борьбой с персами, он, однако, не уследил за кознями своих многочисленных недругов и завистников в Вавилоне. Мнительный и взбалмошный Валтасар, боявшийся роста престижа своего верховного военачальника, следуя коварным наущениям жрецов, стал все чаще вмешиваться в его распоряжения; в конечном счете это и погубило город.

Маргита Фигули избрала в своем романе одну из существовавших в свое время в исторической литературе версий падения Вавилона. Она пишет, в частности, о почти трехлетней осаде, о хитроумной уловке персов, которые отвели воды Евфрата, чтобы по высохшему руслу проникнуть в город. Между тем, как считает большинство современных историков, кампания была поистине молниеносной. Персам понадобилось меньше месяца для разгрома Халдейской державы. Ворота же Вавилона были открыты персам без боя. Некоторое сопротивление они встретили лишь на подступах к царскому дворцу. В разгоревшейся здесь схватке и был убит Валтасар.

Можно было бы не останавливаться на этих, не столь уж существенных для художественного произведения фактических неточностях. Интересны, однако, мотивы, побудившие писательницу в данном случае отступить от строгого историзма. Они, несомненно, связаны с общей идейной концепцией романа.

Ведь война с персами, как ее понимает Набусардар, приобретает уже объективно справедливый характер. Это борьба народа за право самому определять свою судьбу. Не раз в книге возникает прозрачная аналогия между легендарным борцом за благо людей – Гильгамешем и нынешней «надеждой Вавилонии» – Набусардаром. Героизируя личность Набусардара, стремясь подчеркнуть правоту дела, которому он служит, писательница и вводит версию о длительной безуспешной осаде Вавилона персами. Ей важно было показать возможность победы на тех путях, которыми шел ее герой. Вавилон все-таки пал, но причиной тому было не столько военное превосходство персов, сколько их безусловное единство, духовная сплоченность вокруг незаурядного вождя – Кира.

Набусардар как воплощение идеи справедливой войны возвышается над всеми остальными персонажами романа. За исключением одного – персидского князя Устиги. Ни храбростью, ни умом, ни душевным благородством – тот ничем не уступает своему сопернику. Сопернику в буквальном смысле слова, потому что оба любят одну и ту же девушку – Нанаи. Устига послан Киrom в Вавилонию с необычайно ответственным для успеха грядущего вторжения заданием – он должен не только наладить сбор важных военных сведений о будущем противнике персов, но и постараться заранее склонить население на сторону Кира. Устига успешно справляется с этой миссией, пока не встречает Нанаи, которая не без внутренней борьбы все же выдает его в руки Набусардара. После этого, заточенный в подземелье дворца Набусардара в Борсиппе, Устига фактически выключается из числа активных действующих лиц романа, вновь появляясь лишь на последних его страницах. Тем не менее значение этого образа в общей концепции произведения весьма существенно.

Устига – из рода философов, глубоко озабоченных проблемами смысла человеческого

бытия, высшего назначения человека. Он смотрит на происходящие события с высоты конечных целей борьбы – утверждения «любви и правды» на земле. Война с Вавилонией для него – печальная необходимость, освещенная лишь перспективами светлого будущего. Он предан Киру, активно способствует осуществлению его планов создания великой державы, которая должна объединить все народы Востока и, прикрыв их мощным щитом от надвигающейся опасности с Запада, обеспечить им условия для наиболее успешного развития. Устига мечтает о том времени, когда под мудрым и великодушным водительством Кира все народы, забыв старые распри и обиды, станут единой семьей равных и счастливых. Именно персы, еще не затронутые духом наживы и морального распада, призваны, по мысли Устиги, стать «орудием справедливости, благодаря которому справедливость восторжествует в мире». И тогда не будет бедных и богатых, тогда воцарится «равенство между людьми и братство между народами».

Сквозь стилизацию, вызванную стремлением не выбиться из общего колорита далекой эпохи, в рассуждениях Устиги отчетливо проступают гуманистические идеалы, воодушевляющие писательницу XX века. Создавая привлекательный образ этого философа-правдоискателя, М. Фигули утверждает принцип нравственной преемственности поколений, вечную, неутолимую жажду человека к переустройству жизни на подлинно справедливой основе.

С образом Устиги связан еще один важный аспект произведения, непосредственно обращенный к нашей современности.

Вспомним, что «Вавилон» создавался писательницей в самый разгар второй мировой войны, когда фашистские полчища под лозунгом организации «нового порядка» в Европе, возведения бастиона против «коммунистической угрозы» залили кровью колоссальное пространство от Волги до Северной Африки. Стремление к мировому господству составляло основу официальной идеологии гитлеровского рейха. Война была объявлена высшим проявлением арийского духа. В этой связи особенно понятно сознательное этическое заострение «Вавилона» против самой идеи завоевательных войн, какими бы высокими мотивами эта идея ни подкреплялась. Особенно четко эта мысль выражена писательницей как раз в эволюции образа Устиги.

Борьба между ним и Набусардаром за сердце Нанаи, отвлекаясь от традиционного для романической интриги привкуса сентиментальности и мелодраматизма, имеет глубокий символический смысл. «Поражение» Устиги предопределено внутренним изъяном его философии. Нанаи, испытывающая искреннюю тягу к нему как к человеку, вынуждена ненавидеть его как врага. И это не просто классический разрыв между чувством и долгом. Нанаи, в образе которой воплощена идея священного права народа на самостоятельное устройство своей судьбы, органически не приемлет рассуждений Устиги о путях, ведущих в счастливое будущее. Она инстинктивно чувствует внутреннее несоответствие между светлыми далями, которые открывает перед ней Устига, и средствами достижения этих далей. Насажение справедливых порядков с помощью огня и меча иноземных завоевателей? Возведение гуманного общественного здания на трупах невинных жертв, на костях «освобожденных» народов?

На последних страницах книги писательница дает возможность Устиге стать свидетелем краха его иллюзий. В Вавилоне Кир ведет себя как любой другой завоеватель – сечет головы, угоняет жителей в Персию на каторжные работы, беспощадно расправляется со «смутьянами», ожидавшими торжества правды и справедливости. Простой Вавилонский люд вместо прежнего ярма получает другое – персидское. Это к Киру обращены полные горечи слова Сурмы, самого пламенного последователя Устиги в Вавилонии: «Мы ждали тебя, как жар-птицу, что принесет на своих крыльях свободу для угнетенных. А ты рабов царя Валтасара, жрецов и вельмож халдейских сделал собственными рабами. Так, значит, царь царей, нет правды на свете?» И Кир, этот просвещенный властелин, кумир и светоч Устиги, не может ответить на вопрос халдейского крестьянина.

Гуманистический, антимилитаристский пафос, органически присущий роману «Вавилон», придает этому произведению глубоко актуальный смысл. Бесконечна и разнообразна

борьба человека за счастье. Но лишь тогда она может оказаться успешной, когда люди вдохновляются идеалами всеобщего блага, отменяя любые учения и доктрины, покоящиеся на «праве» сильных и избранных. Бесконечно далеко от нашей эпохи герои «Вавилона». Но их мысли, чувства и надежды, обращенные к будущему, учат нас ненавидеть зло и несправедливость, бороться за правду, за мир на истерзанной, уставшей от войн земле...

Ю. В. БОГДАНОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

В ущельях ассирийских гор берут начало грохочущие воды Тигра и Евфрата. Зажатые утесами, бездонными ущельями и могучими корнями деревьев, они падают со стремнин, с диким ревом устремляются с горных круч севера в долины и неудержимо пробивают себе путь в податливой почве низин, словно торопясь слиться на юге с морем.

Страну, которую заключили в свои объятия Тигр и Евфрат, от незапамятных времен засыпает горячий песок. Здесь, среди сухобылья и чертополоха, человек добывает свой хлеб поистине в поте лица, здесь мается он под бичом жизни и умирает от зноя. Страстно мечтая избавиться от невыносимых тягот, он тешит себя легендами об утраченном рае, куда жаждет вернуться после неисчислимых страданий.

Этим заняты и мысли старого Гамадана. Сидя перед своим глиняным жилищем, он вырезает из куска пальмового дерева фигурку бога Энлиля, который, говорят, создал мир и за ослушание изгнал человека из земли обетованной.

Погруженный в работу и размышления, Гамадан покачивает головой и обращается к богу с упреками:

– Несправедливо покарал ты нас, владыка жизни и смерти, всемогущий Энлиль, бог несокрушимого Халдейского царства. Непомерна кара, насланная тобой на сыновей человеческих за ничтожное ослушание. Слишком долго не смягчается твое сердце из-за такой малости, такой безделицы, – посуди сам, – из-за какого-то паршивого яблока с древа познания! Неужто оно дороже человека и даже целого народа, живущего в стране между Тигром и Евфратом?

Как отпрыск потомственных воинов, Гамадан и с богом говорил воинственно. Он желал убедить бога, что тот, создав мир, не сумел мудро и по справедливости распорядиться судьбой первого обитателя райских кущ.

Лицо Гамадана все больше мрачнело, глаза затуманились тревогой. Ему надо было излить душу.

И старик негодуя продолжал:

– Если бы гнев твой поразил пройдоху финикийца или жалкого еврея, паршивого перса или провонявшего бараньим салом ассирийца! Но за что ты так покарал халдея, владыка небесный?

Внезапно его охватило искушение обезобразить священный лик всемогущего Энлиля в

отместку за то, что он так безжалостно наказал род людской. Гамадан решил сделать ему длинный нос. Но когда оставалось только выдолбить ноздри в длинном остром носу, старик в ужасе спохватился – ведь к этому идолу будет обращаться с молитвой и просьбами его дочь Нанаи. Гамадан торопливо забормотал заклинания против злых демонов и склонил голову, смиренно моля покровителя халдеев о прощении.

Подавив усмешку, он беспокойно заерзал на табуретке и, колотя себя в грудь, огласил пространство покаянными мольбами:

– Поверь, сын всемогущего солнца и матери-земли, поверь, это не я, это черный демон в крокодиловой шкуре, с когтями дракона, хвостом ящерицы, жалом скорпиона, с козьими ногами, петушиным гребнем и орлиными крыльями подучил меня. Злой демон наущал меня отомстить тебе за род людской, ибо несправедливо обошелся ты с нами за грехи первых людей. Не ты ли сотворил щебет птиц, шум волн и аромат цветов, которые ввели человека в грех? Ты даровал человеку сладостный сон, наполнив ночь чарующими сновиденьями. и он не устоял и вкусил от древа познания. Значит, ты виноват во всем, а человек стал жертвой твоей прихоти. Но поверь, всемогущий, это злой дух наговаривает на тебя, а мое сердце чисто. Это демон, пищей которому служит глина и прах, наущает меня, о высокочтимый, сделать тебе длинный нос.

В знак раскаянья Гамадан укоротил богу нос и поднял фигурку к солнцу.

– Взгляни, бог богов, я не поддался козням злого духа и исправил тебе нос. Я избавил тебя от позора, так отплати мне услугой за услугу. Если ты закрываешь врата рая передо мной, то исполни хотя бы просьбу моей дочери, самой красивой девушки на берегах Евфрата. Сейчас она пасет овец бедного Гамадана, но если бы ее узрели боги, каждый пожелал бы видеть ее своей возлюбленной. Если б о ее красе прослышал царь, он в тот же день взял бы ее к себе во дворец. Если б она появилась на улицах Вавилона, перед ней падали бы ниц, словно перед божественной Иштар. Внемли ее мольбам, сделай так, чтобы ей не приходилось от зари до зари пасти овец, есть сухие лепешки и спать в глиняной хижине. Когда она вечером вернется домой со стадом, ты увидишь, свет солнца, что она прекрасней радуги, воссиявшей после всемирного потопа.

Чтобы бог Энлиль, владыка жизни и смерти, в самом деле мог ее увидеть, подумал Гамадан, надо поскорей закончить работу, потому что уже перевалило за полдень, а с наступлением сумерек Нанаи пригонит овец домой.

Он подровнял нос и вырезал ноздри: потом подправил губы и глаза, придав благородства облику божества. Просверлил отверстие в широком и богато украшенном резьбой поясе. Просунул в это отверстие меч, – теперь он висел на животе фигурки наискосок. На спине прикрепил орлиные крылья – знак божества. Подстрогал длиннополую рубаху, отороченную густой бахромой, и ремни на сандалиях. Затем развел в плоских красках и раскрасил фигурку. Крылья, шлем, сандалии, пояс и украшения выкрасил под золото. Плащ покрыл красной краской, одежду – голубой, а бахрому сделал желтой. Закончив работу, он отнес фигурку в хижину и поставил сохнуть на полку над дверью.

Он убрал и долото с ножом, стружки бросил в огонь под треногу – на ней стоял горшок, в котором варилась рыба, – а плоские с красками залепил глиной, чтобы краски не засохли.

Уходя, он задержал взгляд на постели Нанаи, застланной овечьими и козьими шкурами. Она спала бы в шелках и кисее, если б по вине слабых правителей славный род Гамаданов не пришел в упадок. И жить бы ей не в убогой хижине, а во дворце. Но меч Гамаданов точит ржавчина, и нет у них иного оружия, кроме красоты Нанаи. Только красота поможет Нанаи избавиться от нищеты. Старик с надеждой взглянул на фигурку Энлиля, которому его дочь будет верить свои тайные желания. Однако для верности и он решил помолиться создателю мира, как только тот обсохнет на полке.

А пока старик порубил в деревянной плошке овощи, истолок в ступке корешки имбиря, снял крышку, высыпал все это в горшок, подгрел угли и прислонил кочергу к одному из кольев, поддерживающих тростниковый навес, который служил защитой от жгучих солнечных лучей.

Когда все было готово, он снял горшок с огня и отлил из него себе, оставив половину для Нанаи. Не заходя в хижину, он тут же съел свою долю, заедая похлебку лепешкой, испеченной на углях. Возле миски Нанаи он положил несколько кусочков ароматных хлебцев, которыми всегда баловал ее, если бывал чем-либо особенно доволен.

На сей раз такой щедростью она была обязана Энлилю, который стоял на полке, переливаясь красками марева над пустыней. Гамадан был доволен делом рук своих, и в честь того, что работа удалась, после еды поклонился всем четырем странам света, которые издревле принадлежали халдейским богам.

По обыкновению, он начал с востока:

– Кланяюсь тебе, всемогущий Таммуз, и благодарю тебя за то, что каждое утро твои незримые руки рассеивают по небу и земле благодатный свет. В его сиянии сошел с моих ладоней бог, создавший меня, и имя ему Энлиль.

Потом он оборотился на запад и сказал:

– Благословен будь, Сакус, приходящий на закате в багряных одеждах вечерних облаков и возвещающий о приближении ночи, когда человек может дать отдых своим членам. В твоих лучах бог Энлиль послал нам прекрасную Нанаи, и теперь он будет пребывать вместе с ней в моем доме.

Поклонился он и северу и сказал:

– О страж ночи, многотимый Син, ты странствуешь по небу и серебришь рощи и воды Евфрата. Ты кропишь росой истомленные цветы и травы. Ты посылаешь людям освежающую влагу и прохладу, умеряющую жар полдневного солнца. По твоему велению моя жена Дагар перешла волнами священной реки в рай, который она заслужила ценой мук и страданий. Нанаи потеряла мать, но отныне вместо матери пребудет, над ней покровительство создателя мира, премудрого Энлиля, который пожелал прийти к нам и остаться с нами навеки.

Поклонившись на юг, он сказал:

– Да будет в веках прославлено имя твое, божественная Иштар, чья милость к нам излучается в сиянии утренней звезды Дильбат и в сиянии вечерней звезды Билит. По милости твоей моя дочь подобна тебе, и тело ее напоено ароматом южных ветров. Ты даровала ей синие глаза, подобные горным озерам, в которых растворились небеса. Ты припорошила ее губы сладкой пылью, и речь ее опьяняет каждого, как вино. Ты наделила ее мудростью, какой не встретишь у человека из глиняной хижины, и оттого смилостивился Энлиль и пришел сюда, чтобы воздать ей по достоинству.

Ему казалось, что теперь-то уж боги не смогут отвергнуть просьбу, которая вознесется из его хижины. Они заступятся за него и перед самим Энлилем, если тот вдруг окажется не в духе. Чтобы избавиться от последних сомнений, старик воскликнул:

– Великие халдейские боги, ваша мудрость бесконечна и несокрушима, подайте же знак, что я услышан вами.

Он настороженно замер, напрягая слух и всматриваясь в горизонт. Потом заговорил еще прочувствованнее:

– Явите мне знак и тем осчастливьте бедного человека, последнего потомка славного рода, никогда не скупившегося на жертвы во славу богов и родины. Я стар и не могу доказать вам свою преданность в бою, но, смиренно припадая к вашим священным стопам, я даю обет добровольно жертвовать чашу оливкового масла в первый день каждого месяца и раз в году приносить на ваш алтарь самую жирную овцу. И пусть тело мое покроется язвами, если я нарушу клятву.

Не успел он договорить, как на мусорной куче позади хижины загомосил петух. Он закукарекал во все горло, так что эхо разнеслось далеко по всхолмленной равнине вдоль Евфрата и потерялось где-то в окрестных рощах.

Гамадан упал на колени и принялся колотиться лбом о землю. Сбивчивый шепот и бормотанье приглушала его спутанная борода, за густыми усами не видно было шевелящихся губ. Выпрямляясь, он поднимал взгляд к небу и, кланяясь, опускал его.

Петух же продолжал весело копошиться на мусорной куче, даже не подозревая, что боги избрали его вестником надежды. Он нашел рыбные кости и кукарекал, радуясь лакомству.

Наконец Гамадан встал и направился в хижину. И вдруг беспокойство – не оставил ли бог богов его глиняную хижину за то, что он просил помощи у других небожителей. Но он утешил себя тем, что боги, вероятно, не так обидчивы, как люди. И не обманулся – Энлиль спокойно стоял на своем месте, и, когда Гамадан взял его в руки, ему даже почудилось, что бог улыбнулся.

Чтобы всемогущий знал, чего ждут от него в этом доме, Гамадан положил его на постель Нанаи и пояснил, что ночью на этой постели выскажет свои тайные желания его дочь. Здесь он может внимать ей.

– Когда ты узнаешь ее, ты не откажешь ей, – уверял его Гамадан. – Ты захочешь сделать для нее все, едва услышишь ее первое слово. Я знаю, – доверительно рассказывал Гамадан, – что Нанаи не нравится жизнь в родной деревне, Деревне Золотых Колосьев. Однажды я убедился в этом окончательно. Как-то душной и тревожной ночью я не мог уснуть. Не спала и Нанаи. Сквозь отверстие в крыше она смотрела в небо, глубокое, как дно Евфрата в сумерки, а звезды были точно капли росы на листьях древа жизни. После полуночи повеяло ветром с севера, и дневная духота сменилась ночной прохладой. Я открыл двери и завесил вход тростниковой сеткой. Домик наш наполнился свежестью, и вскоре Нанаи крепко уснула. Вдруг я услышал ее шепот, и мне захотелось узнать, что она говорит. Поднявшись с постели, я приблизил ухо к ее губам. Она шептала: «Вавилон, Вавилон». Дыхание ее было горячим, в голосе слышалась мольба. Я тотчас понял, что она грезит о Вавилоне. Вавилон, город пышных дворцов и золотых крыш, ее мечта. Мне так хочется помочь ей, но ты, владыка неба и земли, ты поймешь, что Гамадан здесь бессилен, и потому я вручаю ее судьбу тебе.

Старик страстно заклинал верховного бога и даже не заметил, что фигурка еще не совсем обсохла и он размазал краски – идол принял новое обличье, его мантия стала пестрой, как одежда жителя пустыни – араба. Внутри хижины и в ясный полдень царил полумрак – окно завешивали от жаркого солнца, – и Гамадан слишком поздно заметил, что стало с одеждой Энлиля. Надо было немедленно исправить оплошность, чтобы странный наряд не огорчил и не разгневал бога.

Старик выбежал из хижины, но в ту же минуту на мусорной куче снова запел петух. Гамадан пришел в ужас. Он не сомневался, что это подал знак всевышний.

– Я не хотел оскорбить тебя, Энлиль, – оправдывался он. – Пощади и помилуй. – Гамадан поднял взгляд к небу. – Я повешу тебе на грудь цепочку из чистого серебра, единственную память о покойной жене.

Петух закукарекал опять.

Лицо Гамадана прояснилось, он побежал за красками, торопясь раскрасить фигурку заново, словно рассчитывал получить за это отпущение грехов.

Он макал кисточки в глиняные плошки и накладывал краски точно так же, как вначале.

* * *

Под тростниковым навесом на пальмовом поленце стоит Энлиль, а перед ним коленапреклоненный Гамадан. Старику осталось сделать всего лишь несколько мазков на пурпурном плаще бога.

Дело почти сделано, надо только открыть небольшой ларец в стене и достать серебряную цепочку, обещанную владыке мира. Может быть, он посулил лишнего? Но не торговаться же с богом, словно с купцом на сиппарском базаре. Нельзя отступить, коли обещал. Как сказал, так и сделает.

Внезапно за хижинной поднялся шум, с громким кудахтаньем куры бросились врассыпную. Большой красный петух перелетел через навес, едва не опалив себе крылья над жаровней и подняв целое облачко золы. Гамадан вскочил и заметался, заслоняя фигурку.

Во дворе громко залаял, а потом протяжно завыл пес.

Так он встретил появление Набусардара, верховного военачальника царской армии, который примчался на колеснице, переодетый простым воином. Набусардар охотился за персидскими шпионами, которые шныряли в окрестностях Вавилона и сеяли смуту среди местных жителей. Шпионы собирали сведения об армии царя Валтасара и бунтовали против него население. Военачальникам тайной службы до сих пор не удалось поймать на месте преступления ни одного перса, и потому полководец царя втайне от всех решил заняться этим сам.

На колеснице, запряженной парой лошадей, он ворвался во двор Гамадана, переполошив всех кур. Кошка, сидевшая на заборе, оцетинилась, но не тронулась с места. Набусардар подошел, чтобы привязать вожжи к колышку рядом с ней, и дунул ей в глаза. В ответ она зашипела, но продолжала сидеть, предостерегающе выпустив острые когти.

– Ты угадала, – сказал он ей, закладывая вожжи и потрепав за холку усталого коня, – мне всегда были по сердцу кошки, которые царапаются, а не ластятся. Взять, что ли, тебя в Вавилон, хоть ты беспородная и нет у тебя родословной? А то вавилонские кошки совсем разучились царапаться. Они умеют только ластиться, а это противно. Видно, берут пример с вавилонских женщин, которые скоро станут совсем несносными.

Кошка фыркнула, замахнувшись на него обеими лапками, и оскалила мелкие, острые зубы.

– Ты мне все больше нравишься. – Военачальник поддразнивал кошку, не забывая, однако, что времени у него в обрез и надо торопиться. Хорошо бы узнать, кто здесь живет и не встречал ли он шпионов.

«Ш-ш-ш!» – зашипела кошка, сердито глядя на воина.

Он вытер потный лоб, расстегнул короткий кожаный нагрудник, вытащил из ножен меч и направился к дому.

Старый Гамадан суетился вокруг деревянной фигурки. Со стороны казалось, что он танцует, коротая время за этим нехитрым развлечением.

Верховный военачальник приглядывался к нему, потом, как раз когда Гамадан прицелился снять кисточкой пепел с бороды Энлиля, решительно шагнул к нему и крикнул:

– Что делаешь, старый дурак?

Гамадан вздрогнул и, вместо бороды мазнув кисточкой кончик носа, оставил там небольшое пятнышко.

Он пробормотал торопливо, боясь промешкать с ответом:

– Я Гамадан, господин.

– Не хочешь ли ты сказать этим, что ты не дурак?

– Да, господин.

– Ты себе на уме и отвечаешь, словно продувной финикиец. Ты халдей?

– В крови нашего рода нет и примеси крови иноплеменников.

– Так ты халдей?

– Да, господин.

– Ты за царя или против него?

Нежданный вопрос привел Гамадана в замешательство, и он растерянно уставился на гостя.

Собравшись с мыслями, он уже готов был ответить, что за царя, но его опередил новый резкий вопрос воина:

– За персидского или халдейского?

– Ты подобен урагану, господин. – наконец обрел дар речи старик, – ты вырываешь из меня слова вместе с языком. Ты стремителен, словно орел, и, конечно, отважен, как лев. Если бы я был его величество царь Валтасар, я бы сделал тебя своим верховным военачальником.

– А если б ты был его величество персидский царь Кир? – наседал на него воин.

– Заклинаю тебя семью демонами, господин, – вскипел Гамадан, – наш род сердцем предан родине, а сам я сражался в армии Навуходоносора. Брат мой, да славится его доблесть в стране богов, погиб во время мятежа аммонитян. Мой племянник верой и правдой служил у Набусардара, прекрасного полководца вавилонской армии.

– Попадись в мои руки бич, – нахмурился военачальник, – ты получил бы не меньше десяти ударов. Разве о войне подобает говорить «прекрасный», словно о капризной девице? Скажи лучше – сурового, жестокого или храброго и доблестного полководца. А то – «прекрасный»!.. – недовольно заключил он.

– Ох, господин, – смиренно ответил Гамадан, взывая к его рассудку. – С меня довольно тех ударов, которые я терплю по милости судьбы.

Набусардар окинул взглядом жалкое одеяние старика и через прореху в рубахе заметил волдыри солнечных ожогов. Гамадан прижимал к себе фигурку Энлиля, ища его заступничества.

– Что это ты держишь?

– Бога, который создал меня, – ответил старик.

– Бога, который создал тебя? – расхохотался Набусардар. – Бога, которого создал ты, дурень. До каких пор халдейский люд будет тратить время на идолов и поклоняться дереву и камню?

– Да покарают тебя боги! Ты оскорбляешь создателя мира, который избрал своим приютом глиняную хижину бедного Гамадана. Или тебе хочется, чтобы на царство обрушилось несчастье? Хочется, чтобы Энлиль обнажил смертоносный меч и убил тебя тут же на месте?

– Да, я хочу сразиться с ним! – вскричал воин и энергично сжал рукоять меча. – Я хочу померяться с ним силой, – насмешливо улыбнулся он и шагнул к фигурке бога.

Он взмахнул мечом.

– Остановись, господин, если не хочешь, чтобы Энлиль в ту же минуту поразил твое тело проказой! Но голова идола уже отлетела далеко в траву. Гамадан запричитал:

– Несчастье постигнет Вавилон, господин. Всесильный Энлиль отвернется от этого города за то, что ты надругался над ним.

– Перестань хныкать, от этого у меня вскипает кровь, и я не ручаюсь за силу, которой наливается рука. Я прихожу в ярость, когда вижу, до чего дошли мужчины Вавилонии. За последние двадцать лет после смерти Навуходоносора вы изнежились, как вавилонские кошки. Вы не мужчины, а тряпки. Если враги нападут на царство, лишь немногие из вас смогут сражаться, остальные разбегутся, как твои куры при виде моей колесницы.

– Ну нет, – загорячился Гамадан, – халдеи не раз доказывали, что никто в мире не сравнится с ними в доблести и в любви к родине. Пусть Вавилон прикажет – и ты убедишься в этом.

– А разве Вавилон не приказал уже переловить персидских шпионов и истребить их, как собак, без суда и приговора?

– Приказал, господин.

– А вы? Укрываете их в своих лачугах и слушаете их кощунственные речи против царя.

– Верно, они здесь шныряют, как собаки, но мой дом обходят стороной, так как им известно, что я предан его величеству дарю Валтасару телом и душой. Разве я веду себя не так, как подобает халдею?

– Этого мало, Гамадан, – возразил полководец. – Ты обязан заманить их в ловушку, а потом выдать властям. Этого ждет от тебя родина.

– Мне не расположить их к себе. Они знают здесь всех. Они не осмелятся зайти в мой дом, сочтут отравленным мой хлеб. Как еще я могу их заманить?

– Нет ли в твоём доме женщины? Это лучшая приманка для пришлых солдат.

Гамадан задрожал. Нанаи – его единственная радость, неужели швырнуть её персидским собакам?! Он представил её себе среди деревьев в Оливковой роще, а с нею рядом её белых овец. Порхают птицы и бабочки, и она провожает их взглядом, с улыбкой, подобной медоносным цветам. Нет, не может он пожертвовать ею.

Он припал к стопам воина.

– Лучше убей меня, как паршивую тварь, но не требуй непосильных жертв! Это убьёт мое старое сердце.

– Ты говоришь о жене или о дочери?

– Жены у меня уже нет. По зову великого Сина она перешла по водам Евфрата в рай.

– Значит, о дочери?

– Сжался, – умолял он, припав губами к ногам полководца, – будь милостив, коль ты не бог и не царь. Будь милостив! Я знаю, тебе надлежит воздать почести, и я воздаю их тебе. Хотя ты переоделся, я угадал в тебе военачальника из тайной службы. Но будь же милосерден!

– Речь идет об отечестве, Гамадан, и многие убеждены, что оно в опасности. Если разразится война, она унесет тысячи лучших сынов Вавилонии. Выдержит ли это твоё старое сердце? Заменит ли даже тысяча женщин одного хорошего воина? Я же требую от тебя всего одну-единственную.

– Это выше моих сил, господин. – И Гамадан покорно склонил голову, стоя голыми коленями на раскаленном песке.

– Встань, Гамадан, – решительно приказал Набусардар. – Если ты служил в армии Навуходоносора, то знаешь, что такое мужчина, и тебе надлежит знать также, как поступить, когда царь требует от тебя действий. Если через две недели ты известишь меня в Вавилоне, что тебе удалось поймать соглядатаев варварской страны, его величество царь Валтасар пожалует тебя слитком золота величиной с твоего Энлиля, которого я обезглавил.

Не подымаясь с колен, старик смотрел полководцу в лицо. Острие Набусардарова клинка ослепительно сверкало на солнце. Гамадан помнил, что закон требует казнить каждого, кто ослушается царского приказа... Он стиснул зубы, чтобы не проронить ни слова, которое могло стать последним в жизни.

Набусардар застегнул нагрудник, укрепил меч на ремне, перекинутом через плечо, и добавил:

– Итак, ты передашь с кем-нибудь или сообщишь сам. Лично мне. Вытащив из потайного кармашка на поясе золотую цепь, он бросил её к ногам Гамадана.

– Отдай это своей дочери за утрату чистоты.

– Кто же ты, господин? – еле выговорил старик.

– Сохрани это в тайне, если тебе дорога жизнь, – строго ответил ему воин, – я Набусардар, верховный военачальник армии его величества царя Валтасара.

– Смилюйтесь, великие боги! – И Гамадан пал ниц.

– Разве я бог, что ты поклоняешься мне?

– Живи вечно, непобедимый Набусардар, и да предаст забвению Энлиль твое кощунство и то, что ты накликал беду на дом бедного Гамадана.

– Довольно причитать! К тому же мы в Вавилоне поклоняемся Мардуку, а не Энлилю. – Он сказал это с явной иронией в голосе.

– Да хранит тебя Мардук и да сопутствует твоему войску удача! Через две недели я доставлю тебе в Вавилон весть о персидских шпионах. А от моей дочери – да будет тебе известно, что чистотой она превосходит облака, изливающиеся на нас благословенным дождем и красотой – священных голубей в кущах божественной Иштар, – прими благодарность за твой подарок.

Гамадан был не в силах продолжать, у него перехватило горло и губы шевелились беззвучно. Помутневшим взором он вглядывался в горизонт и перебирал в руках золотую цепь – награду для Нанаи за ее позор.

Полководец обогнул хижину, направляясь к своей колеснице.

– Живи вечно! – напутствовал его Гамадан. Прощаясь с Набусардаром, он выронил драгоценный подарок, который со звоном упал к его ногам. Вид золота не приносил успокоения, а мысль, что нежной и милой Нанаи суждено стать приманкой для варварских солдат, была невыносимой. Для того ли Иштар создала ее такой красавицей, чтобы над ней надругались паршивые персы? Или нет у царя многотысячной армии, способной отстоять Вавилон, и Халдейское царство должна спасти дочь Гамадана? Разве допустил бы Навуходоносор, чтобы честь его армии защищала женщина?

После долгих раздумий он прошептал:

– Этого требует от тебя, Гамадан, не родина, а слабый царь и его обабившаяся армия, растерявшая последние крупницы воинственного пыла. Законы Вавилонии призваны защищать от насилий, но одно слово царя отменяет решения суда и все законы. А воспротивишься – тебе пригрозят отсечь голову за неповиновение. И нет законов против насилий, чинимых царем.

За такие слова Гамадана ждала смертная казнь. Но он не думал о себе. Перед его взором была только Нанаи, бродившая со своим стадом где-то в Оливковой роще, не предчувствуя ничего дурного.

Она не знала, что именно в этот миг во дворе ее отца Набусардар разворачивает свою колесницу. Не знала, что он купил ее за золотую цепь, какими забиты подвалы царского дворца в Вавилоне. Не подозревала, что в последний раз свободно дышит этим воздухом и протягивает руки к бабочке, к высокому небу, которое в эту пору сияло, как и ее глаза, бездонной синевою.

Такой мысленно видел ее и Гамадан, когда лошади стремительно вынесли Набусардара со двора. Под грохот колес старик в знак печали рванул на себе холщовую рубаху от ворота до самого пояса: в душе его боролись протест и сознание собственной беспомощности. Так и стоял он на коленях, покуда вдали не замолк на пыльной дороге стук колесницы.

Колеса военной повозки Набусардара вздымали клубы пыли. Песок хрустел под копытами лошадей, которые, точно вихрь из арабской пустыни, бешено неслись по дорогам и, разъяренные зноем, высоко вскидывали передние ноги.

Металлический шлем на голова полководца впивался в кожу раскаленным обручем.

Язык прилип к гортани, губы казались устьем адской печи. Он истосковался по воде,

жаждал хотя бы глотка влаги; но тело пронзали одни лишь палящие лучи, и солнце пышело зноем жаровни.

Полководец объехал несколько дворов в Деревне Золотых Колосьев, завернул в две соседние деревни и в поселок на пути. Он не встретил ни одного из этих хитрых персов, поездка была напрасной. Повсюду он слышал то же, что и от Гамадана – или что они бродят здесь стаями, как собаки, или что не осмеливаются даже показываться на глаза. Но среди деревенского люда встречались и такие, которые явно что-то скрывали и, призывая в свидетели всех золотых, серебряных, бронзовых и деревянных богов Вавилонии, клялись, что они не только не видели, но даже и слышать не слышали ни о каких персах. Эти внушали подозрения. Набусардар был уверен, что больше всех запираются те, кто в душе ждет спасения от Кира, царя персидского, царя мидийского, царя лидийского, в своем тщеславии уже считающего себя будущим повелителем могучего и великого Халдейского царства.

Набусардар насмешливо повторил вслух:

– Кир, будущий повелитель могучего и великого Халдейского царства!

Он хлестнул лошадей по лоснящимся спинам и расхохотался прямо в лицо огнедышащему солнцу, громко и вызывающе. Эхо покатило за отлогие каменистые холмы, покрытые редким кустарником, до самого горизонта. Мысль о Кире вызывала в нем все новые приступы смеха, в котором находили выход душившие его ярость и сознание собственного бессилия.

Через две недели царь созывает государственный совет, который решит – считать ли, что персы угрожают существованию и величию Вавилона, или объявить растущую мощь Кира, покорившего все соседние народы, плодом больного воображения варвара, одержимого военным безумием.

Набусардар хочет внушить совету, что при всем могуществе Халдейского царства необходимы меры предосторожности против обнаглевшего персидского шакала, чтобы он не сеял смуту среди халдейского люда. Иначе халдеи, чего доброго, поддержат Кира, видя в нем долгожданного избавителя от власти жрецов и царя, и обратят оружие против столицы Вавилонии, от которой они терпят наибольшие притеснения. Народ жаждет свободы, хлеба, хочет иметь землю, права. Все это сулят ему персидские смутьяны, которых надо гнать из царства и закрыть им доступ в него. Набусардар уже предлагал царю разместить по стране военные отряды для защиты ее от опасности. Царь было согласился, но жрецы вавилонского Храмового Города, жрецы Эсагилы, противятся этому; по их мнению, вполне достаточно защиты бога Мардука. Они призывают народ усерднее жертвовать богам и тем избежать новых поборов на содержание воинских постоев. Набусардару давно известно, что жрецы настроены против него. Что ж, вскоре они узнают, что и он против них. Довольно терпеть их подлости, скрывать свою ненависть к ним. Либо они, либо он. Падут они – победит Вавилония. Падет он – победит Кир, персидский волк.

Эсагила ослеплена жадностью. Символом ее веры стало накопление сокровищ в подвалах и башнях Храмового Города. Ради обогащения она не брезгует ничем и, как никто, грешит, прикрываясь именем богов. Вместо любви и блага она плодит пороки. Призванная сеять жизнь, она повсюду сеет смерть. Халдейский люд задыхается под бременем поборов. По ее прихоти лучшие сыны Вавилонии гибнут на рытье каналов. По ее приказу чужеземцы бесчестят будущих матерей Вавилонии. А она называет это волей великих и мудрых богов. Едва кто-нибудь станет на пути Эсагилы, жрецы заявляют, что великий Мардук, верховный бог Вавилона, жаждет испить его крови. Жрец пронзает обреченному глотку на жертвенном алтаре, и тот уже убран с дороги. Имущество покойного отходит храму. Народу объявят, что создателя мира умилоствивила эта жертва. Но может ли бог, творец всего живого, требовать смерти безвинных? Это делается для того, чтобы обирать народ и умножать мощь Эсагилы. Жрецы поэтому и не соглашаются на рассылку по стране сторожевых отрядов, им неохота раскошелиться на

их содержание. А народу они твердят, что Вавилония – владение богов, и потому нет причин для опасений, боги, мол, не допустят, чтобы их собственностью завладел чужой. Изнеженная вавилонская знать считает этот довод Храмового Города неопровержимым. Она верит жрецам и валом валит в святилище Мардука – Эсагилу, заваливая его алтари бесценными жертвоприношениями и дарами. Жрецы потом тайно уносят их в каменные подвалы храмов.

Царь сумасбродничает, среди сановников разлад, и верховный военачальник армии бессилён вбить в головы вельможам мысль об опасности, которой надо противопоставить военную мощь, а не жертвоприношения богам.

Решение совета во многом зависит от того, сумеет ли Гамадан или кто другой поймать персидских шпионов. Если да, то, возможно, удастся убедить хотя бы сановников и привлечь на свою сторону большинство против Эсагилы. Другого исхода нет – иначе могущественнейшей державе мира конец.

Гамадану он обещал большую награду. Царь, конечно, не откажет ему в этом, он соглашается со всем, что делает Набусардар. Ведь Набусардар не только верховный военачальник его армии, но и советчик царя; правда, эту роль должны бы исполнять жрецы, однако царь доверяет Набусардару больше, чем кому бы то ни было. Валтасар ни во что не ставит жрецов, хотя сам является смиренным служителем богов. Он сын богов, их наместник на земле и, мол, не нуждается в посредничестве жрецов. Он верит, что сами боги наделили мудростью его державную голову и что мудрость, которой отмечен он, боги не посылают простым смертным.

То, что царь Валтасар лишил жрецов своей милости и не стал их орудием, как его отец, царь Набонид, облегчает задачу Набусардара. Однако поединок царя с Эсагилой еще не выигран, и сила жречества по-прежнему несокрушима.

Эсагила не желала понимать, что интересы государства важнее бездушных идолов. Что борьба за золото между жрецами святилища Мардука, семиэтажной башни Этеменанки, и царским городом должна отступить на задний план, когда державе грозит опасность извне. Всем, кто населяет земли меж Тигром и Евфратом, надо теперь сплотиться и покончить с недоразумениями, которые сеют в стране междоусобицы. И только наиболее влиятельная часть жителей Вавилонии, могущественные и жестокие жрецы не желают этого понять.

Нет сомнения в том, что Кир, завоевав Мидию и Лидию, нападет и на Халдейское царство со столицей Вавилоном, потому что его разумом завладел чудовищный план – объединить под своей властью все народы Азии.

– Под своей властью, – засмеялся Набусардар, – Кир – владыка мира!

В раскатах смеха клокочет гнев и злость. Этот резкий, иступленный хохот подобен яростному галопу его коней и мыслей.

Жрецы уверяют народ, что Халдейское царство несокрушимо и что у Кира не останется дерзости пойти войной на его богов! Уже теперь видно, как Кир страшится Вавилона и его богов! Лидия в свое время заключила с Вавилоном договор о взаимной помощи, а Кир захватил Лидию, и договор с Вавилоном не остановил его.

Жрецы твердят народу, что Халдейское царство, связанное соглашением с Египтом, в случае опасности может рассчитывать на помощь фараона. Однако и Иерусалим имел соглашение с Египтом, Фараон же направил свою армию только тогда, когда от Иерусалима не осталось камня на камне. Да и кто поверит Египту и его лукавым правителям?

Жрецам не мешало бы знать, что Вавилония лишь тогда будет несокрушимой, когда сможет опереться на военную силу.

Размышляя таким образом под ровный бег скакунов, Набусардар поймал себя на мысли, что его ненависть к Эсагиле и ее жрецам ничуть не меньше ненависти к Киру.

Думы и солнце томили его.

Пыль забивала глаза и рот, и когда он в ярости стискивал зубы, на них скрипел песок. От слепящих солнечных лучей туманилось зрение. После долгого стояния затекли ноги. Спина и грудь изнывали под кожаным нагрудником, предохранявшим от смертоносного удара мечом. Голова разламывалась под металлическим шлемом.

Закаленный воин, он не роптал, но в душе ему не терпелось поскорее добраться до места, где вдоль берегов Евфрата простирались рощи и где он мог в тени густых деревьев дать желанный отдых себе и лошадям.

* * *

На всем пространстве, куда хватает глаз, волной колыхается золото хлебов, суля обильный урожай и полные закрома зерна, ценностью своей не уступающего красивейшим дорогим камням в кладовых Этеменанки. Тихий шорох колосьев напоминал нежный говор воды, которая лилась из львиных пастей в бассейны на площадях Вавилона. Лет птиц над необозримыми полями вызывал ощущение непрерывного бега жизни самого могущественного в мире народа.

За безбрежными полями волнующихся хлебов раскинулись поля кунжута и чечевицы. Рядами тянулись полосы льна, бахчи с дынями и арбузами. На темени холмов росли отборные сорта винограда. Плантации белых и красных роз наполняли окрестности нежным благоуханием.

У границ Аравийской пустыни, где кончалась благодатная сеть оросительных каналов, луга и пастбища перемежались рощами и стройными рядами миндальных деревьев. В дни Таммуза, бога плодородной весны, весь этот край утопает в цветах, подобно райским кущам, воздух настоян на ароматах роз и будит изначальное беспокойство в крови людей.

К этим рощам спешил усталый Набусардар, который с восхода солнца объезжал деревни вдоль русла Евфрата, отражающего в своих водах гигантские пальмы, униженные гроздьями тяжелых, блестящих фиников.

Лошади, приметивши их зелень, перешли на стремительный галоп и остановились, только попав в тень деревьев.

Набусардар не тотчас спрыгнул с колесницы. Предварительно он со своего возвышения окинул внимательным взглядом окрестности. Не снял он и шлема с головы. И кожаного нагрудника не расстегнул из предосторожности – вдруг кто-то подстерегает его здесь с недобрыми умыслами.

Только убедившись, что в лесу все мирно, он облегченно перевел дух и намотал вожжи на металлический щиток передка колесницы, на котором была запечатлена битва великого Навуходоносора под стенами Тира.

Приподняв шлем, он вытер пот и снова водрузил шлем на голову. Это был обычный

солдатский шлем, вместо пышного султана украшенный лишь металлическим гребнем.

Отстегнув наколенники, Набусардар положил их на дно колесницы. Кожа под ними сопрела докрасна. Как было бы приятно смазать ее, чтобы унять боль! Он представил себе нежные ладони девушки, в вавилонском дворце натиравшей его после ванны благовонными маслами, но тотчас прогнал это видение, чтобы оно не мешало мыслям о его нелегких обязанностях.

Он сбросил с себя доходящий до бедер нагрудник, сплетенный из ремней. Затем отлепил от тела мокрую сорочку.

Освободился и от металлического пояса, за которым торчал короткий кинжал. Оставался еще перекинутый через плечо, покрытый пластинками из бронзы ремень, поддерживающий меч. И хотя меч был тяжелый, он не снял его и даже положил руку на эфес, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Так стоял он в колеснице и, пока лошади жадно щипали траву, оглядывал окрестности и невольно думал о Вавилоне.

Он думал об армии царя Валтасара и сравнивал ее с военной мощью персидского царя Кира. Прикидывал в уме, сколько воинов может выставить Персия и сколько Халдейское царство. Он был погружен в расчеты, но, не имея при себе глиняной дощечки и резца, все время сбивался: не успев прикинуть численность одной армии, забывал число воинов в другой.

Тогда он вытащил меч и острым концом стал чертить цифры на дне колесницы. Число вавилонских воинов оказалось столь велико, что подобной армии не могло выставить ни одно из соседних государств.

В итоге Набусардар убежденно произнес:

– Нет, Кир, ты падешь. Ты разобьешь свои крылья о стены Вавилона, как безрассудный орел разбивает крылья об ассирийские скалы. Не забывай, все имеет свое начало и конец.

Подошвой сандалии он стер написанные на дне кузова цифры, чтобы они не попали в руки врага, если на него вдруг нападут персидские шпионы.

В ту же минуту он почувствовал страшный голод, от которого у него свело желудок. Ведь с той поры, как он выехал за ворота столицы, у него крохи не было во рту. Позабыв обо всем, он целый день лихорадочно гонялся за лазутчиками неприятеля.

У него были с собой еда и питье с кухни дома командования армии. Но в полдень, собираясь поесть, он сперва бросил кусок своему псу, вертевшемуся у его ног. В последнее время этот пес был его единственным другом. Его верность Набусардар ставил людям в пример.

Он бросил ему лепешку со словами:

– Ты вернейший из верных, а поскольку и я принадлежу к тем, кто не раз нарушал обет верности, то, следовательно, за тобой право насытиться первым.

Изголодавшийся пес накинулся на еду и мигом проглотил ее.

Затем полководец отлил собаке немного питья в пустой кожаный мех, которым по пути черпают воду в колодцах.

Пес уткнул в него морду и принялся так жадно лакать, что Набусардар не мог отвести от него глаз. Наконец он вылизал все до капли, вытащил голову из меха и благодарно

взглянул на хозяина. Но внезапно заскулил, тело его пронизало дрожью, и он рухнул на песок.

– Отравился! – в ужасе вскричал Набусардар.

Стоило ему первым отведать еды и питья, и он беспомощно рухнул бы здесь в ожидании смерти. Кто хотел его гибели? Конечно, Эсагила, которая боится войны и надеется избежать ее, убрав верховного военачальника царских войск! О его поездке не знал никто, кроме Сан-Урри, помощника верховного военачальника. Как раз этой ночью тот посетил верховного жреца Исме-Адада. Не жрецам ли Эсагила он обязан этой едой и питьем, с помощью которых она спроваживает негодные ей души в царство теней, в страну без возврата? Выходит, Сан-Урри состоит в сговоре с жрецами, надо быть начеку!

По возвращении в Вавилон он тотчас втихомолку все расследует. Собрав улики, он обвинит его перед царем, а слово царя – закон и для Эсагила. Валтасар объявил ей тайную войну, и этот случай еще больше распалит его ненависть. Он отомстит Сан-Урри за измену, закует его в тяжелые оковы и заточит в темнице монаршего дворца, где тот никогда уже не увидит солнца, заживо погребенный в гнилостной вони.

Изменник заслужил такую кару.

Он погладил пса по голове и засыпал его песком.

Тяжко было расставаться с ним, сердце Набусардара наполнилось горечью, словно он хоронил близкого человека. Набусардар решил, что велит поставить на этом месте камень и высечь на нем изображение собаки и надпись: «Вернейший из верных». Пускай этот камень стоит тут во веки веков и напоминает человеку о том, что позволил собаке превзойти себя в преданности.

Он простился с последним из живых, кто в могущественном Халдейском царстве не был способен на измену, вскочил в колесницу и погнал лошадей. Предельно усталый, он домчал до прохладной Оливковой рощи, где опять почувствовал мучительный голод.

На другом краю рощи пастухи играли на лютнях.

Едва он собрался подойти к пастухам, как на холме, прямо перед ним, точно белое облачко, появилось стадо овец, и с ними девушка, тоже вся в белом.

С ее появлением пастухи заиграли громче и веселее. Двое из них перебирали струны лютни, а один выводил мелодию на свирели – протяжно и задумчиво. Свирель пела о любви. Любви безнадежной, мучительной, безответной.

Девушка, прикрыв глаза от солнца рукой, смотрела на музыкантов. Она слушала молча, окруженная своими овцами.

Кончив играть, пастухи поклонились, словно благодаря ее за внимание.

Музыка уже смолкла, но девушка продолжала все так же пристально смотреть на них из-под руки. Однако стоило глянуть ей в лицо, чтобы понять, что, хотя взор ее был устремлен на пастухов, мысли блуждали далеко отсюда. В этот миг она шла по улицам Вавилона и искала того, кто овладел ее чувствами. Мысленно она останавливалась перед воротами прекрасных, величественных зданий и ждала, когда выйдет он и бросит на нее хотя бы мимолетный взгляд. К лицу ее прихлынула кровь, так как в этот момент он вышел и, глядя в ее большие синие глаза, с поклоном приближался к ней.

Залившись румянцем, словно русло реки водой, она стояла и готовилась встретить его улыбкой.

Она думала о Набусардаре, о котором грезит не только она, но все девушки по берегам Евфрата и Тигра. Они гадают при лунном свете и молятся Иштар, чтобы та приворожила его, чтобы он заметил их девичью красу. Кто знает, как поступят великие боги – ведь трудно удовлетворить всех. Пусть боги решают, как им угодно, только бы Набусардар, ее повелитель, выбрал ее.

Ее, прекрасную Нанаи, дочь Гамадана.

Поэтому она и мечтает о Вавилоне. Поэтому по ночам, когда высоко в небе сверкают звезды, уста ее шевелятся во мраке. Они взволнованно шепчут название великого города.

Нанаи глубоко вздохнула, опустила руку и поняла, что пастухи ждут ее благодарности. Она кивнула головой и улыбнулась.

От группы юношей отделился статный мужчина, персидский купец, восторженно глядя на дочь Гамадана.

В облике его было что-то от святого, однако взгляд у него был исполнен страсти и внутренней силы. Звали его Устига.

Она затрепетала, потому что его взгляд уже не впервые останавливался на ней.

С пастухами сидел и двоюродный брат Нанаи Сурма. Он не раз говорил ей, что персидский купец втайне питает к ней нежные чувства. Они часто пели и играли для нее, но одну песню всегда исполняли по просьбе чужеземца.

И на этот раз, когда Устига поднялся, заглядевшись на Нанаи, Сурма дал знак остальным и, перебирая струны, запел ту самую любовную песню:

– «Твоими глазами смотрят сами боги, так пусть же твой взгляд упадет на меня, словно взор милостивых богов, услышавших мою мольбу.

Твоими устами шепчет сама небесная Иштар. Так подай же мне знак, о чудо доброты, что ты снизошла к моим мольбам, чтобы в первый день весны я мог с надеждой ждать твоей любви.

В тебе сокрыты сладостные источники жизни, позволь же, сладчайшая, вместе с богами пригубить от них, иначе я погибну от неутоленной жажды, тщетно отыскивая по твоим следам дорогу к тебе».

Нанаи слушала Сурму и повторяла про себя слова песни. Но в мечтах была далеко – с верховным военачальником царских войск, а не с персидским купцом. Она не могла думать больше ни о ком и потому вслед за овцами стала спускаться по склону к лугу перед Оливковой рощей. Она нарочно направилась сюда, чтобы укрыться от взглядов певцов.

Когда Набусардар увидел ее, он все еще думал об отравленной собаке. Заметив, что белоснежная фигурка девушки в окружении белых овец приближается к нему, он отвлекся от своих мрачных мыслей.

Подняв брошенный на дно колесницы пояс, он надел его и сунул за пояс кинжал. Приладил кованые наколенники, поправил шлем и ремень, поддерживающий меч. После этого, соскочил с колесницы и стал ждать, когда девушка подойдет поближе.

Нанаи остановилась и, снова заслонившись ладонью от солнца, стала разглядывать воина.

Издали ему не удавалось рассмотреть ее черты, но само ее появление на этом пастбище

представлялось ему либо чудом, либо новым коварным ходом врагов, так как он отказывался верить своим глазам: солнце играло на бронзово-черных волосах Нанаи, то отливавших медью, то отсвечивавших багрянцем заката, менявших оттенки словно по волшебству. Распущенные по плечам, они напоминали ему и змей, и кристально-прозрачные ручейки, сбегаящие весной со склонов.

Полководец сделал шаг навстречу ей, но не решился оставить колесницу и лошадей из опасения, что все это подстроено кем-то, кто только и ждет удобного момента, чтобы внезапно напасть на него. Он отступил назад, не отрывая глаз от овец и чудесной пастушки.

Нанаи загнала овец под деревья, подождала, пока они мирно расположились в тени, и потом без колебаний подошла к военачальнику, которого приняла за простого солдата.

– Будь счастлив, воин, – поздоровалась она и тотчас спросила, не из Вавилона ли он.

– Из Вавилона, – ответил Набусардар.

– Ты служишь в войске его величества царя Валтасара?

– Да.

– Ты отдыхаешь или поджидаешь в засаде шпионов? Последняя фраза озадачила его. Как она догадалась, что он разыскивает шпионов? Поэтому он постарался скрыть правду.

– Нет. Я ездил с тайным поручением в Сиппар и теперь возвращаюсь.

– В Вавилон?

– Да.

– Ты не голоден?

Сильнее молнии в пустыне поразил его этот новый вопрос. Она словно читала его мысли. Но хотя у него от голода сводило желудок, он сквозь стиснутые зубы процедил:

– Нет, я не голоден, благодарю тебя.

– Солдаты в дороге всегда хотят есть, – улыбнулось ему она и достала из плетеной сумы горсть ароматных лепешек. – Возьми, – предложила она. – Они вкусные. Сам царь Валтас не пробовал таких. Лишь жрецы Эсагилы угощаются ими, потому что ставят себя выше царя.

Он не взял лепешек.

Упоминание об Эсагиле пронзило его с головы до пят. В глазах встал образ погребенного пса. Что, если и эти лепешки отравлены? Если это новое средство лишить его жизни? А сама девушка – не тайное ли орудие жрецов?

Впрочем, он может ее испытать.

– Значит, лепешки – одна из тайн кухни жрецов?

– Представь себе, – засмеялась она, – представь себе, самой Эсагилы!

– Как же такой секрет стал известен тебе?

– А ты думаешь, что только жрецы владеют искусством проникать в чужие тайны? Эти лепешки вкусны сами по себе, но мне они кажутся еще вкусней оттого, что способ их

приготовления украден у жрецов. Если б я не боялась кары жрецов, то расхохоталась бы от радости.

– И мне бы хотелось посмеяться над этой украденной тайной. Ты даже представить себе не можешь, как бы мне этого хотелось, но...

Она с любопытством взглянула на него огромными синими глазами.

– Но я тоже боюсь, – продолжал военачальник, – как бы меня не покарала боги.

– Каким образом?

– Мгновенной смертью, если лепешки окажутся отравленными.

Она рассмеялась серебристым, переливчатым смехом, но тут же стала серьезной.

– Этого тебе нечего опасаться, потому что лепешки пекли не пекари Эсагилы. Тот, кто их готовил, ненавидит Эсагилу всем сердцем. Он пек их для меня, чтобы доставить мне радость, пек для жизни, а не для смерти.

Она задумалась и добавила еще серьезнее:

– Теперь ты понимаешь, солдат? Не бойся и спокойно съешь их все. Может быть, кому-то и нужно, чтобы ты никогда не вернулся из своей поездки. Но мне нет дела до посольских тайн, которые вы развозите на глиняных табличках из Вавилона во все концы страны и света. Если бы ты умел читать в моем сердце, ты понял бы, как мне важно, чтобы ты жил. Теперь в свою очередь удивился Набусардар.

– Тебя это удивляет, – продолжала она, – но сначала поешь, а потом я тебя кое о чем попрошу. Ты мог бы в Вавилоне выполнить одну мою просьбу.

Она мечтательно вздохнула при этих словах.

Предложив ему сесть на траву под деревьями, Нанаи высыпала в подол его солдатской рубахи целую корзинку ароматных лепешек и придвинула к его ногам глиняный кувшин с козьим молоком. Она давала ему понять, что он может запить еду молоком, а чтобы он не боялся яда, взяла себе две лепешки и отхлебнула молока.

Не желая беспокоить его во время еды, она достала из сумы глиняную табличку и принялась чертить по ней металлическим резцом.

На диво искусной рукой она взрезала глину, умело выводя изображение священного быка. Едва приступив к этому занятию, она сразу же увлеклась им; ее щеки то розовели, то бледнели; глаза то разгорались, то вдруг, мягко мерцая, угасали.

– Как тебя зовут? – уже приветливее спросил Набусардар.

– А ты не знаешь? – улыбнулась она нежными губами. – Я прекрасная Нанаи и живу в Деревне Золотых Колосьев.

– А кто твои родители?

– Мою мать, которую призвал за воды Евфрата величественный Син, звали Дагар, моего отца, брата казненного после битвы с аммонитянами, мужественного Синиба, зовут...

– Постой, Нанаи, – прервал ее Набусардар, – достойный Синиб был твоим дядей? Да славится его доблестное имя.

– Мужественный Синиб был моим дядей. Он получил от царя высокий титул и отстраивал

для себя в Деревне Золотых Колосьев новый богатый дом, когда завистливые жрецы приговорили его к смерти. Да будут милостивы к нему боги, в царстве теней. С той поры наш народ ненавидит слугителей великого Мардука в Эсагиле. Мы верим в Энлиля, в его доброту, мы верим, что Энлиль, сотворивший мир, покарает Эсагилу.

Во время ее рассказа Набусардару припомнился долгий спор. После которого солдат Синиб был приговорен к смерти. Сначала за заслуги его произвели в военачальники, а царь Набонид, отец царя Валтасара, обещал ему благородный титул за усмирение аммонитян. С одним отрядом он водворил на их земле порядок и вернулся победителем. К несчастью для Синиба, в пылу битвы была утеряна эмблема его отряда, что, впрочем означало для воина лишь пропажу палки из черного дерева, один конец которой был украшен изображением Мардука с орлиными крыльями. Но закон карал за это смертью. Потеря воинской эмблемы считалась самым тяжким проступком, и только слово царя могло его спасти. Царь Набонид наградил Синиба, возвел его в благородное звание, однако Эсагила, боявшаяся возвышения Синиба, повела против него интригу среди судивших его. В конце концов она добилась того, что Синиба, который одержал немало побед над врагами Вавилонии, все-таки приговорили к смертной казни: ему влили в горло расплавленный свинец.

При этом воспоминании кровь закипела у Набусардара в жилах, он невольно сжал рукоять меча, словно намереваясь схватиться с заклятым врагом. Но тут же овладел собой и, чтобы скрыть волнение, сказал:

– Я уже не боюсь, что съел отравленные лепешки. Я рад, что Эсагила лишилась, по крайней мере, одного из своих секретов. Жрецы не доверяют его даже царю, а я наполнил им свой желудок.

Она внимательно слушала его, полураскрыв рот, мигая длинными, густыми ресницами.

– Живи вечно, прекрасная Нанаи, да исполнят боги твои мечты.

– Я хочу кое о чем попросить тебя, солдат.

– В самом деле, ты говорила о каком-то поручении в Вавилоне.

– Ради этого я и угостила тебя лепешками. Она склонила голову и принялась смущенно подравнивать резцом изображение священного быка на глиняной табличке. Сердце у нее сжалось, а мысли смешались. Ей надо было собраться с духом, прежде чем начать говорить. Но при первом же слове она от волнения уронила резец.

– Знаешь ли ты, солдат, Набусардара, верховного военачальника царской армии?

Набусардару, чтобы не выдать себя и спокойно ответить на ошеломивший его вопрос Нанаи, пришлось немного помедлить.

– Знаю. Я ведь служу в дворцовом отряде и вижу его каждый день, – нашелся он.

– У тебя хватит терпения выслушать меня?

– Лошадям все равно нужен отдых после долгого пути, а других дел у меня нет. Говори.

Он произнес это подчеркнуто спокойно, хотя сам сгорал от любопытства, рассчитывая узнать нечто важное о персидских шпионах. Возможно, красота Нанаи привлекла кого-нибудь из них, и эта сметливая девушка постаралась выудить из него ценные военные сведения.

– Я буду рассказывать тебе, солдат, раз ты служишь у непобедимого Набусардара, верховного военачальника его величества царя Валтасара. Я буду рассказывать тебе, а

ты слушай.

И Нанаи начала говорить. Она обхватила колени руками, а большим пальцем правой ноги принялась ковырять в земле ямки; щеки девушки при этом пылали ярким румянцем, а глаза старательно избегали взгляда того, кто жадно ловил ее слова.

– Женщины с берегов Евфрата и Тигра каждый день обращают свои взоры в сторону Вавилона. Изю дня в день глядят они в сторону Вавилона, а вечерами поджидают войска, возвращающиеся с учений. Перед сном они тайно думают о Вавилоне и скрывают румянец, выступающий на щеках от этих мыслей. А ночами шепчут во сне: «Вавилон, Вавилон», – и ждут, что звезды, в образе которых являются боги, исполнят их мечты. По утрам они пробуждаются, обманутые в своих надеждах, но, даже в тысячный раз испытав разочарование, продолжают мечтать. Целый день работают они с песней надежды на устах, и сердца их изнывают по Вавилону, потому что там пребывает он. Они ждут и надеются, что однажды, проходя со своим войском через страну, он выберет одну из них. Он, воздвигнувший дворец с золотой башней. Он, опоясанный золотым мечом. Он, сжигающий в своих могучих, пламенных объятиях полчища врагов и надежды женщин. Он – непобедимый и прекрасный, как солнце в голубой бездне полуденного неба. Он – великий Набусардар, первый военачальник его величества царя Валтасара, повелевавший сердцами халдейских женщин так же, как своей армией.

Она на мгновение умолкла и, прежде чем заговорить снова, подняла голову и стыдливо опустила глаза. Только тогда произнесла сокровенное:

– Представь себе, я – одна из этих женщин. И тут же почувствовала, как теплая ладонь опустилась на ее руки, обхватившие колени, услышала свое тихо произнесенное имя.

Она вздрогнула от испуга, а подняв глаза, увидела, что лицо воина ласково обращено к ней и зрачки его расширились, как море, готовое поглотить в безграничном самозабвении всю землю.

– Нанаи, – повторил он, – откуда ты взялась? Я не знаю всех женщин, но ты, бесспорно, прекраснейшая из них, и могучий Набусардар признает тебя достойной своей любви.

Так сказал солдат и спросил, какой же услуги она от него ждет.

Не подозревая, что перед ней сидит сам полководец, она говорила непринужденно, принимая его за солдата. Но потом заметила, что меч висит у него на левом боку, а кинжал – на правом, тогда как обычно солдаты носят их наоборот. Из этого она заключила, что ее собеседник – не простой воин, а военачальник. Тем лучше для нее, тем больше надежды, что ее просьба дойдет до Набусардара.

Она обратила его внимание на непривычное положение меча и кинжала, и такая наблюдательность ему чрезвычайно понравилась. Она не упустила из виду мелочи, о которой позабыл даже он, полководец армии величайшей страны. Не смутившись, Набусардар с улыбкой переместил меч на другую сторону, показывая тем самым, что он не военачальник и лишь второпях при ее приближении надел оружие не по правилам. Но такая перемена ее отнюдь не обрадовала, и, разгадав причину ее разочарования, он заверил, что, даже будучи простым солдатом, он все равно получит доступ к Набусардару, так как состоит его тайным гонцом и везет донесение от наместника Сиппара.

У Нанаи не было причин не верить ему, и она успокоилась.

– Итак, когда ты возвратишься в Вавилон, передай все, все, о чем я тебе рассказывала и о чем я тебе еще расскажу. Скажи, что Нанаи, хранительница стада, хотела бы стать верной хранительницей его жизни. Я хотела бы, чтоб однажды, проходя

со своей армией по нашим местам, он задержался бы здесь и попробовал моих ароматных лепешек.

– Ты приберегла эти лепешки для него? – удивился он.

– А ты думаешь, что пастухи питаются яствами со столов Эсагилы? Их пища – вода и черствые лепешки. Но эти лепешки я берегла для моего господина, чтоб он смог утолить ими свой голод, когда будет проезжать поблизости. Я не боялась, что он откажется от них, ведь таких лепешек не пробовал сам царь.

– Вот видишь, а я их съел у тебя, – произнес он с притворным сожалением.

Она засмеялась.

– Признаюсь, я старалась задобрить тебя, чтоб ты выполнил мою просьбу и рассказал обо мне Непобедимому. По нему тщетно вздыхают многие женщины с берегов священных рек, он же не знает ни об одной. Ты расскажи ему обо мне, скажи, что я приду к нему по первому его зову. Скажи это ему словами песни, которую поют сейчас по всей Вавилонии.

Какое-то странное чувство овладело загрубевшим солдатским сердцем Набусардара, пока он слушал Нанаи.

– Ты знаешь эту песню? – спросила Нанаи. Он не знал, потому что в последнее время избегал сборищ, на которых пьют вино и распевают любовные песни. Заботы о судьбах родины и опасное возвышение Кира занимали его мысли.

Внезапно он вспомнил, как старый Гамадан в отчаянии лобызал его сандалии, когда он приказал ему пожертвовать дочерью, лишь бы заманить этих паршивых персидских собак. «А что, если дочь Гамадана так же мила и прекрасна, как Нанаи, разве не жаль было бы обрекать ее на это?» – мелькнуло у него.

– О чем ты задумался? – тревожно спросила она, заметив, как вдруг омрачилось его лицо. Он спохватился и быстро ответил:

– Я пытаюсь вспомнить, не слышал ли когда-нибудь Песни, о которой ты мне говорила.

– И что же, вспомнил?

– Вероятно, не слышал, потому что ни одной новой песни я не знаю, а старые все позабыл. Я буду рад, если ты споешь ее.

Просьба смутила Нанаи, но он повторил ее, и Нанаи согласилась и встала.

Медленно отойдя к колеснице, она прислонилась к ней спиной, все еще колеблясь.

Не желая смущать ее своим взглядом, Набусардар как бы невзначай взял в руки глиняную табличку. На одной стороне таблички было искусно начертано изображение священного быка, над головой которого сияли три звезды – символ божества. На другой стороне были вырезаны слова песни, которую приготовилась петь Нанаи.

Наконец она начала первую строфу:

– «Твоими глазами смотрят сами боги, так пусть же твой взгляд упадет на меня, как взор милостивых богов, услышавших мою мольбу».

У нее был чистый, прекрасный голос, отвечавший всему ее чистому и невинному облику.

Она запела вторую строфу, обращаясь в сторону уходившей вдаль дороги на Вавилон:

– «Твоими устами шепчет сама небесная Иштар, так подай же мне знак, о чудо доброты, что ты снизошел к моим мольбам, чтоб в первый день весны я могла с надеждой ждать твоей любви».

На глаза у нее навернулись невольные слезы, одна из них покатилась по щеке, сверкая, как жемчуг со дна Персидского залива. Упав ей на грудь, она растаяла в белой ткани ее одежды.

А Нанаи уже пела последнюю строфу:

– «В тебе сокрыты сладостные источники жизни, дозвожь же, сладчайший, вместе с богами пригубить от них, иначе я погибну от неутоленной жажды, тщетно отыскивая по твоим следам дорогу к тебе».

Набусардар, о котором часто говорили, что он тверд, как скала, сегодня не узнавал себя, не понимал причины охватившей его удивительной нежности. Он не раз попирал ногами обнаженные плечи женщин, припадавших к его стопам, а в обществе этой крестьянской девушки ему вдруг захотелось вернуть молодые годы. Или его настроение вызвано чувством бессилия перед Эсагилой? Быть может, вместо отравы в лепешки подмешано колдовское любовное зелье? Но ему некогда было обо всем этом думать, его словно захватило лавиной, что устремляется с высоких горных вершин севера. Он готов был допустить, что все это подстроено, если б только эта девушка искренне не принимала его за простого солдата. Какой же смысл Нанаи обманывать его, если она любит верховного военачальника царских войск, а он выдает себя за простого гонца? Он завоевал ее доверие, а что будет, если вдруг открыться ей? Что, если посадить ее в колесницу и отвезти в один из своих дворцов?

Но он тут же отказался от этого намерения. Любовные приключения не прельщали его. Долг верховного военачальника повелевал думать о другом. Вавилония в опасности. Персидский лев выпускает когти, готовится к прыжку. Предстоит борьба с Эсагилой, которую Набусардар непременно должен выиграть. Радости жизни безразличны ему, и все свои силы он обязан отдать укреплению армии.

Пораженная его внезапной серьезностью, Нанаи спросила:

– Тебе не понравилась моя песня? Я сложила ее для него, а теперь ее поет в Вавилонии каждый, кто любит и хочет быть любимым.

– Прекрасная песня, Нанаи, – отвечал он. – Непобедимому Набусардару она тоже понравится.

– Скажи еще непобедимому Набусардару, воин, что я хочу быть хранительницей его жизни и буду ему вернейшей из верных.

«Вернейшей из верных!»

Полководцу снова вспомнился отравленный пес, которого он любил потому, что изверился в людях. Но он оценил бы и полюбил человека, который доказал бы ему свою преданность.

– Так ты хочешь быть ему вернейшей из верных? Как собака?

– Как собака, солдат, – горячо отвечала она. – Я готова сопровождать его по всем вавилонским дорогам, бежать рядом с его колесницей, как собака.

– Набусардар, возможно, и не заслуживает этого.

– Разумеется, заслуживает, – возразила Нанаи. – Моя любовь к нему сильнее власти

царей и фараонов. – Она открылась солдату без утайки, чтобы он поверил ей. – Я не смогла бы стать ни возлюбленной, ни женой, ни матерью детей никого другого, даже если бы ему принадлежали золотые рудники в Пактоле или серебряные в Таршиши. Конечно, я могла бы тогда дважды в день купаться в мраморных бассейнах, а служанки натирали бы меня благовониями. Я наряжалась бы в тончайшие сидонские шелка и спала бы на простынях, привезенных из далеких китайских стран. Я носила бы вышитые покрывала от самых богатых вавилонских купцов, а в волосах у меня сверкали бы редчайшие камни, которые только изворотливый финикиец может отыскать где-нибудь на краю земли. Но даже объявись богач, который захотел бы мне дать все это, и тогда не заменит он мне Набусардара, пусть и суждено мне быть только...

– ...собакой, бегущей за его колесницей, – закончил он.

– Да, я это хотела сказать, – гордо подтвердила она и попросила передать ей глиняную табличку, которую он оставил в траве.

– Вот, солдат, – сказала она, показывая на изображение священного быка, – это образ моего господина и моего бога. Это образ непобедимого Набусардара. А я, бедная и глупая Нанаи, хочу быть цветочком под его ногами. Видишь это цветком под копытами быка? – спросила она, запнувшись. – Я хочу быть хотя бы цветком под ногой Набусардара.

Набусардару не доводилось слышать таких слов от женщины.

– Скажи, Нанаи, прочна ли твоя любовь, не пройдет ли она со временем? Непобедимый наверняка спросит меня об этом.

– Ах, солдат, – вздохнула она, – что тебе ответить? Ты слышал о пирамиде Хеопса? Моя любовь подобна ей, она вечна. Больше мне нечего сказать.

– Ты добра и умна, прекрасная Нанаи, и об этом я тоже расскажу своему повелителю.

– Неужели? – Она в изумлении широко раскрыла глаза.

– Если мой господин будет милостив к тебе, то можешь надеяться, что в скором времени я приеду к тебе с наказом от него.

– В самом деле?

– Непременно.

– Какое это будет счастье для бедной Нанаи, которая грезит о мудрости только для того, чтобы понравиться своему господину.

– Ты умеешь писать и читать, Нанаи?

– И писать и читать солдат. Пока был жив дядя Синиб, он держал для меня учителя, но теперь у меня нет ничего, кроме этого куска глины и резца. Но об этом ты не говори своему повелителю – Она потупила взгляд.

– Что же ты смутилась, Нанаи? – Набусардар приподнял за подбородок ее склоненную голову.

– Мне стыдно, я умею только писать и читать – ведь это так мало, в особенности когда я думаю, что непобедимый Набусардар окружен прекрасными и высокоучеными женщинами. Скажи, правда вавилонские дамы очень образованные?

Он пренебрежительно рассмеялся и взял ее за руку.

– Ученость вавилонских женщин стоит немногого: кроме сплетен о нарядах и любовниках, у них другого нет на уме. А если хочешь знать о них больше, то скажу тебе, что мозг их затуманен вином, а сердца погрязли в разврате. Они хуже сук, потому что любви суки пес должен добиться, а вавилонские женщины сами стелются мужчинам под ноги.

– Что ты говоришь, солдат? За такие речи великий Набусардар прикажет тебя забросать камнями! – воскликнула она в ужасе.

– Надеюсь, Набусардар не узнает об этом, – лукаво усмехнулся он. – Ты ведь не выдашь меня, прекрасная Нанаи?

– Как же я могу тебя выдать? Она растерянно улыбнулась в ответ. Набусардар поспешил развеять ее грусть.

– Ты не успеешь опомниться, как я вернусь с наказом отвезти тебя к нему во дворец. И ты будешь видеться с ним каждый день и каждый день разговаривать с ним.

– Ах, солдат, – вздохнула она, принимая его обещания за легкомысленную болтовню.

– Не веришь?

Надо было уезжать. Тихая, смутная печаль Нанаи вызывала в нем нечто больше сострадания. Он помолчал, чтобы дать ей собраться с мыслями.

В наступившей тишине оба следили за горизонтом. Солнце все ниже клонилось к западу, уходя в страну, где ленивый Нил медленно течет долинами лотоса, неслышно скользя мимо фундаментов загадочных святынь. Там божественная Исида оплакивала своего Осириса, дожидаясь его воскрешения. Там толпы теснились в храме Амона с цветами в волосах и ароматным нардом для жертвоприношений. Там высятся славные Фивы, город ста ворот. Там могучий Мемфис вознес славу священного Египта. Там живет сын богов, бессмертный фараон, который подписал договор с вавилонским царем и обещал прислать Халдейской державе свое войско, если Вавилону будет угрожать опасность и понадобится помощь Египта.

Туда, к его тучным полям, уходил теперь источник света.

День угасал, проложив повсюду длинные причудливые тени. Слабое дуновение ночной прохлады возвестило о приближении вечера.

Набусардар первым стряхнул с себя задумчивость, вспомнив, что пора двигаться в путь, если он хочет попасть в Вавилон до того, как закроют городские ворота.

Он нарушил молчание, обратившись к Нанаи:

– Я должен ехать, чтобы доложить Непобедимому о выполнении приказа и рассказать о тебе.

Последние слова заставили ее вздрогнуть.

– Мне пора ехать, – повторил он.

Он поправил наколенники, надел кожаный нагрудник. Затем вывел лошадей из рожи и, внешне невозмутимый, поднялся в колесницу. Взяв со дна бич, он щелкнул им в воздухе.

Отдохнувшие кони нетерпеливо рыли копытами землю, всхрапывали и ждали только знака, чтобы пуститься вскачь.

Нанаи от души желала, чтобы они как можно скорее рванулись вперед и, обгоняя ее мысли, понеслись туда

– к Вавилону.

– Не забудь же о моей просьбе, солдат, – напомнила она.

Могла ли догадаться Нанаи, что ее желанный стоит перед ней в колеснице?

Что в этот миг он глядит на нее и уже сейчас любит ее за то, что она совсем не похожа на женщин из Вавилона.

Ему вдруг некстати вспомнился его борсиппский дворец, где собрано множество книг и картин, парк, украшенный творениями лучших халдейских ваятелей, – богатства, никому не приносящие радости. Сам он, обремененный делами армии, редко навещает дворец. О дворце некому заботиться, и дворец словно мертв. Старый ваятель Гедека – единственный человек, наслаждающийся его великолепием. Набусардар подумал и о дворце в Вавилоне, гордой Телкизе, своей жене, происходящей из очень знатного рода, – первой даме города, первой среди вавилонских красавиц. Но он тут же оборвал нить воспоминаний и взглянул на Нанаи. Она стояла неподалеку с глиняной табличкой в руке. Нежный румянец заливал ее щеки, а в глазах ее светилось нетерпение и страх перед будущим.

Ею вдруг овладела неуверенность, и, будто единственную опору в жизни, она сжала в ладонях глиняную табличку, на которой виднелись контуры священного быка с созвездием над головой и маленьким полевым цветком под ногами.

Полководцу захотелось взять у ней что-нибудь на память. Нечаянно она сама обратила его внимание на табличку.

– Чтобы я не забыл о твоём наказе, подари мне эту табличку, – попросил он.

Нерешительно посмотрела она на его протянутую руку, с сожалением перевела взгляд на табличку и наконец отдала ее.

Он сунул ее в колчан для стрел, но успел поймать огорченный взгляд Нанаи.

– Тебе жаль этого куска глины? Она смущенно кивнула.

Впрочем, разве можно сравнить утрату этой таблички с ценностью услуги, которую обещал оказать солдат? Этот резец был единственным у нее, но если бы он попросил, она отдала бы и его.

Нет, нет, ей ничего не жаль. но почему он все не едет? Она хотела бы мысленно уже пережить минуту, когда верховный военачальник его величества царя Валтасара будет дивиться рассказу о пастушке Нанаи.

– Ах, езжай уж, солдат, – торопит она его, и голос ее дрожит.

Набусардару тяжело расставаться с ней, не хочется уезжать. В водовороте жизни ему выдала редкая и притом такая необычная минута отдыха.

Однако довольно. Надо с решительностью воина прервать ее и подумать о другом – о грозящих Вавилону опасностях, о когтях персидского хищника, о ненавистной Эсагиле, о слабых правителях Халдейской державы, о коварном фараоне. Все это прутья, сплетенные в один бич, которым время подхлестывало его отвагу, решимость и любовь к отчизне. Ему давно пора было стоять перед царем с докладом, что к тайному совещанию он будет располагать уликами, свидетельствующими об интригах персидских шпионов в державе и о подстрекательстве ими доброго халдейского люда против царя Вавилона.

Давно пора ехать, а он все медлит.

– Трогай же, солдат! – повторяет Нанаи. И, видя, что он по-прежнему не двигается, сама понукает лошадей.

Лошади дернули, встав на дыбы, и вот уже галопом мчатся по пастбищу, направляясь к царской дороге, ведущей вдоль Евфрата.

Набусардару хочется еще раз оглянуться, но нельзя из-за бешеного бега коней. Словно стройный ствол, он врос ногами в дно колесницы, покачиваясь на ухабах и крутых поворотах. Неудержимо удаляется его фигура, теряясь в просторах полей, будто проваливаясь в землю. Вот уже виден только шлем, да иногда взвываются гривы коней.

Нанаи осталась одна со своим стадом.

Вокруг нее раскинулось зеленое пастбище с мелкими головками маргариток. Рои бабочек взлетают над лугами и вновь опускаются с высоты к открытым чашечкам цветков. За полями голубеет Евфрат и колышутся на волнах финикийские корабли с товарами для вавилонских купцов. За ними с севера на юг медленно плывут плоты кедрового дерева с Ливанских гор. Вдоль берегов трепещут сети рыбаков и высокие пальмы самовлюбленно глядят в зеркало вод.

На царской дороге, где только что исчез из глаз Нанаи мнимый гонец Набусардара, появились караваны, идущие из далеких краев. Верблюды кричат и вытягивают длинные шеи в сторону реки. Проводники не позволяют им останавливаться, потому что до вечера надо успеть в столицу царства – Вавилон.

Все стремятся туда. Словно все дороги идут в одном направлении и у всех людей – одна цель.

Нанаи провожает мечтательным взглядом первый, устало бредущий караван. О, ей бы шатать сейчас рядом с верблюдами вместо бронзоволицего араба, закутанного в пестрые одежды. Если бы она могла с этим караваном подойти к городским воротам и со стучащим от волнения сердцем остановиться перед одним из торговых домов величайшего города мира!

Она перевела взгляд с удаляющихся караванчиков на другой берег Евфрата, где клубился дым от больших гончарных печей. Целые облака дыма поднимались над окрестностями. До нее доносился стук мельниц и маслобоен, отжимающих кунжутное масло. Мельницы и маслобойни встречались в Вавилонии часто, внушая уверенность, что в стране вдоволь хлеба и масла. Но не всякий, кто считал эту землю своей отчизной, разделял эту уверенность.

Возле царских гончарных мастерских, в деревнях и на пастбищах кишели сотни людей в рубище, с натруженными тяжелой работой руками. Почти все, на чем ни остановишь взгляд, принадлежало владельцам вавилонских дворцов. Им принадлежали и изможденные рабы, и даже их лохмотья, которые не защищали растрескавшуюся кожу от палящего солнца.

* * *

Вечером Нанаи вернулась в деревню.

Конечно, ей и в голову не могло прийти, что дома в деревянной шкатулке ее ждет золотая цепь, награда за утрату чистоты в объятьях персидских злодеев. Ей бы и во сне не приснилось, что к такому испытанию приговорил ее тот, кому уже давно она принадлежала в мечтах.

Возбужденная надеждой, суетилась она по хозяйству. Все спорилось в ее руках. Напоследок она проверила засовы, чтобы ночью не забрались воры. Потом взяла на руки кошку, вертевшуюся под ногами, глядя ее, подошла к отцу.

Старый Гамадан совершал обряд вечерней молитвы, отбивая поклоны на все четыре стороны света. Обращаясь к Энлилю, он умолял его снять с его сердца тяжесть.

– Смилуйся, Энлиль, над бедным Гамаданом, избавь его дочь от поругания, – взывал он в полный голос. – Пусть Таммуз, бог весны, отыщет ее в первых распутившихся цветах и сделает ее своей возлюбленной. Или Син, бог ночи и серебристой луны, увидит ее в своих лучах и сделает ее женщиной. Только не допусти, создатель вселенной, премудрый Энлиль, чтобы ее осквернил презренный перс, который не носит юбки, из трусости закрывая свои ноги штанами.

Нанаи с кошкой на руках прислушивалась к молитве, стоя за порогом дома. Слова отца озадачили ее. Почему он поручает ее заботам Таммуза и Сина? Об этом просят только в большой беде, она же сегодня чувствует себя счастливейшей женщиной Вавилонии. Она так счастлива, что не может удержаться от смеха при упоминании о персах.

Заслышав приглушенный смех Нанаи, Гамадан скрестил руки, еще раз поклонился на четыре стороны и лишь тогда повернулся к дочери.

– Ты смеешься, дитя мое? Ты насмехаешься над отцом, породившим тебя?

И он насупился еще больше.

– Смеюсь, но не насмехаюсь, – оправдывалась она, отпуская рвавшуюся из ее рук кошку, – я не насмехаюсь, мне только не верится, что юбки делают из человека мужчину, а шаровары – женщину.

– А ты видела халдея в штанах? – поразился Гамадан.

– Говорят, Набусардар собирается завести их в армии вместе с высокими башмаками – в них удобнее ходить по горам, если случится война с персами. А халдеи и в шароварах не перестанут считаться отважнейшими в целом свете. Помнишь, как дядя Синиб – да будут милостивы к нему боги в царстве теней – сказал однажды, что, возможно, наступит время, когда шаровары будут признаком храбрости, а юбки признаком трусости.

– Не кощунствуй, Нанаи, над обычаями своих предков, – огорченно произнес Гамадан. – Перс навеки останется паршивым трусом, в то время как халдей всегда будет отмечен благородством, ибо он создан по образу и подобию бога своего Энлиля.

Она рассмеялась.

– Набусардар считает персов сильным народом, а не стаей паршивых собак. Недавно я видела в Оливковой роще, как отдыхали персидские купцы, они тоже походили ликом на нашего бога Энлиля.

– Небеса! – в ужасе взмолился старец. – Не карайте наш дом за эти речи. Как может быть перс сотворен по образу и подобию божьему?

- Я видела их совсем близко, Сурма делился с ними хлебом.
- О, боги! Сурма водится с персами?
- Он сидел с ними, когда пас овец.
- Я давно замечаю, что Сурма ведет себя не так, как подобает халдею. В его годы я с Навуходоносором ходил походом на Сирию, и там мы скрещивали мечи с врагами. Мы воевали с чужеземцами. А ныне чужеземцы заполонили Вавилонию, да их еще встречают здесь хлебом.
- Говорят, что персы собираются напасть на нас, но Сурма утверждает, что это неправда. Персы, мол, хотят жить с нами в мире.
- Не верь Сурме, дитя мое. Наш край в опасности.
- Наш край в опасности? – повторила она, ожидая, что он выскажется яснее. После минутного молчания она спросила уже более серьезно: – Ты знаешь это наверно, отец?
- Я принадлежу к достойнейшим жителям нашей деревни и должен знать, что делается в мире. Пришло известие от самого царя, что персы готовятся напасть на Вавилонию. Набусардар, верховный военачальник его величества, собирает против них новую армию.

Значит. Вавилония в опасности, значит, опасность угрожает и Набусардару...

Страна в опасности, а вместе с ней в опасности и царь, Набусардар, народ, все царство.

Нанаи пришла в смятение. Слово за словом, мысль за мыслью пересыпались в ней, как песчинки в часах. Она мысленно видела край, который открывался ей с опушки Оливковой рощи. Дорогу, ведущую в Вавилон. И рядом извивающийся, подобно мирной змее, голубой Евфрат. От него ответвляются сотни оросительных каналов, жилы и кровь этой земли. Трудолюбивый халдейский люд своим упорством преобразил бесплодные пустыни в райский сад, и этот сад – ее отчизна. А теперь чужеземец хочет пиявкой присосаться к ее груди?

Она испытывала беспредельную любовь к этой земле, удвоенную любовью к Набусардару. В эту минуту родина и Набусардар слились в душе Нанаи в единый огненный смерч, увлекший ее за собой.

Старый Гамадан заметил волнение дочери и, стараясь не отвлекать ее, тихонько подошел к сундучку за золотой цепью. Он любил Вавилонию и всей душой был за дальновидные меры Набусардара, но стоило ему прикоснуться к этой цепи, как сердце у него снова сжалось при мысли о том, какую жертву предстоит принести его дочери.

Любовь к отчизне и к ненаглядной Нанаи не сливались у него в единое чувство. Они были отделены друг от друга, как небо отделено от земли необъятным воздушным океаном, как воды Тигра отделены от Евфрата простором, который не окинуть глазом.

Ради спасения своего народа он без колебаний принес бы любую жертву. Но из уважения к памяти покойной Дагар не мог допустить, чтобы рухнула вера в красоту и силу жизни здесь, на земле, последнего потомка их рода. Не мог он пренебречь и просьбой брата Синиба, которого живо представил себе в эту минуту, – ему, поставленному на колени, подобно убийце, служители великого Мардука вливали в горло расплавленный свинец у Ворот Смерти на глазах всего Вавилона. После стольких побед такой страшный конец. Синиб хотел только одного; чтобы жители Деревни Золотых Колосьев не забыли этой несправедливости и надругательства. Но еще гораздо раньше он, непримиримый противник Эсагилы, в семейном кругу неоднократно просил, даже заклинал, именем правды и высшей справедливости, всех членов своего рода, чтобы они не допустили

участия Нанаи в обряде утраты девственности во время празднеств, посвященных богине Иштар. Гамадан не забыл его просьбы.

Все девушки Вавилонии должны были принести свою невинность на алтарь божественной Иштар. На пороге храма за горстку золота их мог выбрать любой незнакомец. Каждая отдавала золото на алтарь богини в дар за счастье познания. Эсагила придумала этот обряд очищения, чтобы иметь еще один источник пополнения своих сокровищниц. В великий день толпы девушек совершали паломничество к храму Иштар. Бедные шли пешком, богатые ехали в крытых возках. С цветами и венками в волосах они потом ожидали в саду около храма тех, кто выберет их, внося золотой залог.

Так богатела Эсагила, так бесчестили будущих матерей Вавилонии.

Дядя Синиб знал подоплеку этого обряда и решительно выступил против Эсагилы, предостерегая, чтобы с Нанаи не случилось подобного.

– Да будет законный муж ее первым мужчиной, – всегда говорил он. – Только он имеет право на ее чистоту. Если божественная Иштар действительно требует таких жертв, то ее золотую статую следует свалить в Евфрат.

Многие соглашались с ним, но в день его казни они принужденно улыбались, когда расплавленный свинец шипел в его внутренностях. Приходилось изображать радость, чтобы не лишиться расположения всемогущих слугителей великого Мардука.

Один лишь Гамадан плакал, стиснув зубы. Родственникам это дозволялось, хотя в конце концов и он вынужден был с трудом выдавить из себя подобие улыбки, чтобы не попасть в немилость к жрецам, каждое деяние которых надлежало прославлять как единственное угодное богам.

С этой кривой усмешкой он и вернулся домой. Кривую усмешку затем стерло время, но теперь она вдруг появилась вновь, когда Гамадан доставал из шкатулки золотую цепь. Неужели он, очевидец мучений Синиба, слышавший последнюю его просьбу, предложит эту цепь собственной дочери? Сам оплатит ее бесчестие?

Когда он подошел к Нанаи с золотым ожерельем, чтобы надеть его ей на шею, ему снова почудились слова брата: «Да будет законный муж ее первым мужчиной. Только он имеет право на ее чистоту».

Слова Синиба звучали у него в ушах, и ему было тяжело нарушить завет брата. Но чей-то предостерегающий голос словно нашептывал, что если персы вторгнутся в Вавилонию и надругаются над Нанаи, будет еще ужаснее. Этого не миновать, если неприятель захватит страну. Он сам помнит, как халдейские воины в домах, на улицах, в храмах расправлялись с женщинами покоренных народов. Ему вспоминаются полные, ужаса глаза изнасилованных девушек одного финикийского города. Они пытались укрыться за статуей богини Астарты, но до них добрались и там. И одна за другой умирали они у алтаря в ненасытных объятиях воинов вавилонского царя. Может статься, что женщинам гордой и сильной Вавилонии тоже предстоит испытать подобное унижение. Сбудутся слова пророков: «Придет час, когда с вами сделают то, что делали вы с другими».

Все это мучительно взвешивал Гамадан. И, наконец, поднял руки и надел на шею Нанаи ожерелье, которое бросил к его ногам непобедимый Набусардар.

– Что это значит, отец? – спросила пораженная Нанаи. – Неужто наш дом оскудел настолько, что ты продал меня в рабство?

– Перед ликом творца нашего Энлиля клянусь, что я охотней принес бы в жертву свою голову, чем допустил, чтобы нас постигло такое несчастье.

– Или ты продал купцам-иудеям моих белых овец?

– Ни то, ни другое, Нанаи, – тихо вымолвил старец. – Это вознаграждение от его величества царя...

– В пору опасности о нас вспомнили в Вавилоне и послали это золото в дар верному Гамадану, брату славного Синиба?

– Они не вспоминают о подвигах, уже совершенных. они посылают дары за подвиг, который предстоит совершить.

У него дрогнуло лицо.

– Ты уже стар, отец, и я не знаю, какую пользу ты мог бы принести Вавилону.

– Речь идет не обо мне, Нанаи. – И лицо его снова дрогнуло.

– А о ком? – еще более удивилась она.

– О тебе.

Она с изумлением смотрела на отца.

– Речь идет о тебе, Нанаи, – продолжал Гамадан. – Персидские купцы, с которыми в Оливковой роще делился хлебом Сурма, по всей вероятности, вражеские лазутчики. Через две недели состоится заседание государственного совета в Вавилоне. Если его величество царь будет иметь доказательства, что лазутчики проникли в страну и мутят народ, он велит Набусардару, своему непобедимому полководцу, подготовить войско, разослать отряды по всей державе и укрепить подступы к Вавилону.

– Я только не понимаю, при чем здесь я, – прошептала она.

– Ты прекрасна, Нанаи. Великая богиня сотворила тебя такой для того, чтобы твоя внешность ослепила самого страшного врага нашего народа. Пусть твоя красота станет хлебом, и как Сурма делился своим хлебом с персидскими лазутчиками, так и ты поделись с ними своим. Эту жертву ты принесешь своей несчастной отчизне.

Нанаи поняла.

После этих слов Гамадан и его дочь замерли, словно окаменев.

Вокруг воцарилась тишина, тишина перед бурей в мертвой пустыне.

Высоко в небе летала птица. Очевидно, она искала приюта на ночь. Птица кружилась у них над головой, а это всегда считалось дурным предзнаменованием. Для Гамадана это был второй дурной знак, потому что не меньшим несчастьем считалось и рождение девочки с красными волосами. Пятнадцать лет назад кровавый Сакус отворил двери своего небесного чертога, и на свет появилась прекрасная Нанаи. Она родилась на вечерней зорьке, и меркнущий свет заката красноватым налетом окрасил ее темные волосы. Хотя ее и уподобляли божественной Иштар, каждый верил, что с ее появлением на свет злой демон поселился в доме Гамадана.

Правда, в этот момент ни старик, ни его дочь не думали о приметах. Их мысли были обращены к Вечному Городу, который повелел им подчиниться жестокому приказу. Ради отчизны, царя, народа нужно было принести жертву. И нельзя забывать: за неповиновение отрубят голову. Гамадан и Нанаи молча согласились выполнить царский приказ.

Нанаи казалось, что золотая цепь душит ее, она сняла ожерелье и отдала отцу, чтобы он спрятал его обратно в шкатулку.

Гамадан отошел, и тут Нанаи поразила ужасная мысль, что ей не удастся сохранить себя для властелина своей жизни, что ее беспредельную преданность и чистоту с варварской жестокостью будет попирать какой-нибудь перс, поглощая ее красоту так же, как поглощали они хлеб, предложенный Сурмой.

Печаль застлала ей глаза, а щемящая боль заставила поднять лицо к небесам.

Небесная Иштар в образе вечерней звезды Билит глядела на нее своим ясным взором. Она читала в ее душе повесть о человеческой муке. Но едва божественная захотела поведать страдающему человеческому сердцу и о своей судьбе, об утрате любимого Таммуза, как крылья неведомой птицы заслонили ее свет от глаз Нанаи. Черная птица кружила при свете звезд в черном небе, кружила и кружила над головой Нанаи, как бездомный скиталец.

Она глядела вверх на это мятущееся крылатое пятно, как на подкрадывающуюся беду. Все сильнее ее охватывал страх перед будущим. Ей так недоставало поддержки сильных рук. В отчаянии она закрыла лицо ладонями и закричала в обступившую ее темноту, взывая к своей единственной надежде:

– Набусардар!

В тот самый момент, когда по окрестностям пронесся этот крик, взмокший от пота ездок подскочил к соединявшему Борсиппу с Вавилоном мосту, уже поднятому на ночь.

В ответ на короткое слово, означавшее тайный пароль, стража привела в действие опускающее устройство. Колесница, увлекаемая двумя конями, промчалась по мосту и исчезла в лабиринте вавилонских улиц.

– Сдается мне, что это был сам Набусардар, верховный военачальник его величества царя Валтасара, – заметил один из стражников.

– Тссс! – приложил палец к губам другой. – Разве ты не видел, что он был переодетым? Твоя чрезмерная догадливость может стоить тебе головы.

Озадаченный стражник засмеялся и ощупал свою голову – единственное достояние, которое у него пока еще оставалось в этой никчемной жизни.

* * *

Наутро после возвращения Набусардара Город Городов медленно пробуждался ото сна. Гордый и несокрушимый Вавилон сиял в первых лучах солнца, как золотая чаша на ладони мира. Пьяный от выпитого накануне вина, одурманенный ароматом дорогих благовоний, отягощенный пышными нарядами и редчайшими драгоценностями, изнуренный чувственной музыкой и плясками, он с трудом освобождался от власти сна, встречая наступающий день ленивой улыбкой.

Первыми всегда просыпались вершины холмов, дремавшие под сенью пальм, сикоморов и олив, над которыми летали белые и сизые, отливающие перламутром, голуби. Потом пробуждались башни и крыши дворцов и храмов, грандиозных построек, высившихся по обе стороны Евфрата. Наконец, солнечные лучи заливали улицы, и первые прохожие молча спешили по своим делам мимо многочисленных массивных ворот, охраняемых

непременными стражами – крылатыми быками. Их каменные изваяния бесстрастно внимали шуму фонтанов в причудливых бассейнов, украшавших центр города.

Чем выше поднималось солнце, тем больше пешеходов появлялось на улицах. И наконец наступал час, когда просыпались и избранные жители Вавилона. Откидывались тяжелые занавесы на дверях, впуская в роскошные покои потоки утренней прохлады. В струях проникшего света сверкали стены просторных залов, выложенные плитами из мрамора и алебастра, металла и дерева, где почивали и благоденствовали их ненасытные, вечно алчущие обитатели.

Со времени падения надменной ассирийской Ниневии, стоявшей на берегу Тигра, не осталось города, который мог бы соперничать славой с Вавилоном. Его победоносный властелин Навуходоносор, царь царей и наместник богов на земле, сделал Вавилон колыбелью роскоши и образованности. Своей железной волей он превратил его в очаг культуры и величайший торговый центр мира. За могучими городскими стенами им были собраны сокровища искусства со всех концов света. Он воздвиг дворцы, перед блеском и сказочным великолепием которых покорно склонялись народы.

Над всеми зданиями Вавилона возвышался Храмовый Город, который назывался Эсагилой. Эта часть Вавилона была отделена от прочих кварталов толстой стеной. Среди храмов выделялась Этеменанки, легендарная семиэтажная башня, в которой пребывал божественный Мардук, покровитель столицы мира, названной «Бабилу», то есть «Воротами Божьими», потому что именно здесь, у священного Евфрата, боги спускались на землю.

Эсагила расположилась на самом высоком холме Вавилона, уже этим одним словно желая подчеркнуть, что именно она властвует не только над столицей державы, но и над всей Вавилонией, что перед ней должен склониться даже царь, которому по закону принадлежит первое место после богов. Верховный жрец бессмертного Мардука каждый раз во время новогодних празднеств публично провозглашает царя Вавилона священным наместником богов на земле. Но тот же самый верховный жрец люто ненавидит своего повелителя и ведет с ним тайную борьбу не на жизнь, а на смерть. Эта борьба за власть переходит по наследству, и горе тому владыке Вавилонии, который обнажит меч против Храмового Города. Для вида жрецы всегда требовали от подданных смиренного подчинения царю, но посвященные знали, что царь, перед которым трепещет Вавилония, на деле – игрушка в руках Эсагилы. Любой его приказ исходит из ее уст. Любой его поступок, освященный именем богов, навязан ему честолюбивой Эсагилой. Каждая капля крови, пролитая на вавилонских площадях, льется по воле зловещих слугителей святынь.

Знати было хорошо известно о соперничестве между царем и жрецами, и только простой народ оставался в неведении.

Глубже других постиг причину этих разногласий Набусардар. При здравом размышлении он принял сторону царя и вступил в открытую войну с Эсагилой. Он отвернулся не только от жрецов, но и от богов. Ибо если боги требуют творить добро, почему они не карают Эсагилу за содеянное ею зло? Миром правят либо боги, либо Эсагила. Или же богов вовсе нет, и тогда правят люди от имени вымышленных богов.

Эти мысли преследовали Набусардара днем и ночью. Он не хотел прегрешить перед небесами, но не хотел и оказаться обманутым простыми смертными, тешившими себя божественной властью и пускавшими людям пыль в глаза.

Полный внутреннего беспокойства, поднялся он и в это утро; снедаемый тревогой, раздвинул шторы, впустив в комнату свет. Подойдя к дверям, он подставил грудь потоку утренней прохлады. Его взгляд уперся в башню Этеменанки.

– Покарай меня, великий Мардук, – воскликнул он, – если тебе этого хочется! Покарай меня за богохульство, но я отказываюсь считать тебя богом, пока ты позволяешь злым

демонам от твоего имени править страной между священными реками. Ненавижу твою божественную обитель, потому что под ее сводами укрываются мошенники и самые заклятые недруги народа!

Он замолчал, всматриваясь в даль: восходящее солнце как раз осветило крыши Храмового Города.

В этот ранний час на улицах еще только появлялись первые редкие прохожие. Дворцы вельмож оставались погруженными в глубокий сон. Набусардар первым из обитателей дворцов встречал новый день.

Думы мешали ему заснуть, несмотря на усталость от вчерашней поездки. Всю ночь он так и не сомкнул глаз. И едва забрезжил рассвет, он сразу же откинул занавес и в томительном беспокойстве стал обозревать окрестности.

Ему знаком был почти каждый дом в округе. Он узнавал пышные дворцы сановников, богатые палаты вельмож, внушительные торговые дома, конторы менял и ростовщиков, величественное здание финикийского корабельного сообщества, зимние и летние дворцы вавилонской знати, обширные парки и площади, высокие фонтаны и тихие пальмовые аллеи.

Но все это представлялось ему, как в тумане, он ясно видел одну лишь Эсагилу и к ней обращал слова ненависти.

– Один из нас падет, – продолжал он страстным шепотом. – И хотя я борюсь с твоим могуществом в одиночку, я должен победить. На восходе солнца клянусь в этом божественной...

Он запнулся.

Хотел привычно присягнуть божественной Иштар из Арбелы, но разум уже отказывался верить в богов.

Прищурив глаза, сквозь сомкнутые ресницы он с ненавистью глядел на Храмовый Город.

Не раз ему вспоминалась публичная казнь славного Синиба у Ворот Смерти. Вот и сейчас он явственно видел, как расплавленный свинец шипел в горле осужденного.

– Клянусь же тебе, Синиб! – вскричал он. – И тебе, Нанаи, всё еще безутешно оплакивающая его.

С этими словами он задернул окно, чтобы свет не бил в глаза, и застыл, вцепившись руками в занавес.

Набусардару приходилось вести великую борьбу не только со своими врагами, но и с самим собой. Все в нем кипело, бурлило, дрожало от нетерпения. У него не было, пожалуй, ни одного настоящего друга во всей Вавилонии, а ленивая знать и алчные жрецы настраивали против него простой люд, сея слухи, будто Набусардар по своему легкомыслию хочет ввязаться в войну. На его стороне был царь. Но много ли от этого проку, если царь ищет утехи только в хмельном разнузданном веселье! Царь переменчив, коварен и капризен, словно женщина. Как полагаться на царя, если его можно склонить на свою сторону льстивой улыбкой и превратить в заклятого врага словом правды?

Набусардар уже не раз убеждался, что при нем Валтасар настроен воинственно против Эсагилы. Но верховному жрецу ничего не стоило вкрадчивыми речами восстановить Валтасара против целого Вавилона. Непостоянство – не единственная слабость царя. Ненавидя чужеземцев, Валтасар в то же время покровительствует финикийцам, потому что сановник, ведающий торговлей и дорожным сообщением, имеет долю в прибылях

финикийского корабельного сообщества и внушил царю, будто из всех чужеземцев, живущих в Вавилонии, одни финикийцы искренне преданны державе и ставят интересы Вавилона превыше своих. Лихоимцы-судьи могут приговорить к смерти достойнейшего из граждан – и царь утвердит приговор, достаточно распустить слух, что обвиняемый готовил покушение на особу царя. Валтасар без колебаний принесет в жертву кровавым богам прекраснейших юношей и девушек Вавилона, если жрецы объявят, что такая жертва отвратит беду от его державы. Словом, Валтасар легко верит всякой вздорной молве.

Поэтому Набусардар и не может найти в нем опоры и понимания, когда речь идет об укреплении обороны. Валтасар обещает поддержку, но никогда нельзя быть уверенным, что царь сдержит слово. И все же этот слабый царь – единственная надежда Набусардара.

С такими мыслями он бессильно выпустил из рук занавес и обвел глазами роскошное убранство своей опочивальни, мерцавшее в неровном свете масляных светильников.

Вдруг его внимание привлекли крики и шум за дверью.

Он прислушался, затем стремительно подошел к двери и распахнул ее.

Один из телохранителей указал на воина в алом плаще и возбужденно воскликнул:

– Этот человек, господин, выдает себя за царского гонца, но нельзя поверить, что в столь ранний час его величество царь не поживает еще на своем ложе.

Воин в алом плаще прижал руки к груди и низко поклонился.

Оба телохранителя преграждали ему дорогу, скрестив перед ним копья.

Когда он поднял голову, полководец в самом деле признал в нем Асуму, нового царского посыльного.

Набусардар приказал страже убрать копья и произнес обычное:

– Да благословит тебя небо, войди!

Гонец подал ему серебряную пластинку, покрытую слоем воска.

– Его величество, – начал он, – его величество царь Валтасар бодрствовал сегодня всю ночь. Светлейший, его величество просит тебя тотчас пожаловать к нему.

Набусардар прочел депешу, выдавленную на восковом слое пластинки, подлинность которой удостоверялась приложенной внизу печатью.

– Сейчас я оденусь, милый Асума.

– Во дворе стоят две оседланные лошади, – добавил гонец, – одну из них его величество предназначил для тебя, Непобедимый. Дело крайне спешное, и твой приход не терпит отлагательств.

«Опять очередной каприз гораздога на выдумки владыки», – подумал полководец, но вслух предложил послу подождать, а сам удалился в соседнюю комнату переодеться.

Он вернулся поразительно быстро, готовый к отъезду.

Сообщил страже у дверей, где он будет находиться, приказав никого не впускать в свои покои.

– Даже благородную Телкизу, повелитель?

– Даже ее, – после недолгого раздумья ответил Набусардар.

И уже на ходу добавил:

– Лишь вернейший Киру имеет право входить туда.

Киру был старый раб, которого Набусардар не раз собирался отпустить на волю. Но Киру больше свободы ценил доброту и любовь своего господина. Он не представлял себе другого дела, чем служить своему повелителю. Набусардар уважал его преданность и платил ему доверием. Эта привязанность вызывала ревность у остальной прислуги; вот и теперь оба телохранителя многозначительно переглянулись.

Набусардар не придавал значения подобным мелочам. Величественной поступью спускался он по лестнице. Его высокую статную фигуру окутывал белый плащ с красным кантом, украшенный золотыми кистями. На груди сверкал золотой знак его воинского достоинства.

Они сели на коней и кратчайшей дорогой понеслись к Муджалибе, летнему дворцу царя, расположенному вблизи Вавилона среди чудесных висячих садов на искусственных террасах. Террасы, приказал насыпать и украсить садами могущественный Навуходоносор для жены своей Амугеи, дочери мидийского царя; они должны были заменить ей родные горы Мидии.

Муджалиба был любимый дворец Валтасара, его роскошное убранство пришлось по душе изнеженному царю. Здесь в обществе вельмож и военачальников он предавался плотским радостям, с утра до вечера и с вечера до утра проводя время в чувственных плясках и утехах с прекраснейшими женщинами мира.

Жителей Вавилона удивил столь ранний вызов Набусардара к царю, обычно занятому разгулом и пирами.

Речь, видимо, шла о деле чрезвычайной важности, и не известно, кому первому пришла в голову эта мысль, но по всему городу моментально пронесся слух, что персидский царь Кир стоит со своим войском у границ Вавилонии.

Это известие неслось от дома к дому вслед развевающимся по ветру белому плащу Набусардара, который летел во весь опор по дороге к царскому дворцу.

* * *

Хотя Эсагила была обнесена массивными стенами, не уступавшими бастионам Вечного Города, жрецы великого Мардука первыми узнали о раннем визите Набусардара к его величеству.

Царь Валтасар еще и за то любил летний дворец, что считал его недоступным для чрезмерно любопытных жрецов, которые тайными путями выведывали самые строгие секреты и с помощью молитв и заклинаний читали в душах людей. В стенах и колоннах зимнего дворца Набопаласара повсюду были их глаза и уши. Они казались вездесущими. Свое загадочное всеведение жрецы приписывали божественной мудрости, а Набусардар называл это чарами и черной магией. Валтасар разделял его мнение и пренебрежительно посмеивался над мудростью халдейских жрецов, втайне побаиваясь их и считая

пронырами и шарлатанами.

Видимо, от засилия Храмового Городе и диктата служителей Мардука можно было освободиться только силой оружия. Придя к власти, Валтасар объявил, что после двадцати лет упадка в Вавилоне снова будет править сильный царь. и этот царь – он, Валтасар, – ему суждено затмить своей славой славу Навуходоносора, мудростью – мудрость Навуходоносора, а величием – величием Навуходоносора. Стремясь во всем превзойти своего предшественника, он и ненависть к Эсагиле заострил, как лезвие меча. Избавление от господства и самоуправства жрецов было его сокровеннейшей мечтой.

Ненависть молодого царя очень скоро ощутили на себе те, против кого она была направлена. Эсагила повела борьбу с царским дворцом. За ненависть здесь платили двойной мерой ненависти.

Валтасар сам происходил из жреческого рода. Его отец, царь Набонид, был верховным жрецом. Эсагила объявила его царем, но правила вместо него. Набонид был ее рабом, жалкой игрушкой в ее руках. Валтасара тоже пытались сделать послушным исполнителем воли жрецов, но его строптивая и тщеславная натура быстро восстала против этого.

На первом же государственном совете он провозгласил:

– Царь является сыном богов и не нуждается в посредниках между собой и богами. Боги изъявляют мудрость, предназначенную для царя, не через своих служителей, а непосредственно своему божественному сыну, которым ныне являюсь я.

Это вызвало целую бурю, однако жрецам Мардука так и не удалось укротить царя и подчинить своей воле. В этом он остался тверд, и всякий раз в нем закипала кровь при мысли, что Эсагила хотела бы возвыситься над царем Вавилонии. Единственное, на чем могли еще играть жрецы, была его мнительность, неуверенность в себе. Он дрожал за свою власть, дрожал за свою жизнь. Жрецы неустанно подогревали этот страх. Он был убежден, что жрецы знают его врагов, потому что верил в их умение узнавать неведомое.

Для них не было тайной, что верховный военачальник царской армии, непобедимый Набусардар, отправился на поиски персидских лазутчиков и вернулся ни с чем. Знали они и о том, что Набусардар отдыхал под деревьями в Оливковой роще и беседовал с пастушкой по имени Нанаи из Деревни Золотых Колосьев.

Черная магия была тут ни при чем – о поездке Набусардара им сообщил их тайный приспешник Сан-Урри, помощник верховного военачальника по вавилонскому гарнизону. Только ему было известно намерение Набусардара накануне его отъезда из Вавилона.

Жрецы немедля держали совет в подземном святилище Мардука. Это совпало с приготовлениями Эсагилы к встрече важных паломников из далеких краев, которые шли поклониться великому Мардуку и божественному Набу.

Совещанию предшествовали богослужения в храме покровителя Священного Города.

Между колоннами курились благовония в чашах из драгоценных металлов, аромат кадилниц наполнял жилище бога. В высоких золотых подсвечниках горели свечи, на стенах мерцали масляные светильники. По мраморному полу тянулся ковер. У алтарей стояли резные скамьи из ливанского кедра с золотой жертвенной утварью и искусно литыми фигурками богов. У стены против входа, в самом конце необозримого зала, светилась статуя божественного Мардука из чистого золота, подавляющая своими гигантскими размерами.

Перед статуей молился верховный жрец Исме-Адад, в то время как верующие готовились к принесению даров. Жрецы совершали ритуал очищения алтарей от мирской скверны,

чтобы Мардук не отверг приношения.

Верховный жрец поднял руки, и толпа принялась бить поклоны во славу бога. Одни только касались земли лбами, другие в религиозном исступлении целовали мраморные плиты пола.

Все верующие склонились к ногам Мардука, лишь двое продолжали стоять. Они обменялись взглядом с Исме-Ададом.

Эти двое были персидскими жрецами, прибывшими в качестве послов храма Ормузда из Экбатаны для участия в совете жрецов в подземном святилище.

Храмовый евнух трижды ударил в священный гонг, верующие поднялись и потянулись к алтарю со своими дарами.

Персидские паломники направились прямо к верховному жрецу и сообщили, что тоже хотят передать свои золотые дары.

Верховный жрец выслушал их и предложил следовать за ним.

Рабы отдернули дорогие шерстяные занавесы, и процессия двинулась. Впереди выступал Исме-Адад в белом облачении, с золотым жезлом в руке, за ним жрецы высшего сана, следом шли низшие служители храма и, наконец, два перса со шкатулкой из черного дерева, в которой лежал дар для Мардука.

Так они проследовали через анфиладу залов, пока не остановились перед входом в тайную обитель самого бога, куда, кроме верховного жреца, никто не смел заходить. Здесь жрецы свернули в сторону и удалились, а персидские паломники остались наедине с Исме-Ададом. Исме-Адад принял от персов дары, поместив их в священный тайник, в котором насыщаются божественные уста Мардука и где он облакает в одежды свое тело. Затем через длинные и темные комнаты он повел гостей потайным ходом, заканчивавшимся у ворот башни Эгеменанки.

Казалось, никто не усмотрел ничего особенного в приходе двух паломников из царства Кира, которое ныне считалось опаснейшим врагом Вавилонии. Однако среди жрецов, прислуживающих перед алтарем золотого бога, был один, по имени Улу, который был предан больше отчизне, чем Мардуку. Он обратил внимание на то, что чужеземцы не преклонили колен по знаку верховного жреца, – это было явным святотатством. От него не укрылось также, что, несмотря на это, Исме-Адад принял их весьма ласково. Нетрудно было догадаться, что это были не простые паломники. Он проследил и за тем, вернутся ли дарители золота обратно в храм. Выждав за колонной на лестнице, он отчетливо видел, как верховный жрец исчез вместе с пришельцами в потайном ходе, ведущем к башне Эгеменанки.

С теми же чужеземцами Улу встретился потом ночью на совете жрецов, в подземном святилище. Его обязанностью было записывать мнения собравшихся. Он подготовил также тексты договора, поскольку хорошо знал язык персов и их письмо. Один текст он составил на древнем шумерском языке, которым пользовались теперь только ученые и жрецы, другой – на персидском, родном языке экбатанских гостей.

Совещание началось около одиннадцати часов ночи.

Ключи от святилища хранились в статуе Мардука, и, кроме верховного жреца, к ним никто не смел прикасаться. Произнеся пароль, верховный жрец открывал двери и, прежде чем войти, шесть раз подряд чертил в воздухе знак божественного Мардука: треугольник со вписанным в него кругом. Число шесть считалось священным у халдеев.

Помещение имело овальную форму, вдоль стен на подставках стояли светильники, соединенные пробитым в толще стен невидимым желобком для масла. У наружной двойной

стены – чтобы любопытным невозможно было подслушивать происходящее в святой святой Эсагила – находилась лестница. В проходе под лестницей жил раб с отрезанным языком, который не мог ни с кем поделиться услышанным здесь. Он поддерживал вечный огонь в этом подземелье. Приток масла в светильники регулировался, с помощью специальных заслонок усиливалась или уменьшалась яркость пламени. Раб был обучен тайным приемам, с помощью которых в подземном святилище творились «чудеса». Он внимательно следил за возгласами, заклинаниями и жестами верховного жреца, поражавшего присутствующих на тайных совещаниях своей божественной мощью.

Верховный жрец вышел на середину зала и воздел руки:

– Взываю к тебе, создатель мира и покровитель Вавилона, делающий его несокрушимым. Взываю к тебе, всемогущий Мардук, и молю тебя укрепить наши мысли своей мудростью, ибо человеческий разум слаб. Взываю к тебе, вездесущий, всевидящий и всеведущий, и молю тебя светом очей своих дать знак, что слуги твои поступают в согласии с тобой, что их мысли рождаются из твоих мыслей и что их устами говоришь ты сам.

И тут же все светильники разом вспыхнули, изрыгнув желто-зеленые языки пламени, столь ослепительные, что присутствующие поневоле зажмурились.

– Будь благословен, вседержитель, тело которого сияет, как солнце, ибо оно – из чистого золота, – провозгласил верховный жрец.

После этих слов языки пламени стали уменьшаться, пока, наконец, вновь не замерцали слабым, неярым светом.

Лишь теперь присутствующие смогли оглядеться. Всего их было два раза по шесть, то есть двенадцать. Этого требовали стены святилища, на которых были начертаны поучения и заповеди. Путем последовательного соединения первых слов в строчках, затем вторых, третьих и так далее, по ним можно было предрекать великие исторические события, ожидающие державу. Уже несколько дней Исме-Адад в глубокой тайне пробовал расшифровать предсказания, но результаты пока были неясными. В конце концов Эсагила решила принять экбатанских братьев, которые должны были прояснить грядущий ход вещей. Персидских поверенных пригласили на совет.

Присутствующие, облаченные в черные длинные мантии, сидели по кругу на двенадцати скамейках.

Исме-Адад произнес приветственное слово и затем попросил братьев из Экбатаны поведать, с чем они прибыли в Вавилон.

– Могущественная Эсагила призвала нас, – начал первый перс, – чтобы мы познакомили ее с планами верховного царя Кира.

«Верховного царя Кира», – повторил про себя Исме-Адад, с трудом сдерживая возмущение дерзким выпадом наглого перса, потому что существовал лишь титул верховного жреца. Однако внешне он ничем не выдал себя.

– Положение нашей страны, – продолжал перс, – в последние годы изменилось таким образом, что если до сих пор мы влачили чужеземное иго...

Кое-кто из вавилонских жрецов нахмурился, так как это могло быть намеком не только на ассирийское, но и халдейское владычество.

Перс спокойно пояснил:

– Я не случайно подчеркиваю, что если до сих пор мы влачили чужеземное иго, то ныне благословенное правление бессмертного Кира превратило нашу малую страну в великую державу мира.

Великой державой мира могла называться лишь Вавилония, поэтому, подобно змее. это заявление ужалило жрецов Эсагила и возмутило их мысли. Но их собственные интересы требовали не выдавать того, что творится у них в душе.

Последующие слова персидского посла немного успокоили их.

– Вы хорошо знаете, что Мидия поработила нас так, что нам нечем было дышать. Ненасытный Астиаг возмечтал раздвинуть свои границы до Китая, Карфагена, Афин и Персидского моря.

Ухмылки появились на лицах жрецов, которым эта презрительная ирония была как елей на душу.

Не улыбнулся один Улу. Со строго поджатыми губами смотрел он на металлическую табличку, покрытую слоем воска, и серебряным резцом записывал на ней речи перса.

Несколько удовлетворенный неуважительным отношением персов к мидийцам, Исме-Адад со своей стороны напомнил, как Астиаг, ослепленный гордыней, отважился пойти войной и против Вавилонии.

– Вы подумайте только, – добавил он, – может ли чья-нибудь армия меряться силою с вавилонской? Это все равно как если бы козленок рискнул выйти против шакала. Ведь мы проглотили бы Астиага со всем его войском, как лев свою жертву.

– И все-таки, – вмешался второй персидский жрец, который сидел до этого молча, – и все-таки именно доблестное войско Кира, а не прославленная армия халдейского царя Набонида, стерло обнаглевших мидийцев в порошок при Харране.

Последнего оскорбления Улу уже не мог вынести.

– Ты хочешь сказать, служитель богов, – отозвался он, – что мидийцы одержали бы верх над священной Вавилонией, если бы не вмешательство Кира?

Перс многозначительно усмехнулся и неопределенно покачал головой.

– Служитель великого Мардука, – одернул верховный жрец возмущенного Улу, – не годится упрекать гостей за незнание того, что ведомо лишь богам. – Тут он снова улыбнулся, чтобы сгладить впечатление от этой вспышки Улу, которую про себя считал оправданной. – Я смотрю на это с другой стороны и полагаю, что здесь проявилась мудрость небесных владык. Персов и могущественного Кира, да продлят боги дни его жизни, мы должны считать своими добрыми соседями и большими друзьями. Если бы Кир питал против нас дурной умысел, он не выступил бы против мидийцев, когда они напали на Вавилонию. Кир – друг нашего народа.

Экбатанские жрецы молчали, зато вавилонские с удовольствием внимали тонким рассуждениям Исме-Адада.

Но Улу настаивал:

– А что, если Кир все-таки нападет на Вавилонию? Ведь Вавилония – словно клин, вбитый в его царство!

– Мы как раз и пригласили божьих служителей из Экбатаны, – отвечал верховный жрец, – чтобы они уведомили нас о положении дел. Прежде всего нам важно знать, не угрожает ли опасность нашему жречеству, не подвергнутся ли поруганию наши боги.

– И кроме того, – поспешил добавить асипу, жрец-заклинатель, – дело касается накопленных храмом сокровищ и нашей личной судьбы. Не придется ли служителям

великого Мардука в плену таскать кирпичи на постройку дворца в Персеполе? Или, изнемогая от зноя, черпать воду из каналов? Или где-нибудь на севере долбить в коях железную, руду?

Лицо персидского жреца осветилось легкой, понимающей улыбкой. Он поиграл перевязью на своей мантии, чем довел нетерпение слушателей до предела, и, наконец, приступил к разъяснению.

Он рассказал, что их царь не только великий воитель, но прежде всего выдающийся политик и мудрый властелин. Их религия, ведущая начало от мудрейшего Заратустры, опирается не на учение о сонме богов, а на учение об Ормузде, боге света и добра, и Аримане, боге тьмы и зла. Оба они постоянно борются друг с другом, и человек обязан поддерживать Ормузда против Аримана. Иными словами, человек должен совершать добрые поступки и стремиться к жизни, не оскверненной грехами. В награду его ждет после смерти вечное блаженство в царстве Ормузда. Наказанием же для него будут адские муки в царстве Аримана, царстве демонов тьмы. Их учение, следовательно, очень простое и доступное всем. На его основе и окрепла государственная мощь Кира, который рассматривает власть как нравственное предназначение. Поэтому он не отбирает богатства у покоренных народов. Не грабит жителей. Не разрушает городов. Его войскам на походе запрещено нападать даже на караваны. После одержанной победы он не убивает женщин и детей и никогда еще не увозил пленников в рабство на чужбину. И управление завоеванными территориями доверяется властям этих стран, правда, под персидским надзором. Он не изгоняет местных торговцев и не заменяет их своими. Он, наконец, берет под свою защиту чужие святыни и из уважения к обычаям других народов даже сам приносит жертвы их богам. Он не только не отбирает у храмов богатства, но даже умножает их сокровища своими дарами. Чистотой нравов и милосердием к завоеванным странам Кир повсюду снискал симпатии народов, и часто бывает так, что жители покоренных городов приветствуют его как освободителя от тирании собственных владык.

Из речи экбатанского брата жрецам Эсагилы прочнее всего запало в память, что Кир заботится о чужих храмах, из уважения к обычаям других народов приносит жертвы на алтари чужих богов и, главное, что он щедро одаривает святилища.

Лишь Улу внимательно взвешивал каждое слово перса. Отдавая должное государственной мудрости Кира, и в известной степени и силе его нравственных установок, он не мог уяснить одного, о чем и спросил персидских посланцев:

– В таком случае, какие же цели преследует ваш могущественный повелитель своими завоеваниями, если он не ищет выгоды для себя?

Перс немедленно ответил:

– Единственную цель: он хочет объединить все народы Старого Света в одной державе, которая простиралась бы от Нила до Индии и от Финикийского моря на севере до Персидского моря на юге.

– И все-таки я еще не понимаю, – настаивал Улу. Гость охотно пояснил:

– Прежде всего это открывает большие возможности для развития страны, улучшения торговли внутри объединенных земель и расширения заморской торговли.

Единое управление государством и оборонительный союз против угрозы с северо-запада. Царь Кир видит наибольшую опасность для наших народов со стороны греков и римлян, культура и военная мощь которых быстро возрастают. Поэтому, объединив наши южные народы, он хочет создать несокрушимую преграду на их пути. Наш прозорливый государь хочет также воспрепятствовать и тому, чтобы родственные нам страны истощали себя в бессмысленной борьбе за главенствующую роль. Это приведет лишь к взаимному разорению друг друга, и там, где ныне стоят цветущие города, расстелется мертвая

пустыня.

С этим доводом Улу не то чтобы согласился, но счел его достойным внимания. И все же ему не было ясно, почему объединенными народами должен править персидский лев.

И услышал в ответ, что право управлять другими принадлежит сильнейшему.

– Так Персия, по-твоему, сильнее Халдейской державы? – спросил бару. толкователь заклинаний, которого тоже неприятно задела эти слова.

– Сила не только в золоте, но и в мудрости, – дипломатично ответил экбатанец.

– А разве кому-нибудь удалось превзойти халдеев мудростью? Нечестивый Ашшурбанипал рассчитывал лишить Вавилон его познаний, перенеся все записи из его хранилищ в Ниневию. А Ниневия пала от десницы Навуходоносора, и под развалинами осталась погребенной ее мудрость. Поныне лежат там десятки тысяч таблиц, коими так и не удалось Ашшурбанипалу предотвратить гибель самого могущественного тогда города на свете.

Экбатанец с усмешкой возразил ему:

– Людская мудрость скрывается не только в голове, но и в сердце. Вавилония и Ассирия признавали лишь мудрость разума. Рассудок научил правителей обращаться с кнутом и мечом, обездоливать несчастный люд. Мудрость сердца побуждает современных владык править по законам справедливости и человечности, наделяя правами и последнего простолюдина.

– Разве не существует уже свыше тысячи лет свод законов, завещанный Хаммурапи, разве не воздаст он каждому по заслугам и справедливости? – порывисто возразил пасису, жрец помазаний.

Оба экбатанца усмехнулись, не удостоив его ответом.

– Братья, – поднялся со своего места Исме-Адад, вовремя заметивший, что совет начинает приобретать характер склоки между представителями двух враждующих лагерей. – братья, мы собрались здесь не ради мирских дел, а ради наших жреческих, не будем же от них отвлекаться.

И, воздев руки, он воззвал к небесам:

– Благородный Мардук, не покидай этого святилища, не дай нашему разуму заблудиться в потемках!

И опять пламя светильников взметнулось и, постепенно угасая, вновь замерцало обычным ровным светом.

– Экбатанские братья, – продолжал Исме-Адад, – вы сказали нам, что могущественный царь Кир берет под свою защиту храмы покоренных городов, приносит в жертвы на алтари чужих богов, одаривает чужие святыни. Следовательно, напав на Халдейское царство и захватив Вавилон, он оставит в неприкосновенности и Храмовый Город и у служителей божьих даже волос не упадет с головы?

– А как же народ, досточтимый отец? – сквозь зубы процедил Улу, который буквально задыхался от сознания того, что здесь куется измена.

– Разве ты не слышал, брат Улу, – невозмутимо ответил верховный жрец, – что могущественный Кир не отбирает имения побежденных, не угоняет их в рабство, не насаждает в городах своих порядков? Значит, и народу ничего не угрожает. К тому же, – тут в его голосе зазвучали более строгие нотки, – как я уже сказал, нам надлежит

заботиться прежде всего о сохранении нашего жреческого сана. О народе пусть заботится царь. На то у него и армия.

– Совершенно справедливо, – поспешил поддержать замару, жрец песнопений, который во всем поддакивал Исме-Ададу.

Верховный жрец, почувствовав поддержку, выдавил слабую улыбку одними уголками губ и продолжал:

– Поэтому, дорогие братья из Экбатаны, заключим нашу беседу следующим уговором. Пред ликом владыки мира Мардука я клянусь, что мы не обнажим меча против персов и встретим царя Кира без боя. Вы же должны обещать перед богом и заступником вашим

Ормуздом передать наше решение вашему повелителю Киру и оградить Эсагилу от всего, что бы ни случилось.

При этих словах рука Улу, выводящая мелкие письмена на восковой табличке, дрогнула. Разум его негодовал, но он лишь сжимал зубы, повторяя про себя: «Халдейские жрецы предали персам свою отчизну».

Между тем посланцы Экбатаны кивнули в знак согласия с предложением Исме-Адада. Они только осведомились, не готовится ли царь Валтасар к обороне против персов.

Верховный жрец отвечал, что это должно решить предстоящее через две недели заседание государственного совета. Большинство сановников находятся под влиянием Эсагилы, и царя, возможно, никто не поддержит. Тогда рухнет и весь оборонительный план, направленный против персов. Печально, однако, что страна наводнена персидскими лазутчиками, а это может быть использовано в доказательство недобрых намерений нашего великого соседа.

– Впрочем, об этом нам мог бы сообщить присутствующий здесь Сан-Урри, помощник верховного военачальника вавилонской армии.

Все взгляды обратились к Сан-Урри, который, откинув с колен полы длинной мантии, приготовился говорить. Орлиный загнутый книзу нос, изможденное, бледное лицо, бегущие глаза, тонкие, резко очерченные губы и сутулая, как бы мрачно нахохлившаяся фигура изобличали в нем человека завистливого и неискреннего.

– Утром, – начал он, – Набусардар, верховный военачальник царской армии, собирается отправиться на север, в деревни, расположенные по Евфрату, чтобы там изловить персидских лазутчиков. Царь Валтасар обещал поддержать оборонительные меры Набусардара, если тот сумеет доказать, что лазутчики царя Кира в самом деле переступили нашу границу и что, следовательно, персы замышляют войну. Тогда царь Валтасар распорядится осуществить план Набусардара, хотя бы этому воспротивилась вся Эсагила и вся Вавилония. Поэтому Набусардару так важно сейчас схватить хотя бы одного шпиона.

– А ты полагаешь, достойнейший воин, что ему это удастся? – живо заинтересовался экбатанец.

– В нашей стране полно лазутчиков, – отвечал Сан-Урри, – и при некоторой ловкости он может схватить одного-двух.

– Надо помешать этому, – встревожился пасису.

– Или предупредить его, – вмешался жрец Ормузда.

– Но как?

– Мы подошли к вам троих персов, которые выдадут себя за лазутчиков. На допросе они покажут, что выполняют службу такого рода лишь по причине опасений царя Кира перед возможным нападением Вавилонии на его державу. И что якобы Кир считает Вавилонию сильнее себя.

– Великолепная мысль, – обрадовался верховный жрец, – убедить царя, будто Кир засылает шпионов лишь из осторожности и страха, что Вавилония нападет на него первой и застигнет врасплох, в то время как персидское войско серьезно ослаблено потерями в недавних войнах.

– Великолепно, – угодливо подхватил за Исме-Ададом пасису.

– И мы избежим войны, – добавил рамку, жрец омовений, – войны, которая сейчас меньше всего нам нужна.

К ним присоединился и магу, жрец-прорицатель, и мунамбу, жрец-глашатай.

Исме-Адад встал и поднял руки, чтобы благословить собрание.

– Братья и служители бессмертных богов, я полагаю, что наше соглашение, освященное мудростью самого Мардука, состоялось. Брат Улу подготовит два текста: на братском персидском языке и на языке наших ученых книг, шумерском. Мы скрепим их печатями.

С этими словами он откинул темный занавес, закрывавший нишу в стене между светильниками, и взорам присутствующих открылась огромная, во всю высоту святилища, статуя владыки небес, всемогущего Мардука, отлитая из чистого золота. Все опустились перед ней на колени и, скрестив руки на груди, поклялись сохранить тайну.

Вслед за верховным жрецом они повторили слова торжественной клятвы:

– Если я прегрешу против воли твоей, творец мира ч покровитель Вавилона, прерви течение дней моих и обрати меня в прах, пищу демонов. Если хоть единым словом выдам я то, чему свидетелем был сегодня, пусть слуги твои вырвут мне язык. Если взглядом намекну на то, что здесь происходило, пусть воители за правду твою выколют мне глаза. Если руками своими укажу я непосвященному дорогу к тому месту, где будет укрыт текст договора, пусть меч оставшихся верными тебе отрубят члены мои, да поглотят их воды Евфрата. Пусть не будет мне спасения от злых духов, да иссушат они мою мысль, а тело усеют язвами, отметят немощью. Клянусь до конца дней своих не изменить священной тайне, осеняющей незыблемость жреческого сана. В противном случае – да бегают меня стороной зверь и человек. Да пропадет для меня питье и пища. Да иссохнут мои губы от жажды и от голода.

По окончании этой страшной клятвы, все угрозы которой без колебаний осуществили бы против ослушника эсагильские блюстители жилища богов, все снова уселись на низенькие скамеечки из черного дерева.

Вавилонский верховный жрец и старший представитель Экбатаны продиктовали текст соглашения, который Улу занес на серебряные таблички.

Одну из таблиц, на персидском языке с печатью Эсагилы, взяли себе экбатанские жрецы, а другую, на шумерском с печатью святыни Ормузда, вложили в тайник, скрытый в постаменте статуи великого Мардука.

На этом совещание в подземном святилище закончилось, и двенадцать фигур в черных балахонах, облегченно переведя дух, выбрались на свежий воздух из спертой атмосферы подземелья, насыщенной чадом масляных светильников и дымом кадилниц.

Немного погодя под сводами башни Этеменанки состоялась торжественная трапеза в

честь братьев из Экбатаны.

С этой трапезы Сан-Урри унес отравленные лепешки. С благословения верховного жреца он вложил их в кожаный мешок для еды, украдкой приторочив его потом к колеснице Набусардара, стоявшей у дома командования армии.

Сан-Урри охотно согласился убить Набусардара, так как завидовал его военному таланту и славе. Эсагила в награду за эту услугу обещала Сан-Урри добиться потом для него поста верховного военачальника халдейской армии. Вот почему он был особенно заинтересован в смерти Набусардара.

* * *

Наутро, когда Набусардар покинул Вавилон, держа путь на север вдоль правого берега Евфрата, Эсагила сообщила в царский дворец, что ей удалось поймать грех персидских лазутчиков.

Царь Валтасар несказанно обрадовался этому известию. Мысленно он уже видел, как полки халдейской армии выступают в поход против его ненавистного соперника, надменного тигра, царя Кира.

Однако на допросе, который проходил в присутствии Валтасара и высших военных чинов, выяснилось, что Кир слишком истощен своими военными предприятиями, чтобы помышлять о нападении на Вавилон, – напротив, он сам побаивается внезапной атаки со стороны Вавилонии. У персидских лазутчиков было только одно задание – установить, не собирается ли Вавилон напасть на Персию, воспользовавшись ее затруднительной ситуацией.

Лазутчиков допрашивали поодиночке, но ответы всех полностью совпадали.

Таким образом, оказалось, что Вавилону нечего опасаться, а значит, нет никакого резона военными приготовлениями вызывать излишнее волнение у себя дома и за пределами страны.

Валтасар не отличался особой проницательностью и все-таки ему показалось странным, что Эсагила не приняла участия в допросе шпионов. Она как будто не интересовалась их показаниями.

Валтасар без Набусардара не отважился даже намекнуть на это обстоятельство. Он смутно чувствовал, что перед ним разыгрывают какой-то хорошо подготовленный спектакль, а он, царь Вавилона, как малое дитя, молча взирает на это подлое лицедейство.

Но, поджав губы, ничем не выдал своих подозрений, решив дожидаться возвращения Набусардара.

Царь провел беспокойную ночь и на рассвете отправил своего гонца во дворец верховного военачальника.

Набусардар не догадывался о причинах столь спешного вызова к царю, тем не менее он считал своим долгом явиться немедленно. Как бы там ни было, но и слабый царь Валтасар в его глазах был главой государства. Кто же виноват, что вместо него в

Вавилонии не родился новый Саргон или Хаммурапи, Набопаласар или Навуходоносор? Можно ли обвинить Валтасара в том, что он был только тенью своих великих предшественников?

Его величество Валтасар, томясь в ожидании, терял остатки терпения, когда стража распахнула двери его покоев и личный гонец государя объявил о прибытии Набусардара.

– Пусть войдет, – приказал царь и, в нарушение дворцового этикета, сам пошел ему навстречу.

Набусардар в дверях склонил голову и оставался стоять в этой почтительной позе, пока Валтасар не предложил ему подойти ближе.

В последнее время не было принято, чтобы высшие сановники, знатные вельможи падали ниц перед своим повелителем. По прихоти молодого владыки, многое изменилось в дворцовых ритуалах, предписаниях и церемониях. Он ломал старые порядки и заводил новые, отвечавшие духу нового времени. Ведь этим он каждый раз давал повод двору и народу говорить о себе.

– Живи вечно, царь Вавилонии! – произнес обычное приветствие Набусардар, когда Валтасар поманил его рукой.

– Да благословят небеса и тебя, верховный военачальник армии непобедимого Валтасара! – ответил на приветствие царь.

– По приказу его величества я с доверенным гонцом срочно прискакал из своего дворца. Его величество имеет распоряжения для своего верного слуги?

– Да, – подтвердил Валтасар, – вчера, пока ты отсутствовал, князь, неожиданно случилось одно событие, о котором я расскажу тебе после того, как ты проводишь меня в голубую гостиную Амугеи Мидийской, – я хочу выпить там вина.

– Но его величество еще не принес жертвы богам, – позволил себе заметить Набусардар.

Валтасар засмеялся, и его пронзительные черные глаза вспыхнули недобрым огнем.

– Вчера они позабыли обо мне, когда мне была нужна их помощь, сегодня я позабуду о них. Надеюсь, Эсагила убоглотворит их надлежащим образом.

В каждом слове царя сквозила досада, и Набусардар ждал, когда царь Валтасар объяснит ее причину.

Он проследовал за царем в голубую гостиную. Там Валтасар велел наполнить три бокала и поставить их вместе с закусками на золотой столик. Он сосредоточенно смотрел, как золотистая жидкость, выливаясь из горлышка кувшина, заполняла бокалы дорогого критского стекла, не уступавшие ценностью кубкам из благородных металлов.

Когда бокалы были наполнены, Валтасар дал один из них пажу – отпить. Потом, выбрав два куска с разных краев блюда, заставил пажа их съесть. После того как спустя десять минут у юного царедворца не обнаружилось никаких признаков отравления, он отпустил его. Только воочию убедившись в безвредности угощения, он жадно схватил бокал, предложив другой Набусардару.

– Поистине лучи солнца, – наслаждался он, смакуя изумительный букет вина.

– Живи вечно! – откликнулся полководец. – Я никогда еще не пробовал ничего подобного.

– Это вино с Кипра, – воодушевился царь, довольный случаем похвастаться, – с божественного Кипра. С острова, который называют вторым раем на земле.

Он наполовину осушил бокал и умолк. Мысленно он снова вернулся к допросу лазутчиков. Кто из богов так жаждет омрачить дни его правления? Кто из богов стремится наполнить его душу страданием вместо утех?

Царь вспомнил, что его поставщик, человек весьма искушенный и оборотистый, посулил ему прекраснейших рабынь с Кипра. Финикийские купцы на своих кораблях перевезут их через широкое море, а потом по волнам Евфрата доставят в Вавилон. Здесь собирались прославленные красавицы со всего мира, чтобы торговать своим пьянящим телом и соблазнять каждого, кто посмотрит на них. Сколько их содержалось в одной Муджалибе! А вот женщин с Кипра там еще не бывало, и Валтасар уже наперед отгадывал по вкусу вина вкус их любовных ласк. Но кто-то из богов завидует ему и посылает дни горести вместо радостных дней.

– Князь, если б ты знал, каких наслаждений лишают нас завистливые боги. Даже у вавилонского царя, сына богов, нет права на радость, – произнес Валтасар, хотя следовало говорить вовсе не об этом.

Набусардар поставил бокал на стол и молча взглянул на царя. Ему не терпелось узнать наконец о причине поспешного вызова в царский дворец. И так как Валтасар не начинал разговора об этом, нетерпение его все возрастало.

– Но ты, князь, – продолжал царь, словно нарочно отдаляя неприятный разговор о лазутчиках, – ты ненасытен в другом. Готов поспорить, что, пока я грежу о красавицах, ты мечтаешь о самом надежном оружии в мире.

– Его величество не ошибся, я всегда отдаю предпочтение доброму мечу.

– И все же, насколько мне известно, вавилонские женщины сами стелются тебе под ноги.

Царь завистливо засмеялся, но тут же оборвал смех.

– Тем не менее я предпочитаю добрый меч, – повторил Набусардар.

– Вот почему тебе не терпится померяться силою с Киром, – намеренно задел его Валтасар. – Ты жаждешь славы, вот и твердишь о войне, ведь только в бою воин может доказать свою доблесть. Ты хочешь, чтоб тебя называли лучшим полководцем Вавилонии, как меня называют лучшим ее царем.

Он в упор взглянул на Набусардара, как бы желая прочесть его сокровенные мысли. Кто знает, где правда? Вчера он подозревал Эсагилу и Сан-Урри. Сегодня ему кажется, что именно Набусардар ведет коварную игру.

– Конечно, тебе не терпится схватиться с персидским львом, – подзадоривал его царь, – и ты ищешь моей поддержки. Нельзя отказать тебе в умении выбрать союзника, ведь я действительно самый могущественный повелитель на свете. Однако сейчас нет надобности вызывать волнение внутри страны и за ее пределами. Кир даже не помышляет о войне с нами, напротив, боится, как бы мы на него не напали. Вавилону война пока не нужна, он и так утопает в богатстве и золоте. Зачем же тратить несметные средства на армию и рисковать жизнью ради бесцельных походов?

С каждым словом царя возмущение Набусардара росло, и он все крепче сжимал в руке бокал.

Откуда у царя эти мысли? Еще позавчера, перед самым отъездом Набусардара из Вавилона, он был исполнен намерений противопоставить Киру самую сильную армию в

мире. За всем этим угадывается чье-то давление, кто-то сыграл на непостоянстве царя против... Тут Набусардар даже растерялся. Против кого, собственно? Против него, Набусардара? Разве он хлопочет ради себя? Против армии? А что такое армия, если не оплот державы?

Набусардар с трудом перевел дух. Сомнений нет – все, что он здесь услышал, продумано и вымышлено его недругами. Они хотят отравить сознание молодого царя, заставить его опасаться Набусардара больше, чем могущества Кира.

Не в силах больше сдерживаться, он спросил:

– Его величество желает бросить державу на произвол врагов?

– О каких врагах ты толкуешь? – надменно выпрямился царь. – Кто в Вавилонии дерзнет иметь своим врагом меня, царя царей? Или ты забыл, князь, что по единому слову царя может слететь половина халдейских голов?

– Его величество имеет в виду и головы Эсагилы? – вспыхнул Набусардар.

– С нею мне не все ясно. Но мне пришлось убедиться, что Эсагила стоит на страже порядка, и, при всей ненависти к ней, я не могу не восхищаться ее мудростью.

– Не мудрость ли Эсагилы, осмелюсь предположить, пошатнула убеждение его величества в персидской опасности?

Царь нахмурился.

– Вчера Эсагила доставила трех персидских лазутчиков, схваченных ею. Их допрашивали в моем присутствии, и выяснилось...

Набусардар поставил бокал и обеими руками вцепился в ручки кресла.

Он нетерпеливо повторил за царем:

– И выяснилось...

– Выяснилось, что твои опасения безосновательны.

– Безосновательны?

– Да. Кир засылает лазутчиков, потому что боится нас. Он истощен непрерывными войнами и опасается, что мы воспользуемся его теперешним трудным положением.

– Ваше величество, – простонал верховный военачальник, скрипнув стиснутыми до боли зубами.

Валтасар в ответ поднялся с кресла, вслед за ним встал и Набусардар.

Он возвышался над царем, четким угрожающим силуэтом выделяясь на фоне нежно-голубой эмалевой стены, переплетенной золотым орнаментом. Рядом с Валтасаром его фигура подавляла широтой могучих плеч, которым словно предопределено нести тяготы целого мира. Один взгляд на его руки, не выпускавшие рукояти меча, внушал уверенность, что им под силу справиться с любым недругом. По сравнению с обрюзглой физиономией царя его лицо было похоже на натянутый лук.

Всякий раз, когда Валтасару случалось видеть верховного военачальника таким, в нем поднимался страх за свою власть. Но Набусардар настолько изучил капризный нрав своего повелителя, что всегда знал, какое применить средство – напустить ли на себя суровость или проявить верноподданническую почитательность. Суровость помогала ему

укротить упрямство Валтасара, а почтительность – удержать его расположение. После рассказа Валтасара он немедленно спросил:

– А не соблаговолил ли его величество царь царей спросить, откуда у Эсагилы вдруг оказались под рукой лазутчики как раз в тот день. Когда я до изнурения рыскал за ними под палящим солнцем и даже не напал на их след?

Царь заморгал глазами, скользнул взглядом по лицу Набусардара и рассердился, так как слова военачальника задели в нем самую чувствительную струну – подозрительность.

Он отрубил:

– Эсагила не присутствовала на допросе!

Эсагила уже наперед знала, что скажут лазутчики, – зловеще засмеялся Набусардар, – и не нашла нужным напрасно тратить время.

Царь отметил про себя, что и у него закрадывалось подобное сомнение, но сейчас он не желал в этом признаться, чтобы Набусардар не вообразил, будто царь не обойдется без его совета и помощи.

Между тем полководец продолжал:

– Поскольку Эсагила отсутствовала, ее не могли и спросить, кто, собственно, схватил лазутчиков?

И, впившись взглядом огромных, обжигающих глаз прямо в слабую душу Валтасара, суровым тоном задал царю вопрос:

– Да позволит мне его величество узнать, как военный совет решил поступить с персидскими лазутчиками?

Царь молчал.

– Никакие тюремные запоры, даже засовы Эсагилы, не помешают мне возобновить следствие, – наседал Набусардар. – Я буду настаивать на новом допросе.

Валтасар ответил:

– Военный совет постановил отпустить всех троих с условием, что они немедленно покинут страну и под нашим надзором перейдут границу.

Набусардару кровь бросилась в лицо.

– Как мог его величество удовольствоваться таким решением?

– Тебя не было на совете, князь, но ты хорошо знаешь, что в твое отсутствие дела решает твой помощник, Сан-Урри. Его предложение и было принято.

– Помощник верховного военачальника. – процедил сквозь зубы Набусардар. и воспоминание об отравленных лепешках начало прояснять стечение всех обстоятельств.

Опытный воин и полководец не отпустил бы вражеских лазутчиков на свободу. И если Сан-Урри поступился военными соображениями, значит, у него какие-то иные цели. Эсагила не участвовала в допросе и не опротестовала решения Сан-Урри. Следовательно, они заранее вошли в сговор и цель у них общая. Эсагиле не по душе оборонительный план, и поэтому она борется с Набусардаром. Если бы Сан-Урри не был заодно с эгоистической, своекорыстной Эсагилей, лишенной даже капли патриотизма, он

не отпустил бы лазутчиков, не дал бы им удрать из страны до возвращения Набусардара. Быть может, Сан-Урри, который всегда прикидывался лучшим и преданнейшим другом Набусардара, действует не только по наущению Эсагилы, но преследует и свои собственные интересы, злоупотребляя оказанным ему доверием? Заинтересован ли он лично в смерти Набусардара, не на его ли совести отравленные лепешки?

По трезвом размышлении он пришел к утвердительному ответу.

Сан-Урри способен на все. Однако теперь бесполезно ломать над этим голову, высланные персидские шпионы в эту минуту либо уже за Эламскими холмами, либо настолько близко от границы, что и самый быстрый гонец не настигнет их. Оставалось одно – добиться ясности у Валтасара. Сан-Урри он займется в ближайшее время.

Хотя в его отсутствие Эсагиле и удалось провести царя, Набусардар решил во что бы то ни стало снова расположить его в свою пользу. Прежде всего следовало взять себя в руки, так как нет ничего опаснее, нежели действовать в пылу гнева и горячности.

Он постарался овладеть собой и заметил Валтасару, что завоевание Вавилонии Киром едва ли повлияет на судьбу Эсагилы, но царь халдейской державы неизбежно падет. В лучшем случае Валтасара ждет судьба узника в подземельях экбатанского царского дворца, а вероятней всего, он станет жертвой персидских солдат, которые триумфально пронесут его отрубленную голову до своей столицы.

– Довольно! – выдохнул Валтасар и, обессиленный, упал в кресло.

Ослабевшей рукой он потрогал кадык, выступавший над широкой золотой цепью.

Набусардар спешил воспользоваться минутой слабости властелина. Он продолжал живописать жестокость и зверства варваров, обитавших за Эламскими холмами, столь красочно и таким ясным и звучным голосом, что Валтасар вскочил с кресла и заметался по залу. словно хотел убежать от жутких рассказов о кровавых бесчинствах врага. Он и сам подчас жестоко расправлялся со своими подданными, но теперь ему не хотелось об этом слышать, поскольку подобная судьба грозила ему самому.

Слова Набусардара внушали ему ужас, и он снова воскликнул:

– Довольно, князь! Не знаю, почему боги не желают даровать покой дням моего правления. Я молод, в мои годы от других требуется только умение наслаждаться. Почему я служу мишенью для стрел, что ни день летящих со всех концов Вавилонии?

– Навуходоносор тоже был подобной мишенью и все-таки сокрушил всех своих врагов. Не нашлось такой стрелы, которая смогла бы поразить его сердце. Нужна только мудрость, царь царей, лишь она делает человека неуязвимым.

Валтасар оперся на полочку со стопками таблиц.

– А что же такое мудрость? – спросил он. Его глаза горели пламенем, которое разжег Набусардар. – Может, мудростью является осмотрительность, о которой ты, князь, мне постоянно твердишь?

– Осмотрительность – часть мудрости, ваше величество, но еще не вся мудрость.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что я должен, подобно храмовой моли, прогрызть все полки вавилонской библиотеки и тем приобщиться к мудрости богов?

– Мудрость этих книг безмерна, но и она неполна.

– Так в чем же мудрость, князь? – нетерпеливо вскричал царь. – Хоть ты не терзай

меня!

– В том, чтобы иметь глаза, иметь сердце, иметь разум, которые могут отличить добро от зла, истинное от ложного, полезное от вредного, необходимое от ненужного.

Валтасар с вытаращенными глазами словно превратился в бронзовый барельеф, врезанный в стену. Ни единым движением не обнаруживал он признаков жизни.

Набусардар не сразу понял, что происходит с царем и как на него подействовали последние слова. Но Валтасар сам рассеял его недоумение – он вдруг презрительно захохотал:

– Ты говоришь – добро от зла? Не люблю умничанья, предпочитаю действия. Полководец моей армии должен полагаться на силу меча, а не на слова.

Набусардар не ожидал такого ответа и метнул мрачный взгляд на царя.

подавив гнев, он сказал:

– Прежде, чем действовать, надо все продумать, ваше величество!

– Я все продумал, как ты сейчас убедишься. Больше я не поддамся ни на чьи уловки, включая Эсагилу. Я окончательно убедился, как важно царю иметь большую армию и доблестного полководца. Я, собственно, и распорядился призвать тебя, чтобы поговорить об этом. – Переведя дух, он продолжал: – Да, ты должен верить в силу меча. Ты сам только что описал, что ожидает нас, если мы не будем обладать военной силой. И я хочу, чтобы моя армия стала оплотом Халдейской державы. Я не пожалею золота, от которого ломятся кладовые царского дворца. Я распорядюсь подготовить приказ моему казначею, чтобы он, не мешкая, выдал средства на предложенный тобой оборонительный план. По всей Вавилонии от северных границ до южных, от западного берега Евфрата до восточного берега Тигра, ты расставишь военные посты, и царь царей, бессмертный Валтасар, сделает то, что не удавалось еще ни одному из его предшественников. Одним ударом я покончу с двумя врагами: с персидским львом и Эсагилой.

Набусардар не мог объяснить себе столь внезапный поворот в настроении царя. Если бы эту пламенную речь произнес властитель с железным складом характера, каким был Навуходоносор, он считал бы эту минуту благословеннейшей в истории Вавилонии. Но, зная Валтасара, он не торжествовал.

Валтасар подошел к столу. Довольный собой, он развалился в мягком кресле и поднял бокал с вином.

– Ответь мне князь, смог бы кто-нибудь из моих ровесников измыслить более великолепный план, чтобы стать прославленным властелином всех времен?

Единым духом он осушил бокал и горящим взглядом впился в Набусардара.

Значит, не заботой о народе и безопасности страны продиктованы его слова. Валтасар печется о внешнем блеске и личной славе, всегда подобной лишь мгновенной, пусть даже ослепительной, вспышке. Царь могущественнейшей державы мира не стремится к тому, чтобы память о нем немеркнущими буквами была вписана в историю веков. Во имя скоротечной славы он забывает об истинной ценности и основательности своих деяний.

Прихлебывая вино отвисшими губами, Валтасар смеялся, а вино плескалось в бокале, как плещется вода в чашке у расшалившегося ребенка.

– А ты, князь, ты разве не выпьешь за мою великолепную идею?

Набусардар поклонился и потянулся за своим бокалом. Ему было все противно здесь, но он поднял бокал со словами:

– Живи вечно, царь царей, – и не удержался, чтобы не добавить с оттенком иронии: – Искупитель Вавилонии!

– Удачно сказано! – Валтасар отнял бокал от губ и, подняв его вверх, упивался звучанием этих слов. – Искупитель Вавилонии – вот верное определение. Я буду не просто заступником, как меня называли прежде, я хочу зваться Искупителем!

Он привстал и снова мечтательно произнес:

– Валтасар... Искупитель Вавилонии! Набусардар смотрел на него с отвращением. Голубая гостиная злосчастной царицы Амугеи, дочери мидийского царя Киаксара и первой жены Навуходоносора, казались ему темнейшей из темниц. Блеск благородных металлов ранил ему душу. Россыпи драгоценных камней стесняли дыхание, как песок во время бури в пустыне. Он не мог больше находиться здесь. Он снова убедился, что бессмысленно искать в Валтасаре поддержки и государственной мудрости.

Набусардар решил как можно скорее покинуть царский дворец и употребить время с большей пользой. Поэтому он сухо сказал:

– Я жду приказаний, ваше величество.

– Я сказал тебе все, что хотел. Мою душу уже ничто не тяготит. Я открою казну, и ты выставишь армию, с помощью которой Валтасар одолеет Эсагилу и Кира. Разумеется, князь, верховное командование будет доверено тебе. Так решил властелин Халдейской державы. Мне же, как говорится, уготованы наслаждений богов. Так утверждают жрецы. Я знаю. очи бы хотели этим отвлечь меня от дел, чтобы полностью развязать себе руки и отстранить меня от управления страной. Но я успеваю и пить из сладостной чаши богов, и править державой.

С каждой минутой Набусардар чувствовал все растущее раздражение и тревогу.

А Валтасар продолжал:

– Я не спал всю ночь. Мне казалось, что мой сон спугнули персидские лазутчики, пойманные Эсагилой. Но теперь я склонен думать, что не только это не давало мне покоя.

Он потянулся в кресле и причмокнул.

– Кипр, – протянул он мечтательно, – земной рай. Там под пышными кронами деревьев возлежат томлящиеся желанием женщины, подобные сочным гроздьям винограда. Финикийские корабли привезут прекраснейших из них. Я успеваю и пить из сладостной чаши любви. и править державой.

Он ликовал, в его зрачках метались весенние солнечные блики.

– Чтобы облегчить тебе борьбу с Киром и Эсагилой, я подарю одну из них тебе. Хочешь?

Лоб Набусардара, словно магма, бугрился волнами морщин, а выражение лица сделалось еще суровее.

– Знаю, ты не любишь разговоров о женщинах. По глазам вижу, о чем ты мне хочешь сказать: что тебе разумнее подарить кованный меч, которым ты сокрушишь варваров-персов. Не так ли?

– Ваше величество изволит отдать мне еще какие-либо распоряжения? – повторил Набусардар.

Холодность верховного военачальника слегка задела царя, но он не стал принимать ее близко к сердцу, чтобы не портить себе настроения.

– Больше ничего, князь, – ответил царь. Он многозначительно усмехнулся, глядя в упор на Набусардара. и с шумом отхлебнул вино из бокала, на котором был изображен хоровод юных почитательниц Иштар. Могло показаться, что он целиком погрузился в созерцание обнаженных тел, но едва Набусардар приготовился уйти, как Валтасар согнутыми пальцами оттолкнул бокал и резко поднялся.

Набусардар произнес прощальное приветствие, но Валтасар опять задержал его:

– Я желаю быть великим властелином. Затмить Навуходоносора. Поэтому я дам тебе великую армию. Более могущественную, чем была у Навуходоносора. Запомни это, князь.

Он ожидал изъявлений восторга, он нуждался в уверениях, что великая армия вознесет его на такие высоты славы, каких не удостаивался еще никто. Но напрасно. Набусардар лишь прижал к груди скрещенные руки и низко поклонился.

Валтасар добивался ответа:

– Превзойду я Навуходоносора, князь?

– Надо превзойти живых, а не мертвых. Слова эти обожгли царя, как пылающий уголь.

– Что ты хочешь сказать, князь? – надменно выпрямился он.

– Что нас ожидает борьба с персами и Эсагилой.

– С персами и Эсагилой! – вспыхнул Валтасар. – С персами и Эсагилой! Это правда!

И все же не это хотел бы он услышать. Потому что помимо живых, даже настойчивее и назойливее живых, днем и ночью его преследовала тень покойного Навуходоносора, в чем он не признавался даже Набусардару. Тщетно убеждал он себя, что Навуходоносор вот уже более двадцати лет обретается в царстве теней. Все равно он продолжал завидовать ему, ненавидеть и бояться его,

Внезапно ему почудились чьи-то приглушенные шаги. И тут же в голове мелькнула безумная мысль, что это шаги Навуходоносора.

Блуждающим взором он взглянул на полководца и спросил:

– Слышишь?

– Нет, ваше величество.

Валтасар бросился к двери справа. Стремительно распахнул ее, чтобы проверить, действительно ли духи тьмы отваживаются являться и при дневном свете.

Набусардар последовал за ним, и увиденное поразило его не меньше, чем царя. За дверью, скрючившись у замочной скважины, притаились два жреца, подслушивавшие их разговор.

Валтасар кликнул стражу и приказал:

– В темницу обоих. Даже Исме-Ададу не спасти их от казни. Я прикажу обоим отрезать языки.

Когда преступников увели, он сказал Набусардару:

– Уверю тебя, Непобедимый, Эсагила не узнает ни слова из нашей с тобой беседы. Я велю отрезать им языки. А теперь возвращайся к делам. Ты собирался произвести смотр казарм.

Набусардар покинул его.

В коридоре у выхода из царских покоев стража подала ему плащ и шлем с высоким гребнем.

Сбежав по лестнице во двор, он столкнулся с Асумой, доверенным царским гонцом, который дожидался его с заранее приготовленным паланкином.

– Куда прикажешь, Непобедимый? – обратился он к Набусардару. – Тебя ждут носилки.

Набусардар рассеянно поблагодарил и отправился пешком.

– Ты больше не доверяешь мне, – огорчился Асума, удивленный необычным поведением верховного военачальника.

Набусардар очнулся от задумчивости и дал царскому посыльному знак следовать за ним.

Они направились к дому командования армии. Позже он намеревался немедленно объехать вавилонские казармы и военные лагеря в окрестности города. Набусардар хотел иметь четкое представление, в каком состоянии находится армия, как живут солдаты.

* * *

Дом командования стоял на холме Ги́ла среди других дворцовых зданий, отличаясь от них лишь толстыми стенами и башнями. Перед ним прохаживались караульные с застывшими, каменными лицами, но с орлиными зоркими глазами. Тяжелые деревянные створы массивных ворот были для прочности обиты жельем и украшены бронзовыми рельефами с изображением знаменитых сражений. Внутренний двор был обсажен декоративным кустарником, вывезенным из покоренных стран как символ победы над ними. Вдоль правильного четырехугольника зелени шла широкая аллея скульптур искуснейших ваятелей мира. Их установил здесь еще Навуходоносор. Посередине газона били фонтаны, рассеивая во все стороны прохладную водяную пыль. Дорожки вели к центральному входу в здание, у его ступеней застыли изваяния двух каменных львов.

На одной из дорожек появились Набусардар с Асумой. Набусардар нагрелся в неурочное время. Обычно он приходил часа на два позднее. Сегодня этот обычай был нарушен, – очевидно из-за раннего вызова к царю.

Караульные подняли копья в знак приветствия.

Тут и там раздавалось звяканье наколенников, бряцание оружия и громкое эхо шагов.

Вдоль лестницы, ведущей на второй этаж, мерцали по стенам огоньки подвесных светильников и дрожали язычки пламени в фонарях, установленных на специальных подставках.

Два военачальника, несших караул перед входом в канцелярию полководца, отдали честь и расступились, освобождая дорогу.

Набусардар толкнул дверь и стремительно вошел внутрь.

Неожиданный визит захватил Сан-Урри врасплох. Он не сомневался в неотразимом действии отравленных лепешек. Если бы, однако, Набусардар избежал смерти, Эсагила заранее предупредила б его, так как служители священного Мардука не дремали и имели своих осведомителей во всех уголках Вавилона. Но хотя Набусардар каким-то чудом и остался жив, Эсагила не успела известить об этом Сан-Урри, занятая необычно ранним визитом полководца к царю.

Пока двое служителей Мардука, прильнув чутким ухом к двери, ловили каждое слово беседы царя с полководцем, Сан-Урри пытался извлечь из тайника Набусардара важные военные документы, вторичное изготовление которых потребовало бы несколько месяцев, если не лет.

Отравленные лепешки, случай с лазутчиками и предложение отпустить их на свободу посеяли недоверие в душе Набусардара.

При виде Набусардара Сан-Урри мгновенно захлопнул шкатулку, вскочил и принял оборонительную позу. Лицо его стало белей стены, рука инстинктивно легла на рукоять кинжала. Словно давясь слюной, он угрожающе засопел, готовый броситься на Набусардара, не дожидаясь возмездия. Сомнений не было: одному из них отсюда живым не выйти.

Сан-Урри схватил рукоять кинжала, чуть подался назад и замахнулся, метя Набусардару прямо в сердце.

Но тут в кабинет вошел царский гонец, Асума; его появление обескуражило Сан-Урри. Рука у него опустилась, и, словно загнанный зверь, Сан-Урри приник спиной к стене.

Набусардар сразу понял намерение Сан-Урри. Однако, решил он, когда под угрозой судьба державы и все зависит от монолитности и сплоченности армии, она не должна даже догадываться о расколе среди военачальников. Поэтому он не стал звать стражу и повернул дело иначе.

– Брось кинжал, Сан-Урри! – потребовал он.

Сан-Урри молчал.

Он переводил взгляд со шкатулки, к которой раздобыл вторые ключи, на меч Набусардара, ножны которого сверкали, как раскаленный луч полуденного солнца, поражающий насмерть рабов на улицах.

Асума, сообразив, что Набусардар не хочет привлекать внимания к происходящему, попытался разрядить обстановку.

– Сан-Урри, видимо, страдает галлюцинациями, ему везде чудятся варвары-персы. Не так ли?

Сан-Урри с опаской исподлобья следил за ними, но его взгляд говорил, что он настороже и что стоит приблизиться к нему, как он обогреть кровью смельчака клинок своего кинжала. Он сознавал, что отныне ничего хорошего ему ждать не приходится. В лучшем случае царское отродье, жалкий щенок, который в своей собачьей конуре корчит из себя могущественного властителя Вавилонии, прикажет бросить его за измену в вонючее подземелье дворца Набопаласара, где его ждет медленная смерть. Значит, теперь ему все едино. Но прежде чем над ним будет произнесен приговор, по крайней

мере. одного из присутствующих он отправит в царство теней.

Двойную игру Сан-Урри нужно было разоблачить до конца, пока кто-нибудь еще не вошел в кабинет, и поэтому Набусардар решительно направился к нему. Едва он приблизился к Сан-Урри. тот снова поднял руку, нацелившись кинжалом в грудь полководца.

Царский гонец с обнаженным мечом бросился на изменника. Набусардар опередил его на какую-то долю секунды и схватил Сан-Урри за запястье. Он сделал это так ловко и с такой силой сжал руку с занесенным над ним кинжалом, что, казалось, кости затрещали у обоих в этом железном рукопожатии.

– Брось кинжал, Сан-Урри! – потребовал Набусардар.

Сан-Урри в ответ только сопел ему в лицо.

– Брось кинжал!

Сан-Урри не сдавался, снова и снова стараясь поразить противника в грудь.

– Прикажешь позвать стражу? – спросил Асума. Но в этом уже не было необходимости, так как Набусардар вырвал у Сан-Урри кинжал и, отойдя с ним на середину комнаты, обратился к Сан-Урри:

– Ты раскаиваешься в своем поступке?

– Нет! – надменно прохрипел Сан-Урри.

– Хочешь ли ты честно защищать интересы державы или ты злоумышляешь против них?

– Твои интересы я не считаю интересами державы, – прошипел Сан-Урри.

– Хочешь ли ты верно служить отчизне или готовишься предать ее?

– Я хочу бороться с теми, кто собирается ввергнуть ее в пучину бедствий, – с ненавистью отозвался предатель.

– Кого ты имеешь в виду?

– Тебя! – вскричал он, змеей корчась у стены.

– Значит, ты отказываешься подчиняться верховному военачальнику его величества царя?

– Да!

– Я лишаю тебя воинского звания и тотчас созываю военный совет.

– Только царь, верховный командующий армии, имеет на это право.

– Я как раз от него, он вызывал меня, чтобы передать мне верховное командование.

– Может, закон и дал тебе право распоряжаться мной. Не забывай, однако, что в иные моменты простой смертный вносит поправки в строчки законов и творит право сам.

С этими словами он выскочил из-за рабочего стола Набусардара. Кулаком оттолкнул царского гонца, распахнул двери и бросился бегом по галерее.

Только тут Набусардар, уже не думая о последствиях, закричал:

– Стража! Стража! Стража!

– Стража! – повторил его крик и царский гонец, и оба они выбежали на галерею.

На их глазах Сан-Урри сбежал по лестнице в сторону внутреннего двора и вскоре скрылся в гуще парка. Он беспрепятственно миновал все посты, так как часовым и в голову не могло прийти задержать помощника верховного военачальника как изменника и преступника.

Набусардар незамедлительно объявил тревогу и отдал приказ о его розыске, но Сан-Урри, казалось, бесследно канул в чреве огромного города. Все усилия разыскать предателя оказались тщетными. Даже царской тайной службе не удалось напасть на его след. Возможно, потому, что Сан-Урри взяла под свою защиту и покровительство могущественная твердыня – Храмовый Город. Солдатам Набусардара туда не было доступа.

Вернувшись вместе с Асумой в свою канцелярию, Набусардар прежде всего принялся приводить в порядок разбросанные по столу документы.

И тут он с ужасом обнаружил, что исчез план Мидийской стены вместе с текстом, поясняющим секреты ее внутреннего устройства.

Кровь застыла у него в жилах, потому что Мидийская стена до сих пор была сильнейшим оплотом Халдейской державы на севере. Предвидя постоянно грозящую оттуда опасность, ее велел воздвигнуть могущественный Навуходоносор против мидийцев, мощь которых в то время возрастала. Укрепление тянулось от берегов Тигра до Евфрата вдоль северной границы Вавилонии. Оно начиналось у города Опис и заканчивалось у города Сиппар. Навуходоносор не успел завершить строительство, и после его смерти стена достраивалась его преемником Нериглиссаром. Благодаря Мидийской стене держава стала почти неприступной. Ключи от нее секретов хранились в столе военачальника его величества царя Вавилона. Это были тоненькие таблички со столь мелко нанесенными на них письменами, что их можно было прочесть только с помощью особого увеличительного стекла. Теперь план исчез, и не было сомнений, что он в руках коварного Сан-Урри.

Обнаружив пропажу, Набусардар немедленно распорядился созвать военный совет, отложив осмотр казарм и военных лагерей на один из ближайших дней.

* * *

В тот самый час, когда должен был начаться военный совет, жители Вавилона нетерпеливо ждали исхода самого громкого за последние годы судебного разбирательства. Такой острый интерес был совершенно необычен, поскольку кражи, убийства, мошенничество, супружеские измены давно перестали быть редкостью и считались делом обычным.

Любопытство снедало и членов военного совета. Со всеми вопросами они разделались поразительно быстро. Даже история с Сан-Урри многим не показалась столь серьезной, какой хотел ее представить Набусардар. На освободившееся место помощника верховного военачальника был предложен царский наместник в Ларсе Наби-Иллабрат, который заслужил славу опытного воина и патриота. Согласие царя на его назначение было получено без всяких затруднений. Кивком головы он утвердил решение военного совета.

Он отдал также приказ о розыске преступника Сан-Урри с последующим преданием его самому суровому наказанию.

Так легко и гладко было покончено с делом о помощнике верховного военачальника.

Члены военного совета нетерпеливо устремились к зданию суда. Толпы людей окружили здание, с нетерпением ожидая приговора. Площадь перед судом была до отказа забита народом, так что в раскаленном воздухе, насыщенном испарениями человеческих тел, нечем было дышать. Каждый старался протиснуться поближе к воротам, немилосердно работая локтями и толкаясь. Толпа находилась в непрерывном движении. Она колыхалась и бурлила, как полноводная река. Какого-то раба с тяжелой ношей на спине, пытавшегося пробиться сквозь толпу, опрокинули наземь и попросту затоптали.

Вавилоняне бились об заклад на высокие ставки и спорили о приговоре.

Множество продажных женщин с вызывающе раскрашенными лицами, а также немало и почтенных, знатных дам, укрывшихся под вуалью или переодевшихся в платье своих служанок, чтобы остаться неузнанными, толклись здесь же, с нетерпением взирая на ворота суда.

На четвертом этаже в судебном зале на скамье подсудимых сидел сын одного из богатейших халдейских вельмож Сибар-Син.

Его отец, сановник царя, был влиятельным лицом при дворе. Их род, накопивший огромные богатства, прославился тем, что неоднократно оказывал услуги владыкам Вавилонии, когда те попадали в нужду и им не на что было даже содержать армию. Отец Сибар-Сина получал большую часть дохода от медных копей в Эламе и серебряных рудников в Киликии. Он ссужал деньгами не только высшую вавилонскую знать, но и видных граждан других городов страны. Однажды владелец крупного торгового дома в Лагаше столько задолжал отцу Сибар-Сина, что был вынужден отдать в залог старшего из своих сыновей – Нар-Гази. Нар-Гази старался верно и усердно служить кредитору отца. Со знанием дела, добросовестно он трудился в его канцелярии. Сановник полюбил его, оказывал ему полное доверие и часто ставил в пример своему ветреному сыну. Сибар-Син возненавидел и своего отца, и Нар-Гази. Оба отравляли ему жизнь, которую он предпочитал прожигать в кутежах и любовных оргиях. Чтобы поскорее дорваться до богатого наследства, он сначала добился объявления своего отца душевнобольным, а затем довершил меру содеянного им зла, подсыпав из мстительной ревности яд в бокал Нар-Гази.

Ночью Нар-Гази умер у себя в комнате.

Сибар-Син посулил отпустить на свободу одного из своих рабов, если тот сумеет той же ночью отнести труп к городскому зверинцу и бросить его львам.

Городской зверинец был обнесен высокой стеной. С наружной ее стороны по ступенькам можно было подняться на верхнюю площадку, откуда зеваки любили наблюдать за разъяренными львами, – зрелище щекотало нервы. Чтобы предохранить зрителей от случайного падения, площадка со стороны львиного манежа была обнесена решеткой с острыми зубцами наверху.

Под покровом ночи рабу удалось незаметно втащить труп на самый верх стены. Он уже собирался перебросить тело через решетку, как вдруг услышал внизу шаги сторожей. Со страху он не рассчитал и бросил труп так неловко, что тот зацепился за решетку и повис на ней. Шум шагов все еще доносился снизу, поэтому раб лег на верхнюю площадку у стены в ожидании, пока сторожа уйдут.

Злодейское преступление удалось бы скрыть, если бы запах трупа не раздражил бодрствующего льва. Его рев взбудоражил всю стаю, которая начала бросаться на стену, где повисло тело Нар-Гази.

Сторожа поспешили к железным воротам зверинца и увидели причину переполоха. Они заметили и человека припавшего к стене.

У раба не было никакой возможности скрыться. Его схватили и отправили в тюрьму.

Сибар-Син обвинил его в убийстве, хотя перед этим, склоняя к ужасному поступку, сулил ему свободу и щедрое вознаграждение. На первом допросе раб только дрожал и издавал бессвязные звуки. В конце концов он разразился слезами и два дня рыдал. В тюрьме его навестила жена. Она передала ему наказ Сибар-Сина не признаваться ни в чем. Если он будет молчать, то Сибар-Син обещал вознаградить его жену и детей золотом вдвое против обещанного.

Разговор раба и его жены был услышан служителями вавилонского правосудия. Они тотчас взяли Сибар-Сина под стражу. С того дня не было в Вавилоне большей сенсации. С напряженным интересом следили вавилоняне за ходом судебного разбирательства. Ведь речь шла об одной из виднейших фамилий города.

Молодой Сибар-Син ни минуты не сомневался, что его оправдают. Он не испытывал недостатка в золоте, а за золото в Вавилоне не так уж трудно было купить и жизнь и честь.

Несмотря на то, что раб на допросе во всем признался, Сибар-Сину удалось подкупить советников и судей. Накануне последнего заседания раба нашли в тюрьме мертвым. При этом не было обнаружено никаких следов насилия или отравления. Подкупленные судьи просто умурили его голодом.

Сибар-Син заранее знал, что будет освобожден. Суд же, стремясь перед всеми поддержать репутацию ревнителя справедливости, приговорил к смерти жену оклеветанного раба, которая должна была отвечать за умершего мужа. Было решено бросить ее на растерзание львам, а оставшихся четырех сирот, старшему из которых едва исполнилось десять лет, постановили отправить на тяжелые работы в рудники.

Так снова подтвердилась истина, что прав тот, на чьей стороне золото и власть.

Наконец ворота здания суда отворились, и в них появился оправданный Сибар-Син. Сначала он был неприятно удивлен огромным стечением народа, но как только до его слуха донеслись первые приветственные возгласы, лицо его просветлело и он смело вышел на улицу.

В другое время его, конечно, поджидал бы роскошный паланкин, теперь же оставалось радоваться и тому, что он избавился от тюрьмы.

Сибар-Син с самоуверенной улыбкой гордо пробирался сквозь толпу.

Он всегда ревностно заботился о своей славе утонченного вавилонского франта. Даже сейчас, хотя это и считалось пустым щегольством, недостойным солидного человека, его заправленная под пояс сорочка была выпущена чуточку больше, чем было предписано модой. В отличие от почтенных горожан, носивших головные уборы из тонкого полотна, Сибар-Син повязывался китайским шелком природного цвета. В последние годы правилами хорошего тона только женщинам дозволялось носить драгоценные украшения, у него же сверкали большие серьги в ушах и широкие золотые браслеты на запястьях. Черные курчавые волосы были схвачены инкрустированным металлическим обручем и лентой. Обруч был слегка надвинут на лоб, что позволяли себе лишь легкомысленные повесы. На одно плечо был накинут плащ из тонкой шерсти.

Таким он предстал перед толпой и, чтобы окончательно рассеять у нее подозрения в своей виновности, поднял голову и высокомерно улыбнулся. Он и в самом деле казался несправедливо обиженным.

Знатные горожане приветствовали его, словно новоявленного владыку Вавилонии. Отовсюду неслись восторженные вопли, летели цветы, девушки отбивали марш на маленьких белых барабанах. Кое-кто в возбуждении норовил лишний раз пнуть тело затоптанного раба. Толпа повалила вслед за Сибар-Сином и долго провожала его по улицам, а самые ревностные дошли с ним до ворот его дворца.

Но в память Сибар-Сина от этой триумфальной встречи на площади запал лишь один образ. Образ стройной женщины с крутыми, как у египетских красавиц, бедрами. Приблизившись к нему, она грациозно высвободила руку из-под вуали, закутывавшей ее до талии и протянула нераспустившийся бутон лотоса.

Сквозь щелку в изящной накидке она улыбнулась ему глазами, и ее взгляд говорил: «Живи вечно, Сибар-Син».

Он наклонился и поцеловал полу ее одежды, хотя подобные знаки почтения оказывали только рабы. Женщина удостаивалась этого лишь в интимной обстановке, во всяком случае, никак не на улице. Впрочем, Сибар-Син смело позволял себе подобное, считая это проявлением галантности.

Выпрямившись, он посмотрел красавице в глаза и шепнул:

– Только ты можешь воскресить меня к жизни своей любовью.

Его слова прозвучали так нежно, что она вся затрепетала.

Толпа остановилась поглазеть на эту сцену, но ни Сибар-Син, ни женщина, скрытая под вуалью, не хотели привлекать к себе лишнего внимания и поспешили разойтись, обменявшись легким кивком головы. Многие провожали взглядами ее высокую фигуру, стройную, точно пальма, но она быстро затерялась в людском потоке.

И только один человек продолжал следить за ней. Это был Набусардар.

Когда участники военного совета разошлись, он вышел на террасу и оттуда наблюдал ликование жителей Вавилона по случаю оправдания убийцы. Что ж, золото дает человеку могущество, а у кого сила, тот и честен, на стороне того и справедливость. Красавец Сибар-Син купался в роскоши и богатстве, и никто из состоятельных вавилонян не хотел верить в его вину. А самое главное, Вавилон жаждал развлечений и восторгался каждым, кто умел жить. До остального никому не было дела, и когда в воротах суда показался оправданный преступник, знатный повеса и соблазнитель жен почтенных вельмож, восторгам толпы не было предела.

Этот апофеоз порока и видел Набусардар.

Его взор блуждал в толпе, но мысленно Набусардар все еще переживал побег Сан-Урри, потрясенный его чудовищной низостью.

И лишь когда таинственная красавица протянула Сибар-Сину бутон лотоса, а тот в свою очередь облобызал ее одежды, он отвлекся от дел минувших и обратился к настоящему.

Женщина под вуалью приковала его внимание.

Набусардару был знаком каждый ее жест, ему не пришлось гадать, кто она. Правда, накидка закрывала ее до пояса, но тем отчетливее рисовались крутые бедра, что считалось признаком красоты, в особенности на берегах Нила. Из-под одежд, плотно облегающих тело и лишь спереди ниспадавших широкими складками, виднелись башмаки на высоких каблукках. Никто в Вавилоне еще не носил высоких каблукков, только она, , законодательница мод.

Это была Телкиза, перед богами и людьми законная жена Набусардара, в этот момент следившего за ней с террасы.

Вся сцена встречи показалась ему отвратительной до тошноты. Только отъявленные распутницы могли упиваться подобными знаками внимания. И лишь солдатская выдержка помогла ему сохранить хладнокровие.

Телкиза – как ненасытная тигрица, насколько прекрасна, настолько коварна и порочна. Ей одинаково мило и ложе царя, и подстилка солдата. Он знал ее неприхотливость в трофеях любви. Но до последнего времени она, по крайней мере, публично не компрометировала мужа, которому по закону принадлежало в государстве первое место после царя.

Он и прежде мучительно страдал при мысли о том, что она способна окончательно потерять голову. Так и случилось. Он видит ее среди гетер, только вместо звуков тамбурина она приветствует Сибар-Сина цветком лотоса. На глазах толпы она чествует убийцу и развратника. И он, Набусардар, вынужден смотреть на это.

Он обвел Вавилон взглядом глубочайшего презрения.

Снова вернулись мысли о лазутчиках, подсунутых Эсагилой, о слабом, капризном царе, об измене Сан-Урри, выкравшем план Мидийской стены, чтобы лишить страну ее главного оплота, и подложившем отравленные лепешки, чтобы лишить жизни его самого. Сколько событий за два коротких дня, и все они были направлены против него, словно ощеренные клыки дикого зверя!

При виде шумного ликования толпы в душе у него бушевал ураган. Ему страстно хотелось не принимать все это близко к сердцу, стать прежним Набусардаром, безучастно вззирающим на то, как преступников бросали в ямы с ядовитыми змеями, бичевали до смерти, сдирали с живых кожу. Хотя в то время он был лишь исполнителем чужой воли, тем не менее искренне добивался славы сурового военачальника. Теперь, однако, возврат к прошлому был для него невозможен. Превенная жизнь давно потеряла для него всякий смысл. Прежде и он проводил время в пирах и наслаждениях. Вино и женщины были символом и его веры. Его расположения домогались знатнейшие вавилонские красавицы, жестоко соперничая между собой за одну лишь его улыбку. Он любил и был любим, как никто другой в Вавилонии. Он исповедовал культ сладострастия. Но потом пресытился этим сплошным празднеством.

Сознание опасности, пробужденное в нем Киrom, изменило его мысли, весь уклад жизни. Все отступило перед словом «отчизна»; его единственной любовью стали меч и армия. С каждым днем он становился прозорливей. Он убедился, что халдеи, слывя самыми горячими патриотами на свете, за годы благополучия духовно оскудели и обленились, сердца их заплыли жиром. Привычка к праздности, разъедавшая государство изнутри, была не менее опасна, чем могущественный перс за его пределами. Набусардар рассчитывал поднять и увлечь за собой остальных. Но никто не спешил на его зов. Куда приятнее было нежиться на мягком ложе, одурманивая себя вином. Тогда-то знать и отвернулась от Набусардара, и Эсагиле не стоило труда пустить коварный слух, будто он ищет войны, чтобы блеснуть своими талантами и стяжать популярность и славу. Кое-кто из завистников даже обвиняет его в тайных притязаниях на трон Халдейского царства.

Набусардар в последний раз мрачным взглядом окинул площадь.

Толпа чествует преступника, а Набусардара, который еще совсем недавно был общим кумиром, ныне оставили все. Что может быть ужаснее – в решительную минуту лишиться друзей, еще недавно клятвенно уверявших, что он всегда может рассчитывать на их преданность!

Но никто и ничто не сломит его.

– Никто и ничто! – повторил он вслух, покидая террасу.

За спиной все еще раздавались ликующий гомон черни и радостные клики почтенных горожан.

Там, в этой толпе, осталась и жена Телкиза, досаждавшая ему своими любовными приключениями.

Он прошел в свой кабинет, но пробыл там недолго. Близился полдень, час отдыха и невыносимого зноя. Набусардар поскакал к себе во дворец.

* * *

Набусардар в своих дворцовых покоях отдыхает на ложе, разглядывая высокий потолок из ливанского кедра, испещренный замысловатой резьбой. Его рассеянный взор блуждает в хитросплетениях орнамента из роз, волнистых лилий, завитков, фантастических листьев и симметричных цветочных лепестков, пока вдруг не упирается в квадрат, расположенный как раз в центре.

Столица Халдейского царства была построена наподобие строгого четырехугольника, и квадрат на потолке напомнил сейчас Набусардару план Вавилона. В линии, разделяющей квадрат на два треугольника, он видит русло Евфрата, пересекающего город с северо-запада на юго-восток. Треугольник на правом берегу Евфрата – это Борсиппа, на левом берегу – Вавилон. По обеим сторонам реки тянутся широкие аллеи, защищенные прочной дамбой от бушующих во время паводка волн. Эта дамба выходит далеко за черту города и в случае осады станет важным оборонительным рубежом. Сейчас ее кое-где подмыла вода, но Набусардар добьется, чтобы стену привели в порядок. Ведь она является серьезной преградой для неприятеля, если тот попытается проникнуть в Вавилон по воде. Навуходоносор всегда следил за тем, чтобы дамба поддерживалась в хорошем состоянии, но после его смерти о ней перестали заботиться. А семиэтажные башни, с которых просматривались все окрестности? Первая, Эзида в Борсиппе, подлинное чудо света, служила обителью летописца человеческих судеб, божественного Набу. Другая – Этеменанки в Храмовом Городе – башня божественного Мардука. Пред ее грандиозностью падали ниц потрясенные пленники, которых после победоносных битв пригоняли в Вавилон. В случае войны с персами жрецы должны будут предоставить эти башни и для военных целей. Они станут сторожевыми вышками вавилонской армии.

Набусардар всматривается в контуры квадрата на потолке, мысленно представляя городские стены, которыми с четырех сторон обнесен Вавилон. Сто массивных железных ворот закрывают доступ в столицу. Снаружи стены окружены рвом. В момент опасности его можно заполнить водой. В стенах города размещены казармы, военные склады с оружием и боевыми припасами и фураж для лошадей. По углам высятся сторожевые башни. Стены настолько толсты, что отважные наездники устраивают на них состязания, впрягая в колесницы по четверке лошадей. Укрытые столь могучими сооружениями, халдейские воины встретят персидских захватчиков стрелами и метательными снарядами. Здесь сойдутся воин с воином, соревнуясь в доблести, отваге и любви к отчизне.

Перед мысленным взором полководца разворачивается картина столкновения обеих армий. Взгляд Набусардара сосредоточен, лоб покрыт морщинами.

Таким его и застал верный слуга Киру, который принес освежающие напитки и фрукты. Киру тотчас угадал мрачное настроение господина. Чтобы развеять его, он решился нарушить тишину, царившую в опочивальне, и, поставив поднос на столик у ложа, обратился к Набусардару со словами:

– В такую жару приятно отдохнуть дома. Ты осчастливишь своего раба, если не побрезгуешь вином и фруктами, которые так хорошо освежают.

Набусардар слушает его краем уха, не отрывая взгляда от потолка, где персидское войско как раз двинулось на приступ вавилонских укреплений. Словно сквозь сон, он вполголоса безучастно благодарит его.

– Твой раб, благороднейший господин, будет безмерно счастлив исполнить любое твое приказание. Но я вижу, что ни вино, ни фрукты не радуют тебя, – продолжал Киру.

Набусардар не слышит его, мыслями он далеко отсюда. Прославленная персидская конница уже разворачивается у восточной стены города, где вдоль реки раскинулось царское подворье, в подземных кладовых которого хранятся сокровища халдейской казны. Кир попытался в первую очередь нанести удар именно здесь, чтобы лишить Вавилон богатств, вызывающих зависть всего мира. С этой целью персидские всадники на специально обученных лошадях пускаются вплавь через наполненный водой ров. Набусардар приказывает открыть ворота, из них выходит отряд вавилонских воинов, слабо вооруженных, чтобы ввести неприятеля в заблуждение. Следом за конницей на приступ идет пехота: привязав щиты за спину, персы прыгают прямо в воду и плывут, укрываясь за крупами лошадей. Они устремляются к открытым воротам. Набусардар выжидает. Из мешочка на поясе он достает шелковый платок и оттирает с лица крупные капли пота. Но вот уже ров кишмя кишит атакующими, и тогда он отдает приказ опрокинуть на неприятеля чаны со смолой и расплавленным свинцом. В языках пламени корчатся тела персов. Слышатся страшные вопли людей и отчаянное лошадиное ржание.

Набусардар, утомленный перипетиями сражения, разыгрывающегося на квадрате потолка, переводит дух и восклицает:

– Так-то, Кир! – И добавляет со вздохом облегчения: – Вот так встретит тебя мое войско!

Тем временем верный слуга, не представляя, чем заняты мысли его повелителя, продолжал спрашивать:

– Это вино и сочные грозди из виноградников благороднейшей Телкизы, а им нет равных во всем славном Вавилоне. Если же не радуют они тебя, драгоценный мой господин, тогда, быть может, тебя отвлекут от тяжелых мыслей песни прекрасной Феоды. Она щебечет, как жаворонок в весеннем небе. Она знает все любовные песни гречанки Сафо. Не желаешь ли ты послушать ее?

Набусардар оторвал наконец взор от потолка и взглянул на Киру.

– Нет, мне сейчас не до любовных песен, – покачал он головой.

– Велишь спеть что-нибудь другое?

– Что ж, я послушал бы героическую песнь о Гильгамеше. Кто же споет ее, Киру?

– Есть один певец, который знает ее, достославный господин. Правда, он римлянин. Но голос у него прекрасный.

Набусардар сердито насупился.

– С каких это пор песнь о халдейском герое поют в нашем доме римляне?

– Такова воля благороднейшей Телкизы, – поклонился стари к.

– Воля благороднейшей Телкизы, – язвительно повторил Набусардар и забарабанил пальцами по столику.

– Я всего только раб и исполняю приказания моих хозяев.

– Да я не виню тебя, Киру. Но каково! Могут ли холодные уста чужеземца воспеть отвагу и смелость огнеподобного витязя Гильгамеша? Пусть мне споет о Гильгамеше халдей!

Он нетерпеливо и властно посмотрел на раба.

– Я не стерплю, чтобы имя нашего героя сходило с уст чужеземца. Я хочу услышать халдея, поющего о Гильгамеше. Пусть в пении он передаст кипенье крови. чтобы слова пылали огнем!

Киру смиренно стоял перед ним, страхась минуты, когда придется сообщить то, о чем, верно, не догадывался Набусардар, всецело занятый военными делами.

Валтасар преследовал талантливых людей, подданных своей державы, потому что в Вавилонии должно было греметь и славиться лишь одно имя – имя царя царей и царя всех Времен Валтасара.

И вавилонские вельможи стали приглашать в свои дворцы чужеземцев. Кто не хотел прослыть отставшим от века, должен был похваляться римским певцом и греческим скульптором, живописцем из Египта или чеканщиком из Лидии, вышивальщицей из Тира или арабской танцовщицей. Отечественное искусство оказалось в загоне, и вавилонские умельцы терпели нужду, умирали от голода в своих тростниковых хижинах. Пресыщенная знать нуждалась во все более экзотических диковинках, надеясь, что искусство чужеземцев подогреет их чувства.

Об этом и думал Киру, поставленный в тупик желанием Набусардара послушать халдейского певца. Он вынужден был наконец сказать правду.

Набусардар вспылил:

– Почему же ты молчал до сих пор? Вот так мы и идем к гибели.

– Я, благородный господин... – смешался Киру.

– Знаю, ты тут ни при чем. Эту гнусную моду завела знать, безучастная ко всему вавилонскому. Но мне, Киру... мне все-таки хотелось бы услышать песнь о Гильгамеше от халдея.

Полководец скользнул взглядом по кедровым доскам потолка и, обернувшись к рабу, привел его в замешательство вопросом:

– Ты знаешь песнь о Гильгамеше?

– Я не был бы халдеем, если б не знал ее.

– Так спой ее мне, Киру. Старик вовсе смутился.

– Я не смогу, благороднейший господин, хотя мне легче лишиться головы, чем не исполнить твоего желания.

– Отчего же ты не можешь? – допытывался он.

– Я помню песнь, но у меня нет голоса. Тут нужен прекрасный голос, чтобы осчастливить моего господина. Да и стар я. Так смогу ли я доставить тебе удовольствие?

– Пой, как умеешь, сядь ближе, вот сюда, на ложе. Старый Киру подчинился воле своего господина и, робея, но исполненный пламенной преданности, присел на краешек ложа, застланного дорогим ковром сиппарской работы. Набусардар велел ему взять себе под ноги низенькую скамеечку. Бедный раб был сам не свой – чересчур велика была оказанная ему честь. И хотя он сознавал, что Набусардар по-своему любит его, все же такое внимание к себе не на шутку взволновало Киру. Он с ужасом думал о той минуте, когда должен будет открыть рот и издать первые звуки песни о герое Вавилонии – Гильгамеше.

– Начинай же, Киру, – торопил Набусардар. Киру откашлялся, посмотрел на своего господина, и его пергаментное лицо оживилось давно увядшим румянцем. Губы шевельнулись, послышался легкий вздох, а за ним – первые дрожащие звуки. Трудно было назвать их прекрасными, они напоминали пение нищих, просящих на улицах милостыню. Хриловатый, надтреснутый голос был плохо слышен под высокими сводами дворцовых покоев.

Но Киру пел и пел, и голос его становился все уверенней. Вот уже отчетливо льется красивая мелодия, окрашенная истинным чувством, душевной страстью певца. Одухотворенный старческий голос звучит все сильнее, действуя на Набусардара умиротворяюще, как милость, вымоленная у небес. Глаза раба и глаза полководца горят огнем былых тысячелетий шумерской и халдейской славы. Дух праотцев отворяет двери дворца и сердце Набусардара. В песне Киру оживает голос героических предков и отзвук жизни тех, кто принес себя в жертву на алтарь отечества. Словно могучая, неудержимая река, несется и гремит песнь о Гильгамеше, всегда служившая живительным источником для бессмертных борцов за свободу.

Набусардар вдыхал в себя каждое слово песни. Он впитывал ее всеми мышцами, каждой клеточкой своего тела. Его безраздельно захватило и подчинило величие подвигов Гильгамеша. Мысли его воспламенились, а глаза, обращенные к потолку, сверкали воодушевлением.

Когда Киру кончил, Набусардар в унисон с последними затихающими звуками песни произнес:

– Ты не представляешь, как люблю я наш родной край, Киру.

У раба блестели на глазах слезы, но лицо сохраняло твердое и мужественное выражение.

Набусардар проговорил, держа его за руку:

– Благодарю тебя, Киру, проси у своего господина чего хочешь.

Киру упал на колени и поцеловал меч Набусардара:

– Позволь мне жить рядом с тобой и умереть за отчизну.

Набусардар снял один из мечей, висевших на стене, и опоясал им раба.

– Ты больше не слуга, я возвожу тебя в ранг воина. Я дарил тебе свободу, ты не принял ее. Прими же теперь в дар этот меч и докажи на деле свою любовь к родному народу. Люби Вавилонию всей душой, всем сердцем, как и подобает человеку. Ибо только зверю безразлично, кому принадлежит лес, в котором он обитает.

– Да благословят тебя боги, господин, – отвечал Киру и, сжав рукоятку меча, присягнул в том, что его жизнь будет принадлежать только Набусардару и отчизне.

– Будь благословен и ты, верный и доблестный Киру. Побольше бы таких мужей было у матери-Вавилонии.

– Разрешите сказать еще одно слово, Непобедимый. Я стар, и на крепостных стенах и у рвов моя сила растворится в мощи молодых воинов. Я принесу больше пользы, если ты оставишь меня рядом с собой, чтобы верно охранять жизнь того, кто хранит жизнь Халдейской державы.

– Да будет так, Киру, – молвил Набусардар, вдруг почувствовав страшную усталость.

– Ты устал, господин, – сказал Киру, заметив, как изменилось лицо Набусардара, – со вчерашнего дня ты не смыкал глаз. Я стану у дверей на страже, а ты отдохни спокойно. Ни для кого не секрет, что Эсагила охотится за твоей головой, но я буду начеку. Я не двинусь с этого места, пока ты не проснешься.

Киру подложил ему под голову шелковую подушку и отер с его лба пот, блестящий, подобно росе на плодах абрикосового дерева.

Набусардар вытянулся на ложе и вскоре смежил усталые веки. Но, засыпая, он успел еще шепнуть:

– Киру, пой!

И Киру снова стал петь о Гильгамеше. на этот раз совсем тихо, словно колыбельную песню у постели ребенка.

* * *

Не только Вавилон, но и Деревня Золотых Колосьев была подхвачена ураганом времени.

Испокон веков мирно и спокойно, словно в полудреме, текла ее жизнь на берегу канала, по которому катились мутные волны, питавшие плодородным илом и влагой иссушаемую солнцем землю. Сотни черпательных устройств стояли по берегам канала, и сотни загорелых тел и рук напрягались над рычагами, баграми, ведрами и колесами. Они поднимали воду вверх в водоемы, а оттуда по отводным канавам гнали ее на поля. Земля, не знавшая живительной благодати дождей, жадно пила и под горячими лучами из одного принятого в свое лоно зерна рожала двести и даже триста новых зерен. В пору жатвы золотые колосья колыхались до самого горизонта. словно неоглядное волнующееся море.

Но в последний дни эта еще недавно тихая деревня забурлила. Безгласные уста отваживались говорить. Вспыхивали потухшие глаза. Измученные руки отрывались от земли и грозно вздымались к небу.

Старый Гамадан, сидя под тростниковым навесом перед домом, вырезал нового Энлиля и удивлялся тому, что творится с людьми. Его, одного из самых уважаемых членов общины, перестали слушать. Он, доверенное лицо жрецов и царей, не мог совладать с односельчанами. Община рассыпалась, как старая, трухлявая лачуга, стремительно и неудержимо.

Еще совсем недавно, незадолго до посещения Гамадана верховным военачальником его величества царя Валтасара, в деревне не было заметно никаких перемен. Крестьяне безропотно терпели нужду в самой богатой стране мира. Покорно сносили власть жрецов. Платили налоги Эсагиле и царю. Послушно возделывали уголья Храмового Города, царя и вельмож. Когда плоды их труда казались служителям Мардука слишком скудными, они истязали крестьян бичами, и те не делали попыток протестовать. Своих детей они были вынуждены продавать в рабство. Они не смели роптать и тогда, когда их жен заставляли с утра до ночи работать в царских и жреческих мастерских, а статных, крепких сыновей забирали в царское войско. Все делалось согласно писаным и неписаным законам. Уделом бедноты были лишения, страдания и неволя, а вельможи жили в роскоши и праздности. Золото разделило бедняков и богатых глубокой пропастью.

Обездоленные крестьяне, веками гнувшие спину на аристократию свободной Халдейской державы, видели, что за стенами роскошных дворцов, в обители тех, кто наживался на крови и чести человека, справедливость подменялась произволом. Крестьяне и прочая беднота ждали лишь сигнала, чтобы навалиться плечом на вероломные стены и похоронить под их развалинами все, что погрязло в несправедности и обмане.

Луч с севера впервые пробился сквозь тьму этой жизни. Там взошло солнце по имени Кир. Повсюду ходили слухи, что этот благородный царь придет и разорвет их цепи. Его воины на копытах своих коней разнесут по пустыне останки властителей, по чьей милости им досталась судьба жалких рабов. Он поломает палки и в клочья порвет бичи, которыми надсмотрщики царя, вельмож и жрецов Эсагилы полосуют их спины. Он отберет у жрецов землю и раздаст ее тем, кто трудится на ней, кто любит ее, как лопоть свежеспеченного хлеба. Он разделит поместья царя и знати между крестьянами, чтобы на поля могли выйти свободные люди Вавилонии – мужчины, женщины, дети. Земля принадлежит тем, кто умеет ее возделывать, а не тем, кто привык выживать из нее соки только с помощью рабских рук.

С такими надеждами сходились в последние дни крестьяне к оросительным каналам. Эти поля, на которых они пахали, сеяли, жали, уже не будут больше предательски отдавать свои плоды богачам. Их золотые зерна будут сыпаться в пригоршни бедняков. Вместо прогорклых лепешек заблагоухает ароматный хлеб. Вместо болотной воды все узнают вкус молока. Вместо гнилых отбросов они вкусят сочную, ароматную мякоть фруктов. Человек снова обретет земной рай.

Особенно молодежь воспламенялась мечтами о счастливом будущем. Еще недавно украдкой, ныне открыто и громко превозносили они имя персидского спасителя. Кир – это была их утренняя и вечерняя молитва. Кир – это было их всесильное оружие. Кир – это была неодолимая мощь и спасение.

Наибольшее волнение наблюдалось на юге, возле канала Хебар, где жили иерусалимские евреи, переселенные туда Навуходоносором, и на севере, в Деревне Золотых Колосьев, где персидские лазутчики сеяли смуту среди халдейского люда.

Обосновавшись по эту сторону границы, они нашли надежное убежище в пещерах Оливковой рощи, вблизи которой Нанаи пасла своих овец.

Торговцы, с которыми делился хлебом Сурма, входили в отряд персидских лазутчиков. Устига, по чьей просьбе пастухи пели песню любви в честь Нанаи, был начальником всех персидских лазутчиков в Вавилонии. Он происходил из княжеского рода. Персы выдавали себя за торговцев, так как под этой личиной им было всего проще и надежнее передвигаться по стране. Они ходили от дома к дому с мелочным товаром, и ничего не подозревавшие люди простодушно поверяли им тайны, о которых неприятель не должен был знать. В самых бедных домах персы отдавали свои товары за бесценок, стремясь завоевать симпатии крестьян, или меняли на зерно, которое в других местах раздавали нуждающимся. Молва о них все ширилась, и в нищих лачугах их ждали с нетерпением. Торговцы утешали измученных людей, вселяя в них надежду на скорый рассвет, о

котором возвестит огненная птица. Она прилетит с востока и принесет им искупление. Когда из Вавилона пришел приказ задерживать и передавать властям каждого подозрительного чужестранца, простой народ стал оберегать персидских лазутчиков, укрывать их от воинских патрулей и предупреждать об опасности. Вот почему ни одному отряду вавилонской тайной службы не удалось обнаруживать персидских шпионов.

Но Гамадану не по сердцу были эти пронырливые торгаши. И хотя сам он не доносил на них, однако от души желал, чтобы какой-нибудь расторопный посланец из Вавилона напал на их след. То, что чужеземцы, словно бездомные собаки, бродили по его родной стране, не сулило ничего доброго. В этом он был глубоко убежден. Персидские лазутчики, видимо, чувствовали враждебность Гамадана и обходили его дом стороной. Он много слышал о них, но ни разу не столкнулся с ними. Но и рассказы о купцах приводили его в негодование, потому что род его всегда отличала горячая любовь к отчизне. Их род был известен вавилонским владыкам. Он поставлял армии самых отважных воинов, женщины их рода славились благородством. Превыше всех святынь в их роду почитали родину и честь. Он пережил и добрые и худые времена, пронесшиеся над отчизной шумеров, семитов и халдеев. Это был старый крестьянский род, только Синиб за выдающиеся военные заслуги был возведен в благородное звание. Но и без титулов их родовое имя славилось в Вавилонии.

У Гамадана, увы, не было уже прямых продолжателей рода. У него оставалась единственная дочь. Он долго страдал от того, что подвигами Синиба кончилась слава их рода. Чем же могла приумножить боевую славу Гамаданов красота Нанаи. при виде которой человека охватывал священный трепет! Надо было оставить мысль о подвигах и смириться с тем, что послано судьбой. Он радовался необычайной красе Нанаи и хотел посвятить ее богам. Еще не зная, каким образом сделает это, он верил, что премудрый Энлиль, сотворивший мир, подскажет ему верное решение.

Это и побудило его вырезать из дерева новую фигурку небожителя, чем он и занимался сейчас, сидя под тростниковым навесом. Он был убежден, что, поселившись в его доме. Энлиль осветит перед ним дороги жизни, а главное, укажет путь, по которому следует пойти Нанаи.

Что поделаешь, если фигурку, которую он сделал несколько дней назад, Набусардар обезглавил да еще посмеялся над его верой. А ведь именно Энлиль объявился перед глиняной хижинкой Гамадана и устами верховного военачальника повелел Нанаи посвятить свою красоту Вавилонии. Такова воля богов, а Гамадану приличествовало с радостью повиноваться ей.

подавив печаль, он взялся за работу.

Гамадан молчаливо сидел под навесом, и по его виду никто не сказал бы, какое мужественное решение он принял. сидел ничем не примечательный человек и обстругивал деревянную чурку.

Однако в один из дней после визита Набусардара, когда Нанаи с овцами отправлялась утром на пастбище, он вложил ей в руку короткий острый кинжал.

От прикосновения холодного металла она вздрогнула, как будто змея скользнула у ней по ладони, и вопросительно взглянула на отца.

– Для чего это мне?

– Тебе известно, что стране грозит опасность, а в такие времена все Гамаданы брались за оружие.

– Оружие нужно мужчине, а я – женщина.

– Ты последний потомок нашего рода. Великий Энлиль сотворил тебя женщиной, но если

родина требует от тебя быть мужчиной, стань им. И да хранят тебя боги.

Она стиснула холодную рукоять кинжала и внутренне содрогнулась. Гамадан же добавил:

– Не забудь, до истечения двух недель я должен представить в Вавилоне доказательство того, что торговцы, с которыми Сурма разделял еду, на самом деле персидские лазутчики.

Она спрятала кинжал на груди, и от прикосновения к чинка в ней пробудились неведомые до сих пор ощущения. Мечта о заветной любви слилась с отвагой, которая пульсировала в жилах Гамаданов.

Молча вышла она со двора и погнала стадо.

У Гамадана в глазах стояли слезы, но даже великие боги не знали в ту минуту, были то слезы страдания или слезы гордости.

* * *

Два дня Нанаи ходила на пастбище с кинжалом за пазухой, поджидая тех, кому была предназначена. Она искала встречи с врагами Вавилонии. Но ни в первый, ни во второй день судьба не свела ее с ними. Очевидно, с восходом солнца они разбредаются по своим делам, решила она, и на третий день погнала стадо, едва забрезжил рассвет.

Когда Нанаи добрались до лугов, повсюду уже царило оживление. Крестьяне, рабы и подневольные рабочие трудились у каналов.

На другом берегу Евфрата дымились печи, где обжигали терракотовые усыпальницы. Их надо было заготовить впрок в достаточном количестве – приближался самый жаркий месяц, смертоносный август – ава, ежегодно именно в эту пору беспощадный зной уносил больше всего человеческих жизней.

По волнам священной реки плыли плоты – это сплавляли пахучие кедры с Ливанских гор. Плотовщики тянули песнь о всемирном потопе и ноевом ковчеге. Из окрестных богатых поместий доносился гомон домашней птицы и шум хозяйственных работ.

Нанаи заметила, как из ворот одного поместья вышли сборщики податей Храмового Города в сопровождении вооруженного отряда. Предстоял тяжелый день для жителей Деревни Золотых Колосьев; их ждали пытки и истязания, с помощью которых слуги божьи вымогают дань для сокровищниц Эсагилы. За этим занятием они теряли последние остатки человечности, если таковой и обладали.

И сегодня слуги Эсагилы дали себе волю. Проходя мимо черпальщиков на канале, они не преминули пустить в ход бичи. Издали не было видно, как рабы стискивают зубы при каждом ударе. У одних при этом глаза западали еще глубже, у других сверкали, словно искры раскаленного железа под кузнечным молотом.

Нанаи стояла на пригорке, с болью в сердце наблюдая за кровавой забавой служителей Эсагилы, тешивших себя истязанием ближних. Она похолодела, когда отряд свернул на тропу, ведущую к пастбищу.

Кроме нее, там не было пастухов. Она одна поднялась в такую рань, чтобы выяснить,

не собираются ли персы в Оливковой роще и по ночам. Нанаи могла бы их увидеть, когда с высокими коробами за плечами они отправятся утром по своим торговым делам. Она остановилась с овцами поодаль, чтобы следить за входами в пещеры, которые тянулись под самой Оливковой рощей.

Девушка наблюдала за пещерами, пока ее внимание не отвлекли сборщики дани. При виде приближающихся к ней жрецов со свитой Нанаи все сильнее охватывало недоброе предчувствие: они нередко уводили женщин и девушек в Храмовый Город, превращая их в прислужниц и рабынь великого Мардука.

Когда они остановились невдалеке и один из жрецов приветствовал ее, Нанаи вся напряглась.

Ей было чего опасаться. Служители Эсагилы вели учет всем красивым женщинам Вавилона и его окрестностей и, пользуясь их набожностью, выгодно торговали ими. Если богатый вельможа желал заполучить одну из них, Эсагила именем божьим оказывала ему добрую услугу. Вельможа слагал на алтарь Мардука выкуп – золото и драгоценности. Эсагила же сообщала женщине, что ее призывает Мардук провести ночь на ложе золотого бога. Простой народ видел в этом счастливое знамение, поскольку верил, что сам Мардук в эту ночь удостоивает избранницу своим присутствием.

В списках избранных девушек стояло и имя Нанаи, дочери Гамадана. Уже не раз призывал ее бог богов владыка Эсагила, но Нанаи не вняла его зову. Всякое послушание каралось, нередко даже смертью, но Эсагила умела и уступать. Она хорошо знала род Гамадана, знала, что Гамадан скорее убьет себя и дочь, чем подчинится насилию. Жрецам нужна была не мертвая, а живая Нанаи, и они терпеливо ждали удобного случая, не желая лишаться богатого выкупа, который похотливые женюлюбы предлагали за Нанаи. В семье Гамаданов знали об этой прибыльной торговле храмовников. Сестра дяди Синиба, Таба, жрица вавилонского святилища, была посвящена во все их тайны. После ужасной казни Синиба она бежала из храма. По воле богов беглянку приговорили к смерти за измену своему сану. Ее долго, но безуспешно разыскивали по всей Вавилонии. Как раз в это время рыбаки выловили из Евфрата труп утопленницы и с облегчением решили, что это она. На самом же деле Таба скрылась в пещерах Оливковой рощи. Желая предостеречь Нанаи, Таба открыла ей гнусную тайну ночи, проводимой на золотом ложе Мардука. Поэтому дочь Гамадана бесстрашно противилась требованиям жрецов.

Храмовому Городу оставалось уповать только на празднества богини Иштар и приуроченный к этому обряд очищения девушек. Как истая халдейка, Нанаи примет участие в празднестве. А тогда нетрудно будет овладеть ею. Развратный Сибар-Син еще перед своим заключением в тюрьму обещал дать за нее огромный выкуп. Сейчас, когда его освободили, после продолжительного воздержания он охотно заплатит за ее нетронутую красоту еще больше. Праздник Иштар приближается, и Мардук с вожделием поджидает новых приношений в виде золота и человеческих жертв.

Можно было надеяться на щедрое вознаграждение, если бы кому-то из расторопных служителей Мардука удалось заманить Нанаи в Вавилон. Мысль о награде ободряло данщиков, когда они, заметив Нанаи, свернули на пастбище. Еще по дороге они сговорились вызвать Нанаи на резкости, чтобы потом обвинить ее в бунтарстве и отвести в Вавилон. Бунтарство относилось к разряду тяжких преступлений и каралось смертью, в лучшем случае дело ограничивалось пытками.

По лицам храмовников Нанаи догадалась о коварных намерениях и на приветствие жреца, остановившегося перед ней, смогла ответить не сразу.

Жрец повторил приветствие:

– Да благословят тебя боги. Она с трудом выговорила:

- Благословение да пребудет и с вами. К ней обратился второй жрец:
- Очевидно, ты дочь Гамадана, о красоте которой столько говорят повсюду.
- Я дочь Гамадана, – кивнула она.

Один из воинов охраны похотливо оглядел Нанаи:

- Если бы тебя узрело око Мардука, тебе пришлось бы посвятить ему свою жизнь.
- Я посвящена Энлилю, творцу мира, – возразила она.
- Творец и властелин мира – Мардук, – поправил ее жрец. – Мардук – владыка земли и неба, а не Энлиль.
- Нас взял под свою защиту Энлиль, вечный и всемогущий.
- Мардук вечен и всемогущ.
- Мы все здесь верим в Энлиля, потому что мы потомки славных шумеров, – гордо выпрямилась она. – Шумеры первыми заселили страну между священными реками Евфратом и Тигром. Энлиль был их богом, поэтому ему принадлежит верховенство среди богов.
- Говорит, будто ученая. – Ухмыльнулся один из жрецов.

Другой поддержал его:

- Что может знать деревенская девка об истории Вавилонии, брат мой? Сдается мне, что только для отвода глаз она берет с собой овец, на самом же деле она мутит народ против Эсагилы! Это бунтовщица. – И, не дав ей опомниться, он повернулся к солдатам: – Приступайте к своим обязанностям!

Звякнула сталь оружия, сверкнули клинки. Тут она выхватила кинжал со словами:

- Я поражу каждого, кто приблизился ко мне. Да укрепит мои силы Энлиль! Старший саном жрец с обнаженным мечом приказал солдатам схватить ее.
- Памятью безвинно преданного смерти, памятью дяди моего Синиба клянусь, – предостерегающе воскликнула она, – не останется в живых тот, кто прикоснется ко мне.
- Безвинно преданного смерти, говоришь? – прошипел жрец и поднял меч на Нанаи, чтобы кровью смыть оскорбление, нанесенное чести служителей божественного Мардука.
- Да как ты смеешь судить дела Эсагилы? Синиба приговорила к смерти верховная коллегия Храмового Города! Кто дерзает бросит тень на святых посредников бога, тот заслуживает смерти. Кто в ущерб Мардуку возвеличивает других богов, тому дорога в царство теней.

Обнажил меч и второй жрец. Опережая первого, он бросился к Нанаи.

- В последний раз скажи, – закричал он, – кто творит несправедный суд и какой из богов выше – Мардук или Энлиль?
- Что вам от меня надо? – защищалась она. Она понимала, что погибла, что ничто уже не спасет ее, и, не сдержавшись, выкрикнула в отчаянии: – Неужели мало Мардуку крови? – Но по-прежнему твердо сжимала она в руке кинжал, готовая пустить его в ход, хотя никто не учил ее обращаться с оружием. Покойный дядя Синиб следил за тем, чтобы она обучилась письму и искусствам, знакомить же ее с оружием он полагал излишним. Пока Синиб был жив, он всегда мог ее защитить. Но он умер, и ей

понадобилось именно умение владеть оружием.

Когда жрец замахнулся на девушку, она предостерегающе занесла кинжал. Но жрец ловким ударом ранил ее в плечо. Он не собирался ее убивать – ведь она должна была стать служительницей Мардука.

Из плеча Нанаи брызнула кровь. От сильной боли она едва не потеряла сознание и уже не могла защищаться. Рука Нанаи безвольно поникла, и второй жрец вышиб из ее ослабевших пальцев кинжал.

– Будь свидетелем, священный Энлиль, – прошептала она и в отчаянии упала на колени.

Теперь она беззащитна, отдана на растерзание солдатам Эсагилы, как голубь коршунам!

– Связать! – приказал жрец.

Солдаты распустили моток веревки.

Но тут раздался свист стрелы, которая пронзила горло служителя Мардука, приготовившегося связать беспомощную девушку. Жрец упал мертвым, – очевидно, наконечник стрелы был пропитан быстродействующим ядом. Таким оружием пользовались только персидские воины, да и то лишь когда не было другого выхода.

Солдаты бросились к убитому, но тут просвистела новая стрела, а за ней еще и еще. Стрелять могли только из Оливковой рощи, но там никого не было видно. Ни с берега канала, ни со стороны Евфрата стрела сюда не долетела бы. По всей видимости, лучники таились в густых кронах деревьев.

Размышлять было некогда. Стрелы продолжали лететь со свистом, стремительно и беспощадно. Жрецам пришлось отступить под защиту пальмовой рощи. Одни старались оттащить тело мертвого жреца, другие пробовали унести Нанаи. Им не удалось ни то, ни другое. Стрелы густо падали на пытавшихся подойти к Нанаи, и одна из стрел даже задела ее в раненое плечо. Она вскрикнула и потеряла сознание.

Первым пустился наутек жрец. Вавилонские воины Мардука не отличались доблестью и отвагой и побежали следом за ним под прикрытие пальмовой рощи. Оттуда они поспешили в Вавилон, чтобы тотчас известить верховного жреца о случившемся и требовать наказания преступников, если их удастся отыскать; если же они скроются, то в наказание покарать всю Деревню Золотых Колосьев. В их докладе происшествие выглядело как бунт всей деревни – тем большего наказания заслуживали ее жители.

Правда, Эсагиле ничего не удалось расследовать, и потому верховная коллегия Храмового Города постановила увеличить и без того невыносимые поборы. После бегства храмовников на опушку Оливковой рощи вышел высокий, статный человек в одежде персидского торговца. В руках он держал лук, к поясу был прицеплен колчан со стрелами.

У него было смуглое лицо. Выразительный взгляд темных глаз и высокий лоб, на который падали волнистые черные волосы, свидетельствовали о незаурядном уме и мужестве. Коротко подстриженная бородка в легких завитках придавала ему еще более мужественный и благородный вид.

Это был персидский князь Устига, возглавлявший тайную службу Кира в Вавилонии.

Его главный стан размещался в пещерах Оливковой рощи, неподалеку откуда стоял недостроенный дом Синиба. Дом сообщался с пещерами, но вход в подземное убежище был известен лишь Гамаданам. Двоюродный брат Нанаи Сурма подружился с персидскими лазутчиками и показал им это укрытие. Сурма не был прямым потомком Гамаданов, его мать приходилась сестрой матери Нанаи. Подобно многим халдеям, он страстно ратовал

за новые порядки, которые собирался ввести могущественный Кир. Кир освободит народ от рабства, даст ему права, даст хлеб – не уставали повторять посланцы Кира. Этими красивыми посулами они легко завоевали на свою сторону бедствующих крестьян, особенно в северной части страны, где земля была менее плодородной. Народ действительно мечтал высвободиться из кабалы знати, жрецов, алчных ростовщиков и управляющих царскими имениями. Довольно было искры, чтоб взметнулись языки ненависти, словно пламя над подоженным стогом соломы. А персидские смутьяны, надевшие личину торговцев, заверяли, что цель походов Кира, в отличие от войн других повелителей, – не господство над миром, а восстановление попорченной правды и справедливости. Если другие завоеватели проливали кровь ради обогащения, то Кир, мол, хочет скрепить пролитой персидской кровью вечный мир. Другие домогались права властвовать над более слабыми народами, Кир же хочет взять под защиту слабых перед сильными. Кир не питает ненависти к другим народам и мечтает спасти всех, установив вечный мир.

Эти планы воодушевляли и Устигу, преданного приверженца Кира и ревностного глашатая его идей. Он обладал даром красноречия и мог, как о нем говорили, даже камень пробудить к жизни. В такие минуты взгляд его сияющих глаз воспламенял массы людей. Он повсюду без труда добивался успеха.

Поручив ему наладить сбор сведений о противнике в Вавилонии, Кир не мог сделать лучшего выбора. Князь Устига настроил всю страну против властителей. Простой люд Вавилонии с нетерпением ждал Кира как своего избавителя. В нем видел он поборника справедливости, его называли огненной птицей севера. Втайне ему поклонялись как новому богу. На него особенно уповали поработанные народы, в первую очередь евреи, увезенные Навуходоносором в плен. Часть из них была поселена в еврейском квартале Вавилона, остальные – у канала Хебар.

Они верили в Кира – освободителя из-под вавилонского ярма. Устиге, отличавшемуся неутомимостью духа, удалось зажечь страждущие сердца, прежде чем спохватились в Вавилоне. На всех страдальцев производила большое впечатление повесть о трудной жизни самого Кира. Устига научил своих сподвижников рассказывать эту историю столь волнующе, что уже месяц спустя каждый житель Вавилонии знал ее наизусть. Персидские лазутчики не уставали твердить, что только тот поймет страждущих, кто сам страдал, и только тот восстанет против несправедливости, кто испытал ее на себе. Эти слова находили отклик в душах людей. Устига понимал, что голодному нужно дать хлеба, жаждущему – воды. томящегося в путях избавить от веревок, а истязаемого – от карающего бича. Все это он обещал именем Кира, которого сама жизнь назначила сокрушать прогнившие государства и заводить в них новые порядки.

Уже не один месяц Устига склонял к этому новому учению души халдейского люда. Ему сопутствовал успех, так как Вавилон дремал на своих сокровищах и думать не думал о надвигающейся опасности. Царя и вельмож убаюкивал звон золота. Один Набусардар каким-то чудом пробудился и, ни в ком не найдя поддержки, на свой страх и риск пытался положить конец деятельности персидских искусителей. Он, конечно, и не подозревал, что в тот день, когда его колесница останавливалась у Оливковой роши, Устига, покинув пастухов, наблюдал за ним из укрытия. Он тотчас признал в нем верховного военачальника царя Валтасара, и ему достаточно было натянуть лук, чтобы лишиться вавилонскую армию ее полководца. Устига стрелял без промаха, и его стрела наверняка поразила бы Набусардара так же, как только что поразила жреца Эсагилы. Но это была опасная затея, чреватая преждевременным переполохом и преследованиями персидских лазутчиков. Последнее не входило в его планы. Надо было спокойно дожидаться прихода Кира.

Иное дело – освобождение Нанаи из когтей эсагильских сборщиков дани. Когда отряд храмовых слуг направился к Нанаи. Устига нес караул у входа в пещеру. Он не мог слышать их разговора, но отлично видел все. Нанаи уже давно занимала его воображение. Он много слышал о ней от Сурмы, который обещал при удобном случае познакомить его с двоюродной сестрой.

Князь Устига часто видел ее, когда она пасла овец, занятая своими табличками, на которых любила рисовать халдейские божества. От Сурмы он узнал, что дядя Синиб собирался отправить ее учиться к борсиппским ваятелям, но смерть помешала ему осуществить задуманное. Нанаи остались только ее глиняные таблички, им безыскусно поверяла она игру своего воображения. Благородный и отзывчивый по натуре. Устига искренне желал, чтобы Нанаи когда-нибудь посчастливилось всерьез учиться. Красота ее поразила Устигу, но из осторожности он ни разу не сделал попытки приблизиться к ней, предупрежденный Сурмой, что Нанаи, как и все Гамаданы, не благоволят чужестранцами. Он же был перс, ныне их заклятый враг. Вполне вероятно, что Нанаи не поколебалась бы выдать его Вавилону, сорвав тем самым выполнение задачи, возложенной на него Киrom. Но как часто жизнь смешивает планы и помыслы людей! Неожиданно для себя Устига стал спасителем Нанаи.

Когда поток стрел обратил данщиков в бегство, Устига бросился к лежавшей в беспомощности Нанаи.

Она истекала кровью.

Ее белые овцы в испуге забились под деревья и жалобно блеяли. Медлить было нельзя. Устига взял девушку на руки и отнес в подвал дома Синиба, за прошедшие годы изрядно пострадавшего от весенних разливов. Недостроенные стены кое-где размыло, местами занесло илом. Тем не менее людям Устиги удалось превратить его в сносное жилье. Помещение, занимаемое самим Устигой, выглядело даже уютно. Лазутчики в одежде персидских торговцев натащили сюда теплых шкур, ковров, одеял, сделали большой запас продуктов и соорудили очаг, на котором варили пищу. Подземелье освещалось факелами и масляными светильниками.

Сюда-то и принес Устига потерявшую сознание Нанаи. Теперь в подземелье, кроме него, был только его слуга.

Отряд разошелся еще до рассвета. Час вторжения Кира и Вавилонию приближался, и тем активнее действовали лазутчики. Устига в это утро остался один, но с минуты на минуту ждал возвращения двух персов – Забады и Элоса с известиями о настроениях в самом Вавилоне. Их-то и высматривал Устига, когда стал нечаянным свидетелем кровавых событий на пастбище.

Слуга Устиги, привыкший к любым неожиданностям, знавший толк и во врачевании ран, был правой рукой своего господина. Сам Устига учился искусству врачевания у египетских жрецов и, кроме того, провел год в Греции, обучаясь медицине. В армии Кира он выполнял обязанности лекаря.

Слуга застлал ложе Устиги белой холстиной, и Устига положил на нее Нанаи. Она забылась в тяжелом, глубоком сне. Губы у нее были стиснуты, пряди бронзово-черных волос, слипшиеся от крови, словно змеи, притаились на плече.

Приготовившись осмотреть рану, Устига велел слуге принести ножницы и без долгих раздумий отрезал ей одну прядь.

– Такие красивые волосы, господин, – вздохнул слуга.

Рука Устиги застыла в воздухе. Ему представилась Нанаи, бродящая среди лугов, Нанаи, в распущенных волосах которой всегда так весело играло солнце. Он поспешно отложил ножницы и попросил шнурок, которым связал волосы, чтобы они не закрывали рану.

Затем он велел принести усыпляющее средство. То был шерстяной лоскут, смоченный в специальном составе. Он прикрыл им лицо Нанаи, чтобы она вдохнула пары усыпляющего бальзама.

Нанаи дышала слабо, неровно и прерывисто, но в себя не приходила. Выждав и убедившись, что снотворное подействовало, Устига принялся врачевать рану. Прежде всего он промыл ее отваром ромашки и потом посыпал очищающим порошком. Затем, снова промыв отваром, приложил к ране полоску полотна, пропитанную кровоостанавливающей мазью.

Эту мазь ввел в обиход известный халдейский врач, утверждавший, что, подобно математике, астрономии, физике, медицина имеет свои законы и что врачевание тоже наука, а не знахарство.

Однако от мази рана начала как будто еще сильнее кровоточить. Устига туго стянул ее повязкой.

Слуга между тем заметил:

– Когда нас лечили желудками ящериц, семикратно проваренными во время полнолуния, правым глазом совы, семикратно заговоренным на закате солнца, и змеиным сердцем, семикратно освещенным великими богами, лекарство всегда действовало наверняка.

Устига, не обращая на него внимания, спокойно снимался своим делом. Не в первый раз он слышал от слуги прославление знахарских средств. Он уже привык к тому, что простой народ предпочитает умирать от толченых хвостов и желудков ящериц, чем обращаться к серьезным, сведущим в лечении болезней людям. Впрочем, во всех других отношениях слуга проявлял себя человеком весьма толковым. И хотя он при каждом удобном случае старался убедить своего господина в бесспорных преимуществах змеиного сердца перед отваром из лекарственных трав, Устига любил его за находчивость и преданность. С его ворчливым характером он давно примирился. Ворчливость не мешала ему быть безукоризненным исполнителем распоряжений Устиги.

Устига приподнял голову Нанаи, слуга подложил ей под спину подушки, затем Устига убрал лоскут, пропитанный усыпляющим бальзамом.

Лицо Нанаи было искажено болью, но и за болезненной гримасой проступали, словно скалы в темном ущелье, черты гамадановской решительности и достоинства. Устига долго изучал это лицо, прекрасное даже в страдании, и вдруг его охватило странное чувство. словно гадкое пресмыкающееся проползло у него по телу – такую истовую ненависть прочел он в обращенном к нему лице. И Устига подумал, что едва она придет в себя, как, невзирая на кровоточащую рану, бросится отсюда вон, чтобы не принимать услуг и помощи от врага. Но это неприятное ощущение скоро уступило место другому – сознанию своей власти над ней. Усыпленная бальзамом, Нанаи была совершенно беспомощна. Устига мог держать в плену последнего потомка гамадановского рода сколько заблагорассудится и всегда мог продлить искусственный сон девушки. Сейчас ему нечего было опасаться ее предательства.

Он еще упивался сознанием своей власти над ней, когда слуга спросил его:

– А как ты думаешь избавиться от этой женщины, господин?

Устига, внезапно выведенный из состояния приятного оцепенения, удивленно взглянул на него.

– А почему ты спрашиваешь?

– Потому что, очнувшись, она увидит наше убежище. Она халдейка, и нельзя ручаться, что она не выдаст нас Вавилону, хотя ты и спас ее от смерти.

– Не хочешь ли ты сказать, что надо было бросить ее, когда она истекала кровью?

– Вовсе нет.

– Мой долг – позаботиться о ней хотя бы потому, что она двоюродная сестра Сурмы, а за добро нельзя платить злом. Так учит бессмертный Заратустра.

– По-моему, лучше отнести ее в лес...

– ...и там оставить на растерзание диким зверям, – засмеялся Устига.

– Нет, я не то подумал, господин, – оправдывался слуга, – я собирался одеться пастухом и пойти сообщить родне, что ее ранили жрецы.

– А как ты объяснишь ее родне, кто наложил эти повязки? – снова усмеялся Устига.

– Ты прав, господин, – сдался слуга, – но будь осторожен, хотя речь идет о женщине, а не о судьбах Персии.

– Положись на меня и доверяй мне, как доверял до сих пор. Самое большее, что мы можем сделать, – это рассказать все Сурме.

И он тотчас послал слугу взглянуть, нет ли на пастбище Сурмы. Обычно он одним из первых выгонял овец.

Слуга и в самом деле увидел его у моста через канал, Сурма не спеша приближался со своим стадом. Овцы Нанаи, выйдя из Оливковой рощи, шли, пощипывая траву, ему навстречу. Это было очень кстати, так как он мог теперь объединить оба стада и пасти их вместе. По крайней мере, можно не опасаться, что потеряется овца. Не желая рисковать, слуга решил выждать и окликнуть его, когда Сурма подойдет поближе к роще.

Притаившись у входа в пещеру, он внимательным взглядом окинул окрестности и тут же заметил на тропинке, ведущей в рощу, двух персидских торговцев. Это были Забада и Элос. По всей вероятности, им сопутствовала удача, так как оба возвращались целы и невредимы и в веселом расположении духа.

Спустившись в подвал доложить обо всем Устиге, он застал своего господина погруженным в глубокое раздумье у ложа раненой Нанаи.

– Господин! – окликнул его слуга достаточно громко и укоризненно.

Устига оторвал взгляд от Нанаи и безучастно посмотрел на слугу. Он сам не отдавал себе отчета, о чем задумался. Он даже не замечал Нанаи. Его думы, как ни странно, были сейчас далеки от женщины, лежавшей перед ним, а также от армии и от порученного ему задания.

– Господин! – не скрывая укора, воскликнул слуга.

– Твои страхи преувеличены, – молвил Устига и спросил воды вымыть руки. Слуга не сдавался.

– Я всегда избегал женщин, когда выполнял тайные поручения, – добавил он, – потому что, если можно еще устоять перед демонами, то женщина непременно соблазнит и погубит.

– Налей в чашу воды, – сурово повторил приказание Устига, – и скажи, не появился ли Сурма.

– Я только что видел его у моста через канал. Вот-вот он будет в роще. Я заметил также наших, возвращающихся из Вавилона.

– Обоих? – спросил князь, погружая в воду окровавленные руки.

– Обоих, господин.

Вскоре в пещеру вошли два перса в платье торговцев.

Устига быстро ополоснул руки и, вытирая их льняным полотенцем, пошел навстречу обоим пришельцам, приветствуя их словами:

– Благослови вас Ормузд.

– Да пребудет и с тобой его благословение, – раздалось в ответ.

– Я с нетерпением жду ваших сообщений.

– У нас куча новостей, которые потребуют от нас немедленных действий.

– Я сгораю от нетерпения, – повторил Устига.

Он отослал слугу к Сурме, а этих двоих намеренно провел в свою комнату.

С величайшим изумлением они увидели раненую Нанаи и выслушали рассказ о происшествии со жрецами. Им встретился взбудораженный отряд храмовников по дороге в Вавилон.

У служителей Эсагилы определенно пропала охота собирать подати. Весьма вероятно, что они еще вернутся сюда с подкреплением и окружают рощу. Надо быть готовыми к любой неожиданности. Не следует забывать, что Эсагиле известен вход в подвалы недостроенного дома Синиба. Правда, едва ли она посвящена в другую тайну подземного убежища, неизвестную даже Сурме: пещеры имели скрытый выход; узкий коридор тянулся глубоко под землей и выводил на поле, поросшее кустами роз. Этот потайной ход случайно обнаружил Устига, когда однажды, коротая время, внимательно исследовал стены подземелья. На него можно было рассчитывать в случае опасности. Их надежда на потайной вход была также неколебима, как и вера в победу своего повелителя Кира. Лаз в этот ход, задрапированный ковром, находился в покоях Устиги, у самого ложа, на котором сейчас лежала Нанаи.

Забада и Элос рассматривали спящую. У обоих, как незадолго перед тем у слуги, шевельнулось дурное предчувствие.

– Будь осторожен, князь, – поспешил предостеречь Устигу Забада. – Не допусти, чтобы она здесь очнулась. Помни, она хоть и приходится двоюродной сестрой Сурме, но совсем недавно ее видели в обществе самого Набусардара, который выслеживает нас.

– Да, да, князь, – поддержал его Элос, – пусть имя Набусардара послужит тебе предостережением. Устига принужденно засмеялся.

– Вы говорите так, будто из-за нее я изменю своему долгу, обману доверие царя, возложившего на меня важное поручение.

– Мы только напоминаем об осторожности, – заметил Забада.

– Никто и не думает подозревать тебя, князь, – добавил Элос. – Ты всегда был достойнейшим из нас, и твои героические деяния запечатлены в царских анналах Экбатаны.

– Верьте мне, братья, – сказал Устига. – Она потеряла много крови и придет в себя не раньше, чем через два часа. За это время мы сможем все обдумать и найти разумный

выход. Но не требуйте, чтобы, спасши человека, я потом сам обрек его на смерть. Защищая ее жизнь, я собственноручно отправил на тот свет жреца Эсагили, так неужели теперь проводить и ее за ним следом? Почему Нанаи должна погибнуть? Персидское могущество не строится на бессмысленно принесенных в жертву женщинах. Сила Персии в армии, в нас.

– Верно, князь, но женщина больше других способна на предательство. Самое вероломное, самое коварное предательство. Мужчина изменяет хладнокровно. А женщина предает с пламенем в сердце. Никогда не угадаешь, в какую минуту ее любовь обернется укусом змеи.

Устига был задет за живое.

– Я думаю, мы напрасно преувеличиваем. По рассказам Сурмы и по своим наблюдениям я убедился в том, что Нанаи в высшей степени присуще чувство достоинства, честность и великодушие. Я видел собственными глазами, как она встретила жрецов с кинжалом в руке. Измена гнездится в душе труса, тропой вероломства идут лишь низменные натуры.

– Ты хочешь и нас уверить в том, что Нанаи не сможет стать предательницей? – вмешался Забада и многозначительно усмехнулся.

– Заверяю вас в том перед лицом высшей справедливости, – торжественно произнес Устига, и его глаза вспыхнули, подобно факелам, освещавшим подвал и распространявшим вокруг запах земляной смолы.

Забада лишь покачал головой.

– Желаю тебе не обмануться. Желаю этого во имя твоей и нашей родины, потому что едва ли Персия найдет более отважного и преданного сына. Твоя гибель была бы невозместимой утратой.

Всякий раз, когда речь заходила о его жизни, Устига пренебрежительно усмехался. И теперь не замедлил возразить:

– Ничего бы не случилось. Ничего непоправимого. Таких сыновей уже обрела Персия и в тебе, Забада, и в тебе, Элос.

Он задумался и, обняв их за плечи, прошел с ними в соседнее подземелье.

Человеку не дано знать последнюю черту своей жизни. Устига чувствовал, что с ним творится неладное. Он вдруг усомнился в своей воле, в собственных силах. Тем не менее он противился мысли, что его сомнения связаны с Нанаи, видя в ней скорее дар, ниспосланный судьбой.

Однако, вняв своему внутреннему голосу, князь задумал связать присягой Забаду и Элоса. своих возможных преемников. Он велел им положить руки на рукоять своего меча и повторить за ним слова клятвы.

Они дружно запротестовали, не желая допустить даже мысли о возможной гибели своего руководителя.

– Кто знает, что ждет нас впереди? – твердо произнес Устига. – И вы должны поклясться мне, что всегда согласие пребудет меж вами, что без зависти, ненависти и козней будете сообща служить своему народу в этой чужой стране, которую готовится покорить великий Кир. Станьте же вы двое единым мужем, и пусть моя смерть навеки свяжет вас неразрывными узами воли и духа.

Прозвучала клятва, и в подземелье повеяло могильным холодом.

Устига еще раз вышел взглянуть, не проснулась ли Нанаи, и собрался слушать рассказ о событиях в Вавилоне.

В первую очередь его заинтересовало известие о том, что тайный договор между жрецами Эсагила и Экбатаны вступил в силу. Посланцы святыни Ормузда подписали соглашение и от имени царя Кира, так как в Персии каста жрецов отличалась патриотизмом и боготворила царя. Персидские жрецы были преданны родине, в отличие от Эсагила, пестовавшей изменников.

Перед встречей со жрецами Мардука служители Ормузда побывали в пещерах Оливковой рощи. Они передали новые распоряжения Кира, из которых явствовало, что царь намерен тотчас после спада летней жары вторгнуться в Вавилонию и овладеть ее столицей. Армия готова к этому, вооружена по последнему слову военной техники, в ее составе непобедимая персидская конница, во главе – опытные и славные военачальники. Кир намеревается окружить Вавилонию сразу с трех сторон. Одну часть войска он бросит под прикрытием Эламских холмов на юг, вторая займет позицию на берегу Тигра, нацеливаясь на Вавилон, третья останется на севере. Труднее всего будет форсировать реку, в этом месте очень глубокую и бурную. Легче было бы проникнуть в Вавилонию со стороны Мидийской стены. Поэтому Кир приказал. Устиге любой ценой раздобыть план этого оборонительного сооружения.

Не теряя времени, Устига принялся за работу. Вслед за экбатанскими жрецами он отослал в Вавилон Забаду и Элоса. Они-то и сыграли роль шпионов, которых Эсагила подсунула царю Валтасару.

После допроса их под конвоем должны были доставить к границе и выдворить за пределы Халдейской державы. Но Эсагила позаботилась о том, чтобы конвой состоял из храмовых солдат, которые, выведя шпионов за городские ворота, по приказу верховного жреца тут же отпустили их на все четыре стороны. Так Забада и Злое вместе с третьим персом оказались на свободе. Они потом долго бродили по улицам и увеселительным заведениям Вавилона, выдавая себя то за портовых грузчиков, то за богатых чужестранцев.

Так они стали очевидцами всех важнейших событий в столице.

Они узнали от Сан-Урри, что Набусардар сам отправился на поимку персидских лазутчиков.

Для них не осталось тайной, что за измену Сан-Урри смещен со своего поста. Забада и Элос выяснили даже то, что пока не было известно Набусардару. Они выследили Сан-Урри, который нашел убежище в Храмовом Городе, снискав благоволение могущественного Мардука тем, что передал Исме-Ададу выкраденный план Мидийской стены с описанием ее военных секретов.

И наконец, они стали свидетелями того, как подкупленный суд оправдал развратника и дважды убийцу Сибар-Сина. Когда после оглашения приговора Сибар-Син вышел из здания суда, собравшаяся толпа чествовала его как праведника. Телкиза, жена Набусардара, вышла к нему из толпы и собственноручно протянула цветок лотоса.

– До чего дошла испорченность Вавилона! – закончил свой рассказ Забада. – Это гибнущий город, и я не верю, чтобы он мог отстоять свою независимость. Повсюду там правит зло в самой гнусной форме, и мерзости творятся среди бела дня. Честь там подменяют золотом, а правду меряют драгоценностями. Богачи предаются распутству, простой же народ прозябает в нищете.

– Значит, ты полагаешь, что нам в самом Вавилоне не так уж трудно будет привлечь на свою сторону обиженных и посеять рознь среди его жителей?

– Сдается мне, что вавилоняне уже сейчас настроены друг против друга. Нужен лишь

повод, чтобы их ненависть вышла наружу. Стоит кинуть подходящую приманку, и можно брать их голыми руками.

– Верно. Мы посеём в городе семена раздора и, пока жители будут грызться между собой, подчиним их нашему влиянию. До сих пор наша работа в этой стране шла успешно, я надеюсь, что и в Вавилоне нас ждёт удача.

– Готов дать голову на отсечение, что его не спасут никакие городские стены, – засмеялся Забада.

– А кто с кем заодно и кто с кем враждует? – расспрашивал князь. Тут захохотал молчавший до сих пор Элос. Он рассмеялся потому, что Вавилон по части единоплебия напоминал Иерусалим, павший от раздиравших его внутренних дрязг.

В Вавилоне соперничали две господствующие силы – жрецы и царь, смертельно ненавидевшие друг друга. Часть знати, в основном представители обедневших аристократических фамилий, поддерживала царя, от которого ожидала наделов за счёт отторжения земель, присвоенных Храмовым Городом. Жрецы пользовались доходами с этих угодий, не имея на это прав. Богачи держали сторону Эсагила, которая позволяла им именем божественного Мардука чинить произвол, окупленный золотыми дарами. Купцы стояли за тех сановников, которые добивались выгодных для них привилегий в торговых делах. Часть образованных людей выступала против Валтасара, при котором искусства и науки пришли в упадок. Одни при этом мечтали о перевороте, надеясь вернуть оттеснённого от кормила власти царя Набонида, отца Валтасара, который питал великую любовь к древней халдейской культуре и препятствовал проникновению чужеземных влияний. Другие, недовольные нынешним состоянием культуры, напротив, преклонялись перед искусством соседних народов, считая его более зрелым. Наконец, трудовой люд добивался лишь хлеба насущного и чаял избавления от господских бичей. Именно в простом народе сильнее всего было недовольство, так как страдания его были безмерны, а нужда беспредельна. Оставалась армия, но по всему было видно, что без основательной реорганизации она едва ли способна противостоять армии Кира. К тому же и она не была единой. Половина состояла на службе у царя, другая же половина подчинялась Эсагиле. Такое войско легко ослабить и даже уничтожить, если натравить обе части друг на друга.

– Пока трудно на это рассчитывать, но все может случиться, – добавил Элос последний штрих к нарисованной им убедительной картине общего распада в Вавилоне.

– Мне пришла в голову та же мысль, – живо отозвался Устига. – Ведь Сан-Урри грезит о власти, и теперь, когда он нашел приют и понимание у жрецов, он попытается добиться ее с помощью армии.

– Эсагила же, не колеблясь, выступит против неугодного ей царя, тем более что она рассчитывает на поддержку Кира. Достаточно поджечь одну соломинку – и вспыхнет весь город.

– А потом пламя перекинется в народ, и пожар охватит все царство.

– Тут-то и явится на помощь персидский лев, чтобы спасти Вавилонию для себя, – от души рассмеялся Забада.

Устига, не устававший говорить о сплоченности, как источнике и оплоте могущества, не преминул добавить:

– Благословенна Персия, где царит всеобщее единоплебие. Поистине лишь сплоченный до последнего человека народ может устоять перед любой опасностью. Не по своей ли вине гибнут ослабленные раздорами народы?

И в наступившей тишине задумчиво добавил:

– Удивительно, что Сан-Урри предал Набусардара в такой серьезный момент.

– Эсагила обещала поставить его на место Набусардара, как только того удастся убрать. Вот откуда столько болезненного нетерпения в поступках Сан-Урри. Он рвется к власти и ради достижения своей цели готов прикончить не только Набусардара, но и самого царя.

– Его нынешнее убежище, – пояснил Элос, – держат в великой тайне. Никто не знает, куда он скрылся, в армии убеждены, что он покончил с собой.

Устига изумленно поднял брови, наморщив лоб. Он едва нашел силы спросить:

– Как же вам удалось это разузнать?

– Случайность, – понизил голос Забада и оглянулся, словно кто-то мог подслушать их, – чистая случайность.

Прежде чем продолжать рассказ, он попросил Устигу взглянуть, не очнулась ли Нанаи, так как его не покидало страшное ощущение, будто, кроме них, в подвале незримо присутствует кто-то посторонний.

Устига прошел в соседнее помещение. Нанаи лежала в том же положении, в каком они ее оставили. Ему, правда, показалось, что голова повернута чуточку иначе, но он не помнил хорошенько. Впрочем, голова могла и сама немного сползти с подушки. Очевидно, так оно и было. Успокоенный, он вернулся к своим собеседникам.

Он еще проверил, не притаился ли кто-нибудь у входа в пещеру. Но, выглянув, обнаружил лишь Сурму и своего слугу, занятых разговором. Оба сидели под деревьями и не собирались им мешать.

Забада мог смело продолжать.

Однажды на постоялом дворе, где они остановились под видом знатных иностранцев, они застали в своих покоях поджидавшего их жреца. Тот назвал пароль персидской тайной службы в Вавилонии и представился доверенным лицом святилища Ормузда при Эсагиле. Ему было поручено следить за действиями Эсагилы и обо всех нарушениях заключенного договора немедленно доносить в Экбатану. Он разыскал Забаду и Элоса, чтобы сообщить им, где нашел себе приют Сан-Урри. Эсагила намеревалась утаить место его пребывания, не выдавать Сан-Урри военному суду. Но для них особенно важно, что Сан-Урри выкрал план Мидийской стены, который сейчас хранится в башне Этеменанки. Известно, что этот план Киру крайне необходим, поэтому надо попытаться овладеть им. Нужно только тщательно продумать, как это сделать, и назначить срок.

– И вы уже придумали? – взволнованно прервал его Устига.

– Нет еще, князь, – ответил Элос.

– В таких случаях надо действовать немедля, – упрекнул их Устига.

– Прежде всего, наш жрец не знал, в каком из залов башни спрятан план. Он должен уточнить это, тогда будет легче до него добраться.

– Справедливо, – быстро отозвался Устига. – И на чем же вы порешили?

– Послезавтра он придет в – Деревню Золотых Колосьев, и там в трактире ты встретишься с ним.

– Почему я? – вырвалось у него вместе с мгновенно вспыхнувшим подозрением.

– Без тебя мы не можем решать, а чем меньше нас будет, тем лучше. Зачем излишне привлекать внимание? Этот жрец – неглупый, смелый и наблюдательный человек. Ты, князь, обсудишь с ним план похищения.

– И все же почему он явится сюда, а не вы в Вавилон? – допытывался Устига.

– Он предупредил нас, что в ближайшие дни будет проведена проверка всех чужестранцев, и нам следует быть начеку.

– Мне это не нравится, – покачал головой Устига. – Экбатана не послала бы своего человека в Эсагилу, не известив нас. Ведь и жрецы, которые подписывали соглашение, сначала явились к нам. Этот человек мне подозрителен.

Он с минуту слушал их взволнованные реплики, а потом убеждено произнес:

– Наверняка он подослан, подослан самим царем Валтасаром!

При этих словах у всех троих холодок пробежал по коже, в наступившей тишине слышалось только потрескивание факела.

Тем не менее, трезво и спокойно все взвесив, они решили, что их подозрения, пожалуй, лишены оснований. Жрец знал пароль персидской тайной службы, а кроме того, он показал им табличку с печатью святилища Ормузда.

– Он придет один? – задал Устига последний вопрос.

И, получив утвердительный ответ, подумал, что встретится с этим человеком, кто бы он ни был, послезавтра в трактире, как условлено.

На всякий случай Устига приказал немедленно сменить тайный пароль, разослав гонцов по всем станам лазутчиков.

Если жрец при встрече в трактире скажет ему прежний пароль, будет ясно, что тот узнал его нечистыми путями и шпионит в пользу Валтасара.

В отряде Устиги было тридцать человек, но в настоящий момент все были разосланы с поручениями. По предложению Забады было решено, что они с Элосом сообщат об изменении пароля в ближайшие лагеря, а те в свою очередь безотлагательно передадут это известие дальше.

Забада и Элос тотчас отправились в путь с коробами за спиной.

* * *

Увидев удалявшихся Забаду и Элоса, Сурма сказал слуге Устиги, с которым вел беседу в тени деревьев Оливковой рощи:

– Я хочу повидать Нанаи, пока не подошли остальные пастухи.

– Теперь уже можно, – кивнул ему слуга, – ступай, а я присмотрю за твоими овцами.

Прежде чем спуститься в пещеру, Сурма трижды свистнул, подражая суслику. Дождавшись такого же ответа из глубины пещеры, он повернул закрепленный на оси камень и проник в открывшийся лаз.

По узкому темному коридору он попал в подземный покой, освещенный факелами и масляными светильниками. Здесь он выпрямился и увидел Устигу, стоявшего у входа в помещение, где лежала Нанаи.

– Да благословят тебя боги, – приветствовал его Устига.

– Да благословят и тебя в этой беде, князь, – ответил Сурма.

– Ты пришел взглянуть на нее?

– Да, и посоветоваться с тобой, что передать ее отцу. Если рана опасна, то не лучше ли пока тебе самому заняться ее лечением. Гамадан – старый человек, он ничего в этом не смыслит, а жрецы – кто знает, пришлют ли они своего лекаря в Деревню

Золотых Колосьев после сегодняшнего происшествия. Царские лекари пользуют только царя и князей.

– Мои люди, – промолвил Устига, – разосланы с разными заданиями по дальним окрестностям, Забада и Элос вернутся только под утро, так что я буду один со слугой. Она может спокойно провести здесь весь день и ночь...

Тут он замолчал и задумался.

В Персии с вступлением на престол Кира стали особенно ревностно относиться к репутации девушек и женщин. Лишь женщины легкого поведения проводят ночи под одной кровлей с мужчинами. Ему не хотелось бросать тень на честь Нанаи. Впрочем, пускай Сурма приходит сегодня ночевать в пещеру. Присутствие двоюродного брата пресечет возможные сплетни. А утром он же отведет Нанаи домой к отцу. Устига продолжит ее лечение, приходя к ним домой вечерами под видом странствующего знахаря.

– Ты поистине отважен, князь, – сказал Сурма. – На твоём месте я бы не решился так поступить.

– Я привык проявлять человечность там, где нужна человечность, но если потребуется – умею быть и жестоким. Ты хочешь сказать, что Гамадан – заклятый враг персов и выдаст меня Вавилону? Ничего, у меня против него припасено оружие, и я думаю – надежное.

Если я замечу неладное, я пригрожу, что вместо лекарства дам его дочери яд. Надеюсь, это заставит старика одуматься.

– Ошибаешься, князь. Ради Вавилонии Гамадан пожертвует и дочерью. Знай, жизнь каждого в этом роду только тогда обретает цену, когда приносится в жертву родине. Нанаи умрет, но умрешь и ты. Воины Набусардара схватят тебя прямо в доме Гамадана.

– Под видом знахарских средств я захвачу с собой несколько коротких кинжалов. Я буду драться, Сурма, я буду драться до последнего вздоха. И если мне суждено погибнуть, я умру с мыслью, что и моя жизнь, отданная Киру, наконец обрела цену.

Его пылкая речь была подобна пламени в настенных светильниках. А глаза сияли мечтой о сокрушении прогнившего и созидании нового, чистого и справедливого мира, за который готов был пожертвовать жизнью он сам и за который лилась кровь персидских воинов.

– Такие люди, как ты, должны жить, а не умирать, – возразил Сурма. – Ты нужен не

только своему народу, но и халдеям – всем, кто идет за правдой.

– Что ты имеешь в виду, Сурма? Я знал, на что иду, взявшись выполнить поручение моего повелителя Кира. Я допускаю, что могу здесь погибнуть, только не знаю, когда и где. Быть может, это случится в борьбе против надменного Вавилона, а может стать, я умру рядом с Нанаи.

– Ты ее любишь, князь! – вскричал Сурма. – Ты любишь ее, и в этом твое несчастье. Зачем я только рассказал тебе о ней, лучше бы я говорил о заржавленных мечях армии царя Валтасара!

– Пойми, друг мой, – внешне спокойно молвил Устига, – что война и сражения никогда не должны быть целью, они только средства. Пойми и то, что однажды война кончится и оставшиеся в живых будут искать свое счастье в семье, в счастливой семейной жизни, которая станет колыбелью счастливого народа. Я хочу быть одним из таких людей, и ничто не помешает мне, когда исчезнет бессмысленная вражда между государствами, ничто не сможет помешать мне жениться на халдейке, которая, по словам Кира, из врага превратится в мою сестру.

– Никогда Гамадан не уступит чужеземцу, он всегда будет считать тебя нечестивцем, и Нанаи никогда не станет тебе сестрой.

– Ты говоришь, что она любит правду и чистоту и редкий халдей сравнится с ней в этом? Когда ты рассказывал о ней, я постигал ее душу и теперь уверен, что мне удастся завоевать ее расположение.

– Будь осторожен. Недавно Гамадан приходил к нам и выпрашивал меня, не видел ли я в Оливковой роще персидских шпионов. Потом он попросил одолжить ему на время кинжал, который я унаследовал от дяди Синиба, потому что в нашем роду, кроме меня, нет мужского потомства. Этот кинжал мы со слугой нашли сейчас на том самом месте, где твоя стрела настигла жреца. Отдай ей кинжал обратно – и она заколет тебя, для этого он и дан ей Гамаданом. Она хладнокровно заколет тебя – так поступают халдеи с ногами.

– Твои страхи преувеличены, – засмеялся Устига, – и я готов поставить половину Персидского царства против Деревни Золотых Колосьев, что мне удастся найти общий язык с Нанаи честно и открыто. Этой ночью, когда она будет вынуждена остаться в нашем лагере, я сделаю первую попытку. Ты можешь убедиться в этом, если придешь сегодня ночевать к нам.

– Мне придется поручить ее твоим заботам, князь, потому что этой ночью под покровом темноты к нам приедет верховный вавилонский судья и наш наставник Идин-Амуррум.

Верховный вавилонский судья, который одновременно является членом государственного совета, хочет добровольно отказаться от благородного титула, чтобы иметь возможность стать членом народного совета. Это справедливый человек. В Вавилонии только представители знати могут занимать государственные посты, заседать в совете и в коллегии жрецов. Только им принадлежит право представлять интересы страны. Под нажимом Набусардара и при поддержке двух сановников молодой царь учредил народный совет для защиты интересов простого народа. С этих пор лишь постановления народного совета могут считаться проявлением воли народа. Но пока их всячески обходят. Народный совет имеет право выносить решения, касающиеся разных мирских дел, но они подлежат затем утверждению правительства, которое, конечно, может и злоупотребить своей властью. И все же у совета есть одна важная привилегия: своим вмешательством он может приостановить исполнение любого чиновничьего распоряжения, если оно несправедливо к людям простого звания. По этой причине верховный вавилонский судья и хочет: отказаться от своего фамильного титула. Он намеревается стать членом народного совета, чтобы действовать против взяточников чиновников. Судейская коллегия, несмотря на протесты верховного судьи, оправдала убийцу и развратника

Сибар-Сина, а жену раба приговорила заживо бросить на растерзание львам, сослав ее малолетних детей на тяжелые работы в рудники. Верховный судья хочет пробудить совесть Вавилона. Он намерен опротестовать решение коллегии, подкупленной Сибар-Сином. Он может сделать это, лишь став членом народного совета. Этой ночью верховный судья хочет поговорить с некоторыми старейшинами нашей общины. Если они заверят его, что он будет избран от нашей деревни, то он откажется от своего теперешнего поста и войдет в состав народного совета.

– Ты думаешь, его там примут?

– Мы давно мечтаем об этом. Народ видит в нем защитника обездоленного люда. Его мудрость принесет пользу народному представительству, потому что, пока оно состояло из одних бедняков, оно не имело большого веса.

– А не нанесет ли это ущерба нашему делу? – осторожно осведомился Устига.

– Напротив, – заверил его Сурма, – это лишь подкрепит его и борьбу вашего могущественного царя Кира. Верховный судья будет способствовать публичным выступлениям против несправедливости и беззаконий на улицах Вавилона. Народный совет сплотит вокруг себя простой народ и заставит даже даря прислушиваться к голосу простых людей, как это уже заведено у вас в Персии.

– Да, но..

Устига подумал: «Если вы сами дадите народу права, вы лишите нас возможности убеждать его, что он получит их от Кира. Если халдейский люд получит права, он дружно обратится против нас».

Однако Устига не мог открыться Сурме – от этого зависела безопасность всей персидской тайной службы, – что цель Кира не только восстановление справедливости, но прежде всего объединение народов под своим владычеством и создание мощной преграды для грядущих завоевателей из Нового Света.

Устиге оставалось проглотить горькую пилюлю и выжидать. В конце концов верховному судье предстояла длительная, сложная борьба, тем временем Кир уже окажется под стенами Вавилона, если не в самом городе.

Поэтому внешне он вполне примирился с планами народного совета и сердечно пожелал Сурме успеха в задуманном деле. Совместная борьба за идеалы справедливости еще сильнее скрепит их дружбу.

Сурма обещал подготовить старого Гамадана к тому, что Нанаи вернется домой только завтра; он постарается что-нибудь придумать, чтобы Гамадан не догадался, где находится его дочь.

Стараясь не шуметь, Сурма на цыпочках прошел в соседнее подземелье, где лежала Нанаи. Она спокойно спала.

– Прощаясь с Сурмой, Устига попросил у него кинжал Нанаи. Ему хотелось вернуть его ей, чтобы она не чувствовала себя беззащитной в присутствии чужеземца.

– Князь, ты в самом деле совсем не дорожишь своей жизнью, – только и смог заметить Сурма и недоуменно покачал головой, явно не одобряя этого великодушного жеста.

Очнувшись, Нанаи в первый момент не поняла, где она и что с ней. Она с трудом восстановила в памяти утренние события, стычку со сборщиками дани. Вспомнила о ранении и попробовала ощупать плечо. Кто-то уже позаботился о ней и перевязал рану. Она чувствовала острую боль в плече и страшную слабость.

Потом Нанаи внимательно осмотрела помещение со сводчатым потолком и изрядно попорченными изразцовыми стенами. На стенах висели ковры. Комнату освещали светильники из желтой меди и два ярких факела у входа.

Свет не проникал сюда снаружи, и Нанаи понятия не имела – день сейчас или ночь. Повсюду царил глубокая тишина, в которой Нанаи слышала только биение собственного сердца и свое горячее дыхание.

Она выжидала, стараясь не уснуть. В углу комнаты Нанаи заметила водяные часы. Она посмотрела, как падает капля за каплей и как вода неслышно стекает по стенке стеклянного сосуда.

Когда это занятие ей наскучило, она повернула голову в другую сторону и стала изучать висевший над ее ложем ковер. На нем было выткано изображение бога или царя в человеческий рост. Фигура в шлеме и мантии по самые щиколотки четко вырисовывалась на фоне мощных крыльев, которые являлись символом божества. Внизу слева направо протянулась клинописная надпись на чужом языке, родственном языку Нанаи, и она мало-помалу разобрала ее.

Вот что она означала: «Я, Кир, из рода Ахеменидов».

– Я Кир, из рода Ахеменидов, – в изумлении прошептала она и впилась глазами в изображение персидского царя.

В первый момент ей показалось, что она погружается в сон, в тот сон, который зовут вечным. Грудь сдавило. Она собралась позвать кого-нибудь, как вдруг в освещенном проеме двери на пол упала колеблющаяся тень идущего человека. Ею овладел еще больший страх, силы оставили ее.

Тень на полу комнаты росла, и теперь она явственно слышала шаги. Но вот тень остановилась. В дверях комнаты появилась фигура статного мужчины. При всем желании окликнуть его, узнать, где она находится, кто он, этот пришелец, и почему он смотрит на нее, Нанаи не могла выдать из себя ни звука. На ее бледных щеках выступили красные пятна, когда она увидела опоясывающий незнакомца меч.

Устига тотчас заметил ее смятение и сказал:

– Я не сделаю тебе ничего дурного, не бойся. Он произнес это на родном языке Нанаи, в котором она уловила персидский выговор.

– Где я? – отважилась спросить она, услышав звук человеческой речи. Устига молчал.

– Кто ты? – спросила она и сделала попытку сесть на своем ложе.

И вновь Устига ничего не ответил, но приблизился к ее постели, чтобы помочь ей.

– Больно? – спросил он и осторожно потрогал повязку на ее плече.

Она поняла, что попала к персам, и потому ответила с оттенком презрительного высокомерия:

– В нашем роду не принято жаловаться на боль от раны мечом.

– В таком случае честь вашему роду, – улыбнулся он, – ты в самом деле вела себя мужественно, когда я врачевал твое плечо. Ты не издала даже стоны. Может быть, еще и потому, что была без сознания. Ты потеряла сознание и упала, когда тебя задела одна из моих стрел. Из этого я могу заключить, что представители вашего рода чувствительны не к мечу, а к стрелам.

В его словах угадывалась насмешка, но она не обратила на это внимания. Гораздо больше ее занимало то, что ей открыл незнакомец. Значит, перед нею тот самый человек, который поразил отравленной стрелой жреца и тем спас ей жизнь.

– Так это тебе я обязана своей жизнью? – сказала она. – Я постараюсь, чтобы мой отец по достоинству вознаградил тебя. У нас в доме есть золотая цепь пожалованная мне царем Валтасаром. Стоимость ее велика, и она будет тебе достойной наградой.

– Твой род умеет быть благодарным и великодушным, но мне не нужны такие награды. Будь моя воля, я предпочел бы другое.

И он скользнул мягким взглядом по ее лицу. Нанаи истолковала это по-своему и потому холодно ответила:

– Ты на все имеешь право. Ты спас мне жизнь, и за это, согласно неписаным законам, имеешь теперь на меня право.

Заметив, что она не так поняла его, Устига гордо произнес:

– В стране, откуда я пришел, не бесчестят женщин, как в Вавилоне. У нас девочке уже при рождении выбирают жениха, и она всю жизнь принадлежит ему одному. Наши мужчины не бесчестят девушек, у нас нет и богов, которые этого требуют и считают это справедливым, как в Халдейском царстве.

– Так ты перс! – воскликнула Нанаи. Устига молчал.

– Ты перс, – повторила она, – ты... – И она пристально посмотрела ему в глаза, словно желая проникнуть взглядом в его душу.

– У нас мальчиков с малых лет учат двум качествам, – спокойно продолжал Устига, – быть порядочным и говорить правду, У нас впитывают правду с материнским молоком.

– Зачем ты говоришь это? – спросила она, глядя на него из-под опущенных ресниц. Он ответил:

– Я говорю это затем, что, если ты будешь расспрашивать меня и настаивать на ответе, мне придется сказать тебе правду.

– А ты не хочешь говорить правду?

– Иной раз сказать правду значит рисковать жизнью. В моей стране порукой моей безопасности был бы обычай даровать за жизнь – жизнь, но мне неизвестно, до такой ли степени великодушен ваш род.

– Если ты подвергаешь себя опасности, зачем же ты меня спас?

– Из человеколюбия и по иным причинам. Но сейчас не время говорить об этом, потому что тебя это утомляет. Отдохни, а после мы поговорим. Я велю приготовить для тебе поесть.

Не дожидаясь ее ответа, он вышел и отдал приказание слуге.

Слуга сидел за ткацким станком и ткал ковер с фантастическим узором. Он любил ткать ковры не меньше, чем ворчать и возмущаться по любому поводу. Он встал со своего места, но не преминул попрекнуть Устигу, что из-за этой Нанаи, которую незачем было держать в их убежище, он накликает беду не только на себя, но и на всех них.

– Она понятия не имеет, где находится, – успокоил его Устига.

– Она знает, что она у персов, и этого достаточно, князь, – возразил слуга.

И он был прав, потому что мысль Нанаи работала живо, и, покуда Устига ходил за едой, девушка сообразила, что ее могли доставить только в одно место – в жилище дяди Синиба. Ее догадку подтверждали стены с попорченной облицовкой и та особенная тишина, которая бывает только в подземелье, куда не проникают звуки извне. К тому же она обнаружила на изразцах знак пожалованного Синибу благородного звания, так как существовал обычай – вмуровывать в стену кирпичи с именем владельца постройки или какими-либо другими отличительными знаками. Выходит, лишь подземелье хранила память о чести и отличии дяди Синиба. Возможно, время пощадило их как раз для того, чтобы они выдали врагов Халдейского царства. Но красноречивее всего для нее было лицо Устиги, в котором она узнала человека, не раз сидевшего вместе с Сурмой в тени деревьев Оливковой рощи и выдававшего себя за персидского купца. Значит, она в логове шпионов царя Кира. Из соседней комнаты до нее донеслось, как слуга, обращаясь к ее спасителю, назвал его «князь».

Следовательно, он мог быть даже главарем персидских лазутчиков. Сами великие боги открыли перед ней дорогу в стан врагов. Сообщить об этом в Вавилон да истечения двухнедельного срока – и могущественный. Набусардар вышет к границам Халдейского царства непобедимую армию.

Нанаи задумалась о Набусардаре, единственном, кто до сей поры всецело владел ее помыслами, и в этот момент вошел Устига, неся в руках миску с похлебкой. Она еще грезилась о том единственном, кому, не колеблясь, отдала предпочтение даже перед богами, но ее чувство уже подогревалось не просто девической восторженностью – оно превращалось в трезвую любовь женщины. И тем не менее, когда вошел Устига и пристально посмотрел на нее, словно читая мысли Нанаи, ее бросило в краску, она невольно опустила темные ресницы, вероятно, из желания скрыть, что у нее на душе.

От этого девушка стала еще красивей. Ее красило это выражение беспомощности и покорности судьбе. Черные волосы с медным отливом подчеркивали овал лица, а обнаженные руки льнули к телу. Устига любовался нежным изгибом губ и красивым лбом, на который падали отблески света.

Такой ее увидел Устига, когда предложил ей похлебку и лепешку.

При звуке его голоса она вспомнила слова отца: «Великая богиня создала тебя такой, чтобы ты своим видом ослепила величайшего врага нашего народа. Да послужит твоя красота хлебом, и подобно тому, как Сурма делился с персидскими лазутчиками своим хлебом, поделись с ними и ты своим».

Нанаи снова исполнилась решимости пожертвовать собой и больше не спрашивала, где она находится и кто говорит с ней. Она не сомневалась, что попала к персидским шпионам. Теперь надо было довести игру до конца. Она подумала, что сделала ошибку, взяв холодный тон. Надо положиться на свою красоту и, проявив немного доброй воли, все поправить.

Вот почему она, услышав Устигу, открыла глаза и послала ему взгляд, полный благодарности. Синева ее глаз светилась мягким примирительным светом, словно затихающая после бури голубая водная гладь.

– Прости мою дерзость и гордыню, – произнесла она с сожалением в голосе и взяла в руки миску с едой, – во мне говорил страх, который всегда возбуждает в женщине вид мужчины, опоясанного мечом и ожидающего награды за свой подвиг.

Он подвинул к ее ложу стул и сел со словами:

– Но и ты не безоружна, – и указал на кинжал, лежавший рядом с ней.

– Это ты положил его сюда?

– Да... чтобы тебе не было страшно наедине с незнакомым человеком.

Она ответила ему притворно благодарным, полным признательности взглядом и принялась за еду. Нанаи ела, не торопясь, растягивая этот процесс. Возможно, для того, чтобы он подольше посидел с ней рядом, боясь, что он уйдет, едва она кончит есть. Ей было не по себе одной в этом убежище. К тому же она хотела очаровать его обаянием своей юности. Раз уж отец поставил перед ней такую задачу, надо быть мужественной, подобно женщинам их рода, и бесстрашной, подобно мужчинам их рода. Ей надо думать только о деле, а не о себе. Опасаясь выдать себя и вызвать подозрения, она умышленно ни о чем не расспрашивала и старалась увести разговор в сторону. Нанаи даже попыталась создать впечатление, будто ей кажется, что она находится в Вавилоне, под опекой врача.

Поэтому она заметила, словно невзначай:

– Наверное, сейчас уже ночь, так тихо на улицах. Вавилон спит.

В первый момент эти слова удивили Устигу, но потом он сообразил, что Нанаи полагает, будто она в Вавилоне, и ответил:

– Да, теперь ночь, но я не знаю, спит ли Вавилон. Большие города никогда не знают сна. Они всегда беспокойны, словно море или облака на севере, словно листва под порывами осеннего ветра. Но чаще всего они подобны не ведающим покоя людским сердцам.

Он принял из ее рук пустую миску и предложил ей сдобное печенье и белое вино с яйцом, сказав при этом:

– Это укрепит твои силы.

Когда она выпила вино и съела печенье, он собрал посуду и, желая проверить, приятно ли ей его присутствие, нарочно собрался уйти. Нанаи движением руки удержала его:

– Останься! Мне грустно. Не оставляй меня одну! Я боюсь ночи.

До ночи было еще далеко, стоял знойный полдень. На полях все замерло, все отдыhalo, даже рабы. Рабочий скот и стада вместе с пастухами искали убежища в тени деревьев и кустарников. Жизнь словно остановилась, весь край застыл под палящим солнцем, только в руслах каналов лениво текла желтоватая вода, перемешанная с речной глиной и песком пустыни.

Устиге было приятно услышать от Нанаи это «останься». Тем не менее он вышел взглянуть, что делается в соседней комнате, где слуга усердно ткал ковер из пестрой пряжи. Устига намеревался тут же вернуться, но слуга задержал его, упорно убеждая дать девушке яд и бросить труп коршунам, а не спасать ее. Они пригрели змею на своей груди, чтобы потом она ужалила кого-нибудь из них в самое сердце.

– Почему ты не доверяешь мне? – укоризненно перебил его Устига.

– Ты безрассуден, господин. Как ты мог поверить, что у тигра вдруг родится ягненок? Или тебе доставляет удовольствие укрощать хищную тварь? Я знаю, ты бесстрашен и отвага твоя не имеет границ, но, может быть, хоть изредка стоит прислушаться к совету слуги.

– Я не забываю об опасности, но надо ли действовать против врага только силой оружия, если можно завоевать его сердце?

– Моя мудрость против твоей, князь, словно маленький камешек против горы, а потому поступай, как находишь нужным.

Он отвернулся и, схватив ножницы, неверной рукой отрезал конец нитки, давая понять, что прекращает спор.

Он продолжал вязать узел за узлом, как бы махнув рукой на весь белый свет. Но в душе огненной точкой тлела тревога. На своем веку он перевидал немало трагедий. И потому заранее страдал при мысли, что и с Устигой может приключиться беда. Упрямство Устиги причинило ему боль, как будто в душу насыпали раскаленных угольев.

Устига спокойно вернулся в комнату к Нанаи. Задернул за собой занавеску из грубой шерсти, закрывающую вход, и приблизился к ее постели.

Пока его не было, Нанаи вернулась в мыслях к Набусардару и к тому, что она говорила его гонцу в Оливковой роще. Гонец обещал подать ей весть в самом скором времени, если только господин его отнесется к этому благосклонно. Но дни проходили, принося новые события, а из Вавилона никто не являлся. Гамаданы отличались терпением, и она не уставала надеяться. Не сегодня, так завтра. Быть может, завтра.

Поэтому, едва Устига переступил порог, она спросила его:

– Долго ли ты будешь держать меня здесь?

– Завтра слуга ответит тебя домой, к отцу, нам повелевают сделать это наши обязанности. Не будь их, могло случиться иначе.

– Например...

– Ты могла бы решить сама, – ответил он и присел на край ее постели, – ты могла бы остаться здесь навсегда.

– Где «здесь»?

– Здесь, с нами, со мной.

– Я не знаю, где я, и не знаю, кто ты.

– Известно ли в роду Гамаданов слово «честь»? Этот вопрос поразил ее, как поражает внезапный луч света в темноте.

– Тебе известно, что я Нанаи, дочь Гамадана?

– Да, известно. Мне сказал это Сурма.

– Так знай же, что ни у кого еще не было сомнений в честности Гамаданов. За родину и честь каждый Гамадан готов отдать жизнь. Тебе, вероятно, известно и то, что я последняя в роду Гамаданов и не запятнаю его подлостью.

– Клянешься?

– Клянусь, – ответила она с решимостью, которая сделала бы честь мужчине.

– В таком случае можешь спрашивать о чем угодно, – сказал он, рассчитывая смутить ее своей откровенностью.

В смятении она подумала, что волей судьбы в этот момент приходят в столкновение по-братски близкие друг другу правда и честь. А как может правда бороться с честью, а честь с правдой? Ей показалось, что на пути к цели она чем дальше, тем больше

сворачивает на кривые тропы.

Она глубоко вздохнула, приподнялась было, но снова упала на подушки.

– Я хотела бы знать твое имя, твое настоящее имя и кто ты. Издали я не раз видала тебя на пастбищах среди персидских торговцев и наших пастухов. Кто же ты?

И затаила дыхание, боясь, что он не скажет правду.

– Я Устига, – откровенно признался он.

– Устига?

Она изумилась, потому что Сурма много рассказывал ей об Устигах как о роде весьма известном и славном, и ей даже захотелось хоть раз в жизни увидеть кого-нибудь из Устигов. Ей и в голову не закрадывалось, что Устигой окажется персидский торговец, по просьбе которого звучали любовные песни в ее честь. Она удивилась и в то же время испугалась. Но когда первое волнение улеглось, она оглядела его более внимательно и потом проговорила уже приветливей:

– Да благословят тебя боги, князь Устига. Я знаю ваш род по рассказам. Мне казалось, что у вас должен быть орлиный взгляд, а у тебя глаза святого. Я воображала увидеть Устигу. с окровавленным мечом, а ты вместо меча коснулся меня сердцем. Я это чувствую, князь, и на твою искренность отвечу тем же... Теперь мне ясно, что сердце человека – оружие более совершенное, нежели меч. Ты положил рядом со мной кинжал, чтобы и я не была безоружной. Но тебе следовало прикрыть мое тело панцирем, чтобы я не осталась безоружной перед твоим сердцем. Теперь я понимаю, с кем мне довелось встретиться.

– Тебе и в самом деле нечего опасаться, дочь Гамадана. Никто из Устигов, даже после победы в сражении, никогда не оскорблял насилием женщин поверженного врага. Наш могущественный повелитель, царь царей, благороднейший потомок Ахеменидов, Кир, запретил это и в своей армии.

В первый момент его слова успокоили ее, но тут же рассердили.

– Не хочешь ли ты сказать, что ваш царь и ваш народ лучше нашего царя и нашего народа?

Он кивнул.

– Я убежден в этом, да и ты, Нанаи, не бойся взглянуть правде в глаза. Халдейскому царству, когда оно задыхалось под игом ассирийского владычества, история подарила Навуходоносора. Так почему бы судьбе не смилостивиться и над бедными персами, которых притесняют все? Она дала нам бессмертного Кира, который победит не только врагов Персии, но положит конец и вражде между людьми. Больше не будет ненависти, Нанаи, а только добро и любовь. Разве ты, любящая добро и справедливость, разве ты против победы добра?

– А почему, – не сдавалась она, – почему боги возложили это именно на персов?

– Потому, что все другие народы неисправимо испорчены, – ответил он. – Они погрязли в разврате, как Вавилон, любят роскошь, как Вавилон, творят мерзости, как Вавилон, тянут соки из бедноты, как Вавилон, подкупают судей, как Вавилон, бесчестят женщин, как Вавилон, взвешивают на фальшивых весах, как Вавилон, меряют укороченной мерой, как Вавилон, верят только в золото и драгоценности, как Вавилон...

– Довольно, князь! – прервала она его. – Довольно, у меня больше нет сил слушать тебе.

– Почему ты боишься правды, дочь Гамадана?

Только она одна знала, как велика ее любовь к Вавилону и как страдало ее сердце от речей Устиги. Она любила Вавилон, как любит беднейший из рыбаков жемчужину на своей ладони, найденную им на дне моря. В его глазах она, превосходит красотой и совершенством все на свете, он и не подозревает, что в руках другого эта жемчужина станет орудием порока. По словам Устиги, Вавилон грязнее самого грязного болота на свете. То же самое утверждают и евреи, которых царь Навуходоносор пригнал с собой в Вавилон после разрушения Иерусалима. Они будто бы затыкают уши, чтобы не слышать даже слово «Вавилон». Отворачиваются, чтобы не видеть Города Городов. Их пророки предсказали, что явится с севера огненная птица и спалит своими крылами безбожников, а Город Городов, гордость мира, превратит в груды развалин, в груды черепков.

Нанаи гонит от себя эти мысли и устремляет пристальный взгляд на Устигу. В голове у ней вихрь вопросов и сомнений, который она не в силах унять.

– Если ты так мудр, князь, – снова обращается она к нему, – объясни мне еще кое-что. Евреи в вавилонском плену бунтуют и верят, что за их муки Ягве, единственный, как они утверждают, владыка на земле и на небесах, найдет на Вавилон порчу. Ты же говоришь: Вавилон должен пасть ради победы добра над злом, и у персов добро носит имя Ормузд. Вот и скажи теперь: кто же победит? Кто из богов станет повелевать людьми и другими богами, если народы воюют друг против друга и у каждого народа свой бог? Я с детства слышу, что побеждает тот народ, чьи боги могущественней. В книгах халдейских мудрецов написано, что боги Вавилона самые могущественные, потому Вавилон и правит миром. Как же наших всемогущих богов одолеют слабые боги, как утверждаешь ты?

Устига улыбнулся и с готовностью ответил:

– Тех богов, которых создали себе народы, не существует, Нанаи. Но есть сила жизни, которая держится на любви и правде. Наш долг служить не выдуманным богам, а любви и правде.

– А где твой бог любви и правды, князь? И как мы должны служить ему?

– Он в каждом человеке, Нанаи. Служа ему, мы любим не только себя, но и других, творим добро не только ради себя, но и ради других.

– Вот как. – Она уступала ему против воли, потому что слова Устиги противоречили его поступкам. – Вот как, – повторила она, и щеки ее вдруг вспыхнули, когда она, пораженная новой мыслью, опять обратилась к Устиге: – А ты, князь, если ты веришь в любовь и правду, почему же ты поступаешь несправедливо? Что бы ты сказал, если бы халдей задумал лишить тебя родины, оросив ее землю кровью женщин и детей, предав огню и мечу твои дома, посева, скот? Неужели ты принял бы все это как служение праведному богу, как победу добра над злом?

Он опустил глаза, но затем снова взглянул на Нанаи.

– Сегодня утром я сам пролил кровь, – заговорил он горячо. – Эсагила считает, что это несправедливо. Подумай, дочь Гамадана, тебе это тоже кажется несправедливым? Жрецы пустили в ход оружие против тебя, и справедливость покарала их моей рукой. Пойми, что я хочу сказать тебе. Кир и его народы выступают тоже как орудие справедливости, благодаря которому справедливость восторжествует в мире.

– Как тебе стало известно, что для этого боги выбрали именно Кира?

– Как мне стало известно? – Он задумался. – Я повидал мир и старался побольше

узнать о нем. Я ходил по нему с открытой душой и смотрел на него широко раскрытыми глазами. И я понял, что без любви нет правды, а без правды нет любви. Вот почему я верю Киру.

Если б он колот ее тело мечом, она не испытывала бы такой боли, как сейчас. Каждое его слово оставляло в ней кровавый след. Ее маленький кинжал не мог сравниться с ними своей разящей силой. Отец вложил ей в руки этот кинжал, чтобы она убила им первого встреченного ею перса, а теперь первый встреченный перс победил ее, обезоружив своей сердечностью и мудростью.

– Сурму и остальных ты тоже убеждал в этом? – спросила она горько. Он кивнул.

– Они поверили тебе и теперь борются на вашей стороне?

– Да.

Она притихла и закрыла глаза.

Устига заметил, что ресницы Нанаи повлажнели, но вместе с тем на лице ее появилось непокорное выражение. Нежность, до сих пор смягчавшая и красившая ее черты, сменилась гневной решимостью.

– И все же, – сказала она дрогнувшим голосом, снова повернувшись к нему, – я не согласна с тобой, князь Устига. Моей единственной любовью и единственной правдой всегда была свободная родина. Твое учение велит мне любить каждого, в том числе и тебя. Да, я могла бы любить тебя как человека, но должна ненавидеть как врага, и так будет до тех пор, пока персы угрожают моей стране.

От волнения губы ее побелели. Она закрыла глаза и, обессиленная, упала на подушку.

Устига схватил ее за руки. Они были мертвенно-холодны. Он перевел тревожный взгляд на лицо и увидел, что лоб ее покрылся капельками пота, а на повязке от резкого движения расплылось кровавое пятно.

Он отлично понимал, как должна была страдать Нанаи, слушая его. Попытавшись успокоить ее, он заговорил мягко и рассудительно:

– Нанаи, я ведь люблю не одну только Персию, как ты, быть может, думаешь. Я люблю и Вавилон и склоняю голову перед его великими владыками, какими были Саргон, Хаммурапи и Навуходоносор. Поверь, у меня нет предубеждений против халдеев, как нет их против тебя. Если ты хочешь доказательств, послушай меня. Я хочу, чтобы ты стала моей женой по законам моей и вашей страны. Хочу, чтобы ты была моей женой по законам любви и правды.

Он не сводил напряженного взгляда с ее лица и ждал ответа. Но на лице Нанаи лежала печать глубокого покоя.

– Ты согласна?

Она не отвечала, и тут только он понял, что она снова потеряла сознание.

Он вскочил, с намерением ослабить ей одежды, бросился было к слуге за ножницами. Но тут заметил кинжал, лежащий рядом с Нанаи. Он схватил его и разрезал ее платье до пояса. И тогда вырвались из плена одежды ее груди и, словно два золотистых плода, засияли в мерцании светильников.

Устига отбросил кинжал, и тот соскользнул с постели на пол с резким звоном. Но Нанаи не очнулась. Князь торопливо намочил в кувшине с водой полотняную тряпку и положил ей на лоб. Он не сводил с нее глаз и все ждал, когда она придет в себя.

Так он глядел на нее, на ее черные с медным отливом волосы цвета плодоносных глин на дне прозрачной южной реки, и в душе волной поднималось горячее чувство к ней. И когда он склонил ухо к ее груди и прислушался к биению ее сердца, не удержался и поцеловал в то место, откуда доносились далекие удары.

* * *

В то самое время, когда в пещерах Оливковой рощи в полной тайне от внешнего мира разыгрывались описанные события, Набусардар возвращался после осмотра казарм и военных лагерей в свой борсиппский дворец.

Дворец показался Набусардару еще более унылым, чем даже в тот день, когда он приезжал сюда удрученный мыслями о неверности жены, предательстве Сан-Урри и непостоянстве царя Валтасара. Уже тогда он понял, что надеяться можно только на халдейскую армию, но и та, как он убедился лишний раз, находится в плачевном состоянии. Запущенные казармы и настроение солдат внушали тревогу. Вавилон утопал в золоте, а солдатам постоянно задерживали жалованье. Кто-то был заинтересован в том, чтобы они испытывали лишения. Солдаты питались едва ли не хуже рабов. Их рацион в основном состоял из ячменной каши, изредка к этому прибавляли прокисшее вино. В некоторых лагерях он собирался обратиться к солдатам с речью, чтобы пробудить в них боевой дух, но не рискнул. Надо начинать не с речей. Любые слова встретили бы здесь насмешливой улыбкой или вовсе не стали бы слушать. Поправлять положение надо делами, и чем скорее, тем лучше.

Набусардар ощущал в себе силы и мужество, и все же его не оставляло чувство неудовлетворенности. Как солдат, он старался быть твердым и неприступным, но при этом невольно сознавал, что ему не хватает друга, которому можно было бы излить душу. И чем больше он противился этой мысли, тем настойчивей она преследовало его. В конце концов он смирился с тем, что в Вавилоне такого друга ему не найти. Там брат ненавидит брата. Сын убивает отца. Дочь отказывается от матери. Нельзя довериться ни царю, ни рабу. Честь там не в почете, а искренность – как бельмо на глазу.

Мысль его устремилась за городские стены, под развесистые кроны Оливковой рощи, где он нашел чистое девичье сердце, благородство помыслов и покорную преданность. И мало-помалу таяло немое отчаяние, которое против воли притаилось в душе.

Туманный образ девушки из Оливковой рощи провожал его до самой столицы, куда Набусардар мчался во весь опор. С морды коня клочьями падала пена, лицо Набусардара покрылось потом и пылью, взметавшейся из-под копыт его скакуна.

Набусардар гнал своего арабского жеребца, словно уходя от погони. У коня сопрела спина под седлом, но всадник не давал ему передышки и несся напрямик через поля, сады, межи, крестьянские дворы, по бездорожью, пока не остановился перед входом в свой борсиппский дворец, который возвышался на правом берегу Евфрата.

Его встречали только да человека – старый ваятель Гедека, один из лучших халдейских мастеров, хранитель творений человеческого гения в роскошном дворце Набусардара, и верная прислужница Тека, которая вела все хозяйство.

Старик стоял, выжидательно выпрямившись, а Тека пала ниц и облобызала обувь своего

господина.

Набусардар давно не появлялся в этом дворце, так как у него не оставалось времени наслаждаться искусством. По-видимому, сегодня его привело сюда что-то из ряда вон выходящее.

Стража заперла ворота, слуга увел коня в конюшню.

В сопровождении ваятеля и Теки Набусардар поднялся на второй этаж, где находились жилые комнаты.

Он переживал радость встречи со знакомыми предметами. Первыми его встретили мраморные ступени лестницы, убранные коврами. Серебряные светильники не горели: он нагрязнул неожиданно и их не успели зажечь. Он быстро миновал окутанный мраком сводчатый коридор и очутился на террасе. Посреди террасы выстроились пилоны в вавилонском стиле. Меж колонн стояли каменные статуи – произведения величайших халдейских мастеров. Терраса была обсажена декоративным кустарником, пальмами и сикоморами. Отсюда открывался вид на Ефрат, который плескался у самого подножья здания, отделенный от него только аллеей.

Здесь Набусардар остановился и перевел дух, затем отстегнул меч и снял солдатский кожаный нагрудник, от которого ныло все тело.

– Я доволен, что я снова с вами, – сказал он и улыбнулся.

– Да благословят тебя за это великие боги, Непобедимый, – радостно откликнулась Тека, – без тебя нет жизни ни для нас, ни для всех этих редкостей, которые ты собрал в своем дворце.

Набусардар сел на скамью в тени деревьев.

Скульптор молчал. Неразговорчивый по натуре, он ничем не выказал радость от приезда своего щедрого покровителя. Только благодаря Набусардару, приютившему его, талант Гедеки мог развиваться в полную силу. За эти последние двадцать лет он, пожалуй, единственный посвящал себя работе, творчеству, не испытывая нужды, в то время как другие художники бедствовали и умирали от голода под городскими стенами. Вот почему он всякий раз встречал своего повелителя благодарным взглядом. Так было и сейчас.

Набусардар знал его молчаливую, склонную к размышлениям, кроткую натуру и потому обратился к нему сам:

– А ты, мастер, чем ты удивишь нас сегодня? У меня не было времени посмотреть твою новую работу.

– Не знаю, смогу ли я порадовать твою светлость, но мне удалось обработать резцом диорит из арабского Магана.

– Это нелегкий труд, – признал Набусардар, – но, видимо, в нем найдет воплощение и незаурядный замысел.

Тека опустилась к ногам своего господина и начала разувать его. Расшнуровала высокие ботинки, какие он собирался ввести теперь в армии. Ноги сопрели от жары, щиколотки были стерты до крови. Она принесла майоликовый тазик с водой и с заботливостью любящей матери принялась мыть ему ноги.

– Так диорит, говоришь? – снова начал Набусардар.

– Да, ваша светлость. Это моя давнишняя мечта. Думаю, теперь мне удастся осуществить ее. С тех пор как мне доставили камень, я без усталости работаю днем и

ночью. Я всегда говорил себе, что, пока не закончу этот труд, не имею права умереть. Надеюсь, великие боги не откажут мне в покровительстве.

– Смею ли я узнать твою тайну?

– Это не тайна, это твоя давняя любовь... великий Гильгамеш.

– Гильгамеш? – изумился Набусардар.

– Да, – ответил ваятель; глаза его сияли.

– Я хочу его видеть. – Набусардар встал. Он поставил мокрые ноги на полотенце из льняного полотна, приготовленное Текой, обтер слегка ступни и хотел идти.

– Терраса накалена от солнца, – напомнила прислужница и обула ему легкие сандалии из кожаных ремешков.

– Скоро пойдем и по более раскаленной земле, – засмеялся полководец, – теперь недолго ждать.

Он имел в виду войну с персами.

Затем, полный нетерпения, вышел. Но, ступив на порог мастерской Гедеки во внутреннем дворе, он замер в изумлении.

Там стояла колоссальных размеров фигура Гильгамеша, высеченная из диорита. У героя было строгое выражение лица и мужественный взгляд, как будто обнимающий просторы страны между Тигром и Евфратом и стерегущий покой халдейской земли. Губы твердо сжаты, но не безжизненны. Казалось, они произносили в этот момент: «Велик не тот, вблизи которого люди цепенеют от страха, а тот, к кому они приближаются с чувством уважения. Я – покровитель и дух этой страны, во мне живут ее великие мужи, герои прошлого и настоящего. Во мне слиты тысячелетия славы и подвиги предков. Смотри на меня, и ты станешь таким, как они».

Набусардар смотрел на статую в немом восхищении. От каменной фигуры легендарного царя исходила какая-то неведомая сила и передавалась ему. Он снова чувствовал в себе славу и мощь великой истории халдейского народа, как будто и он, подобно Гильгамешу, зажавшему под левым локтем львенка, душил врага своей родины. Ему не терпелось выйти отсюда и встретиться лицом к лицу с недругами своего народа – и душить их, душить.

Набусардар все еще не произносил ни слова о творении скульптора, который легко мог истолковать его молчание как знак неодобрения.

Поэтому Гедека сказал:

– Если я не угодил тебе, светлейший, прости меня.

Набусардар очнулся, и до него дошел смысл его слов.

– Напротив мастер, это поистине великое произведение, – произнес он. – Я буду приходить сюда и черпать мужество в тяжелые минуты, которые предстоит нам вынести в скором времени. Твое искусство вольет в меня новые силы.

– О, – ваятель опустил перед Набусардаром на колени, – я не достоин столь высокой оценки.

– Встань, – строго приказал Набусардар, – великий дух парит высоко и не падает ниц.

– Я не достоин твоих слов, – прошептал скульптор, вставая.

– Ты достоин любви и почитания всего народа, – ответил полководец.

Он еще раз пристальным взглядом окинул изваяние и, с трудом оторвавшись от Гильгамеша, поднялся на террасу.

Великое произведение заслуживает и высокой награды, и он спросил Гедеку, чего тот желал бы за свой труд.

Ваятель отозвался тотчас, словно давно уже обдумал ответ: ему хотелось иметь учеников, чтобы воспитать их и приобщить к святому искусству.

– У тебя есть кто-нибудь на примете?

– Я думаю о сыне покойного Гизага, которого его величество царь Валтасар прогнал из своего дворца. Он очень талантлив, но прозябает, ютась где-то под городскими стенами, не имея денег даже на еду, а тем более на резцы, глину или камень.

– Ты сказал – сын покойного Гизага? – удивленно переспросил полководец.

– Да, Непобедимый, сын прославленного Гизага.

– Разве Гизаг умер?

– Да, от горя, так как ему пришлось оставить любимое искусство. Его величество царь распорядился наказать его палками и бросить в подземелье.

– Царь Валтасар?

– Да, его величество царь Валтасар.

– Непостижимо, – гневно выдохнул Набусардар и закусил нижнюю губу.

Ваятель тоже понурил голову и задумался о жестоком времени, которое смертоносным объятием сжало в своих тисках Халдейское царство.

– Что было причиной царского гнева? – продолжал расспрашивать Набусардар.

– Гизаг как раз завершил изваяние Навуходоносора, над которым трудился много лет. Скульптор высек на постаменте надпись: «Величайший властелин Халдейского царства», и это было неуютно его величеству царю Валтасару. «Никто ни до, ни после меня не может превосходить Валтасара ни в чем», – сказал он. И Гизаг был обречен на смерть.

Набусардар промолчал – не пристало осуждать поступки царя, и лишь стиснул зубы. Он тоже считал Навуходоносора – после Хаммурапи – наиболее значительной фигурой в истории Вавилонии. Он преклонялся не только перед его военным гением, но и перед величием его духа, проявлявшимся решительно во всем. Валтасар в своей гордыне, разумеется, не мог снести подобного оскорбления, не покарвав Гизага самой жестокой карой. Как ни старался Набусардар умерить капризный нрав и жестокосердие царя, ему на каждом шагу приходилось убеждаться в том, что упрямый и слабый духом Валтасар причиняет стране один лишь вред. Валтасар взошел на трон при тайной поддержке Набусардара, но лишь печальная необходимость вынудила его помочь Валтасару получить власть из рук Мардука и во время новогодних празднеств провозгласить себя владыкой Халдейского царства. Царь Набонид, подстрекаемый Эсагилой, не захотел отказаться от престола, но скорый на расправу и жестокий Валтасар добился того, что отец объявил его соправителем. В действительности же он захватил всю полноту власти, а безвольный Набонид постоянно пребывал в своей резиденции в Куте, целиком отдавшись наукам, раскопкам и восстановлению разрушенных храмов. Набонид правил больше десяти

лет, но за годы его правления бывшее великое царство Навуходоносора постепенно клонилось к упадку. В особенно жалком состоянии находилась армия. Для Валтасара же с юных лет армия, сражения и завоевательные походы составляли главную страсть. Он мечтал о могущественном воинстве, с помощью которого для него открылись бы ворота всех государств мира. Впрочем, Валтасар оказался столь же бездарным владыкой, как и его отец Набонид, лишенным государственной мудрости, как и множество слабых правителей, сменявших один другого после Навуходоносора. Чтобы удержаться на троне, Валтасар сеял в народе страх бесконечными кровопролитиями. Так в который раз подтвердилась старая мудрость: кому не дано разума, тот правит жестокостью.

Жертвой этой жестокости пал и Гизаг. Его участь разделили и многие другие мастера, служившие истинному искусству и не желавшие угождать прихотям царя. Их место заняли иноземцы, для которых Валтасар гостеприимно открыл границы государства и казну; они наводнили Халдейское царство поделками, превозносящими царя царей, его величество Валтасара. Халдейские мастера были вынуждены отступить перед ними и, словно нищие, искать приюта под городскими воротами и крепостными стенами. Тут и наткнулся творец Гильгамеша на вконец отчаявшегося сына Гизага и дал слово спасти его.

Набусардар охотно согласился исполнить желание Гедеки. Пусть сын Гизага приходит хоть сейчас и поселится во дворце.

Набусардар в свою очередь обратился к Гедеке:

– Есть просьба и у меня к тебе, немалая просьба, и касается она того, что дорого моему сердцу.

– Светлейший может приказывать своему покорному слуге, а не просить его.

– Тебе не пристало унижаться. За то немногое, что я тебе даю, ты расточаешь мне столько благодарности, между тем именно тебя должны благодарить и почитать все халдеи.

– Поверь, я довольствуюсь малым. Были бы резец да камень.

– А всеобщее признание, слава и власть не нужны тебе?

– Нет, господин мой, ибо источник моего искусства заключается не в признании, не в славе и не во власти, он во мне, и этого никто из людей не в состоянии ни отнять, ни дать мне.

– Для кого же, в таком случае, ты создаешь свои произведения? Какой смысл в твоём искусстве, если люди безразличны тебе?

– Я творю из любви к жизни, ради правды и справедливости, мне нет дела до мира, который чинит насилия над жизнью и извращает истину.

– Не хочешь ли ты сказать, что твое искусство существует лишь само по себе?

– Оно – словно оазис в пустыне, который бесценен лишь для того, господин, кого мучает жажда.

– Я понял тебя, мастер. Я и сам долго блуждал по бесплодной пустыне, пока не нашел источник веры, правды и жизни в твоём произведении. Великий Гильгамеш утолил мою жажду, придал мне силы, словно путнику родник оазиса. Я буду снова и снова приходить к нему, как к живительному источнику вдохновения и любви к отчизне. Когда я с моей армией сокрушу персов, знай, это победил твой Гильгамеш, чей дух вышел из камня и наполнил мою плоть и кровь своим мужеством. Без искры твоего гения и камень и я остались бы ничем. Ты вдохнул в Гильгамеша жизнь из любви к жизни, ради правды и справедливости – таким он и вошел в мою плоть. Победит твой гений, великий гений

художника. Да, теперь я могу сказать, что постиг, в чем смысл твоего искусства и почему тебе достаточно только резца и камня, чтобы заставить мир преклонить перед тобой колени.

Растроганный Гедека молча шагнул по левую руку от полководца. Они снова вернулись на террасу.

Набусардар сел на скамью, предложив ваятелю место рядом с собой. Тека принесла закуски и питье.

За едой и вином Набусардар наконец изложил Гедеке, в чем состоит его просьба.

Его не оставляла мысль о Нанаи. В последнее время он все чаще ощущал потребность иметь подле себя родственную душу, которой можно поверить все, которой можно довериться безраздельно. И вот когда одни отвернулись от него, а другим он сам перестал доверять, он вдруг понял, что в Оливковой роще впервые в жизни встретил существо, преданное ему не на жизнь, а на смерть.

Он отправился бы за ней тотчас, если б не дела. Надо было непременно обследовать казармы и лагеря. Сегодняшний день потерял, но завтра он отправится туда, где увидел ее в первый раз.

Он опять придет под видом гонца верховного военачальника армии его величества царя Валтасара и скажет, что непобедимый Набусардар хочет видеть ее в своем дворце. Он скажет ей, что очень скоро за ней явится посыльный, но не откроет заранее ни дня, ни часа. И вот однажды перед ее домом неожиданно остановится паланкин с золотым фамильным гербом Набусардара, и рабы доставят Нанаи в Город Городов, славный и богатый Вавилон.

Он взял у Нанаи на прощанье глиняную табличку с изображением священного быка и теперь попросил создателя великого Гильгамеша изготовить три золотые пластинки и на каждой высечь строфу песни, которую пела ему Нанаи и которая была запечатлена на подаренной табличке. Пластинки укрепить на золотой цепочке, чтобы можно было носить их на шее. На застежке выгравировать княжеский герб Набусардара.

Набусардар вытащил из кармана плаща, переброшенного через скамью, глиняную табличку Нанаи и подал ее ваятелю со словами:

– Вот эта песня.

Скульптор внимательно прочитал каждую строчку и, пораженный, сказал:

– Это не песня, Непобедимый, это стихи. У Набусардара глаза озаарились светом.

– Да, это стихи, – повторил ваятель, – превосходный любовный гимн, какие у нас редки теперь. Набусардар невольно улыбнулся.

– Позволь узнать, какие края Вавилонии подарили нам поэта в наше несчастное время?
– спросил Гедека и с нетерпеливым любопытством посмотрел на Набусардара, довольного нежданной похвалой.

Набусардар признался:

– Это женщина, девушка, которой я хочу сделать подарок.

Удивлению скульптора не было предела. Он перевернул табличку и на обратной стороне увидел священного быка. Он обратил внимание, что художник вместо древа познания, как принято было изображать рядом с богами, поместил на своем рисунке луг, а единственным знаком божества, вместо затейливых украшений и символов, были три

звездочки над головой животного. В верхнем углу была надпись: «Ты единственный, кого любит и будет любить во веки веков мое сердце».

Гедека улыбнулся восторженной пылкости этой клятвы, пылкости давно неведомой его старому сердцу, и испытующе взглянул на полководца.

Поймав его взгляд, Набусардар ответил открытой улыбкой, как будто хотел поделиться со старцем самым сокровенным.

Равняется ли красота девушки ее таланту, светлейший? – спросил Гедека. – Я не ошибусь, если скажу, что некрасивая женщина тебе не могла понравиться.

– Без твоей помощи мне не оценить ее талантов, но красоту ее я оценил с первого взгляда.

– И что же, светлейший? – скромно расспрашивал старец.

– Красотой она превосходит всех женщин! – воскликнул Набусардар.

– Значит, с благословения великих богов, я увижу ее, потому что тебе, с твоей внешностью и богатствами, доступно иметь любую женщину. Да будут боги так же щедры к тебе, как ты ко мне. Уже давно твой взор не привлекали женщины, и ни одна не тронула твоего сердца, занятого ратными делами. Если эта девушка тебе понравилась, должно быть, она необычайно красива.

– У нее необыкновенная душа, в этом она не похожа на женщин Вавилона, – перебил его полководец, – этим она дорога мне. Тревога за судьбу отчизны сделала меня другим – суетность светской жизни больше не тешит меня. Душа моя тянется к красоте истинной, непреходящей, вечной.

– Прости меня, – сказал Гедека.

– Мне нечего прощать тебе, – нехотя улыбнулся Набусардар. – Просто я хочу сказать, что мне опротивела прежняя жизнь. Мне ненавистно все, что превращает нас в изнеженных сластолюбцев, я искренне стремлюсь к тому, что ты называешь благословением богов, любовью к жизни, верой в правду и справедливость. Вот почему я и мечтаю об этой девушке. – Он замолчал, глядя поверх деревьев вдаль. – Пойми, однако, – продолжал он, – я вовсе не хочу ввести ее в мой дом наложницей. Мне хочется найти в ней друга, которого мне так недостает в это смутное для Вавилонии время. Сознание, что рядом со мною друг, придаст мне силы, а без этого, кто знает, может, погибнет и Валтасарово царство.

Тут он открыто взглянул на Гедеку.

– Да, мастер, пусть она будет моим другом, так как среди мужей Вавилона, у меня нет друзей. Ты говоришь – с моей внешностью, богатствами, – а я скажу тебе, что у меня нет ничего. У того, кто одинок, как последний бродяга, нет ничего. И в глазах Вавилона я отщепенец, хуже бродяги, потому что я посвятил свою жизнь одному – спасению отчизны. Великие боги за грехи ослепили халдейскую знать, а меня покарали, оставив одного зрячим, чтобы я видел грозящую нам беду.

Он вздохнул и встал.

– Но меня не лишили воли и веры. Дух твоего Гильгамеша и дух Нанаи помогут мне превозмочь трудности. Без них я немощен. Благодаря тебе, Гильгамеш у меня во дворце, с твоей помощью я надеюсь обрести и Нанаи.

Гедека скрестил руки на груди и именем Мардука поклялся, что исполнит любое желание своего повелителя, не пожалеет жизни.

Набусардар рассказал, что он задумал.

Пусть Гедека возьмет Нанаи себе в ученицы. Пока для нее будет тайной, что дворец принадлежит Набусардару, потому, что она гордая девушка Набусардар же появлялся бы здесь время от времени в качестве одного из друзей художника.

– Невелик труд для меня, – ответил мастер. – Только если она любит тебя всем сердцем и хочет любить вечно, стоит ли опутывать ее секретами? Я уверен, что любая из вавилонских красавиц, на которую падет твой выбор, будет считать себя не униженной, а возвеличенной над всеми. Ведь недаром, господин, о тебе идет молва, что женщины Вавилона сами стелются тебе под ноги?

– Но она-то не из Вавилона, а из Деревни Золотых Колосьев, жители ее, как ты знаешь, считают себя потомками славных шумеров. Все они самые горячие патриоты и свято блюдут закон правды и чести. Голос сердца для них превыше воли Эсагилы и даже царя. Пламя возмущения злом и несправедливостью всегда вспыхивало именно там. Они гордый народ, и она одна из них. Вот еще почему я хочу ничем не задеть ее чувства.

– Я вижу, Непобедимый, что сердце, не отступающее перед неприятелем, покорилось женщине.

Губы Набусардара тронула мимолетная улыбка и тут же погасла. Он ничего не возразил Гедеке и принялся подробно рассказывать, как представляет себе приезд Нанаи и ее пребывание во дворце.

Теке, которая заглянула, чтобы справиться – нет ли для нее распоряжений, полководец приказал приготовить комнаты в женской половине дворца. Он также распорядился закупить роскошных одежд и дорогих благовоний. Пусть у нее будут платья из тончайшего китайского шелка, накидки из легкого белого виссона, покрывала из прозрачной кисеи. И чтоб Тека не забыла о притираниях и красках – о белилах, смягчающих смуглый цвет кожи, румянах, придающих щекам гранатовую алость, о синей краске, оттеняющей глаза, и о черной – подводить брови и красить ресницы. Нанаи не должна испытывать недостатка ни в чем. Уж если для неверной и подлой Телкизы он содержит дворец гораздо величественнее и роскошнее борсиппского, то почему бы ему не дать хотя бы это не многое самоотверженно любящей его Нанаи?

Тека радостно обняла ноги Набусардара и сказала:

– Мне так давно хотелось служить в этом дворце госпоже, так как дом тогда только дом, когда его согревает тепло женщины. Благодарю тебя, Непобедимый, что исполнится мое желание. Я буду лелеять ее, как кусты благоуханных растений на твоих террасах. Я буду беречь ее, как свет в твоих светильниках. Я буду охранять ее, как охраняю твои сокровища.

– Я счастлив, – с улыбкой обратился к ним обоим Набусардар, – что моя радость стала и вашей радостью.

У верховного военачальника его величества царя Валтасара было еще дело, с которым он прибыл в борсиппский дворец, – заказать Гедеке каменный памятник на месте гибели своего пса. Но теперь ему стало неловко отрывать ваятеля от работы над статуей великого Гильгамеша, и он утешил себя тем, что с Нанаи все складывается как нельзя лучше, а сейчас для него это было, наряду с военными приготовлениями, самым главным.

Остальное можно отложить на день-другой. Как только будет готова цепочка с высеченными на золотых пластинках стихами и княжеским гербом Набусардара на застежке, он отправится к Нанаи и увезет ее с собой, а заодно завернет к Гамадану за сведениями о персидских шпионах.

Пока Набусардар был у себя в борсиппском дворце, на внутренний двор царской резиденции в Вавилоне галопом влетел всадник, в котором только глаз посвященного узнал бы военачальника из тайной службы халдейской армии.

Он был измучен долгой дорогой и, когда заговорил, с трудом переводил дыхание. Но от его сообщения заняло дух и у тех, кто его услышал.

Несмотря на усталость после длительной скачки, он настаивал с упорством истинного воина, чтобы царь принял его:

– Царь царей, наместник богов на земле и величайший властелин Халдейского царства, выслушай меня!

Валтасар знаком разрешил ему говорить.

Присутствующие в крайнем нетерпении ждали окончания полагающихся по этикету формальностей.

Гонец заговорил:

– Тайная служба получила сведения, что персидский царь Кир направил на юг большое войско, которое прошло незамеченным под прикрытием Эламских холмов. На берегу Тигра, напротив Вавилона, укрепилось другое войско Кира, а третье стоит в готовности на севере. халдейское царство окружено с трех сторон.

Царь и советники оцепенели.

И вдруг, задохнувшись злостью, Валтасар завопил:

– Смерть ему!

Но никто даже не понял, относится ли это к гонцу, омрачившему царя дурной вестью, или к Киру, дерзнувшему подступить к халдейским границам.

Собственно, никто и не задавался этим вопросом, наступило всеобщее смятение, и царь, машинально кивнув, разрешил гонцу отправиться в дом командования армии, чтобы сообщить о случившемся Набусардару.

После ухода гонца все долго не могли оправиться от растерянности. Все будто лишились языка, никто не смел заговорить.

Первое слово принадлежало царю, но тот тупо уставился на двери, за которыми скрылся военачальник, и смотрел, как колеблется золотая бахрома, окаймлявшая зеленый занавес.

После царя обычно высказывался старейший из советников, поэтому он и взял слово:

– Из сообщения тайной службы следует, что держава вашего величества и родина наша – в опасности. Но едва я опомнился от удивления, как мне стало ясно, что тревожиться рано. Персидский царь стоит у нашей границы, однако – не на самой границе. Неприкосновенность Вавилонии хранит Тигр, а у этой реки стремительное течение и нет мостов. Пока персы на том берегу, мы можем быть спокойны. Им никогда не переправиться через Тигр!

У присутствующих отлегло от сердца, и они вздохнули, словно ослабла затянувшаяся было на горле петля.

Пришел в себя и Валтасар.

– Твоя правда, – согласился он. – Персидский шакал как привел к нашим границам свою армию, так ни с чем и повернет ее обратно. – Он обвел значительным взглядом советников и спесиво надулся. – Не я ли говорил вам всегда, – продолжал он, – что Вавилон непобедим? Что же вы заколебались? Или у вас нет царя? Или перед вами не Валтасар, а Набонид?

Он снова обвел взглядом лица советников, но, заметив на них ледяную холодность вместо восторгов, вспылал.

– Давно уже, – заговорил он резко, – я не укреплял ваш дух видом крови и смерти, ибо только это способно внушить вам покорность. И я благодарен великим богам за то, что они создали кровь и смерть.

Царь замолчал, вглядываясь в лица советников. Он высматривал среди них того, кто, как донесли ему личные шпионы, готовил возвращение на престол свергнутого Набонида. В припадке ярости он тогда же решил при первом удобном случае убрать вероломного вельможу. Ему даже не столько хотелось лишить его жизни, хотя и на это он имел право, сколько нанести негодяю серьезное увечье, которое надолго приковало бы его к постели.

Валтасар сошел с возвышения, на котором стояло царское кресло, и, обнажив меч, приблизился к советникам. Они не сводили настороженных глаз с острия его клинка, поочередно приставляемого к груди каждого из них.

Наконец его меч уперся в грудь одного из неугодных ему сановников. Царь спросил его:

– Кто будет править, Валтасар или Набонид?

– Валтасар, царь царей, – отвечал тот в предчувствии смертного часа.

– Кто победит – Кир или Валтасар? – снова спросил царь, не сводя с него испытующего взгляда.

– Победит Валтасар, царь царей, – услышал он спокойный ответ.

Молодой владыка Халдейского царства уже хотел убрать меч и помиловать обреченного, но тут сановник добавил:

– ... если Кир не перейдет реку...

В припадке гнева Валтасар потерял власть над собой и едва не поразил его мечом в самое сердце, но старейший советник, пользовавшийся уважением царя и придворных, схватил царя за руку. Он спас несчастного от смерти, но царь успел нанести глубокую рану. Белая одежда осужденного окрасилась алой кровью, он пошатнулся, чьи-то руки подхватили его.

При виде крови Валтасар приказал, еле стоя на ногах от слабости, всегда сменявшей у него вспышку гнева:

– Велите унести его и оставьте меня. Когда все удалились, он погрузился в размышления. Перед ним лежал окровавленный меч. Вид его вызвал новый приступ ненависти к изменникам. Они мечтают избавиться от него, вернуть Набонида! Однако будущее покажет, что Валтасар величием превзойдет Саргона, мудростью – Хаммурапи, славой – Навуходоносора. Он не потерпит измены, сметет все препоны со своего пути. Пусть Кир трепещет! Набусардар выставит против него такую армию, какой не имел ни один халдейский властелин. От войск Кира останется гряда мяса и костей.

Он ненадолго успокоился, но гнетущие тревожные думы вскоре снова вернулись к нему. Что ни говори, а словами не укрепить уверенность в себе. Надо действовать. Царь сидел, подперев голову ладонью и уставившись на окровавленный меч.

Он чувствовал, как далеко сейчас от него его устланное шелками ложе, на котором так сладостно пило вино и где ждали его обольстительные кипрские красавицы.

Перед ним возникли картины беззаботного детства. Вот он гоняется за бабочками и ловит певучих цикад в муджалибских садах. Увидел он там и Телкизу, жену Набусардара. Он представил ее себе девочкой, с которой играл пестрыми камешками среди благоухающих цветов и кустарника. Телкиза воспитывалась при дворе, вместе с детьми царя. Он помнит, что всегда давал ей самые красивые камешки, чтобы склонить к себе ее детское сердечко. Тогда он радовался жизни и находил удовольствие в играх. Теперь он утратил способность искренне радоваться.

Его грудь сдавлена. страшной тяжестью. Перед глазами мечутся ужасные видения. Рассудок в плену у страха. Тревожен его сон. Неуверенная поступь. Его ум помутился.

Или это удел всех великих и славных властителей, когда их угнетает бремя забот?

Смертельная усталость сковывала его мысли. Он продолжал бездумно сидеть, положив руки на подлокотники.

К нему несколько раз, присылала царица с просьбой принять ее. И всякий раз, хотя царица и просила весьма настоятельно, Валтасар отказывал, не желая никого видеть.

До царицы дошли слухи о пролитой крови. Они распространились по всему дворцу, как и весть о том, что войско Кира стоит в боевой готовности на том берегу Тигра. Никто не заблуждался относительно способностей Валтасара, а царица лучше других знала слабости его державной натуры. Она хотела вовремя предостеречь его, потому настаивала на свидании.

Когда паника и страх перед армией Кира перекинулись из царского дворца на городские улицы, царица все-таки отважилась нарушить одиночество Валтасара.

Она стремительно вошла в зал совещаний, где он сидел, съежившись в кресле. Лицо его было покрыто морщинами; Валтасару не было еще и тридцати, но он выглядел стариком. Царь не шевельнулся, когда она вошла, словно не заметил ее.

Только при звуке ее голоса он распрямился, но не скоро отозвался, уставясь на нее тупым и безучастным взглядом.

Она ждала его знака, чтобы изложить свою просьбу. Осознав, что царица вошла без разрешения, он побагровел. Только вид окровавленного меча сдержал готовое прорваться наружу негодование.

Наконец он произнес мирным, даже усталым голосом:

– Ты пришла просить денег для моих женщин?

– Нет, государь, – смиренно прошептала она, видя его подавленность, – я пришла предостеречь тебя.

Валтасар насторожился.

– Да, я пришла предостеречь тебя – твоя жизнь и держава в опасности.

– С каких это пор в Халдейском царстве о безопасности мужчин и страны пекутся женщины? До сих пор было наоборот.

За его словами уже угадывались раскаты приближающейся грозы.

– Не стоит придавать значения превратным людским толкам, – заметила царица. – Печься о безопасности должен не тот, кого облекли на то закон и право, а кто способен на это, кто наделен силой духа и мудростью.

– Не себя ли ты имеешь в виду? – спросил он насмешливо.

– Я всего лишь слабая женщина...

– Что я слышу от царицы Халдейского царства! – воскликнул Валтасар. – Разве сын богов, бессмертный и вечный властелин, может иметь что-либо общее с обыкновенным смертным? Какая чепуха!

Он. сделал попытку подняться.

– Кто подучил тебя? Кто надеется победить могущественного Валтасара? Кто это тебе наплел? Кто еще предал меня?

Она гордо выпрямилась во весь рост.

– Я – царица Вавилона, и мой долг – позаботиться о благе халдейского народа. Я пришла предостеречь тебя, ибо мудрых царей нередко поражают слепотой боги наших врагов. Не за себя – за народ Вавилонии прошу я. Созови сановников, выслушай и перейми от мудрых – мудрость, от зорких – зоркость, от бдительных – бдительность, изменников брось в подземелья, корыстолюбцев устрани, а с избранными спаси царство, ибо худые времена надвигаются на Вавилон.

Царь слушал, но внутренне весь кипел. Он не находил слов от бешенства и наконец выдавал из себя с большим трудом:

– Это еврей, подобно змию, нашептал тебе во время сна!

Царь имел в виду пророка Даниила: ценя его мудрость, Навуходоносор в свое время оставил Даниила при дворе. Халдеи с уважением относились к Даниилу, а евреи считали мудрейшим из пророков. Один Валтасар ненавидел его, как ненавидел каждого, в ком чувствовал силу духа и пытливым ум. Царица же любила слушать

Даниила и вникать в суть его суждений и охотно беседовала с ним, часто призывая в свои покои.

Даже перед самим царем она безбоязненно отстаивала его и на колкий намек ответила:

– Да минует его несправедливость, ибо мудрость Даниила – мудрость священных книг. Но не по его воле пришла я сюда. Я здесь по зову своего сердца и по царственному велению.

– По царственному велению? – пробормотал он, недовольный ее речами.

– Да, по царственному велению, – повторила она.

– Кто же царствует в Вавилоне, я или ты? – спросил он, внезапно обидевшись.

– Ты, государь, – ответила царица, – ты царствуешь в Вавилоне, но моя просьба может стать твоей волей, и ты исполнишь ее как свою.

– Здесь правит Валтасар, ты сама это сказала, – уже спокойнее заговорил он. – Тебе здесь нечего делать, твое место на женской половине. Если тебе нужно золото –

возьми. У нас его полные подвалы, для тебя это не секрет. Но не докучай царю своими советами, ибо сын богов наделен мудростью богов и все деяния его – благодатны. Не забудь, что боги не ошибаются, а я божий наместник на земле. Я бог, сошедший на землю и осчастлививший смертных тем, что согласился быть их владыкой.

Он не поразил ее этими словами.

– Да, так нас учат жрецы, – спокойно согласилась она. – Но сам ты прекрасно знаешь, что это всего лишь отвлеченная наука. Надо чтить богов, я и сама ежедневно преклоняю колени перед всемогущей богиней Иштар. Однако властелин тогда лишь властелин, когда правит, жив своим умом. Иначе он игрушка в руках других. Я хочу, чтобы ты был мудрым владыкой и чтобы имя твое было высечено золотыми буквами не только в камне и глине, но и в сердцах людей.

– А чем я не владыка? Разве не трепещет передо мной все Халдейское царство?

– Да, правда твоя. Но государя народ должен еще и любить, а не только трепетать перед ним. Можешь ли ты мириться с тем, что народ твой запуган и вял, что душа его придавлена к земле, как глиняные лачуги по берегам рек? И разве ты не видишь, что вавилонские вельможи утопают в золоте и благовониях, а твой народ голодает, ходит босой и в лохмотьях, призывая в молитвах спасителя?

– Народ всегда был наг, бос и оборван, – убежденно ответил он.

– На то он и народ Кем бы я правил, если б все были царями и носили шелковые одежды и золотые украшения?

– Боги врагов поразили тебя слепотой, царь царей, – сокрушенно повторила она, и на глаза у нее навернулись слезы.

– Ничего не выходит из твоих ухищрений, не так ли? – презрительно засмеялся он.

Его упрямство и спесь причиняли ей страдания и боль. Он никогда не считался с ее советами.

Больше ей нечего было здесь делать, и она попросила разрешения уйти.

– Иди, – сказал он с пренебрежительным высокомерием, – и запомни, что сын богов наделен божественной мудростью и не нуждается в советах еврейского пророка. В другой раз боги не простят ему подобной дерзости.

– Да, но справедливость требует возмездия тебе, кровавый царь Вавилонии! – с вызовом сказала царица. Она склонилась перед ним в поклоне, подобающем сану ее державного супруга. – Живи вечно, непобедимый Валтасар, и да не затмит твоя мудрость солнца, ибо земля тогда погрузится во тьму. – И удалилась.

– Глумишься! – вскричал он, порываясь броситься следом, но не мог сделать и шагу, так как от слабости дрожал всем телом.

* * *

Эсагила до мельчайших подробностей знала все, что делается в царском дворце. У нее

повсюду были соглядатаи, служившие ей под видом преданнейших слуг царя.

Поэтому не успел еще гонец из тайной службы переступить порог дома командования, а в Храмовом Городе уже располагали сведениями о передвижении войска Кира. Разговор Валтасара с царицей до последнего слова был передан верховному жрецу. Круг посвященных Эсагилы больше всего встревожила весть о том, что царь своей рукой опасно ранил одного из советников. Этот человек в самом деле был подкуплен служителями Мараука, и Валтасар устранил одного из самых опасных своих противников. Тог был настолько предан Эсагиле что, не колеблясь, убил бы Валтасара, лишь бы вернуть власть Набониду, отцу нынешнего царя, а с ними и Храмовому Городу.

В Храмовом Городе почувствовали, что наступила полоса роковых неудач. Поэтому Исме-Адад тотчас же велел созвать верховную коллегию жрецов. Происшествие на опушке Оливковой рощи лишний раз убеждало в том, что Мардук лишил их своего покровительства.

Причину божественного гнева объяснил верховной коллегии Исме-Адад:

– В последнее время стали скудными дары и жертвоприношения. Наш долг принудить вавилонян к щедрости.

Семеро жрецов, посвященных в высший сан, и среди них Улу, доверенный писец верховного жреца, согласно кивнули.

По знаку Исме-Адада Улу огласил заготовленный текст.

Первое: за убийство в Оливковой роще одного из священнослужителей увеличить налог крестьянам на четверть. У того, кто не сможет платить столько, отнимать землю, а самого неплательщика вместе с женой и детьми отправлять на принудительные работы в копи.

Второе: в ближайшее время Храмовый Город должен добиться возвращения к власти свергнутого Набонида и со всеми почестями возвести его на трон. Покровитель жрецов царь Набонид склонит народ к жертвоприношениям на алтари богов и обратит свои заботы не на увеличение армии, а на строительство храмов и тем воскресит мощь Эсагилы. Царские сокровища снова перейдут под опеку Храмового Города. Эсагила будет править Халдейским царством, хотя бы это и стоило Валтасару жизни. Правда, пролить священную кровь царя значит навлечь проклятия на страну, но Эсагила не признает кровь Валтасара священной, так как не считает его царем. Истинный царь – Набонид.

Третье: Сан-Урри поведет воинство Эсагилы против армии царя Валтасара, которую Набусардар задумал сделать более могущественной, чем армия Навуходоносора. Эти намерения надо пресечь в зародыше. Набусардара заточить в подземелье Храмового Города, если он попадет в руки Сан-Урри живым, если же мертвым – тем лучше. Место Набусардара во главе армии займет Сан-Урри. Страна избавится от Валтасара, от его армии и от его верховного военачальника. До сих пор народ всегда принимал сторону сильнейшего, а после устранения царя Валтасара самой могущественной будет Эсагила.

Четвертое: мощь Эсагилы – в военной силе и в золоте. Подчинить Эсагиле армию – забота Сан-Урри, о приумножении сокровищ позаботится коллегия жрецов. Надо использовать любую возможность и любой предлог, чтобы пробудить в народе и аристократии охоту жертвовать в пользу храмов. Приближающиеся празднества в честь Иштар и Таммуза, по велению которого растут травы и распускаются цветы, должны пополнить сокровищницы храмов.

Пятое: персидская угроза на руку Эсагиле. Вельможи не желают войны и страха за свои богатства, а народ страшится войны, так как в защиту отечества отдают свою жизнь его сыновья. Развеять сгустившиеся тучи помогут великие боги, когда почувствуют тяжесть золота и жертвоприношений на своих алтарях. Нелишне будет запечатлеть

желания богов на таблицах у городских ворот. Эсагиле выгодно любое передвижения армии Кира вдоль границ Халдейского царства. Страх – лучший ключ к сокровищницам вавилонских богачей.

Улу кончил.

Усевшись, он взял чашу с вином, чтобы промочить пересохшее горло,

Поднялся асипу, жрец-заклинатель, и сказал:

– То, что мы слышали, справедливо и пойдет на благо Мардуку.

Улу усмехнулся открыто и почти вызывающе, и его усмешка не ускользнула от взгляда верховного жреца.

Исме-Адад промолчал, но, заметив, что Улу с той же усмешкой выслушивает речи остальных, обратился к нему:

– Брат Улу не считает решение коллегии правильным?

Улу поднял голову, но не ответил.

– В таком случае выскажи свои соображения.

– Я сделаю это в более подходящую минуту, святой отец, – уклонился Улу от ответа, погасив усмешку, теперь таившуюся лишь где-то в уголках губ.

– Значит, нынешний момент брат Улу считает неподходящим?

Улу не поверял своих мыслей никогда и никому, даже Мардуку, которого считал теперь божеством хитрым и лукавым. За золото Мардук покровительствовал изменникам и отпетым грешникам. Только золотом можно было завоевать его расположение и милость.

Золото было единственной пищей Мардука. Он жрал золото, из золота было и его холодное, мертвое, кровожадное сердце. За золото он позволил продать Вавилонию персам, а этого Улу не мог ему простить. В нем взбунтовались и разум и сердце. Он возненавидел лик Мардука, взирающего на добро и на зло с неизменной улыбкой.

В особенности встревожил его визит экбатанских жрецов. После него он всю ночь не мог сомкнуть глаз и, взвесив все, отважился на рискованный шаг.

Улу задумал проникнуть в подземное святилище Мардука, где в основании его статуи был спрятан текст договора, скрепленный печатью храма Ормузда. Он выкрадет этот договор и вручит его как свидетельство персидской угрозы Набусардару, в ком видел единственную надежду на спасение Халдейского государства.

Готовый на все, он выждал, когда наступил полдень и все живое попряталось от зноя, и отправился на поиски потайного хода. Он нашел его. А в полночь, когда ученые-астрологи, служители Храмового Города, поднимаются на террасы, чтобы, наблюдать движение небесных тел и читать по ним грядущие события, Улу пробрался в самую глубь подземелья. Под покровом темноты, закутанный в плащу подполз он к святыне. Открыл дверцу ключом, всегда хранящимся в храме Мардука.

С замиранием сердца раздвинул он черный занавес, и перед ним открылась золотая статуя бога, в подножье которой был спрятан договор. Коснувшись серебряных табличек, он вдруг вспомнил о клятве, за нарушение которой виновный будет наказан до шестого колена. Что ж, его постигнет кара, если только его застанут на месте преступления...

Постепенно он справился с волнением и взял в руки серебряную пластинку.

В тайнике лежало много других секретных документов. На одном из них ему бросилась в глаза печать Набонида, на другом – Авельмардука, внебрачного сына Навуходоносора, которого Эсагила провозгласила царем после смерти его отца.

Улу не тронул больше ничего. В конце концов он с сомнением посмотрел и на серебряную табличку, которую держал в руках.

Мгновенье он размышлял.

Если Исме-Адад обнаружит пропажу, он поднимет на ноги не только верховную коллегия, но и весь Храмовый Город. Не исключено, что им удастся напасть на след виновника. Улу не страшился ни наказания, ни смерти, но понимал, что с его гибелью умрет и тайна, которой он задумал овладеть. Набусардар так никогда и не узнает, каким подлым способом предали халдейский народ те, кому долг повелевает быть его самыми надежными защитниками. Лучше сделать с таблички только отпечаток на воске.

Он оттикнул пластинку на воск, положил на место, запер тайник и благополучно вернулся окольным путем в свою комнату.

Поразмыслив, он понял, что нельзя отдавать Набусардару даже эту копию. Изворотливая Эсагила своевременно перепрячет оригинал в другой тайник, и исчезнут всякие доказательства ее вины. А за измену и нарушение клятвы Улу предадут смерти.

С той поры ни днем, ни ночью он не находил себе покоя, придумывая, как спасти Вавилонию.

В это время в Храмовом Городе появился Сан-Урри, прося убежища после своего разоблачения. Семеро жрецов высшего сана знали, что Сан-Урри завладел планом Мидийской крепостной стены и передал его Исме-Ададу. В тот же день верховный жрец и Сан-Урри решили между собой, что, в случае если совет одобрит оборонительный план Набусардара, Сан-Урри во главе войска Эсагилы обрушится на армию Набусардара и уничтожит ее. Этим они облегчат персам захват Халдейского царства и возведут на вавилонский трон владыку-жреца.

Появление в Храмовом Городе Сан-Урри укрепило решимость Улу. Однажды, когда он шел с наказом для храма бога Таммуза, он увидел, как в двери одного из самых известных постоянных дворов вошли двое знатных чужеземцев. Он тотчас узнал в них персидских шпионов, которых экбатанские жрецы предоставили в распоряжение Эсагилы, чтобы обмануть царя Валтасара. Эта встреча вдохновила Улу на хитроумный план.

На восковой копии была печать храма Ормузда. С ее помощью Улу изготовил для себя фальшивое свидетельство, что он является доверенным лицом Экбатаны. Он выбрал в сокровищницах Мардука золотой кубок и подарил его владельцу постоянного двора: тот позволил ему осмотреть комнату подозрительных чужеземцев. Улу нашел там множество разнообразной одежды, в которую они, видимо переодевались для маскировки, персидское оружие и набор инструментов, которыми можно было вскрыть любой тайник. Других доказательств их деятельности не было, но Улу довольствовался и этими. В сумерках он появился снова, уже переодетый персидским жрецом, и тут дождался возвращения чужеземцев. Это были Забада и Элос. Улу представился им как посланец святилища Ормузда при Эсагиле, которому поручено наблюдать за деятельностью Храмового Города и доносить Экбатане о каждом нарушении заключенного договора. Он даже назвал им пароль персидской тайной службы, чтобы окончательно уверить их в правдивости своих слов. Улу случайно узнал пароль в тот момент, когда Забада и Элос встретились в Эсагиле с третьим шпионом. При встрече они обменялись условными фразами. Улу в это время стоял за колонной и слышал их разговор. Он постарался хорошенько запомнить всех в лицо. Сам Мардук указал ему путь к цели.

Главной приманкой Улу считал весть о бегстве Сан-Урри. В двух словах он объяснил персам, что разыскал их ради этой важной новости. Разумеется, само бегство Сан-Урри не представляло для персов никакого интереса, но их ошеломило открытие, что Сан-Урри унес и передал Эсагиле план Мидийской стены. Если бы персы могли завладеть этим планом, Кир без труда прорвался бы в пределы Халдейского царства с севера. -

Но Улу вовсе не собирался выдавать персам этот важный документ. Ему надо было усыпить их подозрения. Поэтому он сказал, что пока и сам не знает местонахождения плана и собирается это выяснить. Затем условился встретиться с ними еще раз в трактире Деревни Золотых Колосьев, известить о результатах своих поисков и сообща придумать, как похитить документ. Он согласился на встречу, чтобы убедить их в том, что ему нужно доверять. Можно будет в этот вечер окружить трактир солдатами царя, и шпионы будут схвачены. Если это еще не понадобится, то он воспользуется встречей, чтобы войти к ним в доверие, и даст им фальшивые ключи от ворот Эсагилы и от тайника, где спрятан план. Он может и сам под покровом ночи ввести их в Вавилон через ворота, охраняемые воинами Набусардара. Забаду и Элоса схватят, и таким образом в руки Набусардара попадет свидетельство враждебных намерений персидского льва, Кира.

Таков был продуманный Улу до мелочей замысел, в осуществимости которого он был совершенно уверен. Оставалось только ознакомить с ним Набусардара, но это было сделать легче всего.

Исме-Адад, при всей своей зоркости и проницательности, не подозревал о тайных помыслах Улу. И поведение Улу на заседании он расценил как несогласие с тем, что говорилось о средствах принудить вавилонян к щедрости. Поэтому он еще раз предложил Улу высказать свои соображения.

Тот повторил:

- Я уже сказал, святой отец, что сделаю это в более подходящее время.
- Что это значит? - уже более резко спросил верховный жрец.
- Это значит, что в священном месте воля Мардука священна для смертных.
- Конечно, - согласился Исме-Адад, казалось, удовлетворенный этим ответом.

Но поведение Улу вызвало в нем тревогу. Однако он был далек от истины и, разумеется, не предполагал, что Улу занят мыслями о Набусардаре, пока остальные обсуждают способы умиротворения Мардука.

Пасису, жрец помазаний, предложил:

- По-моему, угроза персидского вторжения - наилучшее средство вызвать щедрость вавилонян. Достаточно укрепить на городских воротах воззвание, и люди устремятся в храм Мардука и засыпят золотом его алтари.

Рамку, жрец омовений, поддержал его:

- Таким образом, Эсагила сосредоточит все сокровища Вавилона в своих подвалах, а вместе с этим придет и власть, ибо в Халдейском царстве у кого больше золота, у того больше и власти.

Асипу, жрец-заклинатель, присовокупил:

- Нужно немедленно составить воззвания и тотчас вывесить их, чтобы замысел Эсагилы не опередили иные события или обстоятельства.

Магу, жрец священных исступлений, добавил:

– Совершенно верно. Народ и знатные люди должны узнать о персидской опасности из уст Эсагилы.

Замару, жрец песнопений, тотчас же подхватил, не сводя глаз с Исме-Адада, чтобы знать, какое впечатление произведут его слова:

– Этим Храмовый Город отведет от себя всякие подозрения в пособничестве Киру и рассеет веру халдеев в слухи о соглашении со святилищем Ормузда, если б это вышло наружу.

– Как это может выйти наружу? – взволнованно вмешался верховный жрец, которого при этих словах снова охватило беспокойство. – Разве посвященные в это не поклялись страшной клятвой? Кто же осмелится нарушить ее и навлечь на себя проклятие?

Исме-Адад посмотрел в упор поочередно на каждого – под этим взглядом Улу бросило в дрожь и впервые улыбка сбежала с его лица.

Он высказался тоже:

– Я скорее склонен опасаться, как бы персы не заподозрили нас в двуличии. С одной стороны, мы заключаем с ними договор, что не будем препятствовать вторжению Кира в Халдейское царство и в Вавилон, а с другой – настраиваем халдейский и вавилонский люд против персов, предупреждая его о персидской опасности.

– Напрасные опасения, – одернул его замару, который угодничал перед верховным жрецом, – напрасные, потому что мы вовсе не собираемся настраивать народ против персов, мы лишь используем страх перед персами и заставим их расщедриться.

– И это наше право, – вставил магу.

– Право, которое противоречит понятию о чести и заключенному договору, – вспыхнул Улу.

– Любые средства священны, если они служат божественному Мардуку, – заметил мунамбу.

– Именно, любое средство священно, если оно служит богу богов Мардуку, – подтвердил верховный жрец, – стыдно говорить здесь о бесчестности. Таблицы надо приготовить немедленно и вывесить на городских воротах. И жертвоприношения – кровью, огнем и золотом – тотчас будут возложены на алтари храмов.

– Во всех храмах или только в святилищах Мардука? – отозвался бару, всегда поддерживающий Улу.

– Конечно, только в святилищах Мардука, – сказал замару, хотя Исме-Адад еще раздумывал над этим.

– Это несправедливо, – возразил Улу, – жрецы в других храмах бедствуют, тогда как мы...

– Это справедливо, – строго перебил его Исме-Адад, – только мы одни служим богу богов.

Улу давно уверился в алчности слугителей Мардука, готовых драться за лакомый кусок даже со своими собратьями. О святилищах других богов вспоминали только тогда, когда от самих храмов требовались пожертвования, но едва речь заходила о приеме даров, как немедленно оказывалось, что все предназначено святилищу Мардука.

Всю жизнь его приучали считать такой порядок единственно справедливым. Но, мужая, Улу подходил к поступкам людей с иными мерками, чем те, что были приняты в Эсагиле. На собственных весах он взвешивал деяния людей и пришел к выводу, что они далеки от понятия любви, правды и добра и что бог любви, правды и добра должен их отвергнуть. Вавилон не знал такого бога, но Улу интуитивно ощущал его присутствие в бескрайних просторах мира. Возможно, таким божеством был даже Мардук, заветные желания которого служители его культа извратили, сделав Мардука богом гнева и жестокости.

Улу с отвращением смотрел на присутствующих и с еще большим отвращением слушал их. Ему казалось, что он задохнется, если проведет с ними еще хоть минуту. Он невероятно устал и не в силах был выносить больше злокозненные и корыстные речи своих собратьев. У него кружилась голова от дурманного дыма благовонных трав, курившихся в золотых чашах в честь небожителей. Он даже сам не мог толком понять, от этих ли курений или от переживаний ему дурно до тошноты.

Он положил руку на лоб и встал.

Верховный жрец задержал его:

– Брат Улу, с некоторых пор мне непонятно твое поведение. Объясни, что тебя тревожит, ты ведь сам зачитал нам договор Эсагилы.

Улу чувствовал, как дух непокорности сейчас захлестывает его и вынуждает вступить в открытую борьбу.

Он собрал все свое мужество и сказал:

– Прочитав вслух эти предложения, я всего лишь исполнил свои обязанности доверенного, а вовсе не потому, что я принимаю их. Напротив, я с ними не согласен.

Все в недоумении уставились на него, лишь верховный; жрец, хотя его бросило в пот, пытался сохранить хладнокровие и сказал подчеркнуто мирным тоном:

– Помогите ему, братья. От жары у него помутился рассудок. Выведите его на воздух.

Исме-Адад думал избавиться от него, но Улу с непреклонным и решительным видом продолжал:

– Надо сказать народу правду. Не пристало наживаться на опасности, которую сами же мы и накликали.

Исме-Адад повторил:

– Выведите его!

Два жреца бросились исполнять приказание и вывели Улу на террасу, на свежий воздух. Улу и не сопротивлялся, он едва стоял на ногах, потрясенный происходившим.

Когда жрецы, выводившие Улу, вернулись, Замару заметил:

– Я уже несколько дней наблюдаю за братом Улу, и вид его мне не нравится.

– Вероятно от жары у него помутился разум, – многозначительно повторил вслед за Исме-Ададом мунамбу.

Верховный жрец Исме-Адад кивнул.

– Это не первый случай, когда злые демоны в жаркую пору вселяются в тело человека.

Несколько лет назад мы потеряли из-за этого несколько братьев за один месяц. Возможно, такая же участь ждет и брата Улу, так как и мудрейшие наши лекари бессильны перед жарой.

Все почтительно согласились с верховным жрецом, который слыл знатоком сокровенных тайн халдейской медицины.

– Однако, чтобы кончить нашу сегодняшнюю беседу столь же мудро и полезно, – продолжал Исме-Адад, – как мы ее начали, составим воззвание, чтобы, не мешкая, повесить таблички.

Никто не возразил, и когда жрецы расходились, на столе верховного жреца уже лежала воцеленная дощечка с текстом воззвания. Его слова должны были раскрыть сердца халдеев.

Двадцать писцов Эсаги тут же переписали текст на глиняные таблички, а храмовые прислужники развесили их у ворот города.

* * *

В борсиппском дворце гонец из тайной службы повторил Набусардару сообщение о продвижении армии Кира.

Скажи он это любому другому полководцу, тот Пришел бы в крайнее замешательство, а Набусардар только громко рассмеялся.

Гонца это только удивило, что он спросил:

– Непобедимый не верит моим словам?

– Да нет же, – сказал Набусардар, все еще продолжая смеяться, – просто я представил себе, какие лица будут у сановников, у служителей Эсаги и вавилонских вельмож, когда до них дойдет эта весть.

– В царском дворце я уже докладывал.

– И что же? – нетерпеливо спросил Набусардар.

– Его величество царь пришел в полную растерянность, когда услышал это, советники потеряли дар речи, весь двор, очевидно, охватила паника.

Набусардар снова засмеялся, потом внезапно оборвал смех и спросил:

– А Итара, мой начальник тайной службы, не потерял присутствие духа? Сейчас меня больше интересует настроение командующего тайной службы халдейской армии, чем вся продажная вавилонская знать, вместе взятая.

– Я говорил о царе, – напомнил Набусардару гонец.

– Я вижу, что полгода вдали от Вавилона уже сделали свое дело и ты усвоил деревенские манеры. Новый царь – вольнодумец, и у нас уже вошло в обычай: что на сердце, то и на языке. Каждый может говорить, что угодно, а если тебе захочется плюнуть в физиономию самому верховному военачальнику, который является в

государстве вторым лицом после царя, смело можешь сделать это.

– Я позволил себе что-нибудь неуместное в отношении твоей светлости, Непобедимый? – спросил гонец, вконец смутившись; до него не доходил смысл слов Набусардара, потому что за эти полгода он действительно отвык от Вавилона и не знал, что здесь происходит.

– Пожалуй, ты один ничего себе не позволил, – шутиливо продолжал Набусардар, – зато все остальные – сколько угодно. Сколько в Вавилоне жителей, столько могил роется для меня.

Гонец окончательно перестал его понимать.

– Не удивляйся, – продолжал полководец. – В Вавилоне подозревают меня в том, что я со своей армией хочу напасть на Халдейское царство. Им не верится, что Кир затевает какие-то военные приготовления против нас. Если бы не твое сообщение, меня сжили бы со свету. Потому я и засмеялся, как приговоренный к смерти, которого помиловали. И хотя ты принес печальную весть, ты, наверное, уже понял, почему я рад ей.

Он снова усмехнулся, но постепенно его лицо принимало все более непреклонное выражение. Он задумался, потом поднял глаза на гонца и сказал:

– Впрочем, персам не подойти к Вавилону ни с юга, ни со стороны Тигра. На юге болота, а напротив Вавилона нет ни мостов через реку, ни кораблей. А вплавь им никогда не преодолеть стремительный Тигр.

Он помолчал, потом озабоченно проговорил:

– Иными словами, опасность, подлинная опасность угрожает нам только с севера.

– Но север защищен Мидийской стеной, – возразил гонец, – самая сильная армия никогда не возьмет ее. Итара выразил сожаление, что у нас нет еще двух Мидийских стен – одной на юге и другой напротив Вавилона.

– С некоторых пор Мидийская стена не имеет никакого значения, – процедил Набусардар и забарабанил пальцами по столу.

– Мидийская стена? – переспросил гонец. – Но персы ведь не знают секрета ее устройства?

Набусардар только махнул рукой и, встав, зашагал по комнате.

– Персы не знают ее секретов, но с одной стороны нам грозит вероломная измена... Впрочем, ты немедленно отправишься с донесением к Итаре, не мешкая в Вавилоне ни одной минуты. Гонец вздохнул, потому что дорогой сюда изрядно устал и рассчитывал, что ему дадут хотя бы один день передохнуть.

– Ни минуты, – повторил Набусардар, – минута промедления может обернуться поражением. Итара должен расставить посты на всех дорогах, ведущих из Вавилона на север. Обыскивать каждого, будь то жрец, торговец или нищий бродяга. Первое время пусть этим займутся отряды, стоящие на севере. Пока он может располагать для разведки только собственным отрядом. Но вскоре он получит подкрепление. Можешь передать ему, что на днях у царя состоится тайное совещание, которое решит, должен ли Вавилон готовиться к войне с Киrom.

– Кто может сомневаться в этом? – серьезно заметил гонец. – Нельзя ждать, пока Кир превратит Халдейское царство в персидскую провинцию. Теперь его враждебные намерения очевидны. Он уже покорил Лидию и Мидию, но по всему видно, на этом не собирается останавливаться. Завоевать Вавилонию, крупнейшую державу мира, одну из

самых богатых, славных, могущественных, – вот что в глазах Кира будет победой, достойной его. Я не могу понять, кто в Вавилоне может сомневаться в этом и противиться оборонительным мерам.

– Как всегда, – досадливо ответил Набусардар, – как всегда, Эсагила. Она настраивает сановников против моего плана обороны, убеждая их, что он не нужен. Она боится за свои сокровища. Твое известие явилось как нельзя кстати. Теперь в моих руках неопровержимые улики против персов. И я уверен, мой план утвердят, хоть царь и раньше без согласия совета намеревался создать самую могущественную армию, которая когда-либо существовала. Впрочем...

Он вдохнул и покачал головой.

– Впрочем... – повторил гонец.

– Впрочем, к сожалению, он больше думает о том, чтобы с помощью этой армии добывать себе все новых красавиц, чем побеждать врагов. Поэтому я желал бы добиться согласия советников. Так или иначе, после совещания мы перестроим армию, а я изыщу средства снарядить и направить ее против Кира, но... тревожит меня эта Навуходоносорова стена на севере. Мидийская стена может быть непобедимой крепостью, но теперь надеяться на это нельзя.

– Кто-нибудь похитил план?

Набусардар испытывающе взглянул на гонца, – не довериться ли ему, ведь это один из преданнейших воинов Итары? Но передумал.

– Я составлю сообщение Итаре, – сказал он. Он сел и написал на глиняной табличке тайным письмом:

«Сан-Урри, помощник верховного военачальника, совершил предательство. Он похитил план Мидийской стены, его местонахождение пока установить не удалось. Приказываю: охранять дороги, чтобы он не перебежал к персам. Проверить благонадежность Гобрива. Не пропускать финикийские корабли в Персидское море, чтобы южный отряд войск Кира не воспользовался ими для переправы через Тигр. Строжайшим образом обыскивать чужестранцев, включая египтян, хоть они и наши союзники. Выдавать солдатам достаточно еды и вина, обеспечить обувь и одеждой. Да пребудет над тобой и твоими воинами покровительство доблестной Иштар из Арбелы».

Исписанную табличку он вложил в кожаный мешок скрепил его печатью и подал гонцу.

Воина снабдили да дорогу едой, а заботливая Тека дала флягу с освежающим питьем.

Он простился с Набусардаром и через минуту уже мчался галопом по борсиппским улицам, через мост, в сторону Вавилона. Оттуда путь его лежал на Киш и Куту. Из Куты – на север, по берегу Тигра, в расположение главного стана Итары.

Еще долго в ушах Набусардара стоял стук копыт по вымощенным камнем улицам. С той же отчетливостью он еще слышал слова гонца о передвижениях армии Кира на халдейских границах. Только теперь, оставшись наедине с самим собой, он начал по-настоящему вникать в то, что произошло.

Халдейское царство, бесспорно, в угрожающем положении и даже окружено с трех сторон. Окажись в распоряжении Кира мост через Тигр – его мечта исполнилась бы в одну ночь. Но мостов у Кира нет, а на юге непроходимые болота, кишящие гадами. Нападение его войска, нацелившегося на Вавилон, Набусардар в силах отразить и с небольшим количеством воинов.

По-настоящему серьезную угрозу представляет собой север. Эта угроза глубоко

тревожит Набусардара, и он предвидит панику, которая охватила бы всех советников, если объявить на тайном совещании, что Сан-Урри выкрал план Мидийской стены. Это уже два веских обстоятельства, которые говорят в пользу его предложений. Если бы он мог добавить к ним и третье, то есть сведения о персидских лазутчиках внутри государства, то его план обороны можно считать утвержденным. Гамадан обещал представить в Вавилон сведения через две недели, не позже. Однако он не является. Пожалуй, лучше всего наведаться к нему еще раз.

Размышляя таким образом, он следил за беспокойной поверхностью Евфрата, к голубовато-зеленым волнам которого примешивался красно-кирпичный цвет плодоносных глин. Это вдруг напомнило ему сине-зеленые глаза Нанаи и красноватый отблеск ее черных кудрей.

Он вновь живо представил себе ее, и ему захотелось видеть Нанаи как можно скорее, потому что чем более угрожающий поворот принимали события, тем острее он чувствовал потребность иметь рядом друга, преданного ему не на жизнь, а на смерть.

Едва занялся новый день, как Набусардар получил от Валтасара приглашение на тайное совещание. Царь Валтасар не захотел разговаривать с царицей, но поразмыслив, признал, что выслушать мнение советников не такая уж плохая затея, даже если она исходит от еврейского пророка.

Теперь Набусардару было крайне важно еще до совещания убедить царя, что персидские шпионы сеют в народе смуту. Не видя другого выхода, он решил отправиться в Деревню Золотых Колосьев и узнать, удалось ли Гамадану что-нибудь сделать.

Чтобы привлечь на свою сторону армию, боевой дух которой в позабытых всеми лагерях пришел в полный упадок, Набусардар распорядился обеспечить окрестные отряды сытной едой и хорошим вином из своих погребов. Пусть эта будет первым признаком того, что положение армии меняется к лучшему. Расходы он возьмет на себя. После совещания вся перестройка армии пойдет за счет царской казны. Если царь еще не отказался от мысли создать великую вавилонскую армию, не уступающую армии Кира, то хорошо бы расположить в свою пользу и простой люд, – ведь именно его сыновьям придется отправиться походом против персидских варваров. Он решил просить Валтасара снизить налоги крестьянам в царских владениях. Народ никогда не забудет этого и во время войны станет сражаться с врагами за царя и державу до последнего вздоха. Такое снижение налогов нанесло бы удар и по Эсагиле, в чьих владениях подати беспрестанно растут. Набусардар, не колеблясь, приказал бы открыть одну из царских житниц и разделить зерно между беднейшими. Сам он, пожалуй, распорядится заколоть для вавилонской бедноты сотню быков со своих пастбищ, где их пасется не одна тысяча. Он сознавал, что никакими словами нельзя заменить действий, а халдейский люд уже пресыщен благими речами и жаждет в конце концов вкусить от благих свершений.

Такие мысли роились у него в голове, пока он осматривал комнаты, приготовленные в его дворце для прекрасной пастушки Нанаи. Он собирался отправиться за ней и ждал, когда принесут эбеновую шкатулку для ожерелья Нанаи. На крышке была инкрустация из золота – изображение божества, каким оно получилось у нее на глиняной табличке.

Священный бык с тремя звездочками над головой.

Верная Тека ходила по комнатам следом за ним, радостно возбужденная этими приготовлениями. Она мысленно воображала себе будущую госпожу борсиппского дворца прекраснейшей из вавилонских красавиц с телом нежнее пуха и поступью, подобной порханию мотылька. Речь ее, должно быть; сладостна, как речь богинь, ноги приучены ходить только по дорогим коврам, а тело не знакомо с тканями более грубыми, чем тончайшие шелка и виссон. Счастливая улыбка даже разгладила морщины на ее лице.

Осмотрев комнаты, Набусардар вернулся в свой кабинет. Здесь его ждал создатель каменной статуи Гильгамеша, Гедека. Он протянул ему эбеновую шкатулку с ожерельем.

Обе вещи Набусардар нашел великолепными.

Оставалось только сесть на коня – тот уже был оседлан и слуги держали его в полной готовности во внутреннем дворе.

Набусардар опоясал себя мечом и, провожаемый Текой, вскочил на рыжего скакуна, зазвенев золотым и медным набоем наколенников.

Тека подала ему шкатулку и благословила на дорогу.

Стража распахнула ворота и замерла, приставив копыа к ноге.

Конь прядал ушами. Набусардар пустил его галопом, и белый с красной каймой плащ заплескался на ветру, похожий на бурные весенние воды Тигра.

* * *

Нанаи уже лежала в домике своего отца. Устига с помощью Сурмы чуть свет доставил ее сюда из пещер Оливковой рощи.

Если б Устига не был заклятым врагом Халдейского царства, Нанаи считала бы ночь, проведенную под его опекой, самой счастливой в своей жизни. Она все еще видела его глаза святого, горящие благородным огнем, слышала его страстную речь. Она чувствовала, что ее сердце, сердце халдейской крестьянки, покорено обаянием персидского князя. И вовсе не потому, что он князь, а она всего лишь простая пастушка, а потому, что до сир пор она ни от кого не слышала таких мудрых и красивых речей.

Едва ли она думала теперь об Устиге, лежа на своей постели в глиняной лачуге, если б прошедшая ночь была такой, как представлял себе ее отец. Гамадан был уверен, что Нанаи исполнила то, о чем он просил, когда дал ей кинжал перед уходом на пастбища, и смирился с этим. Он чувствовал удовлетворение при мысли, что его дочь пожертвовала своей честью ради спасения Вавилонии.

Увидев Устигу, который пришел перевязать ей рану до наступления темноты, Гамадан сразу признал в нем персидского лазутчика. Нанаи и не скрывала этого. Она рассказала отцу о встрече с жрецами и призналась, что Устига спас ей жизнь.

Но отец и слышать не хотел о том, чтобы считать Устигу спасителем. Для него он оставался кровожадным варваром. Гамадан решил отправиться в Вавилон и привести солдат, чтобы они арестовали Устигу, когда тот снова навестит его дочь. Нанаи не открыла ему убежища персов, и Гамадан считал, что лучшей возможности схватить Устигу не будет. Надо было только узнать, когда он снова придет осмотреть рану Нанаи. Гамадан осторожно приступил к расспросам:

– Ты не знаешь, когда этот добрый человек снова посетит наше жилище?

Нанаи всякий раз тревожило его настойчивое любопытство, но она не подавала вида и отвечала спокойно:

– Когда он найдет нужным, тогда и придет, дорогой отец.

– А он не сказал тебе? – приставал Гамадан.

– Я его не спрашивала, я ведь ничего не смыслю в лечении. Но я уверена, что он сделает все, чтобы вылечить меня.

Нетерпение Гамадана росло, и, отчаявшись добиться от дочери более определенного ответа, он решил учинить ей допрос.

Он присел на выступ при входе и сказал:

– Ты ведь знаешь, что я должен сообщить в Вавилон о персидских лазутчиках. Я дал слово и не могу нарушить обещания.

Нанаи машинально повторила за ним, думая о том, что и она дала слово Устиге:

– Не можешь нарушить обещания..

– Да, подобной низости не допустил ни один из Гамаданов, не допущу и я.

– Ты хочешь выдать Устигу?

– Я хочу выполнить свой долг, – холодно ответил он.

– Ты хочешь, чтобы Устигу убили в Вавилоне? – спросила она, вздрогнув от дурных предчувствий.

– Мой долг и мое желание – уничтожить его, иначе он уничтожит нас.

– А если твоя дочь дала Устиге слово, согласно обычаям его страны?..

– Какое слово?

– Жизнь за жизнь, отец, этот обычай принят и у халдеев.

Она села на постели, едва сдерживая себя.

– Ты собираешься укрыть в нашем доме преступника, Нанаи? Ведь кто покушается на свободу другого народа, тот преступник.

С каким удовольствием она думала бы сейчас о зеленых жучках на листьях ароматных трав, о серебряных нитях паутины, протянувшихся между пальмами.

Но жизнь безжалостно заставляла ее думать о другом.

Она хладнокровно возразила ему:

– А разве халдеи не истязали тело Иерусалима, тело Египта, тело Ассирии, тело Мидии, тело Персии, тело земли лидийцев и земли аммонитян? И разве ты за это считал Гамаданов преступниками? Напротив, ты, как и все халдеи, считал их победителями и героями. Такими же героями считает вся Персия и сыновей рода Устигов.

Старый Гамадан смотрел на дочь широко раскрытыми от удивления глазами, так как до сих пор ему не приходилось слышать от нее ничего подобного.

– Ответь мне, отец: как одни и те же поступки можно считать и героизмом и преступлением? Или зло только тогда зло, когда оно исходит от других народов, а не от халдеев? А если его совершают сыны Вавилона, это подвиг? Будь же справедливым, отец.

– Где ты набралась таких речей, Нанаи? – спросил вконец пораженный Гамадан.

Гораздо мучительнее, чем рана на плече, ныла ее душа. С детских лет ее приучали к мысли, что преданно любить Вавилонию можно, только ненавидя все чужеземное. И она верила этому до сегодняшнего дня и вот за одну ночь убедилась в том, что ненавидеть чужое – еще не значит любить свое. Такая любовь далека от подлинной. Неценима в жизни только любовь, которая учит любить все хорошее и отвергать дурное, не делая различий между своим и не своим. О такой любви мечтает Нанаи и за нее молится великим богам доброты. Гамадан же, который, сгорбившись, сидит у порога, обращается к богам гнева и мести и просит вернуть Нанаи с пагубного пути.

– Нанаи... ты... ты, видать, помешалась, – заикаясь, бормотал Гамадан, – ты сошла с ума. Всемогущий Энлиль покарал нас, ибо меч человека коснулся его священного тела. Я завещал тебя Вавилонии, и ты не смеешь принадлежать больше никому. Боги призовут тебя в свое царство. Но пока этого не случилось, исполни свой долг. Ты должна выдать этого персидского шакала Вавилону.

– У Вавилона нет прав на Устигу, – возразила она.

– Вот как?

– Да. У Вавилона нет прав на Устигу, но если я захочу, я отдам его в руки только одному человеку в Вавилоне, по имени Набусардар.

– Набусардар! – потрясенный, повторил Гамадан.

– Да, я выдам его Набусардару, но при условии, что поручится мне своей жизнью. Если он его нарушит, то падет от руки Гамаданов.

Она произнесла это такой непреклонностью, что старик поспешил убраться с порога, словно это его должен был поразить клинок Нанаи.

– Приближается день, когда ты обязался сообщить в Вавилон о персидских лазутчиках. Ты прав, слово надо сдержать. Отправляйся в Вавилон и расскажи все Набусардару. Если он поручится жизнью за жизнь Устиги, я выдам ему князя.

– Боюсь, после такой вести мне самому несдобровать.

– Тебе нечего бояться. Набусардару выбирать не приходится, и он рад будет заполучить Устигу любой ценой. Так что он не только не расправится с тобой, но, будь это в его власти, наденет тебе на голову царский венец.

В тоне ее сквозила насмешка: она сердилась на Набусардара за то, что он остался глух к ее любовным излияниям, а она проявила столько любви к нему, когда разговаривала с его гонцом, который обещался все передать Набусардару. Ни за что на свете, никому она не открыла бы своё сердце, а тот, перед кем она изливала душу, не ответил ей.

Чувство унижения жгло ее, особенно теперь, когда она узнала персидского князя. Какая громадная разница между ними, очевидно, такая же разница и между Халдейским царством и Персией.

Отец угадал насмешку и боль в голосе Нанаи.

– Вот как ты теперь разговариваешь, а мне иногда казалось, что твое сердце отдано Набусардару.

– Чего иной раз не покажется, дорогой отец. – И она горько засмеялась.

Пока он занимался сборами в дорогу, дочь в глубокой задумчивости смотрела через проем двери вдаль.

Гамадан закрепил ремешки сандалий и подвязал полотняную рубаху, но не закрывавшую даже колен. Затем он пригладил рукой волосы на голове и бороду, снял с гвоздика шапку, чтобы защитить голову от солнца, и отправился в путь.

В дверях он обернулся:

– Да хранит тебя Энлиль!

– Да хранит он и тебя, – прошептала Нанаи совсем тихо. После его ухода она по-прежнему глядела через проем двери на поля за деревней.

Вдруг ей показалось, что в тишине раздался далекий стук копыт. Он затихал, потом усиливался, то прекращался совсем, то возникал снова, пока где-то поблизости не заскрежетало черпательное колесо на канале, заглушая все прочие звуки.

В ту самую минуту Гамадан узнал в летящем стремглав всаднике верховного военачальника царской армии Набусардара.

– Благороднейший господин! – закричал Гамадан и бросился ниц на дорогу. Конь на всем скаку взвился на дыбы, едва не раздавив старика копытами.

– С ума ты спятил? – Набусардар с трудом удерживал лошадь, чтобы не растоптать путника. Гамадан встал на колени и проговорил:

– Это я, достойнейший господин, я, Гамадан. Ты не помнишь меня.

Только теперь, рассмотрев его в упор, Набусардар признал Гамадана.

– С чем ты идешь ко мне, Гамадан?

– Я несу твоей светлости весть о персидских шпионах.

На лице Набусардара отразились радость и сомнение, словно он отказывался верить в то, чего так настойчиво добивался.

– Встань, не ползай в пыли! – приказал Набусардар. – И рассказывай!

Гамадан поднялся и, вплотную приблизившись к лошади, шепотом пересказал Набусардару все, что узнал о лазутчиках. Он уже не оплакивал свою дочь, как во время первой встречи с полководцем, напротив, глаза его сияли торжеством. Честный Гамадан принес в жертву самое дорогое, что у него было. Ради Вавилонии он не пожалел своего величайшего сокровища.

– Тебя вознаградят за все, Гамадан, – утешал его верховный военачальник, – царь наградит тебя по-царски, а Набусардар – по-княжески.

– Ах, нет, – прошептал Гамадан, – мой род служит родине не за деньги и награды. Мне ничего не надо. Я сделал это не для царя и не для Набусардара. Я поступаю, как велит мне зов моих предков, о подвигах которых пишут в вавилонских книгах.

– Может быть, дочь твоя желает получить золота или дорогих камней?

– Нет. Мы с ней одна плоть и одна кровь, у нас одни мысли и одни чувства. Дочери Моей тоже ничего не нужно. Она гордится, что не уронила чести нашего рода и пожертвовала собой ради родины, хотя этой жертвой стала ее чистота, оскверненная паршивым персом. Мы не нуждаемся в наградах.

- Мы еще поговорим об этом, Гамадан. А теперь скажи мне: где лазутчики?
- Обо всем твоя светлость узнает от моей дочери. Мне больше ничего не известно. Она все держит в секрете.
- Твоя дочь дома?
- Она ранена в плечо и лежит в постели. Она ждет тебя. Прости, что твоей светлости приходится утруждать себя.
- Я не счел бы за труд отправиться даже в раскаленное пекло, когда дело касается персидских лазутчиков, – засмеялся Набусардар.
- Дорога тебе знакома, господин?
- Я помню дорогу.
- Езжай, я пойду следом. Кроме нее, в доме никого нет, входи смело.
- Да благословят тебя боги за твои слова! Простившись, Набусардар пришпорил коня и снова помчался галопом.

Горя нетерпением, Набусардар влетел во двор. Он торопился не ради мужественной дочери Гамадана, в которой и не ожидал увидеть Нанаи: его подхлестывала весть о шпионах, и, наспех привязав коня у хлева, он бегом устремился в хижину.

Нанаи у же. давно слышала стук копыт и поняла, что всадник спешил к ним во дворе. Несомненно, кто-то приехал к ним, и она не сводила глаз с двери.

На пороге послышались шаги. Нанаи не успела приподняться на постели, как в дверях появился человек.

Постель Нанаи стояла в затененном углу комнаты, подальше от палящих солнечных лучей, и Набусардар не сразу разглядел, есть ли кто-нибудь в хижине. Когда глаза привыкли к полумраку, он заметил постель, лежащую на ней женщину и спросил:

- Ты дочь Гамадана?
- Я дочь Гамадана, господин, – ответила Нанаи и пригласила его войти.
- Я – гонец верховного военачальника его величества царя Валтасара, гонец непобедимого Набусардара.
- Войди, господин.

Повторив приглашение, Нанаи в следующий миг узнала в пришельце человека, с которым случай свел ее в Оливковой роще, и чуть не вскрикнула от неожиданности. Правда, в прошлый раз он был одет солдатом, а теперь на нем одежда военачальника, – хоть и низшего ранга, – которая очень шла ему. В прошлый раз лицо его было покрыто пылью, теперь оно было свежим, бородка заботливо расчесана, и вообще он выглядел щеголем, словно ехал на свидание с девушкой, с которой желал соединиться нерасторжимыми узами.

Пока Нанаи боролась с охватившим ее волнением, Набусардар в свою очередь с ужасом смотрел на нее, пытаясь объяснить себе столь поразительное совпадение.

Еще не вполне уверенный, он разглядывал ее и узнавал красновато-черные кудри и сине-зеленые глаза той девушки, с которой разговаривал в Оливковой роще.

Несомненно, это прекрасное лицо той, из-за которой он так страстно стремился в Деревню Золотых Колосьев.

И чем больше он смотрел на нее, тем очевиднее ему становилась, что дочь Гамадана и есть та самая Нанаи, которую он хотел видеть госпожой своего сердца. Но ее же он нечаянно принес в жертву персам. В висках у него застучало, будто отбивали дробь барабаны вавилонских танцовщиц, кровь прилила к голове. Он едва справлялся с потоком нахлынувших чувств, земля под его ногами заколебалась. В душе его что-то оборвалось и рухнуло, как рушится лишенная подпорок стена здания.

Угнетенный, подавленный событиями последних дней, он думал найти свое счастье в Деревне Золотых Колосьев, а здесь на него обрушился еще более страшный удар. Он хотел крикнуть, что это неправда, но его словно оглушило, все поплыло перед глазами, и он вдруг на миг потерял равновесие, чего с ним не случалось даже на поле боя.

С тяжелым сердцем он приблизился к Нанаи.

Вне сомнений, это была она.

И он отвернулся, не в силах дольше смотреть на ее лицо.

Он не смел взглянуть в лицо той, которую хотел полюбить самой пламенной любовью. Не смел глянуть в глаза той, которую сам же принес в жертву. Не мог совладать со стихией, бушевавшей у него внутри.

Еще один удар, который ему придется пережить. Ту, в ком он хотел видеть друга, единственно надежную опору в превратностях судьбы, он сам же сломал и осквернил.

– Что с тобой, господин? – спросила Нанаи. – И как ты узнал, что найдешь меня в этом доме?

Он помолчал, чтобы немного взять себя в руки, потом ответил;

– Я встретил Гамадана, и он мне все рассказал. Он идет следом и скоро будет здесь.

– Значит, ты видел моего отца...

– Да, он сказал, что его дочь сообщит мне о персидских лазутчиках.

Эти сведения я должен как можно скорее доставить Набусардару. Я не подозревал, как не подозревает и мой господин, что ты Нанаи приходишься Гамадану дочерью. Я собирался разыскать на пастбище тебя и сообщить, что ты стала избранницей Набусардара. Свидетельством тому служит этот дар тебе от Непобедимого. Но теперь, когда я узнал об исполненном тобой долге, я понимаю, что дар этот слишком скромнен.

– Я вижу, ты не знаешь Гамаданов, – никто из нас никогда не служил царю за награды и не принимает дары за исполнение долга.

Набусардар попытался заглядеть промах.

– Это дар не за службу царю, его посылает своей возлюбленной великий Набусардар.

– Великий Набусардар послал его своей возлюбленной? Ты так сказал гонец?

Она почувствовала вдруг, что прежняя мечта снова возвращается к ней.

– Нет, нет! Это невозможно!

– Но это так, – подтвердил он.

Он вытащил из-под плаща шкатулку и положил на край постели.

Она сразу узнала свой рисунок, только здесь он сверкал золотом. Открыв крышку, она увидела цепочку с тремя пластинками. На каждой было вырезано по строфе ее песни. Она обратила внимание и на княжеский герб Набусардара на застежке.

– Ох, господин, – вздохнула она, не зная, что ей со всем этим делать.

Ей хотелось петь от радости и плакать от боли. Все ее существо как бы раздвоилось, и обе половины думали и чувствовали по-разному. Несколько дней назад она приняла бы этот знак внимания как величайшее счастье, но после минувшей ночи в сердце ее царило смятение. Ясно ей было только одно: что она не может принять этот дар ни как награду за принесенную жертву, ни как знак любви Набусардара. Ведь Устига сказал ей, что таким способом вавилонская знать покупает женщин. Она не могла допустить, чтобы ее покупали, угрызения совести замучили бы ее.

Она закрыла шкатулку и протянула Набусардару. Тот поставил ее на стол.

При этом она сказала:

– Передай непобедимому Набусардару, господин, что я чту его благосклонность и буду благодарна, если он отложит этот дар до тех времен, когда судьба поручит меня его милости. Теперь же я не связанная никакими узами дочь свободного отца, у нас есть небольшое стадо, которое дает нам необходимые средства к существованию. Скажи ему еще, что я любила Вавилон, но теперь ненавижу, потому что он бесчестит и велит бесчестить будущих матерей Вавилонии.

Нанаи вспомнила слова Устиги, живописавшего ей развращенность столичных нравов.

Но Набусардар понял ее иначе, решив, что Нанаи думает о своей собственной чести, которой она пожертвовала по приказу Вавилона.

Он сам отдал этот приказ, и теперь, в наказание, вместо ожидаемой любви, она отвечает ему озлобленностью.

Он давно не пользуется расположением Эсагилы, благосклонность царя висит на волоске, жителей столицы он оттолкнул от себя оборонительным планом, а любовь Нанаи погубил случайно. Теперь на всем белом свете у него осталась только армия. Может, попытаться вернуть любовь Нанаи, открывшись ей? Гонец верховного военачальника не в силах ничего изменить, но Набусардар может выпросить себе прощение. А если Нанаи не простит его? Он может принудить ее и добиться ее любви силой. Но о такой ли вынужденной любви тоскует Набусардар? Разве ему нужна безразлично какая любовь, а не одна-единственная – свободно родившаяся, пламенная и преданная, чтобы при ее поддержке у него хватило сил совершить то великое, что он задумал?

И, чтобы все было до конца ясным, он спросил ее еще раз:

– Значит, дочь Гамадана отклоняет дар и благосклонность Непобедимого?

– Да, господин, дочь Гамадана благодарит за этот слишком щедрый подарок. Я не могу принять его, так как подобными сокровищами вавилонские вельможи расплачиваются за обладание женщинами, а я не продаюсь. Я любила Набусардара, пока не знала, что такое Вавилон. Теперь я это знаю и...

Она невольно запнулась, потому что и сама боялась верить тому, что собиралась сказать. Ведь даже зная о царящем в Вавилоне распутстве, она не перестала думать о Набусардаре. Она поняла это сейчас. Любовь ее и в самом деле подобно пирамиде

Хеопса, которая стоит от века и простоит еще века. Но мысль, что ей уготована во дворце Набусардара роль, которую до нее выполняло множество других женщин, пронизывало ее острой болью. Нет, она ждала от Набусардара доказательств чистой любви, только тогда она примет его подарок и пойдет за ним, как преданная собака. Пусть он хоть чем-то докажет ей это, как делал минувшей ночью Устига.

Она повторяла про себя его слова:

«Я не могу дать ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, так как все свое имущество я подарил Персии. Но могу дать тебе себя, каков я есть. Если ты предпочитаешь драгоценности и золото, ищи их в другом месте, но если тебе дороги добро, любовь и правда, выбери меня. Я буду для тебя, как почва для растения, из которой оно растет и которая питает его. Но помни, что растение, пересаженное в золото, гибнет»

Нечто подобное она желала бы услышать от Набусардара. Набусардар же собирается оторвать ее от родной почвы и пересадить в грунт из золота, в котором она наверняка зачахнет. Зачем великие боги пожелали, чтобы она узнала Устигу? Пусть бы она знала одного Набусардара.

В смятении она добавила:

– Передай все это Непобедимому... и... – но не смогла кончить.

Набусардар ответил ей, преодолевая боль в сердце:

– Должен ли я безжалостно разрушить надежду, последнюю надежду, которой жил мой господин?

– Да, пусть узнает, что не всякое женское сердце можно открыть золотым ключом. Скажи своему господину, что, кроме золота и дорогих камней, существует еще и честь.

– Разве ты считаешь Набусардара человеком, лишенным чести?

Она невесело усмехнулась.

– Попроси его рассказать о приключении в Мемфисе и тогда суди сам,

– О приключении в Мемфисе? – удивленно переспросил он.

Правда, он учился когда-то в военном училище в Мемфисе. Правда и то, что он там проводил время в беспечных и достаточно бурных развлечениях. Одаривал любовниц золотом и драгоценностями. Он и не скрывал этого. Разве иначе жили сыновья всех халдейских вельмож? Заслуживает ли он за это порицания?

Одновременно с ним в Мемфисе проживал и некий персидский князь с глазами святого. Звали его Устига, и он очень нравился египетским женщинам и скромным, целомудренным египетским девушкам. Устига был вхож в избранный круг и пользовался благосклонностью дочерей самых родовитых семей Мемфиса. Из мести Набусардар обесчестил его избранницу, и та в отчаянии бросилась в воду Нила. Этот случай Набусардар с радостью стер бы из памяти. Из всех воспоминаний о стобашенном Мемфисе это было одно из самых неприятных.

Случилось это давно, шли годы, и Набусардар забыл о грехах юности. Теперь слова Нанаи заставили его вспомнить о них. Странно, откуда она узнала об этом? Среди множества предположений всплыла мысль о персидских шпионах, и он силился поймать нить, потянув за которую он распутал бы этот клубок. Возможно, что среди персов ей встретился и князь с глазами святого по имени Устига. Только он мог очернить его в глазах Нанаи и поколебать ее любовь.

Поэтому Набусардар решил перевести беседу в иное русло, надеясь попутно выведать истинные чувства Нанаи. Отказав ему в любви, она вряд ли откажется выдать ему персидских лазутчиков.

– Итак, ты отклоняешь дар, и причиной тому мальчишеские выходки Набусардара, хотя Набусардар давно уж не мальчишка. Однако я не вправе говорить за него. Я его посланец и уполномочен касаться только военных вопросов, не мне улаживать его сердечные дела. Подарок я ему верну, а теперь попрошу тебя, дочь Гамадана, рассказать, как ты обещала, о персидских лазутчиках.

– Не так все это просто.

– Ты уже не согласна выдать Вавилону персов?

– Вавилон не имеет на них права...

– Вавилон не имеет на них права, ты сказала? Да известно ли тебе, что армия царя Кира окружила Халдейское царство с трех сторон? Сознаешь ли ты, что сейчас играешь со смертью?

Армия царя Кира окружило Халдейское царство с трех сторон. Возможно ли? – пронеслось у нее в голове, снова вызвав смятение. Но она быстро совладала с собой. Устига лгал ей, когда уверял, что у персов нет враждебных умыслов против Вавилонии! Может, он и сам ничего не знал? Едва ли, он ведь первым получает тайные сведения. Ему ли этого не знать? Он обманул ее!

У нее задрожали губы, и она с горечью взглянула на мнимого царского гонца.

– Выдашь ли ты персидских шпионов или тебе не жаль лишиться головы? – холодно спросил он, потому что она продолжала молчать.

– Не суди так поспешно, ты ведь не знаешь, что я скажу. Ты перебил меня, а я хотела сказать, что я выдам шпионов не Вавилону, а только Набусардару.

– Я тебя слушаю.

– Да и то при одном условии.

– Время идет, дочь Гамадана. Я должен как можно раньше вернуться со сведениями. Рассказывай, не теряя времени.

– Ты слишком нетерпелив, но я не задержу тебя. Персы подошли к нашим границам, и я знаю, в чем состоит мой долг.

Как же Устига уверял ее, что у персов нет злых умыслов против Халдейского государства?.. Отчаяние охватило ее. Все оказалось таким сложным, запутанным, словно сети рыбаков после бури.

Она продолжала:

– Я знаю, в чем мой долг, и потому слушай: пусть завтра в это же время сюда придет сам Набусардар. Человек, которого он увидит сидящим на краю моей постели, и есть персидский шпион. И это никто иной, как сам начальник персидских лазутчиков в Халдейском государстве. Он князь, и род его очень знатен. Я не требую, чтобы с ним обращались как с князем, но требую – и это мое непеременимое условие, – чтобы никто не смел посягнуть на его жизнь.

Она сурово взглянула на гонца, который жадно ловил ее слова.

– Так вот, – прибавила она, – жизнь за жизнь. Шпион, которого я выдам Набусардару, спас меня от жрецов Эсагилы, и я обязана отплатить ему тем же.

Она продолжала смотреть на верховного военачальника строгим и испытующим взглядом, словно подчеркивая непреклонность своей воли.

– Если Набусардар не сможет поручиться за жизнь Персидского лазутчика, то я его не выдам, скорее соглашусь положить голову на плаху.

– Не слишком ли ты благосклонна к этому персу? Едва ли кто из халдеев одобрит твои чувства, – заметил Набусардар, озадаченный ее условием и настойчивостью.

– Мне безразлично, что думаешь о моих чувствах ты, гонец, безразлично, что подумает о них Набусардар. Мои понятия о чести велят мне поступить так, как поступали в подобных случаях мои предки. Я дала слово, что не выдам этого человека смерти. Скажи это Набусардару и передай, что я жду его завтра.

Она помолчала.

– Я буду ждать его вместе с персом. Он будет сидеть на краю постели, ничего не подозревая. Он обещал рассказать мне о молодых годах великого Кира, своего прославленного повелителя. Мы будем беседовать о Кире, а тем временем...

Она умолкла и перевела печальный взгляд на потолок.

Мысленно она вернулась к минувшей ночи. В ушах ее еще звучали слова персидского князя.

– Зачем и ты опутывал меня ложью, Устига? – прошептала она и закрыла лицо руками.

Набусардар расслышал имя Устиги, и его передернуло.

Итак, это все же он. Предчувствие не обмануло его. Он отнял у него Нанаи и хочет отнять колыбель его предков. Но у Набусардара хватит сил вернуть себе Нанаи и защитить отчизну. Они были соперниками в ранней юности, теперь, в зрелом возрасте, они сойдутся лицом к лицу как враги. Скала столкнется со скалой, одной из них разлететься в куски! С этой минуты сердце Набусардара навсегда уподобится камню. Он опять будет таким, как прежде, когда при звуке копыт его коня все живое спешило спрятаться. Будет таким, как раньше, когда он не стеснял себя соображениями человечности. Тогда он был безжалостным и жестоким, и весь Вавилон преклонялся перед ним, теперь захотел стать добрым и человечным – и потерял расположение дорогой ему девушки.

Он сурово сжал губы и посмотрел на ту, которую хотел приютить в своем сердце, как хотел приютить ее в своем борсиппском дворце. Виссон, шелка, кисею распорядился купить для нее. Ароматные притирания и благовония велел приготовить. Считая ее самой верной и преданной... а теперь?

Поистине, все суета сует, как изрек когда-то еврейский царь Соломон. Все суета сует и томление духа.

Всего несколько дней назад она любила его, уверяя, что любовь ее нерушима, будто гранит, и вдруг...

Он выбросит из головы все мысли об этом. Все мысли о любви и человечности. Меч – единственное, на что можно положиться. Меч будет его другом и возлюбленной. Меч не предаст, и он будет надеяться только на него. С мечом в руке он войдет завтра в комнату Нанаи и положит конец своим страданиям. Устига станет его пленником, а

Нанаи он помилует только тогда, когда она упадет к его ногам и будет со слезами умолять его.

– Значит, завтра, дочь Гамадана, – сказал он холодно, – завтра в это же время.

Нанаи отняла от лица руки и ответила ему страдальческим взглядом.

– Да, завтра, – проговорила она, – завтра, но ты еще не сказал мне, поручится ли непобедимый Набусардар своей жизнью за жизнь пленника.

– Я ручаюсь тебе, дочь Гамадана, – ответил он.

– А Набусардар?

– Он уполномочил меня решать все военные-вопросы. Следовательно, Набусардар ручается своей честью и жизнью за жизнь этого перса.

Он презрительно улыбнулся, не в силах простить ей сочувствие врагам.

Она не поняла его улыбки.

Когда он повернулся, чтобы уйти, Нанаи напомнила:

– А подарок, господин? Ты оставил его на столе. Он притворился, что не слышит, и поспешно вышел. Но ее последние слова еще звучали в ушах, и этот враждебно-холодный тон разрывал душу, крушил, ломал, стирал в порошок все внутри, подобно ползущим с ассирийских гор ледникам.

После отъезда Набусардара Нанаи вышла во двор и перед домом воткнула в землю колышек – на том самом месте, где кончалась тень от тростникового навеса. Завтра, когда тень доберется до этого места, Набусардар придет за Устигой.

* * *

Князь Устига сидел в трактире, занимавшем самый большой и красивый дом Деревни Золотых Колосьев.

Стены трактира были выложены диковинным узором из двухцветных кирпичей. – без них не обходилось провинциальное зодчество. Залы трактира были просторны и предназначались одни – для гостей побогаче и познатней, там подавали в дорогой посуде, другие – для простого люда, и посуда для таких гостей была попроще. На полках выстроились медные и бронзовые чаши, стеклянные и глиняные кувшины: путешественникам благородного происхождения была приготовлена посуда, оправленная в серебро и золото. Для деревни это был богатый трактир.

О его владельце Зефе поговаривали, что он разбогател на взятках, которые брал с иностранцев, раздобывая для них разрешения торговать и заниматься мелким промыслом. Больше всего ему перепадало от финикийцев, всегда стремившихся к наиболее прибыльным занятиям. Деньги сыпались на Зефа как из рога изобилия. Повсюду он имел своих людей, с которыми делился за оказанные ему услуги. Поговаривали, что он умеет подобрать ключи к любым натурам.

Как-то раз его навел на некий еврей благородного происхождения в сопровождении финикийского купца. Они условились, что Зеф поможет зажиточным евреям получить права халдейских граждан. Это было необходимо прежде всего для того, чтобы евреям разрешили селиться не только в еврейском квартале, где жили в основном ремесленники, но и на других улицах города. Зеф учуял новый источник доходов и не ошибся. Лучше всех понимали силу золота знатные евреи из Сиона. Используя алчность – одно из самых распространенных в Халдейском царстве недугов, – с помощью взяток и подношений, они прокладывали себе путь во все более высокие сферы, и в конце концов перед ними открылись двери Эсагилы и царского дворца. При Набониде чиновники еврейского происхождения были не редкость в царских учреждениях. Когда власть перешла в руки Валтасара, для евреев наступили тяжелые времена. Валтасар всей душой ненавидел этот народ и не скрывал своей ненависти. Вместе с евреями в царскую немилость попали и те, кто им пособничал. Поэтому Зеф спешно покинул Вавилон и устроился в провинции. Он выстроил в Деревне Золотых Колосьев трактир, справедливо считая свое дело доходным. В Халдейском царстве процветало пьянство, и Зеф едва успевал пополнять запасы вина.

Вот и сегодня все столы в трактире были заняты. Головы гостей колыхались, как колосья в поле.

Посетители пили клеверную водку, житное пиво и все сорта вин. Шли в ход и другие напитки – гаома, медовое питье и настойки на кореньях.

Больше всего было солдат, которые возвращались с учений и заходили сюда целыми отрядами.

Кроме них, здесь были странствующие торговцы, караванщики, матросы, сирийские плотогоны, перевозчики с Евфрата, торговцы женщинами, деревенские старцы, уже не способные работать в поле или на каналах, – толкователи снов, гадальщики по руке и прорицатели будущего, умевшие читать по звездам и предсказывать счастливые и несчастные дни жизни. У входа толклись нищие, покрытые язвами, которые им лизали собаки. Сутолокой в помещениях ловко пользовались карма иные воришки.

За отдельным столом сидел князь Устига и вел беседу с братом Улу, который выдавал себя за посланца святилища Ормузда из Экбатаны.

Князь Устига тут же сообразил, что имеет дело с самозванцем. Правда, жрец Улу сумел дать подробную информацию о настроениях в Храмовом Городе, о бегстве Сан-Урри и о овладении планом Мидийской стены, которому персы придавали исключительное значение, но жрец не знал нового пароля персидской тайной службы. Устиге было достаточно одной этой детали, но он продолжал сидеть с самым невозмутимым видом.

Оба играли свои роли превосходно.

Они обсудили, каким образом выкрасть у Эсагилы план Мидийской стены и доставить его царю Киру. Устига охотно поддержал идею Улу, хотя и не собирался ею воспользоваться. Он обещал направить Забаду и Элосу в условленную ночь к городским воротам, через которые Улу проведет их в Вавилон. Взял он и ключи, с помощью которых Забада и Элос должны были проникнуть в башню Этеменанки и похитить план.

После сердечной беседы они расстались.

Пока Улу пробирался к выходу, довольный, что ему блестяще удалось расставить ловушки на легковерных персов, Устига, сжав кулаки, смотрел ему вслед поверх сидящих солдат, которые в самом веселом настроении коротали за столами минуты редкого отдыха.

На миг он подумал, не имеют ли они отношения к его скромной особе. У него были основания предполагать, что солдаты пришли арестовать его. Но когда он встал и

позвал хозяина, чтобы расплатиться за угощение, никто из них не обратил на него внимания. Хозяин прибежал, держа в руке весы, на которые Устига бросил несколько крупинок золота. Это, по крайней мере, втрое превышало стоимость еды и напитков, которые ему подавали.

Хозяин, обрадованный его щедростью, сообщил ему подобострастным шепотом:

– У меня есть голубица из Греции, которой еще никто здесь не обладал.

Он выждал, пока Устига прятал остальное золото в карман. Потом многозначительно подмигнул:

– Как раз сегодня ее привезли финикийские купцы с островов. Ты найдешь ее на втором этаже в комнате с желтой занавеской.

Устига не слушал его. Он невозмутимо пересыпал золото в кожаный мешочек и засунул за пояс.

– Кожа у нее цвета слоновой кости, господин, а уста как гранатовый сок. И она так искусна в любви, что ты не забудешь мой трактир до самой смерти. Прикажешь, господин?

– Благодарю тебя, Зеф, – ответил Устига, – меня ждут дела.

– Тогда вечером, господин, когда небесная Иштар в образе звезды Билит сеет зерна сладострастия на ложе влюбленных...

– Благодарю тебя, Зеф, – решительно отклонил его приманки Устига и направился к выходу.

Для этого надо было пройти еще через одно помещение. Погруженный в мысли, Устига шагал быстро, не замечая никого вокруг. Но, переступив порог второго зала, он увидел, что там прямо на полу валялись продажные девки в обнимку с Вавилонскими солдатами.

Одна из них бросилась Устиге в ноги, бесстыдно предлагая себя. Устига перешагнул через нее, преодолевая подкатывающую к горлу тошноту.

* * *

Тошнотворно сладковатый привкус не оставлял Устигу до самого дома в пещерах Оливковой рощи, куда он благополучно прибыл, не заметив по пути ничего подозрительного.

Дома он снова все обдумал и взвесил.

Он сделал выговор Забаде и Элосу за то, что они так легко дали обмануть себя эсагильскому жрецу. Ясно, что это шпион царя Валтасара. Теперь подозрения Устиги оправдались. А это значит, что тайная служба халдейских войск раскрыла истинный род занятий Забады и Элоса. Надо было срочно провести замену в его отряде.

Единственное, что сейчас можно было сделать, это направить Забаду и Элоса в Киш

вместо тамошнего командира персидских лазутчиков, который поступит теперь в распоряжение Устиги. Из предосторожности, в кишский лагерь следовало переправить и все важнейшие документы, а здесь оставить только планы окрестностей Вавилона.

Но прежде всего надо безотлагательно сообщить могущественному Киру, что план Мидийской стены находится в руках Эсагилы. Кир сможет завладеть им через жрецов храма Ормузда, которые пошлют своего посла для переговоров со священнослужителями великого Мардука. При благоприятном исходе переговоров Кир мог бы отвести свое войско с юга, бросить всю армию на север и оттуда напасть на Халдейское царство через мидийские укрепления.

Было бы крайне важно разузнать также, какой приказ получил из Вавилона Итара, начальник халдейской тайной службы, после окружения Халдейского царства персидскими войсками.

Надо предусмотреть и то, что Набусардар, если будет принят его оборонительный план, начнет набирать солдат в свою армию. В число этих новобранцев легко могут попасть и люди, либо подкупленные персами, либо преданные Киру бескорыстно, от которых к Устиге будут поступать донесения обо всех важнейших военных приготовлениях. При этом Устига в первую очередь подумал о Сурме, двоюродном брате Нанаи, о чем не замедлил сказать Забаде и Элосу.

– Я тоже не сомневаюсь, – согласился Забада, – что Сурма охотно возьмется служить Киру.

– Он искренне верит, что персы борются за справедливость, – добавил князь.

– В крайнем случае ему можно пообещать доходную должность в Вавилоне после войны, – посоветовал Элос.

– Насколько я знаю Сурму, – сказал Устига, – его не соблазнить подкупом или посулами доходного места. Но стоит заговорить при нем о плетях и гнете халдейских богачей, как Сурма ринется в бой не только против царя Валтасара, но и против отца родного. На днях он говорил со мной о требованиях бедняков, как ярый бунтовщик. Он собирается произносить речи на улицах Вавилона, наподобие ученых пророков. При одном упоминании о несправедливости у него сжимаются кулаки и закипает кровь.

После минутной паузы он прибавил:

– Ну, а Кир – это ниспосланный богом избавитель, который призван очистить мир от кривды и научить человечество правде, навсегда искоренив распри, ненависть и пороки. К кому другому может Сурма присоединиться, как не к избавителю бедняков, царю царей Киру?

– У тебя сейчас такой вид, – улыбнулся Забада, – как будто ты и сам веришь тому, что говоришь.

Устига нахмурился и повернулся к нему.

– А ты разве не веришь этому, Забада? – спросил он.

– Я только стараюсь убедить в этом других, в особенности халдеев, потому что эти рассказы защищают наши интересы успешнее кованого меча. Если б они не приносили столько пользы нашей дорогой родине, я считал бы их таким же бесчестным приемом, как и подкупы.

Устига закусил губу, потом спросил Элоса:

– Разве ты не веришь, что Кир борется за мир справедливости?

– Только за более справедливый, – серьезно ответил Элос.

– Но не вполне справедливый?

– Какая же справедливость в том, чтобы желать добра только себе? А ты не можешь отрицать, князь, что для Кира блага персов важнее блага лидийцев, мидийцев и вавилонян. Правда, он всем дает права, но одновременно поощряет персов извлекать из этих прав пользу для себя за счет других. Он объявляет и о справедливости, но если для персов он требует полной справедливости, то в отношении других народов закрывает глаза на новые притеснения.

И Элос многозначительно прищурился.

Устига загорячился:

– Но за новый порядок в мире льется кровь персидского народа по приказу самого бога Ормузда, а если и дальше персам терпеть несправедливость и притеснения, значит, нарушить его священную волю.

– Однако мы провозглашаем, возразил Элос, – мы провозглашаем войну за справедливость во всем мире, а сами отвоевываем справедливость только для себя. Вот почему до тех пор, пока не появится кто-то, кто перестанет делить всех на своих и чужих, кто будет ко всем подходить с одной меркой и равно любить всех, не будет на свете справедливости, не умолкнет звон мечей и не перестанет литься кровь.

– Ты, Элос, говоришь так, – вмешался отдыхавший на постели Забада. – словно считаешь нашу великую и священную борьбу напрасной.

– Нет, я не считаю ее напрасной для персов, но и не вижу в ней избавления для всего мира. Мы говорим, что халдеи добились для себя справедливости оружием, а ее, мол, следует добиваться сердцем. Мы так говорим но поступаем иначе. А я заявляю, что да, справедливости надо добиваться сердцем, и пока мы пускаем в ход оружие, мы можем быть лишь завоевателями, а не избавителями мира.

Устига вспыхнул:

– Ты оскорбил свою родину, свой народ, своего повелителя!

– В таком случае и тебе изменило чувство справедливости, князь, – огорченно ответил Элос, – или ты изменил своему учению. Устига вскочил и встал против Элоса лицом к лицу.

Глядя на него в упор, он гневно выкрикивал:

– Отступник? Предатель? Бунтовщик?

– Ни то, ни другое, ни третье.

– Кто же?

– Неуклонный приверженец твоего учения о силе правды, любви и добра.

Теперь ты понял, надеюсь, – улыбнулся он.

– Ах, вот как... Устига вздохнул с облегчением и улыбнулся тоже. – Я было подумал, что ты больше не желаешь верно служить мне и хочешь предать нас.

– Был ли случай, чтобы перс предал перса? – гордо сказал Элос.

– То-то же, – кивнул Устига и по-братски обнял Элоса.

Когда они сели, чтобы продолжить обсуждение планов на будущее, Элос решил поделиться своими сокровенными думами:

– Поймите, братья, о чем я частенько думаю: нет дня, чтобы не лилась кровь. Земля пропитана кровью. Еще немного – и потекут кровавые реки, после вступления персидской армии в Халдейское царство по руслу Тигра и Евфрата вместо воды побежит кровь. Я боюсь, что кровью наполнятся каналы, по которым до сих пор струился только благодатный ил. Я боюсь, что кровь заполнит озера, родники и колодцы. И боюсь также, как бы человечество не стало утолять жажду кровью вместо воды.

Он перевел дыхание и продолжал:

– На днях я побывал у канала Хебар, где землю обрабатывают пленные евреи из Иерусалима. Моим глазам открылась картина вопиющей нужды, но я заметил, что зреет возмездие. Мало того, что взрослые от непосильного труда падают на раскаленную землю и надсмотрщики добивают их плетью, так еще и детей, изможденных до того, что от них остались только кожа да кости, заставляют крутить колеса водочерпалок. На моих глазах человек, у которого от усталости подкосились ноги, упал с мешком ячменя в болото возле канала, а царский надсмотрщик наступил ему на голову и не отпускал, пока тот не захлебнулся. Жизнь там невыносимо тяжкая. Еврейская беднота верит, что их освободит Кир.

Устига слушал с живым интересом.

– Продолжай, – попросил он.

– Кажется невероятным, – закончил Элос, чтобы человек мог испытывать наслаждение от угнетения себе подобных. Ведь все мы люди и в конце концов. Евреи с отчаяния кончали бы самоубийством, но их молодой пророк пробуждает в них веру в лучшие времена. По вечерам они тайком собираются под ивами. Я послушал одну из проповедей их пророка.

Забада безнадежно махнул рукой, но Устига проявлял все больше интереса к рассказу о положении у Хебара.

– Нет, дорогие мои, сказал он им обоим, – пленных евреев в общей сложности несколько тысяч человек. Их надо принимать во внимание. Чем больше рабов, тем больше слабых звеньев в цепи, на которой держится могущество Вавилона. Как видно, иерусалимские евреи понимают это, если ждут прихода Кира.

Забада нетерпеливо протянул руку за кувшином с козьим молоком. Жадно напился и произнес в ответ на слова Элоса и Устиги:

– Неудивительно, что они ждут прихода Кира, они станут ждать каждого, кто выступит против Вавилона. Тут и пророков не требуется, чтобы открыть им глаза. Я не вижу ничего необычного в том, что делается на Хебаре, и не жду от этого большой пользы. Наоборот, они могут ждать пользы от нас.

– Но ведь мы этого и добиваемся, – веско заключил Устига.

Забада иронически усмехнулся, но тут же погасил усмешку.

Разговор прекратился, и по комнатам разносился только храп спящих персов, вернувшихся из утомительных путешествий.

Устига посмотрел на Забаду, затем на Элоса.

– Не сердись, князь, – начал Забада, желая сгладить впечатление от своих слов, – но мне непонятна твоя страстность. По-моему, судьба персов и устранение несправедливостей, чинимых нам другими народами, важнее всего. Ну и будет об этом. Отдай распоряжения.

– Хорошо, согласился Устига.

– Все остается так, как ты сказал? – спросил Забада.

– Да!

– Итак, князь, мы с Элосом отправляемся в Киш? Устига кивнул.

– Перед расставанием, – предложил Элос, – поклянемся, что и впредь нашим главным оружием будет сердце, а не меч.

– Воин должен забыть о сердце, – отозвался Забада, телом и душой ярый воитель. – Пока персы были вооружены одним только сердцем, чужеземные деспоты – мидийские, ассирийские и халдейские – не давали им дышать. Когда же персы научились владеть мечом, остановилось дыхание у чужеземных тиранов. Помните об этом.

Элос, по натуре миролюбивый и кроткий человек, собрался было возразить.

Но Устига клятвенно поднял два пальца и посмотрев на соратников.

– Так и решим, братья: пусть у нас будут наготове и мечи и сердца. Пусть каждый выберет по своему вкусу оружие для предстоящей борьбы. Но он должен с помощью этого оружия победить.

– На персидском знамени написано, что персы побеждают сердцем, следовательно, я выбираю сердце, – сказал Элос.

– Я – меч! – воскликнул Забада.

– А ты, князь? – спросили оба, когда он промолчал.

– Я же поступлю так: мечом я буду истреблять, крушить, искоренять все дурное. Сердце мое будет поддерживать, созидать, прививать и защищать все хорошее. Да поможет мне Ормузд отличать хорошее от дурного.

Элос восторженно выслушал его и сказал:

– Воистину, я вижу теперь, что ты – посланец Ормузда, князь, и я буду служить тебе, как самому, Ормузду. Мы ждем твоих приказаний.

И прежде чем лечь спать, Устига отдал необходимые распоряжения – что делать Элосу, Забаде и остальным людям отряда, отдохавшим в подземных помещениях дома Синиба.

* * *

В Оливковой роще ночь прошла спокойно, а в Вавилоне с каждым часом ширилась паника.

С вечера люди собирались на площадях и, крайне возбужденные, беспорядочными толпами бродили по улицам.

В эту душную южную ночь Вавилон был похож на беспокойно кишачий муравейник. Все чувствовали тяжкий гнет на сердце, что-то мучило их, давило и сжимало грудь. Предчувствие опасности охватило всех.

Не меньшее волнение переживал в эти часы и Набусардар, бесцельно слоняясь по комнатам борсиппского дворца. В голове теснились мысли о персах, об Устиге, о Нанаи и ее помощи в аресте Устиги.

Несмотря на то, что Тека пуще глаза берегла в покоях освежающую прохладу, Набусардару казалось, что он ходит по раскаленным угольям. Он нигде не находил себе места и даже на мягких коврах и подушках чувствовал себя как на острых камнях.

Он пытался сосредоточиться на предстоящем заседании царских советников, но постоянно ловил себя на том, что думы его кружат вокруг хижины Гамадана.

Перед ним, неумолимо возникал образ неприступной и непреклонной Нанаи, лежащей в полумраке на своей постели. В туманных видениях рисовались ему ее глаза и волосы. Вновь и вновь слышались ее слова, твердые и холодные. И произносили их те же уста, которые еще недавно так пылко говорили о любви.

Он сидел одиноко в огромном зале на длинной скамье. Горел светильник в виде серебряной раковины, выложенной дорогими камнями. Пламя скупо освещало предметы, делая их очертания неясными и расплывчатыми, и в этом мерцающем свете он сам себе казался восставшим из мертвых, замурованным в склепе, из которого нет выхода.

Так сидел он на скамье, охватив голову руками и упершись локтями в колени.

– Она говорила, что любовь ее подобна пирамиде Хеопса, она также вечна. Ей следовало сказать, что любовь ее подобна бесчувственному камню.

Он поднял голову и обвел взглядом комнату, где в неверном свете колебались тени предметов.

Ему почудилось промелькнувшая тень Нанаи, он вскочил и закричал:

– Но я не хочу, чтобы ты была бесчувственным камнем, я хочу, чтобы ты меня любила, любила... и чтобы любовь твоя творила чудеса! Голос у него сорвался. Он опустил на скамью, корчась от боли и ярости.

Временами его охватывало, отчаяние при мысли, что все его усилия напрасны, как напрасны были его старания в Мемфисе, где утонченные египтянки дарили Устигу своими милостями и оказывали ему предпочтение перед Набусардаром, в то время самым богатым из вавилонян. Но он гнал эти мысли. В один прекрасный день победа будет на стороне Набусардара. Египетская красавица Ис, с цветком лотоса в смоляных волосах, с телом тела слоновой кости, восприняла его любовь как оскорбление и в отчаянии нашла смерть в водах Нила. Но Нанаи найдет его в объятиях небесное блаженство, Устига больше не будет стоять у него на пути, потому что через несколько часов Набусардар арестует его, я если не убьет его тут же, то сделает своим пожизненным пленником. Прикажет заточить его в мрачных подвалах борсиппского дворца, где тот умрет от голода и жажды.

Он захохотал – и громкий и злорадный смех гулко прокатился по огромному залу, населенному ночными тенями. Но звук собственного голоса нагнал на него ужас, и смех застыл на губах.

Он встал и нервными шагами стал мерять мраморные плиты пола, покрытого толстым ковром. При этом он говорил сам с собой:

– У тебя остались считанные часы, сын спесивого персидского тигра.

Когда ты будешь сидеть на ложе Нанаи и рассказывать ей о молодых годах своего владыки, я, сын главных халдеев и Города Городов, непобедимого Вавилона, проткну твоё тело, и ты издохнешь на моих глазах, в той же комнате, где она встретила меня презрением. Твоя смерть поразит её в самое сердце, и этот удар оставит в её душе более глубокий след, чем рана мечом. Она должна видеть, как ты испустишь дух. Впервые в жизни она убедится в бессилии своей Иштар, богини, которой её посвятили. Она, конечно, будет умолять небожительницу спасти его, но богиня любви и милосердия ответит ей бесстрастной улыбкой, так как ей одинаково приятно видеть и людские радости, и людские страдания, Так я одержу над тобой победу, князь Устига, и ценой твоей жизни спасу всех нас.

С этими словами Набусардар остановился перед стенной росписью, изображающей охоту на диких зверей. В образах охотников были запечатлены он сам и члены его знатного рода. Вот одна из сцен, где корчился в предсмертных муках тигр, раненный стрелой Набусардара.

Набусардар долго и с удовольствием смотрел на этот апофеоз силы и доблести и, наконец, произнес удовлетворенно:

– Так издохнешь и ты, Устига.

И в то же мгновение почувствовал нечто вроде укоров совести. Кто-то внезапно встал за его спиной – или ему так показалось в том состоянии горячего возбуждения, которое не отпускало его ни на минуту.

Ему явственно почудился чей-то шепот:

«Разве ты не поклялся, Набусардар, что не посягнешь на жизнь этого перса? Разве не поручился своей жизнью за жизнь Устиги?»

– Кто здесь? – растерянно спросил он. «Это я, – в муках совести ответил он сам себе, – это я, любовь, неподвластная ни морским стихиям, ни яростным ураганам пустынь».

– Что ты хочешь?

«Я не хочу, чтобы ты изменил своему слову, Набусардар»

– А ты, разве ты не изменила своей любви, ради которой я хотел жить или принять смерть?

«Бывают обстоятельства, заставляющие людей пересмотреть свои решения», – с трудом дошел до его сознания ответ.

Набусардар мрачно засмеялся:

– Вот видишь, обстоятельства изменили и мое решение. Люди отказали мне в своей любви, и даже собаки моих друзей обходят меня стороной. Но теперь мне безразличны и любовь людей, и все прочее. У меня осталась только отчизна, моя Вавилония, которую я хочу спасти. А чтобы спасти её, надо оторвать от её тела первую ненасытную пиявку, и эта пиявка – князь Устига.

«Хорошо, Набусардар, только не убивай его... Именем великих богов, твоих и моих, заклинаю тебя – не убивай его».

– Ты любишь его? – Он заскрежетал зубами. – Да, ты любишь его, и это еще одна причина, почему он должен умереть.

Ему почудилось жалобное эхо приглушенных женских рыданий где-то в дальнем конце зала, но оно тут же замерло. С этим звуком растаяло и видение рыдающей Нанаи.

И еще не раз в течение этой ночи посещали Набусардара мучительные видения.

В конце концов он уже был не в состоянии ни ходить, ни думать, ни лежать, ни спать. В нем все более властно поднималась волна яростного гнева, и ему уже не избавиться от него до тех пор, пока он не очутится перед хижиной Гамадана и не вытащит меч, чтобы пронзить им Устигу, сидящего рядом с Нанаи и повествующего о юности царя царей, великого Кира.

* * *

Задолго до назначенного часа Набусардар направил в Деревню Золотых Колосьев отряд наиболее надежных солдат вавилонской тайной службы. Там они должны разделить на группы, одни будут ждать в трактире, другие в лесу, третьи останутся у каналов, заводя разговоры с крестьянами. Ближе к назначенному времени они, встретив Набусардара, вместе с ним проследуют во двор Гамадана. Старик укроет их в хозяйственных пристройках во дворе, откуда они придут на помощь Набусардару по сигналу его трубы.

Все шло, как и было намечено, и Набусардар появился в дверях хижины как раз в тот момент, когда Устига повел неторопливый рассказ о жизни Кира.

Он сидел у изголовья Нанаи, опершись одной рукой о кровать, а другой играя ее волосами. Он накручивал себе на палец прядь ее кудрей и снова раскручивал и при этом смотрел в глаза Нанаи и видел в них свое отражение, которое словно колыхалось на сине-зеленых облаках.

Нанаи не вникала в суть его рассказа, и напрасно старался Устига завладеть ее вниманием. Мысленно Нанаи была далеко отсюда, устремившись навстречу верховному военачальнику царских войск, чтобы силой внушения предотвратить убийство Устиги. Порой в ее душу закрадывались сомнения, действительно ли гонец имел право давать обещания и именем Набусардара ручаться за жизнь персидского князя. Впрочем, он ясно сказал ей, что уполномочен решать все военные вопросы.

Она вспоминала слово в слово торжественное обещание посланца: «Набусардар ручается честью и жизнью за жизнь этого перса».

Снова и снова Нанаи повторяла про себя эти слова, но сомнения не проходили.

Она заранее страшилась минуты, когда в дверях покажется сам Набусардар. Впервые в жизни она увидит его. Впервые в жизни она встретится с тем, о ком грезилась днем и ночью, пока не познакомилась с Устигой. Великий и непобедимый Набусардар впервые в жизни глянет ей в глаза. Впервые в жизни встретятся их взоры.

Сердце рвалось у ней из груди, кровь бурлила в жилах, стучала в висках.

Она считала часы по движению тени от тростникового навеса. Когда тень приблизится к ее колышку, можно ждать появления верховного военачальника, который придет арестовать Устигу. С того момента, как Устига пересек порог ее комнатки, она ни на секунду не забывала о своих часах. Нанаи напряженно следила, как тень подкрадывалась к вбитому в землю колышку. Мысленно она уже много раз переживала мину ту, когда тень коснется роковой черты. И всякий раз от страха закрывала глаза, отдаваясь на милость великих богов. Однако назначенный час еще не наступил. Она открывала глаза и с облегчением убеждалась, что все ей просто грезится.

Как ни старалась она скрыть волнение, оно в конце концов передалось Устиге, и он спросил:

– Что с тобой сегодня, Нанаи? Ты чем-то встревожена? Может быть, тебе не интересно то, о чем я рассказываю? Тогда скажи, и я замолчу.

– Нет, нет, – вздохнула она, – рассказывай дальше, князь.

Он продолжал свой рассказ, а она опять не сводила взгляда с тени у входа.

В конце концов тень добралась до означенной черты, и в тот же миг Нанаи услышала стук копыт. Она заволновалась и привстала на постели.

Устига помог ей подняться и нежно улыбнулся. Нанаи хотела улыбкой поблагодарить его, но улыбки не получилось.

Сказала только:

– Князь, прими мою благодарность за все, что ты для меня сделал. Сохрани добрую память обо мне, как я сохраню о тебе.

Эти слова, которыми она перебила его рассказ, очень удивили Устигу.

Нанаи продолжала:

– Что бы ни случилось, навсегда запомни, что моей самой сильной любовью была любовь к родине, родина для любого из Гамаданов дороже всего.

– Что ты хочешь этим сказать? – недоуменно спросил он. – Не собираешься ли ты вновь доказывать, что мне не удалось убедить тебя?

Она молчала, напряженно прислушиваясь к приближавшемуся стуку копыт.

Устига тем временем продолжал:

– Я уже говорил тебе, что готов заpastись терпением. Если бы я хотел прибегнуть к мечу, я давно бы уже добился тебя, но победы оружия всегда скоротечны. Ты сказала, что, полюбив во мне человека, ты не перестанешь ненавидеть меня до тех пор, пока персы сеют смуту в Халдейском царстве. Я уверен, что ты будешь на моей стороне, когда убедишься, что персы думают не о завоевании твоей родины, а о восстановлении у вас справедливости. Разве ты уже забыла, что Халдейское царство полно несправедливости, страданий и бесправия?

Но все, что он говорил, проходило мимо нее; она прислушивалась к тому, что делалось во дворе, – там кто-то спрыгнул с коня, звякнув коваными наколенниками.

Ни Устига, ни Нанаи больше ничего не успели сказать – в дверях появился Набусардар, как и в прошлый раз, в парадной одежде простого военачальника.

Первой его увидела Нанаи, и в охватившем ее смятении в ней родился проблеск

надежды, что гонец окажется более милосердным, чем сам Набусардар. Вместе с тем она была разочарована, что Набусардар не приехал и на этот раз, она опять не увидит его.

Набусардар, продолжая играть роль посланца верховного военачальника, поздоровался:

– Привет вам!

Нанаи не нашла в себе силы ответить ему. Устига обернулся и, увидев перед собой халдейского военачальника, встал, почуяв недоброе. Набусардар не знал, на кого смотреть.

Он увидел Нанаи, и на этот раз она вовсе не казалась ему холодной и бесстрашной. Напротив, лицо ее светилось любовью, и он снова почувствовал ее власть над собой. Но долг повелевал ему сохранять хладнокровие. Он резко перевел взгляд на Устигу.

Несомненно, это он, святоша из Мемфиса, поражавший остротой своего ума. В высшем военном училище ему прочили блестящую карьеру, хотя с первого взгляда всех обманывала его внешность святого. Знаящие его не могли понять – за счет ума или изворотливости ему удалось так быстро добиться признания высокопоставленных египтян. Сколько зависти возбуждал тогда в Набусардаре этот юноша, но теперь он без долгих слов уберет его с дороги.

Устига непроизвольно положил руку на рукоять меча и ждал. Он узнал в прищельце Набусардара и понял, что минуты его сочтены. На лбу у него. вздулись жилы, выступившие над глубокими глазами, подобно утесам над бездонными озерами. Появление Набусардара встревожило его, но он настолько владел собой, что в голосе его, когда он заговорил, не было и тени волнения.

На чистом халдейском языке он ответил Набусардару:

– Привет и тебе, царский гонец.

Набусардара привели в ярость и спокойный тон Устиги, и его лицемерие, с которым он назвал его царским гонцом, хотя не мог не узнать Набусардара. Может, он и в самом деле не узнал его? Но на догадки времени не было, и Набусардар немедленно приступил к делу.

Он обратился к нему суровым тоном:

– Именем закона Халдейского царства ты, князь Устига, отныне пленник Вавилона.

Устига сжал губы и собрал всю свою волю. Он отлично понимал смысл происходящего. Мысль его лихорадочно работала в поисках выхода.

Набусардар прервал его размышления:

– Я требую, чтобы ты отдал мне свой меч.

– Ты должен взять его сам, – ответил Устига и, обнажив меч, встал против Набусардара.

Обнажил меч и Набусардар и, с силой взмахнув им в воздухе, устремился на противника.

Устига сперва уклонился от удара, потом стал стремительно наступать.

С лязгом сошлись клинки, из-за тесноты маленького помещения они то и дело оказывались в угрожающей близости от тел.

Сжавшись на постели, Нанаи наблюдала поединок. Минутами ей казалась в опасности то жизнь гонца, то жизнь Устиги. Острия клинков сплелись в клубок молний. Оказалось, что святоша превосходна владеет мечом, – не однажды во время поединка жизнь Набусардара висела на волоске. Устига молниеносно наносил удары, целясь то в голову, то в грудь противника. Набусардар отчасти устал после дороги, но главное, ему давно не приходилось орудовать мечом. В последние годы халдейские военачальники носили оружие только для украшения, тогда как персидская армия уже несколько лет вела войны. Единственным спасением Набусардара было призвать своих солдат. Он с трудом улучил момент и, приложив к губам трубу; дал сигнал.

В тот же миг в комнату ворвались солдаты.

Теперь не стоило большого труда схватить Устигу, который все не хотел сдаваться и упорно отбивался мечом. Все усилия были напрасны, он вынужден был уступить явному перевесу врага.

Набусардар, весь потный, с небольшим порезом на лбу, приказал связать Устигу.

Один из солдат плюнул Устиге в лицо – так поступали с побежденным врагом.

Нанаи тотчас вскочила с постели и, растолкав солдат, подбежала к Набусардару. Она напомнила ему, что Устига принадлежит к знатному роду, и потребовала, чтобы с ним обходились учтиво.

– Он наш пленник, – равнодушно отвечал Набусардар, – и мы можем делать, с ним что угодно.

– Не забывай, – не отступала Нанаи, – что ты всего лишь посланец верховного военачальника его величества и не имеешь таких прав, как Набусардар. Кроме того, я тоже имею право требовать, чтобы с пленником не случилось ничего плохого.

– Ты слишком заботишься о нем, – расхохотался он, стирая кровь со лба. – Знай, однако, что все, что тут делается и будет делаться, справедливо.

– Что ты задумал?

– Увидишь сама, дочь Гамадана, – сказал он холодно, – ты сейчас все увидишь сама.

Потом он обратился к солдатам и приказал:

– Привязать к коню!

Солдаты схватили связанного Устигу, а Набусардар с усмешкой сказал Нанаи:

– Я разрешаю тебе проститься с ним – это единственное, что я могу для тебя сделать.

Нанаи опустила глаза и закусил губы, но не нашлась, что ответить. Она подошла к Устиге и, став перед ним на колени, вытерла рукавом своего платья его лицо.

Устига смотрел на нее с немым упреком, с выражением бессильного гнева на лице.

Он понял, почему все это произошло. Нанаи любит в нем человека, но ненавидит врага. Потому она и подчеркнула, что родина для нее дороже всего, как и для любого в роду Гамаданов. Только это могло оправдать в его глазах ее предательство. Но ведь он был готов ко всему, и даже это вероломное нападение не очень удивило его. Накануне, когда он сделал Забаду и Элоса своими преемниками, он инстинктивно предвидел подобный исход. Забада и Элос продолжают его дело. Он жертвует жизнью ради родины, как жертвовал жизнью ради родной Персии каждый из рода Устигов. Он всегда готов

отдать жизнь за родину, и теперь ему не о чем печалиться. На этом его деятельность кончилась. Несколько преждевременно, но, по крайней мере, его ждет смерть, какую он сам для себя избрал. Последний из Устигов достойно завершит историю своего рода, – значит, все в порядке.

Так он думал, но, когда Нанаи склонилась над ним, его решимость заколебалась.

Нанаи почувствовала, какая внутренняя борьба происходит в его душе, и прошептала:

– Князь...

– Нанаи... – произнес Устига, пытаясь улыбнуться.

– Князь... – тихо повторила Нанаи.

Ничего другого они не сумели сказать.

Набусардар издали наблюдал эту сцену. Желваки ходили у него на скулах. Потеряв наконец терпение, он повторил приказ:

– Привязать к лошади!

Солдаты бесцеремонно оттолкнули Нанаи – в их глазах она была всего лишь дочь простого крестьянина – и потащили Устигу, туго перетянутого веревками. Затем конец длинной бечеvy они привязали к седлу коня. Тело пленника будет волочиться по земле, Набусардар избрал для него такую казнь.

Между тем к дому Гамадана сбежалось полдеревни. Среди них были царские и эсагильские надсмотрщики, и здесь не выпустившие из рук палок и хлыстов. Кошка забралась на самый верх тростникового навеса и оттуда шипела и фыркала на солдат. В хлеву блеяли овцы, тревожно кричал петух. Старый Гамадан караулил солдатских лошадей и делал вид, что не имеет никакого отношения к происходящему. Когда крестьяне приставали к нему с расспросами, он отвечал, что по воле великого Энлиля в его доме творятся какие-то чудеса.

Сначала никто ничего не знал о связанном человеке. Среди собравшихся было немало тех, кто втайне ждал прихода Кира, и они с радостью вступились бы за Устигу. Но были и такие, в ком вдруг вскипела горячая халдейская кровь, и они принялись швырять в пленника камни, узнав, кто он.

Нанаи возмущало, что гонец, от имени Набусардара поручившийся за жизнь Устиги, теперь позволяет забрасывать его камнями и распорядился привязать его к лошади, чтобы покончить с ним.

Но до поры до времени Нанаи скрывала, что у ней на уме. Незаметно вернувшись к себе в комнату, она вытащила из-под матраца кинжал и, сунув его за пояс, направилась к Набусардару. В этот момент мимо нее пролетел камень и попал Устиге в ногу. Кто-то из толпы натравливал на пленника собаку.

Нанаи твердо помнила одно: она дала слово персидскому князю и теперь должна спасти ему жизнь.

Поэтому она обратилась к Набусардару:

– Господин, ты говорил, что уполномочен решать военные дела вместо Набусардара и его именем обещал не нарушать обычая – даровать жизнь за спасение жизни. Прошу тебя, не забывай своих слов.

– Ты просишь оставить перса в живых только для того, чтобы не был нарушен закон

халдеев? – спросил он хмуро.

Нанаи ответила:

– Не только поэтому.

– Почему еще?

– Князь Устига был гостем нашего дома. Жизнь гостя неприкосновенна.

Еще ни один халдей не преступил этого закона.

– Очевидно, потому, что не было поводов нарушить этот закон. Ты утверждаешь, что превыше всего любишь родину, а сейчас тебе дороже какой-то Устига. Заклинаю тебя памятью твоего доблестного дяди Синиба – верни мне мое слово, потому что я не могу посту пить иначе.

– Не хочешь ли ты сказать, что получил такой приказ от непобедимого Набусардара и теперь его именем нарушаешь законы Вавилона? Или Набусардар хочет дать понять, что законы действительны только для бедноты, а для знатных людей не существуют?

Набусардар в ответ зло взглянул на нее.

Шумя и переговариваясь, люди подступали все ближе к дому.

Одни восхищались смелостью Нанаи, бросившей в лицо царскому гонцу, что вельможи не соблюдают законов. Они готовы были прийти ей на выручку, если бы он приказал солдатам наказать девушку, Другие, напротив, так и ждали, не понадобятся ли царскому посланцу их услуги. Если Нанаи привлекут к суду за оскорбление представителя власти, можно будет рассчитывать на щедрость Вавилона.

Но Нанаи не обращала внимания на ругань и не искала сочувствия.

Она выхватила из-за пояса кинжал и, без боязни глядя на гонца, сказала:

– Тогда знай, господин, что у любого из Гамаданов смелости не меньше, чем у царских гонцов.

С этими словами она выбежала из толпы и одним ударом рассекла канат, которым Устига был привязан к лошади.

Ее тут же схватили солдаты.

– Что прикажешь с ней делать?

– Связать! – был ответ Набусардара. Но тут подоспел Гамадан. Он упал в ноги военачальнику и запричитал:

– Она молода и безрассудна, благороднейший господин. Будь милосерден, и боги будут милосердны к тебе. Наша семья оказала тебе немалую услугу, не требуя взамен награды. Возьми себе перса и поступай с ним по своей воле, но помилуй мою дочь.

Нанаи прервала его:

– Я не нуждаюсь ни в чьей милости. – Она смерила презрительным взглядом царского гонца и прибавила: – Видно, правду говорят, что честь и справедливость в нашей стране могут ждать защиты только от чужеземцев.

Набусардар, сам будучи невысокого мнения о чести и справедливости в Вавилонии,

пришел в страшное негодование. Слова Нанаи возмутили его прежде всего намеком на воззвания Кира, которые распространяли приверженцы персидского владыки и вернейший среди них – Устига. Выходит, она помыслами заодно с этим персом, ему же, Набусардару, не оказывает никакого почтения, хотя ее жизнь может оборваться, стоит ему лишь дать знак. Но он тут же спохватился – ведь Нанаи не подозревает, кто скрывается под личиной царского посланца! Может быть, знай она, что имеет дело с самим Набусардаром, девушка вела бы себя иначе.

Он пытался разобраться в своих чувствах.

Выходит, несмотря ни на что, она не безразлична ему. Он, гордый, облеченный властью вельможа, робеет при одной мысли, что навсегда потеряет Нанаи. И не о его ли любви скорее можно сказать, что она несокрушима, подобно пирамиде Хеопса? Он размышлял об этом, глядя на Нанаи, которую грубо держали его солдаты. А ее признания в Оливковой роще и обещание выдать Устигу только самому Набусардару, так как лишь он один имеет на него право? Отчего именно Набусардар имеет исключительное право на персидского князя, который олицетворяет собой угрозу свободе Халдейского царства? Не потому ли, что Нанаи втайне все-таки любит Набусардара, и в этом проявляется ее любовь? А может быть, Нанаи убеждена, что только Набусардар истинный спаситель ее родины?

Эта догадка обратила его мысли к Вавилону, где он разом проиграл все и вышел из игры нищий и всеми покинутый. И он затосковал о Нанаи, в ней, только в ней видел он надежного, преданного друга. Зачем же он выставил на позорище ту, для которой в его дворце приготовлены палаты, роскошные одежды и драгоценные украшения? Нанаи преподала ему урок не только подлинной любви к родине, но и мужества, и верности своему слову. Она ведь требует одного – чтобы и он сдержал слово. А он ведет себя как негодяй и на ее глазах вершит казнь над Устигой.

Все это вихрем промелькнуло у него в голове, и он решил повернуть дело иначе.

Кстати, Гамадан все еще валялся у него в ногах и умолял сжалиться над Нанаи.

И Набусардар сказал:

– Вавилон в самом деле многим обязан дому Гамадана, и поэтому я помилую твою дочь.

Но когда полководец приказал солдатам отпустить девушку, она вызывающе воскликнула:

– Я не прошу твоей милости!

– Что же ты просишь, дочь Гамадана? Он едва сдерживал себя.

– Жизнь за жизнь, – смело отвечала она, – больше ничего. Но я убедилась, что для вавилонянина слово чести подобно сухому листу на ветру, и потому я уже ни о чем не прошу тебя. Попробую убедить тебя делом.

Освободившись от цепких солдатских рук, она встала перед ним, величественная, как царица.

Такой она снилась ему во сне. И сейчас, наяву, она смотрела на Набусардара с высокомерием повелительницы мира. Это было уже слишком, в нем разыгралось уязвленное самолюбие первого после его величества царя Валтасара халдейского вельможи.

Не зная, как смирить Нанаи и чем вернуть ее расположение, он спросил:

– Знаешь ли ты, с кем разговариваешь?

– Знаю, – ответила она, – с посланцем его величества, с гонцом победоносного Набусардара.

– А если б перед тобой был сам Набусардар? Он ожидал, что Нанаи смутится. Но она лишь прищурила глаза и высокомерно заметила:

– Будь ты даже царем, дочь Гамадана не покорится тому, кто преступает законы справедливости и нарушает слово!

– Мы встретимся еще! – только и нашелся ответить ошеломленный Набусардар.

Никто не догадывался, что происходило в его душе. После слов Нанаи. Как бы то ни было, он передумал и решил доставить Устигу в Вавилон живым, поэтому распорядился привязать его к подбрюшнику своего коня.

Вскочив в седло, он взмахом меча дал знак солдатам следовать за ним. Кавалькада всадников устремилась в сторону Вечного Города. Телохранитель Набусардара ехал с поднятым над головой мечом персидского князя в знак одержанной победы.

Толпа провожала их глазами.

Тут же стояла смятенная Нанаи, прислушиваясь к удалявшемуся топоту коней, пока он не затих совсем. Толпа начала расходиться. Нанаи подняла наконец голову и посмотрела в том направлении, куда Набусардар увез Устигу.

Рядом с ней упал брошенный кем-то камень, за ним второй. Она отнеслась к этому безучастно, не обращая внимания на тех, кто с радостью закидал бы ее камнями. Это могли быть и сторонники Кира, не простившие ей выдачи Устиги Вавилону, и халдеи, жаждавшие расправы за то, что она дерзнула перечить Набусардару и заступилась за перса.

Нанаи не придавала значение тому, что творилось вокруг. Она сосредоточенно смотрела вдаль, где рассеивались последние клубы пыли. Картина умиротворения в природе – и ураган мыслей и чувств, не затихающий в душе Нанаи. В нем слились горечь разочарования и торжество победы, радость и рыдания.

Она долго еще стояла с отрешенным видом, не выпуская из рук кинжала. Спадало душевное напряжение, и гамадановская отвага покидала ее. Мысленно пережив еще раз все случившееся, она удивилась, откуда у нее взялись силы, ей не верилось, что все это было. Нанаи показалась себе вдруг беспечной девочкой, которая бегаёт за овцами по лугам и слушает пеньё жаворонков.

Но страшная опустошенность в душе и слабость, как будто почва ускользала у ней из-под ног, настойчиво возвращали ее к действительности. Вдруг острая боль пронзила раненое плечо, и в глазах у нее потемнело. Она испугалась, что ей не хватит сил дойти до своей постели, крикнула:

– Отец! – и пошатнулась.

Еще один камень упал у ее ног. Как знать, возможно, ее забросали бы камнями, если бы не Гамадан, выбежавший из хижины, где он молился после отъезда Набусардара всемилостивейшим богам за оказанную поддержку.

Проводив обессиленную Нанаи в дом и уложив в постель, он сказал:

– Помолись и ты, дитя добродетельнейшей Дагар, которую среброликий Син призвал в царство вечной радости, возблагодари всемилостивейшего Энлиля за то, что он оказал тебе свое божественное покровительство и помог одолеть паршивого перса, которого доблестный Набусардар отправит в царство теней жрать глину и прах земной. Вознеси свою молитву всеблагодарному Энлилю, пусть он прикажет своим демонам развеять тело кровожадного Устиги по всем уголкам мира, чтобы Ормузду никогда не удалось собрать

воедино куски этого бешеного шакала.

Она лежала на постели, слушала отца, и каждое его слово впивалось в нее острым ножом. Не стоило труда объяснить отцу, что представлял собой Устига, – отец этого никогда не понял бы. Все это она должна держать про себя, запрятав глубоко в душе.

В ее сознании возник туманный облик Устиги, который вернулся к ней, снова примостился у ее изголовья, чтобы досказать повесть о юности царя Кира. Как ни в чем не бывало он играет ее кудрями, наматывая пряди себе на пальцы. С нежной улыбкой смотрит ей в лицо и говорит: «Тебе сейчас очень одиноко, Нанаи?»

Она кивнула.

«Если б меня не схватили, я бы все время был с тобой. Я мог бы всегда сидеть рядом с тобой, если бы интересы твоей родины и моей не разделили нас».

Она придумывала слова оправдания и, повинувшись какому-то внутреннему побуждению, закрыла одной рукой глаза, а другой отгоняла от себя навязчивые видения.

Старый Гамадан, увидев поднятую руку Нанаи, подошел к ней, думая, что она зовет его. Но она ни о чем не просила. Нанаи никогда не питала к отцу особо теплых чувств, и кто знает, может, и правду поговаривали люди, будто Нанаи – дочь Синиба, которого втайне любила ее мать Дагар. Не потому ли Дагар и утопилась в Евфрате после его казни? Нанаи бессознательно больше льнула к дяде Синибу, чем к родному отцу. Они жили с Гамаданом под одной кровлей, но Нанаи нередко тяготилась этим. Она относилась к нему с почтением, но никогда не ждала от него ласки. И сейчас она поспешила убраться руку, чтобы он не коснулся ее.

В присутствии Гамадана сознание отчужденности становилось в ней еще сильнее.

В мертвой тишине она слышала только стук своего сердца да бормотанье старца, возносившего молитвы великим халдейским богам.

– Благодарю вас, владыки земли и неба, – шептал он, – что вы помогли моей дочери выдать персидского шакала. Вы снова показали, что все делается по вашей праведной воле и что нет богов сильнее вас. Священна ваша воля, справедливы ваши деяния, и око ваше всевидяще.

* * *

Весть о поимке персидского шпиона привела в еще большее волнение и без того беспокойный Вавилон.

Набусардар вихрем влетел во внутренний двор своего борсиппского дворца с Устигой, притороченным к подбрюшнику его лошади. Сперва он собирался допросить его в доме командования армии, но потом раздумал и оставил Устигу у себя, приказав запереть в одном из подвалов борсиппского дворца. У дверей темницы был поставлен усиленный караул, которому было предписано никого не пускать к пленнику, кроме преданной Набусардару Теки. Она должна была носить ему пищу и следить за тем, чтобы Устига добровольно не уморил себя голодом.

Тека тряслась всем телом, когда ее богочтимый и богоподобный Набусардар угрожал ей

самыми страшными карами, если по возвращении из Вавилона не застанет Устигу в полном здравии. Он поклялся всеми семью демонами, что не оставит в живых ни одного человека во дворце, если с персом что-либо случится.

Набусардар по зрелом размышлении понял, насколько важно для него сохранить Устиге жизнь и как безнадежно он испортил бы себе все, если бы расправился с ним немедленно. Показания Устиги будут одним из красноречивейших доказательств враждебных замыслов персидского царя. Его снедали тревожные опасения при мысли о необходимости оставить дворец и ехать на заседание государственного совета. Что, если он не застанет Устигу живым? Эти страхи привели его в состояние крайнего раздражения, что сразу почувствовала на себе вся прислуга.

Рассыпая угрозы, злобно сверкая глазами, покинул он Борсиппу и поспешил в свой вавилонский дворец, который отличался истинно княжеской роскошью и где госпожой была Телкиза. Отсюда он собирался отправиться прямо на совещание, час которого неумолимо приближался.

Не один Набусардар, но и весь царский дворец был охвачен необычайным волнением. О совещании шептались во всех уголках Муджалибы. С утра во дворце только и было разговору что о совещании, к нему готовились все невольники, повара, водоносы, садовники, пажи, царские чиновники, царские советники и сам царь.

Больше всего волновало оно женскую половину дворца, где наложницы царя – а их было без малого около тысячи – коротали минуты вынужденной верности в сплетнях и развлечениях. Все они, ради подарков и золота, соперничали между собой в борьбе за благосклонность и любовь Валтасара, однако любая из них не задумываясь, готова была ему изменить. Их любовь к повелителю была лицемерной, и не одна из них втайне вздыхала о победоносном Набусардаре. Вечные пленницы золоченой тюрьмы, они мечтали о сильных мужских ласках, на которые изнуренный сладострастием царь был неспособен. Пренебрегая угрозой смерти, наложницы царя изыскивали всевозможные лазейки, чтобы обмануть своего повелителя. И по крайней мере, мысленно каждая из них изменила ему бесчисленное множество раз.

Одна царица верно и свято соблюдала свой супружеский долг, и царь несправедливо подозревал ее в любовных интригах с еврейским пророком Даниилом.

Накануне важных государственных событий царица не отпускала Даниила от себя. Она искала опоры в его мудрости и щедром на доброту сердце. Царица чувствовала грозящую со стороны Кира опасность и тревожилась за судьбу державы. Она перебирала в памяти все виденные ею вещи сны и требовала от пророка их толкования. Кто же, как не он со своей премудростью, объяснит скрытый смысл вещей и предскажет неведомое?

В тревоге расхаживала она перед ним. Каждый ее жест выдавал не покидавшее ее ни на миг волнение. Картины расправы торжествующего врага над побежденными преследовали ее. Она затыкала уши, чтобы не слышать рыданий, которыми будет охвачен Вавилон, прикрывала ладонями глаза, чтобы не видеть усеянные трупами улицы и крыши домов. Собрав всю свою волю, она отгоняла эти видения и твердила себе усвоенное еще с детства, что Вавилон непобедим. Напрасно она утешала себя, чувствуя, насколько призрачны ее надежды. Единственной ее поддержкой был Даниил.

– Друг мой, – сказала она ему, – я все больше падаю духом. В особенности с тех пор, как и ты стал считать персидскую опасность весьма серьезной. Твои доводы столь основательны, что только глупец может в них сомневаться. И тем не менее я желала бы предотвратить опустошительную войну и кровопролитие. Я желала бы спасти Халдейское царство. Подумаем над этим вместе, друг мой.

Она села на покрытую шелком скамеечку и Даниилу приказала сесть.

– В последнее время охватило меня отчаяние, хотя это и не достойно царицы, –

заметила она высокомерно, – но, по-видимому, цари тоже всего лишь люди; отчаяние подсказало мне принять веру в твоего бога, если он спасет царство. Я готова молиться ему и одарить его золотом. Сколько нужно твоему богу?

По лицу Даниила пробежала тень. Он старался сдержаться.

– О царица, – укоризненно покачал головой Даниил. – Ты должна принести не золото, а чистое сердце и чистую душу. Ты обязана не перед богом, а перед жизнью.

– Я не понимаю тебя, Даниил.

– Научись отличать хорошее от дурного.

– Но каким образом я могу отличить чистую душу от низменной, доброе сердце от злого? – с недоумением возразила царица. – Сердце недоступно глазу, и душа невидима.

Даниил улыбнулся.

– Сердца людские подобны колодцам, со дна которых бьют ключи – прозрачные или мутные. О колодцах мы судим по их ключам. Сердце же людей распознаем по их деяниям. От чистого сердца исходят деяния чистые и добрые, от злого – деяния грязные и злые. Нет, ваше величество, ничто на свете не укроется от нашего взора и ничто не устоит перед нашей волей, было бы только желание видеть и действовать.

Она не могла согласиться с ним, слова пророка раздражали ее. К тому же он отвлекал ее внимание от главной цели. Разве мало того, что она, повелительница Халдейского царства, снизошла до признания Ягве? Что еще нужно от нее этому богу нищих пленников? Ведь даже евреи знатного происхождения отступаются от него и начинают поклоняться Мардуку. В ней возмущалась гордыня, которую она не могла подавить в себе даже в преддверии тяжких испытаний.

Она резко встала и подозрительно взглянула в лицо Даниилу. Потом недовольно сказала:

– Ты утверждаешь, что ничто не укрывается от людского взора. В таком случае я хочу увидеть твоего бога, если он существует.

– Я не солгал тебе, он жив в нашей совести.

– Ты говоришь, что совесть пробуждает человеколюбие. Так ведь и я из человеколюбия хочу спасти державу. Разве этого мало?

– Спроси свое сердце с пристрастием, царица, и ты увидишь, что не для народа, а для себя печешься ты о спасении царства, ибо приятно сознавать себя могущественной повелительницей. Если бы ты пеклась о благе народа, ты приказала бы отворить царские житницы и раздавала зерно голодающим, приказала бы открыть бочки с оливковым маслом из дворцовых запасов и разлила его по пустым кувшинам вавилонской бедноты. Если бы ты пеклась о народе, ты разделила бы царские уголья между безземельными крестьянами и снизила высокие налоги. Только халдейский люд поможет тебе спасти державу, если ты освободишь его от рабского ига, в противном случае взор твоего народа будет устремлен за Евфрат, где стоит со своей армией Кир, в котором он видит избавителя.

– Если верить твоим словам, правительницы израильские и иудейские так именно и поступали. Однако народ в твоём отечестве был поработан, как и в плену у вавилонян, – сказала она и оперлась рукой о стол эбенового дерева, словно под тяжестью свалившихся на нее забот.

– Ты права, – подчеркивая каждое слово, ответил Даниил; – Царь, жрецы и знать живут в роскоши и изобилии, а народ, нагой и голодный, надрывается на принудительных работах под бичами надсмотрщиков, поставленных царем, жрецами и знатью. Не в одном Вавилоне, но и у евреев так было. Однако все имеет свое начало и свой конец. Кто притесняет других, кто обрекает людей на нищету и голод, тот – запомни это, царица, – готовит бич для самого себя и сам узнает однажды нищету и невзгоды.

«Если справедливы слова Даниила, – подумала она, – то иерусалимская знать должна бы понести кару за свои преступления и жить в Вавилоне хуже последних невольников, – но это не так! Они нашли пути к богатству и в Халдейском царстве, слились с вавилонской знатью, расположили к себе жрецов, потому что, мол, не только Ягве, но и Мардук благоволят им. Во время своего царствования Набонид многим евреям дал высокие посты при дворе. Они нажили состояние, понастроили себе дворцов не хуже, чем у халдеев, носят роскошные одежды, живут на широкую ногу, приносят дары богам Вавилона и развлекаются в священных рощах богини сладострастия, как и халдеи». Высказав это Даниилу, она заключила:

– Возможно, твоя мудрость не совершенна и ты заблуждаешься, дорогой друг. Не все стройно в твоём учении.

Довольная, что удалось уязвить его, она жадно ждала ответа. Ей даже стало легче на душе. Спокойным жестом, садясь, она расправила платье.

– Ты права, – согласился пророк... – наши князья, наша знать обзавелись дворцами, нарядами и золотом и сравнялись в богатстве с халдеями. Но, – Даниил предостерегающе поднял палец, – они лжесвидетельствуют в суде и дают взятки властям предержащим; подобно халдеям, живут потом и кровью бедноты, подобно халдеям, и единственный бог для них – их ненасытное чрево. Они обходят стороной вдов и сирот, но приносят щедрые дары бездушным идолам. Вот почему в Судный день их постигает кара, уготованная всем жителям Вавилона, и участь их будет ужасна!

Последние слова он произнес так убежденно, что царица внутренне сжалась и страдальчески уставилась на Даниила.

– Да, ужасная судьба ждет Вавилон в Судный день, – повторил Даниил. Убежденность пророка поселила ужас в душе халдейской повелительницы и сломала остатки ее самоуверенности.

Как безмятежно жила она еще совсем недавно, тешась иллюзиями о непобедимости Вечного Города. Как уверенно ходила она по дворцовым покоям. А теперь ложится спать с тревогой в сердце, а утром просыпается с еще большей тревогой. И нет ей ни в ком опоры. В эти тревожные дни один владыка державы занят тем, что строит храмы богам и отыскивает следы первых династий в развалинах древних дворцов, другой живет в ожидании финикийских кораблей с кипрскими красавицами. Великий Мардук равнодушно взирает на добро и зло, а божественная Иштар равно улыбается и любви и ненависти. Даже Ягве, в которого она готова поверить, как поверил когда-то Навуходоносор, не предотвратит гибель Вавилона, так как, будь это в его власти, он прежде всего не допустил бы падения Иерусалима и спас бы свой народ от плена.

– Конечно, Ягве не допустил бы падения Иерусалима, – заметила она вслух, – если бы он был таким могущественным, как ты утверждаешь, дорогой Друг.

Даниил едва заметно отрицательно покачал головой, обдумывая свой ответ.

Оба невольно прислушивались к суете в соседних залах, вызванной приготовлениями к совещанию.

Их смутил было звук шагов за дверью, но это оказались дворцовые рабы, убиравшие залы под надзором управителя.

Даниил первым нарушил молчание и вернулся к сомнениям царицы в могуществе Ягве.

– Иерусалим пал не потому, что слабым был наш бог, царица. Мы были слабы. Но ваше величество еще убедится в истине моих слов о том, что ничто не вечно. Придут добрые времена и для моего народа. Мы снова вернемся в страну наших отцов, будем бросать зерна в собственную землю и подвязывать лозы на собственных виноградниках.

Она нервно провела рукой по лбу и спросила:

– Ты рассчитываешь на персов?

– Царица, ты всегда больше доверяла доводам разума, чем превратным толкам, – убеждал он ее, – постарайся понять меня. Когда человек страдает, он не выбирает средств, чтобы избавиться от страданий. Вавилон не отпускает пленников-евреев на родину. Известно тебе почему, царица? – спросил он и сам объяснил: – Потому, что ему нужны рабы, без них он падет точно так же, как и от меча врагов. Царь Валтасар упорно не принимает наших выборных, которые просят об освобождении евреев из плена. Я тоже добивался аудиенции его величества по тому же поводу – и всегда бесполезно. Мы выплатили бы большую дань за свое освобождение. Наша земля в изобилии родит ячмень, пшеницу и просо; вина у нас больше, чем воды, меда больше, чем молока, оливкового масла хватило бы не на одно, а на три поколения вперед. Наш народ славится своим умением возделывать землю, а из чувства благодарности за освобождение его усердие возросло бы вдвое. Наши ремесленники превосходят искусством всех на свете. Самые красивые изделия – из шерсти и льна, узорчатые ткани и кожу – мы отправляли бы в Вавилон. Но царь Валтасар не желает выслушать нас.

– Я знаю, Даниил, – вздохнула царица, – воля владыки непреклонна. Чтобы доставить тебе радость, я недавно тоже просила его за евреев. С тех пор он возненавидел меня и подозревает, что я в сговоре с тобою против него. Я его очень просила, хотя... – с грустью добавила царица, – хотя мне жаль расставаться с тобой. Я даже не могу себя представить, что тебя не будет в Вавилоне. Мне будет очень недоставать тебя.

В самом деле, только и было у царицы отрады, что беседы с Даниилом. Он единственный понимал движения ее души. Чем грознее сгущались тучи над Халдейским царством, тем необходимее была ей поддержка Даниила. Она ценила его мудрость и в последние дни ждала от него важной услуги – она просила открыть ей, что ждет народ Вавилонии в будущем. Даниил всякий раз отказывался, и, по-видимому, не без причин. Царица решила выпытать это у него еще до начала совещания.

И тут она вспомнила, что это и было главной целью ее сегодняшней встречи с Даниилом. Пусть он развеет ее страхи и опасения. Она верила, что в сосуде с водой и елеем перед статуей богини можно прочесть судьбу Халдейского царства.

– Ты же видишь, – вкрадчиво говорила она, – царица просит тебя: освободи ее от терзаний и скажи ей, какой суд вынесли боги над Вавилоном. Пойдем со мной в святилище Иштар, облегчи мои муки и страдания. Неизвестность невыносима для меня. Открой мне грядущее, я должна его знать, – убеждала она страстным шепотом, молитвенно протягивая к нему руки.

И, видя, что пророк стоит недвижим, скорбно заключила:

– Может быть, ты, как правоверный еврей, боишься увидеть лик небесной Иштар, моей покровительницы, богини моего народа?

– Я не боюсь идти к тем, – серьезно ответил он, – кто держит в руках смертоносный меч, чем же испугает меня твоя вечно смеющаяся богиня?

– Не хочешь ли ты сказать: царица, твоя вера безумие, но я чту его, потому что оно кроткое и безобидное.

Он удивленно поднял брови.

– Мне известно, дорогой друг, – торопливо продолжала она, не давая ему возразить, что ты думаешь о той, с губ которой не сходит улыбка. Возможно, и я однажды паду ниц, как это сделал Навуходоносор, перед твоим богом – я повелительница халдейского царства. Может быть, этим я смягчу твое сердце?

– Видимо, для человека нет большего несчастья, чем иметь в груди гордое и беспокойное сердце, ваше величество. Ведь я всего лишь пленник Вавилона, как всякий другой из иерусалимских пленников, и ты можешь повелевать мною. Но плен тьмы для мудрости хуже плена вавилонского.

Он встал с огорченным видом.

– Пойдем же в святилище Иштар, ваше величество. Она не успела задуматься над его словами. Лицо ее порозовело от волнения – наконец-то он уступил. Воодушевленная, она поднялась и велела сопровождать ее.

Только по дороге она напомнила:

– Ты заключил наш разговор в комнате оскорбительными словами, но царица прощает тебя.

Они вошли в святилище, где пламя золотых лампад бросало блики на статую богини.

Царица пала ниц перед Иштар, воздавая ей почести. Потом поднялась, взяла чашу с водой и елеем и протянула ее Даниилу.

Большие пятна елея расплылись по поверхности воды и мерцали радужными огоньками. В них-то и должна была скрываться судьба Халдейского царства и халдейского народа. Даниил и царица пристально вглядывались в эти пятна.

– Даниил, – прерывающимся от волнения голосом зашептала царица, – близится час совещания, и мне надо знать предопределение богов. Я должна знать, Даниил. Тебе известно, что Валтасар насильно захватил власть, он незаконный государь. Халдейское царство сейчас не имеет законного государя... Даниил!

– А если я прочитаю по этим знакам, – произнес Даниил, не сводя пристального взгляда с жидкости в золотом сосуде, – что Валтасар приведет Халдейское царство к гибели, что ты станешь делать?

Она вцепилась в него дрожащей рукой.

– Что я стану делать? – исступленно повторила она.

– Да, что ты предпримешь после этого? – не поднимая глаз от жидкости, повторил Даниил.

– Были некогда Балкис-Македа, царица Савская, Томирис, доблестная царица массагетов, была египетская царица Теа, ассирийская царица Семирамида, Исабель, царица Израильская, Элиза, жена Сихарбала, основательница Карфагена... почему бы и Халдейским царством не могла бы править женщина?

– Ты собираешься взять власть? Она кивнула.

– А Валтасар?

– Я выпрошу для него смерть у всемилостивейших богов.

– А известно ли тебе, что грешно посягать на жизнь другого?

Весь ее вид свидетельствовал о страшном волнении. Красные пятна покрыли ее шею, щеки, лоб.

– Твое учение ужасно, – прошептала она в бессилии, и золотая чаша выскользнула из ее рук, ударив ее по ногам. От боли царица вскрикнула и упала на колени перед статуей великой богини.

Даниил был ее последней надеждой. Она рассчитывала на его помощь в устранении Валтасара. Царица не считала убийство Валтасара злодеянием, поскольку оно будет совершено на благо державе. Но Даниил не велит убивать. Она думала об этом с первых дней, как над Вавилоном нависла угроза персидского нашествия. Валтасара надо низложить, но нельзя допустить, чтобы вместо него правили Набонид или жрецы. Единственный выход, казалось ей, в том, чтобы занять трон самой и своим первым советником назначить Даниила. Она верила, что спасло бы Халдейское государство.

Она рассчитывала, что Даниил согласится подкупить вавилонских евреев, которые убьют Валтасара. Сделать это им будет тем легче, что Валтасар был их злейшим врагом и ни от одного из царей они не натерпелись столько, как от него. Замысел казался ей превосходным, и вот Даниил разрушил его, сказав всего два слова: не убий! В ту минуту она возненавидела его, но ненависть ее скоро растаяла. Когда Даниил нагнулся, чтобы помочь ей встать, она не отклонила помощь и схватила его за руки.

Ее роскошные одежды были забрызганы водой и елеем. На дорогой ткани расплывались масляные пятна.

Она беспомощно взглянула на Даниила, но гнев ее уже остыл, и она улыбнулась.

Жестокость царицы была не столько проявлением ее природы. Столько внушена воспитанием. Царица была красивая женщина и душу имела скорее добрую. Сейчас, когда Даниил поддерживал ее и помогал ей встать, она была особенно хороша.

Лицо Даниила осветилось мягкой улыбкой, он чувствовал, что к нему вернулось расположение царицы, которым он дорожил, как дорожат благосклонностью любимой женщины.

Удивительные отношения связывали этого седобородого старца и венценосную красавицу. Весь двор недоумевал, чем Даниил обворожил непреступную царицу, которая с презрительным высокомерием отвергала ухаживания самых красивых военачальников из личной охраны царя. Туда попадали сыновья из наиболее знатных княжеских семей, и на их обязанности было не только охранять особу царя, но и развлекать царицу. Этим обычаем не пренебрегала еще ни одна из халдейских повелительниц, напротив, они не упускали случая вскружить голову царским телохранителям и возбудить в них ревность друг к другу. Двор покровительственно смотрел на любовные приключения цариц, так как это отвлекало их внимание от развлечений царя, которому, как сыну богов, надлежало предаваться сладострастным утехам. Нынешняя царица хорошо знала о порочной жизни царя, тем не менее оставалась ему верна, и единственный мужчина, с которым она охотно коротала часы томительной праздности, был пророк Даниил. Она никому не жаловалась на свой удел, даже Даниилу. В обществе мудреца царице становилось как будто легче, а его вера в лучшие времена передавалась и ей. Своей любовью к единоплеменникам он подавал ей пример любви к халдейскому народу. Уважение, с которым Даниил относился к чужим обычаям и верованиям, заставляло и ее чтить чужие обычаи. Добросердечие и человеколюбие пророка, его самоотверженная верность соплеменникам вдохновляли ее на служение Вавилонии. Подобно Даниилу, который стремился освободить евреев из плена и тем спасти их от гибели, царица

решила отвлечь от Вавилонии чреватую опасностями войну. Для этого надо было убрать царя, не способного управлять государством.

Что предпримет она, спросил Даниил, глядя в чашу с елеем, если окажется, что Валтасар ведет страну к гибели? Очевидно, именно это предсказание и прочитал пророк, хотя и высказал его в форме вопроса. Но она поняла его намек и теперь, еще раз все обдумав, решила перед солнечным ликом божественной Иштар упросить Даниила помочь ей.

Взволнованным жестом царица коснулась его одежды и зашептала:

– И все же выслушай меня. Помоги мне, и я добьюсь освобождения евреев из вавилонского плена.

Они станут свободными людьми и вернуться на родину. Ты ведь знаешь, как они тоскуют по Сиону и Иерусалиму.

– Успокойся, царица, – так же тихо ответил он, – и поясни, чего ты ждешь от меня. Я с радостью сделаю все, что в моих силах.

– Я хочу попросить богов послать Валтасару смерть.

Даниил невольно отшатнулся, так зловеще прозвучали ее слова.

– Не бойся, это, справедливо, и сами боги помогут нам. Поручи кому-нибудь из сильных мужчин своего племени заколоть его в муджалибском парке. Он всегда прогуливается там перед ужином. Заплати им из моих денег. Любую сумму. Можешь пообещать им свободу и возвращение на родину. Можешь пообещать им все, что угодно. Я не откажу в любой награде за его смерть.

– Ты ведь любишь его, царица.

Она ответила ему уничтожающим взглядом.

– Ты не любишь его?

Царица вздрогнула и сжала губы.

– Царица!

– Ах, какое тебе дело до моих чувств, Даниил, что тебе за дело до этого? Лучше ответь, поможешь ты или нет.

– Я уже советовал тебе не брать на душу столь тяжкий грех.

– Поможешь или нет?

– Ты слишком взволнованна, а человек в волнении допускает ошибки.

– Ты хочешь помочь мне или не хочешь? – повторила она угрожающе, намереваясь уйти из святилища.

– Неужели тебе так хочется быть повелительницей Халдейского царства?

Царица метнула в него острый, будто копье, взгляд и зловеще прошептала:

– Ты заодно с персами!

– Царица!

– Заодно с ними!

– Царица!

– Да, я изобличу тебя перед царем, перед советом, я изобличу тебя перед халдейским народом.

С этими словами она направилась к выходу. Но у порога она оглянулась. Даниил спокойно стоял перед статуей Иштар, и его невозмутимость привела ее в еще большее негодование. Она невнятно бормотала какие-то угрозы.

– Ты даже не оправдываешься? – наконец спросила она.

– Позволь объяснить тебе все. Она остановилась, выжидая, и это означало, что он может говорить.

– Ты можешь обвинить меня в чем угодно, – начал он, – но этим ты не остановишь персов, так как виной всему не мои предвидения, а намерения Кира и его военное могущество. Не в моей власти решать, нападать персам на Вавилон или нет. Это решать Киру. Я знаю только, что победить персов не сможет никто; слава о его армии и о силе ее оружия распространилась по всему Старому Свету. Его начинает бояться и Новый Свет, собирающий силы для будущей схватки. Греки и римляне уже сейчас помышляют о войне с персами. Вавилон совершил непоправимую ошибку, не предприняв в свое время подобных приготовлений, и поэтому не исключено, что персы победят Вавилон. Но не столько царь тому виной, сколько...

– Сколько... – Царица слушала его в страшном волнении, потому что Даниил впервые говорил с нею так.

– Сколько жрецы Эсагила. Да, Эсагила, которая уверила его величество Валтасара в том, что боги живут исключительно в утехх сладострастия и что ему, сыну богов, уготована такая же жизнь. И вот царь предается разгулу и любовным оргиям, вместо того чтобы править и решать государственные дела на благо державе. Эсагила умышленно толкает Валтасара к гибели. Она учит его творить зло и этим восстанавливает против него население. Эсагила рассчитывает на то, что Взбунтовавшийся против царя народ поможет ей осуществить заветную мечту – свергнуть Валтасара и снова прийти к власти. Убийство Валтасара, царица, было бы только на руку Эсагиле! На трон взойдешь не ты, а тот, кто будет угоден жрецам. Вершить делами снова станут жрецы, а народ, который ты хочешь спасти, окажется во власти кровопийц, которые будут тянуть из него соки, навалив бремя неисчислимых поборов. Как знать, возможно, даже персы будут не столь жестоки к халдейскому народу, как жрецы, которых нельзя считать истинными служителями богов.

– Может, ты напрасно клеветешь на них, пророк?

– Сейчас я докажу тебе, царица, насколько подлы их действия. Тебе известно, что при попустительстве его величества царя Валтасара евреи десятками мрут на канале Хебар и в вавилонском еврейском квартале около канала Пикиду. Но царь вершит волю Эсагила. Она подогревает в сердце царя ненависть к евреям, а сама покровительствует некоторым из них и принимает дары для своих святилищ, помогает им в прибыльных сделках и устраивает их на выгодные должности. Валтасар ненавидит евреев, и они платят ему подобной же ненавистью.

– Все это слишком ужасно, Даниил. – Царица взволнованно схватилась за ручку двери.

– Точно так же, – продолжал Даниил, – по наущению жрецов его величество собирается выслать из страны всех чужеземцев, видя в них угрозу государству, тогда как сама Эсагила вошла в сговор с иноземцами против Валтасара.

Царица от неожиданности едва нашлась спросить:

– С Египтом?

– С персами, ваше величество. Царица выпустила ручку двери, и рука ее бессильно упала. Не сразу она пришла в себя.

– Не обманываешь ли ты меня, Даниил? – прошептала она, не в силах поверить услышанному.

– Нет, ваше величество. Что же вызывает сомнение в моей преданности?

Их взгляды встретились. Глубокие глаза царицы, оттененные длинными ресницами и шелковистыми дугами черных бровей, встретились с ясными, как пронизанная солнечными лучами толща воды, глазами пророка.

В самом деле, у царицы не было оснований не верить ему. Напротив, с каждой новой встречей все больше убеждалась, что он один не лжет ей. Тем не менее ею владели тревожные мысли. Она хотела быть мудрой повелительницей и стоять бок о бок со своим державным супругом. Персидская угроза посеяла в ней первые сомнения. Она сознавала слабые стороны Валтасара и теперь видела единственный выход в отстранении его от власти. Однако, вняв совету пророка, царица отказалась от этого намерения. У нее возник новый план – разоблачить предательство Эсагилы и ее интриги с персами.

Словно угадав ее мысли, Даниил сказал:

– Разумеется, ваше величество, о тайных сделках жрецов с персами до поры до времени не следует никому говорить.

– Но я как раз предполагала предупредить царя, ведь речь идет об измене.

– Царь и сам узнает об этом, уверяю тебя, царица.

– Я боюсь, что будет поздно. Сейчас начнется совещание. Я вся дрожу, голова у меня раскалывается. Мне трудно выносить даже воздух святилища. Вернемся во дворец.. Мне надо поговорить с царем. Кто знает, какие еще козни замыслили жрецы против него.

– Ваше величество, ни одна душа, даже царь, не должны знать об этом. Слишком рано что-либо предпринимать. Мы должны поддерживать в Эсагиле уверенность, что об ее интригах никому ничего не известно. Если это предательство раскроется, у Эсагилы будет время совершить новое предательство, о котором мы не догадаемся. Самое разумное – знать все, но до поры скрывать это.

– Хорошо, я буду молчать, пока ты сам не велишь мне говорить. Моя гордыня всегда уступает твоей мудрости.

– Мы слишком задержались в святилище, – напомнил ей пророк. – Вероятно, уже стемнело.

В самом деле, уже опустился вечер, и, когда они вышли из святилища, их встретил густой сумрак; только на западе просвечивало бездонное небо, синее и ясное, усыпанное золотыми искрами звезд.

В ту же минуту из-за статуи Иштар выскользнул закутанный с головы жрец, который прятался там и слышал весь разговор царицы с Даниилом.

* * *

Наступила ночь. Но в Вавилоне было светло, как днем, от яркой луны и звезд. При их свете можно было даже прочесть надписи на обелисках перед дворцами вельмож и на колоннах, где были высечены слова законов Хаммурапи. В лунном сиянии блестели крыши построек, от ворот храма Иштар, самого красивого здания в Вавилоне, излучался голубоватый свет дорогих изразцовых плит, которыми были выложены наружные стены. В ожидании роковых известий на улицах собирались толпы. Но всего оживленнее было в зимней резиденции царя, во дворце, который выстроил себе на берегу Евфрата Набопаласар, отец Навуходоносора.

С самого утра здесь не прекращалась суматоха. Царской челяди было приказано разукрасить дворец, как во время больших празднеств или приемов торжественных посольств из чужих стран. От прислуги скрывали причину подобных приготовлений, но все знали, что нынешним вечером должна решиться судьба государства.

О том, что во дворец пожалует сам его величество царь Валтасар, стало известно только за час до его прибытия. Это держали в тайне по приказу царя, боявшегося за свою жизнь. Он велел расставить усиленную охрану на всем пути от летнего дворца – Муджалибы до дворца Набопаласара. Эта дорога всегда была для него дорогой пыток. Каждый раз, отважившись проделать этот путь, он с ужасом вспоминал о нем еще много времени спустя. Из предосторожности царь распорядился усилить дворцовую охрану солдатами из царских казарм. Начальник городского гарнизона весь день был занят расстановкой постов. Наружный дворцовый двор был окружен отрядами отборных солдат в парадной форме. На груди начальника городского гарнизона красовался знак золотого льва, полученный за доблесть от царя Набонида, на поясе висела серебряная двойная секира, пожалованная Валтасаром.

К концу дня между Муджалибой и входом в парадный зал зимнего дворца выстроилось столько солдат, как будто предстояло сражение. Сопровождать царя и его свиту были выделены отряды конницы и копьеносцев, отобранных из числа наиболее рослых эфиопских наемников. Таким образом, были приняты все меры для безопасности его величества царя Валтасара. Желая скрыть, что все это предпринято ради охраны его особы, Валтасар делал вид, будто он гордится военной мощью своей державы и пользуется любой возможностью похвастать ею перед вавилонянами и перед иноземцами, чтобы они множили его славу.

Но в полной мере тщеславие Валтасара обнаруживалось в хвастливом выставлении напоказ своих богатств. Он приказал главному смотрителю царской казны открыть сокровищницы и украсить покои дворца золотом, серебром, драгоценными камнями, роскошными дорогими тканями и коврами.

Повсюду, куда ни обратишь взор, бросалась в глаза баснословная роскошь. Управитель дворца произвел осмотр убранных залов, и к концу у него так разболелась голова, что он потребовал себе чашу с целебным отваром. С самого начала весь этот труд казался ему ненужным, так как совещание было назначено на ночь. Разве возможность продемонстрировать свои сокровища Валтасару важнее предстоящего секретного совещания? Впрочем, управителю было не до размышлений, и он ограничился тем, что залпом осушил чашу целебного отвара.

Но еще долго в глазах у него кружились видения потолков кедрового дерева, стен из алебаstra, мраморных лестниц и полов, стен, покрытых эмалью с искусной инкрустацией из золота и слоновой кости; снова и снова высились перед его мысленным взором величественные порталы, украшенные хитроумным орнаментом работы старых халдейских

мастеров, исполинские фигуры крылатых львов, охраняющих входы, гранитные, бронзовые, медные и каменные статуи, высокомерно застывшие у стен; просторные входы во внутренние покои были завешаны тяжелыми портьерами из плотных дорогих тканей; мягкие диваны, золотым ножкам которых была придана форма тигриных лап, застланы пурпурными, синими, желтыми, белыми и цвета морской волны покрывалами работы самых знаменитых мастеров; полы были устланы коврами работы самых искусных ковровщиков, такими пушистыми, что нога уходила в них по самую щиколотку, словно человек ступал по травянистым лугам Месопотамии; лабиринты коридоров и внутренних дворов были обсажены пальмами, ароматным кустарником, завезенным из далеких стран, украшены фонтанами причудливых форм; столы в помещениях были покрыты скатертями, расшитыми золотом и серебром; на столах стояли металлические или стеклянные безделушки, украшенные драгоценными камнями.

Золотые цепи струились из чаш тонкой художественной работы, изображая вино, напиток богов; цветы из золота украшали вазы необычайных форм и отделки; из золота была мебель для сидения и лежания; юные невольницы расставляли кушанья в золотых мисках. Золотые бокалы для напитков, золотые подсвечники, золотые лампы по стенам, золотые светильники при входе; золотой пылью напудрены волосы царя и его невольниц; золото на сандалиях и поясах; из золота кинжалы и ножны для мечей; золотом затканы одежды, чья вся жизнь оправлена в золото.

Приказом царя наибольшее внимание следовало уделить убранству его кабинета, где должны были собраться советники перед тем, как торжественно вступить в тронный зал. В кабинете царя преобладал цвет морской зелени в сочетании с пурпуром. Пол покрывал ковер, изображающий море с фантастическими растениями и животными. Высокие светильники, расставленные вдоль стен, представляли бога воды Эа – существа с туловищем рыбы и человеческой головой. В глубине кабинета от стены до стены был накрыт стол. На нем стояло двести золотых кубков, из них советники в ожидании начала совещания будут пить вино, закусывая сдобными печеньями, лежавшими в вазах критской работы. У передней стены протянулось возвышение, к нему вели три ступеньки, выложенные золотом и черным деревом. На возвышении стояли стол и царский трон. На столе были разложены резцы для письма и покрытые клинописью золотые таблички. Вдоль боковых стен до самого входа тянулись полки с книгами. Перед ними были расставлены низкие скамьи с шелковыми подушками. В центре комнаты разместилось множество маленьких столиков и стульев, инкрустированных по краям серебром и топазами.

На стенах кабинета до недавнего времени висели бронзовые барельефы, но Валтасар приказал убрать их, ибо они прославляли победы царя царей, бессмертного Навуходоносора. Валтасар уверял, что на его душу умиротворяюще действуют плиты, покрытые сине-зеленой эмалью, и велел заменить ими барельефы, скрывая за этим объяснением непобедимую ненависть к славным деяниям своего великого предшественника.

Стены кабинета преобразились, но муки зависти по-прежнему терзали душу Валтасара. Даже здесь, окруженный сокровищами халдейского искусства, он не находил себе покоя. Наконец решил выстроить себе новый дворец, который прославлял бы его правление и превосходил роскошью дворец Навуходоносора. Но воплотить это намерение в жизнь постоянно что-нибудь мешало.

Когда управитель дворца вошел в кабинет, он убедился, что его величество может быть доволен убранством и что он, управитель, заслужил от царя золотую цепь на грудь, высочайший знак отличия.

Итак, покои и залы готовы принять участников совещания.

С наступлением вечера зажглись огни во дворах и на террасах, и пятиэтажный зимний дворец весь засиял в мерцающем пламени факелов, ослепляя сильнее света звезд, который делает дно небесного свода глубже и прогибает его, как теплый ветер

прогибает сеть паутины в кроне олеандра.

Со всех сторон дворец окружили толпы зевак, и чем ближе был час прибытия царя, тем больше любопытных собиралось на дорогах и улицах, по которым пролегал путь от Муджалибы к дворцу в Вавилоне.

* * *

Нервное оживление царило в тот вечер и во дворцах высших сановников. Советники и их писцы облачались в парадные одежды, в самое дорогое и красивое, что у них было. К одеждам прикалывались знаки царских отличий, полученные за собственные заслуги или унаследованные от предков. В последнюю минуту затверживались речи, приготовленные к совещанию и заблаговременно нанесенные на восковые таблички.

Каждый втайне надеялся, что именно его слово произведет на всех самое сильное впечатление. Каждый связывал судьбы державы лишь с собственными интересами и соответственно намеревался говорить. Мало кто вспоминал при этом о простом народе, а тем более возлагал надежды на его патриотизм. Ведь простолюдины были всего лишь одной из рубрик в сухом перечне хозяйственного инвентаря, принадлежащего аристократии. И она уповала только на собственное могущество, основанное на золоте, на свой разум, ослепленный блеском золота.

Разве что Идин-Амуррум, верховный судья Вавилона, смотрел на вещи иначе. Он верил в здравый смысл и широкую душу народа и понимал, как важно заручиться его поддержкой. Для этого надо отбросить бичи, которыми ежедневно кровавили крестьянские спины, дать народу хлеба, масла и мяса, избавить его от голода. Но вельможам дорог лишь мишурный блеск собственных речей, а не судьбы державы.

Если бы в этот момент чудом удалось раздвинуть занавесы в покоях царских сановников, то можно было бы убедиться, насколько далеки их стремления от надежд и мыслей Идин-Амуррума.

Вот дворец сановника, ведавшего дорогами. Слуги суетятся вокруг своего господина, облачая его в парадное платье. Перед ним с табличкой в руках стоит; писец и бдительно следит, чтобы его светлость не пропустил ни одного слова из выступления, которые он затверживал наизусть и которым намеревался ошеломить самого Идин-Амуррума, этого призванного оратора и тонкого ценителя красноречия. Подходящий момент доказать перед лицом избранных мужей всего Вавилона, что не один верховный судья наделен мудростью и даром яркого слова. Что же касается персидской угрозы, то она весьма мало заботит тщеславного сановника.

Сановник, на попечении которого было хозяйство страны, питал слабость к знакам отличия и не упускал случая выставить их на всеобщее обозрение. И теперь он прежде всего распорядился увесить себя регалиями. Его не оставила равнодушным весть о продвижении Кира; несмотря на слабость к красивым вещам, вельможа отличался рассудительностью и преданностью отчизне и мечтал прибавить к перешедшим к нему по наследству наградам и собственный высший знак отличия за доблесть, проявленную в бою за родину.

Сановника по внутренним делам перед каждым заседанием совета, кроме забот о делах государства, одолевали хлопоты, со стороны, быть может, и пустячные, но по-человечески понятные и προϊстекавшие главным образом из-за беспокойства о том,

чтобы его особа выглядела достойно. За какие только грехи боги покарали его? Высокопоставленного халдея нельзя было представить себе без ухоженной бороды, у него же, несмотря на притирания, она не желала расти. Бедняга носил накладную бороду, доставлявшую ему массу неудобств. Вот и теперь ему пришлось вытерпеть из-за нее сущий ад. Презирая ухищрения цирюльника, борода никак не держалась на своем месте. Лишь когда, порядком намучившись, ее удалось наконец закрепить, сановник отправился во дворец; иначе он не мог бы показаться на глаза царю.

Главный казначей часами простаивал перед зеркалом и не мог налюбоваться на подарок царицы – золотого скарабея, которого он носил на золотой цепочке. Царица удостоила его этой награды за образцовую заботу о сонме царских наложниц, и с тех пор он многозначительно улыбался, стремясь произвести впечатление человека, связанного с царицей тайными узами.

Сановник по делам правосудия, получивший пост по наследству от отца, являлся на заседания в парике, хотя это и противоречило введенным Валтасаром новшествам. Однако за пышными локонами парика удобно было прятать лицо, когда приходилось бледнеть или краснеть при намеках на беззакония, творящиеся в стране. Сановник пользовался славой самого отъявленного взяточника во всем Вавилоне.

Хранителю печати достался в награду золотой кинжал, и его бесило, что на совещания в царском дворце запрещено являться при окружении. Это лишало его возможности покрасоваться перед другими. Вельможа втайне негодовал, что Валтасар не подарил ему вместо кинжала перстень-печатку с бесценным тифонским рубином или топазом, который больше пристал его сану. Кинжалы следует давать военачальникам, те могут постоянно носить их при себе.

Распорядитель протокола не думал об украшениях, его заботили мысли о дочери, бывшей замужем за лидийским князем. В случае войны князю, по-видимому, придется покинуть Вавилон, а с ним уедет в чужие края и дочь. В городе упорно ходили слухи, что царь потребует изгнания всех иноземцев. Эти угрозы могут прежде всего обернуться против лидийцев, которых Кир, покорив, говорят, набирает теперь в свою армию. Лидийцы стали ныне врагами Вавилонии. Распорядитель протокола, готовясь идти во дворец, мучительно подыскивал достаточно веские доводы, чтобы выгородить своего зятя и уберечь дочь.

В самом отчаянном положении находился, однако, халдейский посол в Египте, который специально прибыл из Мемфиса, чтобы проинформировать правительство об отношении его святейшества фараона к надвигающимся событиям. Посол вложил все свои капиталы в доходное корабельное сообщество, основанное финикийскими купцами. Сразу же по приезде в Вавилон он узнал, что тридцать кораблей вместе с грузом пропали без вести. О них скупно просачивались самые неопределенные сведения. Наконец какому-то смельчаку-капитану удалось ночью бежать на лодке, он благополучно доплыл по Евфрату до самого Вавилона и рассказал, что произошло. Корабли уже в верховьях Евфрата были задержаны персами, захватившими команду и грузы. Таким образом, посол лишился почти всего состояния. Скорбная весть повергла в глубокую печаль его семью, и поэтому посол ни о чем другом, кроме постигшей его беды, не мог даже думать.

Персы перехватили те самые корабли, с которыми финикийские купцы должны были доставить его величеству Валтасару кипрских красавиц.

Царь с нетерпением ждал, когда исполнится его мечта. Он распорядился ежедневно докладывать ему о делах корабельного сообщества, величественные пристани которого раскинулись по берегу Евфрата. Каждый день, не отводя глаз от сверкающей глади священной реки, царь подолгу простаивал на террасах Муджалибы, чтобы узнать о прибытии кораблей прежде, чем ему доложат об этом обычным порядком. И всякий раз царя постигало разочарование. Пустынной оставалась река, по-прежнему тщетно призывал он в свои объятия заморских красавиц, щедрых и сладостных, как благодатная почва Месопотамии.

Почти наяву Валтасар ощущал прикосновения их нежных пальцев на своем обрюзгшем лице и возбуждался при одной мысли о молочной белизне их тел, обласканных морским солнцем. Изнемогая от страстного томления, он допьяна напивался кипрским вином, чей букет напоминал ему юных дев, нежившихся в садах, подобно наливным ягодам на виноградной Лозе. С ветром, прилетавшим с севера, царь вдыхал аромат их кожи, с соком фруктов впивал сладость их тел. На охоте в заповеднике царю грезилось кипение крови и биение их сердец. Валтасар ловил серн и ланей и, прикладывая руку к дрожащим животным, с жадным волнением вслушивался в испуганный трепет их сердец.

Так он и жил тайной, напряженной жизнью, весь устремленный к будущим уладам, которые боги готовят ему в образе кипрских красавиц. Валтасар часами просиживал неподвижно, уставясь на чашу с вином, и ему чудился буйный хоровод прекрасных танцовщиц. Порой он уже протягивал руку, готовый схватить одну из них, но пальцы натыкались на холодное, твердое стекло. Валтасару приходилось утешать себя тем, что время идет и близится день исполнения заветной мечты. Корабли с живым товаром в пути и придут, самое позднее, утром, в день назначенного совещания.

В то утро царю доложили о приходе управляющего верфями. Валтасар принял финикийца с пышностью, но При известии о захвате кораблей персами рассвирепел, как лев. Управляющий едва спасся бегством. Гнев Валтасара сотрясал всю Муджалибу. Царь заперся в маленькой гостинной злосчастной царицы Амугеи Мидийской и там дал волю ярости. Прислуга ходила под дверями на цыпочках, а царедворцы, съездившись за занавесами, ждали, когда он призовет их к себе. Но Валтасар не желал никого принимать, он никого не мог вынести. Никто не отваживался попасться ему на глаза. В великой печали он затыгивал и отпуская массивную золотую цепь, висевшую у него на шее. Он даже подумывал заколоть себя мечом, но не хватило решимости. Да, боги из зависти отняли у царя кипрских девушек. Он давно подозревал, что небожители не слишком благоволят к смертным, но обездолить его, сына богов! Проклятиями, одно страшнее другого, он осыпал коварные небеса и, наконец, поклялся объявить им войну – священную, справедливую войну. До сих пор слава халдейских царей не могла затмить звезд, но слава Валтасара засияет ярче. Она поднимается выше звезд и божественных чертогов, чтобы отомстить богам, унижить их.

Когда ярость Валтасара поулеглась, царедворцы рискнули развеселить опечаленное сердце владыки. Они выстроили у дверей хор лучших певцов, и под их пение в гостиную проскользнули шесть греческих танцовщиц. В белоснежных кисейных покрывалах они, словно мотыльки в небе, запорхали на голубом фоне гостинной. На мгновение Валтасар задержал взгляд на их гибких стройных фигурах, но тут же вскочил со стула. Девушки замерли. Наступила гнетущая тишина.

Ее разорвал исступленный крик Валтасара:

– В ямы их, к змеям, пусть извиваются там!

Но едва несчастные удалились, в гостиную вбежала любимая невольница Валтасара, родом тоже из Греции. Она бросилась к его ногам и принялась умолять за своих сестер.

– Я единственная люблю тебя беззаветно, я докажу тебе свою любовь добровольной смертью. Пусть теперь исполнится моя воля. Из любви к тебе я готова расстаться с жизнью, но перед смертью прошу, даруй жизнь моим сестрам, ведь они совсем юны и им не хочется умирать. Я единственная любила тебя беззаветно, самой пылкой любовью. – Она обняла его ноги. – Знаешь ли ты, что такое любить беззаветно, дольше всего на свете, царь? Только ради такой любви человек может отречься от жизни. – Она устремила на него пылающий взгляд и выхватила маленький кинжал. –

Смотри, царь... – И вонзила себе в сердце острый сверкающий клинок.

Гречанка упала на вытянутые ноги Валтасара. Выпростав одну ногу, он оттолкнул труп.

Сегодня он был ко всему безучастен и не видел разницы между водой и кровью, жизнью и смертью. Он даже не сразу осознал, что находится в одной комнате с умершей.

«Как это она сказала, – вспоминал он, – одна, мол, я любила беззаветно. А потом кинжалом – и все...»

Вслух он произнес:

– Да, пожалуй, она поистине любила меня... А что это такое – любить больше всего на свете? Что значит – любить беззаветно? Я желаю знать, что такое – истинная любовь! Я тоже хочу любить истинной любовью!

В смятении ему показалось, будто в сердце его шевельнулось теплое чувство к гречанке. Он пристально всматривался в ее лицо и подумал, что великая любовь достойна воздаяния; В безотчетном порыве он снял с руки дорогой перстень и надел ей на палец со словами:

– Ты любила меня больше всего на свете, и я жалую тебя перстнем с эмблемой сына богов. Еще никто не достаивался этого! Цени!

Потом он дважды хлопнул в ладоши и безучастно распорядился убрать труп.

Снова он остался один, и даже критская чаша с хороводом танцовщиц не могла скрасить ему одиночества. Валтасар всматривался в призрачных плясуний. Ярость опять накатывалась на него. Ему казалось, что он окружен толпой завистников и врагов, и его удел – вечное одиночество. Единственная любившая его ушла из жизни. Он заметил на ковре следы ее крови. Они словно вплелись в тканый узор, и Валтасар не мог оторвать от них взгляда.

Он действительно одинок, ему некого любить. Валтасар заплакал. Сквозь пелену слез перед ним вместе с образом беззаветной гречанки мелькали видения девушек с Кипра, захваченных персами. Вот и они достались Киру, а не ему, Валтасару. Этот шакал собирается отнять у него и женщин, и державу. К нему, быть может, направилась и душа умершей. К нему перейдут все мертвые и живые. Кир задумал лишить Валтасара всего.

Он застыл, погруженный в свои мысли, недвижимы были даже ресницы. Он будто спал.

Казалось, гроза миновала. Однако едва один из придворных открыл двери и одернул занавес, как Валтасара охватил новый приступ ярости и не оставлял его до самого вечера. Дважды он приказывал принести труп гречанки и ласкал ее, словно ребенка. В конце концов он снял с себя золотую цепь и обвил ею шею умершей.

При этом он причитал с громкими рыданиями:

– Это мой дар за твою истинную и пламенную любовь. Если бы ты была жива, ты научила бы и меня, сына богов, любить сильно и беззаветно. Если бы ты была жива, я любил бы тебя вечно и горячо. Я величайший повелитель Вавилонии, и мое сердце должно уметь так любить. О, если б ты была жива... почему ты не осталась жить? Разве Валтасар не держит при дворе десятки врачей? Разве при дворе Валтасара нет мудрецов? Так пусть же она оживет...

Валтасар страстно захотел, чтобы его любимая рабыня снова ласкала его. Чтоб извивалась у него на коленях, подобно змее, умеряя своими прохладными руками жар его тела в знойные дни. Пусть ее взгляд любовно коснется его лица. Пусть ее пальцы перебирают его волосы, и в ночной тиши ярко-алые губы льнут к его губам. Да, он желает этого. И Валтасар велел позвать к нему придворных врачей и мудрецов. Но ни

один из них не взялся воскресить гречанку. Они сгрудились в углу голубой гостиной и в страхе ждали своей участи.

Среди мертвой тишины, всегда предшествовавшей царскому приговору, Валтасар закричал:

– Чего стоит ваша мудрость, если вы не можете воскресить даже такое убогое создание, как невольница? Вас развелось во дворце больше, чем пауков, и вы даром едите мой хлеб. Я постараюсь уменьшить число дармоедов. Бросить каждого шестого львам...

Никто не посмел проронить ни слова из страха, что царь предаст смерти всех. Лишь один из них, авантюрист по натуре, которому уже случалось обвораживать сердце царя, рискнул прибегнуть ко лжи во спасение.

– Государь, – сказал он, – ты обвиняешь нас, а ведь наша совесть чиста. Каждый из нас сумел бы воскресить твою любимую невольницу, если бы ее любви не пожелали сами боги. Боги призвали гречанку в свое царство, чтобы сделать своей возлюбленной. Мы всего лишь служители богов, и не нам противиться их воле. Лишь ты – самый могущественный, самый прославленный властелин Халдейского царства – можешь заставить их вернуть ее тебе. Побеседуй с богами, а мы удалимся, так как не подобает смертному быть свидетелем разговора сына богов с небожителями. Отпусти нас с миром.

– Это мудрый совет, – согласился царь. – За что мне карать вас, если виновны боги? Я договарюсь с ними, а вы ступайте. Тебе же, – он кивнул на пройдоху, – тебе пусть смотритель казны даст перстень из нефрита.

Гостиная опустела, но Валтасар не договорился с богами. Они не подали никакого знака, что умершая может восстать из мертвых, снова начать двигаться, обвивать своими гибкими руками тело царя царей. Недвижимая, она лежала перед ним на ковре с полуоткрытыми синеющими губами, на которых изменился даже цвет губной помады. Щеки у ней запали, лицо приобрело пепельный оттенок. Пальцы рук заострились, как у скелета, стройные упругие ноги, так грациозно носившие ее тело, одрябли. От нее осталась только тень былой красоты, и Валтасар, взглянув на нее, ужаснулся.

– Она отвратительна, – пробурчал он, – она очень изменилась с тех пор, как вступила в царство теней, хотя сами боги соперничают со мной из-за нее.

По спине у него пробежали мурашки.

– Она стала безобразной и противна мне. Валтасар несколько раз обошел ее вокруг, рассматривая со всех сторон.

– Не буду я спорить с богами из-за нее. Даже последний раб в рудниках не стал бы сейчас помогать ее, не то что царь.

Ему померещилось, что от трупа потянуло тлетворным запахом, и он хлопнул в ладоши.

– Унесите, – брезгливо сказал он вошедшим слугам, и погребите в саду под кедрами, где покоится прах злосчастной Амугеи Мидийской.

Но тут явился главный садовник и попросил царя отменить свой приказ, так как не годится царице лежать рядом с рабыней.

– Эта рабыня любила Валтасара беззаветной и пылкой любовью, как Амугея любила Навуходоносора. Если Навуходоносор избрал местом вечного упокоения Амугеи террасы парка, то почему этого не могу сделать я для той, которая любила меня одного?

Ее величество Амугея Мидийская была халдейской царицей, ваше величество.

– Халдейской царицей была Нитокрис, – возразил царь, – истинной царицей была Нитокрис, а Амугея для Навуходоносора была тем же, чем для меня греческая невольница. Я не вижу здесь разницы, и поэтому положите их рядом.

– Ваше величество, – начал было снова главный садовник.

– Кому ты перечишь? Я не Навуходоносор, который выслушивал советы простых пахарей и умилялся их мудрости. Запомни, что мудрым может быть только сын богов, то есть я.

Валтасар нахмурился, лицо его приняло брюзгливое выражение.

Главный садовник, боясь накликать на себя беду, поклонился и вышел.

Невольницу похоронили под кедрами, и Валтасар пожелал убедиться в этом лично. Он собственноручно поставил на могилу золотую чашу со священным елеем и выжал из себя несколько слезинок. В знак печали он надорвал ворот своей роскошной сорочки.

В действительности рабыня-гречанка была похоронена на вавилонском кладбище, могила же под кедрами была пуста. Так распорядилась царица, взяв все на себя. Царица не позволила осквернить прах царственной особы соседством невольницы. В тайну были посвящены только Даниил и главный садовник.

В тот же вечер царица еще раз посетила Валтасара, который все больше терял самообладание. Час совещания близился. По улицам слонялись толпы зевак, во дворце караулом стояли солдаты, сановники прибывали в тронный зал зимнего дворца, а Валтасар отчужденно сидел в голубой гостиной. Мрачного настроения не развеяла и царица. Стоило ей упрекнуть Валтасара в том, что из-за женщин он забывает о своем державном долге, как царь пришел в бешенство.

Он был ужасен. Угрожающе протягивая к ней руки, он хрипел:

– Ты блудишь со своим иудейским псом и еще смеешь упрекать меня?

– Валтасар! – взмолилась она и, не желая выслушивать дальнейшие оскорбления, покинула его и тотчас же направила к нему врача с лекарственным настоем против безумия.

Но Валтасар отказался что-либо пить.

Оставались еще два человека, которые могли бы унять царя. Это были Набусардар и его жена Телкиза.

Час совещания неумолимо приближался, и царским советникам поневоле пришлось послать за Набусардаром. Однако его уже не застали дома. Оставалась Телкиза, всегда с удовольствием выполнявшая подобные поручения. Она упивалась своим влиянием на царя, неотразимостью своей ослепительной красоты и утонченной лести.

Но и Телкизу, тигрицу Вавилона, начали посещать мысли о персидском нашествии. Кому-кому, а уж ей-то было хорошо известен эгоизм знати, царских советников. Послав за ней с просьбой утихомирить Валтасара, приближенные царя рассчитывали, что она будет лить масло в их светильники, но не так-то просто было предугадать поступки лукавой Телкизы.

* * *

Благородную Телкизу доставили в Муджалибу в роскошном паланкине. На ней были изящные белые одежды, плотно облегавшие тело, и она напоминала гибкую змейку. В волосах, аркой возвышавшихся над лбом, сверкали драгоценные камни, а на груди у ней была прикреплена брошь в виде букетика цветов из жемчуга и серебра. Ножки были обуты в легкие туфли из белой кожи на высоких каблуках, о которые бился край ее длинного платья.

Такой она появилась среди царских советников, а потом и в дверях гостиной злосчастной Амугеи Мидийской.

В полном блеске своей красоты она вдруг вынырнула из-за полураздвинутых занавесов и устремила взгляд на Валтасара: царь нервно обернулся, чтобы увидеть, кто посмел явиться без его зова.

Телкиза улыбнулась.

Одной рукой она держалась за занавес, другой слегка приподняла край платья, намереваясь пройти дальше.

Валтасара на сей раз раздражала даже улыбка Телкизы, перед которой, как говорили, в Вавилоне редко кто мог устоять. Телкиза все улыбалась своей обольстительной улыбкой, а Валтасар судорожно искал глазами предмет, чтобы метнуть в Телкизу и помешать ей выйти из-за занавесов.

Но Телкиза храбро вышла, точно морская богиня из водных глубин, и направилась прямо к Валтасару.

– Стой! – задыхаясь, крикнул он.

Однако Телкиза продолжала приближаться к негодующему царю и ответила ему новой обворожительной улыбкой. Окончательно потеряв власть над собой, он швырнул в нее дорогую чашу с изображением хоровода танцовщиц, в следующее мгновение пожалев об этом. Выкатив глаза, он смотрел в лицо гордой Телкизы, которая, только теперь остановившись, не сделала даже попытки уклониться от летящей чаши, и та задела край ее платья.

– Ты даже не увернулась, – прошептал он. Царь стоял перед ней с видом напроказившего мальчишки, забыв о своем сане.

Он повторил уже более мирным тоном:

– Ты даже не увернулась.

– Нет, Валтасар, – игриво ответила она, – я ведь знала, что ты в меня не попадешь. Человеку, который метит в цель, нельзя терять хладнокровие. Чтобы добиться своего, нужен рассудок, а также выдержка.

– Терпеть, не могу умничающих, женщин. Не хватало, чтобы и ты мне опротивела.

– А ты, как всегда, думаешь только о себе, и никогда – о других. Может быть, ты надоешь Телкизе раньше, чем она тебе?

Он нахмурил брови, но не успел ответить ей, и Телкиза продолжала:

– Если Валтасар охладет к Телкизе, ее будет еще любить весь Вавилон. Но уж если Телкиза охладет к Валтасару, найдешь ли ты ей замену? Поэтому самое разумное – от мудрых принять мудрый совет. А я, государь, даю тебе хороший совет. У тебя перебивали тысячи женщин, и все тебе надоели. Только я и осталась у тебя и останусь навеки. Как не может иссякнуть море, так никогда не иссякнет мое обаяние. И как жаждущий не сводит глаз с колодца, так взоры всех мужчин прикованы ко мне. Среди них многие не уступят царю в любви, и ласки их более жгучи, чем ласки царя. Отрицать это может только тот, кто не сведущ в любви и не знает мужчин. Кстати, прими государь, мою благодарность за освобождение Сибар-Сина. Тебе благодарны за это половина вавилонских женщин, не считая меня. Когда он вышел из здания суда, то был подобен сказочному герою. Все женщины готовы были припасть к его ногам и молиться ему, как божеству.

Валтасар взмахнул рукой и надулся.

Телкиза не давала ему прервать себя.

– Сибар-Син весьма искусен в любви. За каждую каплю наслаждения он щедро одаривает своих возлюбленных. И когда насытится их ласками, не прогоняет их с отвращением. Если они приходят снова, он не отталкивает их. С той, которая изменила ему, он расстается мирно. Когда соперник отнимает у него возлюбленную, он не ропщет, полагая, что каждый имеет право на свою долю наслаждений. Таков Сибар-Син, мой государь. А ты? – И она показала на осколки разбитой чаши.

Валтасар дрожал от злости и негодования. Телкиза в его присутствии превозносит Сибар-Сина и унижает царя, да еще вынуждает соглашаться с ней! Валтасару хотелось оборвать ее, но она смотрела на него взглядом, под которым присмирел бы даже хищник. В конце концов, поддавшись власти этого взгляда, Валтасар в раздумье присел на скамью.

Зачем Телкиза пришла сюда, думал он. Чтобы учить его любви? Она хочет, чтобы царь любил ее, и поэтому завела речь о любви. Она хочет, чтобы он любил ее самой нежной любовью, вот и рассказывает о нежности Сибар-Сина, Она желает быть нежно любимой царем... Или?

Он зловеще сжал губы.

– Или?... – громко закричал он.

– Почему ты кричишь, Валтасар? – спросила она с подобострастной нежностью.

– Они подослали тебя сюда?

Недавно ему стало известно, что Телкиза ходит сюда не по своей воле, ее используют как успокоительное средство.

Изогнувшись всем своим гибким телом, Телкиза села рядом. Потом ответила с оттенком наигранной обиды:

– Кто же пошлет меня сюда, напротив, я вынуждена скрываться, чтобы меня не заметили. Ведь я не царица Халдейского государства, чтобы ходить к тебе, когда вздумается. Я жена Набусардара.

– Значит, ты пришла по собственной воле?

– Ох, государь, как ты можешь думать иначе, – лицемерила она, – как ты можешь подозревать меня? Мне хотелось побыть с тобой, вот я и пришла. Я с самого утра хотела повидаться с тобой, но меня не пустили.

– Тебе сказали, что я буйствую? Но я – царь и имею на то право.

– Нет, мне сказали, что ты занят предстоящим совещанием.

Валтасар удивился.

– Мне сказали еще, то ты целый день не выходишь из гостиной и готовишь речь к совещанию. Я наслышана об этой речи, как о важном событии в истории нашей страны. Ты ведь знаешь, весь Вавилон взволнованно ждет, что принесет ему завтрашний день. Да, тебе предстоит успокоить народ и воззвать к его мужеству. Мне было обидно откладывать встречу с тобой, но я сказала себе, что в такие минуты родина – главное. Мы все трепещем за ее судьбу, и поэтому мое сердце возликовало, когда твои советники сообщили мне, что ты готовишься к нынешнему совещанию, чтобы, как и подобает истинному государю, спасти державу от угрозы врага.

– Тебе действительно так сказали? – Он невольно опустил глаза.

– Да, мне так сказали, государь, – вдохновенно играла она свою роль, – так мне сказали, и я умолила хотя бы на минутку пропустить меня, чтобы принести тебе свой поклон еще до начала совещания. Прими же мой поклон, великий и славный властелин Халдейского царства.

И в то время как она грациозно склонила перед ним голову, он мрачно пробормотал:

– Ты хотела сказать: величайший и славнейший властелин.

– Да, величайший и прославленный повелитель Халдейского царства, – в тон ему подхватила она, – ты истинный защитник своего народа, и народ на твоей стороне. Да будут и боги на твоей стороне – и при их божественном покровительстве ты доведешь свое дело до победного конца.

– Боги не нужны мне, – отрезал он, – я одержу победу и без богов, я один, я одержу победу над врагом и над богами.

Телкиза смутилась и не нашлась сразу, что ответить на эту вспышку державной спеси. Ее самым испытанным оружием была улыбка, поэтому она не замедлила воспользоваться им.

Она улыбалась так обворожительно и таким чарующим взглядом смотрела на Валтасара, что он не в силах был избавиться от ее власти. Она права, он может пресытиться любой женщиной, только не ею. Так и было в действительности, и источник ее притягательности в том, что она всегда разная.

Валтасар не мог оторвать от нее жадного взгляда.

– Ты всякий раз другая, а остальные женщины очень однообразны, – сказал он.

Сейчас кстати было вспомнить о разноцветных камешках, которыми они играли в детстве, – еще тогда она нравилась Валтасару. Разноцветные камешки он выкапывал из песка и самые красивые клал на ее детские ладони. Это было для Валтасара наиболее приятным воспоминанием далеких лет. Цветные камешки и Телкиза. Телкиза с темными, как ночь, волосами, с огромными выразительными глазами, и камешки всех цветов и оттенков.

Поскольку Телкиза безошибочно угадывала, на чем в душе Валтасара выгоднее сыграть в тот или иной момент, то она придвинулась вплотную к нему и почти шепотом спросила:

– Помнишь ли, Валтасар, как мы играли цветными камешками под сикоморами, кедрами и пальмами? Валтасар взял ее за руку.

– Помнишь ли, как ты обещал мне, что будешь царем, а я – царицей Халдейской державы?

– Телкиза...

– Конечно же, ты помнишь, как мы играли в царя и царицу и ни ты, ни я не желали слушать друг друга, потому что оба мы были отчаянно упрямы. Наконец, ты швырнул в траву самые красивые камешки, чтобы отомстить мне. А потом долго отыскивал их и жалел, что огорчил меня. А когда ты собрал их снова, то не отдал мне, а сказал, что еще подумаешь. Я оставила тебя раздумывать, а сама побежала играть с другими детьми из благородных фамилий. И ты страшно рассердился, грыз зубами камни, бросился на землю и выл, как шакал. Когда ты совсем выдохся, тебя, измученного, отнесли в детскую, и там ты крепко уснул.

Рассказывая, она с лукавой нежностью льнула к нему и обвивала руками его шею, пока и он не обнял и страстно не прижал ее к себе.

Уже в его объятиях она рассмеялась.

– Ты всегда был таким и таким остался, только ты царь, а я не царица Халдейской державы, и в то время как я тоскую по тебе, ты тоскуешь по многим другим.

Как будто и не бывало сегодняшних событий, как будто кто-то стер самую память о них – Валтасар смотрел как зачарованный на ее лицо, покоряясь ее обаянию:

– Я, конечно, глупец, что думаю о других, когда существуешь ты. Ни одна не сравнится с тобой. Даже те, с Кипра, которых украл у меня Кир, даже они. Ты должна была быть халдейской царицей, ты должна была быть моей женой. Я любил бы тебя одну, а ты меня. Я пламенно любил бы тебя.

Он любовался ею, однако незаметно к нему вернулись назойливые думы о красавицах, которых захватил Кир. Он устремил взгляд вверх ее головы куда-то на север и с вождением прошептал:

– Но эти киприотки, говорят, подобны сочной мякоти винограда. Говорят, они превосходят всех на свете, а таких у меня еще не было.

Глаза его напоминали меркнувший очаг, в них тлела печаль ребенка, у которого отняли игрушку.

Телкиза знала, что Валтасар неистовствовал из-за кипрских девушек, а выдумку о его речи на вечернем совещании сочинила сама. Она пришла в Муджалибу укротить царя и настроить его на деловой лад. С этой же целью она приготовилась хорошенько припугнуть Валтасара.

– Я слышала, – начала она, – что Кир задержал корабли, захватил все товары и девушек, которых финикийские купцы везли тебе. Ты думаешь, что Кир завладел самыми прекрасными женщинами в мире. Уверю тебя, ты заблуждаешься. Я знаю, что есть племена, чьи женщины превосходят кипрских.

Снова поглощенный мыслями о киприотках, Валтасар почти не слушал Телкизу. Он упорно сверлил взглядом стену гостиной, которая закрывала от него северные дали.

Но Телкиза продолжала:

– Это женщины скифов с берегов Черного моря. Они стройны, как ели, и ездят верхом не хуже мужчин. Они сражаются с врагами за своего царя и носят оружие, как халдеи. Но не это главное.

Валтасар покачал головой.

– Не это главное, послушай, что я скажу дальше.

Царь обнаружил некоторую заинтересованность.

– Слушай хорошенько, не пропусти ни слова. Валтасар поднял голову, как настороженный олень в лесу.

– Эти женщины с берегов Черного моря из племени, которое зовут скифами. Они сложены безупречно, и тело их свежо и гладко, потому что они натирают его кедровым и кипарисовым маслом. Телкиза, в знак признательности, может подарить тебе одну скифскую женщину, как ты когда-то дарил ей цветные камешки.

Эти слова произвели на Валтасара впечатление.

Он прикрыл глаза и встал.

Еще недавно он упивался кипрским вином, чтобы почувствовать в его букете аромат тех, которые нежились под кронами деревьев, подобно зрелым плодам. Теперь его манило пойти в парк, чтобы вдохнуть аромат кедров и представить себе женщин, умащивающих себя кедровым маслом, чтобы тело было гладким и благоуханным.

– Правда, – напомнила ему Телкиза, – сейчас тебя ждут государственные дела. Тебе придется одеться и пойти к советникам, но когда ты вернешься, скифка будет тебя ждать, в Муджалибе. Если только это будет угодно тебе.

– Я хочу ее, Телкиза, – подтвердил он. Телкиза горько усмехнулась, но главное – свой долг перед царским двором и государством она выполнила. Еще раз, будто невзначай, она напомнила ему, что предстоит ему сделать в эти роковые минуты. Одеться, отправиться на заседание и настаивать на решительной обороне державы. Когда он завершит совет так, как подобает истинному и прославленному властелину, он с чистой совестью может отдаться наслаждению.

– После этого ты найдешь ее здесь, и она будет твоей так долго, как ты сам пожелаешь. Правда, она скакала по горам на резвых скакунах с копьем в руке, но при этом женственностью она не уступит самым избалованным вавилонянкам. Мне ее прислал Итара, начальник сторожевой службы на севере. Его солдаты поймали ее, когда она перешла нашу границу. Вождь скифов послал ее выведать, насколько могущественна Персия и не грозит ли им с ее стороны опасность. Она слишком отклонилась на юг и попала к нам. По крайней мере, так она объяснила. Итара подарил мне ее в качестве невольницы. Но для этой роли она слишком хороша, да к тому же из княжеского рода; поэтому ей вполне пристало быть возлюбленной царя. Твоей возлюбленной, Валтасар. Но только после заседания.

– Ты неумолима, как и в детстве, Телкиза, – сказал он.

– Я не уступлю тебе, даже если бы ты сделал меня за это царицей. Сейчас нам нужны не цари и царицы, а военная мощь и сила духа, чтобы одолеть врагов. Докажи, что ты владыка, сильный духом. Я могу не быть халдейской царицей, но хочу, чтобы в награду за скифскую девушку ты спас Вавилон. Помни, Валтасар, что для спасения Халдейского царства нужна армия. Поэтому ты утвердишь оборонительный план Набусардара.

– Мои советники настроены против войны.

– Разве ты не царь? Разве твое слово ничего не значит?

– Да, Телкиза, – ответил он гордо, – я царь, и мое слово решает все.

– Значит, все зависит от твоего решения, а не от решения сановников. Истинному и великому государю нужна могущественная армия. Без армии, которую хочет создать для тебя Набусардар, ты не станешь настоящим властелином. Как видишь, даже женщин с Кипра не смогли тебе доставить финикийские купцы, потому что границы страны не защищены. Если бы на севере у тебя был мощный военный заслон, ты бы нежился сегодня на ложе с прекрасными островитянками.

– Ты же сказала, что скифская девушка превосходит их.

– Ты потеряешь и ее, если Кир завоюет Вавилон, мой повелитель. И тогда Кир будет обнимать ее плечи и стан. Кир будет упиваться ароматом ее тела, пахнущего кедром. Кир будет любоваться ее улыбкой. Кира будет ласкать ее руки в долгие лунные ночи. Кира...

– Довольно! – оборвал он ее, задетый за живое.

– Теперь ты знаешь, как необходима тебе армия!

– И я буду ее иметь! Под водительством царя царей, властелина Халдейского царства, она сметет Кира и Персию. Я не люблю мудрствующих женщин, но ты подала мне верный совет.

Тут же, словно не думая уже ни о чем другом, кроме заседания, он хлопнул в ладоши и велел одевать его.

Когда он опустил Телкизу, она подобрала правой рукой край роскошного платья и отвесила ему низкий поклон.

– Живи вечно, Валтасар, и помни о своей Телкизе, которая счастлива, когда видит тебя.

– Да хранят тебя боги, Телкиза.

Он простился с ней, окончательно умиротворенный.

Телкиза скользнула за занавес, снова подобная грациозной белой змейке.

Советники ждали ее за дверями и, когда она проходила мимо, низко и почтительно кланялись ей в знак благодарности – с лицемерной благодарностью и издевательским почтением. Они были посвящены в тайны ее запутанных отношений с Набусардаром и утвердились в мнении, что вечно ищущая новых любовных услад, ненасытная тигрица Вавилона сама ни к кому не питает настоящей любви. Им казалось, что она не требует и не ждет от жизни ничего, кроме наслаждений.

Они ошибались.

Телкиза шла в сопровождении телохранителя через анфиладу огромных покоев огромного дворца, озаряя их так хорошо знакомой всем улыбкой. Но в душе все это время с затаенной горечью глухо звучала извечная обида: «Я должна была стать царицей, царицей Халдейской державы».

* * *

Когда из дворца посылали за Набусардаром, его не нашли ни дома, ни в зимней резиденции царя, потому что по дороге его задержала непредвиденная встреча.

Воин по натуре, Набусардар повсюду ездил только верхом и даже для визита в царский дворец не пользовался паланкином. И на совещание он отправился верхом. Он ехал по улицам Вавилона, и при свете звезд уже издали была заметна золотая уздечка его скакуна, украшенная топазами. Парадную сбрую его коня знал каждый житель Вавилона.

На голове у Набусардара на этот раз красовался шлем с султаном из перьев; он надевал его в особо торжественных случаях. На нем были белый хитон и пурпурный пояс, богато расшитый золотом. Через плечо перекинут алый плащ, усыпанный золотом, словно звездами.

По улицам Вавилона он ехал в сопровождении телохранителя и четверых воинов.

Они уж поравнялись с воротами Иштар, на которых месяц освещал отливавшие голубишной изображения священных быков, как неожиданно на пути Набусардара появился человек, с головой закутанный в мантию жреца. Он выступил из-за колонны, заканчивающейся шестом с обвитой вокруг него железной змеей – знак Миниба, бога силы, здоровья и целебных средств, символы которого были расставлены по всем улицам Вавилона.

Человек внезапно очутился у самой морды коня, солдаты выхватили мечи и хотели оттолкнуть его от Набусардара.

Но жрец опередил их, вполголоса сказав полководцу:

– Выслушай меня, Непобедимый, у меня есть для тебя важное сообщение.

– Кто ты? – спросил Набусардар, в то время как воины стояли со скошенными мечами между ним и незнакомцем.

– Я – халдей телом и душой.

– Твое имя?

– Не гневайся, если я не открою тебе своего имени. Пусть тебе будет порукой то, что у меня нет ни меча ни злых умыслов. Пусть твоя светлость выслушает меня, хоть ты не знаешь моего имени.

– Жди меня здесь после совещания. – приказал Набусардар.

– Тогда будет поздно, досточтимый, мне важно, чтобы ты узнал все сейчас.

Жрец так подчеркнуто произнес это «сейчас», что Набусардар согласился выслушать его. Он велел солдатам осмотреть ближайшие декоративные кусты и деревья, и они вместе с жрецом укрылись в их тени. Телохранитель и солдаты остановились поодаль, чтобы не мешать их беседе, но прийти на помощь Набусардару, если понадобится.

Едва они очутились в зарослях кустарника, жрец сказал:

– Теперь я могу открыть тебе, кто я. Я Улу, жрец Эсагила и первый советник верховного жреца.

Набусардар невольно отпрянул и недоверчиво взглянул на закутанного с ног до головы жреца.

– Я Улу, – повторил тот и слегка приоткрыл лицо, так что теперь его было хорошо

видно при свете луны.

– Что привело тебя ко мне?

– Та же любовь, которая таится и в твоём сердце, и та же ненависть к персам, которая заставляет тебя готовиться к войне с ними.

– Если ты вздумал провести меня, я уложу тебя тут же на месте, жрец Улу, – предостерегающе сказал Набусардар.

– Лучшим доказательством тебе будет то, что я скажу, иных у меня нет.

– Говори, – приказал полководец.

– Ты быстр, как орел, и силен, как лев, господин, но есть вещи, которые остались бы навеки скрыты от твоего взора, если бы великие боги своей властью не сталкивали замыслы людей.

– Говори короче, мне некогда слушать долгие речи.

– От тебя, конечно, скрыли, Непобедимый, что Сан-Урри жив и прячется в Эсагиле. Украденный план Мидийской стены он отдал верховному жрецу. Не исключено, что Эсагила передаст его персам.

Набусардара словно ударили мечом по голове. Жрец заметил, как ошеломило Набусардара его сообщение, и умолк.

– Говори дальше, Улу, – приказал полководец, до боли стиснув руки.

– Одно мне не ясно:, как может Эсагила передать план именно персам?

– Она заключила с ними договор, господин, – шепотом сказал Улу, оглядевшись вокруг.

– Какой может быть договор у Эсагилы с персами? Улу снова сторожко огляделся и потом подробно рассказал Набусардару о визите жрецов Ормузда из Экбатаны и о тайном соглашении, копию с которого он снял в подземном святилище Мардука. Набусардар даже заскрежетал зубами, когда услышал от Улу, что священнослужители Эсагилы встали на сторону Кира и обещали ему выдать Вавилон, если он оставит в неприкосновенности Храмовый Город.

– Предатели! – Тяжким камнем сорвалось это слово с языка Набусардара.

– Да, предатели, господин, – убежденно сказал Улу, – подлые предатели, которых алчность довела до того, что они торгуют жизнью людей, продают за золото народ, продают государство, продают родину.

– Ты один из них, как же ты можешь говорить так? Ты знаешь, что тебя за это ждет смерть!

– Я готов принять смерть, досточтимый господин, я готов умереть за Халдейское царство. Знаю, что братья из Эсагилы не проявили бы ко мне милосердия, они жестоки и бесчеловечны. С этого дня я отмечен клеймом смерти, но меня уже ничто не страшит. Я хотел поставить тебя в известность о затеваемом Эсагилой, чтобы ты знал, кто враг тебе в Халдейской державе. Никому не говори обо мне, я постараюсь еще быть тебе полезным. Я буду сообщать сведения, которые помогут тебе. И да благословит тебя великий Мардук, Непобедимый.

– Да хранит тебя дух страны наших предков, Улу.

– Да хранят нашу страну твоя мощь и боги, досточтимый.

Набусардар посмотрел на небо, уточняя время.

– Это все, Улу? Мне пора ехать.

– Есть кое-что еще, Непобедимый.

И Улу рассказал о встрече с персидскими шпионами, которых он застал на постоялом дворе, о свидании с Устигой в трактире у Деревни Золотых Колосьев, где они договорились, что Устига пошлет Элоса и Забаду к городским воротам, а Улу проводит их в башню Этеменанки и поможет им завладеть планом Мидийской стены. Поскольку ворота охраняют не только солдаты царя, но и вооруженные слуги Эсагилы, Улу предложил Набусардару тайно перебить всех солдат Эсагилы, тогда у входа останутся только его воины, и они без помех схватят Элоса и Забаву.

Набусардар одобрил план и, не мешкая, отправил посыльного из своей свиты в дом командования за военачальником из тайной службы, чтобы тот явился получить необходимые распоряжения в зимнюю резиденцию царя.

Полководец простился с жрецом и продолжил свой путь.

Улу поднял руку и благословил его. Серебристый луч луны осветил лицо Улу.

Оно казалось вычеканенным из металла.

* * *

Дворец царя Набопаласара заполняли высшие сановники. У входа то и дело останавливались золоченые паланкины, один роскошнее другого. По всем дворам и галереям распространялось благоухание нарда, которым были умащены тела вельмож. Напомаженные волосы блестели при свете факелов, масляных светильников и ламп. Одежды сверкали драгоценными камнями, соперничая красотой с драгоценностями в дворцовых покоях.

Первым в кабинет царя вступил сановник по делам правосудия, которого приветствовал главный управитель дворца. Следом вошел хранитель печати в сопровождении халдейского посла в Египте. Чуть позже явились сановник, ведавший делами внутри страны, сановники, в ведении которых были дороги и хозяйство. Потом пришел главный казначей с целой свитой высокопоставленных чиновников.

Сановник, ведающий хозяйством, уселся первым, так как был не в силах выстоять под тяжестью праздничных одежд и царских наград.

Прямо против него сел главный казначей, чтобы подразнить его видом своего скарабея, которого прикрепил к его груди сама царица. Он считал эту награду более ценной, чем любые воинские знаки отличия, и все время становился против света, многозначительно улыбаясь при этом. Сановнику по хозяйству было противно хвастовство коллеги, и, желая унижить казначея, он завел с ним такой разговор:

– Я слышал, что твоя светлость получил эту награду от царицы, – и концом своего посоха, знаком власти сановных деятелей государства, указал на скарабея. – Слышал я

также, светлейший, что таких скарабеев царица раздает до трехсот шестидесяти штук в год.

– И все-таки мне доставляет больше удовольствия один собственный скарабей из трехсот шестидесяти, чем триста шестьдесят унаследованных наград.

Главный казначей хотел поддеть своего собеседника, но тот невозмутимо ответил:

– Свои собственные награды, достойнейший, мне уже негде и прицепить, с меня довольно хлопот и с этими. – И он с довольным видом оглядел свою грудь и прибавил: – Мой род получал награды не за волокитство, а за верную службу отечеству. Наш род известен со времен Саргона Аккадского, и на моей груди знаки отличия царей всех династий, начиная от Саргона. Если царь предоставит мне возможность, то у тебя, достойнейший, будет случай увидеть и мою собственную награду.

– Какой же возможности ты ждешь, если сейчас царят мир и спокойствие?

– Уж не спишь ли ты, достойнейший, ведь не за горами новая война.

– Война? – иронически переспросил казначей.

– Да, с персами, лидийцами, мидийцами и Египтом. Казначей захохотал так громко, что привлек внимание сидящих за другими столиками. Хранитель печати поперхнулся вином и закашлял, тогда как другие включились в беседу главного казначея с сановником по хозяйству. С кубками в руках они обступили их. Главный казначей объяснил им:

– Вот его светлость утверждает, что будет война с персами, да и не только с ними, а еще и с лидийцами, мидийцами и египтянами.

Слова эти встретил дружный смех.

– Ты позабыл еще греков, римлян, скифов, массагетов, индийцев, китайцев и гишпанцев, – раздался чей-то голос, за которым последовал новый взрыв хохота.

Не смеялся только верховный судья Вавилона. Он сидел один за столиком и сосредоточенно думал. Идин-Амуррум решил в конце концов выложить перед членами совета все, что накопилось на душе. Он не в состоянии больше оставаться в своей должности, так как не желает творить суд несправедливый. Вспоминались ему один за другим тяжбы, в которых он по приказу царя и против своей воли выносил несправедливые приговоры. Взять хотя бы последнее дело – дважды убийцы Сибар-Сина, да и остальные дела, в которых подкупленные судьи сказали свои лживые «да» или «нет». Так слуги правосудия сами нарушали закон основоположника права Хаммурапи. Все триста статей его закона сводились теперь к тому, чтобы судьи взимали мзду с тяжущихся.

Он был погружен в свои мысли, когда к нему обратился сановник, ведающий дорогами:

– А ты, достопочтенный верховный судья Вавилона, каково твое мнение о войне?

Судья с неудовольствием выслушал вопрос, однако ответил, что считает войну весьма вероятной.

– Весьма вероятной? – изумился управитель дворца.

– Даже несомненной, – решительно подтвердил судья.

– Несомненной? – отозвался и сановник по внутренним делам и поправил свою накладную бороду. – Я тоже считаю ее несомненной, но ее надо предотвратить.

– Ты считаешь войну несомненной, но говоришь, что ее надо предотвратить, как это понимать, достойнейший?

– Как вам удобнее, – съехидничал кто-то, намекая на его двуличие.

В ответ сановник по внутренним делам презрительно выпятил губу в знак того, что считает ниже своего достоинства обращать внимание на колкость, взял бокал вина и единым духом осушил его. Свое мнение он еще выскажет в тронном зале перед царем, Набусардаром, Эсагилой и всеми прочими. Однако, когда вино ударило ему в голову, он обошел поочередно всех и перед каждым ораторствовал с таким пылом, что ему могли позавидовать выступающие на площадях пророки.

В таком настроении и застал его Набусардар, о приходе которого возвестил в этот момент один из стражей.

Полководец появился в полном блеске военных доспехов, не сняв даже шлема. Его фигура в парадном убранстве выглядела столь величественно, что в первый момент его легко было принять за царя.

Каждый счел своим долгом почтительно приветствовать полководца, только сановник по внутренним делам продолжал разглагольствовать с бокалом в руке. Когда в наступившей тишине он наконец увидел Набусардара, то несколько смешался, но, подогреваемый вином, храбро направился к нему.

– Твоя светлость, конечно, думает, – забормотал он, – твоя светлость думает, что я питаю пристрастие к вину. А я всего лишь из желания не обидеть царя отведал его напитков.

– Превосходно, достопочтенный, – рассеянно бросил Набусардар.

Он нервно прошелся по кабинету, почти никого не замечая, и тут же вышел. В одном из боковых покоев он дождался военачальника из тайной службы, за которым посылал в дом командования. Когда военачальник явился, Набусардар отдал ему необходимые распоряжения, исходя из услышанного от Улу. У Ниневийских ворот, ночью самых тихих, перебить часовых Эсагилы. Когда на месте останутся только царские солдаты, пропустить в город Забаду и Элоса – персидских шпионов, замещающих арестованного Устигу. Шпионов запереть в тюрьму при доме командования. Утром Набусардар лично допросит их. Трупы часовых Эсагилы еще до рассвета сбросить в Евфрат, чтобы не осталось никаких следов.

Военачальник удалился, а Набусардар вернулся в кабинет и вместе со всеми дождался момента, когда возвестят о прибытии царя.

Государь что-то мешкал, и все недоумевали, не зная, что происходит в Муджалибе.

Еще более странным было отсутствие Эсагилы, которая обычно в полном составе церемонно вступала в тронный зал из расположенных напротив кабинета дверей. На этот раз в тронном зале ожидали царя только советники и прочие сановники, а жрецов Эсагилы не было.

* * *

Наконец прибыл царь.

Сановники и члены государственного совета при его появлении встали со своих мест и низко поклонились царю, скрестив руки на груди.

В сопровождении советников и воинов царь прошел к трону, стоявшему на возвышении, к которому вели семь золотых ступеней. Самый трон, устланный китайским шелком, покоился на золотых львиных лапах, локотники из золота и слоновой кости, все в жемчугах и драгоценных камнях, заключали в себе состояние целой династии. Валтасар имел поистине царственный вид. Расшитый золотом хитон сиял в свете ламп. На голове сверкала каменьями тиара. Перстень с печатью лучился цветными огнями. В руке он сжимал жезл, символ державного сана. Предплечья были схвачены массивными золотыми браслетами. Даже на сандалиях сверкали алмазы.

Однако одежда и украшения только дополняли общее впечатление царственности, которой веяло от всей его фигуры, надменного лица, гордого орлиного профиля.

Валтасар сел, за ним сели и остальные.

В тронном зале наступила тишина. Валтасар поднял руку и подал знак начинать заседание.

Поднялся первый советник, на обязанности которого лежал церемониал заседания, и спросил, можно ли ему произнести вступительную речь в отсутствие Эсагилы.

Царь сделал знак рукой.

Он был согласен выслушать Вступительную речь. Однако в глубине души был крайне уязвлен, что

Эсагила не явилась до его прибытия, как то предписывал закон и обычай. Эсагила должна встречать повелителя, а не повелитель – Эсагилу. Это сулило новые козни. Впрочем, лучше бы она не явилась совсем, – по крайней мере, одним препятствием меньше для принятия угодных царю решений.

Первый советник открыл совещание следующими, словами:

– От имени царя царей, владыки мира, сына богов, искупителя народа, защитника границ, хранителя права и справедливости, заступника вдов и сирот, властелина славной Халдейской державы, великого преемника Саргона Аккадского, Хаммурапи Первого и прославленного преемника Навуходоносора Второго, призываю на вас милость богов. Да благословит вас Мардук, создатель мира, Ану, владыка небес, Иштар, его дочь и дарительница услад. Да благословят вас бессмертные боги Халдейского царства устами царя царей, владыки мира, сына богов, искупителя народа, защитника границ, хранителя права и справедливости, заступника вдов и сирот, властелина славной Халдейской державы, бессмертного продолжателя...

Его слова внезапно были прерваны раздавшимися снаружи звуками труб эсагильских воинов, которые возвещали о прибытии жрецов Храмового Города. В былые времена солдаты Эсагилы находились в тронном зале вместе со жрецами, но Валтасар, вступив на престол, запретил этот обычай. Он всегда был неуверен в Эсагиле и поэтому не желал видеть ее перед собой вооруженной. И на этот раз солдаты остались снаружи, а распахнутые двери тронного зала торжественно вступила процессия жрецов в длинных белых одеждах и мантиях.

Среди них был верховой жрец Исме-Адад, рядом с которым, ко всеобщему удивлению, выступал и бывший царь Набонид.

По меньшей мере половина присутствующих в зале оказала ему царские почести, встав

при его появлении. Но в этом было больше растерянности, чем восторга. Остальные не сдвинулись с места, так как не подобало оказывать кому-либо почести в присутствии законного владыки, Валтасара. На всех лицах было написано крайнее недоумение, в особенности изумлены были Валтасар и Набусардар.

Набусардар мгновенно понял в чем тут дело. Эсагила искала случая свергнуть Валтасара с первого дня его воцарения. Видимо, она сочла удобным сделать это теперь. Эсагила всегда подчеркивала, что законным царем она считает только Набонида, поэтому и дерзнула явиться на совещание после Валтасара. До Набусардара дошли слухи, что Эсагила подарила высшим сановникам пятьдесят поместий, но он не знал, что за этим кроется. Сначала он предположил, что этими дарами Эсагила обеспечивала выступления против его оборонительного плана. Но, помимо этого, у Эсагилы еще что-то на уме. Видно те, кто получил от нее подарки, должны были вызвать сумятицу в настроениях участников заседания и поднять бунт, когда появится Эсагила. Божьи воители сумели бы воспользоваться этим и посадить на трон Набонида, который прежде сам был жрецом. Опоздание Эсагилы и присутствие Набонида на совещании Валтасар воспринял как дурное предзнаменование. Его охватил панический страх, но, увидев растерянные лица членов совета, у которых недоставало отваги поддержать коварные действия Эсагилы, он немного успокоился и поудобнее расположился на троне, скривив губы в презрительной усмешке.

Валтасар продолжал сидеть, наблюдая за служителями Мардука, начинавшими проявлять признаки беспокойства и неуверенности.

Верховный жрец взглянул на царя Набонида, потом окинул взором присутствующих – Валтасара, Набусардара, советников, сановников, наместников, высших военачальников. Он был озадачен. Верховному судье Вавилона он послал шкатулку с золотом и жемчугом, чтобы тот не являлся на совещание. Судья подарка не вернул, однако присутствует здесь. Сановник, ведающий хозяйством, отказался принять от него поместье, и сейчас верховный жрец прочел в его взгляде откровенный вызов. Это встревожило верховного жреца, и, прежде чем выступить, он взвешивал про себя каждое слово, подбирая убедительные доводы, чтобы привлечь всех членов совета на свою сторону. Он медлил начать речь и испытующе смотрел в лицо Набонида.

В толпе жрецов Набонид – хилый старец с живыми любознательными глазами – казался маленьким сказочным человечком.

Набонид явился сюда по настоянию Храмового Города. Он отвык от государственных дел, тем более что нашел прекрасную замену – науку археологию, открывающую древнюю, никому еще не ведомую историю Халдейского царства. Он не собирался ни с кем здесь ссориться и сразу понял, что жрецы обманули его, расписывая, как страстно мечтают халдеи о его возвращении на престол. Он убедился в обмане, едва переступил порог дворца. Он был встречен недоумением и негодованием. Конечно, жрецы задумали с его помощью взять власть в свои руки.

Нет, он не станет ни с кем ссориться. Киш и Кута, священный Киш и священная Кута – вот где его место, место ученого. Пускай в Вавилоне правит Валтасар, спесивый и жестокий узурпатор отчего престола. За это преступление Валтасара ждет возмездие богов, боги, которым Набонид ежедневно приносит свои молитвы, покарают его.

Он посмотрел на трон, где, развалившись, сидел Валтасар с недоброй усмешкой в уголках губ. Он выглядел весьма внушительно. Набонид вспомнил, как сам он на троне проваливался в подушки, которыми его обкладывали со всех сторон. Набонид казался ребенком с черными бусинками пронизательных глаз. Голосок у него был негромкий, и стоило кому-нибудь во время его речи скрипнуть скамьей, как уже нельзя было разобрать ни слова. И сановники сидели каменными истуканами, боясь шевельнуться. В этом тронном зале он казался смешным даже самому себе. Живя в тихой Куте, он растерял последние остатки царского величия и теперь охотнее всего ушел бы отсюда.

Пока Набонид предавался размышлениям, а Валтасар с победоносным видом восседал на троне, верховный жрец все больше убеждался, что вельможи, невзирая на полученные в дар поместья, робеют выступить против нынешнего правителя Вавилона. Они обмениваются растерянными взглядами, перебирают золотую бахрому на своих одеждах или нервно крутят золотые резцы для письма, лежащие перед ними на столиках. Ни один не отважился поднять глаза ни на верховного жреца, ни на Валтасара.

Валтасар упивался общей растерянностью. Он видел жрецов насквозь. Они хотели свергнуть его и вернуть на престол Набонида, чтобы его именем снова самим править Халдейским царством. Только этому не бывать.

Он еще крепче стиснул золотые локотники и, прищурившись, взглянул на верховного жреца.

Тот, приняв позу человека, озабоченного судьбами государства, изрек:

– В этот важный для судеб державы час его величество царь Набонид пришел с визитом в Вавилон.

– Мы рады видеть Набонида, – не вставая с места, приветствовал его Валтасар и дал знак рукой, что он может занять одно из кресел, предназначенных для представителей Эсагилы.

Жрецы не садились, продолжал стоять и немощный старец Набонид.

Валтасар снова дал знак сесть.

Верховный жрец вспыхнул, не в силах долее сдерживаться.

– Царю Халдейской державы, – он имел в виду Набонида, – подобает занять место на троне.

– Халдейский царь и сидит на троне, – взорвался Валтасар. – Или Эсагила явилась на совет затем, чтобы во всеуслышанье заявить, что она не признает царя Валтасара владыкой Халдейской державы? Если так, то у меня есть что сказать Эсагиле.

Он побагровел, его охватила дрожь, как всегда в минуты волнения.

Вместо ответа верховный жрец выступил вперед и направился к Валтасару.

Валтасар дал знак телохранителям преградить ему путь.

Для всех навсегда осталось тайной, что намерен был сделать верховный жрец, дерзко двинувшись на царя. Очевидно, добра это не сулило. Быть может, верховный жрец думал совершить то, что не удалось жрецу-кастрату, которому божьи воители приказали убить Валтасара по дороге из Муджалибы в зимнюю резиденцию царей. Жрец стоял наготове позади Колоннады Львов, но из-за большого скопления народа не смог протиснуться к носилкам царя. Это спасло Валтасару жизнь. Потому жрецы и опоздали к началу совещания, что ждали в Храмовом Городе известия о смерти Валтасара, на всякий случай держа под рукой Набонида. Покушение не состоялось, но это не означало, что Эсагила отказывается от попыток устранить Валтасара. Может быть, выступление верховного жреца и должно было теперь решить все дело. Однако копья солдат преградили ему путь.

Исме-Адад остановился, поджав губы и выпятив грудь.

Валтасар, единственный, имевший право присутствовать на совещании при оружии, выхватил меч. Увидев это, верховный жрец воскликнул:

– Ты поднял меч на святого отца?

– Меч против меча! – ответил Валтасар.

– С мечом против святого отца, – скорбно прошептал Исме-Адад, но острый взгляд Набусардара и верховного судьи отметили, что скорбь его была притворна.

Набусардар приготовился вмешаться, чтобы как-то разрядить эту тягостную обстановку, но тут заговорил царь Набонид, попросивший не устраивать из-за него свару в священном месте. Он посетил Вавилон, как это делает любой житель халдейской земли. Он проникся важностью момента и поэтому, по совету Эсагила, пришел на заседание совета, чтобы укрепить в народе веру.

– Я прошу моего сына-преемника, – он поднял свои проникновенные черные, как угольки, глаза на Валтасара, – я прошу разрешить мне выступить наряду с остальными с речью.

На мгновение задумавшись, Валтасар милостиво махнул рукой.

Эсагила вместе с царем Набонидом заняла отведенные им места, и первый советник Валтасара повторил свою вступительную речь.

– От имени царя царей, – снова заговорил он, – владыки мира, сына богов, искупителя народа, защитника границ, хранителя права и справедливости, заступника вдов и сирот, властелина славной Халдейской державы, великого преемника Саргона Аккадского, Хаммурапи Первого и прославленного преемника Навуходоносора Второго, призываю на вас милость богов. Да благословит вас Мардук, создатель мира, Ану, владыка небес, Иштар, его дочь и дарительница услад. Да благословят вас бессмертные боги Халдейского царства устами царя царей, владыки мира, сына богов, искупителя народа, защитника границ, хранителя права и справедливости, заступника вдов и сирот, властелина славной Халдейской державы, бессмертного продолжателя дела Саргона Аккадского, Хаммурапи из первой династии и прославленного преемника Навуходоносора Второго.

Первый советник сел, его сменил второй. Выступили еще четыре советника царя, после чего Валтасар дал слово Набониду, перед тем как перейти к обсуждению персидской опасности, с которой археологические изыскания его незадачливого отца не имели ничего общего. Будет лучше, рассудил Валтасар, если Набонид выговорится сейчас.

Набонид сделал попытку встать с кресла, из которого он высовывался, как птенец из гнезда. Жрецы поспешили ему на помощь, но Исме-Адад раздраженно остановил их и почтительно обратился к царю царей, непреклонному Валтасару, чтобы он позволил Набониду произнести свою речь сидя.

Валтасар кивнул, и Набонид начал говорить, почти беззвучно шевеля губами. В огромном зале голос его звучал едва слышно даже в былые времена, когда он произносил свои речи сидя на троне и глаза всех присутствующих устремлялись на него с обожанием. Тогда наступала такая тишина, что, казалось, можно было услышать лет мотылька. Теперь же слова его были. Встречены с явным неудовольствием, и звуки его голоса совсем потонули в шуме.

Бескровные губы Набонида дрожали, дрожали руки, он весь дрожал... Только глаза светились проникновенно, как две священные лампадки. Они были сама жизнь, жизнь, одухотворенная влюбленностью в науку, страстной жадью открытия древней неведомой Халдеи. Он знал заранее, что, при всем желании зажечь сидящих здесь вельмож, вызовет в них одно лишь отвращение. Им чуждо славное прошлое Вавилонии. Но он, Набонид, докажет, что, как свидетельствуют древние летописи, найденные в развалинах храмов, на этой земле между двумя священными реками возникла древнейшая культура. Слово изреченное может развеять ветер, но слово, запечатленное в старинных

письменах, не подвластно даже времени.

– Да, – начал Набонид. Он еще раз глубоко вздохнул и продолжал слабым, но вдохновенным голосом. – Уже десять тысячелетий Вавилонии предугазано питать культурой весь мир, способствуя развитию соседних народов. Богам угодно было. Сделать ее кладезем мудрости и открытий. Страна между священными реками Тигром и Евфратом подарила миру гениев, которые не только стали творцами великой истории Халдейского государства, но сумели мощью своего выдающегося духа преображать землю и обгонять время. Посмотрите на финикийцев, они не создали ничего примечательного. Их самый известный властелин Хирам Тирский прославил себя только пристрастием к роскоши. Ассирийцы преуспели лишь в подражании халдейскому искусству. Доказательством тому – списки с книг из вавилонской библиотеки, перевезенные ими в Ниневию. Персы недавно научились делать то, что создал у нас уже три тысячи двести лет назад Саргон Аккадский Египтяне ценой ухищрений, с помощью поддельных свидетельств объявляют себя основоположниками и творцами культуры человечества. Римляне крадут статья из свода законов Хаммурапи и выдают их за собственные. Греки перенимают наш уклад жизни и благодаря этому слывут учителями Нового Света. Вся эту ложь и ухищрения история в будущем приняла бы за истину, если бы великий Мардук не призвал к жизни мужа правды и не повелел ему разоблачить обман. По велению богов я извлекаю из праха забвения истину, которую прикрыли собой священные руины и сохранили там до наших дней, чтобы доказать, что нет народа выше халдейского, нет державы выше Халдейской, а также, что здесь, между священными реками, возникла первая жизнь и первая культура. Сегодня мы уже можем доказать, что именно наш дух и наш гений подняли человечество из праха. Он сделал короткую паузу, перевел дыхание, словно приготовился исполнить важнейшую миссию своей жизни, и продолжал восторженно повествовать о своих, еще никому не ведомых великих открытиях:

– Да, уже четыре тысячи лет халдеям известна письменность, тогда как Египту – только три тысячи пятьсот лет. И не египтяне, а мы заложили основы математики и астрономии. Мы первыми открыли умножение, деление, возведение в степень, извлечение корня, дроби. Мы высчитали продолжительность солнечного года. Мы поделили его на двенадцать месяцев, месяц на четыре недели, неделю на семь дней и ввели високосный год. Мы открыли час и минуту. Мы обнаружили земную ось. Вавилонские ученые рассчитали движение звезд по кругу и их кратчайшее расстояние от солнца при восходе и заходе. Мы определили астрономическое начало времен года. Мы первыми наблюдали движение планет. Мы первыми высчитали скорость движения луны и солнца. Мы первыми заложили основы естественных наук и географии. И мы же, а не Египет, первыми открыли лекарства. В то время как в Египте лечат с помощью заклинаний и мозгом ящериц, вавилонские ученые сделали медицину серьезной наукой, опирающейся на результаты всесторонних наблюдений. Мы первыми стали заниматься историей, литературой, филологией, грамматикой. У нас были первые государственные договоры и первое государственное устройство. Мы первыми завели торговлю и банковское дело, которые теперь распространились по всему свету. Мы и только мы... и снова мы, во всем первые – мы.

Речь старца и его кропотливый труд на научном поприще были очень интересны. Однако собравшиеся нетерпеливо ждали, когда он кончит. Пока он рисовал перед ними картину прошлого, их снедала тревога за будущее Вавилонии – персидские войска стоят у стен мидийских укреплений. Сегодня предстояло решать иные дела, и потому, едва Набонид сделал новую паузу, в зале задвигались. Сам Валтасар нетерпеливо ерзал на троне. Наука никогда не увлекала его, и он не мог понять, какое удовольствие находит старик в том, чтобы рыться в старых, пыльных библиотеках или раскапывать холмы, в которых погребены развалины древних святилищ, и по их обломкам читать необычайную историю Халдейского государства. Искусством Валтасар признавал только то, что служило прославлению его царствования, его самого, как величайшего властелина всех времен, и его державы, как самой могущественной на свете. Все, связанное с именами других людей, с иными временами, не имело в его глазах никакой ценности, за исключением разве что армии, которая возвышала его мощь. Вот и Телкиза говорила сегодня, что, если у него будет непобедимая армия, все его желания сбудутся.

Поэтому он нетерпеливо поглядывал на отца, едва сдерживаясь, чтобы не оборвать его на полуслове.

Набонид же перевел дух, собрался с силами и продолжал:

– Да, во всем, что было, есть и будет на свете, неоспорима великая заслуга халдеев, самого могущественного, самого благородного и одаренного среди других народов. Халдеи потому самый могущественный и одаренный народ, что они – избранники богов. Боги вдохнули в нас свою силу, свою мудрость и свое бессмертие. Халдейский народ будет жить вечно, как вечно живут боги. В пору недобрых предзнаменований я пришел сказать вам, халдеи, что вам нечего беспокоиться о судьбе родины. Уповайте на милость богов и не гневите их, принося им вместо молитв и даров вести о том, что вы куете мечи против врагов. Не армию, а храмы вам следует создавать. Не мечи ковать, а воздвигать алтари. Не солдатам, а божьим воителям надо вверить судьбу державы. Не в сражениях, а на жертвенниках Мардука следует проливать кровь.

Не перед лицом неприятеля склоняться, а падать ниц перед священными ликами богов, населяющих небесные чертоги. Пробудитесь, халдеи, и служите тем, кто ведет вас к Мардуку, а не тем, кто ведет вас к гибели. Это хотел сказать вам я, ваш истинный царь, его величество Набонид.

С этими словами Набонид начал подыматься. Вместе с ним поднялись и жрецы и помогли хилому старцу встать на скамеечке перед креслом.

В этот момент раздался чей-то громкий голос:

– Да живет вечно царь Набонид!

– Да живет вечно Набонид! – на весь тронный зал закричал второй.

Поднялся шум. и зазвучали здравицы во славу бывшего владыки.

Валтасар судорожно вцепился в локотники тронного кресла, и ярость исказила его лицо. Золотые локотники трона были в эту минуту единственной опорой его власти. Ни за что не выпускать их из рук. Царь тот, кто держит трон. Он не выпустит его: даже если ему грозит смерть, он и мертвый будет повелевать живыми.

В суматохе несколько жрецов вытащили мечи, хотя приносить оружие на заседания было строжайше запрещено, и устремились к трону.

– Стража! – выпучив глаза, завопил насмерть перепуганный Валтасар.

Телохранители с длинными копьями бросились к трону, но жрецы опередили их. Еще минута – и Валтасар захлебнулся бы кровью. Но мгновением раньше Набусардар выхватил меч у Валтасара, воскликнув: – Позволишь, государь?

Потрясенный Валтасар окаменел. Но Набусардар не ждал его ответа. Он сознавал, что действует ради своей несчастной родины. Ведь Набонид призвал возлагать надежды на богов, а не на оружие и армию, которая одна может противостоять персам. Он им покажет алтари! Ясно. на кого жрецы натравливают Набонида. Им надо было, чтобы свои археологические рассказы он свел к тому, что халдеи должны выступить против тех, кто ведет их к гибели, а не к Мардуку. Иными словами, против захватившего власть царя Валтасара и Набусардара, командующего его армией. Теперь они с одним мечом на двоих стоят перед толпой жрецов. Они должны устоять, если суждено победить Вавилону.

При мысли об этом Набусардар почувствовал небывалый прилив сил, но прежде чем обратить меч против недругов, закричал на весь зал так, что затрепетали языки пламени в светильниках:

– Халдеи, послушайте правду из уст Набусардара!

Натолкнувшись на отпор, жрецы отступили перед мечом Набусардара.

Зал возбужденно гудел, но постепенно возгласы стихали. Только кучка жрецов вокруг Набонида не унималась, требуя низложения Валтасара, и устранения Набусардара.

Набусардар не дал себя испугать и громко повторил:

– Халдеи, хотите ли послушать Набусардара?

– Предатель! – было ему ответом.

– Погубитель страны!

– Изменник!

– Смерть ему! – раздался грозный приговор.

Набусардар бесстрашно стоял с мечом против жрецов снова воззвал.

– Халдеи, вам незачем предавать меня смерти. Послушайте меня, и, если убедитесь, что я изменник, я сам предаю себя смерти. Но если вы поймете, что предатель не я, а кто-то другой предайте смерти его. Возле самых наших границ полыхает пламя войны, но боги не гасят его. Наша страна охвачена бедствием, но я не видел чтобы боги подали руку помощи нашему народу. Враг расползся по нашей земле, словно саранча по плодородным месопотамским полям, но боги не остановили его. Наступило время когда богов надо чтить в небесах, защитников страны – на земле. А кто, кроме армии, защитит о хорошо вооруженного врага ваших жен, детей, достояние?

– Не хотим войны, не желаем войны! – прервал Набусардара выкрик.

Но в нем уже не было прежнего ожесточения, и крик растаял в огромном помещении.

Набусардар словно не слышал его и говорил, воодушевляясь все больше:

– Хорошо вооруженного неприятеля остановит только хорошо оснащенная армия.

– Верно! – воскликнул Валтасар и храбро поднялся с трона.

– Желаем жить в дружбе и мире с соседями, – кричали жрецы.

В зале стоял взволнованный гомон. Но Набусардар, перекрывая голоса жрецов, вызывающе воскликнул:

– Разве мало натерпелся халдейский народ под ассирийским, эламским и египетским игмом? Разве свобода и рабство – одно и то же?

– Разве свобода то же, что рабство? – гневно повторил за ним царь.

Свобода и рабство – не одно и то же. Разве можно сравнить свободу с рабством! Соглашаясь, первым кивнул головой верховный судья Вавилона Идин-Амуррум, за ним сановник по хозяйству, грудь которого, словно панцирем, защищена наградами предков.

Больше никто не возражал Набусардару вслух, и царь вздохнул спокойней.

Жрецы, поднявшие мечи на Валтасара, отступили от трона.

– Халдеи, – уже тише продолжал Набусардар, – свобода и рабство – не одно и то же. Вы хотите остаться и в будущем свободными гражданами, а не рабами персов. Это и мое желание, и я клянусь здесь памятью моих великих предков, что хочу отдать жизнь ради спасения моей и вашей отчизны, которой угрожает враг. Сейчас я обнажил меч государя, отстаивая его и свою жизнь, но это не значит, что я боюсь смерти. Я защищался, ибо если уж умирать, то за честь народа. Если достопочтенные советники и служители Эсагилы думают иначе, то я заявляю, что никогда не соглашусь с ними. Народ, который гордится перед всем миром тем, что в его жилах течет кровь Саргона Аккадского, Хаммурапи и Навуходоносора, должен подкреплять свои слова делом. Или нет в Халдейском царстве металла для мечей? Или в сердцах сыновей Вавилонии не стало доблести и мужества и им довольно величия и славы предков? Если мы не сумеем постоять за себя, мы погибнем. Так я считаю и никогда, ни перед чем не отступлюсь от своих слов.

Если сыны Вавилона из трусости изменят родине и отдадут ее врагу, то я, даже если останусь совсем один, буду биться против целой армии персов и отвоюю для себя хотя бы столько места, чтобы было где погибнуть с честью.

– Да живет вечно великий Набусардар! – неожиданно раздался восторженный крик.

Прежде чем вельможи успели разглядеть, кому принадлежало горячее восклицание, к Набусардару вдоль стены под светильниками торопливо прошел неизвестный человек. Он упал перед полководцем да колени и, обнажив грудь, сказал:

– Господин, я вместе с тобой хочу отвоевать столько места, чтобы было где погибнуть с честью за свой народ.

– Киру! – изумился Набусардар.

– Да, это я, господин. Чему ты удивился? Разве я не поклялся тебе быть всюду, где ты будешь, чтобы защищать тебя?

– Киру!

– Да, господин, – еще раз кивнул Киру, – каждый халдей должен следовать за тобой.

Тут писец главного казначея положил на стол свою табличку и резец и тоже приблизился к Набусардару. Он опустил на колени рядом с Киру и попросил:

– Прими и меня, господин, я тоже халдей, халдей телом и душой.

– Меня тоже, – стал рядом с ним телохранитель первого советника.

Зазвенели награды на груди сановника, ведающего хозяйством страны, он поднялся с кресла и заявил:

– Пробил и мой час, светлейший. Не умереть, но победить персидского Кира хотел бы я вместе с тобой и твоей армией.

– Да, победить врага нашей отчизны, – поднялся верховный судья Вавилона, – и я с тобой вместе, досточтимый, шестеро моих братьев тоже с тобой.

– Да живет вечно свободная халдейская держава! – воскликнул сановник, в ведении которого были пошлины, взимаемые по всей стране. – Да живет вечно царь Валтасар и верховный военачальник его армии, непобедимый Набусардар!

Валтасар и Набусардар смотрели все уверенней и радостней.

– Да живут вечно! – уже дружно пронеслось по залу.

Это были голоса сановников, убежденных Набусардаром.

Но немало оставалось таких, для кого убедительными были лишь золото да соображения личной выгоды.

К их числу принадлежал и распорядитель протокола, который слушал страстную речь Набусардара, думая о своем:

«Народ... это ведь каждый из нас. Народ... это и я сам. В интересах народа не следует выступать против более сильных персов, это не в моих интересах. Если начнется война, всех иноземцев вышлют. Одним из первых будет и мой зять, ведь лидийцы теперь служат в армии Кира и потому считаются врагами Халдейского царства. Не будет войны, не вышлют иностранцев, а служить все равно кому: Набониду или Валтасару, Валтасару или Киру».

Хранитель печати все еще переживал обиду на Валтасара, который подарил ему вместо перстня с тифонским рубином золотой кинжал, а им даже не похвастаешься перед остальными. Валтасар был ему ненавистен, и он решил всегда выступать против того, что угодно Валтасару. Валтасар за войну и укрепление армии, значит, он – против войны и армии. Но Эсагила отказалась утвердить его сына жрецом храма в Ларсе, поэтому он выступит против Эсагилы. Эсагила же и слышать не хотела о войне и о создании великой армии царя. Обида на Эсагилу оказалась сильнее, и хранитель печати в глубине души согласился на то, чтобы была война и чтобы Валтасар создал армию, которой не имел еще ни один властелин мира.

В самом трудном положении оказался сановник по делам правосудия, который помимо поместья принял от Эсагилы золото, обязавшись поддерживать Эсагилу против царя. В то же время он дал честное слово своей жене Нозме, которая приходилась сестрой Набусардару, что не поддержит Эсагилу. Лицо его менялось по мере того, как одна ситуация на заседании сменялась другой, а единственным спасением был для него парик с затейливо уложенными локонами, за которыми он прятал свою нечистую совесть.

Главный казначей еще не пришел ни к какому выводу; Но ему казалось, что было бы неплохо поддержать Валтасара, добивающегося войны, в которой царь, пожалуй, может и погибнуть. В этом случае, кроме золотого скарабея, ему, возможно, удалось бы завоевать и сердце несчастной царицы.

Сановник, ведающий дорогами, не особенно вникал в то, что говорили жрецы и Набусардар. В который раз он повторял про себя речь, записанную его писцом на золотой табличке. Он больше всего беспокоился о том, чтобы не пропустить своей очереди и чтобы все его фразы прозвучали как можно отчетливее и убедительнее, иначе ему не удастся привлечь внимание царя.

Сановник по внутренним делам, дрожа за свою должность, ждал, когда ситуация окончательно прояснится, чтобы примкнуть к сильнейшим. Он старался прежде времени не встретиться взглядом ни с верховным жрецом, ни с Валтасаром.

Халдейский посол в Египте был одним из немногих, кого не мучили сомнения. Он был за войну с персами во что бы то ни стало. Ему надо было вернуть свои корабли и свое состояние. В его личных интересах и в интересах Халдейского царства иметь союзником могущественного египетского фараона. Самое верное – объединиться халдеям с египтянами и нанести поражение персам. Правда, посол не знал, что лукавый фараон ведет тайные переговоры о соглашении с Киrom и собирается занять нейтральную позицию, если Кир поручится не посягать на безопасность Египта.

Как и посол, Валтасар также сделал окончательный вывод для себя. Он снова удобно устроился в своем тронном кресле, по-прежнему не выпуская из рук локотников. Пока Набусардар вершил дела за растерявшегося государя, Валтасар с трудом приходил в

себя. Мечи жрецов должны были отправить его в царство теней, но его спали, и спасли не боги, а Набусардар. И Набусардар уже не так одинок, как в начале. Знатные халдеи, пусть не все, но принимают его сторону. Кто не побоялся открыто выступить перед всем советом, тот наверняка не боится Эсагилы. Это одинаково радовали и Валтасара и Набусардара. Неделю назад Валтасар еще колебался – дать ли согласие на перестройку армии, теперь же, когда его чуть не убили прямо на троне, он упрекал себя за то, что не вполне доверял Набусардару. Сегодня он убедился, что лишь сильная армия сохранит ему трон, защитив не только от персов, но и от Эсагилы.

Набусардар выслушивал заверения преданности от Киру, казначеева писца и телохранителя первого советника, сановника по хозяйству страны и верховного судьи; Валтасар, напряженно выпрямившись на троне, беспокойно оглядывал присутствующих.

Сперва он задержал взгляд на своем отце, Набониде. Он так и сидел, окруженный жрецами, поставив слишком короткие ноги на скамеечку, придвинутую к креслу. Набонида привела в замешательство пылкая речь Набусардара, воодушевившая добрую половину членов государственного совета. Валтасар дорого дал бы, чтобы узнать, о чем думает Набонид. Этот Старьевщик, как его называл Валтасар, полагал, что халдейский народ по-прежнему дремлет, как дремал он во времена его правления. Пожалуй, даже хорошо, что он явился сюда сегодня, теперь он воочию убедится, что не Набонид, а кто-то другой призван вершить историю Халдейского государства. Пусть и Эсагила видит, что историю делают не всемогущие боги, которые, говорят, создали мир из ничего, что отныне и в будущем зиждителем истории Халдейской державы является он, Валтасар, величайший из властелинов. Его воле подчинится народ, армия, знать, Эсагила и боги. Его воле покорится весь свет – Старый и Новый, север и юг, восток и запад, море и суша, воздух и облака. Все, все должно принадлежать ему и трепетать перед ним.

«И ты, царь Набонид, – беззвучно шептал он толстыми губами, устремив взор поверх толпы советников на щуплую фигурку Набонида. – Говоришь, ты пришел в Вавилон, как приходит сюда любой халдей. Ложь, ты явился отнять у меня трон. Ты ясно сказал: „Халдеи, пробудитесь и следуйте за теми, кто ведет вас к Мардуку, а не за теми, кто ведет вас к гибели. Это говорю вам я, ваш истинный царь, его величество Набонид“.

Этого Валтасар уже не мог вынести. Он затрясся от ярости и ненависти, вспыхнувший в нем с новой силой. Ему хотелось немедленно расправиться со своими врагами.

Но тут раздался голос верховного жреца, поспешившего вмешаться и не допустить, чтобы совещание пошло за Набусардаром.

– Халдеи! – воскликнул он. – По-моему, мы на заседании совета, а не в царских казармах. По Какому праву Набусардар вербует здесь солдат? Или нравы во дворце упали столь низко, что тронный зал не отличишь от казарм? Набусардар нарушает установленные порядки, он набирает армию прежде, чем совет вынес какое-либо решение. В соответствии с законом, тот, кто пытается создать в стране армию без санкции совета, карается смертью как изменник родины. Поэтому я призываю вас, халдейские вельможи, исполнить свой долг. Ведь для защиты вашей жизни и ваших достояний существует воинство Эсагилы.

Дерзость жрецов переходила все допустимые границы. И, оставив трон, царь Валтасар поднялся во весь свой рост. Он возвышался над Набусардаром, стоявшим тремя ступеньками ниже, как изваяние карающего божества.

Выждав паузу, он прохрипел:

– С каких это пор Эсагила присвоила себе право выносить суд над военными силами царя?

– С тех пор, как на халдейском троне не стало законного правителя! – вызывающе

ответил верховный жрец.

– Вон! – взревел Валтасар, сбежал по ступеням к Набусардару и выхватил из его рук меч.

Набусардар не посмел противиться воле царя, но, предчувствуя неминуемую беду, он как бы случайно повернулся, преграждая Валтасару путь.

Вмешательство Валтасара снова развязало поулегшиеся было страсти.

Большинство приняло сторону царя после выступления его верховного военачальника. Но религиозные чувства были у них настолько прочны, что сановники, не задумываясь, уложили бы на месте всякого, кто оскорбляет богов. Верховный жрец был первым заместителем богов на земле, халдеи трепетали перед небожителями, и чувство долга требовало от них возмездия за оскорбление, которое Валтасар нанес верховному жрецу. В истории Халдейского государства еще никогда, пожалуй, не случилось ничего подобного.

Волнение в зале усугублялось причитаниями. Набонида, который стонал, что с этой минуты халдейский народ лишился божественного покровительства.

Блеснули мечи. Жрецы вытаскивали их из-под своих долгополых одеяний и раздавали тем, кто именем Мардука хотел освободить Вавилон от богохульников, накликавших месть богов на головы халдейского люда.

Набусардар призывал собравшихся к хладнокровию и рассудительности.

Никто не внимал его словам. Объятые безумием, сторонники Эсагилы открыто ринулись на тех, кто поддерживал Валтасара и Набусардара. Жрецы подогревали их пыл, напоминая о подаренных им поместьях. Приверженцы царя отступили. Одни из них бросились в дальний конец зала, другие – к трону. Вопли, крики, в воздухе мелькнул окровавленный клинок, и на пол покатила отсеченная голова.

– Халдеи! – вскричал Набусардар. – Вы убиваете друг друга, хотя ваш долг обратить мечи против главного врага нашей державы, против Эсагилы.

Назови он главным врагом державы персов, египтян, лидийцев, греков, римлян, никто, пожалуй, даже не услышал бы его. Но имя Эсагилы обрушилось на них огненным дождем. Смешались и безоружные, и те, в чьих руках были мечи.

– Халдеи, – призывал Набусардар, – послушайте меня еще раз. Не дожидаясь их согласия, он воспользовался заминкой и, стоя рядом с Валтасаром, заговорил:

– Не проливайте кровь напрасно, рассудите прежде, за кого, за что вы боритесь. Эсагила, нарушив закон, тайком пронесла сюда оружие. Обманом и хитростью она хотела добиться перевеса. Она хотела с помощью мечей добиться от вас одобрения своих позорных дел.

– В каких позорных делах вельможа Набусардар осмеливается обвинять Храмовый Город и его божьих служителей? – угрожающе двинулся к нему Исме-Адад.

– Терпение, святейший, – отвечал он. Среди жрецов поднялось беспокойство.

– Хотите ли знать правду, халдеи? – повторил Набусардар, боясь, что жрецы помешают ему высказаться.

– Хотим!

– Я, Набусардар, верховный военачальник армии его величества царя Валтасара,

владыки Халдейской державы и нашего повелителя, клянусь памятью моих предков и своей честью, что из моих уст не выйдет ни одного лживого слова. И теперь перед лицом всего совета я обвиняю жрецов Эсагила в действиях, идущих во вред нашей стране. Возможно многие из вас не знают, что Сан-Урри похитил в доме командования план Мидийской стены и скрылся с ним. Пока не удалось напасть на его след. Мы не смеем скрывать от вас истину, и потому наш долг напомнить вам, что царь Кир куёт враждебные замыслы против Халдейской державы. Три мощные армии уже стоят на левом берегу Тигра и готовы пересечь наши границы. Верховный военачальник армии его величества царя Валтасара убежден, что персам не удастся вторгнуться в нашу страну ни с юга, ни со стороны Тигра. Опасность грозит Вавилону только с севера, как это предвидел уже великий Навуходоносор. Отныне Мидийская стена не является неприступной твердыней, мы не можем надеяться на нее. Сан-Урри украл план Мидийской стены по приказу Эсагила, которая собирается передать его персам.

Это сообщение настолько потрясло всех, что они не сразу пришли в себя. Больше всех был ошеломлен сам царь, слышавший об этом впервые. Не меньшее изумление отразилось и на лице верховного жреца, который твердо полагал, что похищенный план Мидийской стены и договор с персами является священной тайной Эсагила. Но у него уже не было времени строить догадки, каким образом Набусардар узнал об этом. Надо было срочно оправдаться перед советом и царем и опровергнуть обвинения Набусардара.

Не сомневаясь в успехе, он заговорил:

– Халдейские вельможи, обвинение, предъявленное нам Набусардаром, конечно, было бы тяжким и вы были бы вправе негодовать, если я не объясню вам суть дела. Эсагила до сих пор не признала власть наследного царевича Валтасара, который захватил престол, воспользовавшись старинной традицией, а именно, коснувшись рук великого Мардука во время новогодних празднеств, когда его величество царь Набонид не принимал участия в торжествах из-за великого открытия на раскопках вдали от Вавилона. Эсагила не смеет признать законной власть, захваченную таким образом.

Кровь бросилась в лицо Валтасару, он не мог произнести ни звука.

Вместо него отозвался верховный судья Вавилона, которого возмутило произвольное толкование законов жрецами:

– Мардук сам прикосновением руки избрал его величество Валтасара царем Халдейской державы. Или Эсагила отрицает божественную власть Мардука, вопреки своему учению о том, что небо, земля и всякая власть человеческая проистекают из его воли?

У верховного жреца на лбу вздулись вены. Намек судьи Вавилона на несоответствие между словами и делами жрецов задел его за живое.

И все же Исме-Адад попытался спасти положение: – Да, всякая власть проистекает от Мардука, но у Эсагила свои доводы, по которым она не признает власть царевича Валтасара.

У Валтасара дрогнули губы, глаза налились кровью, от волнения он не находил слов.

Судья возразил:

– Значит, Эсагила противится воле Мардука, а сопротивление воле Мардука карается смертью.

– Верховному судье Вавилона, знатоку законов, не мешает знать, что жрецы, как служители богов, подлежат не суду мирскому и не суду Храмового Города, а только суду божьему. – осадил его Исме-Адад.

Судья ответил на это презрительной усмешкой.

Верховный жрец продолжал:

– Итак, Эсагила не обязана признавать власть Валтасара и не признает ее. Она не признает и его армию и единственной армией державы считает войско Храмового Города, которому принадлежат все военные планы, в том числе и план Мидийской стены. Таким образом, нет ничего противозаконного в том, что Эсагила завладела военным документом, хранившимся в доме командования.

– Однако Эсагила не имеет права предпринимать никаких действий без ведома совета, а потому и объяснения Эсагилы противоречат законам, – отрезал Набусардар и посмотрел на царя, продолжавшего хранить молчание.

– Впрочем, – самоуверенно продолжал Исме-Адад, – исходя из того, что Эсагила не признает царевича Валтасара правителем, Эсагила не признает ни Верховного военачальника его армии, ни его советников.

Это заявление вызвало рев негодования, и Набусардару не пришлось больше никого убеждать в предательстве Эсагилы. Всех, как пламя, охватило возмущение подлостью жрецов, среди которых суетился и дрожащий старец Набонид. Почуввав перемену в настроении зала, жрецы поспешили спасти Набонида, который был им нужен для будущих попыток захвата власти. Часть жрецов с мечами в руках заняла оборонительную позицию. К ним примкнули их единомышленники, теперь уже совсем малочисленные.

Пока в зале лилась кровь, сановник по делам справедливости, прикрыв лицо париком, из малодушия не покидал своего места за столом. Всем было не до него, и только Набусардар вскользь обратил на него внимание.

Когда жрецов и их приверженцев вытеснили из тронного зала, взору открылась неприглядная картина. Кресла перевернуты, дорогая обивка забрызгана кровью. С выходных дверей, открывающих подземный ход в Эсагилу, во время рукопашной схватки был сорван занавес. Из-под занавеса торчали чьи-то ноги. Когда его убрали, то увидели лежащего в луже крови сановника по хозяйству. На груди у него блестели наследственные награды, заливаемые теплой кровью,

Набусардар склонился над ним и окликнул:

– Светлейший!

Сановник приоткрыл глаза и беззвучно шевельнул губами.

– Он хочет что-то сказать, – произнес царь, стоявший с мечом в руках в окружении оставшихся верными советников.

Раненый приподнял руку, подзывая Набусардара. И тот склонился к нему еще ниже. Сановник зашептал ему почти в самое ухо:

– Береги Халдейское царство, Набусардар. Лучше погибнуть, чем утратить свободу. Скажи это всем халдеям. Скажи, что это завещают им мертвые.

Губы его замерли. Глаза закатились, и взор потух. Жизнь ушла из него. Он отправился в обитель вечного покоя, вслед за своими предками, чьи награды носил на груди. К этим наградам прибавилась и его собственная: ярко-красное пятно, из которого сочилась струйка крови.

Набусардар тронул его за плечо:

– Светлейший!

Но тот был мертв.

В зале лежало еще восемь трупов, среди них – писца первого советника и двоих жрецов.

Царские солдаты унесли трупы, и заседание продолжалось уже без жрецов Эсагилы и перешедших на ее сторону.

Набусардар произнес еще одну пламенную речь. Однако тайное соглашение Эсагилы с экбатанскими жрецами о сдаче Вавилона персам без сопротивления, если Кир возьмет под свою охрану их жизнь и имущество, Набусардар на время оставил в секрете. Он только сообщил, что по халдейской земле рыщут, словно шакалы, персидские лазутчики. И в доказательство этого прибавил, что ему удалось арестовать одного из них, князя Устигу.

Слова Набусардара произвели на всех огромное впечатление, и каждый уже без всяких оговорок отдал должное его целеустремленной деятельности, выдержке и незаурядным способностям.

И когда он предложил план обороны страны, совет единогласно одобрил его.

Наконец произнес речь и Валтасар и обещал, что как истинный государь будет защищать границы Халдейской державы и всемерно поддерживать Набусардара в реорганизации армии и проведении в жизнь оборонительного плана. Отныне царская казна открыта для всех начинаний, призванных служить защите от персов. И тут же царь передал в руки Набусардара командование над новой великой царской армией.

– Да живет вечно царь! – пронеслось по залу.

– Да живет вечно верховный военачальник! – прокатилось снова.

– Слава непобедимому Набусардару!

– Слава его величеству царю Валтасару!

* * *

Глубокой ночью, почти под утро, рабы разносили в паланкинах советников по домам. Многие засыпали прямо в носилках, другие же от волнения до утра не могли сомкнуть глаз.

Горожане все еще стояли на улицах. Люди чувствовали, что в царском дворце решалась их судьба, и хотели знать, какое будущее уготовили им сильные мира сего, собираются ли они защищать народ или заботятся только о своем добре. Народ верил, что ему объявят решение, принятое во дворце. Более терпеливые дожидались у городских ворот до восхода солнца, пока там не были вывешены таблички с объявленным решением. О скандале, разразившемся во дворце, дворцовые слуги тайком обронули слово-другое, но и эти скудные вести живо распространялись по всему городу от дома к дому, из уст в уста.

Среди горожан находился и Сурма вместе с несколькими сверстниками из Деревни Золотых Колосьев. Они жаждали узнать, что ожидает деревенский люд, предстоит ли

отцам, сыновьям и братьям из потомственных военных семей проститься со своими близкими и, вооружившись луками, идти походом против армии Кира. Сурма знал, что за отказ воевать против Кира его ожидает смерть, но надеялся на Идин-Амуррума, у которого были свои расчеты относительно Сурмы. Верховный судья хотел, чтобы Сурма выступал с речами на улицах Вавилона и внушал населению идеи, которые по мнению Идин-Амуррума, в эту трудную годину окажут благотворное воздействие. Высокий сан не позволял ему самому выступать на улицах. Он верил, что Сурма, юноша сообразительный, красноречивый и решительный, прямо-таки создан для этой роли. Идин-Амуррум и не подозревал, что Сурма, по своему юношескому легковерию, поддался влиянию персов. Понукаемый укорами совести, Сурма не раз порывался признаться верховному судье Вавилона, что он связан с Устигой и его сподвижниками, но не решался, все откладывая этот разговор. Стоя перед зимним дворцом царя он снова вернулся к своим сомнениям и стремился утвердиться на какой-то одной истине, очистив ее, как ядро ореха, от шелухи посторонних соображений. Но суতোлка и разговоры в толпе отвлекали его.

Рядом с Сурмой стоял дородный работорговец. Как раз в эти дни он привез на кораблях двести рабов. Торговец собирался продать их вельможам для работ в имениях. Предвкушал приличный барыш, а тут нагрянула весть о персидской армии, и вельможи решили пока воздержаться от покупки рабов.

– Остались они на моей шее, – жаловался он юношам из Деревни Золотых Колосьев. – Знали бы вы, какая прорва уходит на этих дармоедов. – Он напрашивался на сочувствие. – Даже если дать каждому на зуб по одному ячменному зернышку – это уже двести зерен ежедневно. А одно ячменное зерно не спасет от голодной смерти. На одном зернышке долго не протянешь. Сколько же надо зерен, чтобы насытить их? Этак я в несколько дней разорюсь. – Он нервно дергал жирными плечами и толкал соседей локтями, чтобы привлечь к себе внимание. – Двое вчера сдохли. Кто мне возместит убытки? Худые времена наступают. Вельможи велят – привези рабов, а потом отказываются от них, и делай что хочешь. Конечно, они боятся, что придется отдать их задаром царю или жрецам для армии, если дойдет до войны. Конечно, они не дураки, оставляют их на моей шее. Но мне-то что делать с двумя сотнями рабов? Разве что кормить рыб в Евфрате, – говорю же, вчера двое подошли.

Сурма со злостью посмотрел на него, но промолчал, покусывая губы; потом все же не выдержал и ехидно посоветовал торговцу:

– Ты предложи их Набусардару, может, на совете решили увеличить армию.

Торговец не знал, как ему отнестись к словам этого парня, – в шутку он посоветовал или всерьез. Он дружелюбно потрепал его по плечу и хотел расспросить поподробнее: такая возможность прилась ему по душе.

Но в этот момент распахнулись ворота царского дворца и пропустили первые паланкины с советниками. которых рабы уносили домой.

В толпе оживились, и дородный торговец принялся пробираться в первые ряды, чтобы поскорее узнать новости. Но новостей не прибавилось. Носилки были наглухо задрапированы, в них никто не подавал даже признаков жизни. Вельможи были рады, что буря наконец-то улеглась и можно вернуться в свои уютные дома.

Только Идин-Амуррум из носилок махал людям рукой и своим бодрым видом придал бодрости встречавшим.

Сурма попытался пройти поближе, но работорговец стоял на пути, как скала.

Еще и упирался:

– Эй, эй, парень, куда лезешь!

Толстяка сдвинула б с места разве что пара добрых лошадей.

Послышался топот Набусардарова скакуна по мостовой.

Толпа снова оживилась. Глядя на Набусардара, Сурма невольно залюбовался им, признавая, что у этого вельможи внешность под стать его сану. Но тут же у него перехватило дыхание при воспоминании об Устиге, ради которого Сурма с радостью пожертвовал бы последней коркой хлеба, последней каплей крови. С его именем у Сурмы были связаны надежды на восстановление справедливости в Халдейском царстве, и вот Устига в заточении по вине Набусардара. Сурма бросил последний взгляд на султан его шлема, и сердце его наполнилось ненавистью.

Толпу у дворца не покидали недобрые предчувствия. Все вспоминали недавние беспокойные времена. Тревожные думы не давали уснуть вельможам.

Бывали и прежде бурные заседания, случались и кровопролития, но все они казались невинной забавой для скучающих сановников. Теперь же каждое слово брало за живое и бередило ум. Нечто похожее пришлось пережить, пожалуй, только в правление Авельмардука, сына Навуходоносора и Нитокрис, весьма предприимчивой царевны из династии ассирийских Саргонов. Тогда, в царствование этого выкорыша жрецов, набожного и своенравного фанатика, тоже случалось нечто подобное. Повторялось это и при Нериглиссаре, зяте Навуходоносора, который вступал на престол после Авельмардука и которого халдеи сами убили. Борьба между жрецами и придворными особенно обострилась, когда на трон взошел Лабашимардук, сын Нериглиссара, который принял имя Лабазоаршада. Он стремился ограничить власть жречества, и за эту дерзость Эсагила наложила на него проклятие. Она уничтожала каждого, кто пытался поддерживать молодого царя. В конце концов Лабазоаршад вынужден был покинуть царский дворец. Преследуемый жрецами, он скитался по великому Халдейскому царству. Но жрецам и этого показалось мало, и, чтобы окончательно обезвредить беспокойного монарха, они его убили. После него на халдейском троне перебивало несколько высших жрецов вплоть до Набонида. Храмовый Город в конце концов победил в долгой борьбе с народом и знатью. Царь Набонид был игрушкой в руках Эсагилы. Он правил страной в полном соответствии с волей жрецов и по их указаниям. Это продолжалось больше десяти лет. Потом Халдейская держава пережила еще несколько потрясений.

Тогда вернулся из чужих краев Набусардар.

До этого он был с посольством сначала в Мидии, потом в Египте и, наконец, в Лидии. С его приездом Вавилон внезапно оживился.

Его часто видели в обществе наследного царевича Валтасара, который самозабвенно увлекался военным делом. Началось с того, что они вместе охотились и рыскали по лесам за дичью. Внешне это выглядело невинной забавой, но Набусардар преследовал определенные цели. Он возбуждал в Валтасаре жажду власти и военных подвигов. В то время Набусардар имел высокий военный чин, числился в дворцовой охране. Он в любое время имел доступ к престолонаследнику. И он не только завоевал расположение Валтасара, но и сделал из него пылкого воителя. Валтасар мечтал о великой армии и целыми днями муштровал солдат на плацу царского дворца, в нарушение дворцового этикета. Но Валтасар презирал все, что стесняло его, не исключая и этикета. Он привык все делать по своей воле.

Любимым занятием Валтасара была охота на пестрых голубей, завезенных издалека, хотя после ему было жаль убитых птиц. Однажды он забрел в Храмовый Город и стрелой из лука убил священного голубя богини Иштар. Когда верховный жрец пожурил его за это, царевич ответил, что не понимает, почему ему нельзя убивать голубей Эсагилы, если позволено убивать голубей царя. Исме-Адад ожесточился к нему, и с той поры оба затаили друг к другу ненависть, которой рано или поздно суждено было прорваться.

Эсагила бдительно следила за играми царевича, а потом, когда он подрос, и за его занятиями. В двадцать лет это был воинственно настроенный юноша. Но даже Эсагила проглядела, что Набусардар по-своему воспитывал его и что с помощью Валтасара он задумал свергнуть Набонида.

Набусардару не на кого было опереться. Народ был слаб и беспомощен, аристократия слаба и равнодушна, у царя фактически не было армии, а с малочисленным дворцовым отрядом многого не сделаешь. И Набусардар прибегнул к хитрости.

Согласно обычаю, власть каждого халдейского царя была действительна в течение одного года и с нового года возобновлялась если царь коснется рук золотого изваяния Мардука во время новогодних празднеств. Если владыка почему-либо пренебрегал этим обрядом, то не считался законным царем до следующих новогодних торжеств. Этот момент всегда подстерегали ассирийские правители, чтобы захватить власть в Халдейской державе.

После возвращения на родину Набусардар окончательно убедился, что Набонид ведет страну к гибели. В то время как соседние страны усиленно готовились к войне. Набонид забросил армию, дела государства и целиком ушел в науку и религию. Он посвятил себя одной великой цели – установлению точной даты правления Саргона Аккадского.

Набусардар ждал наступления новогодних празднеств.

Зная фанатическую увлеченность царя Набонида археологией, он приказал поставить в отдаленном храме бога Сина поддельные плиты с именем Саргона. Чтобы дать Валтасара возможность прикоснуться к рукам бога Мардука. Набусардар за два дня до наступления нового года вызвал Набонида из Вавилона, послав ему секретную депешу с известием о найденных плитах.

Ученые жрецы высчитали по ним, что Саргон, первый коронованный царь Халдейского государства, правил за две тысячи двести лет до Набонида. Но Набонид поплатился за это открытие тем, что когда вернулся в Вавилон, на троне восседал уже другой царь, его сын и сын богов, владыка мира, его величество Валтасар. Таким образом, Набусардар помог прийти к власти Валтасару, надеясь воскресить страну для новой жизни.

О своей хитрости Набусардар не проговорился никому, и даже Валтасар не узнал о ней. Внешне все выглядело так, как будто боги отвернулись от Эсагилы и все, что случилось, случилось по воле богов. Но Исме-Адад, которому лучше других было известно, кому Мардук обязан даром божественной власти, подозревал Валтасара и Набусардара, что они захватили власть обманным путем. И вот Исме-Адад высказал это во всеуслышание на совете.

Эсагила в свое время затем и придумала обряд освящения царя Мардуком, чтобы обеспечить себе возможность утверждать на халдейском престоле того, кого она сама выберет. Теперь она поплатилась за свое изобретение. Как ни грешно прочим смертным сомневаться в божественной власти Мардука, в данном случае от нее готова была отказаться даже сама Эсагила.

Но его величество царь Валтасар прочно держался за локотники трона. И он будет сидеть на троне еще прочней, обретя сильную армию, за которую высказался совет и которой предстоит защищать державу и власть Валтасара.

Об этом думали и вельможи, ушедшие с совещания в страшном волнении. Они не могли усидеть в носилках, а дома до утра метались без сна на шелковых постелях.

* * *

В Муджалибе Валтасара ждала скифская девушка Дария, обещанная ему Телкизой. За это он должен был провести заседание совета, как подобает истинному властелину. Для Телкизы это означало утвердить оборонительный план Набусардара, что он и сделал.

Валтасар был безмерно утомлен пережитыми тревожными волнениями. Он собственными глазами увидел, какие козни строит против него Эсагила. Если бы не Набусардар, на халдейском троне уже восседал бы Набонид. Помимо усталости Валтасара угнетало сознание, что его молодость отравлена заботами и страданиями. Не знать бы ничего этого. С малых лет его учили, что только рабам боги предопределили изнурительный труд, лишения, печаль и нужду. Напротив, владыкам мира они сулили радости и буйное веселье, фундамент власти сделали из золота. А что же выпало на его долю? Ничтожной капли улад не познают его уста, боги вынуждают его испить чашу горечи, отравляют горечью его жизнь. Он гнал от себя гнетущие мысли. Единственное утешение, что теперь у него будет сильная армия, с ее помощью он истребит врагов и утвердит свои права. Ведь Телкиза говорила, что только непобедимая армия удержит для него престол.

С чувством облегчения и свободы он вдохнул предрассветный воздух. В его воображении встала Телкиза – гроздь жемчуга светлела на ее груди, в волосах мерцали драгоценные камни, узкая белая одежда плотно облегла ее бедра. Так выглядела она при их последней встрече. Она обещала ему скифку, захваченную Итарой. У Валтасара против воли текли слюнки в предвкушении удовольствия. Его не учили отказывать себе в чем-либо, и он не умел противиться искушению. Ему было приятно сознавать, что за искушениями следуют удовольствия, а удовольствия призваны услаждать избранных мира сего. Он был вправе желать вознаграждения за тревоги, пережитые нынешней ночью.

Постепенно рядом с образом Телкизы начал вырисовываться образ скифской девушки. Она виделась ему то с луком в руке, верхом на лошади, то в узких штанах со шнуровкой, с копьем наперевес, но никак не удавалось представить ее себе в женском наряде, ведь по слухам, это воинственные женщины. Валтасар не прочь для разнообразия иметь такую девушку-воина. Он станет вместе с ней охотиться в заповеднике на кабанов и тигров. Он научит ее бороться со львом и целиться острием меча хищнику прямо в сердце.

Чем больше он думал о ней, тем бесконечней казалась ему дорога.

Царский возничий не сообразовывал скорость езды с бегом мыслей Валтасара. Лошади шли степенным шагом как и подобает выезду властелина. Но Валтасар все торопил их. Он покрикивал на лошадей и в конце концов сам взялся за вожжи.

Первый советник проводил Валтасара до дверей покоев, где его встретили слуги, чтобы снять церемониальное облачение и приготовить ко сну.

Но Валтасар торопливо прошел мимо слуг. Они знали, что это значит; Валтасара в его покоях ждет женщина, новая возлюбленная царя, и царь либо настолько почитает ее, что хочет предстать перед ней парадном облачении, как перед сановниками и Эсагила или его подстегивает нетерпение.

До него и на заседании порой доносился аромат кедрового и кипарисового масла, которым будто бы натираются скифские женщины. Временами его овеивал запах смолы, но страх за жизнь прогонял эти головокружительные видения. Только теперь, когда он вырвался из тисков государственных обязанностей, он может в полной мере отдаться блаженным ощущениям, которые наполняют его сердце.

Так же быстро миновал он и последние, двери.

Только здесь, в своей опочивальне, он остановился. И увидел ее.

С первого взгляда он убедился, что его представления о ней были неверны.

Она скромно сидела на эбеновой скамье, сложив руки на коленях.

На ней было белое полотняное платье, разрисованное большими, с ладонь, зелеными листьями. Длинные рукава достигали запястий, подол прикрывал щиколотки. Собранная пышными складками юбка стянута в пояс. Глухой ворот закрывал грудь и шею. На пальце блестел грубый медный перстень, покрытый зеленоватым налетом. Ноги обуты в кожаные башмаки с медной застежкой.

Ростом она была высока, но пониже Телкизы. Черты лица правильные, и кожа покрыта легким загаром. На чего смотрели опущенные ресницами живые серые глаза, похожие на затянутое тучами северное небо. Над высоким лбом подымались каштановые косы, обернутые вокруг головы наподобие царской тиары.

При виде вошедшего царя она встала, но не приветствовала его, как подобает царской невольнице. Она продолжала стоять в выжидательной позе.

Ее поведение поразило Валтасара.

Он насупился и отрывисто сказал:

– Я царь.

Дария слегка поклонилась.

– Я Дария, дочь скифского князя Сириуша.

Она говорила на смеси семитских языков.

Валтасар оторопело смотрел на нее, не решаясь подойти. Его смутил самоуверенный тон девушки, он не терпел его у женщин.

Так как он молчал, она прибавила:

– Я дочь князя, Сириуша и военная пленница Вавилона.

– Военная пленница Вавилона, – машинально повторил за ней Валтасар.

– Да, военная пленница Вавилона, – подчеркнула она.

– Что ты хочешь этим сказать? – резко спросил он.

Не прогневайся, государь, но меня мучает любопытство, почему в Халдейском государстве судьбой военных пленников распоряжаются женщины. Благороднейшая Телкиза, жена верховного военачальника твоей армии решила, что эту ночь я проведу с тобой, а о дальнейшем узнаю завтра после восхода солнца. Когда она уходила из этой комнаты – это она привела меня сюда, – то сказала, что для меня это большая честь. Я сижу здесь всю ночь, ваше величество, и жду, когда ты удостоишь меня этой чести.

У Валтасара брови сошлись на переносице – его словно обдало холодом, но он сдержался и даже попытался улыбнуться. И с улыбкой упрекнул ее:

– Тебе следовало сказать это приветливей.

Он приблизился к девушке, чтобы приласкать ее и лаской добиться от нее теплых слов. После ужасных сцен в тронном зале ему хотелось забыться. Хотелось выбросить из головы Эсагилу, персов, измены и коварство.

Он протянул к ней руку и повторил:

– С царем пристало разговаривать нежнее.

Она настороженно отпрянула, словно лань от лапы тигра, и предупредила его:

– Наш край суров, государь, и люди у нас суровы.

– Но ты станешь кроткой и нежной, когда ляжешь с царем на шелковое ложе, – перебил он ее.

Грудь ее вздымалась от негодования. С губ готово было сорваться неосторожное слово, но она овладело собой и сдержанно объяснила:

– Наши женщины не ложатся к царю. У нас каждый мужчина имеет только одну жену... даже царь...

– Ты ведешь себя дерзко, – ответил он холодно, – забываешь, кто я и какая дана мне власть.

Он смерил ее взглядом с головы до ног.

– Я думал, ты будешь нежной и кроткой, как голубица, которых мне присылают из ваших северных краев и которых я убиваю, когда мне захочется. Ты запальчива и не умеешь разговаривать с царем.

Он впился в нее взглядом, но встретил бесстрастную непреклонность.

– Ты дерзкая и, по-видимому, хочешь показать, что отказываешься от чести принадлежать царю? Таких, как ты, я укрощаю мечом, и, если ты мне не покорись, я укрощу мечом и тебя. Но прежде, разумеется, ты исполнишь мое желание.

Он снял с головы тиару, разбросал одежды по креслам и мягкому ковру. Надел на себя ночную сорочку, расшитую, словно свадебный убор.

Переодевшись, он повторил:

– Разумеется, ты исполнишь волю царя, но раньше я хочу выпить вина.

Он указал рукой на золотые чаши, стоявшие на столике возле постели. Они искрились смарагдами, сапфирами и карбункулами. Золотистое вино прямо благоухало шафраном и корицей.

Она не сдвинулась с места, не подала вина царю, не взяла и сама. Стояла недвижно, напоминая восковую свечу, к которой подносят пламя.

Рассматривая ее красивое лицо, он старался сдерживать себя, что было не в его привычках, и сказал с видимым спокойствием:

– Возлюбленные царя сами потчуют повелителя. Они подносят чашу к его губам и, пока он пьет, гладят его волосы и щеки. Они возбуждают его, так как гордятся тем, что ими овладеет царь.

– Мне неведомы повадки возлюбленных, государь. У нас другие обычаи.

– Вот потому я и объясняю тебе. Ты в этом не искушена, так посмотри, – он протянул ей чашу, – смотри, сам царь подает ее тебе.

Дария взяла чашу, но пить не стала.

– Это с подножья Маганских гор, – уговаривал он, – ты княжеского рода, но, верно, никогда не пила ничего подобного. Может быть, ты никогда не пила и из золотой чаши, раз у тебя украшения на руках и обуви только из меди.

Он хотел было взять ее за руку и рассмотреть покрытый патиной перстень.

Но она спрятала руку за пояс со словами:

– Я пила из золотой чаши, пила и из позолоченного черепа врага, которого я победила.

Валтасар отступил на шаг.

– Выходит, тебя надо остерегаться.

Его испуг позабавил ее, и лицо скифки чуть прояснилось. Ей было неизвестно, что она невольно напомнила царю, как Исме-Адад бросился к трону и хотел убить его, Валтасара.

– Тебе нечего бояться меня, я просто рассказала о нашем обычае. У нас принято сохранять череп побежденного врага. Его обтягивают кожей и украшают золотом. На празднествах, на больших празднествах, каждый пьет не из чаши, а из черепа. Тот, кому приходится пить из чаши, стыдится, что он еще ничего не сделал для своего племени.

– Вы странные люди, но мне хочется именно такую девушку, – снова оживился Валтасар.

Да, именно такую, взамен сладострастных халдеек, самозабвенно преданных гречанок, лукавых финикиек, упоительных арабов, беспечных аммонитянок, расчетливых египтянок, ослепительных римлян, медлительных ливиек, пламенных эфиопок, прекрасных индианок, застенчивых китайянок, благоразумных критянок, гордых мидиек и лидиек.

– Я имел женщин всех народностей, не было у меня только иудеек, киприоток и тебя.

С этими словами он одним духом осушил чашу почти до дна.

– Иудеек я не желаю, кипрских женщин у меня отнял Кир, осталась только ты. Я смертельно жаждал киприоток, но и ты прекрасна. Телкиза сказала мне, что ты лучше их.

Он усмехнулся.

– Говорит, ты лучше их. И будто бы благоухаешь кедром и кипарисом. С тех пор как она сказала мне об этом, я хожу опьяненный ароматом кедров и кипарисов. Ты и сама как кипарис. Женщины с Кипра похожи на ягоды винограда, полные сочной мякоти. Мне хотелось соку этого винограда. Но Телкиза говорит, что аромат кедров лучше, и поэтому я хочу иметь тебя. Тебе только надо выпить вина, чтобы твоя кровь быстрее побежала по жилам. Ты будешь обнимать меня и целовать в губы, ты должна услаждать царя.

Он поставил чашу на стол и снова направился к ней. Он приближался к ней, прерывисто дыша, и на его лице нежное выражение сменялось диким и похотливым.

– Не подходи ко мне, государь, – спокойно сказала она, – не подходи, я не могу принадлежать тебе.

Звук ее голоса взволновал его еще больше, хотя он и не совсем понимал, что она говорила.

Он не остановился, и она отпрянула со словами:

– Подходи, если хочешь померяться со мной силой.

Скифка вытащила из-за пояса кинжал, которого раньше не было видно в складках ее одежды. Изменившись в лице, он шептал:

– Я хочу тебя... хочу такой, какая ты есть...

– Заклинаю тебя богами твоей страны, государь...

– Я хочу тебя, – жалобно протянул он.

– У меня в руках кинжал, – предупредила она.

– Я не понимаю, что ты говоришь, – простонал он и схватил ее в объятия.

Она подняла кинжал, нацелив его острием прямо в сердце Валтасару. Но тело ее было сжато, словно обручем. Его юное лицо было теперь совсем рядом. Он обнял ее еще крепче, и его черные, отливающие синевой волосы упали на ее каштановые косы. Холодным лбом она почувствовала жар его пылающего лба. Ее щека коснулась щеки царя.

– Пусти меня, – продолжала она упираться.

– Я хочу поцеловать тебя в губы, дочь Сириуша. В губы, в шею и... Он бормотал что-то бессвязное.

Потом его губы слились с ее губами. Дыхание у него перехватило. Он терял рассудок и словно проваливался в какую-то пропасть, из которой курились дурманящие пары кедровой смолы.

Придя в себя, он оторвался от ее губ, и, задыхаясь, поблагодарил ее за эту минуту. Еще никогда, держа в объятиях женщину, он не чувствовал такого жара в крови и такого блаженства. От сознания этого он снова будто пьянел.

Он опять привлек ее к себе, закрыл глаза и горячо, словно в бреду, заговорил:

– Даже если это будет стоить мне жизни, ты станешь моей. Ты лучшая из тысяч, десятка тысяч, из сотен тысяч женщин. Ты стройнее всех ливанских кедров и всех кипарисов на морских берегах. Ни на земле, ни в небесах нет никого лучше тебя. Ты княжеского рода и могла бы быть царицей Халдейской державы. Я хочу, я желаю, чтобы ты была царицей.

– Пусти меня, государь, – я не могу принадлежать тебе и не могу, как ты знаешь, быть царицей халдейской державы.

– Что же ты хочешь, что ты хочешь? – прерывисто шептал он.

– Я хочу вернуться домой на север, в страну скифов.

– Если ты будешь моей, я разрешу тебе вернуться в страну скифов. Но прежде ты должна принадлежать мне, царю царей.

– Я не могу и не хочу, государь, потому что...

– Потому что?..

– Я боюсь сказать тебе правду.

– Можешь сказать мне все.

– Я слышала, что ты жесток, да ты и сам угрожал мне минуту назад.

– Как всякий властелин, я и жесток, и милостив но с тобой я хочу всегда быть милостив. Я так мечтал о женщине из далеких стран, и хотя мне привозили сотни женщин, еще ни одна не была похожа на мою мечту. Но я знал, что однажды она явится, ибо ее судьба связана с моей судьбой. И вот ты пришла, милая Дария. Да, это ты. Я знаю, ты моя судьба. Ни персы, ни Эсагила, только ты. Ты!

– Опомнись, государь! – Я в здравом уме и повторяю: ты моя судьба. Никогда еще мысли мои не были так ясны. Никогда в душе у меня не было такого покоя. Я буду добрым и милостивым царем, только ты должна остаться со мной... и быть моей.

– Я уже сказала, государь, что не могу.

– Почему ты упрямисься, почему ты не можешь?

– Мне надо вернуться домой.

– Тебя там кто-то ждет? – спросил он с отчаянием при мысли, что любая радость, не успев родиться, уже бежит от него. Что это: наказание или зависть богов? Но ведь право на радость забвения с Дарией он честно заслужил сегодня, показав себя на совете настоящим властелином. И он никому не уступил этого права, никому. Вот почему он спросил, ждет ли ее кто-нибудь на севере.

– Да, меня ждут, и я прошу: отпусти меня.

– Никто не имеет права ждать тебя, кроме царя Халдейской державы. Никто не имеет права быть счастливым с тобой, кроме меня, – твердо произнес он. – Мне нужен кто-нибудь вроде тебя, нет, именно ты!

Он провел рукой по ее волосам и снова привлек ее себе, покрывая поцелуями ее губы, глаза, лоб, виски.

Он целовал ее, хотя она и не отвечала ему и от нее по-прежнему веяло холодом. Чтобы добиться ее благосклонности, он пообещал:

– Я буду милостивым и добрым к тебе и к своим подданным, только скажи, что ты останешься со мной по доброй воле.

– Я уже сказала тебе, что не могу, что не останусь по доброй воле ни за что. А если попробуешь силой, я заколю себя кинжалом.

– Кто этот другой? – спросил он, цепenea.

– Скиф.

– И ты отдаешь ему предпочтение перед царем Вавилона?

Она кивнула.

– Перед царем Вавилона? – повысил он голос.

– Да, государь.

Он медленно разжал руки и оттолкнул ее.

Не постигая, как это она осмелилась так оскорбить его, он злобно закричал:

– Перед царем Вавилона?

Он закрыл глаза, тяжело дыша. Его пронзила боль, и он поник, как тростник под порывом ураганного ветра. Боль сменилась ощущением чего-то темного, мрачного. И когда он снова открыл глаза, выражение их не предвещало ничего доброго.

– Меня охватывает злоба, – прохрипел он, – и тогда люди страшатся меня. Но ты, видно, не умеешь даже бояться. Ты хуже тигрицы. Да, ты не достойна милости властелина, царя царей и владыки мира. Пусть твое сердце проткнет стрела. Я позову солдат, чтобы они убили тебя. Я сейчас позову их, и они сделают это прямо здесь. Когда ты будешь издыхать, я возликую, что твой ненаглядный возлюбленный не дождался тебя.

Он хлопнул в ладоши и велел прислать солдат, как если бы речь шла о простой услуге, – наполнить вином чашу, например.

– Пусть они придут с копьями, – добавил он. Оставшись наедине с ней, он продолжал:

– Я велю заколоть тебя копьем. Стрела может переломиться о твое каменное сердце. Копье надежней. Я прикажу проткнуть тебя, как тигрицу на охоте. Потом сообщу Сириушу, что он может присылать за своей дочерью. И твоему возлюбленному сообщу, что он может взять тебя.

Его удивило равнодушие, с каким она приняла эту весть.

Подобная невозмутимым гребням гор, она спокойно ожидала своей участи. Смерть от копья почетна не только для статных широкоплечих скифов, но и для сильных, воинственных женщин. Смерть от удара копьем прямо в сердце. Пусть так. Но быть любовницей царя, потаскухой – нет? Она никогда не примирилась бы с этим. Ее избранник на далеком севере кует стрелы для скифских воинов против персов, он может гордиться своей Дарией.

Валтасар прервал ее размышления:

– Ты даже не плачешь?

– О чем?

– Но ведь тебя ждет смерть... безвременная смерть. Она усмехнулась.

– У нас оплакивают тех, кто умирает своей смертью, не от оружия. Я рада, государь, что меня ждет такая смерть. Когда мои соплеменники на севере узнают об этом, они порадуются за меня. Мое имя будет вечно жить среди скифов. Матери будут рассказывать своим дочерям, а отцы сыновьям, что Дарии, дочери скифского князя Сириуша, царь Вавилона велел пронзить сердце копьем.

И взгляд ее, устремленный вдаль, прочь от стен дворца, был такой гордый и нежный, что Валтасар не выдержал.

– Ты прекрасна, – неожиданно сказал он, – ах, если б твое сердце не было подобно сердцу тигрицы... Но и тигрицы прекрасны...

В опочивальню вошли два солдата с длинными копьями.

Валтасар не взглянул на них, он не сводил глаз с Дарий.

– Улыбаясь, ты кажешься доброй и нежной; при желании ты, вероятно, смогла бы ласково говорить с царем. Он задумался и решил, что спешить не следует.

– Если я мог неделями ждать женщин с Кипра, то почему бы мне не подождать тебя до восхода солнца. Может быть, ты перестанешь дерзить.

Он еще подумал и, подняв голову, отослал солдат. Они снова остались одни.

Царь пересел со скамьи на постель. Залпом выпил полную чашу вина. Голова у него кружилась, но он опять протянул руку за вином. Он шарил возле чаши, но не мог достать ее. Дотянувшись, он никак не мог ее поднять.

Дария подошла к столу и отняла у него вино.

– Не пей больше, государь, – сказала она, словно пересиливая себя. А ему показалось, что она сказала это душевно, будто и не было недавней ссоры.

Ее внезапная заботливость растрогала его.

– Нехорошо, когда человек много пьет, государь.

– Я должен пить.

– Ты не можешь сдержаться?

– Ты думаешь, – заплетаящимся языком говорил он, – ты думаешь, что у меня такое же бесчувственное, каменное сердце, как у тебя?

– Мое сердце не каменное, государь. Глаза Валтасара слиплись, он с трудом шевелил губами:

– Ты думаешь, что у меня такое же бесчувственное и жестокое сердце, как у тебя... Хочу вина... Я пью, чтобы забыть... Можешь не бояться меня, я подожду, пока ты подблещешь... Ты все-таки станешь моей... ты будешь возлюбленной халдейского владыки, и твоему ненаглядному никогда не дожидаться тебя... Но сегодня я страшно устал от этого заседания. Мне надо набраться сил.

– Засни, государь, сон укрепляет силы.

– Мне надо выспаться.

Он повалился на шелковые подушки.

– Сон укрепляет силы, говоришь?

– Да, сон возместит утраченные силы. – Вот видишь, а я по несколько ночей не сплю.

– Тебя, наверное, гнетут тяжелые думы.

– Навуходоносор!

– Но ведь он умер.

– Не верь. Он постоянно преследует меня и говорит, что он истинный владыка Халдейской державы. Обвиняет меня в том, что я привел в упадок страну, за которую

его армия пролила столько крови. Все нашептывает, что я должен иметь армию, если хочу быть настоящим властелином, каким был он. У меня будет армия, еще сильнее, чем была у него. Так решил сегодня государственный совет, и Набусардар займется этим. Я буду самым могущественным властелином в мире. Но Навуходоносор говорит мне, что прежде мне надо стать халдейским царем. Разве я не халдейский царь? – Он устремил на нее помутневший взор. – Я владыка Вавилонии?

– Владыка. И лежи спокойно.

– И царь царей?

– Царь царей.

– И владыка мира?

– Владыка мира.

– И все-таки я не могу уснуть, – пожаловался он. – Еще вина.

Она унесла вино в противоположный угол опочивальни, чтобы его аромат не смущал царя.

Когда она вернулась к нему, он сказал:

– В Халдейском царстве все ждут моей смерти.

– Прогони мрачные мысли, государь. Спи спокойно. Завтра ты трезво подумаешь обо всем и отпустишь меня. А я за это буду охранять тебя до утра.

– Ты, конечно, не знаешь, – говорил он, не слушая ее, – откуда тебе знать! Евреи и персы подстрекают население против меня. Эсагила подстрекает против меня аристократию. Сама Эсагила тоже против меня, потому что ее восстанавливают против меня боги. И боги против меня, они сами хотят править Халдейской державой. Сегодня меня дважды собирались убить. Первый раз мне спасли жизнь мои солдаты, второй раз Набусардар. Но им я не могу доверять. Говорят, Набусардар сам хочет быть царем, а моя армия хочет быть его армией. Солдаты за него. Скоро все оставят меня. дни мои полны жгучей тревоги, а ночи терзают бессонницей. Я боюсь, что стража уснет у дверей и меня убьют.

Дария не узнавала в этом жалком человеке воинственного и жестокого царя Халдейской державы, о крутом нраве которого шла слава за пределами его страны.

Вино парализовало в нем остатки воли, и он не признавал, что исповедуется перед незнакомой чужестранкой. Он беспокойно метался на подушках и был рад, что может излить душу. У него вылетело из головы, что дочь Сириуша схвачена тайной службой халдейской армии и может воспользоваться его слабостью.

Но Дария словно и не слышала Валтасара, она сидела на скамье в решимости дожидаться утра.

Валтасар затих, и она подумала, что он заснул. Но вдруг царь приподнялся и послал ее проверить, не спит ли стража, и пригрозил, что если она вздумает бежать, солдаты убьют ее – так им приказано. Она несколько раз выходила, но только за порог и тотчас возвращалась. Не видя вокруг никого, она рассудила, что будет сама охранять царя и разбудит его, когда понадобится. Сейчас ее безопасность зависела от его безопасности.

Заглянув, нет ли кого за занавесами, она успокоила царя:

- Спи спокойно, государь. Стража несет свою службу. А если заснут они, то не засну я.
- Ты сильная... я знаю... я ведь держал тебя в объятиях...
- Значит, можешь надеяться на меня. Я защищу тебя.
- Потому, что я не велел пронзить тебя копьем?
- Потому, что я так хочу.
- Ты все еще непреклонна, но царь, может быть, полюбит тебя.

Он уже был не в состоянии повернуть голову, не мог даже поднять веки. Он пошарил рукой и, как испуганный ребенок тянется к матери, так и он попросил ее присесть рядом, крепко ухватил ее за руку и уснул.

Пожалуй, впервые с тех пор, как он стал царем, Валтасар спал спокойно. Набусардар собирался с утра утвердить с Валтасаром расходы на оборону, но царь проснулся только к полудню.

Наступил день, но никто не отважился прервать сон государя. Слуги ходили мимо его спальни на цыпочках, а часовые менялись у его дверей совершенно бесшумно.

Дария долго сидела, не смыкая глаз, у постели Валтасара и все думала о северной стране с темными горами и бегущими облаками. В спальне горели светильники, а за стенами дворца вовсю сияло солнце, когда усталость сморила Дарию и голова ее склонилась на грудь.

Она уснула.

* * *

В стране между Тигром и Евфратом полдень.

Обычный полдень, когда солнце изнуряет людей до полусмерти, когда каждый уголок земли пышет жаром, и нет, кажется, места, где бы можно было хоть на минуту укрыться и передохнуть от зноя.

Корням уже не под силу держать стебли. Ветви деревьев устало поникли, а листья едва шевелятся под редкими Лениными порывами ветра. Люди и животные словно раскались от зноя. Пропитанную потом, липкую одежду беспощадно пронизывают острые, как иглы, солнечные лучи.

Вавилонские улицы вымерли. На них не встретишь в этот час ни знатного, ни простолюдина. Только рабы с потрескавшейся от ожогов кожей бредут, сгибаясь под тяжестью своей ноши.

На Базарной площади выставлен к позорному столбу человек, ему отрезали ухо за то, что он нарушил строжайший запрет и дерзнул утолить жажду из священного водоема Иштар.

Недалеко от него в тени колонн сидят несколько бродяг и развлекаются тем, что дразнят несчастного пустой кружкой. Привязанный к столбу человек обливается потом и то и дело впадает в беспамятство, потому, что солнце немилосердно печет ему голову. Только рабы сочувствуют ему, но спешат поскорей миновать это место, боясь, как бы и их не постигла та же участь.

Через площадь проходил жрец из храма бога Эа, и громкие стоны привлекли его внимание. Жрец приблизился к осужденному.

– Чем ты провинился? – спросил он.

Тот не в силах был ответить и только беззвучно открывал рот, с трудом ворочая пересохшим языком.

– Ты хочешь пить? – спросил жрец. Человек кивнул.

– Я не смею нарушить закон и дать тебе воды, но вот эта трава умерит твою жажду.

С этими словами жрец вложил в его пышущий жаром рот горсточку зеленых травинок.

– Да продлят боги твои дни, – с трудом прошептал человек.

– Да подарят они и тебе много лет, ты еще будешь нужен стране.

– В эту минуту я ее ненавижу, – угрюмо возразил человек.

– Ты ненавидишь ее нынешних правителей, но у Вавилонии еще будет свой вождь, и тебе захочется верно служить ему. Когда тебя отпустят, вступи в армию непобедимого Набусардара.

– У Набусардара нет армии, Набусардар...

– У Набусардара будет армия, самая сильная армия в мире.

– Самая сильная армия в мире... – недоверчиво прошептал человек, потому что помнил, как была распущена армия Набонида, в которой, он служил солдатом.

С той поры он скитался по стране в поисках куска хлеба, как шакал, испытал страдания, выпавшие на долю таких же, как он, горемык. Бывшие солдаты армии Набонида наводнили державу, из них составила каста бродяг, воров, преступников и убийц. Шайки грабителей отправлялись в Египет и там обкрадывали пирамиды, обители вечного покоя фараонов. Всех манило золото, и некоторые искатели приключений добирались до самой Эфиопии, о которой рассказывали, что там каторжники ходят в наручниках из золота. В погоне за счастьем они кочевали вдоль берегов Африки; любителей легкой наживы в особенности волновал Карфаген. Самую удачливую жизнь сулило море, и шайки морских пиратов нападали на корабли, направлявшиеся во все концы земли с живым товаром и ценными грузами на борту. Многие стали наемниками в армиях Греции, Рима, заботившихся об укреплении своей военной мощи. И хотя немало бывших солдат разбрелось по свету, Халдейская держава оставалось страной мыкающих горе скитальцев, которые тщетно искали работу у ремесленников и в царских мастерских, в копиях, на пристанях и в имениях. Отчаявшиеся и голодные, они бороздили страну из конца в конец, все же не уставая надеяться, что и им однажды улыбнется удача.

Одним из них и был человек, выставленный к позорному столбу на Базарной площади.

Слова жреца о новой армии непобедимого Набусардара доносились до него как во сне. Он слушал и не верил, что после всех мытарств сможет снова взяться за меч и стать доблестным воином.

Ему хотелось поподробней расспросить жреца, но не было сил, да и жрец не мог задерживаться. Он отошел, а человек долго еще следил за ним потускневшим взглядом, забыв про нестерпимый зной. Он жевал травинки, и ему казалось, что они и вправду умеряют жажду. Потом он увидел, что жрец задержался возле бродяг и сказал им то же самое:

– Державе грозит опасность. Вступайте в армию Набусардара.

Когда же те в ответ разразились издевательским хохотом, жрец невозмутимо удалился, словно ничего не произошло.

Затем остановился около рабов, сгибавшихся под тяжестью поклажи, и всем говорил одно и то же, но человек с отрезанным ухом уже не слышал этого.

Один из рабов сбросил груз и ответил:

– Я тотчас пойду за тобой, служитель божественного Эа. Я с малых лет носил меч и готов носить его до самой смерти.

– Ступай к Набусардару.

Раб оставил груз прямо на улице и повернул в сторону дома командования армии.

Служитель храма Эа обошел всю Базарную площадь, везде повторяя то, что ему велел говорить Улу, жрец Мардука.

В ночь заседания Улу по распоряжению верховного жреца Исме-Адада обходил святилища Вавилона. Он в точности исполнил приказ там, где жрецы были душой и телом преданны Эсагиле. В храмах же, служители которых давно таили на нее обиду, он вел дело иначе.

Самых заклятых противников Исме-Адада Улу нашел в храме бога Эа. Свое недовольство Эсагилой они выразили тем, что на другой же день отправились вербовать солдат в армию Набусардара. Они начали свое паломничество по улицам Вавилона в полдень, в самую жаркую пору дня, когда было меньше опасности встретить кого-либо, кроме жителей из низших слоев.

Свою миссию они исполняли успешно, и к вечеру двор дома командования заполнился бывшими солдатами.

Добровольцев тут же зачисляли в армию. Было определено, сколько солдат предстоит выставить каждому вельможе. Особое опасение внушало войско Эсагилы, не входившее в состав царской армии.

Во все концы державы к наместникам городов и провинций поскакали гонцы. Через неделю они обязаны были представить донесения с точно указанным числом воинов, выставляемых от каждой провинции; опытные ветераны занимались обучением новобранцев. После этого часть солдат надлежало отправить в Вавилон, а остальных разослать по провинциям.

Поначалу набор в армию проходил на удивление гладко. Немалая заслуга в этом принадлежала Улу и жрецам бога воды, бога серебропенных волн, искрометного Эа. Издевки и насмешки бродяг и попрошаек, слонявшихся около пристани и речной дамбы, не останавливали служителей Эа. Их старался не замечать и жрец, проявивший сострадание к человеку с отрезанным ухом.

Хохот и рев пьянчуг сопровождали его, пока он не скрылся из виду в одной из ближайших улиц.

Когда жрец сворачивал за угол, один из бродяг скорчил вслед ему рожу; остальные покатались со смеху. Потом тот же насмешник встал и, подражая жрецу, произнес:

– Державе грозит опасность, вступайте в армию Набусардара!

– Вступайте в армию Набусардара! – подхватил другой зубоскал.

Снова раздались гогот и сквернословие.

– Вступайте... – замымлил было и третий, но язык отказался ему повиноваться.

– Уже налился, а у нас еще полмеха, – шатаюсь, укорял его первый, показывая грязной рукой на кожаный бурдюк с вином.

Мех лежал на земле, под ним образовалась лужа кисловато пахнущего вина. У бродяг были кружки, но многие уже не могли держать их в руках и расплескивали вино на землю. Лица лоснились на солнце. Сквозь лохмотья просвечивало давно немытое тело, по которому ползали вши и стекали грязные струйки пота.

Одни стояли, прислонившись к колоннам, другие растянулись на каменных плитах и сидели на ступеньках.

Человек с отрезанным ухом жевал стебельки травы и смотрел на них. Когда один из пьяниц выплеснул вино на землю, он судорожно глотнул слюну.

– Видать, ему хочется пить, – заметил бродяга.

– Так напоим его! – загалдели остальные. Они налили вина в оловянную кружку. Но едва несчастный коснулся потрескавшимися губами края посуды, как бродяга отнял ее. Потом снова приложил и опять отнял. Пьянчужка наслаждался этой жестокой игрой. Наконец, когда изнывавший от жажды человек застонал, бродяга, размахнувшись, с довольным смехом выплеснул вино ему в лицо. Человек вскрикнул от боли. Вино обожгло ему глаза. Он не мог вытереть их, так как руки его были скручены за спиной. Внезапно он почувствовал острую боль на месте отрезанного уха: вино разъело свежую рану, и она снова начала кровоточить. Темно-алые струйки побежали по шее на плечо и грудь. Несчастный взмолился:

– Воды!

Но вокруг никого не было. Даже бродяги, испугавшись чего-то, убрались подальше.

Тогда он нагнул голову, так, чтобы кровь стекала в рот, и слизывал ее языком.

Тут на площади появился юноша. Пройдя мимо торговки с сушеными финиками на лотке, он остановился под навесом, где жарили на вертеле говядину.

Смотрите, Сурма! – пискнул бродяга с писклявым лицом.

– Башка у него варит! – заметил другой.

– Говорит почище пророка.

– И откуда что берется!

– Видать, нахватался от этого перса Устиги.

– А вот и нет... а вот и нет, – замотал головой третий.

– И в самом деле, – поддержал его кто-то, – я слышал, что Сурма подкуплен верховным судьей Вавилона.

– Верховным судьей? Ну, это вранье! – усомнились остальные.

– Коли хотите знать точно, – вмешался бродяга с мокрой от вина и слюны бородой, – так наши выследили его. Сурма то и дело бегают к Идин-Амурруму. Подслушали даже их разговор в саду.

Сурма действительно больше, чем Устиге, был обязан мудрейшему Идин-Амурруму. Он узнал от него о стольких бесчинствах, творимых в стране, что, уже не колеблясь, поднялся однажды на возвышение перед высеченным в камне сводом законов Хаммурапи и принялся горячо убеждать прохожих задуматься о своей жизни. Чем грознее становилась персидская опасность, тем больше страстного обличения вкладывал он в свои слова.

– Так, значит, верховный судья Вавилона набивает Сурму мудростью! А что же стражники, почему его до сих пор не схватили?

– Народ за него горой. Его прозвали Сурма-Гильгамеш.

– Гм, Сурма-Гильгамеш.

– А что подслушали в саду?

– Как судья учил Сурму произносить речи.

– А о чем?

– Я тебе не Сурма, чтобы запомнить это. В разговор вступил плешивый бродяга с приплюснутым носом.

– Я знаю, я все знаю, – сказал он. – Вот, у меня есть табличка.

Он вытащил из-за пазухи глиняную табличку, красиво исписанную четким почерком.

Остальные сгрудились вокруг него.

– Читай!

– Откуда она у тебя?

– Сурма раздает их тем, кому доверяет. Я купил ее у грузчиков на пристани за пригоршню поддельного золота.

– Читай!

– Читай, глядишь, Сурма скоро и сам подойдет. Он где-то неподалеку.

– Да вот он, под навесом, уплетает говядину.

– Может, он и не подойдет сюда.

– Читай!

Владелец таблички в смущении уставился на нее, поводил по ней пальцем. Зачем-то подтянул застежку на ремне. Поскреб в затылке, хмыкнул.

Остальные едва не лопались от любопытства и нетерпеливо понукали его:

– Ну, давай же! Начинай!

– Ученый я вам, что ли? – обозлился вдруг плешивый. – Чего пристали? Откуда взяли, что я умею читать? Я человек простой.

– На что же тогда тебе табличка? – прыснул косоглазый бродяга в темном ассирийском халате, который он стащил у торговца волами.

– А так захотелось... Не твоего ума дело!

– Через сто лет он продаст ее Старьевщику.

Остроту отпустил человек, державший мех и разливавший вино.

– Послушай, вдруг кто-то обратился к нему. – А ведь ты вроде был писцом, пока не сошел с круга. Прочитай-ка!

Плешивый передал табличку бывшему писцу, и тот начал разбирать по складам:

– «Царь со своим двором, с царевичами и царевнами пребывает в роскоши, держа народ на положении рабов».

– Святая правда! – зашумели слушатели.

– «Царь безучастен к судьбе своих подданных и не заботится об их нравственных помыслах».

– А что это: «нравственные помыслы»? Наступила тишина, которую нарушали только стоны страдальца, привязанного к столбу.

– Ты дальше читай, дальше, – понукали чтеца.

– «На обитателей царского дворца и Царского Города гнет спину вся Вавилония. Знать не отстает от царя, купается в роскоши и тянет соки из народа. Советники не утруждают себя делами и заботятся лишь о том, чтобы угодить царю».

– Провалиться им в преисподнюю Нергала!

– А дальше что? – приставали к чтецу.

– «Государство, нищает, хозяйство расстроено...»

– Что значит – «хозяйство расстроено»?

– Погоди, пусть дочитает до конца.

– «...земледельцы влачат жалкое существование, ремесла в загоне, государственных мастерских почти нет, халдейских торговцев притесняют. Народ знает только непосильный труд...»

– Да, это о нас, это о нас!!

– «Народ знает только непосильный труд, а в верхних слоях наблюдается падение нравов и образованности. Все государство погрязло во взяточничестве».

– Постой! – не выдержал кто-то. – В чем погрязло?

– Продажное оно, дубина! – пояснил тот, кто плеснул вином в лицо человеку с отрезанным ухом. – Ты знай читай, а то так никогда не кончишь.

– «Все государство погрязло во взяточничестве. На чиновников положиться нельзя, велением совести они предпочитают взятки. Стражи порядка и законности ищут лишь своей выгоды и падки на подкупы. Идею справедливости они превратили в посмешище. И все это происходит в стране, которая кичится тем, что ее законы стали образцом для всего Старого и Нового Света. Куда ни бросишь взгляд, всюду тлен и мерзость. Все прогнило в Халдейской державе. Раньше, по крайней мере, армия стояла на страже порядка в стране, а ныне и солдаты нападают на честных людей и грабят их, вместо того, чтобы защищать родину».

– А нас еще сманивают в армию Набусардара! – гоготали кругом.

– «Раньше жрецы пеклись о душе халдея, учили его добру и правде, а ныне и они, подобно царю, помышляют лишь о собственных удовольствиях. Вместо того, чтобы служить богам, они по три раза в день моются в раззолоченных ваннах и натирают себя благовониями. Забросив алтари, они куют заговоры. Ищут радость не в общении с небожителями, а в золоте и драгоценностях».

– Что правда, то правда!

– Долой их продажные святыни!

– Долой Мардука!

– Пст!

То подал знак владелец таблички, он забрал ее из рук писца и кивнул головой в сторону навеса, где торговали жареным мясом.

– Сурма идет.

Человек с приплюснутым носом спрятал табличку за пазуху, а остальные взялись за кружки. Веселье разгорелось с новой силой, языки у всех развязались, по площади неслась отборная брань.

Сурма не спеша направлялся в их сторону, краем глаза наблюдая за бродягами. Он шел размеренным шагом, лицо его было задумчиво. Беззвучно шевелил губами, и казалось, будто юноша и теперь мысленно внушает толпам людей:

«Ныне в Халдейском царстве не осталось почвы для порядочности, как не осталось среди халдеев ни одного с незапятнанной душой. Поэтому должен явиться кто-то, кто очистит его от скверны. Он должен прийти с востока, а потому ждите с той стороны знака, который скажет вам, что час уже близок. Будьте готовы к нему, и как огненная птица нежданно застигает своими крылами небеса, так и он нежданно объявится в нашей стране. Тогда канут пороки, слезы сменятся улыбкой, рыдания уступят место пению. Готовьтесь!»

Сурма на этот раз не собирался говорить – нестерпимая жара разогнала людей, и улицы были пустынные. Он медленно шел в тени колоннады.

Внезапно он заметил человека, привязанного к столбу. Сурма остановился, прислушиваясь к хриплым стонам несчастного, и увидел, как тот судорожно облизывает пересохшие губы.

Сурма без колебания направился к нему. И только вблизи заметил, что у бедняги отрезано ухо.

– Кто это тебя так? – спросил он. Человек вздохнул.

– Блюстители порядка.

– Что ты натворил?

– Я раб, господин, и у меня нет ни собственной крыши над головой, ни собственного клочка земли под ногами. Куда ни посмотрю, все вокруг чужое, и чего не коснусь, все не мое. Сегодня, изнывая от жары, я, чтобы увлажнить губы, зачерпнул воды из священного водоема и осквернил его... Стражники Эсагилы схватили меня, в наказание отрезали ухо и поставили к позорному столбу. Мне приказано рассказывать об этом всякому, кто остановится около меня, в назидание другим.

– Больше ты ни в чем не виноват? – спросил Сурма, испытующе глядя на несчастного.

– Это вся моя вина, господин, да еще я виноват в том, что родился. Проклят тот день, когда я появился на свет.

– Не отчаивайся, – утешал его Сурма.

– Как же мне, не отчаиваться, господин, когда у меня дома дети умирают с голоду. Я надеялся, что боги смилостивятся ко мне – я всей душой молил их – и дадут мне подработать. А вместо этого меня изуродовали и привязали здесь. Вечером я приду к детям с пустыми руками.

Эти слова больно впивались в сердце Сурмы. Наконец, не вынося отчаянного вида бедняги, он вытащил кинжал и перерезал веревки. – Ты свободен, – сказал Сурма, пряча кинжал за пояс. – А на это купи детям еды. – Юноша улыбнулся и насыпал несчастному в руку золотых крупинок. – Купи еды, а если стражники будут преследовать тебя, сошлись на меня.

– Что сказать им? – Скажи, что Гильгамеш встал из мертвых; скажи, что Гильгамеш перерезал твои путы.

– А кто ты?

– Я Сурма-Гильгамеш.

– Как мне отблагодарить тебя, господин? Сегодня я обязан двоим за милосердие. Совсем недавно, когда мне до смерти хотелось пить, служитель бога Эа вложил мне в рот траву, утоляющую жажду. Он сказал, что родина в опасности и чтобы я вступил в армию Набусардара, как только меня отпустят. Сурма озадаченно взглянул на него.

– Мне незачем скрывать это от тебя, – продолжал человек. – Ты сделал мне столько добра, что и мне хочется отблагодарить тебя.

Сурма задумчиво покачал головой.

– Если ты хочешь отблагодарить меня, то не вступай в армию Набусардара.

– Разве ты считаешь, господин, что наш законный царь Набонид, а не Валтасар?

– Ни Набонид, ни Валтасар, а... Он оглянулся вокруг.

– А?

– Наш законный царь – Кир! Человек задрожал, его смутили эти слова.

– Да, Кир, – серьезно повторил Сурма.

– Ты, значит, тоже так думаешь? Я от многих слышал, что он придет. Только правда ли

это?

– Правда. Он придет, чтобы искоренить зло и несправедливость.

– И оплатит им за наши мучения? Не осуждай меня, господин, но я люто ненавижу подлый Вавилон.

– Оплатит, сторицей оплатит.

– Да будет благословенно его дело. А тебя благодарю, господин.

Неверными шагами человек побрел прочь. Сурма довел его до колоннады. Тут они расстались.

Бродяги украдкой наблюдали за ними и ждали, что Сурма подойдет к ним. Но он скрылся среди мрачных колонн.

* * *

Набусардар и не подозревал, кто мешает ему вербовать солдат среди бедноты. Если в первые дни добровольцы валом валили в казармы, то потом число их резко пошло на убыль. Нашлись и такие, кто отказывался исполнять воинскую повинность и даже бежал за пределы страны, чтобы только не вступать в армию Валтасара. Набусардар видел в этом происки знати. Ему было невдомек, что дух Устиги продолжает жить на свободе. Он даже не мог предполагать, что этот дух поддерживается не только персидскими лазутчиками, но что глашатаем его стал и Сурма. И уж, конечно, ему и во сне не грезилось, что Верховный судья Вавилона, так выступавший против Исме-Адада, теперь действует и против него за спиной Сурмы.

Но Набусардар решил не отступать и добиваться своего, не взирая ни на какие препоны. Вавилония должна быть готова к войне.

Он подогревал в Валтасаре мечту о покорении мира, разжигая в нем честолюбивые замыслы, неосуществимые без создания непобедимой армии. У Валтасара загорались глаза, когда он слышал об армии. Он во всем соглашался с Набусардаром и даже вызвался посетить окрестные казармы, чтобы поднять боевой дух солдат.

Солдаты, которых теперь сносно кормили и одевали, встретили Валтасара восторженно.

Повсюду шло обучение новобранцев. Обветшавшие казармы ремонтировались полным ходом. Там трудились рабы. То и дело подъезжали подводы, груженные кирпичом и кусками битума.

Оживление, царившее в казармах, доставило царю истинное удовольствие, и Набусардару стоило труда уговорить его вернуться во дворец. Прежде Валтасар дивился, как это Набусардар не гнушается сам закладывать первый камень в основание общественных построек, а теперь у него самого возникла охота класть кирпичи.

Он уже было решился это сделать, но в последнюю минуту опомнился и пробормотал:

– Ведь я царь! Какая будет после этого разница между царем и рабом, если я стану наравне со всеми укладывать кирпичи?

Но эта мелочь не омрачила его восторженного настроения. Что ни говори, а здесь создается – собственно, уже создана, – его армия. Вот казармы, в которых разместятся его победоносные полки.

– Мне здесь нравится. Так и должно быть. Моим солдатам не пристало ходить голодными и оборванными. О моих воинах никто не посмеет сказать, что они больше походят на грабителей, нежели на защитников родины. Во всем, что касается армии, не следует скупиться. Все царские имения впредь будут делать поставки только на армию.

– Напротив, следует быть бережливей, государь, – неожиданно отозвался Набусардар, – теперь надо быть гораздо рачительней, чем когда бы то ни было. От сытой жизни солдаты обленятся, к тому же нам предстоит война. Важно заготовить впрок достаточно припасов, чтоб нам не страшна была никакая осада. Валтасар недовольно покосился на него.

– Да, государь, это непростая задача – не проиграть войну из-за голода. У Навуходносора было превосходное оружие, самое лучшее оружие в мире и отборные солдаты, однако Иерусалим склонил голову не перед его оружием и не перед его воинами, а...

– А?

– А перед голодом, который обрушился на город после двухгодичной осады.

– В самом деле, мне об этом рассказывали учителя на уроках истории.

– Значит, ты помнишь это, государь?

– Да, – раздраженно повторил тот, – но...

– Чем же я вызвал неудовольствие вашего величества?

– Ах, нет! Просто, когда речь заходит об истории, я испытываю отвращение, как будто дотронулся до чего-то мерзкого. В общем, не люблю я истории. Она напоминает мне покойника, которого надо похоронить и прекратить о нем всякие разговоры.

– Мне, напротив, государь, история представляется весьма поучительной.

– Вот как? – подозрительно процедил он.

– Да, я за свою жизнь извлек больше всего полезных уроков именно из истории.

– Например?

– Например, зная, что Иерусалим пал от голода, я не повторю его ошибки. Я дам твоему солдату смертоносное оружие и при этом не забуду про его желудок. Иначе история повторилась бы, с той лишь разницей, что тогда пал Иерусалим, а теперь его участь могла бы постичь Вавилон. Голод сильнее кованого меча. Поэтому мы должны все предусмотреть.

– Твои слова не лишены мудрости. Этого нельзя допустить. Хотя бы потому, что это доставило бы радость евреям. Они, разумеется, стали бы потом утверждать, что Вавилону отомстил их Ягве.

– Не ради евреев, а ради самих себя, ради нашего народа мы не имеем права делать ошибки.

– Что ты сегодня беспрестанно перечишь мне, Набусардар?

– Прости, если я в чем провинился.

– Я не собирался тебя упрекать, а хотел только напомнить, что евреи тешат себя надеждой, будто Кир вызовет их из нашего плена.

– Евреи всегда на что-нибудь надеются...

– Но теперь их надежды слишком явно расходятся с моими. Я охотно избавлюсь от них. Мне надоели их вечные бунты, а в последнее время они еще отлынивают от работы. У них на уме одно – возвращение в Иерусалим. Безумцы, ведь там не осталось камня на камне. Они зачинщики всех беспорядков. Недаром поговаривают, что Набонид был им больше по душе, потому что потакал им во всем, Подражая Эсагиле. Я ничуть не удивлюсь, если Эсагилу вместо Исме-Адада возглавит однажды еврейский жрец.

– Он расхохотался, довольный своей остротой, выпятил грудь и с победоносным видом взглянул на Набусардара.

– Каково, Набусардар: верховный жрец – еврей? Удачно сказано, не так ли? Когда вернусь, прикажу записать в мою «Книгу изречений». Пусть останется для потомков. Что ты на это скажешь?

– Мы, пожалуй, задержались здесь, государь.

– Однако! – Валтасар округлил глаза. – Недостойно вести себя так с царем. Не подобает мыши выпячиваться перед львом.

– Я хотел только сказать, ваше величество, что пора бы подумать и о возвращении.

– Постой, – развивал свою мысль Валтасар, – я хочу, чтобы ты меня понял до конца. Мышь – это ты, Набусардар, а я – царь Валтасар. С тебя может статься, что ты все перетолкуешь по-своему. Ты, я знаю, заносчив. Мне говорили, ты позволяешь именовать себя некоронованным властителем Халдейской державы. Не забывай, однако, что люди склонны шутить. Возможно, тебя называют так в насмешку... Что ж, по-твоему, нам следует возвращаться?

– Да, государь, – процедил верховный военачальник.

– Следуй за мной, – сухо приказал Валтасар, подбирая полы хитона, чтобы они не мешали при ходьбе.

Царь и полководец вышли из казармы на плац, где образцово экипированные части с почестями проводили их.

Всю дорогу до Вавилона Валтасар говорил только о евреях. Он мог без конца говорить о них, он дрожал за свою жизнь и опасался их коварства. Его ненависть и страх подогрела Эсагила мнимыми сведениями о еврейских заговорах. Эсагиле важно было отвлечь внимание Валтасара от своих интриг против него.

Эсагила и после недавнего совещания продолжала лелеять надежду на свержение Валтасара, чтобы восстановить на престоле Набонида. Она цеплялась за любую возможность. Когда стало известно, что царь отправился на смотр казарм, жрецы подготовили новое покушение. В прибрежных зарослях над каналом они укрыли смельчака, который должен был заколоть Валтасара, когда тот будет возвращаться в Вавилон. Ему удалось подобраться к самой колеснице царя, но едва он занес руку на Валтасара, как солдат вышиб у него кинжал.

Злоумышленника немедленно связали и увезли в Муджалибу.

На допросе выяснилось, что у него отрезан язык, так что невозможно было добиться, кто его подослал. Первые подозрения пали на Эсагила, но не менее правдоподобным казалось и предположение, что это дело рук евреев, так как у преступника было явно семитское лицо.

Валтасар и не искал других мотивов. Он был убежден, что на сей раз не Эсагила, а именно евреи подослали убийцу, недаром они ждут не дождутся Кира. Его ненависть к этому народу только усилилась.

Подозрения Валтасара утвердились, когда Эсагила через своего доверенного донесла ему о заговоре пророка Даниила и ее величества царицы. Об этом рассказал царю тот самый жрец, который подслушал разговор царицы и Даниила перед статуей небесной Иштар.

Валтасар верил всяким доносам. Он тут же распорядился бросить Даниила в подземелье, а царицу запереть на женской половине и не давать есть.

Оставалось еще наказать евреев.

Уже давно ходили слухи о том, что иудеи, живущие на канале Хебар, нарушают законы Вечного города. Им запрещалось возводить храмы; но в обход закону они с наступлением темноты совершали богослужения на открытом воздухе. Какой-то юнец выступал там под видом пророка и подстрекал народ против царя. Его надо убрать. Эту задачу можно возложить только на Набусардара. С отрядом своих людей Набусардар в ближайшие дни выедет на канал Хебар и примерно накажет тамошних евреев. Разорить гнездо этих смутьянов, будоражащих всю страну! Чем, как не происками евреев, можно было объяснить появление на городских воротах табличек, содержащих злостную клевету на особу государя, на совет, народ и страну?

Впервые таблички появились в ту ночь, когда Эсагила приказала вывесить на воротах объявления о персидской опасности, чтобы побудить население приносить золото и дары Мардуку. Однако ночью эти таблички были заменены другими. Утром ошеломленные прохожие останавливались перед ними и читали воззвания, полные угроз в адрес Вавилона, Халдейской державы, всех ее богов, в адрес ее знати, надменного царя и спесивой Эсагилы.

Уже тогда Валтасар издал указ, под страхом смертной казни запрещавший иудеям после полуночи появляться на улицах Вавилона. Но наивысшей точки гнев Валтасара достиг после того, как на его жизнь посягнул безъязыкий убийца, вид которого свидетельствовал о принадлежности к ненавистному племени.

Убийство часовых у Ниневийских ворот тоже относили за счет евреев. Словом, все грехи приписывали им, так как вину всегда легче свалить на безответных.

Как известно, Набусардар в день заседания совета отдал приказ перебить часовых Эсагилы у Ниневийских ворот и арестовать персидских шпионов Забаду и Элоса. Но утром были обнаружены трупы не только стражников Эсагилы, но и царских солдат. Вряд ли это было делом рук Забады и Элоса. Возможно, тут замешаны скрывавшиеся в городе преступники. Нашлись и свидетели, уверявшие, что видели как раз в ту ночь группу вооруженных иудеев.

В тот момент в халдейской армии каждый солдат был на счету. Узнав о безвестной гибели царских воинов, Набусардар рассвирепел. Как ни старался он сохранить хладнокровие, он тем не менее без достаточных оснований поверил выдвинутому против евреев обвинению и решил, что наведение порядка в еврейской общине на канале Хебар будет для них заслуженным возмездием.

Набусардар уже готов был выехать, когда прискакал гонец с известием о новом возмутительном преступлении евреев у канала Хебар. Они поднялись против

надсмотрщиков – двоих загнали в канал, где те и утонули. Это была расплата за несчастных соплеменников, до смерти забитых плетью. Тщетно было искать в Вавилоне управы на своих мучителей, тщетно взывать к справедливости. Оставался единственный выход – взбунтоваться, когда переполнилась чаша страданий.

Набусардар, озабоченный новым известием, не мешкая собрался в путь с конным отрядом копьеносцев.

На время своего отсутствия он поручил командование армией верному Наби-Иллабрату, вместе с которым разрабатывал план обороны и перестройки армии.

* * *

Эсагила, на совете так домогавшаяся власти, теперь подчеркнуто устранилась от всех государственных дел. Но это был чисто тактический ход.

Царь Набонид вернулся в свою Куту под охраной солдат Эсагила и решил, что, пока жив Валтасар, ноги его не будет в Вавилоне. Он согласится снова занять Халдейский трон лишь в том случае, если сын-узурпатор перестанет докучать ему на этом свете и будет смотреть на него только из царства теней. Эсагила рада была исполнить волю Набонида, что не раз пыталась доказать действиями.

Она верила в успешный исход задуманного, так как гаданье на бараньей печени показало, что Валтасару недолго править и что он умрет насильственной смертью. Бару, жрец-прорицатель, утверждал, что по всем признакам, увиденным на печени, Валтасар погибнет на войне от удара мечом прямо в сердце. А верховному жрецу печень открыла, что Валтасар действительно погибнет от меча, но случится это в царском дворце, в Муджалибе. Жрец Улу прибавил, что и ему видится насильственная смерть Валтасара, но не от руки жрецов Эсагила, а от руки ее врага. Он убеждал жрецов, что видит на печени знамения, согласно которым Эсагила будет существовать до тех пор, пока живет Валтасар. Со смертью Валтасара падет и Эсагила, и обоим суждено пасть от руки общего врага.

Жреца Улу сочли сумасшедшим, но все же Исме-Адад предусмотрительно обсудил вместе с Сан-Урри, откуда Эсагиле может грозить беда. Персы не в счет, Лидия и Мидия превратились в персидские провинции, а Египет как-никак союзник Халдейского государства.

После длительных раздумий боги указали им общего врага царя и Храмового Города. Это был не кто иной, как Набусардар, деятельность которого направлена к одной цели: захватить власть в Халдейском царстве. Неспроста он добивается создания армии: с ее помощью он осуществит свои намерения.

Сан-Урри подсказал верховному жрецу, что необходимо без всяких промедлений значительно увеличить численность воинской охраны Эсагила. Если дойдет до вооруженного столкновения с Набусардаром, он готов возглавить отряды священного Храмового Города. У арендаторов из храмовых имений придется взять половину работников да можно еще набрать наемников из арабов, ливийцев, эфиопов, нубийцев, греков и кочевников. До поры до времени знать трогать не стоит, чтобы не восстанавливать ее против себя. Достаточно того, что она настроена против царя. Придется увеличить подати с храмовых имений на содержание армии, а от знати добиться вложений в виде даров богам. Подходящим поводом для этого будут ближайšie

празднества Таммуза и Иштар.

Исме-Адад вполне доверял Сан-Урри и не имел от него секретов. По окончании беседы об армии он сам перешел к празднествам бога и богини любви, во время которых Храмовый Город обеспечит себя золотом на столетие вперед.

Накануне празднеств начнется приношение даров царю богов Мардуку и его божественному сыну Набу в Борсиппе. В последнее время народ возлюбил святилище бога Эа, жрецы которого утверждают, будто Эа – творец мироздания и владыка земли. Он вызвал всемирный потоп и тем покарал богоотступников. Он доказал, что является богом не чудес, а действий. Только он может вызывать несчастья и избавлять от них человека, народам державу. Эа из Эриду был первым из небожителей. За ним следовал Энлиль из Ниппура, и только на третьем месте стоял Мардук из Аккада. Этим священнослужители храма бога Эа накликали на себя немилость Эсагилы. Исме-Адад с огорчением отмечал, что народ начинает носить дары Эа, а не Мардуку, так как верит, что Эа отвратит от страны угрозу, о которой тайно и явно поговаривали повсюду. Храмовый город объявил о ежедневных торжественных молебствиях, чтобы напомнить о гневе Мардука и требовать приношений. Халдеи весьма благочестивы, и нетрудно возбудить в них богобоязненность, в особенности перед ликом бога богов Мардука.

Надо было еще придумать, как выманить у знати сокровища и этим лишить ее возможности помогать Набусардару. Пожалуй, лучше всего убедить, ее, что боги предвещают опасность восстаний и грабежей и поэтому самое надежное – укрыть свои богатства в подземельях Эсагилы.

И, наконец, третий источник пополнения кладовых Храмового Города – обряд очищения девушек перед ликом Иштар. Девушек из знатных семей и простолюдинок, которых сочтут достаточно красивыми. заранее продавать богатым вельможам.

Исме-Адад поделился с Сан-Урри всеми этими соображениями. Выходило, что военные расходы не истощат сокровищ Эсагилы.

Когда Исме-Адад заговорил о халдейских красавицах, Сан-Урри поднял на него бегающие глазки и сказал:

– Раз уж ты заговорил о девушках, то и у меня есть к тебе просьба.

Верховный жрец. ответил улыбкой.

– Как тебе известно, святой отец, персидский князь Устига попал в руки Набусардара при содействии одной девушки из Деревни Золотых Колосьев. Говорят, она настолько хороша собой, что Устига потерял голову, хотя он и не очень падок на женщин.

– И что же?

– Я не прочь познакомиться с ней. Я хотел бы оценить ее прелести перед лицом божественной Иштар. – Он прибавил доверительным тоном: – Я отомщу ей за Устигу. Мне кажется, Иштар жаждет ее крови.

– Да благословит твои намерения Мардук, – кивнул Исме-Адад.

– Я обещаю подарить Мардуку десять золотых кубков. Это фамильные ценности нашего именитого рода, и на них нет ни одного поддельного камня.

Исме-Адад опять улыбнулся и протянул для поцелуя перстень на указательном пальце – символ сана верховного жреца. Это был жест монарха, правителя Халдейской державы.

А на просьбу Сан-Урри он ответил так:

– Правда, девушка о которой речь, уже третий год отказывается принимать участие в празднестве богини любви и брачных уз. Возможно, она заупрямится и на этот раз.

Глазки Сан-Урри загорелись:

– Разве Эсагила не может заставить ее?

– Скорее всего, именно так мы и сделаем. Тем более, что эта девушка дочь Гамадана, а Гамадан приходится братом Синибу, который потерял эмблему отряда с изображением Мардука. Как ты помнишь, достопочтеннейший, его пришлось казнить у Ворот Смерти посредством вливания в глотку расплавленного свинца. Эсагила поступила так, чтобы отвлечь от себя гнев Мардука. Но вся семья Гамаданов убеждена, что жрецы опасались могущества Синиба и только потому велели казнить его. А ведь мы лишь исполнили волю Мардука. С той поры все Гамаданы ненавидят Мардука и Эсагила. Потому и дочь Гамадана пренебрегает обрядом очищения девушек.

– Будет только справедливо, если Храмовый Город прибегнет к насилию, – заметил Сан-Урри.

– Я пошлю жрецов к Гамадану. Если он не согласится добром, я прикажу силой привести его дочь накануне празднеств. Пусть порадуется Мардук.

Оба усмехнулись.

Вошел служитель и положил на стол верховного жреца глиняные таблички, свитки, папирусы и кожаные ленты. Потом шепнул что-то на ухо Исме-Ададу.

Пока служитель ждал распоряжений, верховный жрец сказал, перебирая почту:

– Мне надо ответить на просьбы верующих. Я вижу, что прибыли письма даже из Египта и Персии, хотя Набусардар и приказал закрыть границы. Таблички в льняных обертках – это от евреев. Я всегда узнаю их по оберткам.

Он вынул из обертки одну табличку и стал вполголоса читать:

– «Благороднейший Иоаким обещает пожертвовать Мардуку тридцать слитков золота, если Мардук возьмет его под свое покровительство». Надо тебе заметить, – улыбнулся Исме-Адад, – что Иоаким один из еврейских богачей и до последнего времени признавал только Ягве. А теперь, когда ситуация усложнилась, он, видимо, чувствует себя не очень уверенно под сенью крыл Ягве.

– И ты примешь его, святой отец?

– Я полагаю, что Мардук благосклонно примет его дар. Это значительнее десяти золотых кубков.

Сан-Урри нахмурился при этих словах. Тогда, чтобы загладить промах, верховный жрец прибавил, что и десять кубков – щедрый подарок, особенно если камни настоящие.

– Разумеется, настоящие, – надменно кинул бывший помощник верховного военачальника.

– А теперь, досточтимый Сан-Урри, да охраняют великие боги каждый твой шаг.

Сан-Урри понял намек и поднялся, собираясь уйти.

– Ты можешь выйти вот в эти двери, чтобы избежать какой-нибудь нежелательной встречи, – предупредил его верховный жрец, – сегодня я больше никого не успею принять.

– Едва Сан-Урри удалился, Исме-Адад повернулся к служителю:

– Пусть войдет, я давно жду его.

Служитель вышел, и вскоре в комнате появился благородный Сибар-Син. Он пал ниц перед верховным жрецом.

– Да продлятся дни твои бесконечно, святой отец, и да сияет твоя мудрость подобно звездам.

– Будь благословен, Сибар-Син.

Верховный жрец отодвинул послания в сторону, а именитого гостя усадил на диван. Исме-Адада поразила нежность кожи его красивого лица – Сибар-Сину могла позавидовать любая девушка. Глядя на это лицо, нельзя было поверить, что Сибар-Син причастен к смерти своего отца и матери. Белая шелковая сорочка, по вороту расшитая золотом, подчеркивала невинность его облика. Поверх сорочки на нем был новейшего фасона узкий кафтан цвета морской волны с рукавами по локоть. В тон ему были башмаки с золотой шнуровкой. На пальце сверкал перстень с крупным смарагдом.

Он небрежным жестом откинул руку на спинку дивана и заговорил:

– Скоро будет праздник цветов и любви. Я неоплатный должник божественной покровительницы любви, потому что никому еще она не дарила столько усад, как мне. Во время предстоящих празднеств, как и каждый год, я хотел бы испросить ее милостей. Может быть, святой отец изволит сказать мне, не забыла ли обо мне божественная Иштар и удостоит ли она меня любовью моей избранницы?

– Божественная Иштар пойдет навстречу желаниям твоего сердца, Сибар-Син. Ты можешь выбрать любую из вавилонских дев.

– Та, о которой я думаю, не из Вавилона. Верховный жрец поднял брови.

– Да, святой отец, она не из Вавилона, а из Деревни Золотых Колосьев. Весь город говорит о ней с тех пор, как Набусардар арестовал Устигу. Говорят даже, что она могла бы стать над алтарем олицетворением самой Иштар. Набусардар домогается ее любви, а она помогла ему схватить Устигу, но в любви отказала. Она горда и непреклонна. Однако благородный Сибар-Син сломил упрямство не одной женщины. Всему Вавилону известно, что я непревзойден в любви, и я хочу, чтобы дочь Гамадана узнала меня... А может. быть, на нее претендовал Набусардар? Исме-Адад покачал головой.

– Набусардар рассорился с Эсагилой. Я полагаю, что в этом году он даже не примет участия в празднествах Иштар. У него голова занята войной.

– Тем лучше, – обрадовался Сибар-Син, – тем крепче будет моя надежда на эту красавицу. А после меня Набусардар может взять ее себе. Я жертвую божественной дарительнице страсти пять золотых кубков. Жертвую ей пять золотых кубков чеканной работы, выложенных жемчугами и карбункулами.

Верховному жрецу дар показался слишком незначительным, ведь Сан-Урри уже обещал десять кубков.

Сибар-Син понял это по выражению его лица и прибавил еще пять.

– Я с радостью положу к ногам Иштар и десять кубков. Десять кубков, зеркально гладких, как ладонь.

Как раз от Сибар-Сина Эсагила могла ждать более щедрого приношения, и потому Исме-Адад ответил:

– Дочь Гамадана выбрал для себя сам Мардук, и я не уверен, уступит ли он ее за десять кубков. Признай, досточтимый Сибар-Син, что десять кубков – это ничтожная песчинка по твоим богатствам.

– Согласен на двадцать, – с готовностью предложил Сибар-Син.

– Даже двадцать – слишком умеренная цена.

– Двадцать кубков и десять золотых цепей.

– Ну, – неопределенно протянул верховный жрец.

– Значит, двадцать кубков и десять цепей, – повторил красавец.

– Двадцать кубков и двадцать цепей, – утвердил окончательную цену Исме-Адад.

– Итак, двадцать кубков и двадцать цепей, – согласился Сибар-Син.

Он задумался и потом уточнил.

– Разумеется, я увижусь с ней на ложе при алтаре Мардука. Пусть думает, что ее осчастливил любовью сам Мардук. Или я недостаточно красив для божества?

– Ты можешь увидеться с ней на ложе Таммуза. Ведь Таммуз, а не Мардук брат Иштар в любви.

– Во время праздника страсти и любовных усад и Мардук опьянен хмелем любви и страсти. Почему она не может принять меня перед ликом Мардука?

– Потому что Мардук требует приношений за это.

– С удовольствием, святейший... Скажи только, чего желает Мардук.

– Ежедневно до самых празднеств утренние жертвоприношения.

– А из чего складываются утренние жертвоприношения?

– Из одного быка, восемнадцати овец, одного теленка, пива четырех сортов, восемнадцати золотых кувшинов вина и восемнадцати алебастровых кувшинов молока.

– Однако желания бога богов не назовешь слишком скромными. – Сибар-Син забарабанил пальцами по дивану и иронически посмотрел на верховного жреца.

– Он более скромн, чем ты, – возмутился Исме-Адад, – а ведь ты всего лишь простой смертный.

– Едва ли, потому что мне и за год не съесть целого быка, восемнадцати овец и одного теленка, а Мардук требует этого на один только день.

– Рассуди хорошенько, Сибар-Син, ведь это ничтожная соринка от твоих богатств, тогда как Мардук оказывает величайшую милость, уступая тебе девушку, предназначенную для него. Имея твое состояние, другой не торговался бы со святым отцом, как с купцом на Базарной площади.

– Да простят мне великодушные боги, – взмолился Сибар-Син, – злые духи на миг вселились в мою голову, но теперь я уже на все согласен. Двадцать золотых кубков, двадцать золотых цепей и утренние жертвоприношения ежедневно вплоть до празднеств.

Исме-Адад на глиняной табличке начертал текст соглашения, и с того дня Нанаи, дочь Гамадана, стала принадлежать Сибар-Сину перед ликом божественного Таммуза и бога богов Мардука. Она предназначена ему в невесты на празднества цветов и любви.

Теперь Сибар-Сину не о чем тужить, так как он заранее знал, что та, которую он купил, будет принадлежать ему. Он мог спокойно и уверенно ждать начала празднеств.

На дочь Гамадана претендовали в Эсагиле еще несколько именитых вавилонян. Среди них был и главный казначей с золотым скарабеем на груди, который ему пожаловала царица. Сановник по делам правосудия, супруг Нозмы, сестры Набусардара, прятавший под париком свою черную совесть. Египетский посол в Вавилоне, финикиец, владелец рисовых полей, банкир-еврей, открыто поклонявшийся халдейским богам, и многие другие высокопоставленные лица.

Но ни один из них не мог заплатить так много, как Сибар-Син, и Эсагила всем отказала под предлогом, что дочь Гамадана предназначена для божественного Мардука.

Теперь Эсагиле надо было устроить так, чтобы Нанаи приняла участие в празднествах.

При ближайшем же посещении Деревни Золотых Колосьев доверенные жрецов зашли и в дом Гамадана. Отец и дочь с ужасом слушали их напоминания о готовящихся празднествах брачных уз и любви.

Нанаи ответила уклончиво, не обещая, но и не отказываясь. Она старалась сохранить спокойный вид, хотя внутри у ней все кипело от возмущения. Девушка чтит память доблестного дяди Синиба и не могла уступить ни желанию, ни приказу Эсагилы.

* * *

Судьба открывает завесу грядущего только взору провидца. А даром ясновидения, по всеобщему признанию, обладала Таба, сестра Синиба и Гамадана.

Нанаи навестила ее и излила ей свое отчаяние.

Тетушка Таба искоса посмотрела сперва на девушку красивое лицо которой было теперь омрачено печалью, потом на тайник в стене, закрытый черной грубошерстной занавеской, на которой было вышито серебром двенадцать знаков зодиака.

Она потрогала занавеску и сказала:

– Я уже и сама спрашивала тайные силы о твоей судьбе, Нанаи! Ты будешь много страдать.

– Страдать? Почему, дорогая Таба?

– Потому что в твоих жилах течет гамадановская кровь, которая доставляла немало хлопот всем поколениям нашей семьи, честной и непреклонной. Из-за этого много выстрадаешь и ты.

Резко отдернув занавеску, она устремила ястребиный взгляд на полки.

Чего там только не было! Пучки лекарственных трав. всевозможные плоды и миски с

отварами. В груди камней разных пород желтел и кусок драгоценного янтаря, солнечного камня. Отдельно громоздились связки глиняных табличек, содержащих сведения халдейских ученых о жизни небесных тел, об их влиянии на жизнь людей и животных. По соседству с ними лежали свитки папирусов, содержащих записи египетских прорицателей, и свитки шелка с толкованиями восточных магов. Тут же висел лук с заговоренными стрелами, по полету которых можно было определить будущее человека. Была там и баранья печень, вылепленная из глины и испещренная надписями, объясняющими смысл указаний отдельных частей этого органа о грядущих событиях в стране. Словом, там было бесчисленное множество разнообразных предметов, среди которых тетушка Таба искала миску с водой из волшебного источника. Она вытащила миску, поставила на пол и капнула туда несколько капель елея, который тут же расплылся по поверхности.

Нанаи встала на колени, наклонясь над миской.

Напротив нее опустилась на колени тетушка Таба, и рука ее совершила в воздухе семь кругов; при этом Таба называла различные планеты. Потом она пробормотала заклинания на шумерском языке и устала в пятна елея.

Через минуту она сказала:

– Подобно оси, соединяющей два колеса, твоя жизнь соединит судьбы двоих людей. Один из них перс, другой – халдей.

Изумленная Нанаи повторила:

– Один из них перс, другой – халдей.

– Да.

– Боги открыли тебе их имена?

– Нет, Нанаи. Но они открыли мне, что сердце твое принадлежит обоим и ему суждено следовать и за одним, и за другим.

– А показали они тебе дорогу, по которой я последую?

– Да, Нанаи. Ты увидишь Вавилон и предстанешь пред очами царя. На тебе будут покоиться взоры тех двоих и взор царя.

– Взор царя, говоришь? – Она смущенно оглядела свое невзрачное платье.

– Тебе не придется стыдиться своего платья, потому что ты будешь носить роскошные одежды и достигнешь вершины богатства, почета и красоты.

– А узнаю ли я радость, буду ли счастливой?

– Ты изведешь радость и будешь счастливой. Но не в пору радости, а в пору величайшей печали predetermined тебе узнать цену истинного счастья. Ты станешь родоначальницей нового поколения любящих и праведных, которое родится от плоти и крови твоей и одного из тех двоих.

Нанаи настойчиво сказала:

– Я хочу узнать его имя.

– Такой милости не явили мне боги, дочь Гамадана. Но я дам тебе совет. На лугу богача Сина-Эля растет древний сказочный цветок, золотой и многолистный. Днем он раскрывает лепестки и обращает их к солнцу. Но с наступлением ночи он свертывается,

опускает головку к земле и становится похожим на колокольчик. Говорят, многие слышали его звон в полночь при полнолунии. Но может, это пустые толки. Ступай на этот луг и отыщи в траве цветок. Если он подымет головку под твоим теплым дыханием, значит, он ответит тебе. Опустись перед ним на колени и шепотом скажи ему имена, дорогие твоему сердцу. При чьем имени бутон раскроется, тот и предназначен тебе судьбой. Нынче ночью как раз полнолуние. Ступай, а я попрошу Иштар помочь тебе.

– Я вся дрожу, тетушка Таба, мне страшно от твоего рассказа. Прошу тебя, проводи меня на луг Сина-Эля. У меня не хватит духу пойти туда одной.

Старуха отрицательно покачала головой.

– Мне нельзя, цветок скажет только тебе.

– Значит, я должна пойти туда совсем одна?

– Совсем одна, – кивнула старуха. – Перед уходом из дому помолись Энлилю. А как ступишь на луг, молись небесной Иштар.

Нанаи поступила, как велела Таба.

В эту ночь выпало необычайно много звезд. Они расцвели золотом, и в воздухе дрожали многолистые кроны их венчиков. Они трепетали в волшебном свете луны, похожие на сказочный цветок. Вокруг звезд клубилась голубоватая мгла.

Около полуночи Нанаи стояла за оградой имения, залитая светом луны, и смотрела на волнующиеся травы.

Ее воображение было взбудоражено, сердце сжималось от страха, а губы лихорадочно шептали молитвы.

Наконец, собравшись с духом, Нанаи перепрыгнула каменную ограду и попала на мягкую траву. Стебли были высокие, почти до колен. На листьях серебрилась роса, и скоро ее ноги и подол платья стали мокрыми. Прохладная роса умерила жар, вдруг охвативший ее. Она вздрогнула, когда, не пройдя и половины луга, увидела золотистый венчик цветка.

Нанаи подкралась к нему и тихонько опустилась на колени.

Словно в забытьи приблизила она губы к чашечке цветка, подышала на него, шепотом произнесла имя того, кто, подобно редкой жемчужине в морской глубине, таился на дне ее сердца:

– Набусардар.

От теплого дыхания лепестки пробудились и раскрылись полукружьем навстречу небу, словно их коснулось живительное солнце. Открылась только правая половина, согретая ее дыханием.

Нанаи шепнула второе имя, светившее во тьме, словно луч:

– Устига.

И тогда ожила и раскрылась вторая половина цветка.

Распустившись в неурочный час, когда на земле царит бог Син, цветок смотрел в лицо луне точно так же, как смотрят цветы в лицо солнца днем, во время царствования бога Шамаша.

Раскинув крылья лепестков, он безмолвно говорил ей, что, подобно оси, соединяющей два колеса, жизнь Нанаи соединит две жизни, – Набусардара и Устиги.

Так ей открылась тайна грядущего. Едва осознав это, она почувствовала, что вся дрожит от холода. Нанаи плотнее запахнулась в одежды и встала.

Скрипнули двери во дворе имения. Ночной сторож отправился дозором. Нанаи испугалась, что ее примут за вора и принялась бежать. За спиной залаяла собака. Но Нанаи, перепрыгнув через ограду, уже бежала тропинкой между рядами густой высокой фасоли. Потом, миновав кунжутное поле, вышла на тропку, ведущую к хижине тетушки Табы.

Таба не ложилась спать и курила благовонные травы в честь богов.

За этим занятием ее и застала Нанаи. Старуха открыла ей дверь и она вбежала в дом.

Обе женщины смотрели друг на друга вопрошающе.

Первой заговорила Таба:

– Ты была на лугу Сина-Эля?

– Цветок ответил мне, тетушка Таба. – И Нанаи прижалась к ее груди. – Один из них Набусардар, другой – Устига.

– Крепись, дорогая, приласкала ее старуха. – Пока ты была на лугу, к твоему отцу приезжали на колеснице солдаты Эсагилы и хотели увезти тебя. Они только что обратно отправились в Вавилон.

– Гиены! – зарыдала Нанаи. Таба усадила ее на табурет и погладила шершавой рукой по голове.

– Нельзя поддаваться слабости, а в слабости – слезам, – успокаивала она ее, – надо действовать, действовать быстро и разумно. Я придумала, как нам быть. Ты пойдешь в Вавилон и найдешь дворец Набусардара в Борсиппе. Там живет его преданнейшая невольница Тека, которую я знала в молодости. Она добрая женщина и посоветует тебе, как быть дальше. Она будет опекать тебя вместо меня. Только не говори ей, что я жива. Скажи, что я умерла.

Нанаи глубоко вздохнула.

– Искать защиты у Набусардара? А как же другой? Как Устига? Ты ведь сказала, что моя жизнь соединит их жизни.

– Другой? – Старуха задумалась, потом строго посмотрела ей в глаза.

– Он перс, а для врага у Гамаданов наготове только одно: меч!

– Но Устига, кроме того, и человек, и как человек он лучше всех, кого я до сих пор знала.

– Он перс, и только это ты должна помнить. Если ты забудешь об этом, всех нас постигнет несчастье.

Возможно, Таба права, советуя укрыться у Набусардара. Разве Нанаи не имеет права просить у него убежища? С ее помощью ему удалось поймать персидского шпиона. За свою услугу она вправе надеяться на его защиту перед Эсагилой.

– А вдруг Набусардар подумает, – испугалась Нанаи, – что я пришла к нему как

бесстыжая распутница? Нет, тогда я заколю его кинжалом.

Таба в изумлении слушала эти речи. Она поднялась с пола, где снова колдовала над миской с елеем, взяла миску, покрытую лоскутом черной материи, и поставила на полку к связкам лекарственных растений, плодов и древесной коры. Потом наглухо задернула тайник плотной шерстяной занавеской.

После этого она села рядом с Нанаи, взяла ее руку в свою и серьезно сказала:

– В тебе настоящая кровь Гамаданов, но все-таки лучше покориться Набусардару, чем Эсагиле,

– И согрешить против чести и совести? Ведь любить, пусть это будет даже сам Набусардар, еще не значит – во всем уступать. Разве любовь измеряется слабостью сердца? О величии любви можно судить только по мужеству и возвышенности поступков, которые совершаются во имя ее.

– Ах, Нанаи, сейчас не до сердечных переживаний. Не по своей воле ты пойдешь искать во дворце Набусардара защиты от Эсагилы.

Нанаи горько усмехнулась.

– Будущее покажет тебе, – твердила Таба, – что я права. А сейчас выбирать не приходится. Собирайся в путь в город Мардука и там проси защиты у верховного военачальника армии его величества Валтасара.

Да, святой Энлиль видит, что ей остается только одно – искать убежища у Набусардара.

Она живо представила себе, что ей придется переломить свою гордость и унижаться перед ним как побитой собаке. Но лучше уж перед ним, чем перед Эсагилей. В тысячу раз лучше перед Набусардаром, чем перед Эсагилей. Другого выхода нет.

– Чтобы тебя впустили в город и во дворец в Борсиппе, скажи, что идешь с донесением к верховному военачальнику царской армии.

В смятении и тревоге, напутствуемая советами тетушки Табы, Нанаи в тот же день собралась в дорогу. В сандалиях и полотняном платье, в праздничном платье из домотканого полотна, она направилась в Город Городов.

* * *

Через несколько дней после того, как царь Валтасар приказал навести порядок на канале Хебар, Набусардар выехал туда.

Канал Хебар был расположен в плодородной Месопотамской долине. Царь Навуходоносор поселил здесь пленников из Израиля и Иудеи, повелел им заниматься земледелием. Он рассчитывал на их трудолюбие. Каменистую почву своей родины они сумели возделывать так, что на ней произрастали наливные хлебные колосья, гроздья сочного винограда, славившегося далеко вокруг, и превосходные оливы, маслом которых умащивали себе волосы и халдейские цари. Навуходоносор уповал, что их усердием плодородная Месопотамская долина у канала Хебар станет краем изобилия. Пока иго рабства было

еще не столь суровым, евреи работали старательно. Но когда на них обрушился жестокий бич ненависти Валтасара, их усердие резко упало. Только дух протеста поддерживал в них жажду жизни.

Бесчеловечные законы Вавилона разрушали семьи, не щадя родственных уз пленников. У земледельцев Хебара насильно уводили сыновей, братьев, отцов и селили их в низинных кварталах Вавилона возле канала Пикиду в качестве водоносов, молотобойцев, слуг, подметальщиков улиц, кирпичников, грузчиков на пристани, каменщиков, кузнецов, сапожников, ткачей и прочих ремесленников. Они с горечью видели, что богатые соплеменники отдаляются от них, хотя изредка и протягивают им руку помощи. Потомки князей из дома Давида и дома Арона и потомки жреческого племени левитов имели право селиться в Верхнем Городе и заниматься торговлей. Поначалу терпели лишения и представители еврейской знати. Однако скоро выяснилось, что Эсагила благоволил тем, кто готов отречься от Ягве и поклоняться Мардуку. В короткое время переменившие веру евреи достигли власти и почета. Рядом с дворцами вавилонской знати выросли и их трехэтажные особняки, где вводились те же порядки, что и в домах вавилонских богачей. Беднота с канала Пикиду смотрела на них косо. Всего лишь несколько семей, потомки знатных еврейских фамилий, остались непреклонными. Они не могли забыть, что их насильно оторвали от столицы Соломоновой и от земли предков. Они не подчинялись приказам Халдейских царей, отчаянной ненавистью ненавидели Вавилон и мечтали о возвращении в край быстрин и темно-зеленых северных кедров. Куда милее было бы снова взлелеивать захиревшие виноградные лозы среди родных камней, чем наслаждаться хмельным питьем на берегах Евфрата. Уж лучше ворочать камни на собственной пашне, расчищая землю для каждого ячменного зерна в разоренной стране, чем есть ароматный хлеб в обители золотых идолов. Страну, где теперь было их пристанище, они не могли считать родиной. Их отчизна – на берегах Иордана, она ждет к себе свой освобожденный народ.

Мечта об Иордане и его долинах, об Эвфраимских и Иудейских взгорьях особенно глубоко укоренилась в сердцах и душах пленников, живших у канала Хебар. С каждым днем они все сильнее тосковали по родине, и тоска эта сделалась еще нестерпимее, когда после умершего старого пророка на вечерних молебствиях им стал проповедовать его молодой преемник. Избавиться от страданий – к этому вел он свои речи. Освободиться от вавилонского плена, избавиться и от предательской иудейской знати, заботящейся лишь о собственном благополучии. Как на родине, так и на чужбине она не ищет путей к душе человеческой, ее манят только золото, чревоугодие и власть.

– Может быть, ее постигнет общая с Вавилоном судьба, когда его мечи скрестятся с мечами Кира. Иной судьбы она не заслужила, – произнес свой суровый приговор молодой проповедник. – Она переняла обычаи халдейской знати, так пусть же подвергнется и суду, уготованному халдейским тираном. Близится пора, когда падет ярмо, надетое Вавилоном на народы. Грядет час расплаты. Пламя охватит ее дворцы, а меч неприятеля настигнет ее жителей. Это будет возмездие за злодеяния, причиненные другим народам.

С огнем и мечом халдеи пришли в город царя Соломона, вечный город Иерусалим. Еще утром его заливало восходящее солнце. На горе Мория высился царский дворец. Из храма Ягве поднимался дым жертвенных курильниц. Зеленые оливы оберегали от зноя белые, будто мраморные, домики. Дети беспечно играли в садах под кронами дубов. Только солдаты, изнуренные голодом и жаждой, умирали в крепостных башнях. У армии уже не было сил удерживать ворота и крепости. Пока Навуходоносор ждал в безопасном отдалении, в аммонитском городе Рибле, свежие полки халдейской армии пошли в атаку на крепостные стены и с одного удара захватили город. Они ворвались в Иерусалим, грабя и круша все на своем пути. Солдаты сразу поспешили во дворец, чтобы пленить царя и двух его сыновей. Но царь успел бежать подземным ходом. Однако везде найдутся люди, готовые за деньги служить хоть самому дьяволу. Предатели выдали этот ход солдатам Навуходоносора, и те настигли беглецов. Оба царевича были убиты на месте, а царю Иоакиму по приказу Навуходоносора выкололи глаза в Рибле. Слепленного царя отвезли в Вавилон и бросили в темницу. В Иерусалиме не стало царя, пало Иудейское царство. Все население угнали в рабство, в Вавилонию. Золото

разграбили солдаты Навуходоносора. Сам Навуходоносор, захвативший сокровища царя, вывез из храма пять тысяч золотых сосудов, алтари из меди и драгоценный светильник. Солдаты Навуходоносора насильовали дочерей Иудеи. Отрывали младенцев от материнской груди и разбивали их о стены, чтобы прекратилось вовсе племя израильское. Улицы были залиты кровью, завалены трупами. До самого вечера город пылал, как жертвенный факел. Несколько дней спустя на месте богатого города лежали одни развалины, внушающие ужас отчаяния.

Минуло пятьдесят лет, но события тех страшных дней живы в памяти.

Старики, пережившие падение Иерусалима, думали о том, можно ли избежать гибели, когда неприятельские рати ворвутся в Вавилонию. Они помнят, что беда налетела на Иерусалим ураганом и что праведные умирали на улицах заодно с нечестивцами. Надо искать путей спасения, потому что разъяренный солдат с мечом в руке подобен ослепленному жаждой крови хищнику.

С последним словом проповедника из толпы вышел старец, убеленный сединами и дрожащим голосом произнес:

– Скажи, премудрый сын человеческий, не суждено ли нам погибнуть вместе с халдеями, коли мы живем в их стране? Ты открыл нам волю Ягве, так укажи место, где нам не грозила бы опасность.

Пророк в недоумении перевел взгляд со старика на толпу, затаившую дыхание в ожидании ответа.

В напряженной тишине слышно было, как шумят воды канала. Вдруг из тростника вспорхнула белая птица и пролетела над зелеными зарослями. Толпа заволновалась, это походило на знамение. Тревожный лет птицы не предвещал ничего доброго.

Из толпы выкрикнули:

– Не таись, открой нам, как укрыться от беды. Ягве явил тебе свою волю, а ты укажи нам место спасения.

Пророк ответил горькой улыбкой:

– Где еще надеетесь вы обрести убежище, как не в своем сердце? Нет вам спасения в долинах месопотамских. Очистите свои сердца от скверны и откройте их навстречу добру. Утверждайте добро – в этом смысл и спасение жизни. А покуда человек будет злоумышлять против человека, народам не избежать гибели, они рухнут, как стены покосившиеся и подпоры подгнившие.

Не такого ответа ждали от него. Они готовы были следовать его велениям, как дети. Они хотели быть добрыми и согласны были ценой тяжких страданий выкупить себе возвращение. Молитвами, постами и отречением испросить у бога увидеть отчизну. Страдания больше не страшили их, они верили: час вызволения близится. Страшна была только смерть, потому что погибнуть в этой войне значило навеки оставить свои кости, кости плененных рабов, в халдейской земле, никогда не увидеть освобожденную родину.

– Об этом скорбим мы, – сказал старец, стоящий перед проповедником, – это нас мучает. Нас осталось здесь всего несколько тысяч, остальные уничтожены. Если в этой войне и мы погибнем от голода, жажды, болезней или меча, кто же тогда вернется в Иудею? Ты должен знать, что нам надо делать?

– Вы хотите, чтобы я указал вам место безопасное, как мне указал его Ягве: «Никто не избежит суда праведного». В землю ли кто зароется, на небо ли взберется – везде достанет моя десница. Укроется в горах – и там мое око узрит его. Пусть схоронится

на дне морском – я укажу чудищу, и именем моим оно и там его настигнет. А попадет врагу в плен, прикажу, дабы и там никто не избежал своей участи.

Эти слова повергли всех в отчаяние. Послышались сдавленные рыдания и горькие жалобы.

– Напрасны ваши стоны, – продолжал меж тем проповедник, – нет для нас приюта укромного в Халдейском царстве, а война подобна урагану или потопу. Единственный свет надежды сияет нам с востока, и имя ему – Кир. Помните это и храните спокойствие!

Тут он показал рукой на деревья, росшие вдоль канала; на их ветках были развешаны музыкальные инструменты.

– Сохраняйте спокойствие духа, чтобы не возбуждать подозрений и не навлечь на себя беду. Собирайтесь под вербами каждый день в это время. Снимайте с ветвей арфы и пойте псалмы. Это лучшее, что вы можете сделать.

Он первый направился к деревьям в знак того, что проповедь окончена.

Вскоре все сидели под деревьями, сквозь листву которых просвечивали последние лучи солнца. И вот пальцы коснулись струн, и те отозвались тихой мелодией. Под музыку началось пение, сперва еле слышное, потом все более отчетливое, пока голоса не слились в мощный хор, который заглушил и рокот волн, и шум птичьих крыльев, и шелест листьев.

Эту вечернюю молитву на другом берегу канала слушали скрытые за кустарником любопытные халдеи. Они часто приходили сюда, потому что у них мало кто умел так играть и петь.

Проповедник тоже послушал певцов, постоял возле поющих, а потом отошел в сторону и остановился в тихой задумчивости.

Из деревни доносилось бляенье овец. У дворовых, изгородей дети плели венки и вплетали в Волосы желтые луговые цветы.

Вдруг на дороге послышался конский топот. Он приближался, все усиливаясь.

Неожиданно для всех группа всадников вырвалась из-за деревьев на лужайку, которую евреи использовали для молебствий, поскольку им было запрещено строить храмы.

Песня оборвалась, все вскочили.

Никто даже не успел убрать музыкальных инструментов – так стремительно верховный военачальник армии его величества Валтасара и его телохранитель, оба верхами ворвались на лужайку. Набусардар остановил взмыленного коня и потребовал к себе старейшин общины.

Из толпы выступили убеленные сединами старцы в длинных балахонах. Они дрожали всем телом. Но даже страх и волнение не погасили в их глазах непреклонной воли и решимости.

На другом берегу канала халдеи вышли из своих укрытий посмотреть, что будет дальше.

Набусардар крепко натянул кованые золотом поводья, конь под ним встал на дыбы. Остальные всадники выстроились за его спиной.

Когда старейшины в полном составе вышли к Набусардару, он объявил:

– Царь царей, его величество Валтасар приказал мне арестовать вашего проповедника, и я требую, чтобы вы его выдали. Тому, кто попытается его укрыть, отрубят голову.

Старцы в темных балахонах задвигались. Объятые ужасом, они едва держались на ногах. Перед глазами встало видение плахи. С трудом сохраняя присутствие духа, они тревожно переглядывались, не зная, как поступить.

Набусардар повторил:

– Приказываю выдать проповедника. Мой отряд готов по первому знаку исполнить повеление царя царей и снести голову с плеч каждому, кто станет укрывать или защищать его.

Толпа израильтян, словно темный холм, отступила к вербам, в страхе перед готовящимся кровопролитием.

– Я не обязан повторять трижды, и если я это делаю, то только из добрых чувств, хотя вы этого и не заслуживаете, так как пренебрегаете благами и гостеприимством, которое вам предоставил Вавилон.

В его словах один из старейшин углядел слабый знак надежды. Пытаясь спасти проповедника, он сказал просительным тоном:

– Наш проповедник – невинный сын человеческий, но если тебе нужны жертва и кровь, могущественный полководец халдейской армии, я готов подставить свою голову.

Набусардар вспыхнул. Не для того он приехал, чтобы упиваться зрелищем крови. Он требует только восстановления порядка и справедливости. Кто понимает это иначе, тот против законов Халдейской державы и того ждет смерть. Поэтому он сказал:

– Я дважды предупредил, что каждому, не подчинившемуся приказу царя, отрубят голову. Ты не подчиняешься приказу, – он показал на старца, – и за это лишишься головы.

Он повернулся к солдатам, стоявшим неподалеку с обнаженными мечами, и приказал, рассчитывая сломить упрямство израильтян:

– Отрубить ему голову!

Толпа опять пришла в движение, сквозь нее торопливо пробиралась Дебора, внучка обреченного на смерть старца. Как безумная, она расталкивала людей, а когда солдаты схватили старика и поволокли, истошно закричала:

– Боже Авраама!

Столько отчаяния было в этом душераздирающем крике! Женщины и дети заплакали. Мужчины ждали, затаив дыхание.

На крик из зарослей вышел юноша, тот, кого искал Набусардар. Это могло спасти старца. Провожаемый любопытными взглядами халдеев и полными ужаса взорами единоверцев, юноша твердой поступью направился к верховному военачальнику, а солдатам сделал знак подождать.

– Господин, не карай безвинного, – обратился он к Набусардару, – ибо каждому воздается по его деяниям.

– Значит, это ты сеешь смуту среди людей? – спросил полководец, пристально глядя на него и не обращая внимания на внучку старика.

Юноша ответил, как подобало проповеднику:

– Я лишь толкователь воли Ягве.

– Мы уже слышали в Вавилоне, что ты свои подстрекательства выдаешь за волю вашего бога, который наущает вас не повиноваться властелину Халдейской державы.

Он хотел еще что-то сказать израильскому проповеднику, но солдат уже занес меч, чтобы отсечь старцу голову. Набусардар понял это по мертвой тишине, воцарившейся вокруг. Он замолчал и оглянулся на толпу.

Тут он увидел внучку старика. Взгляд ее, прикованный к месту казни, застыл от ужаса.

Набусардар в смущении всматривался в ее лицо, потом поднял руку, приостанавливая казнь. Медленно, подобно уходящему за линию горизонта солнцу, опускалась его рука. Как замороженный смотрел он на Дебору и не мог отвести глаз, потеплевших от сострадания. Морщины прорезали его крутой лоб.

Нечто неизъяснимое и неожиданное происходило в его душе. Другое лицо встало в его воображении при виде этой юной девушки. Его суровое сердце воина будто потеплело. Он не был готов к этому. Да и может ли человек предусмотреть все случайности, с которыми его сталкивает жизнь? Он понимал, что нельзя поддаваться чувствам, что порученное ему дело обязывает его взять себя в руки. Но он не мог отвести глаз от девушки.

У ней были красноватые волосы. Крутые локоны обвивали ей шею, напоминая нанизанные на нитку темно-пурпурные початки тростника. Ее сине-зеленые глаза в дымке юной мечтательности были совсем как глаза юной Нанаи из Деревни Золотых Колосьев. Красотой она уступала дочери Гамадана, но цвет ее волос и глаза вызвали в его памяти другой, милый сердцу облик.

Оттого неожиданно переменилось его настроение. Потому и смягчился он, когда она взглянула на него глубокими, как море, глазами.

Конечно, она и не подозревала, что творится в душе Набусардара. Она только знала, что рядом стоят солдаты с занесенными мечами. Она хотела спасти самого близкого для нее человека. Когда взгляд Набусардара остановился на ней, она подбежала к нему и упала на колени.

– Господин! – воскликнула она. – Каждый умеет карать, но лишь немногие – миловать. Если ты так могуществен, зачем ты делаешь то, что может каждый?

Набусардар спрыгнул с коня, предусмотрительно вытащив из ножен меч. Вслед за ним спешили его телохранитель и четыре военачальника, один из которых взял из рук Набусардара поводья.

– О, господин, господин, – умоляла девушка, припадая к его ногам.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

– Не убивай его, Непобедимый, и жизнь вознаградит тебя, исполнив твоё самое большое желание. Если ты жаждешь власти – даст власть, если грезишь о любви – пошлет любовь.

Рукоятью меча он приподнял за подбородок ее лицо, и оно осветилось лучами заходящего солнца. Нет, оно было далеко не так прекрасно, как лицо Нанаи. Все усыпано мелкими веснушками, а в глазах не было и следа трогательной неги, одни только отчаяние и покорность.

– Я не верю, господин, что ты не умеешь прощать, так прости же его и верни ему жизнь, – взмолилась она снова.

Казалось, он слышит Нанаи, ее голос, ее упреки. Вовсе не ради самой Деборы, а потому, что она мучительно напоминала ему дочь Гамадана, он поднял руку и снова дал знак, что отменяет казнь.

Однако теперь его жест был воспринят, как приказ отрубить старику голову. В воздухе блеснул меч, и голова старца покатилась в траву.

Исступленный вопль потряс толпу. Девушка с медными волосами упала на землю и отчаянно вцепилась в нее ногтями. Песчинки веснушек смешались с бусинками слез, которые брызнули, у нее из глаз.

У Набусардара было благое намерение помиловать старца, но солдаты не поняли его. И вот окровавленная голова уже лежит в чахлой траве, а из шеи ключом бьет кровь.

Полководец стоял в раздумье.

– Господин, – сказал пророк, который неподалеку ожидал своей участи, – господин, этот старик был невиновен.

– Кто дал тебе право судить мои поступки? – вспыхнул задетый за живое Набусардар.

– Все, что ни делается, делается по воле Ягве, – уклончиво ответил проповедник.

– Следовательно, мои солдаты отрубили старику голову по воле Ягве.

Точно так же по воле Ягве, а не по велению его величества царя Валтасара дождешься своей очереди и ты.

Оставалось покончить с проповедником, и поэтому Набусардар приказал девушке встать и вернуться к своим.

– Тебе предъявлено обвинение в подстрекательстве к бунту, а твоим соплеменникам – в сговоре с врагами державы. Вавилонские евреи однажды ночью перебили всех часовых у Ниневийских ворот. В другую ночь они вывесили на городских воротах таблицы с дерзостными выпадами против державы и царя. На преступления подстрекали евреев в Вавилоне – Даниил, а на Хебаре – ты. Даниила царь Валтасар уже бросил в темницу, с тобой рассчитаюсь я. Не надо особой отваги, чтобы действовать исподтишка, но любопытно посмотреть, достанет ли у тебя смелости повторить свои проповеди теперь, передо мной и моими солдатами. Тебе предъявлено обвинение в подстрекательстве к мятежу. Ты подбил своих соплеменников против царевых надсмотрщиков, по твоей вине двое царских слуг утонули в водах канала. Царь повелел подвергнуть тебя казни бичеванием. Но чтоб кому-нибудь не показалось, что мы поступаем несправедливо, верховный военачальник армии его величества готов выслушать твои объяснения.

Халдеи перешли канал и обступили солдат. Каждый стремился встать поближе к Набусардару, чтобы не пропустить ни одного слова. Проповедник переспросил:

– Какую из моих проповедей я должен повторить для тебя, господин? Я уже продолжительное время беседую с людьми и произнес их немало. Что же касается надсмотрщиков, то они прыгнули в воду сами, спасаясь от разъяренной толпы. Мои соплеменники обрушились на них, преисполненные гнева за то, что им не разрешили подать воды и отнести в тень под деревья тех несчастных, которые во время работы упали, изнуренные зноем. Люди вынуждены были смотреть, как у них на глазах умирает двадцать измученных товарищей. Согласись, господин, что в подобных обстоятельствах любой возмутился бы без всякого подстрекательства. Как видишь, моей вины тут нет,

господин.

– Это правда! – раздался крик из толпы. Набусардар взвешивал каждое его слово, убеждая себя действовать обдуманно и по справедливости. Когда объяснения проповедника подтвердили старейшины и поручились за правдивость его слов собственной жизнью и жизнью своих детей, Набусардар был готов снять обвинение.

– Но я не снимаю обвинения в подстрекательстве к бунту против Вавилона, – поспешно добавил он. – Царь дарует тебе свободу, если ты выдашь тех единоверцев, которые состоят в заговоре против престола и державы.

– Я ничего не знаю о заговоре против престола и державы.

– Твой Ягве тоже ничего не знает об этом? – презрительно спросил Набусардар. Внимание его привлек шум крыльев белой птицы, и он поднял голову.

Птица возвращалась на ночь в свое гнездо. Она пролетела над толпой и скрылась в высоких зарослях тростника. Проповедник тоже проводил взглядом неспешный, мирный полет птицы и, когда она исчезла из глаз, приготовился отвечать.

– Ягве говорит только: «Я призову к жизни поборника справедливости на востоке, и по слову моему он будет править над владыками запада. Я выдам их, подобно праху, мечу его, и подобно сору летучему, стрелам его. С именем моим он обрушится на сильных мира, погрязших в скверне, и растопчет их, как глину гончарную». У Набусардара перехватило дыхание, но он постарался сдержать себя.

– Кого ты считаешь поборником справедливости с востока? – спросил он. – Огненную птицу, Кира?

– Я говорю лишь то, что внушил мне Ягве, – с внутренним вызовом оправдывался проповедник.

Возмущение Набусардара росло. Он спросил уже более резко:

– Кто же, по-твоему, эти владыки запада? Правители Вавилона?

– Не я, а Ягве определил так. Я только его скромный слуга и глашатай правды.

– Царь приговорил тебя к смерти, – вскричал Набусардар, – не забывай: ты умрешь под бичами!

– Я не противлюсь приговору своего повелителя, ибо Ягве сказал: «Не бойся, пойдешь ли по водам, не поглотят тебя. И пойдешь ли в огонь – не спалит тебя, ибо правда – вечна».

Он еще не кончил говорить, а из толпы халдеев уже послышались крики, что он насмехается над царем и оскорбляет халдейские законы.

– Смерть ему! – кричали они, хотя незадолго до этого с удовольствием слушали игру на арфах и пение евреев.

– Смерть ему!

– Смерть!

Многие схватили камни и кинулись на проповедника. Если б солдаты не преградили путь, они забили бы его. Издали они плевали в него. Не имея возможности подступиться к юноше, стали забрасывать камнями толпу евреев.

Набусардар хотел продолжить допрос, но халдеи кричали:

- Смерть ему! Смерть!
- Исполнить приговор царя!
- Царь приказал связать его и предать бичеванию!
- Бичевать его!
- Смерть ему!
- Бичевать!

Набусардар медлил. Но толпа халдеев напирала на него с криками «Бичевать! Бичевать!» Собственно, участь проповедника была решена еще в Вавилоне, и, чтобы успокоить орущих, Набусардар приказал связать его и приступить к экзекуции.

Солдаты сорвали с проповедника одежду, скрутили его веревками и подтащили к камню, который служил израильтянам вместо жертвенника. Солдаты нарочно положили его на этом возвышении, чтоб виднее было бьющееся в муках тело – халдеям на радость, израильтянам – в назидание.

Солдаты царя усердно исполняли свой долг.

Удар за ударом судорогой отдавался по всему телу пророка. Ступни заливала кровь. Уже и камень под ним окрасился кровью. Тело смертника вздрагивало от боли. Но лицо не выдавало нестерпимых страданий. Оно оставалось спокойным и строгим. Крепко сжатые губы не пропускали ни единого вздоха. Но вот они все же разжались, испустив тихий стон. Силы заметно оставляли юношу. Руки бессильно поникли бы, не будь они накрепко связаны. Дыхание стало прерывистым, на губах выступила пена. Взор туманился, несчастный терял сознание. Он уже не слышал угроз и насмешек халдеев. Не слышал и рыданий своих единоверцев. Он покидал этот мир и уходил в неведомое царство новой жизни. В последний раз он приподнял голову под безжалостным бичом и – уронил ее на камень.

Уже не было ни боли, ни заходящего солнца, ни кроваво-красного горизонта. Все куда-то исчезло, и осталось только ощущение умиротворяющей пустоты. В эту пустоту ворвался отдаленный конский топот. Проповедник не знал, где это происходит, на этом или уже на том свете. Но топот слышался все явственней, как будто на бешеной скорости неся к его ушам. Ему показалось, что под копытами коней дрожит земля.

На поляну ворвались два взмокших от пота царских гонца.

Его светлость верховный военачальник должен немедленно вернуться в Вавилон, потому что войска Эсагила под командованием Сан-Урри выступили против армии Валтасара. Храмовый Город воспользовался отсутствием Набусардара и послал своих солдат на штурм царских казарм близ зимнего дворца Валтасара. Эсагила намеревается захватить дворец и посадить на трон Набонида. Второй отряд осаждают Муджалибу, и царь опасается за свою жизнь.

- А народ? – вырвалось у военачальника.

- Народ? – переспросил гонец. – На улицах льется кровь, стены домов в крови. Рабы убивают своих хозяев, беднота грабит дворцы. Евфрат забит трупами. Если ты, досточтимый верховный военачальник халдейской армии, не вернешься до завтра, вавилоняне сами разрушат город. Повсюду пылают пожары.

- Не может быть, – решительно произнес Набусардар, – перед отъездом я не заметил

ничего подозрительного.

Гонец продолжал почти шепотом:

– Эсагила приказала казнить тридцать евреев, так как нашла в еврейском квартале Нижнего Города текст, который был начертан на глиняных табличках, вывешенных вместо табличек Эсагила. С этого все и пошло. Во время казни евреев из толпы зеваяк послышались крики: «Нам не нужны жертвы, дайте нам хлеба!», «Мы не хотим пить кровь евреев, дайте нам мед и вино!», «Не надо нам зрелищ, мы требуем снижения налогов!» Тогда ворота Эсагила распахнулись и конные солдаты устремились прямо на толпу. Несколько человек нашли свою смерть под копытами лошадей. За конниками оказалась пехота и не было ей конца. Все недоумевали, зачем Эсагила направила целую армию против кучки смутьянов, как будто началась война. Потом только выяснилось, что у Эсагила совсем другая цель и толпа возле лобного места всего лишь предлог. Солдаты Храмового Города окружили царский дворец и осаждают его. Армию царя возглавляет доблестный Наби-Иллабрат. Есть подозрение, что Эсагила сама подстроила эту историю с табличками, чтобы воспользоваться смутой и возвести на трон Набонида.

– В самом деле, надо немедленно возвращаться, – согласился Набусардар.

– Но люди устали, эту ночь им надо отдохнуть. С рассветом мы выступим в Вавилон.

– Каковы твои успехи здесь, Непобедимый?

– Видишь, – показал он на растерзанное тело, – по приказу царя я схватил мнимого пророка и велел его наказывать бичами. Он подговаривал евреев объединиться с персами, потому что верит в их победу над Вавилоном.

– Он еще жив?

– Думаю, что да. – Он посмотрел на солдат.

– Живой еще, подтвердили они.

– Тогда у меня еще один приказ к тебе, – сказал гонец. – Его величество крайне расстроен, что войско Эсагила численно превосходит царскую армию, и не уверен, что Наби-Иллабрату удастся устоять. Он желает знать предопределение судьбы – победит Набонид Валтасара или нет. Он велел сказать, что помилует пророка, если тот ответит на этот вопрос.

Проповедник лежал недвижимо на жертвеннике, солдаты ждали. Осужденный не обнаруживал признаков жизни, и Набусардар приказал облить его водой, чтобы привести в чувство.

Когда он пришел в себя, Набусардар повторил ему приказ царя. Израильтяне, услышав его слова, подбежали и обступили жертвенник. Они уговаривали проповедника открыть царю грядущее и тем спасти свою жизнь.

Но тот безмолвствовал.

К нему подходили женщины с грудными младенцами, и старцы, и безутешные вдовы и наперебой уговаривали его.

Но пророк не выражал ни согласия, ни протеста. Он лежал с закрытыми глазами, совершенно недвижимо, лишь изредка у него вырывался судорожный вздох. Смешанная с кровью вода насквозь пропитала веревки. Он лежал на спине, превращенной в кровавое месиво, обнаженной грудью к небу. Но и грудь была похожа на большую рану, сплошь в кровавых рубцах, красных, как закатное небо.

Внезапно из толпы протянулась дрожащая рука и осторожно легла на эту исполосованную, исхлестанную грудь, легла мягко, неощутимо, поместив пальцы между рубцами. То была рука его матери.

Старуха опустилась на колени перед истерзанным телом сына, целовала его раны и кропила слезами его руки. Она горестно шептала:

– Боже всемогущий, боже Авраама, боже Иакова, боже пресветлого царя Давида и Соломона и всех нас...

В ответ на это пророк открыл глаза и взглянул на нее мутным взором. Его взгляд уловил выражение муки в глазах женщины.

Сын промолвил едва слышно:

– Мать.

Он понял, что ей одной не смог бы отказать в просьбе. Собрав последние силы, он ответил – не ради спасения своей жизни, а потому, что таково было желание его матери:

– Валтасар победит Набонида.

– Валтасар победит Набонида, – взволнованно и нетерпеливо повторил Набусардар.

Он тот час же велел развязать веревки и отпустить пророка.

Толпа израильтян облегченно вздохнула, а мать поцеловала кончики окровавленных пальцев сына.

В этот момент пророк еще раз собрался с силами, чтобы сказать:

– Валтасар победит Набонида, но Валтасара победит Кир, царь царей и владыка мира.

Проговорив это, он сжал губы. После этих слов израильтян и халдеев охватила тревога и страх при мысли об испепеляющей деснице персидского властелина, мечом которого повержены все окрестные народы. Как хищный ястреб, он схватил их в свои когти, осталась только Вавилония. Правда, царь Валтасар объявил Вавилон непобедимым, но разве не о том же возвещали царь Мидии Астиаг и царь Лидии Крез, а их державы не устояли перед его натиском. Никакое проклятие не могло внушить большего ужаса, чем это предсмертное пророчество израильского проповедника. Оно устрало не только халдеев, но и израильтян, хотя и предвещало им избавление от вавилонского плена.

Не испугало оно одного Набусардара. Верховный военачальник армии сверкнул глазами и нахмурился. В победу Кира он не верит, но его возмутила дерзость пророка. Выходит, сговор с персами – не выдумка. Даже на смертном одре он осмелился заявить о своей вере в Кира, в эту огненную птицу и защитника справедливости.

– Значит, ты и твой бог. называете кровожадного Кира защитником справедливости?

Он стоял, едва сдерживая бешенство, потом крикнул:

– Забить до смерти!

Солдаты тотчас взялись за дело, и их безжалостные бичи снова впились в истерзанное тело мученика.

Напрасно израильтяне и мать с мольбою зывали к милосердию. Набусардар их даже не слушал. На их призывы спешила в сгущающихся сумерках ночи только избавительница –

смерть.

Верховный военачальник халдейских войск торопливо вскочил в седло и приказал отряду собираться в путь, чтобы как можно скорее попасть в Вавилон, где они теперь всего нужнее. Он ждал только завершения казни.

Голос из толпы израильтян нарушил тягостное молчание:

– Гонец привез помилование. Разве слова вавилонского царя ничего не значат? Его поддержал другой:

– Пристало ли царю быть лжецом?

– Бесчестного сына произвел на свет царь Набонид! – крикнул третий.

Набусардар приказал разогнать всех бичами, чтобы они утихомирились и не задерживали его.

С мечами, копьями и плетью солдаты обрушились на толпу.

К Набусардару подбежала Дебора, внучка казненного старца, и заговорила притворно сокрушенным тоном:

– Ни мой дед, ни я никогда не испытывали вражды к Халдейской державе. Мой дед занимался гончарным ремеслом, и мы были благодарны Вавилону, что он дает нам средства к существованию. Но теперь, когда ты, господин, приказал казнить моего деда, моего кормильца, я не знаю, что будет со мной.

– Чего же ты хочешь? – спросил Набусардар.

– Я прошу немногого, господин, – сказала она, – ты такой могущественный, ты все можешь.

Он вытащил из-за пояса и бросил к ее ногам две горсти золота.

– Купи себе овец и тем живи.

– Я прошу не золота, господин, а милости моим соплеменникам. Почему ты так жесток к ним?

– Потому, что вашим сердцам персы ближе, чем халдеи.

– Ты несправедлив к ним. – Она выдавила улыбку, тогда как в мозгу у ней черной тучей засела мысль о мщении.

Набусардар не обольщался насчет истинных чувств евреев к халдеям, и его не поколебала улыбка, мелькавшая на лице девушки, словно блики света.

Дебора не отступала. На его повторный вопрос, чего она хочет, она ответила, что боится будущего. У ней теперь никого не осталось, а одинокой девушке легко попасть в беду. Она чувствовала бы себя в безопасности, если бы ее взял под свою защиту такой могущественный человек, как он. Дебора умоляла взять его с собой в Вавилон и сделать ее своей прислужницей.

Глядя на него обманчиво преданными глазами, она с подкупающей искренностью уверяла его:

– Я буду служить тебе верой и правдой.

– Вы все коварны и двоедушны. Возьми золото и поди прочь, не то мой конь затопчет тебя.

– О господин, не гони меня, памятью безвинно погибшего деда заклинаю тебя. – Она припала к его ногам.

Набусардар не терпел женских слез и заверений в преданности, они пробуждали у него подозрения в коварстве. Он тронул коня шпорами.

– Меня зовут Дебора, господин, я буду служить тебе, как ни одна из женщин.

Она распахнула одежду и с притворным смущением обнажила грудь.

– Посмотри, господин, я красива.

Набусардар успел заметить только, как блеснуло ожерелье из пластинок желтой меди у нее на шее, и отвернулся.

Но у его телохранителя при взгляде на девушку загорелись глаза.

– Возьми ее с собой, Непобедимый. Когда мы раскинем ночью шатры, с ней будет веселее.

– Делай, что хочешь, – пробормотал Набусардар.

Солдаты оттеснили толпу к самому каналу. Многие евреи убежали в деревню, и Набусардар приказал собираться.

Отряд построился, и они тронулись в обратный путь во главе с Набусардаром, его телохранителем и четырьмя военачальниками.

Халдеи устремились за ними стадом саранчи. Лужайка, где евреи совершали молебствия, опустела.

Там остался только жертвенник, на котором лежал умирающий проповедник. Возле него в безысходном горе стояла на коленях мать. В ее объятьях он и умер.

Веревки пропитались кровью. Рубцы вздулись и стали толщиной с веревки, которыми он был обвязан. На груди пересекались сине-красные кровавые полосы. С разбитого лица в высокое небо глядели мертвые, мутные глаза. В уголках искаженного мукой рта показалась розовая пена, голова безжизненно свесилась с камня. Он не слышал уже, как дрожит земля под копытами удалявшихся коней. Не чувствовал и слабого веяния ветерка, прилетевшего издалека остудить воспаленное тело мученика.

С его последним вздохом солнце скрылось за горизонтом, и окрестности канала Хебар погрузились в темноту.

* * *

Отряд Набусардара остановился под открытым небом.

Стояла тихая, безветренная ночь. Где-то поблизости ворковали голуби.

Меднокудрую еврейку Дебору четыре военачальника зазвали в свой шатер. При свете луны и звезд они развлекались с ней и пили крепкие вина. Все четверо были приятно удивлены, что она охотно удовлетворяла все их желания, как покорнейшая из рабынь. Она все больше нравилась им, и они не могли досыта утолить свою страсть.

Однако утром никто не вышел из этого шатра на зов трубы. Когда же заглянули внутрь, то нашли всех четверых мертвыми. Дебора отравила их и покончила с собой. Она лежала между ними с кинжалом в груди.

Набусардар был потрясен вестью, он отказывался верить, внушая себе, что все это ему только снится. Он вошел в шатер и остолбенел при виде открывшейся картины. Среди раскиданных кубков, в лужах пролитого вина лежали трупы. У двоих лица были обезображены судорогами, третий упал лицом вниз, четвертый скорчился от боли.

На дорогом ковре, залитом кровью, лежала Дебора с кинжалом в сердце.

Набусардар встряхнул головой, все еще не веря в реальность случившегося.

Казалось, Дебора наблюдала за ним из-за полуоткрытых ресниц. Он не выдержал ее взгляда и велел закрыть ей лицо. Солдат оторвал лоскут от ее юбки и набросил на глаза и лоб. Нижняя часть лица осталась открытой. Набусардар не мог отвести взгляда от ее рта. Ему почудилось, будто губы Деборы шевельнулись и до него донесся ее шепот:

«Ты удивлен, господин, отчего же? Око за око, зуб за зуб».

Он продолжал смотреть на нее, и снова ему показалось, что на губах ее мелькнула ироническая улыбка.

«Так и доложи своему царю в Вавилоне!»

В ее голосе он почувствовал привкус горечи, как в голосе дочери Гамадана. И кудри ее снова напомнили ему темноватый оттенок медных волос Нанаи.

Его поразила обдуманная жестокость ее поступка. С трудом овладев собой, он сказал:

– Выройте для них могилы и воздайте им почести. А ее оставьте птицам.

Неверным шагом он вышел из шатра.

Когда они покидали место стоянки, Набусардар бросил последний взгляд на мертвое тело Деборы. Она лежала на пригорке, руки ее обвисли. Эти руки сыпали яд в вино военачальникам, этими руками она отняла у него четверых верных сподвижников. Дорого заплатил он за смерть старца и проповедника. Набусардар скрипнул зубами и прищипил коня.

Отряд помчался следом.

К вечеру они достигли Вавилона.

В юго-западной его части валил дым. Издали трудно было разобрать, что горит. Когда же подъехали ближе, вид на город закрыли крепостные стены. До них доносились лишь шум и вопли.

У главных ворот деревенская девушка в холщовом платье и ветхих сандалиях упрашивала стражников пропустить ее в Вавилон. Солдаты караула и слушать ее не хотели, потому что у ней не было письменного свидетельства деревенских властей.

Заметив военный отряд, девушка решила подождать его, надеясь обмануть бдительность стражи и проскользнуть в город вместе с солдатами.

Теперь впереди отряда скакал военачальник с несколькими солдатами, затем Набусардар с телохранителем. Следом – остальные.

Возглавляющий кавалькаду военачальник обратил внимание на препирательства девушки со стражниками и поинтересовался, что случилось.

– Да вот, – объяснил солдат, – хочет без свидетельства попасть в город.

– Меня никто не предупреждал, что надо взять его с собой, я ничего не знала о боях в Вавилоне.

– А бои еще продолжаются? – прервал ее военачальник.

– Не знаю, господин, – ответила она, – хотя я здесь уже не один час. Никого не пропускают ни в город, ни из города, так что и узнать ничего нельзя. Но я все равно не уйду, пока не добьюсь того, что мне надо.

– А чего тебе надо?

– У меня есть важное сообщение для непобедимого Набусардара.

Она пошла на хитрость, сделав вид, будто речь идет о военных сведениях.

– Для непобедимого Набусардара? – изумился он.

– Да, господин, а городская стража не верит мне и требует свидетельства от общины.

– Кто поручил тебе доставить сообщение?

– Я могу сказать это только Непобедимому.

– Если дело не терпит и ты говоришь правду, то я помогу тебе свидеться с Набусардаром хоть сейчас. Гляди, вон он на коне со своим отрядом.

– О, господин, – прошептала она, с испугу потеряв дар речи.

В эту минуту она была как паутинка, подхваченная порывом ветра. Как утлый челн во власти опустошительного урагана.

Наконец-то близок берег, долгожданный берег после долгого плавания. Неизвестно только, встретит ли он морских скитальцев спасительным светом или они разобьются о пустынные мрачные скалы.

Военачальник галопом помчался к Набусардару, и тот пожелал немедленно видеть женщину, едва лишь услышал, что волосы у ней того же красноватого оттенка, как у еврейки Деборы. Его кольнуло предчувствие, что это может быть дочь Гамадана. Он невольно потянулся к своему колчану, где хранил, как талисман, глиняную табличку Нанаи с изображением бога в образе священного быка.

Он издали узнал ее.

Нанаи в великом смущении сперва увидела только украшенные золотом поводья. Потом сверкающую белизну жемчуга в гриве коня. Потом сноп лучей от брильянтов на рукояти меча. Наконец фамильный герб Набусардара на массивном перстне. Медленно скользил ее робкий взгляд с перстня вверх по руке от запястья до плеча. Потом перебрался на шею и, наконец, упал на лицо. Боже, это лицо гонца, которому она поверяла тайны своего

сердца! То же самое лицо было у посланца, арестовавшего Устигу. Выходит, это был вовсе не посланец, а сам Набусардар?

Кто мог понять смятение дочери Гамадана лучше, чем Набусардар? Он предвидел эту минуту, предвидел растерянность Нанаи. Ему известны ее мечты, она поверяла их ему. Сколько детского простодушия и глубины было в ее словах! Если бы он мог знать поворот событий, он постарался бы сохранить в своем сердце ее первоначальный невинный облик. Но роковая ночь, проведенная Нанаи с Устигой и превратившая ее в прозревшую женщину, опередила его. Это была уже не прежняя наивная девочка. Это была новая, совершенно иная Нанаи. Но он любил и новую Нанаи, любил нежнее прежнего. Он смеялся над своими чувствами грубым смехом воина, чтобы подавить их, но они настойчиво и властно заявляли о себе, как настойчиво и властно заявляет о своем приходе весна первой зеленью листвы и первыми цветами.

Ему хотелось встретить ее ласково, но его ждали обязанности, поэтому он обратился к ней холодно, нарочито бесстрастным тоном:

– Ты искала Набусардара? Я Набусардар. Ее вид выдавал крайнее замешательство.

– Я Набусардар, и если дело, с которым ты пришла, может потерпеть, то я велю проводить тебя в мой борсиппский дворец. Ты дождешься меня, и там я смогу тебя выслушать.

Она кивнула, все еще не в состоянии свыкнуться с мыслью, что Набусардар обманывал ее, прикинувшись посланным царя. На раздумья не было времени. Двадцати конникам Набусардар наказал сопровождать Нанаи во дворец в Борсиппу, и на этом пока все и кончилось.

Из-за стен неслись непрерывные крики, заставляя торопиться на улицы Вавилона.

Распахнулись ворота, и отряд Набусардара с грохотом устремился в город. Его воины были отменно вооружены, но притомились. Однако приказ полководца придавал им силы.

Молнией ворвался Набусардар на улицы, охваченные паникой и смятением. Он направился прямо к зимнему дворцу, осажденному войсками Эсагилы, против которых сражался доблестный Наби-Иллабрат. Его солдаты держались стойко, но силы их были на исходе.

Храмовые воины почти протаранили одни из боковых ворот дворцовой крепостной стены, когда Набусардар обрушился на них с тыла. Хотя Наби-Иллабрат с нетерпением ждал Набусардара, этот решительный натиск оказался для него неожиданным. Неожиданный был он и для солдат Храмового города. Их охватила паника. Теперь им приходилось отбиваться с двух сторон.

Когда Набусардар прижал их к стенам, Наби-Иллабрат приказал отворить ворота. Лавина воинов Эсагилы ринулась на клинки царских солдат. Сан-Урри подал сигнал к отступлению, но Набусардару важно было окружить врага и не позволить ему ускользнуть. Солдаты Эсагилы бросились искать спасения от разящих мечей воинов Набусардара за крепостными стенами, на территории царских казарм. Тех, кто попадал за крепостные ворота, Наби-Иллабрат брал в плен, а кого не мог разоружить – убивал. Лишь Сан-Урри с горсткой солдат удалось вырваться из железных тисков. Воины Набусардара преследовали их до самых ворот Храмового Города, за которыми немногим посчастливилось укрыться.

Когда дворцу уже ничто не угрожало, царские конники поскакали к Муджалибе, где положение было гораздо опаснее. Здесь солдаты Эсагилы прорвались во внутренний двор и проникли даже в покои дворца. Их цель была – схватить царя Валтасара.

Валтасар прятался в усыпальнице халдейских царей. Задыхаясь в спертом воздухе подземелья, он с ужасом прислушивался к тому, как по террасам парка с факелами в

руках рыщут в поисках царя солдаты Эсагилы.

Набусардар и тут подоспел вовремя. Его воины очистили Муджалибу от солдат Эсагилы. Часть из них была брошена в темницы зимнего дворца. Несколько дней спустя их отправили в царские каменоломни, а невольников, работавших там, Набусардар зачислил в свою армию.

Эсагила не скоро теперь соберется для нового удара. Неудачное выступление Сан-Урри и разгром, учиненный его воинству, вывели верховного жреца из равновесия. Чтобы пополнить армию, надо было набирать наемников из иноземцев, а для этого пришлось бы основательно затронуть храмовые кладовые.

В расстройстве пребывал не только верховный жрец Исме-Адад. Валтасар тоже долго не мог прийти в себя после всех потрясений. Когда Набусардар спустился к нему в усыпальницу с вестью о том, что опасность миновала, царь едва понял, чего от него хотят. Он боялся покинуть свое убежище, хотя чуть не умер там от страха. Он дрожал, обливаясь холодным потом, при воспоминании, что пришлось ему пережить, пока он сидел один в каменном мешке усыпальницы. Казалось, не только живые, но и мертвые решили свести счеты с царем Вавилонии.

Когда солдаты Эсагилы прорвались во дворец, Валтасар решил бежать из усыпальницы подземным ходом. В каменных стенах он стал искать плиту, закрывавшую отверстие потайного хода. Это должна была быть седьмая по счету плита от надгробья царицы Нитокрис. Он шарил по стене рукой, снова и снова ощупывая плиты. Вот она, седьмая плита, но она никак не поддавалась, хотя Валтасар напрягал все свои силы.

– Что же это такое? Почему она не открывается? От страха волосы у него встали дыбом. Можно было позвать на помощь стражу, но он боялся, что она выдаст тайну его побега. Поэтому он продолжал лихорадочно ощупывать края каменной глыбы, стараясь понять, что ей мешает повернуться.

Тут его взгляд упал на высеченную над плитой фигуру. В слабом свете каганца Валтасар пристально всматривался в барельеф, и вдруг у него померкло в глазах. Он оцепенел, только сквозь зубы проскользнуло, как змея, ненавистное имя:

– Навуходоносор!

Снова Навуходоносор. Это он держит камень, не дает отвалить его. Видно, он хочет померяться силами с Валтасаром, показать ему, кто из них сильнее.

Удивительно, как Валтасар не сошел с ума от ужаса и сознания собственной беспомощности. Он иступленно бросился на соседнюю плиту и вцепился в нее ногтями в приступе страха и в безнадежном унижении. Пальцы его нащупали выбитые в камне письмена. Приняв с них руки, он прочитал:

«Я тот, кого не превзошел еще никто из живых и мертвых. Я гранит и камень, я сила и дух, я гении и властелин. Я повелевал этой страной и буду повелевать ею во веки веков. Как солнце всегда возвращается на небо, так и я буду возвращаться всегда до скончания мира».

Валтасар замер, но страх побуждал его действовать. Как загнанный зверь, он рыскал взглядом по сторонам. И повсюду его глаза натывались на письмена, прославляющие ненавистного соперника. В конце концов его обессиленный и отчаявшийся взор остановился на таблице, где поблескивали золоченые слова:

«В служении Мардуку я ходил походами в дальние края, через необозримые горы, от Верхнего моря к Нижнему, по непроходимым дорогам, по тернистым путям, где некуда было поставить ногу и где каждый шаг дается с трудом... Это были дороги жажды. Я сокрушил непреклонных, взял в плен непокорных, я упрочил державу, благодетворил

народу, избавился от злых и строптивых, я принес серебро, золото и драгоценности, бронзу, красное и кедровое дерево, диковинные редкости, плоды лесов и морей в свой город Вавилон пред очи Мардука».

Валтасару почудилось, что за текстом надписи возникло лицо Навуходоносора и таинственный голос словно спросил его:

«А что свершил ты?»

Он закрыл лицо руками и пошатнулся. Внезапно до него донеслись какие-то звуки извне, почудились приглушенные шаги. Очевидно, солдаты Эсагилы обнаружили его укрытие.

Вскочив, он принялся раскачивать седьмой по счету камень, глыбу, освященную изваянием величайшего из владык – Навуходоносора. Он еще не настолько обессилел и пал духом, чтобы не попытаться спасти хотя бы свою жизнь. Обхватив плиту руками, он все-таки отодвинул ее. Открылось черное отверстие подземного хода. Пламя осветило стены узкого коридора.

Он готов был скользнуть в проем, как в усыпальницу вошел верховный военачальник в сопровождении нескольких солдат. У Валтасара исказилось лицо и остановилось дыхание, потому что в первый момент он не узнал Набусардара.

Набусардар понял смятение царя и поспешил обрадовать его благой вестью:

– Государь, опасность миновала. Мы пришли, чтобы служить тебе и исполнять твои распоряжения.

Валтасар не понимал его. Он дрожал, по лицу сбегали струйки пота. Царь попытался открыть рот и подать голос, но горло было как заколдованное.

С трудом придя в себя, царь глубоко вздохнул, и плечи его поникли в изнеможении.

– Ох, мне уже казалось, что я не на этом свете, а в царстве Нергала, в стране, откуда нет возврата.

– Твои воины мужественно сражались, царь царей. У тебя превосходная армия. Они доблестно держались здесь и у Хебара.

– Здесь и у Хебара?

– Да. Я усмирил еврейскую общину. Подстрекателя нет в живых.

– Он умер под бичами?

– Как ты и повелел.

– Я больше никого не стану приговаривать к такой казни. Только сегодня я понял, как это ужасно – ждать смерти. Отныне преступников будут казнить только ударом меча. Это так страшно – ждать конца.

Его передернуло, у Набусардара тоже прошел мороз по спине. Факелы в руках его спутников зашипели, пламя их стало меркнуть. Усыпальницу заполнил синеватый сумрак.

Той же ночью Набусардар объехал весь Вавилон, хотя был до крайности утомлен бурными перипетиями дня. Улицы были безлюдны. Им не встретилось ни одного прохожего.

Он настолько устал, что стоило закрыть глаза, как воля оставляла его и он буквально терял сознание. Силы его были на исходе. Он продвигался со своим отрядом вдоль внутреннего кольца городских стен Имгур-Бел и Нимити-Бел. В ночных сумерках контуры башни Этеменанки вырисовывались то сзади, то впереди них. Они выехали на Дорогу Шествий и очутились в Аибуршабе, где устраивались религиозные празднества. Неподалеку от Аибуршаба и Ворот Иштар высился дворец – цитадель Набопаласара. Повернули к Храмовому Городу, ворота которого были на запоре. За толстыми стенами мирно спали дома и храмы. Среди них и святилище с бесценной статуей Мардука – символом державного величия Вавилона. Потом свернули в сторону Амбарного квартала, к оживленной Торговой улице, и оттуда, берегом судоходного канала Арахту, который соединял Город Городов кратчайшим путем с морем, выехали к Еврейскому кварталу у канала Пикиду.

Оттуда узкой улочкой повернули к Евфрату. Лошади шли неторопливой рысцой, и удары их копыт гулко отдавались в ночной тишине. Улочка упиралась в статую блудницы. Вокруг высились пальмы, под ними, на обочине дороги, расположились продажные женщины. По традиции их бедра были опоясаны веревкой, в медных мисках они жгли косточки маслин в честь своей богини. Они сосредоточенно предавались этому занятию, их словно и не коснулись треволения дня. Некоторые бросились к солдатам и начали бесстыдно предлагать себя. Полунагие, они хватали коней за гривы и приплясывали. Другие, выстроившись вдоль дороги, играли на тамбуринах и пели. Одна сидела под темно-зеленым кипарисом и тянула мелодию любовной песни:

«Мое сердце – свет, мое сердце – игра и любовь».

Она вызывающе смотрела на Набусардара, но он даже не повернул к ней головы.

Солдаты пустили в ход плетки и безжалостно разогнали женщин.

Подковы снова застучали по мостовой, и дозорный отряд продолжал путь.

Вдогонку им неслся разноголосый крик уличных женщин, но потом и он затих. Дольше других был слышен красивый альт, выводивший любовную песню:

«Мое сердце – свет, мое сердце – игра и любовь».

Но вот замер и он, и они наконец выехали на набережную.

Во мраке горделиво возвышалось здание финикийского корабельного сообщества. У его причала покачивались на волнах Евфрата два доверху груженных судна. Они везли в Индию медь из Ливана, терракоту из Кносса, багряницу из Сидона, вино и оливковое масло из Финикии и знаменитую коричневую мазь из Вавилона.

Перед отплытием матросы и рабы шли поклониться Молоху, богу разрушительных сил, который испепеляет растения и иссушает источники.

Капище зловещего бога ослепительно светилось огнями. В глубине стояла колоссальных размеров статуя.

Жуткий лик получеловека-полуживотного внушил трепетный страх толпе. Голова, увенчанная бычьими рогами. Разверстая пасть. Могучие руки. Жирное вспученное брюхо. Чрево, как пропасть, в которой гибло все живое.

Статую прикрывала багряная ткань. Ее кровавые отблески струились по туловищу бога. Перед статуей двигались в танце жрицы в одеянии из такой же ткани. У алтаря стояли жрецы в черных ризах и готовились совершить обряд амелюты – человеческого жертвоприношения, на которое был обречен один из рабов.

Когда отряд Набусардара остановился возле храма, жрец как раз велел рабу встать посреди кадилниц, курящихся благовониями, и смочил ему лоб водой – чтобы он очистился. Потом взял с алтаря сосуд с елеем и покропил ему голову – освятил его. Остальные жрецы все это время произносили молитвы. Наконец, храмовый служка поднес к его груди золотую миску и перерезал рабу горло. Из глотки раба вырвался хрип, он зашатался и упал бездыханный к ногам великого бога.

Молох был умиловивлен, и корабли с грузом могли отправляться в путь.

Набусардар с отвращением наблюдал из-за колонн за этим бессмысленным обрядом. Когда раб упал мертвым и жрецы поставили миску с его кровью на алтарь, верховный военачальник, удрученный этой сценой, тронул поводья и двинулся дальше. У моста он свернул на Дорогу Шествий. Улица была вымощена каменными плитами с молитвами Мардуку. При свете звезд Набусардар разобрал надпись на одной из плит:

«Владыки стран и их подданные, вельможи и их рабы, поклоняйтесь мне все, падите передо мной ниц, я ваш властелин, я создал вас».

Перед храмом Семи Демонов они увидели коленопреклонную фигуру девушки. В корзинке у нее было семь жестяных кубков с вином. Она кланялась до земли проклятым богам подземного мира.

Набусардар велел телохранителю окликнуть девушку, потому что в этот час было запрещено находиться на улице.

– Кто ты? – спросил телохранитель. Она испугалась, но ответила:

– Я дочь бывшего управляющего имением Иддин-Сама и приношу молитвы семи демонам.

– Какая мерзость!

– А разве не мерзость то, что богач Син-Эрис лишил моего отца состояния и теперь мой отец, человек благородного происхождения, вынужден делать свечки, чтобы прокормиться? А я, дочь знатных родителей, должна ходить по домам вельмож и униженно предлагать свечи? Разве это справедливо, господин?

– Я ничего не знаю о тяжбе твоего отца, но мне приказано предупредить тебя, что в этот час находиться кому-либо на улице запрещено.

– Ты очень любезен, господин, и я знаю, как мне следует себя вести. Я воспитывалась в благородном доме. Я уйду, позволь мне только поставить семь этих кубков богам зла. Я принесла им нику, жертвоприношение вином. В преисподней они страдают от жажды. Они отблагодарят меня тем, что покарают Син-Эриса.

Она повернулась к статуям и принялась расставлять перед ними кубки.

– Это тебе, Лабарту, посылающая людям страшные сны: я прошу, чтобы ты превратила ночи Син-Эриса в ад... А это вам, Утуку и Алу, вызывающие спазмы в горле и смертельное удушье. Задушите Син-Эржа за то злодеяние, которое он совершил над нами... Это тебе, Лилитуя, насылающая на людей безумие. Нашли безумие и на Син-Эржа, чтоб не знать ему больше ясных мыслей...

– Довольно! – не выдержал телохранитель Набусардара, – Син-Эрис. занимает высокий

пост на службе у царя. Ты позоришь слугу царя и призываешь кару на его голову!

И он хлестнул ее плетью, даже не спросив позволения у Набусардара.

– Отправить ее в тюрьму?

Набусардар молчал, а девушка запричитала:

– За что, господин? Я искала справедливости и у судей, и у защитника Вавилона, божественного Мардука. Судьи прогнали меня, как собаку. А служители Мардука обошлись со мной хуже, чем с последним из рабов. И после этого ты удивляешься, господин, что я прошу о помощи злых демонов? Но если ты так мудр, господин, назови мне имя того бога, который исправит несправедливость, причиненную нам Син-Эрисом. Я буду денно и ночно молиться ему, взывая к его могуществу.

– Ты оскорбила Мардука!

Он повернулся к Набусардару.

– Она оскорбляет Мардука и богов Вавилона, светлейший. Ты позволишь примерно наказать ее?

Набусардар устало посмотрел на него, ничего не ответив. Девушка поднялась и прикрыла плечи, словно заранее защищаясь от плетей.

– Не надо, – произнес Набусардар. – Едем поскорей, мне что-то нехорошо.

Телохранитель внимательно взглянул на него. Лицо Набусардара было серым, как поле после жатвы...

– Ты болен, светлейший. Вернемся в дом командования.

– Нет!

– Куда же ты собираешься ехать, Непобедимый?

– Продолжим обход, я хочу убедиться, что все в порядке.

Они миновали еще несколько улиц и площадей и остановились у подножья холма Колая. Воздух был напоен благоуханием роз и глициний. Склоны холма были увиты виноградом, а дороги обсажены тамариском. Клумбы желтели лилиями, а над искусственным водоемом колыхались узколистые травы со спящими на них бабочками и стрекозами. На миртах дремали улитки. Перед холмом тянулись рощи гранатовых деревьев и кипарисов, а на вершине его грустно склоняли ветви плакучие ивы, в тени которых стоял храм чудесной горы, храм небесной Гулы, богини исцеления/Белые стены храма из мелкозернистого камня были видны издали каждому, кто искал в его стенах приюта и здоровья. Увидев храм, Набусардар спросил:

– Ты веришь в действие этих источников?

– Да, светлейший, – отозвался телохранитель. – Теперь я вижу, куда ты вел меня. Божественная Гула вернет тебе силы.

Они стали медленно подниматься вверх, оставив отряд внизу, у подножья холма, за красивейшими в Вавилоне садами богачей.

Они приблизились к святилищу. В сумерках ночи выступали неясные очертания статуи богини. У ее ног стоял погасший фонарь, а рядом, сидя, дремали жрицы. В водоемах журчала вода, целебная вода источников.

Набусардар остановился и, поворачиваясь к телохранителю, с натугой проговорил:

– Что со мной? Голова гудит, а тело бьет озноб.

– Ты болен, светлейший.

Набусардар вздохнул и потер изрезанный морщинами лоб.

– Где мы?

– На холме Колая.

– Что нам здесь надо?

– Ты приказал ехать сюда.

– Я приказал? Не помню.

– Быть может, ты хотел попросить богиню Гулу о выздоровлении?

– Не может этого быть, я не верю в богов... У меня мутится рассудок, кажется, будто я падаю с лошади. В глазах темно.

Поводья выпали у него из рук, он покачнулся в седле.

– Светлейший! – вскричал телохранитель.

Набусардар очнулся и с трудом нащупал поводья. Вид у него был крайне измученный, а взор туманный, как созвездье Млечного Пути.

Пойдем к святилищу, жрицы дадут тебе животворной воды. К тебе вернутся здоровье и силы.

Он безропотно позволил увлечь себя к светлому зданию, откуда доносилось журчанье источников. Теперь к этим звукам присоединились рыдания, доносившиеся со стороны статуи. Жрицы в белоснежных одеяниях, припав к ногам богини, каялись, заливаясь слезами. Дни и ночи напролет они поддерживали вечный огонь в фонаре, а сейчас он нечаянно погас.

– Я хочу пить, – сказал Набусардар, когда служительницы богини Гулы поведали ему о своей печали. Одна из них прибавила:

– Без вечного огня и целительные источники не имеют силы.

– Может даже случиться, что тот, кто напьется воды при погасшем светильнике, умрет, – напомнила вторая.

– Принесите же воды, – повторил Набусардар, не внимая этому предупреждению.

Жрицы со страхом подали ему мраморную в прожилках чашу, Набусардар осушил ее до дна.

Все, оцепенев, ждали, что сейчас он соскользнет, бездыханный, по крупу своего скакуна. Но Набусардар глубоко вздохнул, возвращая чашу, и сказал уже бодрее:

– Благодарю вас. Вода освежила меня. Мне уже лучше.

– Что будем делать дальше, Непобедимый? – спросил телохранитель.

– Поедем обратно. Меня ждут дела.

Они повернули коней и той же дорогой спустились с холма Колая, оставляя позади цветущие лимонные деревья и журчанье источников.

* * *

В доме командования Набусардар отдал подробные распоряжения своим ближайшим соратникам, после чего, измученный и обессиленный, намеревался отправиться на отдых в Борсиппу.

Отдых маячил в его сознании как искупление. Временами ему казалось, что жизнь оставляет его плоть. Больше того, он не мог избавиться от опущения, что в лицо ему веет дыхание Э-урук-габгала, царства теней. Он неподвижно сидел в кресле. Вокруг него – тишина, внутри – смертельная усталость. На лбу и висках выступили капельки пота. Голова потихоньку клонилась вниз, пока он совсем не потерял сознание.

Позвали лекаря. Вместе с ним явились два мага. Они с первого взгляда определили, что в Набусардара вселился этимуа, Злой дух. Когда не помогло даже бузинное вино с толченым порошком солнечного камня, маги раскрыли шкатулку черного дерева и вытащили оттуда глиняную фигурку. Приложили ее к губам Набусардара и произнесли заклинание:

«Ты, одолевший духа-хранителя и вошедший в тело господина, чтобы мучить его, будь проклят и в наказание оставь мышцы, кровь и кости и войди в глину, обитель и пищу злых духов. Будь проклят. Будь проклят».

Набусардара била лихорадка. Он тяжело дышал.

Маг отнял фигурку от его губ и быстро спрятал в шкатулку, придерживая крышку пальцем, чтобы злой дух не выскочил оттуда. Они были уверены. Что злой демон оставил Набусардара и вошел в глиняную куклу.

Держа шкатулку под мышкой, они произнесли новое заклинание:

«Отныне да пребывает в тебе один только малку, дух-охранитель. Пусть малку не оставляет и оберегает тебя».

Они поспешно удалились и у открытого святилища воинственной Иштар из Арбелы сожгли глиняную фигурку. В огне сгорел вместе с ней и демон, пожирающий мышцы и кости и сосущий кровь.

Набусардар не участвовал в этом ритуале. Магия всегда вызывала у него только недоверие и насмешку. Придя в себя, он спросил:

– Что я пил?

– Бузинное вино, – ответил лекарь.

– Без примесей?

– Без примесей, – неуверенно кивнул тот.

– Как ты думаешь, я уже здоров?

– Здоров, господин.

– В прошлый раз ты говорил, что чистое, без примесей вино туманит разум, но не лечит. Сейчас мозг у меня совершенно затуманен. Зачем ты это сделал?

– Голова у тебя должна быть ясной, Непобедимый, так как...

– Что «так как»?

– Так как я подсыпал в вино солнечный порошок.

– Значит, все-таки подсыпал, – вздохнул Набусардар, – а не говорил ли я тебе, что антарь не обладает лечебными свойствами?

– Его пили все халдейские правители: Ур-Бан, Гудеа, Ур-Нингирсу, Ур-Гур, Самсуилун, Агуакарими, Куригалсу Первый, Назимуртташ Второй, Мардук-нардим-ахи, Набурнасир...

– Довольно! Я тоже могу перечислить царей всех династий, но я не осмелился бы утверждать, что ясностью разума они обязаны солнечному камню. Напротив, сказал бы я, их мудрость освещала даже камни. Так следует говорить о своих повелителях.

– Меня радует твое красноречие, светлейший. Я вижу, что бузинное вино – превосходное лекарство.

– Бузинное вино и солнечный порошок. Набусардар улыбнулся и хотел погрозить ему пальцем, но рука упала, в глазах потемнело. Во рту было горько, как от полыни, и эта горечь, плотным комком поднимавшаяся откуда-то изнутри, докатывалась до самого мозга, а там рассыпалась в стороны, как стая перепелок. Он сжал голову в ладонях.

– Что с тобой? – перепугался лекарь. Набусардар не ответил.

– Ты утомлен. Я прикажу отнести тебя в носилках во дворец к досточтимой Телкизе.

– Мне надо в Борсиппу, – еле слышно произнес военачальник.

– Тебе нельзя сейчас пускаться в такой длинный путь, да и благороднейшая Телкиза будет беспокоиться, не случилось ли с тобой чего в эти бурные дни.

Он хотел возразить, но почувствовал угрызения совести. Во время боев он даже не вспоминал о ней. Может быть, она нуждалась в его помощи? А вдруг она погибла во время беспорядков?

Он поднялся, решив, что сначала заедет в свой вавилонский дворец.

От носилок он отказался и, приняв несколько капель гаомы, разведенной в молоке, поехал верхом в сопровождении телохранителя и двух воинов.

На холме Гила уже щебетали птицы, и их звонкие трели неслись над пышными кронами деревьев.

– Уже светает, – заметил Набусардар, и это были единственные слова, которые он произнес за всю дорогу до дома.

Во дворце его встретила сонная встревоженная челядь.

Только хромой раб самозабвенно играл на флейте среди базальтовых колонн перед своим идолом, безучастный ко всему. В соседнем от входа помещении жужжали веретена, ткачихи наматывали пряжу на валы кросен. Они не могли уснуть из-за вчерашних событий и заглушали страх работой. Когда Набусардар появился на пороге дворца, все выбежали ему навстречу.

Преданный Киру приветствовал хозяина и доложил, что дома все в порядке и бои не коснулись его дворца.

Набусардар, волновавшийся за жизнь Телкизы, хотел немедленно ее видеть.

В ответ Киру распростерся перед ним ниц и с трудом выговорил:

– Убей меня, господин, но благороднейшей Телкизы нет в ее покоях.

– Она умерла? – испугался он.

Нет, господин, она жива. Я преданно охранял каждую вещь в твоём доме, я не спускал глаз с твоего имущества, но твоя досточтимая супруга нашла себе более безопасное убежище.

– Где она? – спросил он упавшим голосом.

– Я боюсь сказать и тем опечалить твоё сердце.

– Говори, где она! – повторил он. Недоброе предчувствие охватило его.

– Уже целых два дня она вкушает минуты блаженства во дворце досточтимого Сибар-Сина.

Набусардар напряг всю свою волю, чтобы эта весть не подкосила его, как острый серп стебель соломы. С детства у него был твердый и решительный характер. Но тут он растерялся, не зная, что предпринять.

Киру, не разгибая спины, виновато смотрел на своего господина.

Набусардар, чувствуя невыносимую тяжесть в голове, устало сказал:

– Встань! Зачем ты-то валяешься у меня в ногах? Опечаленный Киру с трудом поднялся.

– Может быть, сообщить досточтимой Телкизе о твоём возвращении? – спросил он встревоженно.

– Оставь, пусть потешит свою ненасытную плоть. Голос у него был подавленный.

– Я недостоин твоей милости, – прошептал Киру.

– Ибо вижу, что огорчил тебя.

– Придет черед радоваться и моему сердцу. Не все ему терзаться и страдать. За эти дни я видел много крови и смертей. Мне тоже хотелось бы пожить без кровопролития и трупов. Уединиться в своём борсиппском дворце и окружить свою жизнь тем, что человеку всего дороже. Должна же судьба улыбнуться и мне!

Тут он растроганно подумал о Нанаи, мысленно представив ее в домотканом платье с завязочками на шее.

– Киру, суровый воин Набусардар грезит о семейном тепле. И у него по мнению всех, самого беспощадного, после царя Валтасара, человека в Вавилонии, тоже, оказывается,

есть сердце. Я еду в Борсиппу. Я буду жить там. потому что здесь все опустылело, опротивело мне.

Он старался, чтобы Киру не заметил, как дрожит его голос, и продолжал уже более твердо:

– Поеду в Борсиппу, поеду в Борсиппу, потому что мне нужен покой. Всем нам предстоит тяжелое испытание, всех нас ждет великий труд. Через два-три месяца мы выступим против персов, если только они не опередят нас. Впрочем, едва ли это случится. Близится смертоносный август, и вряд ли они решатся сейчас что-нибудь предпринять.

– Да хранит тебя божественный Мардук, Непобедимый. Да хранит тебя Иштар, владычица небес. Что прикажешь ты мне?

– По-прежнему смотри за моим хозяйством и будь всегда наготове. Пусть твоим лучшим другом станет меч. Нельзя знать заранее ни дня, ни часа, когда он понадобится.

– Я буду готов в любую минуту, только прикажи, господин.

– И еще одно... – Лицо у него снова потемнело,

– Не говори благороднейшей Телкизе, что я тут был. Надеюсь, тебе не надо ничего объяснять.

Он поправил кожаный плащ и шлем и скорее про себя процедил сквозь зубы:

– Пускай потешит свою плоть, блудница. Пусть потешит...

И как звенья скользящей цепи, в его памяти потянулись картины ее мерзких выходок. Телкиза – словно приманка, на которую слетается воронье. Ему противно было сознавать, что он ходит там, где она оставила свои следы. Знала бы Телкиза, сколько душевных мук принесла ему ее порочная натура. Не успеет подняться с царского ложа – уже готова лечь на солдатскую подстилку.

Набусардар отдавал должное красоте Телкизы. Никто из женщин не мог соперничать с ней обаянием, один ее вид заставлял мужчин сладостно и жестоко страдать. У нее не было соперниц и в умении одеваться. Ее одежды, с изяществом облегавшие стройную фигуру, каждой складкой, вырезом, украшением подчеркивали ее красоту. Женщины с завистью оглядывались на нее. Когда на улицах появлялись ее носилки, отбою не было от любопытных, жаждущих хоть одним глазком увидеть ее. Из прихоти она нередко ходила пешком в сопровождении прислужниц, с единственной целью ослеплять взоры прохожих. Ее нежное лицо, черные волосы и глубокие глаза в пушистых ресницах производили неотразимое впечатление. Она казалась гибким цветком лотоса, свернувшим лепестки перед заходом солнца. Всем своим видом она внушала представление о хрупкой, недоступной красоте. На улицах могли только восхищаться ею, поклоняться ей, подобно далекой, недоступной вершине в горной гряде, вершине, оправленной то в голубоватый жемчуг, то в смарагды, то в сапфиры, то в брильянты или в хрустальные звездочки снежинок, родившихся на темени гор Эльбрус и тающих под палящими лучами солнца. Да, только так смели о ней думать, любясь ее грациозной поступью, изменчивым взглядом и едва приметной улыбкой в уголках губ. Каждое ее движение было исполнено неги. Она не могла ступить шагу, даже просто наклониться к цветку, чтобы не возбудить в ком-нибудь желания. Рабы в ее дворце втайне целовали следы, которые она оставляла на песке в парке.

Набусардар тоже долгое время был захвачен ее игрой. Он любил и мучительно ревновал Телкизу. Но в каждом сосуде есть дно, так и он однажды до конца допил свою чашу.

Он даже начал думать, что в мире больше нет женщины, которая могла бы ему

понравиться. И тем не менее он ее встретил. Он встретил ее под кронами олив, и сердце наполнилось тихим блаженством. Даже после того тяжелого объяснения в ее доме чувства его не остыли. Напротив, он снова и снова мысленно возвращался к ней, размышляя о том, как привлечь к себе Нанаи. Мог ли он предвидеть, что она сама, по собственной воле, переступит когда-нибудь порог его борсиппского дворца!

Пора отправляться к ней. Самое время поехать на исходе ночи; с рассветом новой жизни.

Он простился с Киру. Преданный раб проводил его до самых ворот.

Набусардар не помнил, как добрался до Борсиппы. Улицы и дома, мост и река – все каким-то чудом отступило перед образом девушки в стареньком платье и простых сандалиях. Такой предстала перед ним у городских ворот Нанаи, пришедшая сообщить ему нечто важное. Но на этот раз Набусардар не спешил получить ее известие. Он лелеял ее образ, умилялся бедной одеждой. Крестьянская девушка из Деревни Золотых Колосьев... Но что ему до этого! Именно в ней он надеялся найти существо, которое понимало бы его. Ему так не доставало человеческого тепла. Ему хотелось приникнуть к ее ногам и обнять без ненужных слов, только бы найти в ней покой, покой, в котором он больше всего нуждался сейчас.

Но, войдя в комнату, где сидела в ожидании его Нанаи, он застал там преданную Теку и ваятеля, творца Гильгамеша. И ему поневоле пришлось усмирить свое сердце.

Тека взяла у Набусардара плащ и меч и предложила переодеться. Одежда на нем была пыльная и забрызгана кровью.

– Нет, Тека, – ответил он, – сейчас не до этого. Нас ждут дела поважнее.

Потом обратился к Нанаи:

– Приветствую тебя в моем доме.

Она стояла потупясь и лишь прошептала:

– Господин...

Не сразу, лишь ободренная ласковой улыбкой Набусардара, она отважилась обратиться к нему. Ошеломленная роскошью и богатством, она чувствовала себя жалкой в его чертогах.

– Прости меня, – попросила она, – прости меня, Непобедимый, за то, что я осмелилась недавно противиться твоей воле. Я только теперь поняла, какой властью ты облечен и как далеко простирается твое могущество.

– Ты ошибаешься, если всю эту роскошь и богатство считаешь знаком моего могущества. Разве в этом источник внутренней силы человека?

– Прости меня, прости меня, я сама не знаю, что говорю.

– Успокойся, не терзай себя, тебе ничто не грозит в этом доме, – ласково отвечал он ей.

Она стояла перед ним, как одуванчик перед бурей. Прядь волос упала на лоб. Дыхание теснилось, как заблудившийся в ущелье ветер. Вся она – точно былинка, попавшая в водоворот...

Подавляя волнение, она отвела от него глаза.

– Тебе неприятно смотреть на меня, дочь Гамадана? Она вздохнула.

– Зачем ты лукавил со мной, господин? Зачем хитрил перед той, которая с самого начала открылась тебе?

– Так уж случилось, Нанаи.

– Мне стыдно вспомнить, Непобедимый, что я все тебе выболтала, когда встретила в первый раз.

– Я никогда не знал большего блаженства. И если потом, между нами пролегла тень, постараемся забыть об этом. А теперь скажи: что привело тебя ко мне?

Он пытливо посмотрел ей в лицо, потом перевел взгляд на статую Тиамат – чудища, которое победил Мардук.

– Ты хочешь знать, господин, что привело меня к тебе. Позволишь ли ты мне сказать тебе это одному? – Она неуверенно взглянула на Теку и ваятеля.

Набусардар знаком попросил прислужницу и Гедеку выйти. Ваятелю напомнил, что увидится с ним около полудня, а Теке велел быть у себя в комнате, на случай, если она ему понадобится.

Тека и ваятель с поклоном вышли.

– Я незваной явилась к тебе, господин, – начала она тотчас, как за ними закрылась дверь, – но ты, конечно, простишь меня, когда я расскажу, что меня заставило искать дорогу в твой дворец.

Она все еще держалась неуверенно и робко. Он подошел к ней совсем близко и мягко спросил:

– Почему ты дрожишь, Нанаи? Почему ты боишься того, кто всей душой тебя любит?

Она широко раскрыла глаза и – словно весеннее половодье затопило берега.

– Ты до сих пор не веришь, что я – Набусардар и что Набусардар принимает тебя с участием и любовью? Не знаю, что привело тебя ко мне, зато мне хочется верить, что нас больше ничто не разлучит.

Не только глаза, но и лицо Нанаи с каждым его словом выражало все большее удивление. Не спит ли она где-то в Оливковой роще рядом со своими овцами? Не сон ли, что Набусардар стоит перед ней, говорит с ней?

– Может быть, тебя пугает кровь на моей одежде? – Он оглядел себя. – Да, сегодня пролилось много крови, но и это когда-нибудь кончится.

Он никак не мог понять, что происходит в ее душе. Непостижимая, стояла она перед ним, более таинственная, чем свод небес над головой.

– Или ты хочешь сперва рассказать мне, что заставило тебя прийти ко мне? Садись со мной и смело говори.

Он показал на скамьи из дерева усю с Мелосских гор. Когда они сели, она заговорила:

– Я не могу опомниться, господин, я потерялась в этих огромных помещениях. Прежде я знала, что я – дочь Гамадана, и жила гордостью за свой род, а теперь убедилась, что это не имеет здесь никакого значения. Сейчас я даже не возьму в толк, как это я могла противиться твоим приказам, когда ты приехал за персидским шпионом.

– В привычной среде все мы чувствуем себя уверенней, Нанаи. Не думай, что Набусардар осудил тебя за твою смелость. Ты мне по-прежнему дорога. Войны и опасности, которыми сейчас грозят нам персы, умножают не только горы трупов на полях сражений, они наносят ущерб и живым. Они разрушают добрые отношения между людьми, но я не хочу, чтобы из-за персов мы сделались врагами. Устига, наш общий неприятель, едва не стал тому причиной. Я сам расскажу тебе о случае, который не слишком Лестен для меня, а по мнению многих и по твоему мнению, ложится постыдным пятном на мою жизнь. Да, я любил многих женщин, и меня любили многие, но никогда это не было настоящей любовью. В Египте я увидел настоящую любовь, целомудренную и самоотверженную. Но она оказалась избранницей Устиги. Я довел ее до того, что она утопилась в водах Нила. Я горько раскаивался в этом своем грехе. Раскаялся тотчас, как это случилось, но не перестал грезить о любви целомудренного сердца. Когда я увидел тебя, то сразу поверил, что ты способна на такую любовь. Чтобы не стать жертвой легковерия, я выдал себя за гонца. Прости меня. И не только прости, но и останься со мной навсегда, навсегда.

– Мне все это кажется сном, потому что я сама пришла к тебе с просьбой. А ты не дал мне и слова сказать. Я просто не могу опомниться.

– Это не сон. Я вполне живой – из плоти и крови. И все, что я говорю, мной взвешено и обдумано раньше. Нет никакого наваждения в моих словах. И оба мы – не призраки. Посмотри...

Он коснулся ее руки и при этом сказал проникновенно и нежно:

– Нанаи.

И не удержался, чтобы не повторить этого прикосновения. Набусардар взял обе ее руки в свои:

– Нанаи...

Он снова прошептал ее имя, прошептал с тоской и болью. Потом он выпустил ее руки и, словно дождавшись минуты, которую не могли отнять у него ни боги, ни Кир, обнял Наши за плечи. Так крепко обнял, что она надломилась в его объятиях, как хрупкий цветок. Он прижал ее к своей груди, где чернели свежие пятна крови. Пусть кровь скрепит печатью их общее будущее. Пусть ее связующая сила станет такой же несокрушимой, как несокрушим Бабилу, Ворота Богов.

Он склонился к ее губам и, уже касаясь их своими губами, произнес:

– Ты моя чистая и прекрасная. Ты прекраснее, чем лилии на холме Колая. Ты чище, чем чудодейственные источники в святилище богини Гулы.

И губы их слились, словно расплавленный металл, в едином чувстве.

Нанаи наконец пролепетала одурманенным, прерывающимся голосом:

– О господин, господин, прошу тебя...

Но он не слышал и не выпускал ее из своих объятий. Он сознавал только, что наконец-то наступила минута, по которой он давно тосковал, ради которой мог от многого отречься и многое претерпеть. И эта минута наступила сама. Кого благодарить за ее приход? Некогда размышлять об этом. Надо всей душой впитать каждую ее каплю, чьим бы даром она не была. Может статься, она не повторится уже завтра, если Кир вторгнется в Вавилонию и всему придет конец.

– Да, Нанаи, – говорил он, глядя в ее большие, глубокие сине-зеленые глаза,

задумчивые, как сосны Серебряных гор, гор Тавра, – я уже сказал тебе, что у нас нет времени ждать, пока ты привыкнешь к моей любви, потому что враг стоит на наших границах, и, может, завтра придется выступить в поход против него, проститься со всем, что нам дорого. – Он судорожно привлек ее к себе, пронизывая взглядом, и она задрожала, как испуганный птенец. – Тогда и я оставлю все, что мне дорого, и тебя тоже. Но прежде, чем это случится, я хочу заполнить тобой всю свою жизнь, чтобы ты вошла в мою плоть и кровь. Только зная, что ты принадлежишь мне, что ты понимаешь меня, что моя воля стала и твоей волей, моя жизнь – твоей жизнью, моя любовь – твоей любовью, только зная это, я смогу успешно противостоять натиску персов и вести мою армию к победе. Только уверовав в то, что во всех своих помыслах и во всех своих делах я могу положиться на тебя, Нанаи, клянусь тебе перед ликом божественной Иштар, которой ты посвящена, и памятью твоего доблестного дяди Синиба, только тогда я спасу Вавилонию!

Она молчала, не сводя испуганного взгляда с его губ, не в силах понять, что с ней происходит.

– Нанаи, ты готова к этому, ты хочешь этого? Она не смогла издать ни звука и долго не отвечала. Она молчала так долго, что у Набусардара шевельнулось чувство обиды и недоверия.

– Может, ты не готова и не хочешь этого? Может, ты ждешь любви другого и готова разделить его судьбу?

– Будь снисходителен и терпелив со мной, господин, – едва пролепетала она.

– Может быть, ты даже хочешь, чтобы персы победили меня?

Он задумался и вдруг опустил руки.

Она дрожала от страха и ожидания.

Набусардар прошелся по комнате и, остановившись у бронзовой вазы с ветками лавра и нарциссами, постучал по ней согнутыми пальцами.

– Ты все молчишь, – произнес он враждебно, – и я могу лишь догадываться, что ты думаешь не обо мне и не о нашей общей судьбе, а о том, кого я держу в подземелье этого дворца, о том, для спасения которого ты была готова пожертвовать жизнью.

Она уперлась ладонями о скамью, будто собираясь встать, но последние слова Набусардара заставили ее снова отпрянуть назад. Она напрягала все силы, чтобы ответить ему, но губы не повиновались.

– Ты пришла обмануть меня своей любовью! – воскликнул он и зло сощурился.

– Зачем ты через силу хочешь казаться несправедливым, господин? – наконец удалось вымолвить ей.

– Я тоже человек, а не зверь. Да, раньше и мое сердце было холодным, но ты отворила запруды, и оно снова наполнилось горячей кровью. Обыкновенной человеческой кровью, которая делает сердце таким уязвимым для чувств. Когда-то я был тверд, как мой меч. Мне было безразлично, кто падает и умирает под ним... – Он замолчал, стиснув зубы, и вдруг выкрикнул: – Ты пришла за ним? Говори! Ты хочешь помочь ему бежать или просто решила скрасить дни его страданий?

– Как видно, военные заботы прежде времени лишают тебя рассудка. Я пришла к тебе, господин, но ты не даешь мне и слова сказать.

– Говори! – прошептал Набусардар и глубоко вздохнул – Отвечай, пока я окончательно

не сошел с ума. Я как зверь, которого с натянутым луком преследуют по пятам, не давая ему ни отдыха, ни покоя.

Он провел рукой по лбу и в изнеможении опустился на скамью. Он превозмогал себя и, опершись локтями на стол, сжимал голову.

Его больному воображению представилось, что в эти минуты Телкиза справляет пир любви у убийцы Сибар-Сина. Потом вспомнился Валтасар, который в эти тревожные для Халдейского царства дни не нашел более важного занятия, чем покорение ледяного сердца скифской девушки. Но горше всего была мысль о том, что Нанаи проделала нелегкий путь из Деревни Золотых Колосьев, видимо, только затем, чтобы помочь Устиге вырваться из тюрьмы, а он-то, Набусардар, хотел сделать ее госпожой своего сердца! У него потемнело в глазах, и он уронил голову на стол.

Нанаи подбежала и подняла ему голову. Коснувшись его лба, почувствовала, что он пышет жаром. Она не знала, что делать, чем ему помочь, как привести в чувство. Поискала глазами склянки с лекарствами, но ничего не нашла и выбежала за Текой.

Пришла Тека и озабоченно сказала:

– Он очень устал, ему надо отдохнуть.

Она тихо вышла и приготовила в соседней комнате постель. Потом развела в вине порошок и силой влила ему в рот сквозь стиснутые зубы.

Занимаясь Набусардаром, она шептала дочери Гамадана:

– Будь с ним нежной и ласковой. В горькую минуту стань ему радостью, а в минуту слабости – опорой.

Нанаи не сводила глаз с Набусардара, пока Тека поддерживала рукой его голову и влила ему в рот питье. Она почти не слушала Теку и только ждала, когда Непобедимый придет в себя.

Но вот ресницы у него дрогнули, и он приоткрыл глаза,

– Я очень устал, – сказал он слабым голосом.

– Тебе приготовлена постель, – откликнулась Тека и помогла Набусардару встать.

– Я так устал, – повторил он и позволил отвести себя в соседнюю комнату.

Когда он уже был наедине с Текой и в голове постепенно прояснилось, он заговорил:

– Испытания последних дней лишили меня выдержки. Скоро я буду как царь Валтасар. Наверное, я ее обидел. Она нежная и кроткая. Просила меня иметь терпение. Почему я не подожду, пока она не привыкнет ко мне и обретет уверенность? Я обвинил ее, даже не выслушав. В самом деле, я поступил несправедливо. – Он громко крикнул: – Тека!

– Я здесь, у твоего ложа, благороднейший господин. Я ждала, пока могу спросить тебя, что мне делать с твоей гостьей.

– Это та, для которой я велел приготовить комнаты, одежды и благовония. Ты будешь служить ей и заботиться о ней.

– Я говорила тебе, благороднейший господин, что давно мечтаю служить госпоже в этом дворце, ведь дом только тогда становится домом, когда его согреет своим теплом женщина. Я буду заботиться о ней и буду ей...

Она собиралась сказать «служить», но слово застряло в горле. Как ни говори, она иначе представляла себе госпожу. Та должна иметь по меньшей мере такую внешность, как благороднейшая Телкиза. В покоях Набусардара Нанаи казалась ей просто жалкой, хотя фигура и лицо ее достойны удивления. Возможно, когда она облачится в роскошное платье, то будет прекраснее Телкизы. Но дорогое платье требует благородных манер, а это дается лишь воспитанием. Кто знает, что у Набусардара на уме? Может быть, натешится ею вволю, а потом с отвращением оставит ее и помчится к другой?

Размышляя таким образом, Тека укрыла Набусардара и решила, что будет внимательной с Нанаи, но не выскажет ей той любви, на которую она способна для настоящей госпожи его сердца.

С этим она отошла от постели Набусардара и собралась погасить свет.

Но, к ее удивлению, Набусардар остановил ее:

– Сколько времени, Тека?

– Уже утро, благороднейший господин. Он задумался и добавил:

– Отведи ее в комнаты, предназначенные для нее. Она госпожа моего сердца, и ей принадлежит все, что есть в этом дворце. Любое ее желание должно исполниться. За ее жизнь ты отвечаешь головой. Это ее дворец, и она не должна чувствовать себя здесь чужой. Мы все будем служить ей, ибо она этого достойна.

Тека покачала головой, не слишком вникая в то, что он говорил. Да и можно ли добраться до смысла его горячечных слов, ведь он весь пылает, как в огне!

И она сказала только:

– Ты очень устал, господин, тебе надо отдохнуть.

– Это правда, но не позволяй мне проспать до полудня. Меня ждут дела, и каждая минута дорога. Когда я проснусь, пришли ко мне Гедеку. Это все.

* * *

Это было все, что сказал Набусардар перед тем, как уснуть.

Когда он проснулся, был уже ясный день и солнце стояло высоко над башней Эвремнанки в борсиппском Храмовом Городе Эзиде.

Величественное здание было залито сиянием. По террасам прохаживались жрецы в длинных белых одеяниях и митрах, украшенных золотом. У подножья святилища замерли в безмолвии сикоморы и кипарисы. Гигантская фигура небесного мудреца Набу в одежде из чистого золота, казалось, подпирала высокое небо. Набу ведал людскими судьбами, в его книгах была записана и судьба Набусардара и дочери Гамадана.

Об этом подумал Набусардар, когда протер глаза и вытянулся на своем шелковом ложе. Набу, сын Мардука, определенно сулил ему жизнь суровую и безрадостную. И должно было исполниться все до последнего слова, если бы Набусардар верил в богов.

Набусардар повернулся на правый бок. Взгляд его блуждал по комнате, обставленной в старинном хеттском стиле. Сочетанием красок она напоминала ему башню Эвриминанки, и мысленно он невольно перенесся туда.

Как наяву, взору его предстали все семь ее этажей, посвященных семи планетам. Позже римляне назвали их на свой лад, это были: Сакус – Сатурн, Мардук – Юпитер, Нергал – Марс, Шамаш – Солнце, Иштар – Венера, Набу – Меркурий, Син – Луна. Влекомый совершенством ее зодческого искусства, Набусардар очутился на первом этаже. Здесь преобладал черный цвет, цвет Сакуса, бога ночи и огня. Его изваяние с туловищем быка, орлиными крыльями и человеческой головой, недвижно таилось в глубине. Но черный цвет зала заставил Набусардара поспешить вон, так как внушал тяжелые и мрачные мысли.

Он поднялся выше, на второй этаж. Здесь помещение пылало огненным цветом, и на его фоне четко рисовалась, статуя бога неба и земли, великолепного Мардука. Набусардар, зажмурил глаза, потому что только так он мог стать лицом к лицу с богом, которого ненавидел телом и душой.

На третьем этаже в кровавом зале пребывал Нергал, бог войны, охоты и смерти. Со своего пьедестала из слоновой кости он надзирал над миром. Его крылья выросли из колоссального львиного туловища с бесформенной головой и получеловеческим лицом. Выражение этого лица было исполнено ненависти и угрозы. Набусардар пристально смотрел в глаза Нергалу, не отводя взгляда, словно испытывая себя.

Затем он мысленно осмотрел зал четвертого этажа, где обитал бог Солнца, даритель жизни.

Все помещение пятого этажа было усеяно сверкающими звездами на бледно-желтом фоне. Его взору явилась в блеске девической красоты небесная Иштар, дочь бога Ану и жены его Анту. Она стояла на спине золотого льва. В одной руке у ней был круг, в другой – жезл со знаком месяца. Нанаи была посвящена этой богине и походила на нее. Растроганный, он перевел взгляд на двери, за которыми его ждала Нанаи.

Но тут же заставил себя снова вернуться к башне Эвриминанки.

Над шатром Иштар возвышались еще два этажа. Шестой, цвета небесной лазури, где пребывал святой Набу, посредник между богами и людьми, и седьмой, залитый серебряным светом, со статуей владыки ночи, бога Сина.

Напоследок он мысленно остановил взор на самом верху, где помещалась обсерватория. В ней двое ученых мудрецов изучали небосвод. Один из них был страстным последователем греческого философа Фалеса из Милета, который первым высчитал и предсказал затмение Солнца на двадцатом году правления Навуходоносора, в то время как раз приступившего к осаде финикийского города Тира. О втором звездочете говорили, что на нем почивает благословение богов.

Набусардар все еще мысленно созерцал обсерваторию, когда в комнату вошла Тека и принесла миску с мирсой – кушаньем из меда и оливкового масла.

– Я пришла будить тебя, господин.

– Я уже не сплю, добрейшая Тека.

– Как ты почивал и был ли спокоен твой сон?

– Не понимаю, что со мной происходит, – проговорил он, рассматривая ее ожерелье из ракушек, – не понимаю ничего, что приходится видеть и слышать в последнее время. Снился мне удивительный сан, Тека.

– Не позвать ли мага, чтобы он истолковал его?

– Нет, нет, – задумчиво ответил он. – Мне надо ехать в Вавилон, к моей армии.

– А как быть с госпожой твоего сердца? Он снова посмотрел на двери, которые вели из его опочивальни в комнаты Нанаи. Глубоко и шумно вздохнул, словно собирался вобрать в себя весь воздух комнаты.

Не сводя глаз с шерстяного занавеса на дверях, повторяющего цвета башни Эвриминанки, он глухо сказал, и его голос доносился как бы сквозь завешенное окно:

– Я хочу ее видеть, Тека. Я должен увидеть ее. Тека подала ему утреннюю одежду, расчесала волосы и надела на них золотой обруч. Его иссиня-черные кудри отливали блеском. Лицо повеселело. Едва он заговаривал о Нанаи, как во всем его облике появлялось радостное нетерпение.

– Привести ее сюда, господин? – переспросила она для верности.

– Да, приведи, – ответил Набусардар.

В эту минуту Нанаи стояла перед зеркалом, с изумлением изучая свой наряд.

На ней было одно из одеяний, приготовленных по распоряжению Набусардара, – легкое платье из тонкой белой шерсти, вышитое голубыми, ясными, как небесная лазурь, нитками. Правда, Тека выбрала ей платье, расшитое золотом, но Нанаи остановилась на этом, оно показалось ей скромнее других, более подходящим для нее после того, в котором она пришла из Деревни Золотых Колосьев. Прежде она не носила длинных платьев, и вот впервые на ней был наряд до самых щиколоток. Лазурное шитье внизу, вокруг шеи и на плечах оттеняло ее, волосы, которые Тека причесала по-своему. Они не были распущены по плечам, а стянуты тугим узлом на затылке, на лбу же искусно уложено несколько завитков. Тека хотела подкрасить ей румянами щеки и губы, подвести глаза, но Нанаи воспротивилась. Она позволила только слегка тронуть лицо белилами, которые несколько смягчили загар. На ногах у ней были сандалии из голубой кожи с белой шнуровкой. В волосах – гребень с двумя жемчужинами.

Она стояла перед зеркалом и ждала, когда Тека подаст ей знак, что она может предстать перед Набусардаром.

Тека уже раздвинула занавес и взялась за ручку двери, когда Набусардар вдруг передумал и остановил ее:

– Или нет, погоди, Тека. То есть...

Удивленная Тека вернулась.

– Смее ли я, Непобедимый, обратиться к тебе вместо нее, чтобы ты не менял своего решения? Дочь Гамадана просит выслушать ее. Она уже одета и ждет в соседней комнате.

– Чтобы я ее выслушал? Она рассказывала тебе что-нибудь?

– Да, Непобедимый! Я многим обязана ее тетушке Табе, да пошлют ей боги мирный сон в царстве мертвых. Таба была сестрой доблестного воина Синиба. Памятью обоих прошу тебя, Непобедимый...

Взор Набусардара омрачился. Если речь шла о любви, его избранница, конечно, не стала бы изливаться Теке. Видно, дело в чем-то другом.

Он раздраженно спросил:

– Чего хочет дочь Гамадана?

– Она просит твоей защиты от Эсагилой. Скоро празднества Иштар, и высокочтимый Исме-Адад приказал похитить Нанаи, если она откажется участвовать в них. Она ищет защиты у тебя, светлейший.

– Так вот в чём дело, – проговорил он, – ее сюда привел страх перед Эсагилой... А я, легковверный, подумал бог весть что...

Он понурил голову, плечи у него опустились. Он пытался подавить в себе чувства, вызванные этим открытием, но обида изменила его лицо. Оно покрылось сеткой морщин, горе углубило и подчеркнуло их, и они пролегли на лице, как песчаные каналы в краю, изнывающим от безводья.

Наконец он сказал изменившимся голосом:

– Конечно, я никому не откажу в защите от Эсагилы. Дочь Гамадана найдет у меня приют. Отнесись к ней так, как я наказывал. О прочем я поговорю с Гедекой. Можешь прислать его тотчас же.

Когда Тека ушла, он сбросил с головы золотой обруч и процедил сквозь зубы:

– Так вот в чем дело. А я-то, тщеславный себялюбца! Поверил, что она пришла подарить мне свое сердце, свою любовь, только потому, что я мечтал о ее любви и сердце... Обидел ее этим Устигой. Подозревал, что она пришла из-за него. А она всего лишь искала спасения от Эсагилы. Когда-то она призналась, что хочет принадлежать только мне, Набусардару. И она будет моею, надо только сломить ее гордыню. И я сломя ее своим безразличием.

Он выпрямился, заслышав шаги Гедеки, и про себя решил тотчас уехать в Вавилон, не простившись с нею. Пока он вернется, пройдет время, и она, возможно, будет готова броситься в его объятия. Внезапно языки пламени в раковине-светильнике дрогнули от дуновения ветра, и Набусардар понял, что это явился ваятель.

– Войди, – обратился он к нему.

Он объяснил, зачем хотел его видеть. Девушка, которая вчера пришла в сопровождении его конников, останется во дворце. Теку это сообщение удивило, а Гедека был явно обрадован. Скульптору уже было известно, что это Нанаи сочинила любовную песню и ей же принадлежит изображение бога на глиняной Табличке. Набусардар попросил ваятеля заняться ею и найти учителей для продолжения ее образования, прерванного со смертью Синиба.

В заключение он добавил:

– Знай, Нанаи – владычица моего сердца. Отныне моя жизнь пойдет по-другому. Ты был моим наставником, будь же наставником и для нее. Ты был мне другом и советчиком, стань и ей Другом и советчиком, потому что, кроме нас, у ней здесь никого нет. Я часто буду отлучаться из дому, меня призывают обязанности. Но когда бы я ни приехал, я хочу, чтобы здесь я мог отдохнуть.

– Все будет, как ты желаешь, светлейший, – поклонился ваятель, – я буду беречь ее как зеницу ока. Что касается учителей, положишься на меня. Я отберу самых лучших в высшем училище в Борсиппе. Там есть замечательный молодой ученый, жрец Мардука, некий Улу...

Набусардар поднял брови.

– Светлейший знаком с ним?

– Я и сам не знаю, – спохватился Набусардар, – просто это имя мне что-то напомнило.

– Мне показалось, что светлейший уже знаком с ним, – простодушно заметил Гедека.

– А кто он такой? – перебил его Набусардар, вспомнив встречу в тот вечер, когда он ехал на совещание совета.

Ваятель рассказал, что знал о жреце Улу. О том, что он прежде был доверенным писцом верховного жреца Исме-Адада, но что по неведомым причинам Эсагила перевела его в храм бога Набу в Борсиппе, и он, говорят, возглавит здесь одно из училищ.

– Это награда или кара? – спросил Набусардар, в то время как мысль его лихорадочно работала.

– Это награда, но не для того, кто был доверенным Исме-Адада.

– Понимаю, – кивнул он. Совершенно ясно, что жрец Улу стал неугоден Эсагиле.

Видно, у Исме-Адада нет против него прямых улик, нельзя предъявить ему и обвинений, зато можно обезвредить, спровадив из Эсагилы. Пожалуй, это кстати. Жрец Мардука не мог посещать дом врага Храмового Города, но жрец Набу может служить Набусардару в роли наставника Нанаи.

– Прежде чем он станет заниматься с Нанаи, – озабоченно сказал верховный военачальник, – я хотел бы познакомиться с ним.

– Ты не доверяешь мне, господин? – спросил удивленный ваятель.

– Такова моя воля.

– Будь по-твоему, светлейший. Ты хочешь познакомиться и с другими учителями, которых я подберу для госпожи твоего сердца?

– Нет, добрейший Гедека, не пойми мое желание узнать Улу как недоверие к тебе. Только три человека на свете служат мне верой и правдой – это ты, Тека и Киру из дворца досточтимой Телкизы. Мне было бы тягостно лишиться любви кого-нибудь из вас. В других я вижу ложь и лицемерие. Все носят маски, скрывая свое подлинное лицо. Однако каждому суждено рано или поздно встать перед выбором – или задохнуться под маской, или сбросить ее.

Он замолчал, и воцарилась тишина.

Тека подумала, что Набусардар один, и снова вошла к нему с просьбой выслушать Нанаи.

– Нет, – спокойно, но решительно ответил Набусардар, – я уже обо всем распорядился.

Тека с тем и удалилась. Набусардар отпустил и ваятеля, велел послать к нему прислугу, чтобы его одели. Нанаи со страхом ждала его решения. Она, съжившись, сидела на скамье, угнетенная, подавленная.

Вскоре вернулась Тека.

Нанаи вскочила.

– Он примет меня?

– Нет. Непобедимый, мой господин, не хочет тебя видеть.

Нанаи опустила голову, услышав эти суровые слова.

– Благороднейший Набусардар очень занят?

– Он велел передать госпоже своего сердца только это.

– Госпоже своего сердца, – повторила она удрученно.

– Разумеется, в память о покойной Табе я передала ему твою просьбу. Он сказал, что никому не откажет в защите от Эсагилы. Значит, тебе тоже.

– Благодарю, Тека, – горько проговорила она.

– Можешь остаться во дворце. Эти покои предназначены тебе. Господин уезжает сейчас в Вавилон.

– Когда он вернется?

– Он уезжает надолго. Может, и несколько месяцев пробудет там,

– Несколько месяцев? Нет, нет, Тека, мне надо поговорить с ним, я должна увидеться с ним. Даже ценой жизни. Заклинаю тебя памятью несчастной Табы...

– Мир усопшим. – прервала ее Тека.

– Тогда богами Вавилона, ты не должна мне отказать.

Старая рабыня посмотрела ей в глаза и ответила сочувственным тоном:

– Ты любишь его и страдаешь. Вот так же я любила его отца. Он занимал высокий военный пост еще при Навуходоносоре. Я любила его тайно от всех. Я была тогда, как и ты, молода и ослеплена любовью. И тоже мечтала о многом, однако на мою долю выпало только счастье выхаживать его детей. Набусардара я тоже выкормила своей грудью. Я хорошо его знаю и не удивляюсь, что он покорила тебя. Но будь осмотрительна, не то он потешится тобой, а потом ты ему прискучишь. Не ты первая, не ты последняя.

– Как жестоко то, что ты говоришь!

– Но еще более жестоки страдания, когда становишься ненужной любимому. Помни об этом.

– Благодарю тебя, Тека. Когда я собиралась сюда, мне явилась во сне моя тетушка Таба и сказала, что в тебе я найду опору. Она была права. Благодарю тебя.

– Набусардар относится ко мне, как к своей второй матери, и я забочусь прежде всего о его благе. Но в память о твоей покойной тетушке я должна тебя предостеречь.

– Ведь я пришла сюда не для того, чтобы стать княжеской наложницей, я ищу у него только защиты от жрецов Мардука. Вчера я хотела объяснить это Непобедимому, но он не удостоил меня вниманием. Сегодня я проснулась с надеждой, что смогу все ему рассказать. А вместо этого он велел нарядить меня и передал, что не желает меня видеть. Не понимаю, зачем мне этот роскошный наряд, если он не собирается меня видеть? Наверное, вчера он был не в себе, и теперь ему стыдно, вот он и не хочет встречаться со мной.

Теке тоже показалось, что он был не в себе и вообще с ним творится что-то неладное.

Иначе он не говорил бы о дочери Гамадана как о госпоже своего сердца. Уж не собирается ли Набусардар и вправду сделать Нанаи своей женой? Набусардар – потомок князей и не имеет права взять жену даже из семейства незнатного богача, а тем более крестьянку. Неужели Непобедимый настолько потерял голову, что забыл об этом? Или он хочет выпросить у царя благородный титул для Нанаи, а со своей первой женен, досточтимой Телкизой, расстаться? В этом случае Тека склонна считать, что ее господин, пожалуй, в здравом уме.

Она другими глазами взглянула на дочь Гамадана и отметила про себя, что она очень красива.

– Может быть, он и любит тебя, – снизошла она до признания чувств Набусардара. – Но будь осмотрительна. Если он любит тебя по-настоящему, ты это поймешь и сама. А теперь ступай в свои покои и отдохни. Ты не спала всю ночь. Я принесу немного вина и меду, подкрепишься.

Тека проводила ее в самую дальнюю комнату, откуда открывался вид во внутренний двор. Внизу солдаты седлали скакуна для Набусардара. Вскоре к ним подошли телохранитель Набусардара и несколько человек его свиты.

Следом появился Набусардар.

– Значит, он все-таки уезжает?

– Да. Его слова не расходятся с делом.

Когда Нанаи опять выглянула из окна, отпирали ворота.

Возможно ли, чтобы он уехал, не простившись? Возможно ли такое? Сердце ее мучительно жалось, и она прикрыла глаза.

В эту минуту откуда-то из-под земли до них долетели звуки песни. Она была скорее похожа на громкие рыдания, сопровождаемые игрой на лютне.

– Что это? – Нанаи застыла в изумлении. – Кто там поет, чей это голос?

– Успокойся и ляг.

– Кажется, я узнаю этот голос.

– Не думай о нем.

– В самом деле, Тека, ты слышишь?

– Слышу. Он поет каждый день.

– Кто это?

– Узник.

– Мне страшно спросить тебя, я вся дрожу. Тека опустила голову.

– Что это значит? Почему именно под моими окнами? Что все это значит?

– Так пожелал непобедимый Набусардар.

– Прямо под моими окнами! Жестокая причуда! За что он мучит меня? За что, скажи?!

– Говорят, ты любишь персидского князя.

– Устигу?

– Да.

– Значит, это он томится в подземелье?

* * *

Набусардар не возвращался в Борсиппу. Он жил в вавилонском дворце. Верный Киру радовался, что снова может служить ему. В один прекрасный день объявилась и улыбающаяся Телкиза.

Телкиза была удовлетворена, а потому нежна, внимательна и кротка. Изысканный любовник Сибар-Син сделал ее совершенно счастливой. Оживленная и радостная, она вошла к Набусардару. Она преподнесла ему благоуханный весенний цветок, который распустился на одном из индийских растений.

Протянув цветок, она сказала:

– Он был единственный, и я сорвала его для тебя.

Звук ее голоса был противен Набусардару, и он не мог заставить себя даже взглянуть в ее сторону.

– Ты меня не слушаешь, Набусардар? – спросила она, по обыкновению, вкладывая в эти слова все свое обаяние, а когда он наконец повернулся, послала ему взгляд такой пылкий и ласковый, что он был в состоянии воспламенить любого мужчину.

Но Набусардар сохранял безразличный вид и холодно сообщил ей, что занят и не хочет, чтобы ему мешали.

– Для меня у тебя никогда нет времени, – жалобно протянула Телкиза, – и я не знаю, можно ли надеяться, что оно когда-нибудь будет. Ты слишком занят угрозой, которая надвигается с севера. Впрочем, этот я не в упрек, я и сама полна забот о спасении страны.

– Ты – и заботы о спасении страны? – Набусардар пренебрежительно усмехнулся.

– Я понимаю, что означает твоя гримаса» Набусардар, прекрасно понимаю. Все вы видите во мне только легкомысленную женщину, которая, словно тигрица, рыщет в поисках наслаждений по Вавилону. Да, я ненасытна и останусь такой до самой смерти. Я никогда не изменюсь, ты меня знаешь. Скажи, однако, разве вы, мужчины, лучше? Кто довольствуется меньшим, чем располагает и может располагать? Одни из вас домогаются богатства, другие – славы, третьи – власти. Для вас все средства хороши – отнять, украсть, убить, подвергнуть пытке, – лишь бы добиться своего. Я же только даю и взамен получаю так мало. Ничтожно мало, можно сказать – и вовсе ничего. Набусардар, ведь я не виновата, что во мне столько желаний и любви. Зачем боги созвали меня такой? Я знаю, ты сказал бы, что не боги, а человек управляет своей волей, потому что ты умеешь противостоять богам.

– Я уже сказал тебе, Телкиза, – перебил он, – я уже сказал тебе, у меня Много дел и

я не хочу, чтобы мне мешали. Я не возбраняю и не запрещаю тебе распутничать. В конце концов это даже вошло в моду – жить только любовью, любить и быть любимым. Из Карфагена, Рима, Афин, Фив и Мемфиса люди приезжают в Вавилон, чтобы пожить в свое удовольствие, – отчего же и тебе не жить так? Со всех сторон сюда приезжают кутить и швырять золотом,

– Почему и тебе не кутить, тем более, что ты не даешь золота сама и не берешь его за свою любовь? Право, не знаю, чего ты от меня хочешь, ведь я не могу быть с тобой нежным, как Сибар-Син, не могу и великодушно сулить тебе царство, как царь Валтасар.

Телкизу неприятно задела его слова, но внешне она осталась по-прежнему приветливой. Только чуть поникла на мгновение, как тростник под ветром, и снова выпрямилась.

– Если бы ты не умел быть нежным любовником, – нашлась она, – по тебе не изнывали бы женщины Вавилона. А если бы ты не рассчитывал стать правителем Вавилонии, то не стал бы и воевать за нее. Следовательно, тебе под силу и первое и второе. В городе все поговаривают, что ты будешь владыкой, военным владыкой.

– Телкиза! – возмущенно воскликнул он. – Телкиза, и ты этому веришь?

Послышался ее тихий смех, похожий на воркование горлицы.

– Отчего же не верить? Почему тебе и не быть владыкой, тебе, умному и талантливому, если могут быть царями такие глупцы, как Валтасар?

– И все-таки ты любишь его, Телкиза. Она, как змея, вильнула всем своим стройным телом и издевательски рассмеялась. Носком маленькой сандалиии из кожи ящерицы Телкиза постукивала по янтарному постаменту под копытами вырезанных из солнечного камня коней – подарок отцу Набусардара от египетского фараона Априя. В правой руке она держала платок из тончайшей кисеи и обмахивалась им. В такт покачивались ее длинные серьги, сверкающие брильянтами. Грудь полуобнажена, соблазнительные бедра обтянуты широким шарфом с золотистыми кистями. Набусардар добавил:

– Да, ты любишь его и любила задолго до меня.

– Что ты знаешь о моей любви!

– Да, ты любишь его!

– Откуда ты знаешь, кого я люблю? Моя любовь давно растоптана. Я хотела быть царицей Вавилонии, и эта мечта была моим единственным искренним чувством. Во мне столько сил, чтобы повелевать и покорять людей! Но мне не дано быть царицей, и я соблазняю мужчин, чтобы повелевать ими. Я ликую, когда самые непреклонные, гордые и надменные падают к моим ногам, как подкошенный колос. Ты не сумел одолеть Сан-Урри мечом, а я подчинила его, притворясь любящей.

– Телкиза... ты – и Сан-Урри! – Набусардара передернуло от отвращения, невидящим взглядом он смотрел на нее.

– Да, я это сделала, чтобы доказать тебе свою любовь к Вавилонии.

– Сан-Урри – и жена верховного военачальника армии его величества царя Валтасара?!
– Он заскрежетал зубами.

– Забудем на время о чувствах. Знаю, я часто ранила твое сердце, и так будет всегда, я ведь не изменюсь. Знаю и о том, что в последнее время ты тосковал о чистой любви и как будто нашел ее в Деревне Золотых Колосьев. Ты выбрал госпожой своего сердца дочь Гамадана. Из-за нее ты отвернулся от меня и от других женщин. В

твоим гареме, в квартале летних дворцов, бунтуют твои наложницы. Отказываются брать золото, принадлежащее им. Тоскуют по тебе и не могут жить без тебя. Угрожают покончить с собой. С большим трудом я успокоила их. Я обещала, что ты придешь к ним, хотя знаю, что они ждут тебя напрасно. Ты думаешь только о дочери Гамадана и о спасении государства от персов. Дочь Гамадана уже твоя, но еще не твоя Вавилония. Я помогаю тебе обрести ее. Помогая по-своему. Накануне заседания совета я одарила любовью многих сановников. Моя любовь оказалась сильнее пятидесяти имений, раздаренных Эсагилой. Это я склонила Валтасара утвердить твой план обороны.

Набусардар закрыл глаза ладонью и проглотил скопившуюся во рту горечь. Внутри у него все напряглось и застыло, как перед бурей.

Телкиза продолжала:

– Я знаю, ты очень гордился своим успехом, и теперь я уязвила твою гордость. Что поделаться, такова жизнь. Я ненадолго отвлеку тебя от дел.

Она отвела руку Набусардара от лица. Взяв со столика принесенный ею цветок и, играя его стеблем, заговорила:

– План твой приняли, но его еще надо осуществить. Я была у Сибар-Сина, когда Эсагила, воспользовавшись твоим отсутствием, выступила против тебя; правда, это окончилось крахом. Тебе известно, что воинами Эсагила командовал Сан-Урри, спасшийся от твоего меча. Он тщеславен и мстителен. От Сибар-Сина я узнала такое, чего ты никогда бы ни узнал. Сибар-Син вошел в доверие к Эсагиле, заплатив огромный выкуп за дочь Гамадана, – она должна была принадлежать ему во время весенних празднеств. Но она скрылась и нашла защиту у тебя. Сибар-Син не подозревает, что напрасно радуется, предвкушая весенние празднества. Твоя прислужница верна тебе, и, кроме меня, об этом еще не знает никто. Может быть, ты спросишь, каким образом мне стало это известно, но я все равно не скажу. Затем я посетила святилище Иштар и положила на ее алтарь щедрые дары. Разумеется, не без тайной мысли.

В рассеянности она обрывала лепестки цветка и бросала их на ковер.

– Не без умысла, Набусардар. Я узнала, что Сан-Урри принес щедрые дары доблестной Иштар из Арбелы за то, что она сохранила ему жизнь в схватке с тобой. Я подкупила главную жрицу святилища Иштар, чтобы она позволила мне в одеянии прислужницы принять Сан-Урри. Я одурманила любовью этого малоумного великана. Я нагала ему, будто каждый день буду молиться Иштар, чтобы ему сопутствовала удача. Я уверила его, что тому, о ком я молила небесную владычицу любви, всегда и во всем сопутствовал успех. В полумраке он не знал меня и не подозревал, кто лежит в его объятьях, Он с готовностью выложил мне все, что у него на уме. А на прощанье вручил мне золотую монету, посмотри, вот она.

На ладони Телкизы сверкнула монета. Набусардар уставился на нее. А Телкиза с волнением перевела свой взгляд на мужа. Внезапно пальцы ее задрожали, и она судорожно сжала монету, так что ногти впились в ладонь. С чувством неподдельного страдания она вдавила ногти и резко подняла лицо вверх.

Она, которая должна была стать царицей Халдейской державы, одна из самых богатых и знатных вавилонянок, приняла золотую монету от какого-то Сан-Урри. Лицо ее ожесточилось, от всей ее фигуры повеяло холодом. Вдруг она стремительно выпрямилась и пристально посмотрела на Набусардара.

– Эта монета, Набусардар, останется у меня не как память о Сан-Урри, как свидетельство того, что я перехитрила Предателя. Сан-Урри доверительно поведал мне, что собирается сделать. Он отправится на север и...

Набусардар затаил дыхание, впервые проявив интерес к тому, что она говорила.

– Отправится на север... – повторила Телкиза.

– Говори! – нетерпеливо потребовал он.

– Я скажу, но сперва обещай мне одну вещь.

– Говори без всяких условий.

– Обещай, что ты станешь владыкой Вавилонии.

– Я борюсь за Вавилонию, а не за власть.

– Ты будешь царем, Набусардар. Ты призван быть царем, как никто другой. Тебе предопределено быть властелином. Тебе суждено отомстить за несправедливость, причиненную Телкизе. Ты не знаешь, как надругались надо мной ради укрепления союза с Лидией. Надругались, чтобы лишить меня возможности стать царицей Вавилонии. Но боги рассудили иначе. Я буду царицей, стоит тебе только захотеть. В твоих руках будет армия и власть. Ты обещаешь мне?

Она припала к его ногам и обняла их.

– Встань, – холодно приказал он, – встань и забудь о троне. Ты вскружила голову Сан-Урри, теперь хочешь то же проделать со мной. И это ты называешь заботой о спасении родины?

Она сползла по его ногам на пол и зловеще зашептала, уткнувшись лицом в ковер:

– Отомсти за поруганную честь Телкизы. По велению царя Набонида княжескую дочь бросили как приманку варварам, которые прибыли заключать договор между Лидией и Вавилонией. Ценой моего тела хотели добиться более выгодных условий. С той поры нет мира в моей душе, с того дня мое тело не знает покоя.

Но Набусардар не слышал ни слова из того, что она шептала в ковер, задыхаясь от горя. Все казалось ему искусной игрой, задуманной для осуществления ее давней мечты – стать царицей Халдейской державы. Набусардар попытался поднять ее, но она противилась. Тогда он поднялся сам, стараясь освободить ноги из ее объятий.

Она уцепилась за него с мольбой:

– Набусардар, отомсти за меня, и я...

Набусардару было не до женских капризов, он вышел из комнаты и послал к Телкизе ее прислужниц.

Телкиза прошептала:

– Набусардар, отомсти за меня, и я скажу тебе, что Сан-Урри отправляется на север, где объединится с персами. Он возьмет с собой план Мидийской стены, чтобы Кир отнял у тебя престол.

Но Набусардар уже был за порогом и не услышал слов, роковых для Халдейской державы.

Из Ура, Урука, Ларсы, Лагаша, Эриду, Ниппура, Киша, Куты, Сиппара, Описа, Марада, Дильбата, Шуруппака, Исина, Сураппа, Уммы, Кеша, Борсиппы и Вавилона на холм Гила прибыли наместники или их поверенные.

Так повелел верховный военачальник Набусардар, намереваясь держать совет о защите городов, заботу о которых возложил на наместников царь. Кроме того, Набусардар полагал, что при личной встрече он сможет лишний раз убедиться в их преданности.

В покоях верховного военачальника халдейской армии царило оживление. Высокие должностные лица заполнили многочисленные залы дворца. Пламя светильников, сделанных из раковин, бронзы, цинка, меди, серебра или золота, разгоняло сумрак могучих сводов, скупно пропускавших дневной свет. Одежды военачальников сверкали и переливались всеми цветами радуги; у одних – в зависимости от чина – это были накидки, отделанные пурпуром розового, фиолетового и синеватого отлива, у других – парчовые повязки на бедрах, узкие и широкие, усыпанные жемчугом и драгоценными камнями; некоторые из наместников носили широкую ленту через плечо, знак особого расположения царя. Черные, как смоль, волосы, черные курчавые бороды оттеняли мужественность лица. Темные, сверкающие глаза светились, словно небо над Аравийской пустыней, где и днем можно видеть звезды.

Воздух в комнатах был напоен сладким ароматом алоэ, кинамона, халвана и нарда.

Гостям подавали освежающие, настоянные на пряностях напитки и густые сирийские вина в красочных сидонских кубках и глубоких чашах египетского стекла. Их подносили восточные девушки и гречанки вместе с дворцовыми невольниками.

Многолюднее всего было в среднем зале, отделанном красным офирским деревом и украшенном барельефами, высеченными на черном граните. Его убранство составляли столики из твердого, как гранит, черного дерева и обтянутые темно-красной бараньей кожей скамьи.

Первым здесь появился управитель царского дворца, огромный грузный мужчина с курчавой бородой, переплетенной золотой канителью. Человек он был неуживчивый, заносчивый и злой на язык,

Плюхнувшись в кресло, он тотчас ударил в ладоши и потребовал вина. Вбежала узкобедрая филистимлянка со звонкими браслетами на щиколотках, поклонилась и, сверкнув глазами, подала ему розовый напиток.

Он потянулся было к чаше, но внезапно схватил девушку за руку и украдкой прошептал:

– А ты резва, ты прямо создана для моего ложа. Приходи утром, покуда все спят, приходи ко мне во дворец.

Девушка была прислужницей в доме верховного военачальника и не осмелилась согласиться...

– Придешь?

Она обомлела от страха, кувшин и чаша задрожали в ее руках.

– Я люблю горячих, а ты что искра. Придешь? Смешавшись, девушка не могла выговорить ни да, ни нет, сердце ее утащенно билось.

– Ну? – не отступал вельможа.

Ужас сковал ее, от робости и смущения она чуть не выронила кувшин с вином. А вельможа смотрел требовательно и жадно.

Но тут за спиной девушки раздались шаги. Кто-то вошел и нечаянно выручил ее.

Управитель, поспешно схватил чашу, поднес ее к губам.

Узкобедрая филистимлянка удалилась мелкими шажками, позванивая монистами и браслетами.

В зал вошли наместники Ларсы, Урука, Куты, Сиппара и Киша. За ними следовали несколько военачальников, в том числе высший военачальник Аскудам и предводитель лучников Исма-Эль, рослый, плечистый мужчина лет тридцати пяти, наделенный редкостной красотой. Филистимлянка задержала на нем взгляд, и это не укрылось от управителя.

Он поморщился и фыркнул, точно вино было прокисшим.

Военачальники приблизились к управителю и окружили его.

Наместник Ларсы, его давнишний друг, спросил с поклоном:

– Что это ты, светлейший, встречаешь нас гримасой? Иль мы спугнули твою хрупкую филистимлянку?

– Упаси меня Мардук! – деланно и зло рассмеялся князь. – Девчонка суха, что борзая. Полно! И как это тебе пришло в голову? Я от вина морщусь. Не вино, а конская моча.

– Правда, светлейший?

– Отведай – и убедисься, – ответил тот раздраженно. – У Набусардара сроду не водилось хорошего вина!

– О нет, – улыбнулся Исма-Эль, – с той поры как Набусардар возглавил армию, отменное вино пьют не только вельможи, которых он принимает, но и солдаты.

– Кто этот дерзкий? – процедил сквозь зубы управитель.

– Исма-Эль, предводитель лучников, – отвечивал кто-то из окружающих.

– Гм! – вельможа оскалил зубы, как хищник, которого порядком раздразили.

– Полно вам, – вмешался наместник Куты, примирительно поднимая руку.

– В самом деле, – поддержал его наместник Сиппара, окинув управителя презрительным взглядом, а про себя подумал: «Недаром говорят, что Вавилон разлагается. Стоит поглядеть хотя бы на этого – бочка с помоями, да и только. Гнусные речи, отвислое брюхо, масляные глазки, побрякушки. А перстни на пальцах! Мерзость!.. Нет, прав был гутийский наместник. Гобрий, говоря, что Персия, а не Вавилон, дышет здоровьем и силой, потому и будущее за ней. Не дай, Мардук, уверовать в это! Как-то не по нутру мне обретаться среди трупов и падали. Я тоже поклоняюсь здоровью и силе».

И словно ощутив неприятный вкус во рту, он хлопнул в ладоши, потребовал вина, чтобы запить горечь.

Вбежали девушки с подносами, кувшинами, блюдами, ковшами, чашами и кубками. Кротко улыбаясь, они молча предлагали угощение.

Один лишь кутский наместник не пил вина и не смотрел на красавиц. Он думал о царе

Набониде, который решил покинуть Куту и отправиться на север, в Харран, чтобы завершить воздвижение великолепного Э-хул-хула, храма бога Сина. В последнее время царь стал еще более набожным и верил, что лишь богу Луны дано осветить потемки души человеческой, подобно тому как он разгоняет мрак ночи; с его помощью Набонид надеялся сокрушить Валтасара.

Размышляя о низложенном царе Набониде, кутский наместник не замечал, что Аскудам не сводит с него пристального взгляда, пока тот не обратился к нему:

– О чем задумался, светлейший? Уж не молишь ли Иштар послать тебе сына, дарителя воды, который станет орошать твою могилу, чтоб душа твоя не изнывала от жажды?

– О нет, – очнулся наместник и добавил: – Я думаю о другом. Перед тем как отправиться сюда, видел я блюдо, судя по всему, оно принадлежало Хираму Первому, сыну Абибаала Тирского. Вот я и подумал: а что, если и вправду это блюдо Хирама?

– Блюдо Хирама Первого? – недоверчиво переспросил наместник Киша, не скрывая зависти.

– Ты ведь тоже ценитель древностей, – как бы между прочим вспомнил наместник Куты. – Отчего же так безразличен твой голос, светлейший?

– Ты думаешь – я завидую? Ничуть, даже если оно и впрямь подлинное, это блюдо! В моей коллекции хранится щит работы литейных дел мастера, прославленного Храмаби из Тира, творца знаменитого медного барельефа в храме Соломона. Щит настоящий. Это подтвердил даже его величество царь Набонид. Его величество изволил нынче пребывать в Куте, можешь показать ему и свое блюдо. Если оно не поддельное – я за цену не постою.

– Э, нет, – уклонился наместник Куты, – я блюдо не продам, да и царя Набонида в Куте уже нет.

– Нет? – удивился Аскудам.

– Нет, – подтвердил Наместник. – Он отправился в Харран достраивать святилище Сина.

«Нужно немедленно уведомить об этом Набусардара», – подумал Аскудам и удалился.

– Стало быть, не продаешь? – домогался кишский наместник.

Правитель Куты отрицательно покачал головой.

– А лук из носорожьего рога, стянутый шестью обручами разных металлов, принадлежавший великому ассирийскому завоевателю, царю Тиглатпаласару, сыну царя Ашшуриши, разве не достоин упоминания? – чванливо и громогласно заявил наместник Урука.

– Куплю за любую цену! – выпалил кишский вельможа.

– Нет, нет, лук не продается, светлейший, – насмешливо осадил его глава древнего города Урука, – зато скоро ты сможешь купить лук царя Кира. Сколько дашь за него?

– Лук царя Кира? Отчего ты говоришь о нем, князь Урука?

– Я полагаю, здесь не торжище, где распродают знаменитые древности, в этих стенах больше пристало говорить о будущем, а не о прошлом.

– Но ведь совет еще не начался! – возразил кто-то.

– А до совета вы не считаете своим долгом обдумать завтрашний день Халдейской державы?

– Ну стоит ли гневаться? – попробовал увещевать сиппарский наместник князя из Урука, в душе целиком соглашаясь с ним, и машинально протянул недопитую чашу киферской девушке, стоявшей с кувшином поодаль в выжидательной позе. – Налей!

Вино забулькало, заискрилось и успокоилось, застыв золотой монетой.

– Налей и повелителю Урука! – приказал он. Девушка налила.

– Испей же вина, князь из достославного города Урука, колыбели шумерской династии!

– Да хранит тебя богиня здоровья, князь из благословенного города Сиппар, колыбели первой династии вавилонской!

Едва содвинули они свои сосуды, как в дверях гранитного зала появились новые лица. Одни только что прибыли, другие пожаловали из соседних покоев.

Когда все были в сборе, трижды прогудел гонг, приглашая гостей в зал для совещаний.

Кубки и чаши были поставлены на подносы, и проворные служанки – дочери Моава, Эдома, Бактрии, Эмпории, Крита, Родоса, Киликии, Иберии, Египта, привезенные оборотистыми финикийцами в обмен на доброе вавилонское золото, – бесшумно унесли их.

Наконец в зал вошел Набусардар в сопровождении высшего военачальника Наби-Иллабрата, своего доверенного, и писцов.

На столе перед Набусардаром покоились символы царской власти: жезл, перстень с изумрудом и бесценная тиара. Они как бы напоминали о том, что все, что совершается здесь, – совершается волеизъявлением царя.

Приветственную речь держал Наби-Иллабрат, вместе с Набусардаром создававший новую халдейскую армию.

– Именем его величества царя Валтасара, – так он начал ее, – царя царей, высокородного наследника властелинов Шумера и Аккада, князей Киша и Лагаша, Ура и Урука, преемника династий ларсской и ниппурской, которым покровительствовали боги Мун и Энлиль – победитель хаоса, творец мира и охранитель мужества, – именем преемника могущественной династии сиппарской, освященной самим богом Солнца, что пребывает в Эбаре, в белом доме, и имя которому – Шамаш..

Затем поднялся главный писец и огласил предварительные сведения о положении в армии. Число солдат из провинций, а также число солдат, которых выставит сам Вавилон, включая уже завербованных, составит около ста пятидесяти тысяч. Сто тысяч Вавилон предназначает для нужд собственной обороны, остальные пятьдесят будут размещены в провинциях.

– Всего пятьдесят тысяч? – подивился наместник Сиппара. – Но этого слишком мало.

– И я так полагаю, – поддержал наместник Урука, – пятьдесят тысяч потребуются для защиты одной лишь Мидийской стены.

– Мидийская стена защищена надежно, – заверил их Наби-Иллабрат, – но теперь мы не станем вдаваться в подробности. Как разместить эти пятьдесят тысяч, об этом позаботятся военачальники. Может быть, они и направят их к Мидийской стене.

– А кто же в таком случае защитит города? – прервал его наместник Куты.

– Куту и Киш – вавилонское войско, поскольку они лежат неподалеку. Городам Нижней Вавилонии:

Ниппуру, Уруку, Ларсе, Лагашу, Уру и Эриду – надлежит собрать войско из рабов. Состоятельным халдеям придется отказаться примерно от двух третей своих рабов и поденщиков, обрабатывающих теперь полу и виноградники.

– А что станется с полями и виноградниками? – растерянно улыбнулся вавилонский управитель.

– Надо распустить гаремы, и тогда поля будут обрабатывать женщины.

– Пресвятая Иштар, ты шутишь, светлейший Наби-Иллабрат? – В голосе управителя слышалось раздражение.

– Стоит ли спорить об этом! – махнул рукой наместник Лагаша. – Ответьте лучше, на чей счет предполагается содержать сторожевые отряды, набранные из невольников и поденщиков?

– На счет их хозяев, а как же иначе! – подал наконец голос Набусардар. – Испокон веков это было их повинностью. Это их долг. Ведь решается судьба Вавилонского царства.

– Взвалить такое бремя на знать... – ледяным тоном заметил кишский вельможа.

Но тут вскочил наместник Урука и в негодовании обрушился на него.

– Минуту назад, светлейший, за блюдо Хирама и лук царя Тиглатпаласара ты предлагал любую плату, а теперь сам скаредничаешь и других отговариваешь пожертвовать золотой на лук Кира. Неспроста я спросил тебя, сколько ты дашь за лук персидского царя!

– Ишь каков... – буркнул кишский вельможа. – Да ты похитрее любого финикийца... Ладно, будь по-твоему.

Набусардар улыбнулся про себя находчивости урукского наместника.

Голоса умолкли, в зале наступила тишина.

Было слышно, как возле светового проема в потолке вышагивает стража. Во дворе раздавались голоса наемных солдат, приносивших присягу.

– Как велики должны быть наши отряды, светлейший? – заговорил наместник Эриду, и в голосе его прозвучала озабоченность.

– Не менее легиона, – ответил Наби-Иллабрат.

– Сколько же нынче насчитывает легион?

– Четыре тысячи воинов, как и прежде.

– А оружие, снаряжение?

Теперь настал черед Набусардара. Наступившую тишину нарушило лишь пение, доносившееся из царских казарм. То были куплеты Тиртея, и распевали их, по всей видимости, наемные греческие солдаты.

– Как вы знаете, досточтимые халдейские князья. – начал он, – до сих пор наша армия была оснащена самыми разными видами оружия, каждый вельможа снаряжал войско на свой

лад. поэтому вооружение одного легиона разительно отличалось от вооружения другого. Я распорядился изготовить за счет казны одинаковое снаряжение и оружие для всей армии. Не забыл и о тех, кому предстоит сражаться в горной местности, для них ведено заготовить шаровары по примеру персов и башмаки на толстой подошве. На случай если война затянется до зимы, припасены плащи, войлочные одеяла и теплые шатры.

На лицах вельмож выразилось удовлетворение. Это им понравилось: снаряжение и обмундирование за казенный счет. Оставалось выяснить лишь размер жалованья для солдат и расход на их содержание. Если бы Набусардар избавил знать и от этой обузы, они вернулись бы домой вполне довольными. Поэтому вельможи наперебой превозносили ум и талант верховного военачальника – недаром царь доверил Набусардару армию, возложив на него ответственность за ее победы и поражения! К счастью, Набусардар был достаточно образован и обладал необходимыми качествами полководца, в том числе и опытом, почерпнутым во время пребывания в чужих странах. Он в совершенстве постиг стратегию и тактику, отдавая предпочтение первой. Но не об этом думали сейчас халдейские сановники. Они ликовали, услышав о намерении Набусардара снарядить армию за счет казны, и он сразу же вырос в их глазах.

Лишь один из наместников, приличия ради, поинтересовался:

– Не можешь ли ты подробнее рассказать о снаряжении?

– Изволь, – отозвался Набусардар и подал знак писцу.

Тот обратился к большим, густо испещренным письменами глиняным таблицам в переплете из сандалового дерева, с плетеными кожаными завязками, и, присанившись, стал читать:

– «Тяжелая пехота: железные шлемы, доспехи с металлическим нагрудником, обтянутые кожей и обитые железом овальные деревянные щиты. Вооружение – обоюдоострые мечи и копья.

Легкая пехота: кожаные шлемы, круглые щиты, дротики и секиры.

Конница: кольчуга и чешуйчатый панцирь, длинный меч или копье, кинжал и круглый металлический щит».

– Кроме того, – добавил Набусардар, – по-особому будут снаряжены щитники, пращники, лучники, копейщики. Само собой, в снаряжение входит также запас провианта, солдатский инструмент и миски.

– Откуда мы все это возьмем, Непобедимый? – любопытно спросил наместник Описа.

– Провиант будет поставлять знать, она же будет выплачивать жалованье, как всегда во время войны. Расходы на снаряжение и оружие будут покрыты из царской казны. Прежде эти расходы несли вельможи, но я стремился облегчить вашу участь; однако если война затянется и царская казна оскудеет, долг знати – дать необходимые средства.

– Где мы их возьмем? – вскинулся управитель Вавилона.

– Все вы достаточно богаты, и богатство это нажили на халдейской земле, – отчеканил Набусардар.

– В Персии, – вмешался сиппарский наместник, – все вельможи отказались от своих богатств и передали их Киру и его воинству. Вельможи сели на коней, опоясались мечами и добровольно выступили вместе с Киrom. А то, что все мы здесь наблюдали, – недостойно, халдейские вельможи. Гутийский наместник Гобрий заметил как-то, что

Персия пышет силой и здоровьем и потому уверена в будущем. Глядя же на вас, я словно чувствую, что здесь пахнет гнилью.

– Предательские речи, – вскипел наместник Борсиппы, – и поношение знатного сословия! Именем всех здесь присутствующих я прошу тебя, верховный военачальник его величества царя Валтасара, образумь сиппарского князя. А Гобрий... ведь ходят слухи, будто он склоняется на сторону персов. Я бы не стал доверять ни ему, ни наместнику Сиппара.

– Наместник Сиппара не так уж далек от истины, – примирительно молвил глава Урука.
– Он хотел только напомнить нам о наших обязанностях, коль мы стоим на пороге войны.

– Если мы правильно поняли тебя, князь из Урука, ты первым собираешься пожертвовать свои несметные богатства?

Кто-то засмеялся.

– Если понадобится, не откажусь. Да, я готов пожертвовать своим богатством.

– Всем богатством? – насмешливо переспросили его.

– Всем без остатка! И не только богатством.

– Уж не намерен ли ты распустить гарем? – осклабился вавилонский у правитель.

– Князя Вавилонии, – обратился к вельможам Набусардар, – я полагаю, что мы едины в стремлении защитить свое отечество и не пощадим для этого своей жизни.

– Других легко призывать, верховный военачальник, – бросил ему в лицо посланец Борсиппы. – А ты сам готов ли поступиться своим состоянием, – всем, без остатка? У тебя ведь нет детей, как у нас, и нет иной заботы, кроме как тешиться армией!

Набусардар стиснул зубы, лицо его помрачнело. Да, он был дальновиден, созвав этот сброд и убедившись, что таится у них в душе. Они предстали перед ним в подлинном своем обличье, раскрывшись до конца. Лицемерие, ложь, алчность, себялюбие – вот они, их добродетели. Будь его воля, он вытолкал бы их взашей. Взгляд Набусардара выдавал его беспокойство и возмущение.

Наби-Иллабрат, уже немолодой, искушенный воин, хорошо понимал состояние Набусардара; он посмотрел на собравшихся и покачал головой:

– Что с вами, потомки мужественных князей из Ура, Урука, Ларсы и Ниппура, Лагаша и Эриду, Киша и Куты, Сиппара и Описа, Борсиппы и Вавилона? Сейчас вы грубо оскорбили верховного военачальника, которому не сегодня-завтра придется защищать ваши дома, вашу жизнь. Кошунство – укорять того, кто давно уже содержит часть войска на собственные средства, а совсем недавно распорядился заколоть для вавилонской бедноты сто тучных волов из своих стад. Неразумно вы себя ведете.

По залу прошелестел шепот, многие потупили головы. Набусардар овладел собой и, словно оледенев, сдержанно сказал:

– Вы были приглашены сюда не затем, чтобы домогаться выгод. Я благосклонно позволил вам говорить все, что взбредет на ум, но призвали мы вас, чтобы ознакомить с указом царя. Указ гласит: для защиты городов наместники обязаны выставить войско в количестве, необходимом для безопасности жителей. Расходы на содержание войск покрываются за счет состоятельных горожан. Уклонившиеся от исполнения своего долга вельможи лишаются состояния. Наместники устраняются от командования войском и передают его назначенным Вавилоном военачальникам.

Противиться царскому указу безрассудно. В этом красноречиво убеждал вельмож твердый, решительный голос Набусардара. Верховный военачальник сделал короткую паузу, а когда заговорил снова, от строптивости вельмож не осталось и следа:

– Таков царский наказ, с ним я и отпускаю вас, халдейские князья.

Одни – в растерянности, другие – затаив в душе коварство, третьи – в унынии покидали вельможи дом верховного военачальника, и лишь немногие по достоинству оценили важность услышанного.

Наместник Урука пристал напоследок к кишскому правителю и, теребя холеной рукой брильянтовую подвеску на груди, не без язвительности проговорил:

– Имеется старинное, двух с половиной тысяч лет шелковое волокно. Оно из кокона, принадлежащего китайской императрице Си Линь-ши, открывшей шелкопряда. Не раскошались ли, светлейший?

Благовоспитанный наместник из Куты расхохотался от души, а ниппурский наместник злорадно хмыкнул.

– А у меня припасена трава, исцеляющая людей от глупости. Не пожелаешь ли приобрести, светлейший? – запальчиво парировал наместник Киша и величественно прошествовал к выходу.

Когда в зале остались одни военные, Аскудам наклонился к Исма-Элю, предводителю лучников, шепнув ему:

– Похоже, князь Урука по праву занимает свое место, да хранит его Иштар из Арбелы.

– Видимо, так, да пошлет ему силы Ниниб.

Набусардар и Наби-Иллабрат негромко переговаривались между собой. По лицам военачальников нетрудно было догадаться, что они думают об ушедших. Затем начались переговоры о защите Вавилона. Совет длился долго, высказывались разные суждения, однако все сходилось на одном: Город Городов становится неприступнее день ото дня. Войска и оружия прибывает, как воды во время прилива. Оружейные мастерские завалили склады луками, копьями, дротиками, мечами, кинжалами; сотнями изготовлялись пращи, стрелы, катапульты, подвижные башни, боевые колесницы, лестницы, крюки, секиры, доспехи. Склады переполнены горючими веществами, которыми предстояло уничтожить осадные орудия неприятеля. Пирамидами высятся стрелы, обмотанные куделью, – во время сражения их зажигают, предварительно обмакнув в смолу, и запускают во вражеский стан. Множество сосудов с трудно погашаемыми составами стоят подле ящиков, наполненных глиняными ядрами, – во время приступа их раскаляют на огне и посылают во вражеское войско.

Был запасен и провиант – припасов хватило бы на несколько лет: в амбарах лежало зерно, в сушилках – мясо, в ларях – мука, в надежных хранилищах – соль, корни, финики, фиги, масло и вино. Кроме того, меж стенами, опоясывающими город двойным кольцом, оставалось столько пахотной земли, что урожай с нее мог бы прокормить жителей в течение целого года.

Городу Городов нечего бояться. Силой его не взять, измором не одолеть...

Вера в это была неколебима.

Разногласия вызывал лишь вопрос о том, где надлежит дать сражение Киру – у стен города или на подступах к нему.

– Разумеется, на подступах, – убеждал Наби-Иллабрат, – так мы отдадим штурм городских укреплений, которые как можно дольше должны оставаться нетронутыми.

– Нет, милый Наби-Иллабрат, – возражал Набусардар, – нам выгоднее встретить неприятеля у самых стен. Стоит ли подвергать войска опасности на голой равнине, если можно укрыться за стенами? К тому же, чтобы выиграть сражение в открытом поле, нужна хорошая конница, а наша, как ты сам знаешь, оставляет желать лучшего. Пожалуй, она попросту слаба в сравнении с отменной персидской конницей, которая теперь еще более усилилась за счет мидийских и лидийских всадников.

– Если ты придаешь такое значение коннице и опасаясь персидской кавалерии, то, пожалуй, светлейший, твое решение правильно.

– Безусловно, правильно, – с уверенностью подтвердил Набусардар, – вряд ли можно рассчитывать, что Кир отважится взять Вавилон неожиданным приступом. Ему придется удовольствоваться длительной осадой, для того мы и опоясали город преградами, чтобы как можно дольше сдерживать неприятеля.

– По здравом размышлении, непобедимый мой повелитель, я вынужден признать основательность твоих доводов. Право, глубокие рвы, наполненные водой, утыканные острыми кольями, волчьи ямы послужат отличной ловушкой для солдат Кира. Не понеся урона, мы будем посмеиваться да глядеть с валов, как тонут враги во рвах, словно крысы, как кони их вспарывают себе животы на острых кольях.

Слова Наби-Иллабрата вызвали оживление и улыбки.

– Да, решение дать бой у городских стен пришло как-то сразу, – снова заговорил Набусардар, – гораздо больше меня заботит север, нужно не мешкая послать туда подкрепление.

– Отчего, Непобедимый? – откликнулся военачальник Унну-Мун. – По-моему, ты напрасно так тревожишься о севере.

– И я так думаю, – подхватил Аскудам.

– Вы забываете, – горько усмехнулся Набусардар, – что Мидийская стена, по сути дела, в руках Эсагилы, Которая, пережив разгром, теперь ничем не погнушается. Во главе ее солдат стоит Сан-Урри, а он пойдет на все.

– Да, войско к Мидийской стене нужно отправить немедленно. Я не хочу кого-нибудь упрекнуть за то, что дело еще не сделано, но отрядам следовало бы уже находиться в пути, – заявил один из военачальников.

Набусардар нахмурился. Какая дерзость в присутствии верховного военачальника его величества царя Валтасара! Набусардар недовольно взглянул на смельчака.

Но тот не дрогнул под его пристальным взглядом, стоял прямо и бесстрашно глядел в глаза верховному военачальнику. Его мужественное лицо, дышавшее спокойной решимостью, отражалось в зрачках Набусардара.

– Исма-Эль, предводитель лучников? – спросил Набусардар.

– Ты не ошибся, я Исма-Эль, предводитель лучников, назначенный тобой, Непобедимый, и готовый служить тебе верой и правдой до последнего вздоха.

– Я разделяю твои опасения, – уже спокойнее заметил Набусардар, – и я был бы доволен, если бы отряды уже находились в пути. Но я не мог послать необученных солдат. Защита Мидийской стены – задача очень ответственная. Собственно, на ней зиждется безопасность всего государства.

Он провел ладонью по лбу и потер пальцами нестерпимо ломившие виски, – казалось, в них вгоняли железные скобы.

В правом углу зала предводитель щитников шептал склонившимся к нему военачальникам:

– Уж не злая ли Лабарту надоумила его насчет этой Мидийской стены?

– Видно, тут не все в порядке, – кивнул начальник пращников.

– Вот-вот... – согласился начальник тяжелой пехоты.

– Что ты имеешь в виду – его или Мидийскую стену? – спросил предводитель копьеносцев.

Набусардар опустил руку и вопросительно повернулся к Наби-Иллабрату: не упустили ли они чего-нибудь?

Нет! Все обсуждено до малейших подробностей. Остается лишь назначить военачальников для проверки двухсот городских ворот. Девять главных Набусардар осмотрит сам.

Забот у верховного военачальника прибавлялось – одна серьезнее другой. Порой Набусардара охватывал страх: что, если он не выдержит нечеловеческого напряжения и тогда все труды его пойдут прахом?

В изнеможении он дал Наби-Иллабрату знак отпустить собравшихся.

Наби-Иллабрат обратился к присутствующим:

– Именем его величества царя Валтасара, царя царей, высокородного наследника властелинов Шумера и Аккада...

Дальнейшего Набусардар не слышал: свинцовая усталость охватила его. Слова не доходили до слуха, подобные слабому дуновению ветра, бессильного шевельнуть листом на дереве, подобные стоячей воде, в которой замерло течение, подобные иссушенной зноем земле, в которой не осталось ни капли животворящей влаги.

Он не слышал слов Наби-Иллабрата и перенесся мыслью к лазарету при храме бога Эа, который он посетил накануне. Там под наблюдением эсагильских лекарей дочери вавилонских сановников и богачей приготавливали лекарства, мази и повязки для его воинов. Девушки нарезали полосами белое льняное полотно, беря их осторожно, словно уже касались израненных тел защитников города.

* * *

Близилась пора взиманий податей.

Храмовые сборщики отправились по ближним и дальним деревням в сопровождении солдат, которым надлежало защищать их при исполнении столь тягостных обязанностей, – времена были неспокойные.

Отряды вызывали смятение жителей и вместе с тем вселяли страх и предчувствие еще

больших бед.

Один из самых многочисленных, отрядов появился ранним утром на пыльной дороге, ведущей к Деревне Золотых Колосьев. Впереди двигались вооруженные мечами и луками конники, за ними – повозки, куда должны были сыпать зерно и складывать бурдюки с вином из кожи. За ними следовал нестройный ряд погонщиков скота с бичами и палками в руках: на обратном пути им предстояло перегнать отобранных у крестьян овец и коров в усадьбы, принадлежавшие храмам.

Первым увидел солдат Сурма, который пас овец на опушке Оливковой рощи. Мигом сообразив, в чем дело, он загнал стадо подальше в чащу, чтобы никто не смог его обнаружить. Но ему не сиделось в лесной тиши. Мысль о том, что ожидает его единокровных братьев, не давала ему покоя. Ему были памятли бесчинства сборщиков, нагрянувших в деревню несколько месяцев тому назад, и он мог себе представить, что они примутся творить теперь, когда Эсагила в наказание повысила налог на одну четверть, а людям платить нечем. Если бы кто приглядел за овцами, он не мешкая побежал бы в деревню.

И тут Сурма заметил, что от деревни бредет отец Нанаи, Гамадан. С той поры как Нанаи отправилась искать защиты у Набусардара, старик ежедневно сам пригонял своих овец к стаду племянника. Вот Гамадан и приглядит за всеми овцами, а он сбегает в деревню.

Отряд достиг поворота дороги. Вооруженные луками всадники заметили Гамадана. Тотчас двое из них рванулись по тропинке вдоль канала и преградили ему дорогу.

– Вы ошибаетесь, братья, – дружелюбно обратился он к ним, – я подданный царя Валтасара, покровительством которого пользуются семьи потомственных воинов в нашей общине. Царская десница простирается надо мной и моим имуществом. Я ничего не должен Храмовому Городу, ступайте с миром.

Сидевший в повозке жрец выслушал Гамадана, неприязненно усмехнувшись при имени царя.

– Что Царский Город, что Храмовый, – сказал он, – оба творение богов. И всем, что принадлежит богам, мы вправе распоряжаться сами.

– Меня не провести, – возразил отец Нанаи, – да будет вам известно, я Гамадан, а Гамаданы всегда немножко разбирались в законах. На мне лежит лишь ратная повинность, а подати я и царю не плачу.

Брови жреца взметнулись и сошлись у переносицы. Так, значит, это тот самый Гамадан, который слыл вернейшим слугой царя среди военных поселенцев, бдительно следившим за благонамеренностью своих братьев! Не худо накануне войны с персами обезвредить влиятельного старца. Это соображение решило судьбу Гамадана. Стараясь до поры не показать, какой чудовищный замысел зреет в его мозгу, жрец попытался быть приветливым. Но вдруг он вспомнил, что из-за Гамадановой дочери они лишились одного из своих братьев, умерщвленного на пастбище чьей-то отравленной стрелой! Жрец зловеще нахмурился, уже не тая своей ненависти. «Смерть за смерть!» – мелькнуло у него.

– Связать его! – крикнул он в бешенстве. Гамадан недоуменно оглянулся вокруг и увидел, что с повозки, послушные приказу, спрыгивают двое здоровенных слуг. У одного из них на руке висит моток веревки, которую он, проворно разматывая, подает второму.

Гамадан возмутился.

– Один царь вправе покарать меня, – предупредил он, а сам искоса поглядел, как там

его овцы.

На слова старца никто не обратил внимания. Тяжбу Эсагилы с Валтасаром добром не решишь. Насильем за насилье – таков закон времени. Прислужники, стиснувшие Гамадана, как клещами, своими мускулистыми ручищами, твердо это усвоили. В одиночку с ними не совладать. Его связали и бросили на дощатое дно повозки, куда потом насыплют ячмень. Он задохнется под грудой зерна, мелькнуло у Гамадана в голове, и в отчаянии он позвал на помощь.

Не колеблясь больше, Сурма сбежал со склона на дорогу.

Запыхавшийся юноша нагнал отряд данщиков. Сперва он по-хорошему попросил освободить своего родственника. а потом пустил в ход угрозы. Но тщетно – он был беспомощен перед всемогущей Эсагилой. Догадываясь, какая участь ожидает старика, Сурма крепко ухватился за край повозки и поклялся не отпускать ее до тех пор, пока не вызовет обреченного на унижительную смерть Гамадана.

Лежа на дне повозки, старик не спускал глаз с этой судорожно вцепившейся руки. В ней его последняя надежда. Вслед ему блеяли овцы, которых в туче пыли гнали слуги Эсагилы.

С замиранием сердца жители встречали солдат. Они выбегали из домов и хмуро приветствовали незваных гостей. Не так давно у них забрали остатки урожая. Остается лишь снять с себя рубаху, отдать последнюю козу да мотыгу – все исчезнет в ненасытной пасти Храмового Города! Тем, кто позажиточнее, тоже не сладко приходится. После повышения дани заметно поубавилось и в их закромах. Только жрецов это мало заботит. Они ссыпают в повозку прибереженные запасы, выпрягают скотину, не гнушаются и мотыгой, а тех, за кем даже после этого остается недоимка, целыми семьями выгоняют со двора. Их отправят на работы в мастерские и рудники Храмового Города; беспорядочной толпой пойдут они на осушку болот-, чтобы новые пашни множили несметные богатства Эсагилы. Иных приходится связывать веревками. Так поступают они с людьми, почитая себя наместниками всевышних на земле.

В тупом отчаянии, с понуро опущенными головами влекутся по пыльным дорогам новые рабы Храмового Города. А рядом громяют повозки, до краев груженные пшеницей, ячменем и кожами. Лишь одна из них пока что полегче других – в ней лежит связанный Гамадан. Караван тянется вдоль Евфрата, держа путь обратно, к Вавилону.

Сурма, не выпуская из рук края повозки, бежит сбоку. Никто из поселян не отважился вырвать из цепких когтей святош несчастного Гамадана. Солнце палит, но Сурма не чувствует ни жары, ни усталости. Лицо и шею заливает пот. Ноги иногда по щиколотку увязают в пыли. Возницы подхлестывают коней, нарочно торопят их. Но Сурма бежит вровень, не отстает. Он молод и крепок, он выдержит до самого Вавилона. Солнце печет невыносимо, но тем крепче сжимает

Сурма доску повозки. Порой ему кажется, будто рука у него из меди и зной солнечных лучей припаял ее к повозке. Нестерпимая жажда одолевает его. Сурма вдруг почувствовал, что выбивается из сил, но тут показались стены Вавилона.

– Куда меня везут, Сурма? – спросил Гамадан.

– В Вавилон, они что-то затеяли. Мужайся, – отвечал юноша, – тебя должны отпустить, закон на твоей стороне.

Наконец караван остановился у городских ворот. Повозки свернули к амбарам Эсагилы, а Гамадана повезли в темницу храма.

Сурме только это и нужно знать. Взглянув еще раз на замученного и изнемогающего от жары Гамадана, он отцепился от повозки, подбодрил старика, уверив, что непременно

придет вызволить его, распрощался и поспешил улицами города к восточному каналу Либилхегал, где жил верховный судья Вавилона Идин-Амуррум.

Идин-Амуррум прогуливался по саду. Вокруг шумели деревья. Благоуханные кустарники окаймляли посыпанные красным и желтым песком дорожки. На шестах, вытесанных из пальмового дерева, висели клетки с певчими птицами. Все свое свободное время Идин-Амуррум проводил в саду, так как наблюдение за птицами доставляло ему громадное удовольствие.

Здесь Идин-Амуррум не только проводил досуг, но и принимал решения, важные для государства. С болью в душе ему приходилось сознаваться, что на посту верховного судьи он нередко вынужден был кривить душой, так как в Вавилоне теперь не властны ни царь, ни право, ни разум.

Верховный судья понимал, что воскресить Вавилонию из мертвых сможет лишь основательная встряска, он не исключал возможности, что подобное действие совершит персидская рука. Участь народа не могла не волновать его. Будучи судьей, Идин-Амуррум на каждом шагу сталкивался с подлостью и видел, что государство насквозь прогнило. Он верил, что только нравственная чистота рождает силу и уверенность. Нарушение нравственного порядка приближает срок гибели страны. Нередко во время судебного разбирательства он пытался внушить это обвиняемым и истцам, но желаемого результата не достигал – у судей на уме были только взятки. Сановников тоже вполне устраивало положение, при котором они, издавая законы, могли обходить их. А бедняки – те уже ничему не верили, и менее всего – его речам, речам судьи, который то ли по доброй воле, то ли по принуждению, но судил несправедливо.

Снедаемый угрызениями совести, не находя спасения от беспокойства, переполнявшего ум и сердце, стоял он, прислонясь к стволу дерева, и не отводил взгляда от птиц в клетках.

Тут и застал его изнемогший от бега Сурма. Выслушав просителя, Идин-Амуррум вспыхнул.

– Я теперь же отправлюсь к верховному жрецу Исме-Ададу, – решил он, – ему надо бы понять, что неподходящее сейчас время для того, чтобы будоражить народ. Ныне нельзя забывать об опасности, которая грозит нам извне. Как же мы собираемся одолеть неприятеля, если в нашем собственном доме царят вражда и разлад?

Не медля дольше, судья отправился в Эсагилу. Сурма остался ждать его на скамье в саду, куда служанка принесла ему поесть.

Но Идин-Амуррум ничего не добился от духовного пастыря. Тот помнил речь верховного судьи на государственном совете. Взгляды Идин-Амуррума никак не разделялись жрецами. Мстительный и надменный, Исме-Адад остался глух к заступничеству судьи.

– Но ведь этот человек ни в чем не повинен, – горячась и повышая голос, повторял Идин-Амуррум, – кстати, преследование за недоимки я тоже считаю насилием, мы еще поплатимся за это, любая несправедливость со временем отомстит за себя, – предостерег он.

Презрительно усмехаясь, Исме-Адад большим пальцем правой руки поглаживал драгоценный камень в перстне, надетом на указательный палец левой, всячески давая понять, что, на его взгляд, верховный судья – предатель и отступник.

– И наконец, – настаивал на своем верховный судья, – вы совершаете беззаконие. Гамаданы находятся под защитой царя, это военные поселенцы.

– Но если они провинились перед Мардуком, – верховный жрец недобро посмотрел на судью, – Мардук вправе покарать их, тем паче, что страну правит незаконный царь...

Он щелкнул согнутыми пальцами по столу и поднялся в знак окончания беседы.

Домой Идин-Амуррум возвратился мрачнее прежнего. Сурма уже издали понял это по его застывшему, хмурому лицу.

– Видно, – с горечью и негодованием сказал он Сурме, – нынче верховный судья ничего не значит. Поэтому я и хотел сложить с себя полномочия и принять место выборного. Тщетны мои усилия, ничто не изменится в Вавилонии, пока в ней царят беззаконие и произвол. Мне хочется во весь голос кричать о том, что я думаю о нашем государстве, о его уложениях, правителях, о его духовенстве и храмах, о его войске и блюстителях порядка, о его царе и сановниках!

Судья разгорячился. Сознание бессилия не давало ему покоя, и он возбужденно принялся расхаживать по саду, переполошив при этом птиц.

Внезапно остановившись, Идин-Амуррум задумался.

– Кажется, не все потеряно, Гамадана еще можно спасти. На заседании совета я впервые оценил Набусардара. Это человек справедливый, великодушный и волевой. Я дал себе слово навестить его, и вот теперь у меня есть для этого повод;

На лице Сурмы мелькнуло беспокойство, он нехотя проговорил:

– Слышал я, на Хебаре он велел умертвить ни в чем не повинного иерусалимского пророка.

– Это не совсем так, – возразил Идин-Амуррум, – Набусардар располагает неопровержимыми доказательствами того, что иудеи ждут не дождутся Кира. Более того, они будто бы вступили в тайные сношения с персами, точнее говоря – с персидскими лазутчиками, посланными в нашу страну. Это уже измена, а измена карается смертью! Таков закон, и тебе об этом известно. Стало быть, Набусардар действовал в согласии с законом.

– Но ведь ты сам, достойнейший, – в сердцах воскликнул Сурма, стремительно поднявшись со скамьи, – ты сам говоришь, что ничего не изменится, пока у нас царят беззаконие и произвол! Если богатые соотечественники попирают наши права, стало быть, вся надежда на то, что их помогут нам добыть чужеземцы. – Он помолчал, раздумывая, говорить ли все до конца, но так как олицетворением персов был для него добрейший Устига; то Сурма, поколебавшись, добавил: – Хотя бы тот же Кир...

– Ты тоже надеешься на него? – резко прервал его изумленный судья.

Сурма промолчал, не посмев открыть всю правду. Несмотря на то что отношение обоих к происходящему в стране во многом совпадало, каждый из них по-своему смотрел на персидскую опасность. Сурма жил под впечатлением разговоров и встреч с Устигой и его отрядом. Узнав персидского князя поближе, он не мог не верить ему. Юноша всем сердцем привязался к персу, верил его обещаниям, но никогда бы не посмел признаться в этом судье. Проницательный Идин-Амуррум догадывался, что происходит с Сурмой, и, чтобы разубедить его, проговорил:

– Истинный халдей полагается только на себя.

– Где они, эти халдеи?! – не сдержавшись, не скрывая раздражения, воскликнул юноша.

– Я не сомневаюсь, что Набусардар – истинный халдей, он желает добра нашей родине. Набусардар – благородный человек, мудрый полководец и к тому же храбрый воин. А впрочем...

Тут Идин-Амуррум задумался, вспомнив обстоятельство, опровергавшее только что высказанное им суждение. Кажется, Набусардар обошелся несправедливо не только с пророком, приказав его засечь у Хебара, но и с Устигой; поговаривают, он заточил перса в подземелье, потому что ревновал его к дочери Гамадана. Правда, кое-кто высказывал предположение, будто Устигу подкупили и он по своей воле сел в темницу, чтобы предоставить Набусардару улики против Кира. Так или иначе, но что-то тут не ясно даже Идин-Амурруму, хотя он и гонит прочь сомнения в благоразумии столь высокого вельможи. Остается одно – свято верить Набусардару и дать отпор персам.

– Это – единственный путь в нашем теперешнем положении. Нам грозят войной, и мы должны защищаться.

Судья не убедил Сурму, но ему не хотелось больше говорить об этом, надо было вернуться к делу, которое привело его сюда. Юношу беспокоила участь старого Гамадана.

– А что будет с Гамаданом, достойнейший? – спросил он и тут же добавил: – Ведь это только начало, и если не помешать Эсагиле, она уничтожит лучших мужей нашего воинства.

– Я не упущу ни малейшей возможности освободить Гамадана. Самый верный путь – обратиться к Набусардару, но, сколько мне известно, теперь он совершает объезд сторожевых отрядов. Он лично хочет убедиться, надежны ли их укрепления, проверить силу и боевую готовность войска. Если он задержится, мы не будем мешкать. Я сделаю все, что в моих силах, посоветуюсь с наместником Ларсы Наби-Иллабратом, это мой старинный приятель... Доверься мне и со спокойным сердцем возвращайся домой.

Сурма ушел, и судья остался один; мысли его снова невольно обратились к Устиге. Он попытался представить себе его облик. Память послушно восстанавливала знакомые лица, и среди них он отыскивал черты Устиги. О персидском князе говорили очень много. Рассказывали о его большом чувстве к дочери Гамадана, о том, как он верил ей и беззаветно любил.

– Я бы не верил ей, князь, – усмехнулся судья, – я бы не верил. Мне приходилось судить женщин на холме Ги́ла.

Погруженный в свои мысли, Идин-Амуррум шел по дорожке меж папоротников, астр и майорана. Сорвав стебелек майорана, он растер его в пальцах; пряный запах, как ему показалось, успокоил его.

Куда хуже приходилось тому, кто занимал его ум и воображение.

Устига лежал на охапке ячменной соломы в подземелье борсиппского дворца Набусардара, бездумно уставясь в потолок. Неожиданно он приподнялся: ему послышались шаги. Он настороженно ждал, но дверь не отворилась. Поникший, снова опустился Устига на свое ложе, глядя на едва мерцавший каганец в углу. Жалкий огонек дрожал, метался из стороны в стороны, будто хромоногий нищий. Вот пламя замерло, словно остановилось, переводя дух, словно устав от вечного мерцания, и снова забилося, заметалось, подобно сердцу Устиги.

– До каких же пор это будет продолжаться, до каких пор? – прошептал он. – Когда же ты вызволишь меня, мой могущественный повелитель, мой славный Кир?

Шепот умолк и послышался снова:

– Не будет ли это слишком поздно? Подспеешь ли ты вовремя? Ты знаешь, духом я тверд, но тело мое день ото дня слабеет в духоте и сырости подземелья. Поспешите же, мой царь, поспешите! Шепот ненадолго смолк и опять:

– Если бы ты видел, как прочны эти стены, ты бы признал, что голыми руками их не сокрушить. Ты должен прийти, мой царь, ибо я все еще верю, что любовь одолеет ненависть, правда одолеет ложь, а справедливость – произвол.

Он встал и медленно подошел к огню. На стену и потолок легла тень от его плеч и головы. Высоко под самыми сводами виднелась узкая, забранная решеткой щель, Устига часто пел, чтобы хоть голос его выбрался наружу, на вольный, бескрайний простор. Хотя бы голос, если не он сам.

Мысль его непрестанно искала выхода, и голова гудела от напряжения. Тщетные усилия – он не мог себе помочь и чувствовал, что мысли, рвавшиеся на волю, разбивались о стены темницы, словно ослепленные горлицы.

Единственным человеком, с кем ему разрешалось видеться и с кем он мог перемолвиться, была старая рабыня Тека. Но та скупилась на слова, и Устига не на шутку опасался разучится говорить.

Время от времени он спрашивал ее:

– Когда меня выслушает великий Набусардар?

– Не знаю, господин, – отвечал рабыня.

– Что там, наверху, – война или мир?

– Не знаю, господин.

Он попробовал заговорить о другом и однажды сказал ей:

– Говорят, прежде, в молодости, ты была подругой Табы, сестры Синиба. Если ты любишь ее, исполни одну мою просьбу.

Тека в недоумении остановилась и смущенно потупилась – она вспомнила, что когда-то говорила об этом с Нанаи. Может, перс слышит на расстоянии? Тека опустила взгляд, опасаясь, как бы узник не прочитал ее мысли.

Устига настаивал:

– Не бойся исполнить мою просьбу. Я осмелился бы попросить об этом и самого Набусардара, да вот он не является сюда. Скажи хоть, во дворце ли твой хозяин?

– Я уже сказала тебе, господин, что не знаю.

– В Вавилоне ли он, по крайней мере?

– Не знаю, не знаю.

– А-а, тебе запрещают говорить со мной, как я мог забыть об этом? Но об одном я все-таки попрошу тебя. Ты была подругой Табы, помогала ей... Помогли же и родственнице ее, племяннице Синиба – Нанаи! Я вознагражу тебя, чем только пожелаешь, если ты принесешь мне весточку о ней. Я хочу знать, жива она или мертва. Я должен знать, что с нею. Проси за это, чего твоей душе угодно. Заточение не мешает мне достойно отблагодарить тебя. Ты получишь много золота, сможешь уплатить выкуп и стать свободной.

– Я не покину своего господина, я останусь с ним до конца моих дней, – решительно ответила Тека.

– Тогда исполни мою просьбу просто из милосердия, из простого милосердия.

– Не могу, господин, – прошептала Тека. В голосе рабыни прозвучала было сочувственная нотка, но страх заглушил ее. Тека схватила стоявшую перед узником пустую миску и поспешно вышла.

– Смилуйся, Тека!.. – Услыхала она душераздирающий вопль, но дверь захлопнулась и отрезала, оборвала фразу на полуслове.

Но как-то раз Тека все же отважилась сказать Нанаи, что плененный персидский князь помнит о ней и просит принести весточку – он хочет знать, жива ли она, сулит в награду золото и волю и молит о милосердии.

После этого разговора Нанаи часто слушала песни узника и отыскивала на галерее оконце, откуда доносилось его пение.

Песни его были тоскливые, жалобные. Да, это был его голос, голос Устиги, он проникал ей в самую душу. Сперва она бежала от него, молила бога живого и богиню Иштар вернуть ей покой. Ночи напролет плакала Нанаи и дрожала от страха. С замиранием сердца думала она о том, что настанет минута, когда она не выдержит больше.

В это же время Гедека дал девушке знать об участи, постигшей ее отца. Отчаянье с новой силой охватило ее. Она просила Гедеку известить Набусардара, но того не было в Вавилоне, он находился в одной из халдейских провинций. Время шло, и измученная Нанаи, обессилев от страданий, стала винить в случившемся самое себя.

– Это мне в наказание за Устигу, – внушала она себе, с мучительной остротой переживая страдания, на которые был обречен томившийся в мрачном подземелье персидский князь.

Не в силах более переносить угрызения совести, она порывалась хотя бы облегчить его положение и просила обходиться с ним помягче. Быть может, он нуждается в охапке свежей соломы, теплом покрывале, свежем воздухе? Хорошо было бы пробить еще одно окошко, чтобы не задыхался он в удушливом воздухе подземелья. Денно и ночью изводила себя Нанаи и наконец решилась на шаг, продиктованный отчаяньем и беспомощностью.

Погожим, солнечным днем она поклялась исполнить свое намерение. Нанаи покинула покои и вышла в сад набрать земляники. Жужжали пчелы, среди кустов паслась молодая серна, по лужайке неслышно выступали павлины и павы. В ветвях гранатового дерева сновал паук и ткал свою серебристую пряжу; пока Нанаи собирала ягоды, паутина опутала ее локоны.

Нанаи принесла ягоды домой, залила их сливками и медом и, войдя в комнату Теки, поставила перед служанкой.

– Ах, избранница моего господина, – умилилась рабыня, – за что ты так добра ко мне?

Ягоды были такие спелые и ароматные. Но, едва отодвинув пустую тарелку, Тека вдруг почувствовала странную усталость, и ей захотелось вздремнуть. Нанаи видела, как тяжело поднялись и после короткой борьбы опустились ее века. Тека вслепую нащупала край стола, положила на него голову и заснула. Рабыня и не подозревала, что Нанаи подсыпала в мед снотворный порошок.

Нанаи тотчас переделась в ее платье, повязала голову ее платком и, сняв с шеи бусы из ракушек, надела на себя. Затем, взяв приготовленную для Устиги миску, направилась в подземелье.

В дверях она опасливо обернулась. Нет, нет, ей нечего было бояться. Снотворный

порошок, всыпанный в мед, оказал свое действие. Тека будет спать долго и никогда не узнает, что произойдет за это время.

Труднее всего не вызвать подозрений у стражи. Но часовые настолько привыкли к тому, что служанка приходит аккуратно в одно и то же время, что, завидев длинную пеструю юбку, бусы из ракушек, платок и миску, сразу отомкнули дверь.

С гулко бьющимся сердцем, ни жива ни мертва от страха, Нанаи переступила порог темницы. На нес пахнуло затхлой сыростью. Усилием воли Нанаи удержалась на ногах, преодолевая головокружение.

Устига лежал на соломе. Свет едва освещал его лицо. Огромная тень колыхалась у его губ, под глазами чернели круги. Волосы его были всклокочены и спутаны. Руки высохли, пальцы удлиннились, как у мертвеца.

В ужасе Нанаи приблизилась к его ложу. Ее била дрожь, ноги подкашивались, когда она склонилась, чтобы поставить миску.

– Благодарю, – промолвил он и снова застыл. И тут Нанаи заметила, что прежняя миска не тронута.

Набравшись храбрости, девушка спросила:

– Отчего ты не ешь, господин?

– Не могу, нет ни сил, ни желания. Я слишком ослаб. Должно быть, близится последний час, от которого никому нет спасения. Я лелеял надежду, Тека, что ты исполнишь мою предсмертную просьбу, но ты отказалась...

Нанаи затаила дыхание.

– Помоги мне, – продолжал князь. – Я должен знать, жива ли Нанаи, думает ли обо мне, не раскаялась ли в содеянном. Она так молода и безрассудна! Не ведала греха, не умела отличить добро от зла. Иначе предпочла бы меня, не твоего господина Набусардара. Неискушенная, она не смогла этого понять. Но я ей все простил...

– Ты все ей... простил...

Устига вдруг вскинул голову и заглянул служанке в лицо. Приподнявшись на локтях, он сел, оперся ладонями о землю и, не сводя с Нанаи изумленного взгляда, прошептал:

– Ты...

– Я новая служанка Набусардара, господин, – солгала она.

Он снова опустил на солому.

– Мне показалось... что ты из Деревни Золотых Колосьев. Ты очень похожа на девушку, по которой истомилось мое сердце. Очень похожа...

Князь в изнеможении закрыл глаза. Он тяжело дышал. По его щеке скатилась слеза.

Нанаи наклонилась и смахнула ее.

Ее прикосновение словно разбудило его.

– Да, да, это ты! Я узнаю тебя! – Устига схватил девушку за руку. – Это ты, только не хочешь в этом признаться. Почему ты таишься передо мной? Иль ты стыдишься того, что любовь привела тебя к узнику?

Он привлек ее к себе.

– Ты пришла, я знал, ты придешь. Вера не покидала меня.

В сумраке подземелья он напряженно всматривался в ее лицо.

Но девушка отстранилась со словами:

– Нет, нет, господин. Я не та, за которую ты меня принимаешь. Это слабое освещение, обман зрения. Я недавно служу во дворце и принесла тебе поесть, потому что Тека больна. Но я полюблю тебя, если ты забудешь ту, другую.

– Нет, нет, я не в силах забыть ее, хотя ты очень добра ко мне.

– Я часто слышу, как ты поешь, господин. Песни твои так жалостны, так безотрадны... Ты грустишь о ней? Или оплакиваешь утраченную волю?

Устига молчал.

– ...Песни твои так печальны, что у меня сердце разрывается от горя. Ночи напролет плачу я о тебе, дала себе слово хотя бы раз отнести тебе миску с едой... Сегодня я подсыпала Теке снотворного порошку, а когда она уснула, надела ее платье, и вот я здесь. О господин, я с радостью разделю твои страдания. Не горюй, молю тебя. Может, мне удастся еще раз провести Теку и стражу, тогда я принесу что-нибудь, что утешит тебя. У меня есть нефритовая фигурка бога, я подарю ее тебе, чтобы ты не был таким одиноким. А еще я принесу тебе горсть благовонных семян, ценных и дорогих жертвенных семян. Ты можешь бросать их в огонь и наслаждаться ароматом. Я принесу тебе теплое покрывало, чтобы ты не зяб холодными ночами. Днем спрячешь его под солому, никто и не найдет. Может быть, тебе нужно что-нибудь еще?

– О да, – умоляюще произнес он, – я одарю тебя золотом и драгоценными камнями, чем пожелаешь, прошу только...

– Что же я должна сделать? – негромко спросила Нанаи.

– Иди в Деревню Золотых Колосьев и выведай о ней, что удастся, – не обидели ли ее царские солдаты, не бедствует ли она.

– Лучше бы ты забыл о ней, – отозвалась Нанаи упавшим голосом. – Быть может, она и поныне не умеет отличить добра от зла и в неведении отдала свое сердце другому.

– Я не позволю себя убедить, пока не узнаю всей правды. Ступай же в Деревню Золотых Колосьев и попытайся хоть что-нибудь разузнать о Нанаи, дочери Гамадана. Проси чего хочешь: золота, камней...

– Нет, господин. – Она приложила ладонь к его воспаленному лбу. – У тебя, верно, лихорадка, и ты бредишь.

Может, он не бредил, может умышленно произносил имя Нанаи, втайне надеясь услышать известие о Кире, и за это сулил золото и драгоценности?

Нанаи испуганно отдернула руку и встала. Устига проводил ее взглядом. Это был взгляд обреченного. Если бы злые боги или злые люди не навязали странам войны и вражду, Устига мог бы жить и жил бы, являя собой пример благородства. Да будут же прокляты те, кто сеет раздоры меж племенами и ненависть среди людей! Такая же смерть ждет и ее отца в темнице Эсагилы...

Как искупить свою вину, не терзать себя сознанием, что эти страдания человеку

причиняет человек? Как сделать, чтобы в мире не было больше страданий?

Шум за дверью прервал ее размышления. Нанаи замешкалась в темнице, и это возбудило у стражи подозрения.

Девушка с трудом нащупала миску рукой и, пошатываясь, вышла.

Когда она поднималась по лестнице, один из солдат поднес фонарь к ее лицу.

Только предательские лучи были свидетелями того изумления, какое отобразилось на лице стражника.

* * *

Над крышами и дворами Храмового Города кружили голуби. Сизые, розовые, белые крылья колебали воздух, напоенный ароматом цветущих нарциссов и сирени. Бабочки и ласточки порхали над изумрудными бассейнами. В водяной пыли фонтанов плясали мушки, и ласточки на лету хватали их своими клювиками. На белоснежных перьях птиц переливались серебристые капельки влаги.

Из храмов неслись звуки арф, цимбал и лютен, под эту музыку уманы, младшие жрецы, покидали капища богов и, миновав гигантские изваяния крылатых быков, собирались под навесом, оплетенным плющом и диким виноградом.

В святилище Мардука жрецы высшего сана возносили хвалы небесному владыке страны Субар, страны, раскинувшейся между Евфратом и Тигром, – страны халдеев.

В отдаленье, в тени сикоморов и кипарисов, молились своим богам чужеземцы; На каменных и мраморных пьедесталах возвышались священные покровители едва ли не всех соседних племен. Они мирно сносили друг друга, чуждые гнева и ненависти. Стояли, словно купцы на торгах, и молча принимали золото.

Среди них был повелитель гор Ливана – Амуруа, народ которого поработил Навуходоносор второй и повелел выбить об этом надпись на скале в долине Вади Бриса; возле него помещались Ашрату, владычица пустыни; Амон, солнцеподобный повелитель страны Мусури, утвердившейся на берегах Нила; Неита, царица неба, простирающегося над Египтом; Осирис и Исида, брат и сестра в любви; рогатая Ашторет, бесстыдно расставившая ноги и поддерживающая руками груди; божественный властелин Элама – Мемнон, святилище которого в Сузах было сплошь из слоновой кости; мать богов Кибела, благословенное лоно которой явило златоносный Пактол; Атис со знаком солнца, – точно такая же, как и в Гордии, где под сводами храма подвешена на веревке священная колесница, – согласно пророчеству, тот, кто развяжет на ней узел, станет властелином Азии; критская Диктина, богиня моря и мореплавания, чертоги которой раскинулись на горных вершинах.

Стояло там и множество других божеств, изваянных из золота и камня.

Недоставало только изображения Ягве, запечатленного в золоте или камне, но, согласно верованиям иудеев, Ягве жил, и дух его был вездесущ.

В то время как верующие молились и приносили жертвы идолам, на верхнем дворе Эсагилы, возле башни Этеменанки верховный жрец Исме-Адад провожал в дальний путь

небольшой отряд своих единомышленников во главе с Сан-Урри, который нес в кожаной суме план Мидийской стены, скрепленный печатью Эсагилы и обвитый медными цепочками. Для вящей безопасности вместе с ним отправлялись жрецы, военачальник и четыре наемных солдата из эсагильского войска, – поверх воинского платья на них для отвода глаз были надеты мантии священнослужителей.

Когда они тронулись, Исме-Адад молвил:

– Да хранит вас в пути зеница Мардука, ибо деяние ваше вершится по воле его.

Сан-Урри ответил ему взором, исполненным решимости.

– Да падет на меня месть и гнев Мардука, если не сложу эту сумму вместе с заключенным в ней бесценным даром к стопам царя Кира!

– Всем жрецам высшего сана я велю молиться за вас, дабы хранили вас боги, покуда не достигнете цели. Ты же воздай за меня хвалу Киру.

– Останешься доволен мною, святейший. Я сделаю все, чтобы услужить тебе и Мардуку. Должно быть, тебе внушает опасение войско, несколько дней тому назад посланное Набусардаром на север?

– Да, я думал, нам удастся их опередить, и Кир будет поджидать Набусардара у Мидийской стены.

– Еще не поздно. Я уверен, что Кир не начнет войны накануне месяца ава, месяца смерти. Клянусь, святейший, мы вовремя доберемся до персидского стана, даже если нам придется преодолеть труднейшие препятствия. Да пребудет в спокойствии твоя душа, – с горячей убежденностью говорил Сан-Урри.

Исме-Адад, благословив, отпустил их.

Озабоченный думами, не спеша прошел он в свои покои и долго сидел там, заслонив ладонью дрожащие веки.

Наконец-то персидские мечи помогут рассеять узел неразрешимых противоречий внутри государства; Они прогонят с трона узурпатора Валтасара и устранят вероотступника Набусардара. Вновь будет Мардук внушать халдеям священный трепет, учить их послушанию и почтению к жрецам – единственным, кто способен править державой, ибо только их просветили боги, наделив непогрешимой мудростью. Вновь будут жрецы учить уму-разуму лучших мужей страны, чтобы, напившись ученостью, стали они на многие тысячелетия украшением и гордостью славной Вавилонии. Лишь в союзе с Киром против Валтасара смогут они претворить в жизнь свои благородные замыслы.

Чтобы укрепить свою веру в благополучный исход посольства Сан-Урри, верховный жрец взял ключ и незамеченным сошел в подземелье. Там он долго творил молитвы и бился лбом о подножие золотого колоса. Коленопреклоненный, с мольбой вперял он взор в застывший лик Мардука, окутанный клубами сизого дыма от возжженных во славу бога смол.

* * *

Дни летели неудержимо.

Тревога Набусардара за судьбу северных укреплений несколько улеглась, когда он получил донесение о том, что полки, предводительствуемые Унну-Муном, достигли Мидийской стены.

И все же искра беспокойства тлела в душе верховного военачальника. Всего лишь маленькая искра, в остальном – все было в порядке.

По обеим сторонам Мидийской стены были прорыты глубокие судоходные каналы. С внутренней стороны пролегал первый по величине канал в государстве – Нагар Малка, Царская Река. По нему даже самые громоздкие суда могли пройти из Евфрата в Тигр. Царь Кир захватил пятнадцать крупнейших судов финикийского корабельного сообщества, на которых везли царю Валтасару долгожданных кипрских красавиц, и Набусардар опасался, как бы персы не высадились с этой флотилии ниже Мидийской стены, откуда открывался свободный доступ к Вавилону. В минуты мучительных раздумий он утешал себя тем, что дал Унну-Муну исчерпывающие наставления и что на полководца можно положиться.

Хотя угроза персидского вторжения уже нависла над Вавилонией, лишь немногие из ее обитателей сознавали это в полной мере. На халдейской земле, если не считать того, что повсюду встречались отряды солдат Набусардара, пока царило спокойствие. Кое-кто даже посмеивался, наблюдая лихорадочные военные приготовления.

Халдейская армия собиралась достойно встретить незваных гостей. По всей стране войско находилось в боевой готовности.

Вавилон тоже был забит солдатами.

Город Городов совершенно преобразился.

Дома затихли, сады опустели. Лишь кое-где, играя в войну, мальчишки распевали веселые ямбы Архилоха. На перекрестках стояли нищие калеки, перед дворцовыми воротами хилые ребятишки невольников наигрывали на дудочках жалобные мелодии, прося подаяния. Даже ослепительные красотки, свезенные в Вавилон со всего света, почти совсем не появлялись на улицах. Их места заняли регулярно сменявшиеся патрули. Встречать солдат на каждом шагу было неприятно, и люди предпочитали отсиживаться в жилищах.

Лишь Телкиза вела прежний образ жизни. Теперь она, пожалуй, даже чаще покидала дом и почти не прибегала к услугам носильщиков. Она выходила на прогулку в сопровождении прислужниц, ведя на вызолоченных цепочках двух борзых. Люди видели, как из своего дворца она направлялась то в Муджалибу, то к Сибар-Сину или в храм богини Иштар, чтобы возложить жертву на ее алтарь, то попросту разглядывала новые дорогие товары в торговом доме Эгиби.

Однако все это было скорее предлогом. Ее влекло иное. Прежние связи ей приелись, интриги не веселили, Набусардар не принял ее раскаяния, и теперь Телкиза искала новых утешений.

Раз на прогулке ей повстречался статный мужчина неброской, застенчивой красоты. Лицо его обрамляла коротко подстриженная борода, под ясным лбом сияли бездонные черные глаза.

Почувствовав их взгляд, Телкиза вдруг остановилась и вся затрепетала. Золоченые звенья поводков зазвенели в ее руке.

– Кто это? – шепнула она Гемезе, которую считала самой верной своею служанкой.

- Это Зоробабель, внук царя Иоакима, того, что правил Иудеей до царя Седехиаша.
- Еврей? – разочарованно переспросила Телкиза, не спуская тем не менее с незнакомца глаз.
- Еврей, – кивнула Гемеза, – но его принимают во дворце наравне с халдейскими вельможами. Другая служанка добавила:
 - Там бывает много знатных иудеев. Ни о чем больше не спрашивая, Телкиза обернулась ему вслед. Зоробабель продолжал идти, почтительно склонив голову. Быть может, он испугался за свою жизнь; в ту пору у евреев почва горела под ногами. Но ему нечего было бояться, видит бог, нечего... Вавилонская тигрица жаждала не крови...
- Остановить его, моя благородная повелительница? – спросила Гемеза, вводя ее в искушение.

Телкиза не кивнула и, натянув поводки, молча двинулась дальше.

Она шла не спеша, покачивая округлыми бедрами. На ее желтых одеждах переливалась бирюза, вокруг головы трепетала бирюзовая вуаль, пришпиленная к волосам золотой булавкой. Руки Телкизы от запястья по локоть были унизаны дорогими браслетами работы египетских и лидийских ювелиров. Указательный палец левой руки овивала золотая змейка перстня – подарок фараона Псаметиха ее бабушке.

Телкиза шла не спеша, и путь ее лежал к казармам лучников. Стремясь отомстить Набусардару, она пыталась привлечь внимание его военачальников – Вавилон теперь изобиловал ими, – статных, широкоплечих, загорелых, сильных, с пламенным взглядом и боевым задором в крови.

До сих пор из всех любовных перипетий победительницей выходила она; с пронзительностью красивой женщины Телкиза отметила, что не напрасно разгуливает пешком по площадям и дворцам царских владений. Тысячи мужчин мысленно сжимали ее в своих объятиях, тысячи прекраснейших мужей Вавилона. Однако мысли ее были поглощены лишь одним.

- Ты говорила, его зовут Исма-Эль? – наклонилась она к Гемезе, которая помогала завлекать вожделевщих в ее тенета.

- Да, благородная моя повелительница, – подтвердила та, – Исма-Эль, начальник лучников.

- И ты уверяешь, что он красив и силен?

- О нем говорят, что он – украшение непобедимой халдейской армии.

- Ты говоришь, он заглядывает с террасы казарм в мои носилки? Как часто?

- Всякий раз, когда мы проходим мимо, всякий раз.

Войдя в аллею перед казармой, Телкиза встала под пальмой, сама стройная, как пальма, и устремила взор на террасы.

Вскоре у зубчатой стены появился отлично сложенный мужчина и оглядел улицу; казалось, он поджидал кого-то.

- Это он нас высматривает, – сказала Гемеза, – нас, потому что мы всегда проходим здесь в это время.

- Он знает, кто я? – спросила госпожа, не сводя глаз с его лица цвета золотистых

спелых олив.

– Нет, моя повелительница.

– А какого он происхождения?

– Мать его была гречанка, отец знатный халдей. Он с юга, почти с самого устья Евфрата и Тигра.

Телкиза что-то прошептала, но служанка ее не поняла. Да и походило это скорее на вздох, чем на слова, вздох, понять который способен лишь тот, кто изведал муки сердца и честолюбия.

Наконец Исма-Эль заметил их. Голова Телкизы была покрыта струящейся волнами бирюзовой кисеи, над лбом вились черные локоны, каких он в жизни не видел ни у одной женщин. О да, таких он еще не видывал. Это была прекраснейшая из прекраснейших женщин.

То же думала об Исма-Эле и Телкиза. Она не помнила среди мужчин, с которыми разделяла ложе, более красивого. Сила и пылкость южанина сочетались в нем с утонченностью северного жителя.

Исма-Эль скрестил на груди руки, намереваясь поклониться, но в этот момент Телкиза закрыла лицо вуалью и удалилась.

Она ушла, но сердце ее рвалось к нему. Она жаждала близости. Жаждала его прикосновений. Жаждала никнуть в огне его глаз. Жаждала принадлежать ему. Телкиза уже сама не понимала, чего желает сильнее, – принадлежать Исма-Элю или отомстить Набусардару.

С того дня она не раз проплывала в роскошном паланкине мимо казарм лучников – всегда в одно и то же время, и всегда на террасе за зубцами стены стоял Исма-Эль. Наконец, утомленная этой игрой, она приказала однажды остановиться в аллее перед казармой и пригласить Исма-Эля к себе.

Раздвинув занавески и прикрывая лицо веером, усыпанным крупинками жемчуга, словно слезами, она протянула приблизившемуся воину шелковый свиток.

Исма-Эль, уже проведавший, кто эта красавица, тотчас узнал ее. Он с волнением развернул свиток и прочел:

«Нынешней ночью буду ждать тебя в саду моего дворца. Войди в ворота, обращенные к Евфрату. Стража тебя пропустит. Да не оставит тебя своей милостью богиня Иштар».

«Нынешней ночью буду ждать тебя в саду... войди в ворота, обращенные к Евфрату... Да не оставит тебя... богиня Иштар...» – словно не понимая, повторял он про себя... Наконец Исма-Эль очнулся и хотел было поцеловать край ее платья, благодарный за то что она удостоила его своей любви, но, подняв глаза, обнаружил, что паланкин уже далеко.

Исма-Эль снова перечитал послание от начала до конца. Потом еще и еще... Не чудо ли это? Остаток дня военачальник провел в сильнейшем волнении и вечером отправился ко дворцу Телкизы.

Сад Телкизы пышностью уступал лишь муджалибским. Великолепие Старого Света было представлено в нем с расточительной щедростью. Сад перегораживали толстые стены, выложенные мрамором, терракотой и причудливой мозаикой, разделяя его на несколько частей, куда можно было попасть через отдельные входы. Калитки были украшены орнаментом из золота, серебра и драгоценных камней. В фонтанах перед калитками лепетала вода всевозможных оттенков, над причудливыми цветными водоемами парили

легкие стрекозы. Посреди сада, на берегу искусственного пруда со скульптурной нимфой в центре был разбит розарий. С ажурной решетчатой аркады свисали гирлянды вьющихся роз, лозы и листья которых густо переплелись. В их сени скрывались пышные лежа на подставке из глазурованного кирпича, перламутра и тибетской яшмы.

Сюда от евфратских ворот привела Гемеза начальника лучников.

Некоторое время он сидел в одиночестве, окруженный пьянящим благоуханьем цветов. Но вот среди розовых гирлянд мелькнула фигура Телкизы.

Растерявшись, Исма-Эль не мог выговорить ни слова. Телкиза поняла его удивление и слабо улыбнулась, желая рассеять его тревогу, вызванную сознанием, что перед ним жена верховного военачальника. Исма-Эль в глубине души понимал, что все поставил на одну карту, что безрассудно рискует головой, но красота Телкизы лишила его способности размышлять трезво.

Телкиза шла к нему, легонько касаясь руками решетчатых стенок навеса. На шее у нее позванивало ожерелье из золотых лилий, а в волосах мерцали топазы, подобные каплям росы, упавшим на вороново крыло. В легкой прозрачной тунике Телкиза блистала и светилась ярче звезд. Ее тело было рядом и благоухало, благоухало всеми ароматами этого неповторимого сада. Черные алмазы ее глаз сверкали в лунном сиянье, словно сказочная долина. Казалось, она касается. не изгороди, а струн треугольной лиры, и каждое ее прикосновение рождает новый, иной звук.

Исма-Эль затаил дыхание. Он не мог больше ждать, когда она приблизится к нему, и, скрывая волнение, двинулся ей навстречу.

– Приветствую тебя, – молвила Телкиза, и бархатный ее голос мягко прозвучал в сумеречных далях и в душе Исма-Эля.

– Богиня любви, – произнес он почтительно и склонился, чтобы поцеловать край воздушной ее одежды. Когда Исма-Эль поднял глаза, Телкиза произнесла:

– Я супруга Набусардара, супруга твоего верховного повелителя, и вижу – тебя это немного смущает. Но теперь забудь на мгновенье, кто я и кто ты.

– Богиня любви, – повторил он.

Опустившись на ложе, Телкиза запрокинула голову и вперила взор в бездонную небесную высь, сквозившую сквозь листву.

– Чем заслужил я этот миг?

Она ответила, следя за кружившей над цветком божьей коровкой:

– Жизнь так коротка, к чему сокращать ее пустыми вопросами? Когда мы хотим сорвать плод, то не раздумываем, к чему нам это, – мы предвкушаем его сладость. Что тебе в моем звании! Забудь о нем, вообрази, что я – плод самого прекрасного дерева в этом саду.

Телкиза подняла и закинула руки за голову, прозрачная кисея соскользнула с ее округлых локтей, руки обнажились до плеч. Слово рассветный туман из долин севера, проступали формы ее тела, на миг помутившие сознание Исма-Эля. Молча, с неистово колотящимся сердцем, протянул он руки к ее плечам, провел по ним ладонями, а потом, уже не видя и не слыша ничего вокруг, сжал ее в своих объятьях.

– Забудь обо всем, кроме нас... – прошептала она. И он забыл обо всем, он не мог ни о чем думать. О, никогда в жизни Исма-Эль не испытывал столь сладостного, столь могучего, всепоглощающего волнения. Он покрыл ее тело благодарными поцелуями, оно

было осыпано ими, как небо звездами. Телкиза приняла этот дар, полузакрыв глаза. На устах ее блуждала улыбка, так улыбаются младенцы во сне или девушки – своей первой любовной грезе.

А он, забывшись, прерывистым шепотом говорил ей:

– Ты – прекраснейший плод этого сада, плод райского дерева. О, мне не забыть этой ночи и тебя. С твоим образом в сердце я пойду побеждать. Чем мне доказать свою любовь?

Но тут он вдруг заметил неожиданную перемену в ее лице – то ли лукавство, то ли равнодушие?

Ему почудилось, что она совсем не слушает его, думая о своем, словно речи его пустой бред. Зачем же тогда она заманила его в сад, зачем подарила эту ночь? Исма-Эль выпустил Телкизу из объятий и пылливо заглянул в окаменевшее лицо. Телкиза невольно вспомнила о Нанаи. Она не ревновала своего мужа ни к одной из его любовниц, но эта возбуждала в ней открытую ненависть. Она вспомнила, как недавно на коленях молила Набусардара о любви, как унижалась перед ним. Она надеялась, что любовь начальника лучников поможет ей забыть об этом унижении, но сердце зло подшутило над ней: в объятиях Исма-Эль Телкизой овладела жажда мести, жестокой и страшной мести. Все бурлило и трепетало в ней, как бурлит вода в горной стремнине. Откуда-то со дна ее души поднялась затаенная боль. словно ища поддержки у Исма-Эля, женщина посмотрела на него испытующим взглядом. Если бы он теперь спросил, какие доказательства ей нужны, она знала бы, что ответить.

Словно читая в ее глазах, Исма-Эль повторил свой вопрос.

– Я прошу многого. Я прошу почти невыполнимого, – сказала она.

– Только прикажи, богиня любви, прикажи, – повторял он со страстной мольбой, – невыполнимого нет! Если это во власти человека, а не богов...

– Да, это во власти человека, но я не знаю, достанет ли у тебя отваги...

– Приказывай!

– Я хочу, чтобы ты овладел дочерью Гамадана, любовницей Набусардара. Похить ее – днем или ночью – и доставь сюда, в мой дворец, живую или мертвую – все равно.

Исма-Эль оторопел.

– Так вот чем обязан я твоему благоволению! – вспыхнул он. – И как я не догадался, что за ним скрывается подлость?

По лицу Телкизы пробежала тень.

– Это и есть доказательство твоей любви! – воскликнула она.

– Ты замышляла провести меня, как этот перс провел весь белый свет. Но знай – нет женщины, чья любовь заставила бы меня нанести оскорбление моему верховному повелителю. Я чту непобедимого Набусардара. Я – воин, как и он, и признаю лишь ратные доблести. Под его началом я готов сразиться с Киrom – И если мне суждено умереть, то от меча врага, а не от руки моего повелителя, карающей предателя.

Телкиза негромко рассмеялась, стремясь рассеять его подозрения.

– Я хотела лишь испытать тебя и убедиться, как сильна твоя любовь. Но если ты столь же труслив в бою как и в любви, Набусардару не о чем жалеть. Моя страсть к тебе

погасла этой ночью, едва вспыхнув. Прощай. Можешь уйти через те же ворота. Стража пропустит тебя.

Он с достоинством поднялся и поклонился. Все было кончено.

Телкиза застыла от удивления, видя, что он и в самом деле собирается уйти. Стало быть, хитрость ее не удалась, этот тоже отверг ее любовь. Она понимала, как бессмысленно обидела его, но не находила в себе сил исправить оплошность. Скорбным взглядом проводила она воина, гордо удалявшегося по аллее. В эту минуту ей хотелось лишь одного: чтобы змея подползла к ней в ночном безмолвии и выгрызла у нее сердце.

* * *

Тем временем служанка Гемеза, провожавшая теперь начальника лучников обратно, пряталась за кустами индийской розы, с которых Телкиза недавно сорвала для Набусардара первый цветок. Каждую минуту она должна была быть настороже, чтобы ее госпожа не подверглась опасности.

Телкиза считала Гемезу самой преданной своей служанкой, ей одной было известно о тайном госте.

Между тем в Вавилоне отец не мог доверять сыну, мать – дочери, муж – жене. Но коварная Телкиза не принимала в расчет, что и ее служанка тоже может оказаться коварной.

А Гемеза, едва проводив Исма-Эля, отправилась в покои Набусардара.

Набусардар сидел у себя, обдумывая донесение Итары, начальника халдейской тайной службы, которому удалось добыть сведения о численности армии Кира. Он сопоставил их с прежними данными, относившимися к тому времени, когда Кир готовился нанести свой первый удар по Старому Свету.

Перед ним были разложены таблицы царской хроники, одна из которых гласила: «Лидийский царь Крез выставляет против персов десять тысяч всадников и щитоносцев, сверх того, более сорока тысяч лучников. Артакамес, властитель великой Фригии, привел около восьми тысяч всадников и не менее сорока тысяч копьеносцев и щитоносцев. Арибайос, царь Каппадокии, – шесть тысяч всадников, до сорока тысяч лучников и щитоносцев. Аравийский царь Арагдос – около десяти тысяч всадников, до ста боевых колесниц и великое множество пращников. Присоединятся ли к ним эллины, о том пока никому неизвестно. Идет молва, будто Хабаидос из гелеспонтской Фригии привел на Кайстерскую равнину шесть тысяч всадников и около двадцати тысяч щитоносцев».

Согласно хронике, Киру в те времена противостояло шестьдесят тысяч всадников и двести тысяч щитоносцев с лучниками.

Сам же Кир располагал всего десятью тысячами всадников и приблизительно шестидесятью тысячами щитоносцев и лучников. От союзного Армянского царства подоспела помощь в четыре тысячи всадников и двадцать тысяч пехоты. Стало быть, конница Кира не составляла и трети вражеской, а пехота – приблизительно половину. С этим относительно слабым войском он одолел могущественную армию народов Старого Света, сообщившуюся против него.

Но теперь Кир готовится напасть на Вавилонию с армией, пополненной воинством поработанных им царств.

И донесение Итары о том, что персидская армия численно превосходит вавилонскую, весьма правдоподобно.

Об этом и размышлял Набусардар, склонившись над разложенным и на столе глиняными таблицами, когда в комнату вошла Гемеза.

От ее наброшенной на плечи накидки повеяло ночной прохладой, холодком пахло и от нее самой, и Набусардар заключил, что она только что вернулась в дом.

Служанка упала на колени и коснулась лбом пола.

– Да пребудет вечно с тобой воинственная Иштар из Арбелы, Непобедимый, – приветствовала она господина.

– Что произошло? – спросил Набусардар.

Рабыня, льстившая себя надеждой на освобождение, старалась угодить Набусардару.

– Преданнейшая из подданных, я пришла к тебе, нарушив твой покой, прости меня, высокородный повелитель, – начала она.

– Не сомневаюсь, что важное дело привело тебя ко мне в столь поздний час.

– Ты угадал, господин, – кивнула Гемеза, хотя выбрала это время, рассчитав, что теперь не встретит Телкизу.

– Говори же, – приказал Набусардар.

– О господин, сколь горестно мне причинять боль твоему сердцу. И лишь желание открыть тебе то, что утаила ночь, вынуждает меня говорить.

– Ты вселяешь в меня тревогу.

– И сама я в тревоге, Непобедимый. Твоя божественная супруга... – Гемеза потупила глаза.

– Что с ней?.. Отчего ты отводишь глаза и не говоришь прямо?

– Твоя высокородная супруга принимала в саду Исма-Эля, начальника лучников. Говорят это самый красивый мужчина в твоём войске, высокочтимая твоя супруга тосковала по нем. Как преданная твоя слуга, я денно и ночью слежу за всем, что принадлежит тебе. Стерегу дворец от воров, а сегодняшней ночью один из них все-таки пробрался, высокий мой господин.

– Это правда или ты задумала провести меня и получить за это свободу?

– Помилосердствуй, господин! Исполняя приказ моей повелительницы, я скрывалась за кустом индийской розы. Мои глаза зорки, а уши хорошо слышат. Я сама вела Исма-Эля от евфратских ворот.

– Сама вела, а теперь пришла донести мне об этом? Не забывай, ты – рабыня благородной моей супруги и не мне, а ей должна служить верой и правдой.

Набусардар весь дрожал от негодования. Невысказанные слова комом застряли в горле, грозя задушить.

Он не знал, как вести себя с Гемезой, зато в отношении Телкизы колебаний у него не осталось. Когда-нибудь он ее убьет, неминуемо – и не из любви или ревности, а из отвращения к образу ее жизни.

В дни, когда он всего более нуждался в поддержке соотечественников, она опозорила его тем, что, смешавшись с толпой уличных женщин перед домом суда, подала цветок лотоса убийце Сибар-Сину.

Теперь же, когда он так нуждается в поддержке своей армии, она вновь позорит его перед всем войском, избирая себе в любовники подчиненных ему военачальников, роняя его в глазах тех, кому надлежит беспрекословно исполнять его приказания.

Ах, Телкиза, Телкиза!

Однако в присутствии служанки Набусардар не потерял самообладания. Он лишь дал ей понять, что не потерпит в своем доме доносчиков, и отослал прочь.

Зато после ухода Гемезы тревога беспощадно овладела его душой.

Он сам назначил Исма-Эля начальником лучников, а тот подло злоупотребил своим положением. В его власти предать Исма-Эля смерти, но этот искусный воин вскоре понадобится ему в сражениях с персами. Ради этого он сохранит ему жизнь. Но ради чего дорожить жизнью Телкизы? Ничего иного она не заслуживает. Однако и убить жену он тоже не может: начнется судебное разбирательство, вероятно, его сместят с поста верховного военачальника, и это как раз в тот момент, когда персы стоят у границ Вавилонии! Делать нечего! Придется взять себя в руки: интересы отечества – выше личных невзгод.

В мыслях его царило смятение, но он снова склонился над разложенными по столу таблицами, еще и еще раз просматривая цифры, характеризовавшие армию царя Кира, самую могущественную армию Старого Света. Задетый коварством Телкизы, он готов был посмеяться над своей решимостью сокрушить персов, над своими усилиями спасти Вавилонию. Ему казалось, будто он собирается пробить лбом стену.

Еще недавно он полагал, что обладает самой сильной армией в мире, но вот Итара присылает достоверное известие о том, что войско Кира превосходит ее, по крайней мере на добрую четверть. Казалось, на него находит безумие. Быть может, сопротивление бессмысленно? Но что это за народ, который не в силах постоять за себя? Нет, уж если гибнуть, то в бою, в открытом и честном бою! Однако можно ли положиться на свою армию? Начальник лучников при первой же возможности злоупотребил своим положением. А другой на его месте поступил бы иначе? Не предадут ли его подобным образом и остальные военачальники? Не делают ли за его спиной подлостей, о которых он не знает?

Набусардар встал и хлопнул в ладоши.

Он ненавидел этот дом. Никто не подозревал, как он ненавидит его. Здесь он не знал ни одной счастливой минуты. Единственным человеком во дворце, на которого можно было положиться, был Киру, старый слуга Киру.

Когда тот вошел, Набусардар сказал ему:

– Рано утром я еду в Борсиппу. Вели приготовить коней и передай моему телохранителю, чтоб дожидался меня во дворе.

– Да исполнится твоя воля, господин, – ответил Киру, однако не сдвинулся с места.

– Тебе что-нибудь нужно, Киру?

- Не скажешь ли, господин, когда мы выступаем?
- Переждем смертоносный август, а там посмотрим.
- К тому времени мы будем готовы.
- Мы и теперь почти готовы.
- У нас самая могучая в мире армия, не так ли, господин?
- К сожалению, это не так, Киру. Персы сильнее нас.
- Прости, господин, но отчего же не пополнить войско арабами? Отчего ты не сделал этого раньше?
- В моем войске все должны быть заодно. Арабы же то и дело чинят смуту и ждут лишь удобного случая, чтобы отколоться от Вавилона. Положиться на них – все равно как довериться евреям с канала Хебар.
- А что же Египет, досточтимый?
- Царь и сановники возлагают на Египет надежды, но я предпочел бы надеяться на самих себя. Что правда, то правда, пополнить армию за счет халдеев мы не в силах, на северные провинции рассчитывать уже нельзя, а в государствах, с которыми мы договорились выступать совместно, ныне хозяйничает Кир. Если бы я, подобно царю Валтасару, уповал на настоящее, то давно бы предался отчаянию. Но я, Киру, больше всего верю в наше прошлое и гляжу на вещи трезво. Когда Кир затеял войну со Старым Светом, его войско составляло лишь шестую часть армии Старого Света. С горсткой хорошо обученных солдат он выступил в поход. А теперь он попирает целые народы. История утверждает меня во мнении, что исход войны не предопределяет ни численность войска, ни его боевой дух и отвага.
- А что же решает исход войны, Непобедимый?
- Есть нечто такое, что движет историю помимо нашей воли. Самые храбрые и мудрые полководцы покорялись этой силе, становились игрушками в ее руках. Стать такой игрушкой равно может и Кир и я. Кто ею будет – предугадать это пока не в нашей власти. А посему – преисполнимся решимости. Решимости бороться и победить.
- Непобедимый, должно быть, верит в случайность?
- Я верю в высший закон, который может явить себя в виде случайности, Киру, и от веры этой не отрешусь до моего последнего смертного часа. Закон этот приносит победы тем, у кого армия сильнее и мужества больше, но его недостаточно для того, чтобы удержать мир в равновесии. Этот закон сообразует круговорот жизни и устремления людей, народов, государств. Не средство, а цель решает исход дела. Ответь мне, Киру, ты, решившийся вместе со мной пасть в бою, ответь мне: есть ли в жизни цель более высокая, чем защита отечества? Были ли когда наши цели столь же бескорыстны и святы, как ныне? Поэтому нам, с более слабой армией, суждено победить, одолеть более сильную армию Кира.
- Эту речь ты должен сказать перед своими воинами, господин, и нет сомнения, что выслушав ее, они будут биться с врагом до последней капли крови.
- Я это сделаю, мой верный слуга, сделаю перед тем, как поведу их в сражение.
- А уж предопределено, что дело дойдет до схватки?
- Да, Киру. Я только что получил донесение из главного стана наших лазутчиков. Кир

стягивает свою армию на севере от Мидийской стены. По неизвестной причине он вдруг отдал приказ об осаде стены

Навуходоносора. Должно быть, обрушится на нее всей своей мощью. Он не подозревает, что одного удара мотыги достаточно, чтоб затопить все пространство к югу от Мидийской стены. Образуется огромное озеро, и персидские солдаты потонут в нем, словно крысы. Кроме того, там его уже ждет наше войско, хотя я убежден, что в период летнего зноя Кир штурма не начнет. Но даже если он и прорвет мидийские укрепления, ему не победить, пока он не овладеет Вавилоном, а на Вавилоне персы обломают зубы. Я готов к тяжелой и длительной войне.

– Да помогут тебе боги, господин!

– О, если б только меня не угнетали пороки, гнездящиеся в этом дворце! Всякий раз я хочу стать выше них, а они снова тянут меня вниз, засасывая в грязь, болото. Мне нечего от тебя таить, ты знаешь наш дом с малых лет. Благородная Телкиза, после царицы первая госпожа в Вавилонии, все чаще забывает о своем сане.

Склонив голову, Киру молча выслушал это признание. О похождениях Телкизы он знал много больше, чем его господин. И тоже находил, что Набусардару благоразумнее покинуть Вечный Город и до победы над Киrom оставаться среди солдат. Жизнь во дворце Телкизы лишала его покоя, и Киру радовался тому, что после длительного пребывания в Вавилоне его господин наконец переменит обстановку и уедет в Борсиппу. Киру был счастлив, когда ему доводилось жить бок о бок с Набусардаром, но теперь желал, чтобы Набусардар возможно дольше задержался в Борсиппе, так как этого требовало душевное состояние его повелителя.

Получив разрешение уйти, Киру еще спросил напоследок, когда господин предполагает вернуться, чтобы все приготовить к его приезду.

– Не знаю, мой верный Киру, – ответил Набусардар, – там видно будет. У меня, кроме воинских, есть еще и другие дела.

При этом он думал о Нанаи, которую в его отсутствие приглашенные учителя должны были воспитать, обогатить познаниями и подготовить к совместной жизни с великим Набусардаром. Знойный август он предполагал провести под благодатной сенью своего борсиппского владения, наслаждаясь любовью Нанаи. Быть может, на сей раз она не будет строптива и примет его, как цветы принимают росу на рассвете, чтобы достало сил прожить до скончания дней.

* * *

Нанаи томилась в стенах борсиппского дворца, словно птица в золотой клетке.

С тех пор, как старого Гамадана бросили в эсагильскую темницу, ничто не могло ее утешить. Ходили слухи, будто отца собираются судить, как судили некогда дядю Синиба, и, хотя Идин-Амуррум с Сурмой оберегали его жизнь, Нанаи не покидала гнетущая тревога.

К тому же нет-нет да вспомнится приволье родной деревни, которому она радовалась еще совсем недавно. Девушка была теперь как ласточка со связанными крыльями, тоскующая по бескрайним просторам лучезарного неба. Ей недоставало отливающего

голубизной воздуха в полевых ложбинах; она тосковала, лишившись возможности мечтать, вглядываясь в темные глубины ночи с порога родного дома. Там все было полнокровнее, красивей, все было исполнено надежды, добрых надежд. Там и рассвет начинался веселее, и сумерки опускались на землю покойнее. Все, все там было по-другому.

А борсиппский дворец – золотая клетка среди благоуханных ветвей – немногим отличается от темницы. Тоскливая темница с мраморными и алебастровыми стенами!

– Чья-то невидимая рука вселяет и в меня эту тоску, – жаловалась девушка Теке, задумчиво следя, как рабыня сматывает пряжу, которую Нанаи держала на расставленных руках. Пряжу надо было сматывать в клубки и отнести дворцовым рукодельницам, которые вышивают новые материи и одежду.

Тека проворно шевелит руками и нет-нет да взглянет ласково в печальное лицо Нанаи. Ей хотелось бы развеять ее грусть, да не знает она, с чего начать.

Но доброе слово у нее всегда наготове:

– Вернется Непобедимый, и в золотой клетке другая жизнь начнется, попомнишь мое слово. Уж он наверняка вызволит твоего отца и тоже поселит его во дворце. Я-то знаю, что тебе не достает ласки. Ведь росла ты без матери, без материнской любви.

– Не верю я, чтоб Непобедимый теперь вернулся... Скорей всего, он останется в Вавилоне, пока не начнется война. А тогда уж надежда на его приезд и вовсе плоха. Но я все бы стерпела, если б не мучали меня эти страшные темницы. Быть может, отца мне Набусардар и вернет, но есть ли надежда, что он изменит к лучшему участь того, чья жизнь угасает в здешнем подземелье под моими окнами? Мне чудится, я слышу его дыхание, его произнесенные шепотом слова. Когда я сижу в комнате одна, в ушах у меня отдаются его крадущиеся шаги. Когда засыпаю, чувствую, что он касается моего лба холодными пальцами. Холодными, окоченевшими в студенном подземелье. Он часто Приходит ко мне во сне и говорит: «Долго я этого не вынесу. Приди и спаси меня. Ты должна спасти мне жизнь, ведь когда-то я спас тебя».

– Это все ночные видения, моя повелительница, всего лишь призраки. Как видно, в сновидениях является тебе злая Лабарту, насылающая ночные кошмары.

– Не верю я в демонов.

– Как не верить! – с серьезным видом качает головой Тека. – Их породили земные жены бога Ану.

– Не верю я в это, Тека, зато верю в совесть, совесть моя во мне заговорила. Я обрекла на смерть того, кто спас меня от смерти. Я нарушила закон чести.

– Да ведь Набусардар помиловал Устигу. О чем же ты кручинишься?

– Помиловал... – Девушка в отчаянии взглянула на Теку. – Он не вынесет заточенья, задохнется в смраде подземелья. И тогда на меня падет проклятие. Я умру вместе с ним, Тека, я больше так не могу...

Тека отложила клубок и погладила Нанаи, чувствуя, как она дрожит.

– Я больше не могу...

Губы девушки вздрагивали от сдерживаемых рыданий.

– Ты должна мне помочь, Тека. Ты должна мне помочь освободить его.

Рабыня отпрянула, всплеснув руками. Пальцы ее застыли от ужаса. Вскрик ее замер в горле.

– Ты хочешь, чтобы я оставила дверь темницы отпертой и он убежал?

– Да нет, не о том я, – возразила Нанаи рассудительно, – помнишь, в тот раз...

В тот раз, когда, переодевшись, Нанаи снесла Устиге миску с едой, она пообещала ему теплое покрывало, горсть благовонных семян и маленького божка из нефрита. Маленького, славного божка, похожего на куклу, какой играют дети. Вот если бы Тека потихоньку отнесла ему все это да подлила масла в каганец, да прибавила тайком еще один фитилек... И если уж по доброте душевной она на это согласится – ну, что стоит ей заодно передать князю из далекой персидской земли чистую рубаху да кое-что из одежды... Ведь у него здесь нет никого, некому о нем позаботиться. Некому. Он так одинок, заброшен всеми... и ничего не станется, если она из простого сострадания, из обычного человеческого сочувствия велит страже бросить ему охапку чистой соломы, пахнувшей спелым зерном и солнцем, в полых стеблях которой струится чистый воздух.

– О Тека, это в твоих силах, – упрашивала Нанаи, – в твоих силах... Так возьми же это теплое покрывало, благовония, нефритового божка, масла для каганца...

– Нет, нет! На что ты меня подговариваешь, дочь Гамадана? Зачем ты вынуждаешь старуху лукавить и сама предаешь своего господина? Отчего ты желаешь мне зла? Иль ты забыла, как я спасла тебя от кары и гнева Набусардара, когда стража дозналась, что, пока я дремала, ты сама снесла еду Устиге? Не уприси я Гедеку и начальника стражи, сидеть бы тебе самой в каменной темнице. Я выручила тебя в надежде, что ты образумишься, выбросишь из головы персидского князя и будешь любить только моего господина, благородного Набусардара. Когда-то ты говорила, что любишь его одного. Что же случилось с твоим сердцем?

Нанаи опустила голову, глядя на сложенные на коленях руки, обвитые яркой пряжей. Конец нити, змеясь, спускался по ее ноге на низкую скамеечку, на туфельку из овчины.

– Что же случилось с твоим сердцем, как в него проник другой? – повторила Тека свой вопрос.

Молчание было ей ответом.

Тека покачала головой, ничего не поняв. Да и как она могла понять? Ей неведома была тайна ночи, проведенной в подземелье дома Синиба. Не слыхала она слов, которыми Устига открыл Нанаи свое сердце. Откуда ей это знать!

– Или ты что-то скрываешь от меня? Не обещала ли ты персидскому князю ждать его и любить? Мне-то ты можешь довериться. Я тебе как мать, и в память о бедной Табе не оставлю тебя.

– Ни о чем не спрашивай меня, добрая Тека, – прошептала Нанаи, прижав руки к глазам, и заплакала, уткнувшись в пряжу.

– Я не хотела тебя обидеть, прости, Мардук мне свидетель. Я хочу тебе добра, я и сама когда-то любила и тоже поступала безрассудно, потому что некому было меня наставить. Боюсь, как бы и ты в душевной смуте не натворила глупостей... Реши, кто твой избранник, и раздели с ним его судьбу. Устига – если тебе невмоготу без него – либо Набусардар, это дело твое, а покуда не решишься, будешь как пальма, расщепленная бурей, и сердце твое будет кровоточить, подобно ране.

Она отвела пряжу от лица Нанаи.

– Выслушай, моя повелительница, – проговорила Тека, строго глядя ей в глаза, – я знаю Набусардара с его первого вздоха, он смел, умен и красив. О богатстве его не говорю, знаю – тебе это безразлично. Он заслуживает, чтобы ты любила его верно. Люби его и не сомневайся – на твою любовь он тоже ответит любовью. Мне говорил об этом и Гедека, да я и сама знаю, что у моего господина самые добрые намерения, они не противны ни богам, ни законам. Доверься ему. Ты согласна?

– Да, – негромко подтвердила Нанаи, – но прошу тебя, в память о благословенной жизни тетушки Табы, когда понесешь персидскому князю еду, захвати горсть благовонных семян и теплое покрывало...

– Почему же ты стоишь на своем, госпожа?.. Молча смотали они пряжу в клубки, и Тека отнесла их вышивальщицам, не преминув напомнить им, чтобы хорошенько потрудились над новой накидкой. А вот про теплое покрывало и благовония для Устиги запомнила – не без умысла.

Итак, Нанаи решила терпеливо ждать Набусардара и откровенно рассказать ему и о своей тревоге за отца, и об угрызениях совести, вызванных горестной судьбой персидского князя. Но Набусардар все не давал о себе знать. Снова мучительно долго тянулись ночи, а дни становились все тревожнее. Нанаи чувствовала себя самой одинокой из людей.

Желая развлечь девушку, Гедека послал к ней флейтиста. Музыкант оказался молодым и красивым юношей. Он ловко перебирал пальцами, и в уголках его рта расцветала улыбка, словно из дудочки вытекал мед и он пил, пил его большими глотками, наслаждаясь сладостью и ароматом.

Однажды, кончив играть, он направился к двери, бережно унося свою флейту, а Нанаи все не могла унять растревоженного сердца. Переживания оплели ее душу точно виноградной лозой, душа ее было соткана из них, точно полотно из разноцветных нитей.

Страшась одиночества, она окликнула юношу, уже переступавшего порог:

– Музыкант...

И испугалась собственного голоса. Но юноша не услышал ее и ушел, оставив рой звуков, высоких и низких, веселых и печальных. Они все еще витали в воздухе, проникая в сердце, причиняя ей новые страдания.

Прошло немало дней, и вот Тека принесла весть о том, что Эсагила отложила суд над Гамаданом, а Идин-Амурруму удалось даже добиться от верховного жреца обещания выпустить старика на волю. Камень свалился с души Нанаи, и, немного успокоившись, она собралась написать Устиге письмо, о чем давно уже подумывала.

На заранее припасенных восковых табличках, умещавшихся на дне миски, в которой Тека носила князю еду, Нанаи намеревалась начертать хоть несколько слов Устиге, но никак не могла собраться с духом.

Теперь она решила. Взяв резец, она погрузила его в податливый воск.

Из-под золотого резца побежали строки: «Благородный князь из далекой персидской страны: Пишет тебе служанка Набусардара, та, что всыпала Теке снотворного порошка – да простят меня боги, я так хотела повидаться с тобой! Стражник, осветив мне лицо фонарем, раскрыл обман. Теперь я не смею навестить тебя и потому пишу письмо. Служанка Набусардара просит тебя, господин, простить ее. Я еще не передала обещанных благовоний, нефритового божка и теплое покрывало, на случай если ночью будет холодно. Зато я посылаю тебе весточку от дочери Гамадана, которую ты любишь. Как бы я желала, чтобы ты любил не ее, а меня, рабыню Набусардара! Я страдаю,

господин, ты постучался в мое сердце, но не захотел войти, сочтя это недостойным для себя. Когда ты забудешь ту, другую? Ты спрашивал, не обидели ли ее воины Непобедимого. Нет, Набусардар добр к ней. Ты спрашивал, жива ли она. Да, но в сердце своем лелеет Набусардара. Забудь же ее, господин. Она не стоит твоей любви».

Нанаи расплакалась. Откуда-то издалека вновь донеслись до ее слуха чарующие звуки флейты.

Девушка вскочила, спрятав письмо за пазуху, и, подойдя к Теке, которая в это время собирала еду для Устиги, незаметно опустила табличку на дно полной миски.

Ничего не подозревая, Тека отнесла ее Устиге и возвратилась с пустой.

Князь ел долго и нехотя. Не осилив и половины, он оставил ужин. Однако ночью, проснувшись от холода, потянулся к миске и опорожнил ее. Только тогда обнаружил он на дне исписанную восковую табличку. Письмо повергло его в дрожь, а на душе стало еще тоскливей.

Он шепотом повторял одно:

– «...жива... но в сердце своем лелеет Набусардара. Забудь... ее, господин. Она не стоит твоей любви». И снова:

– «жива... но в сердце своем лелеет Набусардара». Устига застонал.

– О...

И произнес еле слышно:

– «... не стоит твоей любви... забудь ее...» Он помолчал.

– О нет! Я не могу ее забыть. Она заблуждается, поддалась искушению, и это ненадолго.

Затем он затер письмена на восковой дощечке и стал выводить на ней ногтем: «Благодарю тебя, прислужница Набусардара, благодарю за все. Твои дары утешат меня, но я буду признателен вдвойне, если ты поклонись от меня дочери Гамадана. Она мне дороже всего на свете, и я не верю, что она не вернется ко мне, когда я вновь стану свободным. И еще об одном прошу тебя, прислужница Набусардара, дай мне знать – мир нынче или война. Я не могу ответить тебе любовью, но я щедро, очень щедро вознагражу тебя...»

На следующий день он не съел всего, что было в миске, и положил на дно восковую дощечку с ответом. Утром Тека унесла ее.

Нанаи с нетерпением дожидалась возвращения рабыни. Когда та поставила миску на стол, девушка, подкравшись, проворно запустила в нее пальцы и извлекла дощечку. Но в ту минуту малку, дух-охранитель, забыл о ней, потому что рабыня, внезапно обернувшись, увидела послание, прежде чем Нанаи успела его спрятать.

– Что это опять у тебя? – грозно спросила она, и взгляд ее предвещал бурю.

Они смотрели друг на друга так, как смотрят хищники, не поделившие добычу.

– Восковая дощечка, – собравшись с духом, вымолвила наконец Нанаи, – восковая дощечка, Тека. Руки у нее опустились.

– Я отвечаю за твои поступки перед самим Набусардаром, моя госпожа. Ты должна отдать ее мне.

– Нет, ни за что! – вскричала девушка и метнула взгляд на очаг, в котором пылал огонь.

– Тогда мне придется рассказать обо всем Непобедимому.

– Рассказывай, рассказывай, сколько хочешь! Мне теперь все равно. Я ненавижу этот дом, ненавижу всем сердцем!

– Успокойся, моя повелительница, будь же благоразумна! Ничего не поделаешь... Тека протянула руку к дощечке.

– Нет! – вскрикнула Нанаи. – Клянусь Энлилем! – И кинула дощечку в огонь.

Мгновение на оплывшем воске были различимы слова:

«Благодарю тебя, прислужница Набусардара... если ты поклонись от меня дочери Гамадана. Она мне дороже всего на свете... мир нынче или...»

Тека опустила голову. Глубокие морщины покрыли ее лицо, изменив его до неузнаваемости, – теперь оно напоминало кору старого дерева, утратив все свое обаяние и мягкость. На него страшно было смотреть.

Рабыня гнала от себя черные мысли, но глухое подозрение все не оставляло ее – а что, если дочь Гамадана пособница Устиги?! Как объяснить ее поведение, зачем пришла она в этот дом, если он ей так ненавистен? Тека не находила ответа. Двинулась было к двери – и вернулась обратно, наконец решилась и вышла.

Вскоре рабыня вернулась в сопровождении Гедеки. Она была встревожена и просила поступить с Нанаи по своему усмотрению.

Глаза скульптора ласково смотрели на ослушницу. Он явился с решимостью высказать Нанаи все без утайки.

Он попросил Теку оставить их и спокойным шагом приблизился к Нанаи.

Взяв ее за плечи, Гедека сказал:

– Я не верю, что ты отдаешь себе отчет в своих поступках. Ты ведешь себя, словно капризный ребенок, но мы приставлены к тебе, чтобы руководить твоими помыслами. Так пожелал Непобедимый, покидая дворец. И я спрашиваю тебя, избранница его сердца: сожалеешь ли ты о своем поступке? Мы поможем тебе выбраться из чащобы. Глядя на тебя, я невольно представляю себе овечку, запутавшуюся рожками в зарослях. Но мы расплетем ветви и высвободим тебя из плена, хочешь?

Участливые слова старца тронули Нанаи. Она склонила голову ему на грудь.

– Я знал, что в душе твоей не может быть зла. – Он гладил ее по голове.

– Не может быть, нет, нет, – зашептала она, пряча лицо у него на груди, – разве это зло – помогать одиноким, разве грех? Даже самые строгие боги не осудили бы меня за то, что пленнику, лишённому тепла и света, чистого воздуха и солнца, я хотела послать теплое покрывало, маленького божка в утешение, чуть больше масла да пригоршню благовонных семян.

– В этом и впрямь нет ничего предосудительного, но ведь князь Устига – пленник твоего господина. Он враг Вавилонии.

– У меня и в мыслях не было ничего худого, – всхлипывала Нанаи, – даже в мыслях...

Что поделаться, если совесть не дает мне покоя, – князь Устига спас мне жизнь, а я вот чем ему отплатила...

– Ты хотела бы, чтобы его выпустили на свободу?

– Нет, потому что, находясь на службе у Кира, он действовал во вред нашей отчизне, но мне хотелось бы облегчить его участь, – если он не выдержит, я тоже умру, меня проклянут боги.

Гедека поднял ее голову. Лицо Нанаи было залито слезами.

С нежностью глядя в заплаканные глаза девушки, он проговорил:

– Успокойся, я сегодня же pošлю князю Устиге все, что ты ему обещала. И велю пробить еще одно окошко, чтобы в темнице стало больше воздуха.

Она упала на колени, обняла его ноги.

* * *

Все думы и помыслы Набусардара были связаны с армией. В сопровождении отборных воинов переезжал он из города в город, чтобы удостовериться в боеспособности и надежности халдейских сторожевых отрядов.

В Вавилоне его замещал Наби-Иллабрат.

После разговора с верховным судьей Наби-Иллабрат послал в Храмовый Город гонцов, именем царя Валтасара требуя отменить незаконную меру, примененную к военным поселенцам из Деревни Золотых Колосьев, и немедленно возвратит их из южной провинции, где они по приказу Эсагилы уже начали осушать болота.

Утопая в грязи, кишевшей гнусом, страшась нападения хищников, в нижнем течении Евфрата трудились до изнеможения десятки рабов, осужденных на гибель. Они ковыряли землю мотыгами и кирками, насыпали горы песка, углубляли каналы, куда лениво стекала застоявшаяся, гнилая вода. А чтобы было где приклонить голову, по краям осушенных участков несчастные лепили для себя хижинки из глины, песка и камыша. Но жилища эти были до того убоги, что не могли укрыть их от хищных зверей, которые подкрадывались по ночам и алчно набрасывались на жалкое людское скопище, оставляя после себя лужи человеческой крови. У несчастных не было ничего, кроме мотыг, и многие даже не пытались защищаться, желая скорейшей смерти. Смерть в когтях хищников казалась милосердием в сравнении с медленным умиранием от нестерпимого голода и недостатка питье вой воды.

Обычно, чем тяжелее бремя, выпадающее на долю человека, тем сильнее в нем надежда на помощь и избавление, рожденная инстинктом самозащиты. Но те, кто по приказу Эсагилы был обречен превращать неоглядные топи юга в плодородные нивы, утратили последние крупницы надежды. Лишившись всего человеческого, они отчаялись и не видели выхода из этого ада.

И все же случилось нечто, о чем никто из них не смел даже и помышлять. Однажды ночью на горячих буланных конях вихрем примчался большой отряд всадников. Окружив болота, они велели рабам собираться в дорогу.

По бескрайним равнинам толпы людей двинулись на северо-запад. Старые, бывалые воины говорили, что в той стороне лежат арабские земли, подвластные Вавилону. На рассвете их слова подтвердились. Рабов пригнали в какое-то селение, занятое войском. Скупые на слова солдаты объяснили им, что готовятся в поход на Вавилон, к которому попали в кабалу, и ждут только удобного момента да повеления царя Кира. Им же, пленным халдеям, предстоит охранять их стада и семьи. Все лучше, чем смерть в трясине!

Гонец, явившийся в Храмовый. Город на взмыленном коне, сообщил о случившемся самому Исме-Ададу.

Одновременно с ним Исме-Ададу доложили о себе гонцы Наби-Иллабрата.

Разгневанный жрец в волнении расхаживал по своему покою. Лоб его покрылся красными пятнами. Губы судорожно сжались, став тонкими, как лезвие ножа. Мозг Исме-Адада лихорадочно работал, торопя мысли.

– Конница из арабских провинций? – переспросил он. – Что это значит?

Тут он подумал о стоящих за дверью гонцах Наби-Иллабрата. Быть может их появление связано с этим происшествием? Не мешкая долее, он приказал пустить гонцов и нетерпеливо ждал их сообщений. Речь действительно шла об угнанных на болота поселенцах. Но почему гонцы говорят о них, как о собственности царя, и требуют, чтобы Храмовый Город незамедлительно вернул их? И чего ради именем верховного военачальника они настаивают на освобождении Гамадана, старейшины военной общины?

Исме-Адад все более мрачнел. Он мучительно искал выхода из щекотливого положения. Но вот спасительная мысль озарила его лицо, отмеченное печатью мудрости и многолетнего опыта. Исме-Адад решился на откровенность. Да и как быть, если Храмовый Город под угрозой вторжения войск Наби-Иллабрата?

– Случилось непредвиденное, – начал жрец. – Только что я получил вести, – он кивнул в сторону гонца, – о том, что варвары, прискакавшие на конях, угнали всех рабов в арабские провинции. Как видите, при всем желании Эсагила не в силах вернуть их. Я предлагаю возместить убыток иным способом. Что же касается Гамадана, то я похлопочу о его помиловании, хотя он и заслуживает смерти, как косвенный виновник гибели жреца. Суд Храмового Города занимается разбором его дела. И естественно, что вина дочери, – жрец особенно подчеркнул это, прикинувшись, будто он не знает, где сейчас Нанаи, – переносится на отца. Но при известных условиях мы могли бы его помиловать. Передайте это пославшим вас сюда.

Он умолк и прикрыл глаза. Уже в который раз за сегодняшний день его охватывала тревога за судьбу плана Мидийской стены. От Сан-Урри до сих пор нет никаких вестей. Что, если гонцов перехватили дозоры Набусардара?

На этот случай нелишне заручиться расположением царя и верховного военачальника. С царскими гонцами надо быть поласковее, несговорчивее. А если они потребуют взамен поселенцев равное число солдат из войска Храмового Города, прикидывает верховный жрец, или и того больше? Внутри у него все дрожит от возмущения, но внешне он приветлив и покладист.

– Мне остается добавить, что мы, надеюсь, придем к согласию, – заключил он, опуская гонцов.

Слова Исме-Адада повергли в изумление даже уравновешенного и рассудительного Наби-Иллабрата. Согласие после стольких лет вражды! Он не поверил собственным ушам. «Мы, надеюсь, придем к согласию!» Но раздумывать и теряться в догадках было недосуг, весть о том, что арабская конница проникла к берегам Евфрата, не на шутку встревожила помощника Набусардара., хотя у него тут же шевельнулось подозрение, не

уловка ли это святейшего, втайне решившего не уступить поселенцев.

А в это время во двор дома командования армии влетел воин, с головы до ног покрытый пылью, утомленный бешеной скачкой и дальней дорогой. Спрыгнув наземь, он потребовал, чтобы его тотчас пропустили к самому Набусардару, но так как последний отсутствовал, гонца принял Наби-Иллабрат. Урукский наместник извещал о бунте в арабских провинциях. В течение двух ночей злодеи жгли хлеба на халдейских полях. Огонь уничтожил море пшеницы.

Возвращаясь, арабы подрубали финиковые пальмы, лишив тем самым население всякого пропитания.

Наби-Иллабрат был взбешен, всегдашнее его хладнокровие сменилось яростным гневом. Еще недавно наместники вассальных провинций заверяли царя Валтасара в своем верноподданничестве. Никто не предполагал, что именно в этом краю поднимется смута. Видно, Кир поощрил их своей смелостью. А может, это дело приспешников Устиги? Может, дух Устиги витает на свободе? Наби-Иллабрат почувствовал вдруг лютую ненависть к персидскому князю. Пожалуй, на месте Набусардара он, несколько не колеблясь, велел бы тут же его казнить. Переполюбявшее его мстительное чувство перенеслось и на ту девчонку, что сперва помогла схватить Устигу, а теперь в Борсиппе никому не дает из-за него житья. Нет, пора Набусардару возвращаться и образумить эту беглянку из Деревни Золотых Колосьев! А пока – надо послать солдат для подавления мятежа на западе.

Первый гнев улегся, и Наби-Иллабрат смог поразмыслить спокойнее.

Ответ Исме-Адада Наби-Иллабрат передал верховному судье и скульптору Гедеке. Верховный жрец обещал помиловать отца Нанаи, и Наби-Иллабрат просил Гедеку утешить девушку.

Услышав отрадную весть, Нанаи наполнила сосуд кедровой смолой, зажгла ее и поставила в траве среди деревьев – в благодарность за то, что Энлиль сжалился над старым Гамаданом. Тронутая милостью богов, она опустилась на колени перед столбом высоко поднявшегося дыма и горячо и долго молилась. В доме Набусардара не было изваяний богов. Лишь в саду, возле фонтана, как украшение его, стояла статуя Таммуза. И все же Нанаи почувствовала облегчение; выражение горечи и скорби постепенно сходило с ее лица. Нанаи была признательна богу Энлилю и прониклась уважением к Наби-Иллабрату и к верховному судье.

Но наибольшую признательность испытывала девушка к Набусардару – какое благодеяние оказывает он ей, оградив стенами своего дворца! Ее охватила дрожь при первой мысли о том, что случилось бы с нею, попади она, как отец, в руки эсагильских жрецов!

Теперь даже воспоминание о плененном князе меньше угнетало девушку. Гедека исполнил ее просьбу и передал узнику обещанное. Нанаи пыталась внушить себе, что отныне персидскому князю легче переносить невзгоды, посланные судьбой. Она верила, что после ее письма он наверняка постарается забыть ее.

Чтобы отвлечь Нанаи, Гедека, следуя наказу Набусардара, все свободное время девушки заполнил учением. В течение дня у нее сменилось несколько наставников. Среди них были священнослужитель Улу, ведавший в ту пору жреческой школой в Борсиппе. Нанаи постигала премудрости наук с большим усердием, и у нее не оставалось времени осмыслить происходящее

Она сама тянулась к знаниям и жадно внимала наставлениям ученых мужей. Цельми днями слушала она их разъяснения, и ночи теперь дарили ей глубокий сон и покой, во сне отдыхала она и набиралась сил. В библиотеке Набусардара теперь раздавались не только шаги владельца. Частой гостей здесь стала Нанаи. Она осторожно брала в руки глиняные таблицы, ей любопытно было знать, что в них написано. Духовному взору

Нанаи открылся неведомый безбрежный мир. Любознательность девушки не знала пределов. Однако вскоре она поняла, что и тут ее стремятся ограничить, направить развитие по определенному руслу. Слишком часто учителя Нанаи напоминали ей о Набусардаре, они шлифовали ее чувства, как ювелиры – драгоценные камни. Ей и самой порой хотелось быть достойной любви этого необыкновенного человека. В такие минуты она замирала от тоски и нежности. И снова в душе воскресало все, что испытывала она тогда на пастбище. на опушке Оливковой рощи, когда впервые встретила Набусардара. Память послушно восстанавливала минуты за минутой, слово за словом. Чувство росло в ней, будто жемчужина в раковине. Но Набусардар все не возвращался, и взор тускнел и становился печален.

В минуты отчаяния Улу приносил Нанаи утешенье. Беседы с ним вносили в ее жизнь ясность и наполняли смыслом пребывание в борсиппском дворце.

Девушка всякий раз с нетерпением ждала его, выбегая навстречу.

Последний раз он застал Нанаи в саду.

Сидя в высоких зарослях папоротника, она брала из подола маргаритки, белые колокольчики попеременно с дубовыми веточками и, прикладывая стебелек к стебельку, ветку к ветке, плела венки. Возле нее резвились белые козлята, священные хранители дворца.

Каждому она повесила на шею венок и гребнем расчесывала шерстку. Козлята непонимающе смотрели на хозяйку. Не знала и сама Нанаи, отчего она это затеяла. С простодушием ребенка радовалась она цветам и листьям. Лаская козлят, она трогала – не выросли ли у них рожки? Жаль, она бы украсила их лентами.

Неслышно приблизившийся Улу украдкой наблюдал за ней. Заметив его, девушка воскликнула:

– Будь благословен, досточтимый Улу, как хорошо, что ты пришел.

Улыбаясь, он протянул ей на ладони божью коровку.

– Будь трижды благословенна и ты, – еще издали приветствовал девушку Улу, а подойдя, первым делом спросил, не возвратился ли великий Набусардар.

Нанаи отрицательно покачала головой.

– Кажется, Непобедимый перестал и думать о возвращении, – заметила она и сняла с ладони жреца божью коровку с темно-красными, в черных крапинках, крыльшками.

– Непобедимый явится, по своему обыкновению, нежданно-негаданно, – утешал Улу девушку, заметив, как переменилось ее лицо.

Нанаи серьезно и грустно посмотрела на него, затем перевела взгляд на божью коровку, которая между тем взобралась на конец ее пальца, расправила крыльшки и улетела.

– Вот и нет ее! – воскликнула Нанаи и растерянно оглянулась на белых козлят, словно те должны были разделить ее удивление.

Сочувственно улыбаясь, Улу сел напротив и развязал льняные тесемки, которыми были скреплены тонкие глиняные таблички. Это был эпос о Гильгамеше.

– погоди, мой мудрый, – остановила его Нанаи. – Я хотела бы кое о чем спросить тебя. Я думала об этом, когда плела венки для священных козлят.

– Пожалуйста, спрашивай.

– Хотела бы я знать, кто обучил человека всему на свете. Ведь когда боги создали его, он был неразумен, лениво грелся на солнышке, ел да пил, как любой щенок, едва покинувший материнское лоно. Вот мне и кажется, что, хотя человек и лишился рая, жалеть ему, право, не о чем. Жил он в раю, а разума у него не было. Но ведь разум важнее любого рая, небесного или земного. Откуда же взялся разум в человеке?

– Я отвечу тебе, избранница моего господина. Греки учат, что первым корифеем школы жизни был Прометей. Халдеи первым своим учителем почитают бога воды За, египтяне – бога Тота, китайцы – легендарных мандаринов, иудеи полагают, что сам Ягве преисполнил их мудрости. Я же говорю, что величайшими учителями людей были горы, реки, моря и земля, изобилующая металлом, злаками, зверем и камнем. Не будь мрамора, греки не создали бы неповторимых скульптур. Не будь гранита, не было бы египетских храмов. Не будь кирпича, слепленного из глины, которую несет благодатный Евфрат, не вознесись бы в бездонные выси халдейские строения. Многому научили людей страх, нужда и смерть, но величайшим учителем...

Улу запнулся.

Нанаи дружески улыбнулась ему, побуждая к откровенности. Она любила Улу, как брата, как лучшего из людей. Когда, пробудившись, она думала о нем, ей становилось радостно, лицо ее светлело, девушке хотелось быть доброй и нежной. Нет сомнения, что своим стремлением к знаниям она тоже была обязана Улу. Улу казался ей самым просвещенным из жрецов, самым мудрым из ученых. Никому другому не дано было столь проникновенно оценить художественные сокровища Старого Света. Никто другой столь совершенно не мог постичь красоту и мудрость письменных памятников, начиная с древнейших времен. Улу сам видел многое из того, о чем он рассказывал Нанаи. Ему довелось лицезреть пирамиду Хеопса и знаменитые египетские пилоны. Благоговевая, останавливался он подле мраморных скульптур Греции. Улу посчастливилось видеть великолепные чертоги Ассирии и дворец Миноса на Крите. Он хорошо знал архитектурные сооружения прославленного Карфагена и мог не только описать их, но и рассказать, как и почему были они воздвигнуты. И так, не будь мрамора, у греков не было бы скульптур; не будь гранита, не высились бы пилоны, охраняющие вход в египетские храмы; без глины не были бы воздвигнуты халдейские строения, удивляющие весь свет. Стало быть, учитель человека – это природа. Как проста мудрость Улу!

А еще он сказал, что наставниками человека являются также страх, нужда и смерть, но величайший из них...

Тут Улу замолк, не докончив своей мысли. Нанаи робко напомнила ему, что величайший учитель... С замиранием сердца ждала девушка ответа, словно Улу сейчас откроет перед ней величайшую тайну жизни.

Взгляд учителя посерьезнел; взяв руку Нанаи в свои руки, Улу проговорил:

– Величайшими учителями каждого человека и всего человечества были, есть и будут ненависть и любовь.

Нанаи вздрогнула и выдернула руку. Да, и в ней живут оба эти чувства, не раз повергавшие ее в трепет. Как часто, нахлынув бурными потоками, они захлестывали ее сознание, лишая ясности мысли! С тех пор как, едва вступив в жизнь, узнала она Устигу и Набусардара, ее преследовали, не отступая, ненависть и любовь. Нанаи стояла меж ними, словно между высокими стенами, уходившими в небесную высь. Впервые они полонили ее в Оливковой роще – с ней случилось то же, что бывает с неосторожным пастухом, погнавшимся за отбившейся овцой и сорвавшимся в пропасть. Теперь она, вроде того пастуха, стоит на песчаном дне ущелья и молит небо о помощи. Некогда она верила в любовь, считая ее неприступной твердыней. А теперь против нее выросла стена, имя которой – ненависть. Ненависть швырнула ее, как игрок кость, в смуту

жизни. Прежде любовь вызывала в Нанаи только нежность, теперь она стала источником ненависти. Любовь и ненависть слились в ее сердце в стремительный вихрь, который треплет ее, словно ветер – рубище странника. Неужто же для того и вселились они в ее сердце, чтобы стать ее учителями, величайшими учителями, как говорит Улу? Добрая Таба, провожая ее сюда, предсказывала на прощание, что любовь свою она искупит страданием, во имя любви она должна претерпеть все муки, предопределенные ей судьбою.

Но кого она любит? Кого ненавидит? Набусардара, Устигу, Улу, Теку?

Сам рок судил ей эту жизнь, и теперь Нанаи яснее чем когда-либо видит, что главный в ней – Набусардар; но что Непобедимый определит для нее?

Нанаи украдкой взглянула на Улу.

Духовный пастырь читал в ее глазах, словно в раскрытой книге, он умел заглянуть в самые сокровенные уголки смятенной девичьей души, словно смотрел сквозь прозрачные воды озера на его дно.

Улу хорошо чувствовал тонкую натуру Нанаи. Он все понимал, даже когда девушка хранила молчание.

Улу был невластен что-либо изменить в ее судьбе, не рискуя нарушить волю Набусардара. Но он всей душой сочувствовал Нанаи. Жреца страшила мысль, что вдруг Непобедимый, натешившись, бросит ее. В конце концов Улу решил, что если уж Нанаи пришла искать здесь защиты от злых помыслов Эсагилы, то ей более пристало принадлежать Набусардару, чем случайному мужчине, который купит ее за золото.

Прервав молчание, Нанаи произнесла;

– Я согласна с тобой. Меня в поступках моих почти всегда вели любовь и ненависть. Но скажи, мой ученый, мой мудрый наставник, неужели также поступаете и ты, и Набусардар, неужели так же вел себя и великий Гильгамеш?

– Да.

– В прошлый раз мы читали предание о том, как храбрый Гильгамеш охотился на львов. Скажи, как стал Гильгамеш великим охотником, что помогло ему – любовь или ненависть?

– И то и другое, – не колеблясь, ответил Улу. – Он любил сильных и отважных, ненавидел слабых и трусов.

– Мне думается, что и Набусардар такой же, как Гильгамеш, – молвила Нанаи, и глаза ее засветились.

– И ты не ошибаешься, – согласился Улу.

– Ну, читай же... читай мне новую легенду о Гильгамеше, премудрый.

Нанаи слушала Улу, затаив дыхание.

Время бежало быстро, так что они и не заметили, как солнечные лучи осветили ветви пиний с другого бока. Не слышали они даже пения и рокота египетской сестры, под звуки которой на подворье сменилась стража.

И лишь когда над ними вдруг склонилась седая голова скульптора, они очнулись.

Улу взглянул на солнечные часы и глазам своим не поверил.

– Однако я покушаюсь на время других.

Но скульптор не рассердился, увидев в руках наставника эпос о Гильгамеше.

– О, за чтением преданий о Гильгамеше можно забыть обо всем на свете, не только про глину и резец. И я в молодости целыми днями просиживал над сказаниями о нем. Да и теперь люблю их перечитать. Когда на Вавилонию обрушиваются невзгоды, Гильгамеш укрепляет мои силы, помогает выстоять и верить.

Пока скульптор беседовал с Улу, Нанаи взяла таблички и принялась читать с того места, где они кончили.

Но вскоре Гедека прервал ее.

– Я рад, что тебе пришлось по душе лучшее, что создано халдеями в литературе. Я полагаю, это очень обрадует и непобедимого Набусардара.

Улу поспешил опередить ответ девушки:

– Спору нет, успехи и прилежание Нанаи доставят Непобедимому большую радость.

– Своенравна только, – улыбнулся скульптор. – Вот и теперь ей, видите ли, потребовалась собственная мастерская, а в мою, мол, она будет приходить только за советом.

– Если бы я волен был решать, – попытался смягчить ворчанье скульптора Улу, – то не стал бы ей перечить.

– Досточтимый Улу, – укоризненно произнес Гедека.

– Да, да, мастер, я бы позволил, решить я этого не в силах, но помочь Нанаи мне хотелось бы. Она заслуживает того, чтобы эта ее просьба была исполнена. Ведь и детям дают только те игрушки, которые им по вкусу.

– Но для Нанаи это не детская забава. Она занимается моим ремеслом настойчиво и целеустремленно. Она хочет создавать скульптуры, а не развлекаться.

Глаза Улу задорно вспыхнули.

– Тем лучше, мастер, тем лучше. Ну, не буду отнимать у вас время, – заторопился он, – теперь оно принадлежит вам, да и мне пора приняться за свои дела... Да хранят вас боги.

– Будь благословен, брат Улу, – попрощался с ним скульптор.

Едва Улу покинул их, Гедека сел рядом с Нанаи и завел речь о Набусардаре. Он чувствовал, что владыка, как всегда явится во дворец неожиданно-негаданно.

Осторожно, исподволь готовил он Нанаи к этой встрече. Его слова неизменно звучали сердечно, дружески.

Начал он издалека:

– Знаешь ли ты, средоточие любви, что огонь порождает тепло, ветерок бурю, улыбка вызывает восторг, а восторг рождает надежду, знаешь ли, откуда берет начало родник, способный излиться в могучий поток и пробиться к заветной цели?

Гедека говорил, а Нанаи засмотрелась на терракотовый улей. Около летков его роились

пчелы. Учитель окликнул девушку, и она, очнувшись, в смущении ответила ему вопросом:

– Для чего ты говоришь мне об этом, дорогой учитель?

– Я хочу напомнить тебе, избранница моего господина, чтобы ты сама стала тем огнем, который обогреет моего владыку, тем ветерком, что породит в нем бурю. Чтобы ты была для него облачком; и подобно тому, как пролившийся из облачка благодатный дождь поит иссохшую землю влагой – так и ты утолишь его жажду. Будь для него улыбкой, вызывающей восторг, надеждой, которая наполнит смыслом его жизнь. Родником, дающим начало рекам и морям, по берегам которых селятся народы и возникают государства.

– Зачем это мне делать, учитель? – Нанаи крепко жала руками глиняные таблички. – Зачем это мне, если бы даже я и смогла стать всем этим?

Скульптор улыбнулся.

– Если ты сумеешь стать для него всем этим, мой господин обретет в тебе источник силы, ты сделаешь его неуязвимым, ты, будешь для него словно алмазный перстень. Он тебя боготворит, а за любовь платят любовью.

– Любви я не противлюсь, Гедека. Напротив, нынешняя весна словно околдовала меня. Но стоит мне подумать о любви, как охватывает меня недоброе предчувствие – что, если наш дворец посетит владычица подземного царства и унесет с собой персидского князя? Он не в силах долго противиться судьбе. И тогда для меня наступит самое ужасное, отчего уже теперь леденеет сердце. Нет, смерть меня не страшит, но я не хочу умереть, не избавившись от проклятья. Оттого не смею я радоваться, хотя в сердце моем расцветает весна. Оттого боюсь признаться, что втайне жду своего господина, жду, как светильник, в котором вот-вот зажгут пламя... и замираю при мысли, что Набусардар, возвратившись, велит казнить Устигу.

– Ну, а если б ты верила, что он дарует ему жизнь?

Нанаи глубоко вздохнула.

– Ты могла бы больше верить Непобедимому. Набусардар – человек чести, и если он обещал помиловать Устигу, можешь ему поверить. Уезжая, он наказывал нам беречь Устигу как зеницу ока – иначе всем несдобровать.

– Какую тяжесть ты снимаешь с моей души, учитель! Ведь с тех пор, как я отдала Устигу в руки солдат Набусардара, совесть беспрестанно мучает меня!

– Поверь, – продолжал скульптор, – для него самого выгоднее сохранить Устиге жизнь. Но спокойствия ради попроси его об этом еще раз сама.

– Я на коленях буду его просить, развяжу ремни на его сандалиях, буду целовать его ноги и просить-просить...

– Конечно, он не откажет тебе; поверив твоей любви, он исполнит любое твое желание. Я говорю так, потому что знаю его. Но будь осмотрительна, не пробуди в нем подозрений...

Гедека замолчал и вдруг спросил нерешительно:

– Или, быть может, ты любишь Устигу?

– Давно, очень давно, не ведая об Устиге, я отдала свое сердце Набусардару, мой добрый учитель, но не смела поверить своему счастью: меня терзало сознание того, что я обрекла на смерть своего спасителя. Я отклоняла уверенья Набусардара, боясь,

что он нарушит свое слово. Но ты убедил меня, я верю его благородству, и мое сердце открыто для него.

* * *

Когда распахнулись ворота борсиппского дворца и стража приветствовала Набусардара, ничего не подозревавшая Нанаи гуляла по аллее парка. Она читала жизнеописание царя Саргона Аккадского.

В глубине парка, любясь своим отражением в зеленой воде пруда, стоял веселый бог Таммуз – бог цветов и рощ. Нанаи любила этот уголок, он напоминал ей о бескрайних равнинных просторах, раскинувшихся в окрестностях Деревни Золотых Колосьев. Две высокие оливы за бугром были будто из родной Оливковой рощи. Пальмовая аллея рождала воспоминание о пальмовых рощах, окружавших пастбище. Здесь она всегда чувствовала себя спокойно и просто, как дома, и, в порыве благодарности, сыпала к подножию изваяния бога Таммуза блестящие ракушки. Видно, жертва эта была приятна богу, потому что он все время улыбался.

Но не только ракушками услаждала Нанаи божество. Она читала ему о героях и о влюбленных, пела у его ног вдохновенные гимны, сложенные в честь любви. Вот и теперь, устроившись на берегу пруда, она читала ему вслух о великом Саргоне.

– «Мать моя происходила из древнего, знатного рода, отца своего я не знаю. Я Саргон, могущественный царь. В городе Азупирану, что лежит на берегу Евфрата, носила меня моя мать, происходившая из знатного рода, и родила меня тайно. Она положила меня в корыто, обмазанное земляной смолой, и пустила его по реке. Течением принесло меня к Акки, водолею. Тот усыновил меня, воспитал и обучил садоводству. Мое усердие пришлось по душе богине Иштар, и стал я царем и правил сорок пять лет».

– Видишь, Таммуз, – прервала свое чтение Нанаи, – богиня Иштар была благосклонна к Саргону и сделала его царем. И меня полюбила Иштар. Она и ты, любящий брат ее, – мои покровители. Только не знаю, какой жребий она мне уготовала. Ты, бог Таммуз, к твоим стопам сыплю я самые красивые ракушки... Не можешь ли ты выведать у нее, что меня ожидает? Я принесла бы тебе драгоценных камешков. У меня их полные сундучки. Сам Набусардар велел подарить их мне. Он думал развеселить меня, а они меня ничуть не радуют. Если бы знать, что впереди, – вот это была бы радость. Посвяти меня в тайну будущего, Таммуз, в чьей власти украшать цветами голые ветки, а нежные цветенья превращать в сладкие плоды! Открой, и я добавлю к ракушкам камень лигир, делающий глаза зоркими, оникс, который предохраняет тело от огня, яшму, которой боятся звери, ясный, как солнышко, янтарь.

Нанаи смолкла и услышала журчание воды, бежавшей из канавки в пруд, но ответа Таммуза не разобрала.

Тогда она снова обратилась к нему:

– Открой мне, останусь ли я в этом дворце или еще вернусь к своим белым овечкам.

Ей так хотелось хоть одним глазком взглянуть на родные места! Увидеть морщинистое лицо отца, стоящего на пороге глинобитной хижины. Поклониться деревянному, раскрашенному красной, голубой и желтой красками Энлилю, устроившемуся на полочке у входа. Каким невзрачным казалось ей теперь изделие отца по сравнению с тем, что

окружало ее во дворце!

Но как он дорог ей, этот деревянный божок, и как отрадна сама мысль о нем! Если б не эти стены, Нанаи убежала бы домой, лишь бы дотронуться до тех вещей, среди которых она выросла.

– Или я больше не вернусь к ним и навсегда останусь здесь? О Таммуз, в чьей власти лишить деревья листвы, а весной вновь одарить их зеленью, скажи, будет ли принадлежать сердце Набусардара только мне или я должна остерегаться своего чувства! Я дам тебе еще камень хризолит и камень аметист...

Нанаи испытующе вглядывалась в каменное лицо статуи.

А в этот момент Набусардар стоял у крайней пальмы на террасе. Едва войдя во дворец, он спросил Теку о Нанаи и, не скрывая волнения, бросился в сад. Заслышав голос Нанаи, беседовавшей с божеством, он остановился, наблюдая за нею. Оставив на время нелегкие армейские обязанности, он страстно мечтал о свидании с Нанаи, но сейчас потревожить ее не решался. Стоя за деревом, Набусардар ждал.

И тут он заметил, как над террасой вспорхнули две белые бабочки. Резвясь и играя, они спускались все ниже и ниже, пока не очутились над кустарником, совсем рядом с Нанаи. Она замерла от неожиданности.

Нанаи думала о своей родной деревне, об окружавших ее полях, над которыми вот также порхали бабочки, – а теперь они кружатся здесь, чтобы передать ей привет от Оливковой рощи.

Нанаи положила табличку на траву и тихонько подкралась к бабочкам. Ей хотелось дотронуться до них, погладить, подержать в ладони. Но бабочки взмахнули крыльшками и улетели прежде, чем она дотянулась до них.

Девушка с сожалением посмотрела им вслед и, наблюдая за их полетом, все выше запрокидывала голову, пока спящие лучи солнца не ударили ей в глаза.

Набусардар вышел из-за своего укрытия и, неслышно приблизившись, положил ладони на ее плечи. Он хотел легонько коснуться их, но, ощутив тепло ее тела, не удержался и заключил Нанаи в объятия.

Ослепленная солнцем, она не узнала Набусардара и сперва испугалась. Но звуки знакомого голоса рассеяли ее страх.

– Господин, – смущенно вымолвила она. Слабый румянец, делавший ее еще более красивой, заливал щеки, подчиняясь смущению, как волны озера подчиняются ветру.

Позабыв обо всем на свете. Набусардар снова обнял Нанаи, прижав ее к своей груди, закрытой лишь легким хитоном. Он все еще не верил, что она не гонит его прочь, а покорно и нежно принимает его ласки.

– Целую вечность не видел тебя, – говорил он проникновенно, – целая вечность прошла с той поры, как я уехал. Я исполнил свой долг и теперь проживу здесь, чтобы насладиться твоей близостью, моя избранница, госпожа моего сердца. – Заметив, что Нанаи нахмурилась, он пылко повторил: – О да, мое сердце избрало тебя навеки, и ты станешь полновластной его повелительницей. Прежде чем начнется война с персами, ты станешь моей женой, моей законной госпожой. Я получу на это соизволение царя. Так я хочу, и так будет. Только люби меня. И верь. Ты должна принадлежать мне, и никому другому. Мне, мне одному.

Зловещим призраком промелькнула в его сознании распутная Телкиза, и Набусардар, говоря о любви, вдруг против воли скрипнул зубами.

– Я давно люблю тебя, господин. И давно принадлежу тебе одному, но события и время воздвигли между нами преграды, пытаюсь убить наши чувства.

– В моем сердце, дорогая Нанаи, оно не умирало ни на единый миг. А если твое сердце дрогнуло – не поддавайся. Я назову тебя любимой женой, дай только срок. Мне нужно выбрать подходящую минуту, чтобы переговорить с царем и высокородной Телкизой, моей нынешней супругой. Я обязан соблюдать закон, чтоб никто не посмел мне бросить упрека, будто законы писаны лишь для простых людей, а не для знатных вельмож.

Такой упрек он уже слышал от Нанаи, когда хотел казнить пленного Устигу, привязав к своему скакуну. Напомнив Нанаи ее же слова, он усмехнулся.

– Не надо, не вспоминай о прошлом, – взмолилась она.

– Ты все еще любишь Устигу? – Набусардар замер.

– Я хочу любить тебя одного. И любить вечно; если ты не изменишь мне, я не изменю тебе никогда.

– Я пережил столько измен... С меня довольно. Я хочу сделать борсиппский дворец самым счастливым местом на свете.

Набусардар умолк и перевел взгляд на террасу.

К нему снова вернулись мысли о ратных делах. Мятеж в арабских провинциях, заботы, обрушившиеся на него после возвращения из поездки по сторожевым отрядам. Обсудив положение с Наби-Иллабратом, он приказал усилить заслоны на западных рубежах. Это было единственно приемлемое решение, так как дробить армию ради подавления мятежа за пределами Вавилонии было опасно: угроза персидского вторжения надвигалась неотвратимо. Кира задерживал лишь смертоносный август; август сулил передышку и вконец измученному Набусардару.

Но нужно еще уладить дела с Эсагилой. Пожалуй, он потребует взамен угнанных поселенцев часть солдат Храмового Города. Исме-Адад дорого заплатит за то, что исподтишка протянул руку к царскому добру.

Протест против ареста Гамадана, старейшины общины военных поселенцев, он послал, едва вернувшись в Вавилон, прямо из дома командования армии. Заботы, заботы – и нет им конца.

Но теперь ему не хотелось думать о неприятном. Хотелось полного отдохновения и беззаветной радости.

Он вспомнил об одном укромном уголке во дворце, куда можно бежать, скрывшись от треволнений мира. Набусардар подумал об увитой зеленью террасе, служившей ему убежищем в нестерпимо душные дни и ночи. Там были его библиотека и мраморное ложе, убранное шерстяными покрывалами и подушками. Там ждали его тишина и одиночество, которое никто не смел нарушить по своей воле.

Набусардар хлопнул в ладоши и приказал явившемуся на зов караульному послать к нему Теку.

Тека нашла их уже на террасе; Набусардар сидел с Нанаи на мраморном ложе, устланном коврами. Он приобрел их когда-то у персидских купцов. По приказанию Набусардара рабыня накрыла стол и устала его изысканными яствами. Посредине, словно бутоны роз, алела сочная земляника в холодном сиропе. Рядом стоял кувшин с вином, два золотых кубка и анисовое печенье, похожее на золотые монеты. Тут же было залитое соусом мясо, салаты и фрукты.

Когда Тека скрылась за стеной зелени, Набусардар обратился к Нанаи:

– Не отведаешь ли ты ягод или вина моих виноградников?

– Я отдам предпочтение вину твоих виноградников, господин, так как отдаю предпочтение всему, что принадлежит тебе. Уже под сенью Оливковой рощи я говорила, что давно люблю одного тебя и очень тоскую по тебе. Тогда я согласилась бы умереть только за то, чтоб испробовать твоего вина. А теперь я хочу жить твоей любовью, хочу впивать ее напитком, который предлагает мне твоя рука.

Набусардар собрался было взять со стола вино, но остался сидеть на месте, замороженный ее словами. Наконец-то Нанаи сама призналась ему в любви, открыв перед ним свое сердце! Только не лукавит ли? Нет ли в ее признаниях фальши? Он смотрел на девушку и видел, что она ясна, как стеклышко, чиста и светозарна, как солнце, дарующее земле тепло. Он мудро поступил, оставив дворец и препоручив Нанаи попечению скульптора!

Неизъяснимую радость доставила ему столь долгожданная перемена. Набусардар схватил руку Нанаи, поднес кончики ее пальцев к своим губам и не поцеловал, а нежно дохнул на них.

– Я счастливейший из людей, ты цветок моего сердца, оазис в пустыне, гранатовый плод, – шептал он в упоении, – я счастливейший из смертных, потому что любим и люблю, люблю истинно. Как я хочу, чтобы и ты была счастливейшей из женщин – ведь и ты любишь и любима, как ни одна женщина в Халдейском царстве! Самых блистательных цариц не любили так как люблю тебя я. Ни один царь не любил так, как люблю я. Будем же счастливы, любовь моя, пусть счастье будет нам наградой за те страдания, от которых не уберегла нас жизнь. Будем счастливы вместе – ты и я...

Он порывисто обнял ее, и сердца их забились рядом, заглушая стук другого.

– Может ли человек быть так счастлив, господин? – прошептала она, вспыхнув.

– Счастье человеческое воистину беспредельно... но прошу тебя, не называй меня господином. Зови меня, как называла ты своего избранника в грезах.

– О тебе были мои грезы, великий Набусардар, о тебе и Гильгамеше.

– И кого же ты предпочла, моя ненаглядная? – нежно спросил он, любуясь очертаниями ее губ.

– Засыпая, я шептала строки из легенды о Гильгамеше, а думала о тебе. Подвиги Гильгамеша были твоими подвигами. Любовь Гильгамеша была твоей любовью, вся жизнь Гильгамеша была твоей жизнью. А еще я думала о скульпторе Гедеке, изваявшем Гильгамеша с львенком под мышкой, и мечтала быть львенком, которого ты прижимал бы к своему телу. Я очень тосковала. Поверяя темноте свою тоску, я звала тебя из Вавилона в Борсиппу и верила, что однажды ты все-таки явишься. Явишься мне в сновиденье и заключишь в свои объятия, и я смогу сказать тебе все, чего не решалась произнести наяву: милый, любимый, прекрасный, желанный мой.

– Вот и зови меня так отныне, да прижмись ко мне покрепче, я хочу, чтобы ты почувствовала, как сильна и надежна моя защита. Будь львенком, но будь и любящей женой, у которой я найду поддержку и опору.

Она слушала его, как слушает раскрытая чашечка цветка перезвон благодатных дождевых капель, стекающих на ее донце. Она слушала его и потом ответила так:

– О, я буду огнем, который обогреет тебя, я буду ветром, который породит в тебе

бурю. Я буду облачком, и, подобно тому, как пролившийся из облачка благодатный дождь поит иссохшую землю, я утолю жажду уст твоих после тяжких трудов. Я буду тем восторгом, что наполнит смыслом твою жизнь; улыбкой, вселяющей надежду; родником, дающим начало рекам и морям, по берегам которых селятся народы и возникают государства. Я хочу быть для тебя всем этим, чтобы ты обрел во мне новые силы и стал неуязвимым.

Она всего лишь повторяла слова скульптора, но какое это имело значение!

В это мгновение они стали ее собственными словами, только ими могла она выразить то, что переполняло ее душу.

Удрученный треволнениями последних недель, Набусардар почувствовал, что слова ее, как целебный бальзам, пролились на его раны. Наконец-то напряжение мучительных дней, проведенных в сторожевых отрядах и в Вавилоне, сменилось ощущением безграничной радости и покоя. Счастье переполняло его, оно затопило его, как лавина, и он схватил и поднял Нанаи высоко-высоко, к самому небу, и вдруг рассмеялся хрипловатым смехом солдата.

Он все смеялся, так как ощущение счастья не ослабевало в нем, и тогда Нанаи спросила:

– Над кем ты смеешься, господин?

– Над богами, – отвечал он, смеясь. – Над нашими золотыми, медными, бронзовыми, железными, каменными, деревянными и глиняными богами. И как мог я когда-то верить, что они даруют людям блаженство! Теперь я убедился, что человек сам творит свое счастье. Нет богов, Нанаи, и не их воля движет миром, а люди.

– Только Энлиля не отвергай, господин, это он создал меня и послал тебе. Энлиль – бог живой, он сотворил море и твердь земную.

Набусардар опустил Нанаи на ложе и серьезно посмотрел на нее.

Она прервала нить раздумий новым вопросом:

– О господин, ты отрекся, покинул и предал сущего бога или еще только ищешь дорогу к нему? А я уже обрела ее в знаменнии, которое он послал мне. Я верную в бога живущего и молю тебя, Непобедимый, уверуй в него и ты, чтобы ничто не разделяло нас, чтобы соединились и мы навеки, ведь мы так страстно желаем этого.

– Так и быть, – шутливо согласился Набусардар и подсел к ней на ложе, – если он пошлет мне победу над персами.

– Не искушай судьбу, – отозвалась Нанаи с укором.

– Кто столько раз был обманут, тому трудно верить даже в самого бога.

Изо дня в день, любовь моя, я сталкиваюсь с подлостью и обманом, и я считал бы себя легкомысленным, если б доверял каждому встречному, легковверным, если бы поклонялся каждому богу, какого укажут.

– О господин, ты мудр, велик и могуч, тебе лучше знать, как надо поступить.

– Я пытаюсь постичь самую суть происходящего, и злу противопоставить добро. Я убежден, что поражение персов благо для всех, и я все делаю ради этого, иной заботы у меня нет. Я создал армию вопреки воле чуть не всей Вавилонии и знаю, что у меня много недругов. Но мне они не страшны, пока ты, чистая, ясная, рядом со мной. На будущее мне нужны только армия и твоя любовь. И пусть меня окружают ненависть и

злоба, все-таки я счастливейший из смертных и сейчас желаю только одного – насладиться счастьем.

– Твоя отвага удивительна, как могущество богов, – прошептала Нанаи, – ты всесилен, как сами боги, Набусардар.

– Мир еще услышит обо мне, любимая, и тогда прозреют и слепые.

Она приникла к нему, чувствуя себя в безопасности под защитой его рук.

– Не будем больше, говорить о войне! Я хочу покоя, безмятежного покоя. Хочу быть с тобой, моя радость. Ты исполнила самое сокровенное мое желание, и я готов исполнить все твои желания. Говори, Набусардар ни к одному не останется глух. Хочешь драгоценностей, нарядов, дворцов, прислужников, тысячи рабов?

– У меня нет таких желаний, господин, – скромно ответила Нанаи.

– Стало быть, есть другие?

– Есть одно, однако мастеру Гедеке оно кажется неисполнимым.

– Разве на свете есть невыполнимые желания? – изумился Набусардар.

– Быть может, тебе это покажется смешным и тщеславным, но Нанаи хотелось бы...

– Говори смело, моя желанная.

– ... хотелось бы иметь свой уголок во дворце, -где хранилась бы глина и инструменты и куда никто, кроме нее, не смел бы входить..

– О-о-о, возлюбленная, – Набусардар обнял ее за плечи, – одно твое слово – и я весь дворец превращу в такой уголок, храни в нем глину и инструменты, все, что душе угодно, никто, кроме тебя, не посмеет туда войти.

– Благодарю, благодарю от всего сердца. Мне достаточно и маленькой комнатки. – Нанаи опустила ресницы.

– Смее ли я знать, что ты задумала, любовь моя? Нанаи несмело качала головой.

– Но разве я не говорил тебе минуту назад, что отныне мы с тобой – одно? Тебе нечего таиться передо мною. Ты хочешь, чтоб я не доверял и подозревал тебя?

– Моя тайна не должна пугать тебя. Но чтобы ты был спокоен, я открою ее тебе.

Нанаи глубоко вздохнула и, взяв его за руку, подвела к краю террасы. Оттуда открывался вид на долину Евфрата. Сев на перила, Нанаи показала ему заросшую травой аллею, тянувшуюся по противоположной стороне реки, Деревья, под сенью которых дремала тишина.

– Там, – начала она, – там я видела недавно молодую мать, она кормила ребенка. Он положил ручонку ей на грудь и улыбался. Мне очень захотелось вылепить скульптуру матери с улыбающимся младенцем на руках.

Но для этого мне нужен отдельный уголок: Гедека не позволил бы мне заняться этим. Он требует, чтобы в работе я шла последовательно, придерживаясь его указаний, а мне, о мой повелитель, так хочется вылепить скульптуру матери с улыбающимся младенцем. Позволь мне, господин, позволь мне сделать это! Наше прежнее искусство холодно, мертво, неподвижно, а я думаю передать в глине и камне обаяние и мягкость людей красивых и добрых, они должны быть такими, как твои греческие статуи. О, я

мечтаю об этой работе.

Набусардар был растроган до глубины души. Его могучая армия, неприятель, стоящий у рубежей государства, – все куда-то отодвинулось, растворилось в дымке, он видел одну лишь Нанаи с ее чистой мечтой.

Порывисто опустившись перед Нанаи на колени, он стал целовать кончики пальцев ее правой ноги, чего не делал еще ни одной женщине. Так выражал он Нанаи свою благодарность за то, что она мечтала о материнстве. Телкиза не родила ему никого. Пусть же Нанаи подарит ему сыновей, а с ними продолжение жизни.

Обхватив ее ноги, закрытые длинными юбками, он с жаром воскликнул:

– Ты сама станешь матерью, и младенец будет улыбаться у тебя на коленях.

Она поняла не сразу, постепенно слова доходили до ее сознания: «Ты сама станешь матерью, и младенец будет улыбаться у тебя на коленях».

– Ты будешь матерью моих детей, и они будут улыбаться, сидя у тебя на коленях. Они будут красивы, как греческие боги, и добры, как люди. Они будут похожи на нас, бесценная.

И он снова обнял Нанаи, целуя ее одежды. Покорный силе чувства, он осыпал ее ласками, а она шептала в упоении:

– Ненаглядный, прекрасный, любимый мой.

* * *

Владыка борсиппского дворца погрузился в блаженный сон, он грезил о счастье, а всеильное коварство таилось в засаде, и Эсагила злобно и ревниво подстерегала любовь Набусардара, подстерегала – потому что близились празднества богини Иштар, и Храмовый Город должен был выполнить перед Сибар-Сином свои обязательства, касавшиеся дочери Гамадана.

За несколько дней до торжеств отцу Нанаи объявили приговор. Мардук жаждал его смерти, но если Гамадан согласен отдать Нанаи в жрицы храма Иштар, то бог дарует ему жизнь.

Гамадан наотрез отказался купить себе жизнь столь дорогой ценой.

Не сдержавшись, он заметил:

– Непостоянен Мардук в своих желаниях. Перед вынесением приговора вы твердили, будто он желает моей крови. А теперь небесный благодетель вдруг передумал и вместо крови старца требует тела дочери.

За столь дерзкие слова Гамадана снова бросили в темницу, и теперь его ждал суд за богохульство.

Однако не мысль о расплате с Сибар-Сином тревожила верховного жреца, омрачая канун торжеств. Его лишили покоя опасения за судьбу Сан-Урри, посланного на север – до

сих пор от него не было вестей. Поэтому даже открывавшийся с террасы его особняка вид на шумные улицы и сады, где готовилось щедрое пиршество, пиршество любви, не тешил его.

Исме-Адад не слышал ни звуков песен, ни гомона пестрой толпы горожан с венками на голове – ничто не могло дать ему забвения. Он не обрел спокойствия, даже когда, покинув террасу, в сопровождении жрецов отправился на моления в святилище Иштар. Ему казалось, что таких унылых празднеств еще не бывало.

Перед храмом Иштар его ждала толпа, люди принесли сюда цветы, благовонные мази в золотых ларцах, душистые масла в изящных амфорах, драгоценные вазы, роскошные чаши, наполненные хмельными напитками, богатые вышивки и дорогие ткани, драгоценные украшения и произведения искусства. Отягощенные дарами, они с нетерпением ждут, когда им позволят принести жертву на алтарь богини. Здесь так высоко ценят любовь, что иные готовы пожертвовать все свое достояние, лишь бы снискать благосклонность своей избранницы.

Сибар-Син, расхаживая по нарядным, украшенным гирляндами улочкам, приглядывается к девушкам, которые безропотно приняли выпавший на их долю жребий и готовы принести жертву очищения.

У одних на лицах страх, у других – вожделение, у третьих – сияющая улыбка. Выстроившись друг за дружкой, стоят они в ожидании тех, кто возьмет их в обмен на горсть золота, которое девушки принесут потом на алтарь богини. Поодаль, на специально отведенном месте, – колесницы и паланкины дочерей знатных вельмож, лица их закрыты кисеей.

Сибар-Син уже обошел все близлежащие улочки, но не обнаружил дочери Гамадана.

Наконец он пробрался к самому входу в святилище, где перед огромной золотой статуей богини Иштар извивались в танце гибкие тела жриц, прикрытые лишь тонкой кисеей. Жрицы плясали и пели, славя великую богиню.

Святилище заполнили сановники, знатные вельможи. Исме-Адад отслужил молебствие и вместе с другими жрецами Эсагилы принес Иштар первую жертву. Внимание мужчин было приковано к извивающимся телам жриц, окутанных прозрачной кисеей. Но Сибар-Сина не увлекло даже это зрелище. Он заглядывал в лица девушек, все еще надеясь отыскать среди них дочь Гамадана, но так и не нашел ее. Тогда он направился в боковой придел, куда, завершив ритуал, должен был проследовать верховный жрец.

Обряд подходил к концу, жрицы уже прекратили пляску, и в храм хлынули толпы с жертвенными дарами; благословив паству, верховный жрец удалился, сопровождаемый высшими священнослужителями. Но стоило ему войти в боковой придел, как перед ним возникла фигура юноши, богато одетого. Сибар-Син низко поклонился. Исме-Адад лишь слегка наклонил голову и хотел было пройти мимо, но юноша преградил ему дорогу:

– Святейший... Праздник очищения начался.

– Не будь нетерпелив, – улыбнулся верховный жрец.

– Праздник очищения начался, – с досадой повторил Сибар-Син, – но я не вижу дочери Гамадана. Она должна была ждать меня в святилище Мардука. Я помню ее волосы, они цвета меди, а таких ни у одной я здесь не видел.

Исме-Адад с деланным недоумением оглянулся на жрецов и задержал взгляд на своем новом доверенном, преемнике Улу.

– Да, да, – не растерялся тот, – перед самым богослужением нам передали, что дочь Гамадана исчезла. Многие утверждают, будто видели ее труп в волнах Евфрата: Слух

весьма правдоподобен, ибо мать ее Дагар, кончила так же.

– Мир усопшим, – прошептал верховный жрец и испытующе ощупал взглядом лицо Сибар-Сина. У Сибар-Сина сузились зрачки.

– Стало быть, я могу считать себя обманутым? – процедил он сквозь зубы, раздумывая, не потребовать ли ему обратно принесенные Мардуку дары.

Но верховный жрец опередил его.

– Разумеется, благородный Сибар-Син, Мардук возвратит тебе твои сокровища. К сожалению, волов и вино он вернуть не сможет.

– Я не прошу от Мардука того, что принес ему в жертву, – гордо возразил уязвленный Сибар-Син, – я прошу лишь того, что по праву принадлежит мне. Мне нужна дочь Гамадана.

– Все наши старания напасть на ее след оказались тщетны, – прибавил доверенный.

Сибар-Син многозначительно усмехнулся.

– Охотно верю, но ведь Мардук всемогущ и всеведущ. Какую же цену назначит он, чтобы вернуть мне дочь Гамадана? Достаточно ли моего состояния?

– Достаточно и половины, о высокочтимый Сибар-Син, – согласился Исме-Адад, – но ты. должен быть терпеливым.

С этими словами верховный жрец величественно прошествовал вперед.

Празднество продолжалось своим чередом. Народ валом валил в храмы и приносил жертвы. У всех алтарей божьи слуги принимали дары во славу небожителей. Их именем благословляли они верующих за наку – жертвенных животных, за кутрину – благовонные кедр и мирт, за киспу – поминальную жертву, за нуку – жертвенное вино.

Но благосклоннее всего принимали они золотые подношения от знатных и богатых людей. Они курили им фимиами перед главным алтарем, и вельможи отстегивали мечи с золотыми эфесами, срывали с груди золотые цепи, снимали тяжелые перстни с печаткой, золотые, изукрашенные драгоценными камнями и лентами, диадемы и бросали их к подножию богини плодородия, молодости и любви.

Жены отстегивали золотые броши и пряжки со своих одежд, извлекали из причесок булавки, гребни, нити белого, голубого и желтого жемчуга, оставляя ожерелья, запястья и серьги, снимая с себя шитые драгоценными камнями тяжелые одежды, расстилая их перед алтарем. Стоявшие позади них рабыни держали корзины цветов, чаши с маслами и кувшины, наполненные вином.

Под звуки ли, свирелей, арф, флейт и лютен халдеи клали поклоны и молились перед той, что была подательницей материнства, жизни и блаженства. Совершив обряд, люди устремлялись к выходу. Сперва мужчины и женщины двигались плавным, размеренным шагом, но по мере того, как росло возбуждение, степенность их сменялась ликованием, которое находило выход в вихревой пляске. Охваченные фанатическим экстазом, люди врывались в распахнутые ворота священных садов, бросались на мягкую траву под кипарисами, фиговыми пальмами, кедрами и оливковыми деревьями, входили в священные чертоги наслаждений в тени платанов. От пения и музыки трепетали листья и кружили над головами перепуганные голуби. Далеко вокруг расстилался упоительный и благовонный дым жертвенного фимиама.

В чертогах богини Иштар, воздвигнутых из розового мрамора и золота, жаждали любовных восторгов обольстительные прислужницы богини, как две капли воды похожие

на тех, чьи изображения украшали критскую чашу Валтасара, хранившуюся в голубой гостинной злосчастной царицы Амугеи Мидийской.

Сибар-Син несколько раз обошел Священную рощу в надежде отыскать ту, которую должен был ему вернуть Мардук, и после бесплодных хождений остановился наконец перед мраморными чертогами жриц богини Иштар. Десятки женщин встретили его появление одинаковой улыбкой. Сибар-Син неторопливо обводил взглядом женские лица, словно только за тем и явился, чтобы полюбоваться на них. И вдруг его охватило волнение; он не мог отвести глаз от одной из красавиц. Овладев собой, Сибар-Син предложил ей уединиться.

Женщина поднялась.

Ошеломленный юноша любовался стройной фигурой жрицы, узкие одежды делали женщину похожей на украшенную змею. Сибар-Син не сводил глаз с ее спины и бедер, плеч и лебединой шеи, с венца темных волос, блеск которых не уступал блеску черной земляной смолы.

Идея за нею, он беспрестанно спрашивал себя: как могла она здесь очутиться?

Едва переступив порог, он воскликнул:

– Телкиза!

Женщина села на скамью спиной к гостю. Услышав свое имя, она запрокинула голову и невесело рассмеялась, показывая ослепительные, жемчужные зубы. В ее глазах неукротимым пламенем полыхала страсть. На плечи ее спадала прозрачная вуаль, закрепленная на сверкавшей золотом диадеме. Шею охватывал венчик из нарда. Умощенная благовониями грудь блестела. На Телкизе была лишь узкая юбка, схваченная на бедрах золотым пояском.

Сибар-Син, распутник, каких свет не видывал, удивленно качал головой, не веря собственным глазам.

– Телкиза, жена Набусардара, среди жриц богини Иштар? Вот куда привела тебя ее благосклонность!

Положив голову на спинку скамьи и слегка покачиваясь, она спросила с раздражением:

– Чему ты удивляешься, Сибар-Син? Чему удивляешься ты, кто ради любви не жалеет бесценных сокровищ? Судя по всему, нет для тебя в мире ничего дороже наслаждения. Но, зная цену удовольствиям и блаженству, отчего удивляешься ты мне, знающей цену удовольствиям и блаженству не хуже твоего?

– Но ведь ты женщина знатного рода, тебе не к лицу завлекать мужчин наравне с продажными женщинами.

– Я хочу жить, – отрезала она, – я имею право жить, – и странное волнение охватило ее тело.

– Я уведу тебя к себе во дворец.

– Этого мне уже мало, Сибар-Син. Я мечтаю о мужчине, подобном Набусардару. О сильном и статном мужчине. Ты знаешь, как он красив и силен. Никто в Вавилонии не сравнится с Набусардаром. Даже сам Таммуз. Разве только витязь Гильгамеш мог бы померяться с Набусардаром силой.

– Ты раздражена, Телкиза, я не верю ни одному твоему слову. Ведь еще совсем недавно ты убеждала меня в обратном. Тогда ты уверяла, что ненавидишь Набусардара.

– Зато теперь люблю так же сильно, как раньше ненавидела. Чего бы только я не отдала, лишь бы вернуть его любовь. Сколько золота пожертвовала я на алтарь Иштар, лишь бы она оживила в нем прежнее чувство! Я ждала его здесь, среди этих женщин, но он не пришел на празднества.

Кусая губы, она отвела взгляд от собеседника и уставилась куда-то в потолок.

– А ты знаешь, почему он не пришел, – снова заговорила она, повысив голос, – хотя сегодня здесь все сановники Вавилона? Потому что в Борсиппе – тоже любовное пиршество. Покончив с делами, уверившись в могуществе войска, он всецело занят ею.

– О ком ты говоришь?

– О той, что должна принадлежать тебе.

– Не понимаю.

– Поймешь, когда я назову тебе ее имя. Нанаи. Дочь Гамадана.

Сибар-Син побледнел. Его оливковая кожа – халдеи необычайно гордились красивым цветом своей кожи, видя в нем свое превосходство над другими племенами, – его оливковая кожа посинела.

– Я вижу, ты начинаешь понимать, – заметила Телкиза, пытаясь по выражению его лица определить, пришелся ли удар по цели.

Сибар-Син захрипел, как истекающий кровью лев, пораженный стрелой в самое сердце.

– Нанаи в дворце Набусардара?

– Вот уже несколько недель, – ответила она торжествующе.

– Почему ты не сказала мне об этом раньше?

– Я говорю тебе об этом теперь. – И она снова рассмеялась, рассмеялась, чтобы потерзать его и разжечь в нем гнев.

Подвергая Сибар-Сина пытке, она хотела избавиться от тех мук, которые испытывала сама.

Чтоб окончательно сразить его, Телкиза повторила:

– Да. Я говорю тебе это теперь, всему свое время. Она поднялась со скамьи и близко подошла к Сибар-Сину.

– Надеюсь, ты понимаешь, что должен отомстить Набусардару за меня и за себя? Твоей добычей будет Нанаи, мне же достанется он.

– Чем, по-твоему, можно одолеть Набусардара? Оружием или...

Телкиза опять засмеялась.

– Разве не сказала я тебе: Набусардар так крепок, что, пожалуй, один Гильгамеш мог бы померяться с ним силой. Оружием ты ничего не добьешься. Он воин душой и телом и владеет мечом, как никто из халдеев.

– Но чем же тогда?

– Чем? Запомни, Сибар-Син: оружием можно одолеть лишь более слабого, того же, кто сильнее тебя, – одной хитростью. Запомни это. Если не хочешь в жизни проиграть.

– Говоришь, хитростью?

– Да, хитростью!

– Ты имеешь в виду убийство или предательство? Не знаю, смогу ли я убить собственной рукой...

– Подкупи других. За деньги люди предадут самого Мардука, не то что Набусардара. В награду же получишь Нанаи, а ибо мне не тревожусь.

Телкиза вдруг почувствовала жгучую ревность, и спазма сдавила ей горло. Ища облегчения, она протянула Сибар-Сину руку, как бы скрепляя этим их уговор.

Провожая его из чертога наслаждений, Телкиза прикрыла лицо и грудь вуалью и, остановившись у порога меж шерстяными завесами, смотрела ему вслед.

Ей поклонился какой-то чужеземец, стоявший под каштаном. Он был высок, строен и красив. Глаза его пылали, как уголья. «Верно, какой-нибудь знатный лидиец или мидиец», – подумала Телкиза. У нее было такое чувство, будто взгляд незнакомца хлещет ее тело, словно раскаленный прут. Так уж бывает – если человек, предавшийся какому-нибудь пороку, не оказывает хоть слабого сопротивления, то падает все глубже и глубже. Настает минута, когда порок повергает его в пропасть. Так случилось и с Телкизой. Едва чужеземец приблизился к чертогу, как она молча подчинилась ему.

Гость отлично знал, что перед ним жена Набусардара, именно за ней он и охотился, хотя притворился, будто принимает ее за одну из куртизанок Священной рощи. Телкизе он назвался аммонитянином, который ищет в Вавилоне защиты от кровавого произвола Кира, поработившего его родину. Народы, живущие к северу от Вавилона, говорил он, обращают свои взоры на Халдейское царство с надеждой, что оно поможет им сбросить персидское иго. Однако, чтобы спасти мир, Вавилонии нужна сильная армия, хотя бы такая же, какой располагает Кир.

Телкиза не заметила подвоха. Польщенная в своей гордыне халдейка, она надменно заявила чужестранцу, что Набусардар обладает, по крайней мере, такой же армией, как Кир, и намерен выступить против персов, едва спадет летняя жара.

– Мы. – с деланным воодушевлением продолжал чужестранец, – мы, сыны поработенных народов, верим в победу Набусардара. Свое уменье он доказал уже тем, что поймал лазутчика Устигу. Жаль только, что ему не удалось схватить его живым.

– Насколько мне известно, – простодушно заметила Телкиза, – его отнюдь не мертвым доставили к Набусардару. Устига жив и заключен в темницу борсиппского дворца.

Уходя, чужестранец бросил Телкизе в подол несколько золотых монет. Вероятно, он давно уже покинул Священную рощу, когда Телкиза взяла в руку одну монету. Она вертела ее в руках, разглядывая клинопись. И вдруг ее осенило – да ведь это же персидские монеты, деньги царя Кира!

Изумленная и напуганная, она прошептала:

– Неужто это был перс?

Это и в самом деле был перс, Забада, товарищ Элоса. Под видом погонщика, везущего на убранной цветами телеге девушек на празднество очищения, ему удалось пробраться в Вавилон, несмотря на то что ворота города бдительно охранялись. Забаде не терпелось узнать, жив ли его начальник, князь Устига.

* * *

Близился смертоносный август, месяц ава.

Воздух все накалялся и накалялся, наконец, свирепая жара стала совершенно нестерпимой. Днем Вавилон вымирал, и лишь по ночам, когда наступала прохлада, на улицах появлялись одинокие пешеходы – главным образом водоносы с тяжелыми металлическими кувшинами. Все живое терзал страх – что, если источники пересохнут и воды не станет? В дворцовых молельнях непрерывно горели светильники и курились кадила. Простые смертные полуголыми склонялись ниц перед домашними божками, но молитвы не помогали: десятки родных и близких провожали вавилоняне на кладбища. Мастера, изготавливавшие на берегу Евфрата терракотовые усыпальницы, приостановили работу, и так как умирало множество людей, то возникло опасение, что не хватит запаса глиняных гробов. Хуже всего приходилось караульным, которые должны были неусыпно охранять двести городских ворот. Каждый день уносил несколько солдат, становившихся жертвой палящего солнца. Яростные лучи безжалостно высасывали из них последние жизненные соки и доводили до помешательства. Но невыполнение приказа каралось казнью... Люди с нетерпением ждали конца месяца смерти, а он только еще начинался.

Вавилония казалась погруженной в сон. Всюду царил затишье, все пряталось от огненной колесницы бога Солнца, на которой разъезжал Шамаш; сейчас никто не отваживался поднимать взгляд на его огнедышащий лик.

Из провинций, расположенных южнее Мидийской стены, Набусардару почти не поступало никаких вестей, северные отряды ценой невероятного напряжения проводили подготовку к военным действиям, но о длительных переходах нечего было и думать, учения устраивались попеременно то в огромных описских, то в сиппарских казармах.

Пока страна между Тигром и Евфратом изнывала от зноя и бессилия, на северных ее границах все пришло в движение. Туда подтягивались легионы царя Кира. Многотысячная персидская армия, защищенная ассирийскими горами, стояла наготове, ожидая лишь приказа своего повелителя.

Кир прибыл из Экбатаны, царской резиденции, чтобы лично повести войска на Вавилонию. Однажды он решил проехать берегом канала вдоль северного участка стены.

Стоя в боевой колеснице, он правил четверкой холеных гнедых жеребцов. Дышло, посередине отделанное мозаикой из драгоценных камней, борта колесницы, обшитые золотыми пластинами с изображением боевых сцен, золоченая сбруя, серебряные, усыпанные жемчугом сетки на лбу у коней – все это сверкало под лучами солнца и переливалось всеми, красками.

Справа от Кира стоял воин со щитом, на котором был выбит царский герб. Воин, стоявший слева, держал в руках золоченый лук и стрелы.

Царь, крепко сжимая вожжи, покачивался в такт размеренному бегу коней. Он был красив и статен. Благородством, мужеством светилось его продолговатое лицо, обрамленное недлинной, искусно уложенной курчавой бородой. Усы были сбриты и не скрадывали безукоризненные очертания самоуверенно сжатого рта. Орлиный нос, смоляно-черные, точно прожилки оникса, глаза. Высокий лоб прикрывал шлем с высоким

металлическим гребнем. Грудь царя была забрана чешуйчатым панцирем, из-под которого спускались сборчатые рукава рубахи. На поясе висел меч с агатовым эфесом.

Следом за царской колесницей гроыхали возки высших и младших военачальников. С обеих сторон кортеж сопровождали лихие всадники. В том месте, где стена была наиболее прочной, Кир остановился, чтобы получше рассмотреть халдейские укрепления. Глядя на воды канала, он задумчиво обратился к своему первому полководцу:

– Тут опаснее всего.

– Да, – кивнул тот, – должно быть, Нинбах, строитель, Мидийской стены, призвал на помощь всю свою мудрость, искусство и опыт.

– Как раз за этим участком стены находится плотина Нагар-Малки. Великолепно придумал Нинбах! Даже если неприятель преодолеет стену, достаточно поднять плотину, чтобы превратить окрестности в огромное озеро и утопить в нем войско врага. Эта коварная плотина внушает мне тревогу.

Полководец ободряюще усмехнулся:

– Царь царей, боги милостивы к тебе, и плотина Нагар-Малки – в руках богов, а не халдеев.

– Год тому назад ты тоже говорил, что боги милостивы ко мне, но едва я решил пойти войной на Вавилонию, как в реке Диале загубили священного коня-альбиноса из упряжки бога Солнца. К чему это привело, ты знаешь. Поход в царство Набонидов пришлось отложить на целый год, ибо войско пало духом, увидев в гибели коня дурное предзнаменование. А момент казался мне самым благоприятным. У Набонида не было армии, ему нечем было защищаться.

– Положись на богов, – изрек маг, сопровождавший Кира во всех его странствиях, – боги благоволят к тебе. Вчера, свершая обряд богослужения, я воззвал к таинственному будущему, и оно открыло мне, что тебе суждено ступить по дну глубокой реки, которую ты спустишь в каналы. Когда это случится – ты победишь.

На губах Кира мелькнула усмешка, царь недоверчиво посмотрел на мага.

Сколько раз его заклинания и пророчества оборачивались ложью! Теперь он предсказывает, что его царь ступит по дну безводной реки. Легко предсказывать, когда дело сделано.

– Говорю тебе, царь царей, сын Камбиза, который был сыном храброго Куруша, внуком победителя Сисписа, зачатого семенем Ахеменида, говорю тебе только то, что открыло мне будущее.

– Я понимаю, куда ты клонишь. Я никогда не был тугодумом. Ты хочешь внушить мне, будто мы отложили поход в Вавилонию по воле провидения. Теперь провидение снова повторяет сказку о реке, благосклонно усматривая в ее осушении предвестие моей победы.

– Истинно, царь царей, – кивнул ученый муж, – реку Диалу ты спустил в бесчисленные каналы, поклявшись обмелить ее за гибель коня. В течение лета твое войско выкопало каналы и водоемы и, верша суд над коварной рекой, спустило воду настолько, что обнажилось песчаное дно. И ты перешел по нему с берега на берег, ты совершил это, могущественный и великий, но от тебя осталось сокрытым, что это было знамением твоей победы.

При последних словах мага военачальники воскликнули:

– Благословенны боги, указующие стезю земным властелинам!

Первый полководец добавил:

– Тебе суждено победить, и нам вместе с тобою!

– Не следует переоценивать ни себя, ни могущество богов, – сдержанно заметил Кир, доставая из висевшего на поясе, расшитого жемчугом чехла подзорную трубу, которую не так давно прислал ему в дар фараон Амазис. Египетский владыка прислал ее с обещанием не помогать Вавилонии, если Кир заверит его, что не нарушит границ Египта.

Поднеся трубу к глазу, царь продолжал:

– С рекой Диадой все было не так. Я не суеверен и не придаю значения приметам. Я не мстителен и не стал бы наказывать реку за то, что в ее волнах утонул священный конь.

Он прищурил глаз и стал обозревать халдейские укрепления.

– Я повелел осушить реку Диалу с единственной целью – занять солдат до будущего похода. Других целей я не преследовал, толковать это по-иному значит грешить против истины.

– Именно так, – заметил один из полководцев с лицом, покрытым неизлечимыми лишаями.

– Твоя отвага, властелин мира, вселяет отвагу в твоё войско.

– Царь, который переходит реки в брод, – воспрянул маг, – сильнее и выше того царя, который предпочитает их обходить...

– О! – воскликнул вдруг Кир, жестом прервав их разглагольствования. – Погодите!

Он опустил подзорную трубу и обвел взглядом обступивших его соратников.

– В чем дело, ваше величество? – осведомился первый полководец.

– Представьте, – благодушно улыбнулся царственный Кир, представьте – в эту трубу и впрямь видно куда лучше!

И он дал каждому взглянуть на стену Навуходоносора, по которой расхаживали часовые.

– Вот чудеса! – выдохнул маг.

– Неслыханно! – восклицали все наперебой.

– Пусть поглядят и щитоносец с лучником, – распорядился царь.

Телохранители увидели через волшебную трубу на стене увесистые камни и солдат, не видимых простым глазом.

– Ваше величество, – обратился к царю лучник, – если бы я мог пустить в них хотя бы одну стрелу.

– Нет, нет, – коротко ответил царь, – еще не время. И он взял у него из рук магическое стекло.

– Превосходное изобретение.

– Должно быть, в Египте немало подобных диковин, властелин мира, не худо бы наведаться туда с нашей армией.

– Первым долгом – Вавилон, любезный военачальник. Жаль, что фараон Амазис не послал мне вместо этого стеклышка орудие, которое проломило бы. Мидийскую стену. Я был бы благодарен ему вдвойне!

– Боги милостивы к тебе, сын Камбиза, – повторил маг, – а кому боги благоволят, тому достанет своих орудий и войска.

– Однако, – задумчиво возразил Кир, – когда смотришь на стену вблизи, становится еще яснее, что война против царства Валтасара таит в себе много неожиданностей даже для Кира. Но откладывать наступление больше нельзя.

– Ты прав, господин, – закивали головами сановники. – Иначе Вавилония выиграет время и соберется с силами. Мы двинемся, едва спадет жара.

– А теперь назад, в лагерь, – приказал царь. Свита уселась в повозки, и кони помчались. Вдали проступали ассирийские горы, покрытые темной зеленью сосновых лесов и затерявшихся среди них отдельных кедров. Кавалькада держала путь к этим лесам, где на мохнатых ветвях гнездились тетерева и в сумеречных тайниках, нахохлившись, сидели пестрые совы. Газели и серны хоронились под зелеными навесами ветвей, высоко в небе, еще более голубом, чем глаза загадочного сфинкса, кружили ястребы и парили чернокрылые орлы. Объятые тишиною, леса гудели глухо, подобно семиструнной лире Терпандра, и дышали прохладой.

Зеленые макушки гор вздымались над шатрами персидского войска, куда теперь держал путь кортеж Кира, сминая колесами повозок траву, стебли шалфея, медуницы и лютиков. Степь благоухала чабрецом, и серебристо-прозрачный воздух над ней дрожал.

Тотчас по прибытии в лагерь Кир созвал военный совет. Он не расходился до рассвета, но самый сложный вопрос – как пробить в стене брешь – так и остался нерешенным.

Днем и ночью продолжались споры в царском шатре, а в это время войско неустанно готовилось к сражению, совершая длительные марши, училось обращаться с движущимися башнями и катапультами, которым в предстоящем штурме Мидийской стены отводилось главное место.

Наконец споры окончились, но лица полководцев и самого Кира по-прежнему выражали озабоченность. Здесь, в непосредственной близости от неприятеля, приходилось признать, что Вавилония – самый могучий из всех противников, с которыми Персия имела дело.

Персидскому властелину не спалось. Его лихорадило, и он дважды за ночь требовал подать ему сикеру – напиток, проясняющий мысли. Наконец он решил встать и выйти в залитую лунным сиянием степь подышать свежим воздухом. Слуга набросил ему на плечи плащ, как вдруг разнесся сигнал сторожевого горна; удивление приковало царя к ложу.

– Что это? – прислушался он.

В это время к начальнику личной охраны Кира подвели семерых мужчин. Двое из них оказались халдейскими жрецами, один – лазутчиком Устиги, четверо – солдатами Эсагилы, у одного из них лицо было закрыто, и он не проронил ни звука.

Лазутчик из отряда Устиги потребовал, чтобы жрецов и таинственного воина провели в царский шатер, заявив, что они откроются лишь самому царю.

Этих троих провели к царю, и все трое пали на колени и низко склонили головы перед Киром.

Изумлению Кира не было границ. Но, не подав вида, он жестом приказал им говорить.

Первыми начали жрецы:

– Будь благословен, царь царей и повелитель мира. Низко кланяются тебе халдейские жрецы, жрецы Эсагила. Святейший Исме-Адад послал нас к тебе гонцами, чтобы делом скрепить наш договор с братьями из Экбатаны. Не мы одни, но и боги наши благосклонны к тебе, и в подтверждение этого они шлют великому Киру ключи от ворот Халдейского царства.

Кир широко раскрыл глаза и стал необычайно серьезен.

– Ключи от ворот Халдейского царства? – переспросил он, не веря собственным ушам.

– Да, – подтвердил один из жрецов, – ключи от неприступных врат Вавилонии.

При этих словах третий гонец открыл лицо и низко склонил голову.

Кир судорожно схватился за край ложа и вымолвил, потрясенный до глубины души:

– Сан-Урри... если глаза меня не обманывают... помощник халдейского верховного военачальника?

– Ты не ошибся, царь царей и повелитель мира. Сан-Урри явился к тебе с поклоном, чтобы стать твоему величеству верным слугой и воином. Одного тебя, царь царей и владыка мира, признаю я своим повелителем и господином. В подтверждение искренности и честности моих слов слагаю к твоим стопам дар, равный цене Вавилонии.

Он пал перед Киrom ниц и положил на ковер кожаную суму, отделанную золотом и обвитую блестящей цепочкой. Концы ее были скреплены печатью Эсагила.

Царский советник сбил печать, извлек из сумы глиняные, серебряные и золотые таблички и подал их Киру. Тот, взяв верхнюю табличку, приложил к ней увеличительное стекло, без которого прочитать клинописные знаки было невозможно.

По первым же строкам послания он догадался, что у него в руках. Эсагила поднесла ему поистине царский дар, которым не Погнушался бы ни один властелин мира: этот дар был план Мидийской стены.

От неожиданности у Кира на мгновение потемнело в глазах. Казалось, чья-то невидимая рука стерла с лица земли все сущее. Царь забыл обо всем на свете, словно некая таинственная сила поглотила прошлое и настоящее. Она окружила его пустотой, и в ней, будто в гигантском колоколе, он услышал, как громко стучит его сердце. Но никто из окружающих не заметил его потрясения: когда он заговорил, голос его звучал спокойно и внушительно.

Радушно пригласив халдейских гонцов сесть, Кир велел подать роскошное угощение и, когда те подкрепились, вновь созвал на совет приближенных. Сан-Урри, выделяя свои заслуги, рассказал, как удалось ему завладеть планом. О стычке войска Эсагила с отрядами Набусардара он не помянул ни единым словом, хотя Кир и его советники, благодаря лазутчикам Устиги, были прекрасно осведомлены о последних событиях в Вавилоне. Сан-Урри умолчал о стычке, желая скрыть от Кира свое поражение в ней. Зато он пространно описал военное положение Вавилонии и нечеловеческие усилия Набусардара создать могучую армию.

– Сколько теперь войска у Вавилонии? – перебил его Кир, играя золотой тесьмой на своем одеянии.

– Не более, чем у тебя, царь царей.

– Назови цифру, – допытывался Кир.

– Тысяч около ста, я полагаю.

– «Около» – это может быть и семьдесят и сто тридцать тысяч, а это большая разница, – с виду добродушно улыбнулся царь, – о вас, халдеях, говорят, что вы непревзойденные математики, будь же, князь, поточнее.

Он строго посмотрел на Сан-Урри и добавил: – Нам донесли, что Набусардар располагает ста пятьюдесятью тысячами воинов и за счет войска Храмового Города намерен довести эту цифру до двухсот тысяч. Так ли это?

– Войско Храмового Города не пойдет к Набусардару, так как Храмовой Город не признает Набусардара, – в сердцах возразил Сан-Урри.

– Но мне известно, – все так же невозмутимо продолжал Кир, – мне известно, что Набусардар собирает не царскую армию, а всенародное воинство, храмовое же войско – часть народа и ради его блага обязано выставить солдат. Набусардар, как я погляжу, дальновидный полководец.

Сан-Урри нахмурил низкий лоб, взгляд его глубоко посаженных беспокойных глаз стал еще тяжелее. Его бесили дифирамбы Кира в адрес Набусардара, а персидский царь умел воздать должное достойным соперникам.

Оправдывая свое неведение, Сан-Урри говорил:

– Я давно уже не был в Вавилоне, светлейший, и целью моей было передать тебе в руки план Мидийской стены, а не сведения о численности армии Набусардара и не перечень его достоинств.

В его голосе присутствующие почувствовали раздражение.

Но царь примирительно улыбнулся и первым поднял бокал во славу богов, армии и своего народа.

Остальные последовали его примеру.

Сан-Урри кусал с досады край кубка, каждый глоток вина огнем обжигал ему горло. Он ждал, что царь помянет и его в своем тосте, но этого не случилось, и Сан-Урри чувствовал себя оскорбленным. Быть может, у персов принято иначе выражать свою признательность и расположение? Сан-Урри решил терпеливо ждать.

Когда заговорили о Мидийской стене, Сан-Урри стал угодливо распространяться о ее изъянах, незаметных для стороннего глаза; намекнул, где, по его мнению, можно пробить брешь с наименьшей затратой сил и наибольшей надеждой на успех. Под конец, словно открывая главный козырь, Сан-Урри заявил, что наместник Сиппара – союзник Эсагилы и откроет ворота города, как только персидское войско преодолет стену Навуходоносора. А получив известие о падении Сиппара, сложит оружие и Опис, так как он не в силах противостоять несметному войску персов.

– Остальные города в провинции, – заключил он, – занять не составит никакого труда для такой армии, как твоя, царь царей, сиятельнейший из рода Ахеменидов.

– Сколько у Набусардара солдат на севере? – спросил Кир, пропустив мимо ушей славословия.

– Тысяч двадцать, – сознательно преуменьшил Сан-Урри, опасаясь, как бы Кир не

отложил наступление.

– А нам донесли, – озабоченно заметил царь, – что там ровно пятьдесят тысяч. Хорошо ли они вооружены, одеты?

– У Вавилонии, как ты знаешь, царь царей, не было постоянной армии, а потому не было в достатке ни оружия, ни снаряжения.

– Однако эти пятьдесят тысяч могут оказаться прекрасно снаряженными, князь. Вавилония – богатейшая страна, вот уже несколько месяцев, как она готовится к войне. Я слышал, что вся армия Набусардара на славу вооружена и одета, не знаю только, достаточно ли она обучена. Что ты скажешь на это, князь?

– Набусардар мой недруг, и я не слишком пекусь о его воинстве.

– О, – снисходительно улыбнулся царь, – интересоваться неприятельской армией столь же необходимо, как заботиться о своей собственной. Мне говорили, что солдаты Набусардара обучены неплохо. Набусардар – первый достойный соперник царя Кира.

Словно предвкушая схватку с ним, персидский властелин вперил взор в увешанную коврами стенку шатра, сшитого из звериных шкур; взгляд его, как бы пронзив их, блуждал в неведомых далях.

Сан-Урри смотрел на вельмож и эсагильских жрецов. Ему казалось, что они покойны и удовлетворены, лишь в его собственной душе не было ни довольства, ни покоя! На всем протяжении опасного пути он мечтал о том, как великий царь велит воздать ему почести, самолично возвысив его над остальными. Втайне он даже надеялся, что Кир поставит его во главе полков, идущих на штурм Мидийской стены. Между тем царь держит себя так, точно Сан-Урри привез ему не план вражеских укреплений, а всего-навсего горсть золота. Не в силах подавить растущей досады, Сан-Урри жаждал одного – услышать, чем намерен вознаградить его Кир.

Но персидский владыка не спешил. Это был осмотрительный, спокойный и рассудительный человек. Лишь в редких случаях давал он волю чувствам, хотя, вовсе не был черствым и жестокосердным. Он все подчинял своей твердой воле, действуя сдержанно и обдуманно. К этому он приучил себя в молодости, таким остался и в зрелые годы.

Наконец он оторвал взгляд от ковров и обратился к присутствующим с кратким словом. Царь ничего не подчеркивал, ничего не выпячивал, в то же время ничего не умолял и не принижал, он был чем-то сродни неторопливому потоку, который уверен в том, что никакая сила не собьет его с пути.

В ознаменование столь счастливого дня Кир повелел устроить вечером пир. Кроме того, он распорядился приготовить для утомленных дорогой эсагильских гонцов шатер и выставить возле него стражу.

Чужеземцы удалились, и Кир остался наедине со своими советниками. Он сказал им:

– У нас в руках план стены Навуходоносора, но это еще не значит, что мы вступим в Вавилонию без боя. Напротив, нас ждет жестокое и упорное сражение.

Помните это. Перед нами не менее ста пятидесяти тысяч хорошо снаряженных и обученных солдат. Набусардар – полководец, каких Вавилония не знала со времен Навуходоносора. Не будь на то воля богов, судивших персам владеть и править миром, я избрал бы Набусардара своим ближайшим другом. Но боги начертали властвовать нам, так как только мы правим справедливо и каждому воздаем по заслугам.

Кир потер лоб и о чем-то задумался, но вскоре морщины на лбу и у глаз его разгладились, царь расправил широкие плечи, обвел присутствующих взглядом и молвил

свое излюбленное:

– Я буду рад, если вы не забудете, что перс должен дорожить отчизной, как собственной жизнью, и не запятнаете себя изменой. Никого ваш царь не презирает так сильно, как изменников.

В лагере Кира на приволье Месопотамской равнины, окаймленной с севера сосновыми лесами ассирийских гор, шли приготовления к пиру перед боем – таков был обычай.

Персидские солдаты изощрялись, стремясь убедить халдейских послов в том, что склонность к роскоши, красоте и наслаждениям свойственна им так же, как лидийцам, мидийцам и вавилонянам. Они, украшали цветами шатры и оружие, боевые колесницы, лошадей и верблюдов; расстилали ковры, завешивали, входы в палатки пестрыми шерстяными и шелковыми тканями; уставляли столы медными, оловянными и серебряными кубками; в корзинах и на блюдах подносили изысканнейшие печения, мясо и фрукты. Они сели за еду, увешанные металлическими побрякушками, сверкая драгоценными камнями, Волосы их были переплетены лентами и умощены благовонными маслами.

Халдейские послы глаза раскрыли от удивления. Пренебрежительная кличка «паршивый перс» никак не вязалась с тем, что они увидели. Подданные Кира излучали здоровье и силу.

Но всего больше поразили их царившие здесь доброжелательство и согласие. Персы относились друг к другу по-братски, по-отечески, халдеи не замечали ни распрей, ни зависти, ни злобы,

– Как это возможно? – качали головами эсагильские жрецы, которые отправились поглазеть на персидский лагерь и его обитателей.

– Неужто Кир обладает такой силой убеждения? Я не выдержал его взгляда, когда он посмотрел на меня. Не мог.

– Не хочешь ли ты сказать, что Кир и впрямь ниспослан небом, чтобы искупить прегрешения человечества?

– Я готов этому поверить. Только никак не возьму в толк, отчего Мардук не открыл нам этого...

– Быть может, он открыл это Исме-Ададу, оттого верховный жрец и переправил Киру план Мидийской стены.

– Верно, так оно и есть, Кир – сын богов, и потому в душах окружающих его людей царит умиротворение. Нравы его солдат убеждают в этом.

Подстрекаемые любопытством, они заглянули в один из шатров и вступили в разговор с наемными солдатами.

– Откуда же быть сварам, – ответил один из них, – если и царь, и начальник, и простой солдат вместе спят под открытым небом, едят из одного котла, живут одинаково?

– У нас никто не в обиде, перед царем мы все равны, – добавил другой.

– Вы хотите сказать, – глубокомысленно подхватил жрец, – что весь лагерь – как один человек?

– Как один, – кивнул солдат, укреплявший венки на голове.

– А из каких племен воины в вашем стане? – выпрашивал служитель Мардука.

- Из всех персидских племен, - отозвались солдаты.
- Я, к примеру, пасаргадянин, - выпрямился виночерпий.
- Я - артеат, а тот, что сидит у меня в ногах, из масийцев.
- Мы с отцом - сыновья могучего племени сагартов, родственного племени отважных мардов.
- Я и вот все они - мерахийцы, - повел рукою солдат, разделявавший жареного барашка.
- А я, святейшие, происхожу из племени дерусийцев, в жены же взял пантелаэтийку. Отец ее был уже слаб, когда отдал за меня красавицу Сусию, и как родного принял в свой дом. У нас шестеро сыновей, седьмого ждем.

- Других среди нас нет, - заметил тот, кто разливал вино, - но по соседству сыщутся и десковийцы, и дропиковийцы, и славные ахемениды, из коих, как вы знаете, происходит наш царь и господин.

Тут у входа появился персидский военачальник и произнес приветствие персидских воинов.

- Будь благословен, - ответствовали жрецы и обратились к нему с вопросами.

- Могу провести вас по лагерю, - предложил тот свои услуги, - пока накроют столы, мы успеем обойти шатры на бугре.

- В другой раз, почтеннейший, - вежливо отказался жрец, - на небе уже звезды, а с первыми звездами мы должны явиться в шатер царя царей.

С верхнего конца лагеря донеслись звуки лир, цимбал и ласкающая слух песня.

Халдейские жрецы напрягали слух и зрение.

- Женщины? - спросил один из них.

- Женщины. Из обоза. Во время пиров им дозволяется навещать шатры и проводить ночь в утах, - пояснил военачальник.

Жрецы мардука воззрились на женщин и девушек, приближавшихся к солдатским шатрам. В руках они несли музыкальные инструменты, тритонов и раковины, фигурки богов, благовония. Плавно скользили танцовщицы, флейтистки наигрывали любовные песни, певицы чаровали голосом и взглядом.

Вот когда начиналось подлинное веселье. С приближением ночи все громче звучали песни и неудержимый смех, звенели чаши, плескалось вино - дар сирийских виноградников, слышался робкий и страстный шепот.

Взошла луна в ореоле золотисто-мерцающих звезд, казалось, и она справляла пир, подобно людям на земле. Округлое лицо ее улыбалось, она благодушно струила с высоты свое переливчатое серебро.

Ее серебром был облит и шатер Кира, где вместе со всеми пировали и халдейские жрецы. В просторном шатре восседала знать, в том числе лидийские царь Крез, ставший другом Кира. На другой половине веселились военачальники, а также Сан-Урри с приставленным к нему лазутчиком князя Устиги. За свой стол Кир пригласил старших и младших военачальников и даже простых воинов, так как ценил простых солдат не

меньше, чем полководцев. Приглашены были главным образом те, кто отличился в недавних сражениях. Кир ревниво следил за тем, чтобы никто не был обижен и старался относиться ко всем одинаково: ему хотелось иметь не только хорошо обученное и смелое, но преданное и надежное войско.

В шатре, украшенном гирляндами розмарина, наполненном задорным пением придворных музыкантов и густым ароматом великолепных яств, становилось все веселее. Особенно стало оживленно, когда вихрем взметнулись звуки бубнов, флейт и лир.

У Кира заблестели глаза. Тому, кто заглянул бы в них, почудилось бы, что он смотрится в зеркальную поверхность бездонного колодца.

Один из старших военачальников поднял бокал:

– Живи вечно, благословенный богами!

Воины подхватили здравицу.

Откинувшись на подушки, Кир восседал на золотом ложе; он поблагодарил кивком головы.

Царю прислуживали двадцать очаровательных царевен, полученных им в дар от правителей вассальных государств. Они наперебой подносили ему кушанья и питье, каждая собственноручно подавала ему еду на золотом подносе или напиток в золотой чаше. На ком царь останавливал взгляд, та и должна была к нему приблизиться. Справедливости ради Кир допускал к себе царевен поочередно.

Хотя многие из них были подарены Киру с тем, чтобы при случае лишить его жизни, царевны невольно забывали об этом коварном замысле. Кир был поистине великий властелин и умел изгонять из сердец злобу и ненависть к царю персов. Кто ненавидел Кира на расстоянии, тот влюблялся в него, оказавшись вблизи. В конце концов царевны из вассальных государств стали ревновать его друг к другу, и счастливейшей почитала себя та, которой Кир позволял развязать шнурок на своем башмаке.

Лишь одна царевна стояла перед Киром с каменным лицом и тяжелым сердцем, всякий раз давая ему понять, что она лишь его рабыня. Но Кир любил с нею беседовать и отпускал от себя последней.

Вот и теперь она последней подала ему чашу, и царь пил, не сводя с нее глаз.

– Еще одну, – попросил он, предоставляя себя ее заботам.

Она снова наполнила чашу, и снова царь, потягивая вино, еще пристальней посмотрел ей в глаза. Наконец он молвил:

– Сядь ко мне на ложе, Хризанта. Тебе следовало бы развлечь царя, но так уж и быть – царь потешит тебя, ибо видит, что радости в твоём сердце меньше, чем зерна в клюве птицы. Не веселят тебя ни вино, ни песня, ни золото, ни дорогие одежды. А я хочу, чтоб тебе хоть раз было весело с нами. Твое грустное лицо и на меня наводит тоску, а я не хочу тосковать. Чего ты желаешь, чем тебя утешить?

– Человек не в силах вернуть мне то, – холодно отозвалась она, – что однажды принес он в жертву богам.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Вспомни Сарды, царь, и ты все поймешь.

– Ты говоришь о моей победе над Сардами?

– О твоей победе и смерти моего возлюбленного, кого по твоему приказу сожгли на площади. Теперь всякий раз, когда ты глядишь на меня, мне кажется, что меня ищет пламя, лишившее его жизни. А когда я подношу тебе вино, мне чудится, будто я подливаю масла в огонь, превративший его тело в пепел. Стоит мне увидеть тебя – и перед моими глазами встает эта площадь в Сардах и его казнь. Прошу тебя, царь, – отпусти меня. Уйдешь ли ты меня в горы, где рыщут дикие звери, пронзишь ли мечом, или отдашь, на поживу солдатам – мне все равно, но видеть тебя я не в силах.

Она была готова ко всему и не страшилась смерти. Она ненавидела Кира и его владычество. Хризанта происходила из знатного лидийского рода, который до сих пор не смирился с участью, уготованной ему персидским тираном. Всем сердцем призывала она на его голову кару богов и лучшей расплатой считала поражение Кира в войне с Вавилонией. Если бы дрогнула его армия, рухнула бы вся империя Кира. Племена распадутся, как развязанный сноп соломы. И каждое снова обретет свободу. Победа Вавилонии явится искуплением для народов. Лидия намеривалась всячески способствовать этому и выступить против персов на стороне Вавилона, но Кир предупредил ее. Он напал сперва на слабую Лидию и соседние с нею земли, – оставив могущественную Вавилонию напоследок, – напал столь внезапно и захватил столь молниеносно, что Вавилония не успела даже оказать ей помощи. Так был покорен самый богатый из северных царей – царь Крез. Одно было непонятно ей в трагедии родного народа – как мог пленный Крез сблизиться с Киrom? Более того, он стал советником персидского царя, сопровождает Кира во всех его походах и не преминул отправиться с ним в Вавилонию, вопреки заключенному с ней союзу.

Как обычно во время празднеств, Крез сидел за пиршественным столом Кира. Хризанта посмотрел в его сторону. Окруженный персидскими вельможами, он о чем то оживленно с ними беседовал. Хризанта метнула на него ненавидящий взгляд, но Крез лишь приветливо улыбнулся ей и как ни в чем не бывало отпил из кубка. Лицо его было безмятежно, точно иной доли он и не желал. Ей была не понятна эта странная перемена. Первый по богатству после вавилонских властелинов, Крез по доброй воле пошел служить к персидскому тирану. Или он настолько мудр, что из всех зол сумел избрать наименьшее? Или он полагает, что истинное счастье состоит в умении обходиться тем, что есть? Хризанте стало жаль своего царя, и она вновь повернулась к Киру.

Кира уязвили ее слова: «Видеть тебя я не в силах». За такое оскорбление она заслуживала наказания.

Но приветливое выражение его лица не изменилось. Глаза царя все так же сверкали, словно искристое вино в золотой чаше, которую он держал в руке. Слова Хризанты поразили его, подобно мечу, поразили в самое сердце, но он не подал вида. Кир всегда старался расположить к себе людей и огорчался, если замечал среди приближенных неприязнь к своей царственной особе.

Невозмутимость Кира вывела Хризанту из себя, и она не удержалась:

– Царь, ты не слышал моей дерзости, а я намеренно произнесла ее для того, чтобы ты, разгневавшись, убил меня. Я старалась тебя рассердить. Но ты миришься с этим, как те, что привыкли унижаться.

Кир спокойно ответил:

– Я потому, и царствую, что способен сносить больше других. Что же это за правитель, если он позволяет себе поддаваться гневу и теряет рассудок? Скажу тебе больше, Хризанта. Царь Кир мечтал и мечтает окружить себя друзьями и преданными людьми. Друзей он потчует с царского стола и облачает в царские одежды, чтобы показать, как он чтит их. Я не делаю различий между собой и простым воином, так как, все мы равны, поэтому на своих пирах я велю потчевать сперва и военачальников

и солдат, а мне подают последнему. Персидский царь пьет такое же вино. как и его воины, ничуть не лучше. Персидская царица носит такие же одежды, как и лидийские царевны, живущие при нашем дворе. Твой царь, великий и мудрый Крез, вовремя понял это и стал моим другом. Отчего же ты, Хризанта, нарочно разжигаешь в своем сердце ненависть ко мне? Тебя чего-нибудь лишили? Знаю, ты скажешь, что тебя лишили родины. Но дай срок, я верну лидийцам их земли, и они получат волю в пределах Великого Персидского царства. Делать народы рабами – не моя цель. Я стремлюсь лишь объединить все племена Старого Света в одну большую семью, чтобы обеспечить им счастливую жизнь. Когда окончится эта война, золотой век наступит для всех нас. Все мы будем жить в любви, правде и благоденствии. Я, царь персидский, обещаю это тебе. Ну, а теперь присядь ко мне и успокойся, Хризанта.

Она присела на краешек ложа, порывисто дыша от возмущения.

Остальных прислужниц царь отослал к музыкантам, услаждавшим его слух песней. Кир пожелал, чтобы царевны порадовали его танцами.

Царевны, боготворившие Кира, взошли на усталый коврами помост и начали исполнять любимый танец царя. Кир засмотрелся на танцовщиц, любясь их грацией. Он следил за каждым их движением, и довольная улыбка не сходила с его уст, глаза царя вспыхивали, будто пламень.

Девушка, подававшая военачальникам жаркое из серны, заметила, что Сан-Урри не сводит с Кира глаз. Она подумала, что халдей поражен мужественной красотой царя. Но девушка ошибалась. Сан-Урри был поражен обхождением царя с людьми.

Сподвижник Устиги разгадал, что означает это внимание, и вступил с халдеем в беседу.

– Не удивительно, что наш царь привлек твое внимание, халдейский князь. Нет равного ему по красоте во всей Персии.

Другой перс добавил:

– В молодости, живя среди мидийских юношей, у своего престарелого отца Астиага, он всех покорял своей красотой.

В беседу вступили еще несколько гостей; не забывая о еде, они наперебой принялись рассказывать:

– Пришло время, и юноша превратился в мужа, с которым немногие могли бы померяться силою и отвагой.

– Кира считают самым замечательным из властелинов всех времен и народов. Он обладает редкими достоинствами: глубокой человечностью, справедливостью, мудростью и непогрешимой пронцательностью.

– Это он создал Персию. До него она была раздроблена на множество прозябавших племен, которые не представляли себе иной жизни. Он объединил все племена в одно государство и за короткое время поставил его вровень с остальными государствами мира.

– Да благословят его боги за то, что он приобщил нас к новым обычаям и приятным новшествам. Да хранят его боги! – воскликнул один из военачальников, подняв кубок.

Все осушили свои чаши до дна.

Сан-Урри незачем было подробно рассказывать о Кире: в Вавилонии хорошо знали о том, что у себя на родине персидский царь насаждает разумное и полезное, вопреки

вельможам стремясь возвысить простолюдина. Он преобразил свое пристанище в Экбатане во дворец, где все поражало великолепием. Двор его утопал в роскоши, как и дворы египетских фараонов, мидийских, лидийских, ассирийских, сирийских, финикийских и вавилонских правителей. Но Кир не хотел властвовать только ради золота и богатств. В первую очередь его заботы были о государстве. Он учредил новую систему правления и законы для ее защиты. Кир понимал, что недовольство – самый грозный неприятель сплоченности и могущества, поэтому старался делать так, чтобы народ не роптал, чтобы он был привержен ко всему персидскому и исполнен чувства собственного достоинства. Он думал о благе своего народа, думал о каждом человеке в отдельности. Кир стремился знать каждый город своего царства, каждое селение, каждую общину. Интересовался жизнью любого подданного. Полководец Кир старался держать в памяти имена своих воинов и не уставал повторять, что уж если ремесленник помнит названия своих инструментов, то ему и подавно следует знать имена тех, кем он повелевает.

За такое внимание люди платили великому царю любовью. Персия боготворила Кира, но ему хотелось, чтобы также относились к нему и покоренные народы. Поэтому он стремился не держать побежденных правителей в заточении, – попросту увозил их в Экбатану, для вящей безопасности, где окружал их всеми удобствами и располагал в свою пользу. В каждой стране он оставлял нетронутым привычный образ правления, не меняя чиновников, а только устанавливая свой надзор. Согласно его приказу, в стране, добровольно признавшей владычество персов, никто не смел злоупотреблять властью, лишать людей имущества или оскорблять женщин. Но любые приказы исполняют люди, и даже если они воспитаны в строгих правилах, то длительное пребывание на чужбине и пример местных чиновников, чинящих произвол, действовали на них пагубно – они начинали брать взятки и притеснять народ завоеванной страны. Так извращался, казалось, великодушный замысел царя, вызывая ненависть к нему, Тогда как одним из самых заветных желаний Кира было снискать любовь всех народов.

Движимый этим желанием, Кир пригласил Хризанту сесть на царское ложе, хотя та открыто выражала ему свою неприязнь.

Когда девушка опустила голову, он наклонился к ней и ласково спросил:

– Или не веришь ты царскому слову и думаешь, что впустую царь говорит о любви и блаженстве, когда его войско проливает кровь?!

– У меня нет никого, с кем бы я могла жить в любви и блаженстве. Мне нечего ждать и незачем радоваться твоим победам, царь. Ты убил избранника моего сердца.

– Я велел казнить смутьяна, не ведая, что он – твой возлюбленный. Да если бы я знал это, то не пощадил бы его. Пойми, я не мог поступить иначе, Хризанта. У себя дома, в Сардах, ты с детства слышала разговоры о войнах. Вспомни, как скифские племена разграбили ваш край. Моя твердость по сравнению с их жестокостью – все равно что капля в море. Подними же голову и посмотри мне в глаза.

Взяв ее за подбородок, он привлек девушку к себе.

– Ради царя Креза, – продолжал он, – я хочу сделать тебя счастливой. Невозможных утрат нет. Быть может, найдется знатный перс, который заменит тебе твоего избранника. Я же из уважения к твоему царю готов отдать тебе в мужа одного из самых замечательных людей Персии. Ты видела в Экбатане князя Устигу, которого я полгода тому назад послал по военным делам в далекие края. Мне кажется, ты полюбишь моего славного Устигу. Изгони из своего сердца ненависть – и он твой. После царя Кира в Персии нет человека достойнее.

– Нет, царь, – ответила Хризанта, – вместе с моим избранником умерла и свободная Лидия. Теперь ничто для меня не имеет цены.

– Женщины часто бывают опрометчивы, – заметил Кир, – ты плохо знаешь мое сердце. Я

не только человек, но еще и воин и царь. Я предложил тебе то, что в силах дать человек, и то, что под силу царю. Остается дар воина. Так вот же он – получай свободу, ты можешь покинуть мой лагерь. Когда ты хочешь уйти, Хризанта? – спросил он. – Я велю солдатам проводить тебя, куда ты пожелаешь.

– На рассвете, – отозвалась она, – чтоб не идти по жаре.

Наутро под охраной нескольких воинов Хризанта покинула лагерь. Она направлялась к берегам Евфрата. Переночевав в рыбацкой хижине, Хризанта на следующий день выменяла у хозяина на золотую пряжку от сандалии челн и поплыла вниз по течению, в надежде добраться до Вавилона. Она задалась целью раскрыть Набусардару местонахождение Кира и, главное, сообщить ему о предательстве Сан-Урри: наложницы царя шептались о каких-то важных табличках, привезенных халдейским князем. В Вавилоне, конечно, поймут, о чем шла речь. Предатель Сан-Урри и завоеватель Кир должны понести наказание, а народы – избавиться от персидского рабства. Вырвется из пут и ее родина, родина мужественных лидийцев.

Однако Хризанте не суждено было добраться до Вавилона. Горная стремнина опрокинула сплетенную из вербовых прутьев и обмазанную смолой утлую лодчонку. Хризанта стала тонуть, и когда волны вынесли ее на поверхность, царевна была мертва.

О случившемся с Хризантой Кир узнал не сразу. Скорбью наполнилась его душа. Увы, таков удел человека: одна жизнь угасает, другая зарождается, любовь умирает и воскресает вновь, и все же Хризанта не должна была уйти в царство теней с ненавистью в сердце.

Перед тем как вступить туда, она должна была освободиться от чувств, которые в глазах бога добра и правды порочат человека.

Так считал царь.

Гости же не заметили, ухода Хризанты. Их настроение после выпитого вина стало еще веселее.

Один Сан-Урри не был вполне доволен, его томило ожидание – каково будет царское вознаграждение? Наконец Кир подозвал его к себе и собственноручно надел ему на шею золотую цепь.

В подтверждение своих верноподданных чувств, Сан-Урри сказал:

– Считаю меня своим преданнейшим слугой, царь царей, я преисполнен желанием служить тебе верой и правдой. Можешь рассчитывать на мою помощь в войне с царем Валтасаром. Я готов поведи в сражение любой отряд, какой ты мне доверишь.

Но Кир не спешил доверить Сан-Урри отряд, решив воспользоваться его военными талантами после штурма Мидийской стены. По ту сторону заслона найдется дело и для халдейского князя.

Занимался рассвет.

Звезды, деревья и трава словно впивали темноту. Посветлело на востоке, забрезжило на севере, и вот настало утро, пронизанное золотистыми лучами солнца.

Отшумело лагерное пиршество, ушел единственный за весь немилосердно знойный август день отдохновения и веселья.

Персидское войско готово было выполнить задачу, возложенную на него его полководцем. Сплоченное, стояло оно к северу от Мидийской стены в ожидании высочайшего повеления.

В тот же день Кир стянул войска к центру лагеря.

После жертвоприношений, сопровождавшихся благоприятными прорицаниями магов, он обратился к воинам с ободряющими словами:

– Настало время, верные мои воины, померяться силами с Вавилоном. У вас отменные мечи, копья и стрелы со стальными наконечниками и непробиваемые щиты; вы неуязвимы. Нет на свете воина, более доблестного, чем персидский. Под его ударами рушатся государства, его волею создается новая могучая империя. Рабы стали повелевать миром, так судили боги, чтобы вознаградить персов за тысячелетия чужеземной тирании. Нам осталось преодолеть последний рубеж, и я убежден, что моя непобедимая армия возьмет его с честью. Чем сильнее вы себя окажете, тем больше достанется вам из того, что принадлежит слабым. Наградю вас будет Халдейское царство, ибо я верю – с божьей помощью и с вашей отвагой мы победим. Ждите приказа ваших начальников.

Начальники получили тайный приказ начать штурм Мидийской стены на четвертый день, пополуночи.

* * *

Вавилон будто воскресал из мертвых, медленно и тяжело освобождаясь от оцепенения, в которое поверг его августовский зной.

Жара постепенно спадала. Прохладой повеяло с севра, где прошли дожди.

Вода в Евфрате поднялась, и каналы снова наполнились. Растения и люди набирали сил. Все оживало на глазах, пробуждались дома и холмы, камни и кусты, приходил в себя человек. Жизнь возвращалась и к былинке, и к речной волне, распространяясь по всему краю, вливаясь в мускулы людей, питая собой листву на иссохших ветвях; картина эта напоминала второе сотворение мира.

На улицах опять сновали пешеходы. Над крышами Храмового и Царского Городов взметались стаи голубей. Веселее защебетали птицы в густых кронах деревьев. Наконец и вельможи отважились покинуть свои дворцы, благодатная прохлада которых спасала их от нещадного зноя.словно из тысячелетних гробниц, все живое выползло из своих укрытий. На полях среди налившихся, тяжелых колосьев ячменя и пшеницы, замелькали первые жнецы. Урожай был невиданный, и чтобы не дать зерну осыпаться, надо поторопиться с жатвой. В роскошных паланкинах земледельцы устремлялись на поля любоваться богатством, которое таил в себе каждый колос, пухлый как новорожденный младенец.

Встречаясь на вавилонских нивах, вельможи величественно, боясь уронить достоинство, кланялись друг другу из-за занавесок.

Обозреть свои владения отправилась и Телкиза. Четыре молодых рослых раба несли ее паланкин, следом шли прислужницы.

Со скучающим видом восседала Телкиза за воздушной занавеской, рассеяно отвечая на приветствия вельмож.

На смену наслаждению, которое она пила большими глотками, пришло мучительное

отрезвление, пустота, горечь, боль и страдание. Страдание...

– Да, это так... – произнесла она вслух в подтверждение собственных мыслей и выглянула в окошечко.

У рта ее пролегли две глубокие морщины, которых еще месяц назад не было, теперь никакой мазью не разгладить их.

– Увы, это так, – повторила Телкиза дрогнувшим голосом.

Но вдруг она оживилась и в нетерпении устремила взор навстречу носилкам, в которых к ней приближался Сибар-Син.

Сибар-Син, тоже снедаемый жгучим нетерпением, сошел с носилок и поклонился Телкизе.

– Ты был у Набусардара? – поспешно спросила она.

– Как ты нетерпелива, благородная и возлюбленная Телкиза.

– О Сибар-Син, – сказала она, все более раздражаясь, – пусть это не удивляет тебя, целый месяц я провела в ужасных муках, Борсиппа не идет у меня из головы. Никогда еще я не была столь одинока. Лишь римлянин услаждал мой слух своими песнями, но этого мало. Я страдала, как самая несчастная из моих рабынь. О, как жестоко я страдала! Сердцем моим и разумом словно завладели демоны. Я этого не выдержу долго. Так что ты знаешь о Набусардаре и о ней? Ничего? Тебе ничего не удалось выведать? Говори, Сибар-Син, говори, ты видел ее? Если видел, скажи, она красивее меня? Может ли огонь ее очей нравиться мужчинам больше, чем жар моих? Так ли пленят мужчин ее тело? Может ли ее тело быть более упоительным, чем мое? Могут ли ее речи быть слаще моих? Могут ли ее ласки быть нежнее моих ласк? Видишь, я затем только и отправилась на прогулку, чтобы встретить тебя и разузнать обо всем. Говори же! Рассказывай обо всем! Молчишь?

Сибар-Син молча смотрел на прозрачную ткань занавесок, уголки которых Телкиза мяла своими длинными пальцами.

– Говори, Сибар-Син, или я не переживу. Избавь меня от страданий, которые терзали меня весь этот ужасный месяц. Помогите мне, не то я сойду с ума. О, я и теперь, как безумная, теряю разум от ревности. Скажи, она красивее меня? Напрасно ты скрываешь, я знаю – ты был в Борсиппе и виделся с нею. Я все знаю. За деньги люди предадут и богов и царя. Мне донесли, что ты говорил с нею.

– Успокойся, Телкиза, не забывай о своем сане.

– Мне нужно знать обо всем, нужно, – простонала она.

– Что ж, – не без колебаний согласился Сибар-Син, – если ты так хочешь... да, я был в Борсиппе и виделся с нею. Она сама вышла ко мне. Набусардар почивал, и она не позволила разбудить его.

– Она сама вышла к тебе? С каких это пор халдейские женщины принимают гостей в доме своих любовников?! Уж не перевернулся ли свет...

– Утешься, Телкиза, и позволь мне спокойно все досказать до конца.

– Как ты переменился, – прошептала она с горечью, – теперь у меня нет никого. Остается только нанять кого-нибудь, кто за деньги вонзит ей кинжал в сердце. Я подожду к ней убийцу, а если и у него дрогнет рука, то прикажу ему убить меня. Я не могу смириться с мыслью, что кто-то затмит меня. Ты знаешь, кем была Телкиза в Вавилоне, и помнишь, что ей надлежало стать халдейской царицей! О, если б я ею

стала, Набусардару пришлось бы покориться и любить меня; что мне тогда его ненависть! Вся Вавилония исполняла бы мои повеления, и в первую очередь я приказала бы выпустить не меньше полусотни стрел в начальника лучников.

– Прости, в тебе говорят ненависть и оскорбленное самолюбие, Телкиза, – укорил ее Сибар-Син, – пора бы образумиться.

Шире раздвинув занавески паланкина, она перевела взгляд на окрестности, на поля. Глаза ее казались стеклянными, лицо застыло, и только губы шевелились, что-то шепча.

– Ни в ком из вас я не нуждаюсь больше. – Телкиза отстранила веером его лицо. – Я хотела взглянуть на урожай и вижу, что пора начинать жатву.

При этом Телкиза, давая понять, что она сердита, умышленно смотрела вдаль, где волновались, меняя окраску, и одуряюще пахли спелые хлеба. Нарочно смотрела на жнецов и жниц. Взгляд ее задержался на хорошенькой девушке, подбиравшей колоски на стерне. Телкиза коснулась пальцами своего лица, на котором смертоносный август оставил две глубокие морщины.

Ей стало жаль себя; судорожно стиснув пальцы, будто срывая колючий цветок чертополоха, она велела возвращаться домой.

Но, миновав пшеничные поля, Телкиза вдруг передумала и приказала повернуть к Муджалибе.

Там она велела доложить о себе Валтасару. Она хотела обратить внимание царя на дочь Гамадана. Зная, что Набусардар собирается взять Нанаи в жены и хочет испросить для нее благородный титул, Телкиза задалась целью помешать этому, а заодно привлечь внимание царя к Нанаи, убедить его отнять Нанаи у Набусардара, пользуясь правом властелина и первого после богов человека в государстве.

В этот день Валтасар собирался проведать томившуюся в темнице Дарию, дочь скифского князя Сириуша, по-прежнему отвергавшую его. Потеряв терпение, он пригрозил ей смертью. Но, оставаясь наедине, тосковал по ней и, измученный каждодневными заботами, вновь искал утешения в ее обществе. Что поделать – царь, владыка обширных земель, – Валтасар оставался человеком со всеми присущими ему слабостями, переживаниями и тревогой. Особенно мучительны были для него ночи, он ни на секунду не мог сомкнуть глаз. Его поили отварами из всевозможных трав, прикладывали ко лбу янтарь, чтобы рассеять тягостные думы. Было решено даже пригласить лекарей из Египта и Греции. Для посвященных не было тайной, что в иные ночи, когда у его ложа бодрствовала скифка, царь спал глубоким сном. Но Валтасар хотел ее любви. И чем дольше упорствовала она, тем настойчивее домогался ее царь. Болезненное упрямство было свойственно его натуре, равно как крайняя неуравновешенность и вспыльчивость. Во время очередной вспышки он велел заточить Дарию в темницу. Но когда в бессонные ночи его все более изводил давний страх за свою жизнь – Валтасар опасался, что его убьют во сне, – он приказал отпереть двери темницы. Однако Дарья не пожелала её покинуть, а Валтасару не хотелось прибегать к насилию; в данном случае оно было бессмысленно. И он отправился к ней собственной персоной, чтобы самолично посулить прощение и уговорить вернуться в его покой.

Телкиза на дворе подстерегала окруженного телохранителями царя, но, выслушав ее краем уха, Валтасар не придавал значения ее словам.

– Я поразмыслию над этим, сейчас мне недосуг, – ответил он Телкизе.

Телкиза дрогнула, пальцы ее сжались, и крашенные зеленые ногти впились в ладони. Приложив развернутый веер к груди, склонясь перед Валтасаром в глубоком поклоне, Телкиза слала ему вслед самые страшные проклятия. Расстроенная, удалась она из

Муджалибы.

Тем временем Валтасар приказал отпереть двери темницы, где до сих пор томился пророк Даниил.

Заскрежетали ключи, стража распахнула дверь, и откуда-то из глубины донеслись звуки песни, той самой, которую напевала Дария, еще живя во дворце. Он вспомнил выражение ее серо-голубых глаз, ресницы, брови и кудри цвета темной глины. Недаром ему всегда казалось, что, когда она рядом, все вокруг благоухает воздухом и землей. А ведь человеку, даже если он царь, приятно глядеть в девичьи глаза, в небесную синь, отрадно гладить девичьи кудри, в которых ожил цвет земли.

Валтасар смешался, но тотчас решительно вошел в келью, освещенную слабым пламенем каганца.

Сидя на глиняной скамье, Дария пела. Она услышала шаги вошедшего, но не обернулась. Ей это было безразлично. Она пела, и звуки ее песни через распахнутую дверь улетали на волю.

Валтасар дал стражникам знак удалиться и притворить за собою дверь.

Оставшись с Дарией наедине, он на удивленье миролюбиво проговорил:

– К тебе пожаловал царь!

Она поднялась и приветствовала его наклоном головы.

– Надеюсь, ты не разучилась говорить? – спросил он, повышая голос.

– Ты ведь слышал, что я пою, к чему же спрашивать?

– Тогда отвечай, как подобает отвечать царю.

– Мне нечего больше сказать владыке Халдейского царства.

– Ты даже не желаешь просить о помиловании? А я затем и пришел, чтобы дать тебе возможность высказать свою просьбу.

– Вижу, государь, тебе жаль отправлять меня в царство теней, не отважился ты исполнить свою угрозу. Царю пристало быть решительным.

– Разве я не решителен? – приосанился царь, задетый ее словами. – Я могу казнить тебя, но могу и помиловать. Я знаю, сама ты не попросишь о снисхождении, вот я и пришел к тебе сам, я, царь Вавилонии. Подумай обо всем хорошенько. Ты еще можешь спасти себе жизнь, дорогую и бесценную.

Произнеся последние слова, он даже причмокнул.

– Ты пожаловал ко мне в темницу, чтобы сказать об этом? Но я повторяла и повторяю только, что уже тысячи раз ты слышал из моих уст.

– Ах, так? – Гнев и отчаянье прозвучали в его голосе.

– Да, царь. Покидая землю скифов, я препоручила свою жизнь богам, отчего же теперь мне сожалеть о ней? Скифы не так страшатся смерти, как халдеи. Мы не боимся смерти, когда знаем, что за нас отомстят.

– Вот как? – прохрипел Валтасар, расслабляя пряжку на плаще.

– Да! Тот, кому отдала я свое сердце, строен, как ливанские кедры, стремителен, как орел, обитающий на серых скалах севера, мудр, как сам царь Соломон, и смел, как несметные скифские полки, которые он стягивает к: Понту Эвксинскому, чтобы обрушится на наших врагов, в том числе и на тебя, царь Вавилонии. Так мне ли бояться смерти? И если я умру, то останутся тысячи, а вот...

– Что – «вот»?

Рассерженный Валтасар вплотную приблизился к девушке. Отчего враждебно-непримиримы, не по-женски суровы ее речи? Ведь у Дарий такой кроткий взгляд, что любой из богов пленился бы его благодатью.

– Ты сказала, Дария, – Валтасар подавил гнев, видя, что жестокостью он ничего не добьется, – ты сказала, что если ты умрешь, то останутся тысячи, а вот...

– А вот если умрешь ты – что останется после тебя в Вавилонии? Об этом я хотел я тебя предупредить.

– А! – вскричал Валтасар. Ненависть и любовь раздирали его сердце. – Вавилония останется навеки! Нас сотни тысяч, а вас жалкие сотни.

– ...но эти сотни обратятся миллионами, когда от вас останутся десятки. Мы заполним весь Новый Свет, от северного моря до южного, от восточного до западного! Мы заполним весь материк и станем вершить судьбы мира, о Вавилонии же будут помнить только по книгам. Поэтому я не боюсь смерти, царь, и умру с улыбкой.

– О, как зловещи, – прошептал Валтасар, едва не лишившись чувств, – о, как зловещи твои прорицания! Дельфийский оракул куда милосерднее. Но я пришел сюда не для того, чтобы сулить тебе золото за пророчества о будущем твоего племени; я дарю тебе жизнь, осыплю золотом, наряжу в роскошные одежды; богатства моих сокровищниц станут твоими, если ты уступишь мне. Тебя пугает моя настойчивость, но ты убедишься, что я могу быть ласковым. Все. в моей власти, ибо я царь. Я могу казнить, но могу и миловать, как никто на свете. Царь всемогущ. Царь может быть добрым, как дитя, и кротким, словно голубь.

– Царь должен быть прежде всего мужественным и мудрым, – перебила его Дария.

– Я стану и мужественным, и мудрым, как ты захочешь.

Он протянул к ней руки, но она отстранилась.

– Царю не к лицу потакать своим прихотям. Властелин должен быть послушен трезвому голосу разума.

– Обещаю быть послушным ему, я исполню все, чего пожелаешь. – Валтасар терял последнее терпение.

– Неумно и недостойно царя выпрашивать любовь. У Валтасара занялось дыхание.

– Воистину на сей раз ты говоришь чистую правду. В моей власти не просить любви, а вырвать ее.

Валтасар сбросил плащ на глиняную скамью. В порыве мстительной страсти он схватил девушку за руки выше локтей; притянув к себе, посадил рядом на скамью, и тотчас неудовлетворенное желание. вспыхнуло в нем с новой силой. Он не сводил глаз с ее плеч. К платью была приколата медная брошь, она вдруг стала расплываться, глаза его заволочло туманом. Измученный бессонницей и ночным бдением, Валтасар терял сознание. Он был беспомощен перед Дарией, между тем царь чувствовал, что лишь ее возвращение во дворец могло вернуть покой его ночам.

– Я скорее отрекусь от престола Набонидов, – начал он, – чем возвращу тебя твоему суженому. Видно ты хороша в любви, но я не посягну на твою любовь. Даю слово, – проговорил он с грустью. – Ты прекрасна, словно сказочные ледяные вершины; прекрасна, как они, холодна и неприступна, как они. Одно мое слово – и до самой вершины протянется лестница из чистого золота, и ты будешь моею. Но я дал слово.

Грудь Дарии вздымалась. Царь смотрел на нее как замороженный.

– О, мне не доводилось видеть, чтобы статуя, прекраснейшая из статуй дышала, – а ты дышишь, Дария, Дария...

Он осторожно коснулся пальцами ее плеча и шеи.

Она отпрянула, вздрогнув.

– Нет, нет, теперь тебе от меня не уйти. Ты моя, моя навеки.

– Пусти! – крикнула Дария.

Ее крик привлек к дверям стражу.

– Будь у меня кинжал, прирезала бы тебя, как собаку. Как собаку, ты этого заслужил, царь. Ночами тебе мерещится Навуходносор, ты и мне не давал спать, пока не посадил в темницу. Ты плачешься, будто он преследует тебя, нашептывая, что не ты, а он подлинный царь Вавилона. В неистовстве ты ломаешь медные гравюры, прославляющие его подвиги, но знай – ни в одном деле не сравниться тебе с ним! Скажи – ну какой царь станет предаваться любовным утехам, когда на границах его государства стоит вражеское войско?

– Влюбленные не могут быть другими, – оправдывался смущенный Валтасар.

– Увы, государь, – вздохнула пленница. Царь бормотал, как в горячке. Он напоминал Дарии ее соотечественников, тех, кто пьет маковый отвар для того, чтобы погрузиться в сладкий сон. Тех, кто, однажды отведав дурманного питья, вовек не может отвыкнуть от него. Уж не испробовал ли и он этого зелья? Дария спросила об этом царя. От удивления Валтасар вытаращил на нее глаза и даже приоткрыл рот.

– Зачем мне маковый отвар? Я пью сладкие вина.

– Разумеется. И все-таки ты очень напоминаешь тех, что пьют его или пляшут вокруг костра, сложенного из стеблей мака, вдыхая одуряющий дым.

– А может, враги подсыпают его в мои яства или в жертвенные курильницы вместе с благовониями? – подозрительно проговорил он. – Я ни о чем, кроме любви, не могу думать. Ты видишь, я забыл даже о персах. Это худо.

Валтасар задумался.

Он думал о нависшей над Вавилонией угрозе и смотрел на Дарию. Она стояла против него, опершись головой о стену. Складки ее юбки колебались в такт движениям ее тела, колебались и вышитые на ней зеленые листья.словно легкий ветерок шевелил кроны деревьев.

– Дария, – растроганно молвил царь.

Узница замерла, вжавшись в каменную стену; она сама походила на каменное изваяние.

Лучше дожидаться лекарей из Греции или Египта, чем вот так унижаться перед этой

тигрицей. Беспощадную смерть – больше она ничего не заслужила. Но царь хорошо знал, что готов пресмыкаться и перед последним рабом, лишь бы избавиться от мучительной бессонницы.

– Ты заслуживаешь, – сказал он с укоризной, – чтобы я сам пронзил стрелой твое сердце.

– Было бы разумнее, государь, пронзить стрелами сердца персов. Для халдейского владыки было бы больше чести.

Не в силах долее выносить ее насмешек, Валтасар прохрипел в бешенстве:

– Я ненавижу твой язык. Он груб, как речь моих корабельщиков. Женщине пристало быть нежной и ласковой. А ты чудовище, я тебя ненавижу.

Валтасар подхватил плащ и, волоча его по полу, ринулся к выходу.

Распахнув дверь, он едва не столкнулся со стражниками и вдруг увидел Набусардара, нетерпеливо мерявшего шагами тюремный коридор.

– Зачем он здесь? – спросил он у стражников. Те ответили:

– Уже час, как верховный военачальник ждет его величества царя царей.

– Я занят, – грубо ответил царь.

– У него к тебе спешное дело, – добавил начальник стражи.

«Уж не подошли ли персы к границе?» – мелькнуло у Валтасара.

Вконец измученный зноем, ночными кошмарами и холодностью Дарий, он бессильно опустился на каменную скамью тюремного надзирателя и приказал позвать Набусардара.

Едва Набусардар приблизился, как царь поспешил его предупредить: – Я не располагаю временем, князь, говори коротко: чего тебе надобно?

– Дело касается меня одного, царь, и я не хотел бы говорить при солдатах. Прошу, выслушай меня наедине.

– Говори здесь, – приказал Валтасар слабым голосом, но дал телохранителям знак удалиться. – Говори... я очень устал.

– Твоему величеству известно, – начал Набусардар, – что нам удалось схватить начальника персидских лазутчиков Устигу с помощью дочери Гамадана. Я прошу вознаградить ее за храбрость. Прошу тебя, царь царей, наш верховный властелин, пожаловать ей благородный титул.

Валтасар вспомнил слова Телкизы о Нанаи и усмехнулся.

– К чему дочери Гамадана благородный титул? Она бедна, и уместнее будет наградить ее золотом, а не титулом.

– Не отказывай ей, царь, в благородном сане. Его носил ее дядя Синиб, отличившийся в войне с аммонитянами, он лишился его по милости Эсагилы. Нанаи была ему как дочь, и если ты не хочешь признать над собой верховенство Эсагилы, верни титул племяннице отважного Синиба.

Царь перебил Набусардара вопросом:

– Ты хочешь жениться на ней?

– Да, ваше величество, я хочу взять ее в жены, но-

– Ты удивлен, откуда мне это известно? – рассмеялся Валтасар. – Царь знает все, что происходит в его государстве. Однако вернемся к делу.

– Я хочу, чтобы она стала моей женой прежде, чем начнется война с персами. Достаточно одного твоего слова – и...

– Мы вернемся к твоему делу потом, князь, – пообещал Валтасар, думая при этом лишь о последнем визите Телкизы.

– Что тебе мешает решить его теперь? – настаивал Набусардар.

– Желание не поступить опрометчиво, мой верховный военачальник. Мы часто совершаем необдуманные поступки.

– Я все обдумал и хочу, чтобы Нанаи стала моей женой еще до начала войны с персами.

Он не успел договорить, как с нижнего двора, где находились царские казармы, донесся тревожный набат.

– Что это значит? – прислушался Набусардар.

– Что случилось? – воскликнул царь.

Шестеро вооруженных конников принесли Наби-Иллабрату весть, что персы сокрушили Мидийскую стену, что предательство открыло ворота Сиппара, что Опис, во избежание кровопролития, добровольно сложил оружие и что Кир пленил в Харране царя Набонида, под наблюдением и по замыслу которого возводился прекраснейший во всей Вавилонии храм бога Сина, непревзойденный Э-хул-хул.

Вскоре явился с донесением сам Наби-Иллабрат. С хладнокровием выдавшего вида воина он твердым голосом, в котором не заметно было растерянности, доложил о случившемся.

Несмотря на спокойствие полководца, дворец тотчас охватила паника.

Мидийская стена пала, и в Царском Городе тревожно и призывно гудел набат. Гул его разносился вокруг, словно погребальный плач. Женщины в отчаянии падали на колени, ошеломленные мужчины настороженно выжидали. Люди безмолвствовали. Жуткая тишина воцарилась повсюду. Все высыпали из домов, халдеев обуял ужас.

Царь Валтасар оправился от первого потрясения, обрушившегося на него, подобно мору. Взглянув на Набусардара, он приказал:

– Немедля послать подкрепление на север. Персов надо задержать.

– Увы, царь царей, – возразил Набусардар, – у тебя нет такого войска, которое задержало бы персов в открытом поле. Вопреки ожиданию, им удалось сокрушить Мидийскую стену. Я послал туда пятьдесят тысяч превосходных, хорошо вооруженных и обученных солдат, которые вполне могли защитить стену Навуходоносора. Они не удержали ее, и я утверждаю, что нас предали. Иначе персы не взяли бы укрепления с такой быстротой. Нас предали, и следовало бы справиться у Эсагила, у нее ли еще план Мидийской стены, которым столь коварно завладел Сан-Урри.

– Ты полагаешь, – вступил в разговор Наби-Иллабрат, – что Эсагила способна предать свой народ и выдать персам план Мидийской стены?

– Я убежден, что эта подлость – дело ее рук, – едва разжимая зубы, проговорил Набусардар, – но сейчас не время рассуждать. Прошу тебя, царь царей, немедля созови своих советников.

На совете, который собрался в тронном зале, Валтасар высказался за то, чтобы послать на север подмогу. Он вызвался лично руководить сражением. Набусардар доказывал, что нет смысла рисковать жизнью солдат, так как персы уже приближаются к Вавилону. Напротив, теперь важно как можно больше войск оставить для защиты Города Городов.

Кровь ударила в голову Валтасара, он вспылал, и переубедить его было невозможно.

Когда же сановники попытались поддержать Набусардара, он попросту заставил их замолчать:

– Кто здесь властелин Вавилонии? Если я – то вот моя воля и мой наказ. Снарядите десять тысяч отборных всадников и десять тысяч пехоты, придайте им триста боевых колесниц, я выступаю сегодня же.

* * *

С двадцатью тысячами наемных солдат Валтасар двинулся на север, чтобы преградить путь персидским войскам. Ни сановникам, ни Набусардару не удалось его образумить. Он во чтобы то ни стало хотел сразиться с Киром, чтобы показать ему, каков вавилонский царь. Видно перс забыл, что Вавилония – это не слабая Лидия или безрассудная Мидия. Обуреваемый воинственным пылом, Валтасар не успокоился до тех пор, пока не уселся в свою боевую колесницу и пыль не за клубилась под копытами его коней. Торопясь на север, он велел гнать лошадей галопом. Царь полагал, что выбрал наиболее подходящий момент для внезапного удара, что силы персов после штурма Мидийской стены еще распылены, и враг не сможет оказать серьезного сопротивления.

Царя сопровождал Наби-Иллабрат.

Понимая, что доверить войско Валтасару – значит обречь его на верную гибель, Набусардар послал с ним Наби-Иллабрата, чтобы тот опекал и берег солдат от беды. Командование армией также было возложено на Наби-Иллабрата.

По дороге на север царь лестью и угрозами добивался от Наби-Иллабрата признания, что он, Валтасар, мудрейший властелин и искусный полководец, не чета Навуходоносору, и Наби-Иллабрат не смеет отнимать у него возможность доказать это на деле. Устав от его болтовни, Наби-Иллабрат не вслушивался в слова царя и молчал. И Валтасар, истолковав его молчание как знак согласия, успокоился.

Величественно откинувшись на сиденье, он упивался своей решимостью и отвагой.

Закутавшись в пурпурный плащ, под которым был одет толстый панцирь, он бормотал себе под нос.

– Если теперь мне явится во сне мертвый великан и примется уверять, что только он был истинным царем, я смело взгляну ему в лицо и спрошу: кто победил персов? Вот когда я с презрением посмеюсь над ним, потому что это я, Валтасар, превзошел его, одолел армию, замышлявшую покорить весь мир. Не так ли? – обратился он к Наби-

Иллабрату.

– Да, – не слушая царя, безучастно ответил Наби-Иллабрат.

– Ну, конечно! – обрадовался царь. – Слов нет, Навуходоносор тоже сделал немало... разрушил Иерусалим... Однако победить Кира куда труднее, чем царя Седехиаша. Так иль не так?

Наби-Иллабрат не ответил, притворившись, будто дремлет. Прислонясь к борту колесницы, он покачивал головой, как во сне. Шлем оттенял его волевое, благородное лицо; Наби-Иллабрат был красив: прямой римский нос, чуть тронутые сединою волосы, густая борода; две-три морщины на слегка впалых щеках и складки, пересекавшие лоб над переносицей, не портили его. Под распахнутым плащом поблескивала золотая цепь с боевыми регалиями. На руке, сжимавшей ониксовый эфес меча с серебряной инкрустацией, сверкал массивный именной перстень-печатка с родовым гербом.

Царь задержал взгляд на перстне. Видно, делал его большой умелец. Наби-Иллабрат знал толк в вещах, понимал толк в жизни! Но лучшим родовым знаком Наби-Иллабрата была глубина мысли и чувств.

Валтасар перевел взгляд на лицо Наби-Иллабрата. Оно было похоже на лицо Зевса, каким его изображают греческие ваятели.

Валтасар с наслаждением вытянулся, и эта поза вернула ему чувство собственного достоинства, надежду на успех. Всю дорогу он представлялся сам себе в ореоле победы и славы.

Грезя о подвигах, царь забыл даже про Дарию, по которой томился еще несколько часов назад.

Его мысли лишь изредка прерывались щелканьем бичей и стуком копыт. Размышления утомили царя, и он с удовольствием предался созерцанию своего эскорта. Бешеное вращение колес и фырканье шестёрки лошадей поднимало настроение Валтасара. По обеим сторонам колесницы скакали всадники и громыхали тяжелые повозки с защищенными панцирем стрелками.

Почти без передышки мчались они на север. Сознание того, что Вавилония избавилась наконец от его предшественника, царя Набонида, придавала Валтасару решимости. Говорят, Кир усрал его в Экбатану. Теперь, лишенная орудия своих властолюбивых поползновений, Эсагила обезврежена.

Отныне он, Валтасар, – единственный законный царь, единственный сын богов, единственный и достойный преемник великого Навуходоносора, единственный непогрешимый судья и верховный военачальник халдеев, единственный, кого боги наделили своей мудростью и волей.

Отныне ему не на кого оглядываться, незачем считаться с чьими бы то ни было желаниями. Пусть знают о том советники, народ и вельможи, а в особенности Эсагила.

Он упивался мечтами о будущем, пока головной отряд не достиг равнины под Холмами. Там он приказал стать лагерем, чтобы изготавиться к решительному броску.

Вечерело.

Сумерки медленно наползали с пологих холмов, скрывая халдейское войско. Лишь на западе алел горизонт, озаренный лучами заходящего солнца.

Снаряженные в разведку всадники не встретили вокруг ни одного персидского солдата – добрый знак! По крайней мере, можно спокойно подготовиться к внезапному нападению.

Остается выслать лазутчиков к лагерю Кира, выведать, к чему готовится неприятель и как выгоднее нанести ему смертельный удар.

Валтасар держал совет с Наби-Иллабратором, когда дозорные подняли тревогу. Сторожевой отряд неожиданно натолкнулся на пятерых незнакомцев в одеждах, какие носили в окрестностях Сиппара. На допросе незнакомцы назвались халдеями из Сиппара, спасшимися бегством от расправы персидского тирана, который отдал город на разграбление. Персы убивают ни в чем не повинных стариков, насилуют беззащитных женщин, детям разбивают головы о стены домов. Все, что было в Сиппаре ценного, возами отправляется в Персию. Связанных пленников гонят, избивая плетьюми, за Тигр, в рабство. Сиппар и его окрестности стали юдолью ужаса и насилия.

Валтасар дотошно расспросил беглецов о кровавых злодеяниях новоявленного властелина мира. Царя будоражило каждое их слово; Наби-Иллабратор выслушивал их сдержанно и настороженно. Он с недоверием отнесся ко всей этой истории, предполагая подвох. Только истинной цели его он не смог разгадать. Валтасар же, напротив, принял за чистую монету услышанное о злодеяниях персидских солдат на севере Вавилонии. Приказав отвести всех пятерых в свой шатер, царь заставил их слово в слово повторить рассказ.

Говорил преимущественно один, остальные лишь поддакивали. Хотя говорил просто и – на первый взгляд – убедительно, однако подозрений Наби-Иллабратора не рассеял. Трудно было поверить, будто Кир отдал на разграбление сдавшийся без боя город, ворота которого были услужливо открыты ему. Ведь он тоже был заинтересован в том, чтобы Сиппар понес как можно меньше ущерба и послужил не только надежным убежищем для его армии, но и выгодной опорой для нападения на юг страны, на Вавилон. Сиппарец рисовал картины ужасов, и у него самого лицо было все иссечено, обезображено шрамами. Он уверял, что это дело рук персидских солдат, и на коленях молил Валтасара позволить ему отомстить Киру за себя и за всех халдеев, которых постигла та же участь. Валтасар вскричал вне себя:

– Значит, это они так изувечили тебя?

– Да, мой царь, – ответил сиппарец, почти касаясь земли окровавленным лбом, – дозвожь отомстить им. Прими в свое войско меня и четверых моих товарищей.

Те тоже стали просить и тоже склонились до земли.

– Возьми нас в свое войско, царь наш, поверь мы сослужим тебе добрую службу, ты убедишься в нашей отваге. Кто видел смерть, тому не страшно встретиться с нею снова. Поручи нам самое опасное дело, чтобы мы смогли доказать тебе нашу преданность и бесстрашие.

Слушая это, Наби-Иллабратор взглядом пытался предостеречь царя, но тот смотрел лишь на пленников и придумывал для них задание.

Наконец он проговорил:

– Нынешней ночью отправитесь в лагерь персов и до рассвета дадите мне знать, что замышляет неприятель. Если злоупотребите моим доверием, доверием царя царей, сына богов, то велю схватить вас и отрубить вам головы.

– О, царь наш, единственный владыка мира, как может халдей изменить своему властелину?

– Разумеется, не может, – успокоился Валтасар и тотчас распорядился снарядить их в путь к вражескому стану.

Тут Наби-Иллабратор не выдержал:

– Опасно, государь, посылать на такое дело случайных людей. Они могут предать тебя так же, как предали Кира.

– Но они говорят на чистом халдейском наречии.

– Это еще ничего не значит.

– Зачем подвергать опасности своих воинов, когда можно послать этих пленников? Ты же знаешь, у меня на счету каждый воин.

– Лучше пожертвовать пятью воинами, чем обречь на гибель все двадцать тысяч, ваше величество. Валтасар вспыхнул.

– Ты, кажется, забываешь, с кем говоришь! – обрушился он на своего полководца, хватаясь за меч и скрежеща зубами.

По-солдатски прямой, Наби-Иллабрат не обладал обхождением Набусардара, умевшего найти подход к царю, поэтому он лишь скрестил на груди руки и низко склонил голову в знак почтения и преданности.

– То-то же, – примирительно проворчал Валтасар и снял руку с эфеса. – Впрочем, совет твой не плох. Ты старый солдат, тебя вокруг пальца не обведешь. Что, если они и впрямь нас выдадут? Ты мудр, скажи, как бы ты поступил на моем месте?

– Я послал бы наших воинов.

– Но эти знают дорогу к лагерю Кира. Мне на руку, если они быстро, попусту не плутая, доберутся до персидского лагеря. Они должны вернуться до рассвета.

– Пошли пятерых воинов и дай им в проводники двух пленников. Пятеро всегда управятся с двумя. А трех других оставь заложниками.

– Это дельно, – обрадовался царь, – так будет вернее.

Вскоре из лагеря на отменных скакунах отбыли семь вооруженных всадников, среди которых находился и сиппарец с обезображенным лицом.

На остальных пленников надели оковы, которые скобами прибили к деревьям.

Пока войско отдыхало после длительного марша, Валтасар совещался с Наби-Иллабратом. Словно осознав важность момента, царь наконец внял здравым суждениям своего полководца. В тот вечер они о многом договорились. Но несмотря на возражения Наби-Иллабрата, Валтасар все же не отказался от намерения лично возглавлять передовой отряд.

Перед сном Валтасар вздумал провести учение, но после того как несколько солдат свалилось от усталости, он отпустил воинов и сам отправился отдохнуть. Почти всю ночь царь не сомкнул глаз, глядя на звезды в отдушине шатра.

Забрезжил рассвет, откуда-то издалека пробилась первые лучи солнца, густая мгла летней ночи медленно отступала перед ними. Близилось утро, но лазутчики не возвращались. Валтасаром овладело беспокойство. Он упрекнул было себя за то, что не послушался Наби-Иллабрата, но потом махнул рукой, отгоняя черные думы. Видно, не выдержали долгой дороги или погибли от персидских стрел – худшее, что могло с ними случиться. Надо подождать еще час, а затем трубить сигнал к наступлению.

И царь повалился на ложе, окруженное многочисленной стражей. Сперва он бодрствовал, но вот наконец смежил веки – телохранители словно растаяли, и Валтасар погрузился в

сон, дыша прохладным воздухом севера.

Ему приснилось, как к его ложу подкрался жрец. Пристально глядя на царя, он спросил, знает ли Валтасар человека с изуродованным лицом, которого послал во вражеский стан.

– Я никогда его не видел, – пробормотал Валтасар, заставив телохранителей обернуться.

Жрец стоял перед ним как воплощение ужаса. Лоб Валтасара покрылся испариной. Капельки пота поблескивали в пламени факелов, будто мерцающие звезды.

– Так знай же, царь Вавилона, что это был персидский шпион, он сам обезобразил себе лицо, чтобы провести тебя.

Валтасар заметался и глухо застонал; пошарив вокруг рукой, он сел.

Растерянно озираясь, спросил:

– Я спал?

– Спал, царь царей, – ответил главный телохранитель.

Тогда он закричал:

– Разве не известно вам, что сейчас не время спать?

И, сбросив покрывало, Процедил сквозь зубы:

– Еще не вернулись? Ступайте поглядите. Я видел дурной сон.

Двое телохранителей удалились, чтобы оглядеть окрестности.

Едва они вышли за шатер, как увидели на склоне холма, под прикрытием которого стоял царский шатер, с трудом ползущего на животе человека. Телохранители вскинули было луки, но человек в изнеможении зарылся лицом в жухлую траву и остался недвижим. Видимо, силы его были на исходе. Солдаты подбежали к нему. Несчастный не мог шевельнуть языком. Тогда они внесли его в шатер и влили в рот несколько капель гаомы, которая ненадолго привела его в чувство. С трудом выговорив одно-единственное слово: «Персы!» – неизвестный испустил дух.

В шатре поднялась суматоха, Валтасар похолодел от ужаса. Вскочив с ложа, он приказал трубить тревогу.

Наби-Иллабрат предлагал прежде выяснить, по какой причине умерший помянул персов, чтобы зря не поднимать панику. Покажись персидское войско в виду лагеря – халдейские дозоры на Холмах давно бы уже дали о нем знать.

Но Валтасар кричал:

– Трубите тревогу!

Приказ был тотчас исполнен. В лагере затрубили горны. Полки во главе со своими военачальниками в положенный срок изготовились к бою.

Валтасар надел доспехи и собрался лично выступить во главе передового отряда. Все увещевания Наби-Иллабрата передать командование ему были тщетны.

– Ты легкомысленно подвергаешь себя опасности, – убеждал царя Наби-Иллабрат.

– А разве не ведомо тебе, что я сын богов, которые сотворили меня бессмертным? Или ты... – он лукаво сощурил глаза, – не надеешься на мою опытность?

– Нет, ваше величество. Но я знаю одно – в тяжкую годину Вавилония нуждается в царе, он – ее опора.

– Ты беспрестанно думаешь о моей смерти... А ведь у войны бывает два исхода – смерть или победа!

– Да ниспошлют боги тебе победу!

– Конечно, – кивнул Валтасар и крикнул слугам: – Котурны!

Ему натянули на ноги кожаные, обитые золотом котурны.

Когда их закрепляли, Валтасар спросил насмешливо:

– Разве у Кира такие есть?

Наби-Иллабрат промолчал. Он отвернулся от царя, и взгляд его упал на лицо мертвого, которого солдаты как раз выносили из палатки.

Вглядевшись, он узнал в нем одного из семерых лазутчиков, посланных Валтасаром на север. Наби-Иллабрат мучительно раздумывал – что же случилось, но суетня вокруг Валтасара нарушала ход его мыслей.

Царь велел подать самое роскошное свое ратное одеяние и, пока его облачали, похвалялся, оглядывая себя с довольным видом:

– Пусть Кир увидит, каков вавилонский царь. Пусть увидит, спесивец.

Мысли Наби-Иллабрата снова обратились к погибшему.

Действительно, случилось то, чего можно было ожидать – человек с изуродованным лицом был шпион, и не кто иной, как сам Забада, возглавивший после Устиги персидских лазутчиков в Вавилонии. Когда армия Валтасара двинулась на север, он тайком последовал за нею с четырьмя подкупленными халдеями, чтобы, улучив момент, обойти вавилонское войско и предупредить персов, но остановка Валтасара под Холмами помешала осуществить этот замысел. Из опасения попасть в руки лазутчиков Итары или дозорных какого-нибудь халдейского сторожевого отряда, Забада изуродовал себя и рискнул податься к Валтасару, надеясь обмануть его. Замысел удался. Заманив сопровождавших его солдат в ловушку, он убил их, а сам благополучно добрался до Персидского войска, находившегося между Сиппаром и Описом. Так Киру стало известно о намерении халдейского царя внезапным ударом остановить его продвижение на юг, и под утро вместо Забады к лагерю халдеев выступила часть персидского войска. Кир решил напасть на Валтасара, прежде чем тот снимется с бивуака, первым подняться на Холмы и, обрушившись на халдейское войско, стоявшее в долинах, потопить его в крови.

Халдеи – спутники Забады, троих из которых по совету Наби-Иллабрата оставили в качестве заложников, были приверженцами справедливого и милосердного царя Кира и ждали от него избавления. Забада без особого труда подбил их на измену своему царю. Лишь один, тот, что вместе с Забадой отправился к становищу Кира, заколебался и в последнюю минуту решил отколоться.

Всю дорогу угрызения совести мучили его, словно кошмары. Понимая, что, как только они доберутся до персидского лагеря, Забада велит убить солдат, он решил предостеречь Валтасара. Притвориться обессиленным после столь утомительного пути не

составляло труда. Забада попытался взбодрить его снадобьями, но, ничего не добившись, оставил распростертым под кустом. Едва они исчезли из виду, как немощный халдей припустился бежать назад к лагерю Валтасара, чтобы предупредить царя о коварстве Забады, однако умер, успев произнести лишь: «Персы!»

Впрочем, и этого слова оказалось достаточно. Послушные тревожному сигналу горнов, полки Валтасара выстроились в боевом порядке, чтобы, пробравшись меж Холмами, как гром среди ясного неба, поразить Кира в самое сердце.

Наконец Валтасар вышел из шатра и сел на коня, который, как и он сам, был увешан золотом. Горя желанием собственноручно прикончить Кира, он, наперекор всем доводам, принял на себя командование центральным отрядом. Наби-Иллабрат возглавил отряд на правом крыле, его помощник Аскудам – на левом.

Объехав выстроившиеся ряды солдат, царь направился к центру и обнажил меч, подавая знак горнистам.

Едва он обнажил меч, как впереди раздались крики.

Подняв голову, царь увидел на склоне холма всадника и несколько пеших солдат.

– Что это? – удивился один из приставленных к нему военачальников.

– Это наши дозорные, – успокоил его Валтасар.

– А мне сдается, это...

– ...персы, – подхватил другой военачальник.

– Да, да, это персы, ваше величество, – решительно подтвердил первый.

– Пер-сы?.. – ужаснулся царь.

Не успел он произнести это слово, как из-за гребня Холмов лавиной хлынуло вражеское войско.

На этот раз Валтасар быстро пришел в себя и отдал приказ идти на сближение.

С воинственным ревом, под оглушительный рык горнов, халдейского войско ринулось на врага.

Впереди персидских полков хорошо была видна фигура наместника Гобрива, который изменил вавилонскому царю, переметнувшись на сторону Кира, и теперь командовал его отрядами.

Завидев перебежчика, Валтасар вскричал:

– Вперед! – прищпорил коня и очертя голову понесся на атакующих персов.

Казалось, стороны вот-вот сойдутся, но Гобрив ловко уклонился и ударил по левому флангу, которым командовал Аскудам, сочтя его наиболее уязвимым. Валтасар оказался лицом к лицу с персидскими всадниками, с головы до пят защищенными броней. Гарцуя на холеных жеребцах, они прокладывали дорогу к вавилонскому царю, рассчитывая взять его живым.

Наби-Иллабрат мужественно отражал натиск превосходящих сил неприятеля.

Несметные полчища персов потоками свергались вниз по склонам, стремительные, как ураган, от которого нет спасения.

В передних рядах наступали союзники Кира – мидийцы в чешуйчатых доспехах, в шлемах и со щитами, на которых еще сверкали гербы покойного царя Астиага. За ними двигались рослые персы в одеждах из звериных шкур и овчины. Низкие шлемы надежно защищали их шеи. Орудяя легкими и тяжелыми копьями не хуже, чем луками, они метали их столь проворно и метко, что ни одно не пропадало зря. Прославленная лидийская конница глубоко вклинилась в боевые порядки Валтасара. Увидев, что лидийцы, братья халдеев, сражаются на стороне Кира, Наби-Иллабрат едва не выронил меч. В какой-то миг ему показалось, что все кончено, что спасения нет. Но он снова и снова, напрягая последние силы, продолжал сдерживать натиск врага. Теперь некогда было смотреть, каких племен воины мелькают перед глазами, и лишь в подсознании пульсировала мысль: весь мир поднялся против Халдейского царства, весь мир вышел на бой, чтобы истребить племя Мардука.

Жаркая сеча длилась уже несколько часов, когда на правый фланг пришла весть о том, что Аскудам убит. Копье одного из военачальников Гобрива проломило ему череп. Лишившись командующего, войско стало в беспорядке отступать, на место погибшего заступил его помощник, и халдеи снова воспрянули духом. Однако персам мало-помалу удалось взять левый фланг в клещи. В жестоких схватках шло время, и хотя халдеи защищались до последней капли крови, у них не было ни малейшей надежды на спасение, а тем более на победу. Потеряв свыше половины своих солдат, левый фланг вынужден был в конце концов сложить оружие.

Стало ясно, что и центр, под главенством царя Валтасара, долго не продержится, уступит превосходству персов. В рядах халдеев поднялась паника.

Опасения Набусардара сбывались. Единственное, что еще можно было сделать, это отдать приказ об отступлении и тем спасти хотя бы остатки войска. Но Валтасар кричал как одержимый: «Вперед! Вперед!» – и уже не десятки, не сотни, а тысячи лучших воинов полегли подле него.

Персы выдохлись и пустили в ход отравленные стрелы.

Валтасар спрыгнул с коня, подбежал к своей колеснице и под прикрытием щитов, впервые, хоть и мельком, оглядел поле брани. На левом фланге, которым командовал Аскудам, не видно было ни одного боеспособного воина...

Покончив с левым крылом, бывший наместник Гобрив двинул своих конников к центру. Персы неслись прямо на Валтасара.

Вовремя заметив опасность, Наби-Иллабрат передал командование помощнику, а сам поспешил к Валтасару, который уже стоял в колеснице.

Благополучно добравшись до него, Наби-Иллабрат крикнул:

– Надо отступать, ваше величество, перевес на стороне персов!

– Побеждают смелые! – Царь презрительно смерил его взглядом и отдал приказ атаковать зарвавшегося Гобрива.

– Мы лишимся армии!

– Лучше смерть, чем позор, – отрезал Валтасар и приказал вознице гнать лошадей навстречу Гобриву.

Наби-Иллабрат видел, что сражение проиграно, но, желая прикрыть молодого безумца, повел солдат в атаку.

Гобрив напал сбоку, стремясь вклиниться в боевые порядки халдеев, расчленив их,

окружить и взять в плен Валтасара.

Армии сошлись, рискуя неисчислимыми жертвами. Началась рукопашная. Кровь лилась потоками, земля была усеяна трупами. И снова стало выявляться превосходство персов. Тысячи халдейских солдат умирали у подножия Холмов. Теперь даже приказ об отступлении не выручил бы халдеев. Горстке отступающих не уйти от смерти, надо было спасать царя.

Улучив минуту, Наби-Иллабрат бросился к колеснице Валтасара.

– Государь, – крикнул он, – твое войско погибло, но подумай о своем народе, спасайся сам!

– Кто же станет командовать? – возразил царь, однако в голосе его уже не было прежней самоуверенности, а только отчаяние.

– Командование приму я.

– Будь по-твоему, – неожиданно согласился царь, – но смотри – держись до последнего! Помни – лучше смерть, чем позор!

– Клянусь тебе священной Иштар из Арбелы!

Чтобы прикрыть бегство царя и его свиты, состоявшей из знатных вавилонян, Наби-Иллабрат вскочил в колесницу и с удесятеренной энергией и решимостью повел солдат на врага.

Халдейские воины числом до восьми тысяч, подобно бешеным тиграм, снова ринулись в сражение.

Прошло еще несколько часов. Наби-Иллабрат отлично сознавал бессмысленность сопротивления и продолжал бой с единственной целью – задержать персов, пока Валтасар не окажется в безопасности. Вавилония не должна лишиться своего царя – иначе она лишится всего.

Пало еще две тысячи вавилонских воинов, теперь их оставалось всего шесть тысяч. В сравнении с несметными персидскими полками это была жалкая горсточка. Но они показали, какими отважными и искусными воинами располагал Набусардар. Оплошность состояла в том, что Валтасар свое двадцатитысячное войско бросил против почти втрое превосходящих сил противника.

Персидские полчища прорубались сквозь ряды отчаянно сопротивлявшихся халдеев.

Наконец они прорвались, и Гобрый во весь опор поскакал к колеснице Наби-Иллабрата: упустив вавилонского царя, он решил удовольствоваться его полководцем.

Топот персидских коней приближался; Наби-Иллабрат протянул одному из четырех щитоносцев, стоявших с ним в колеснице, меч и приказал:

– Руби мне голову. Персы не должны взять меня живым,

– О боги! – взмолился воин. – Лучше я отрублю голову Гобрью.

– Живей, не то будет поздно!

– Я отказываюсь тебе повиноваться, – ответил воин и поднял щит, чтобы прикрыть Наби-Иллабрата.

В этот момент подлетел Гобрый.

Но Наби-Иллабрат успел сорвать панцирь и вонзил себе в грудь меч. Его тело, перевалившись через борт колесницы, упало под колеса. Тяжелый металлический обод разможил ему голову. И это было благом: по крайней мере, персы не смогут преподнести ее Киру в знак победы.

– Мой повелитель! – со слезами на глазах вскричал щитоносец. – Мой повелитель!

И на глазах у оторопевшего Гобрива и сопровождавших его воинов он пронзил себе сердце кинжалом. Его примеру последовали трое остальных телохранителей Наби-Иллабрата. Они не имели права жить, потеряв своего господина.

Халдеи растерялись. Одни в знак преданности своему начальнику добровольно приняли смерть, другие обратились в бегство.

Лишь помощник Наби-Иллабрата с горсткой военачальников, всадников, обозных и пеших стрелков с трудом добрался до Вавилона. Остальных перебили преследователи.

Трупы павших солдат устлали поля и дороги почти до самого Города Городов.

* * *

События на севере повергли Вечный Город в ужас. Теперь уже никто не сомневался в справедливости слов Набусардара о том, что намерения Кира в отношении Вавилонии отнюдь не дружественны. После победоносного сражения персы вновь стянули силы, чтобы двинуть их прямо на Вавилон. Они брали провинцию за провинцией, в их руках уже были священные города Кута и Киш. Несколько дней – и армия Кира подойдет к стенам Вавилона.

Еще недавно, узнав о падении Мидийской стены, жители города ужаснулись, но все же надеялись, что Валтасар остановит персов. Им не верилось, что враг столь могуществен. Но когда бывший наместник Гобрив, разбил полки Валтасара под Холмами, вавилоняне совсем потеряли голову. Словно дряхлый жуткий нищий, по домам ходило отчаяние, повсюду оставляя мрачный след. В битве под Холмами погибло немало халдейских вельмож: княжеские сыновья, отцы семейства. Тысячи простых людей тоже оплакивали своих близких. О судьбе халдейского войска, защищавшего стену Навуходоносора, никто ничего не знал. Лазутчикам Итары пришлось покинуть северные провинции, победоносное наступление персидской армии прервало связь между севером и югом. Между тем судьба отрядов Валтасара ничем не отличалась и не могла отличаться от судьбы любой разгромленной армии: доблестных воинов угнали в рабство, где они должны были таскать тяжелые камни и возводить царские дворцы в Экбатане и Персеполе. При мысли об этом халдеи стискивали кулаки, но что поделаешь?

Первые известия, наполнившие ужасом сердца вавилонян, потрясли и Набусардара. Полководец давно предвидел это и теперь отчасти был отмщен за все те обиды, которые ему пришлось претерпеть, пока он создавал армию. Потеря двадцати тысяч была серьезным уроном для Вавилонии, но поражение под Холмами казалось ему пустяком в сравнении с тем, что могло за этим последовать.

При воспоминании о гибели Наби-Иллабрата сердце его сжималось от боли. Вместе пестовали они армию. Он был самый преданный Набусардару человек из высших военачальников. Всею душой любил он Вавилонию. Наби-Иллабрат доказал это и своей

смертью.

Закрыв лицо руками, Набусардар расхаживал по всему кабинету в доме командования армии. В висках ломило, словно их стиснули обручем. Мысль о гибели двадцати тысяч воинов, о смерти Наби-Иллабрата угнетала его.

Итара, высокий, стройный, уточенный аристократ с прекрасными манерами, сидя в кресле, наблюдал за верховным военачальником. Он знал волевою натуре Набусардара и не сомневался, что тот воспрянет духом, как только уляжется горечь первых минут. Итара попытался отвлечь его от мрачных мыслей:

– Я понимаю тебя, светлейший, однако нужно думать не только о смерти, но и о том, кто заменит Наби-Иллабрата. У меня есть на примете такой человек. Он предан тебе душой и телом, ты можешь доверить ему пост Наби-Иллабрата.

Набусардар отвел руки от лица и взглянул на Итару.

А тот продолжал:

– Память о Наби-Иллабрата никогда не умрет, да ведь не мертвым, а живым предстоит защищать стены Города Городов. Не забывай об этом, мой повелитель.

– Увы, это так, – кивнул Набусардар, весь еще во власти печали. – Это так, но пойми – Наби-Иллабрата я доверял, как самому себе. Я во всем полагался на него, он никогда не обманывал моих ожиданий, он всегда поступал так, как поступил бы я сам.

– У нас есть достойная замена, – тверже повторил Итара. – Это преданный человек. Ради тебя он пойдет в огонь и в воду.

– А предан ли он Вавилонии?

– Готов умереть за нее!

– И способный воин?

– Превосходный, мой повелитель!

– Гм... – задумался Набусардар. – Кто ж это из моих доблестных военачальников? Какой пост занимает он в моей армии?

– Светлейший, ты смело можешь его повесить; хотя он и молод для поста Наби-Иллабрата, но в нынешние тяжкие времена оправдано любое исключение.

– Кто же это?

– Исма-Эль, начальник лучников, светлейший. Набусардар был поражен. Ему отчетливо припомнилась ночь, когда Исма-Эль явился в сад на свидание с Телкизой. Набусардар не мог спокойно думать об этом, он тяжело дышал, постукивая кованым каблуком о мраморный пол.

– Что с тобой, князь? – Итара сжал холеной рукой металлический подлокотник в виде лежащего леопарда.

Набусардар не отвечал, мысленно спрашивая себя:

«Этот человек совершил подлость, а теперь я повышу его в чине, назначу преемником достойнейшего Наби-Иллабрата? Нет и нет! Не бывать этому. Да и может ли Исма-Эль верно служить Набусардару, если однажды он уже предал его? Или...»

В душе Набусардара шла борьба, отражавшаяся на его лице. Глубокие морщины разбежались вокруг сузившихся глаз.

Чувствуя на себе пристальный взгляд Итары, Набусардар отошел к статуэтке из стеатита, изображавшей праздник урожая и жертвоприношения первых плодов. Стоя у ее постамента, Набусардар барабанил пальцами по виноградной кисти, погруженный в нерешительные раздумья.

Если бы не этот случай! Как быть?

Возможно, Исма-Эль сам сожалеет о своем поступке и раскаялся в том, что безрассудно позволил Телкизе увлечь себя? Да и кто устоял бы перед ней, тигрицей?! Во всяком случае, это не умаляет его ратных доблестей, а любой храбрый воин – желанный человек в армии Набусардара. Да и не время сейчас сводить личные счеты.

Набусардар вернулся к Итаре и прямо посмотрел ему в лицо.

– Ты принял решение, светлейший? – спросил тот. – Все взвесил, все обдумал и решил?

– Да, – твердо ответил Набусардар, – Исма-Эль будет повышен и займет пост Наби-Иллабрата. Тебя же я назначаю начальником лучников.

– Это большая честь для меня, светлейший, но мне и в голову не приходила такая возможность, я дал тебе совет, не ожидая награды.

– Я отличил тебя, мой Итара, за твои способности. В них я не сомневаюсь. Вот взяв в свое время Сан-Урри помощником к себе, вверив ему вавилонский отряд, я действительно допустил промах.

– Ты все еще подозреваешь его в измене, светлейший?

– Уверен, что это так. Сан-Урри больше всего радел о своем честолюбии, предпочитая дешевый блеск и сомнительную славу. С людьми считался, когда это было ему выгодно, царя признавал лишь такого, который блюл бы его интересы. Богам поклонялся, только нуждаясь в их помощи. Он и родину продал ради корысти. Похитив план Мидийской стены, он определенно передал его персам. Взять ее иначе они не могли.

– Возможно, время подтвердит твою правоту, – отозвался Итара.

– Но я хотел бы поговорить с тобой еще об одном деле, – он сделал небольшую паузу, – это поручение вавилонской знати. Ходят слухи, будто крестьянка из Деревни Золотых Колосьев пленила тебя и ты забыл о народе, обрекая его на гибель. Вельможи верят тебе все меньше и меньше.

Набусардар вспыхнул, но ценой невероятного усилия сдержался.

– Какие из моих поступков позволили им так судить обо мне? – спросил он. – Разве не я создал халдейскую армию?

– ...которую, по их словам, ты столь легкомысленно теперь послал на смерть...

– Это о разгроме двадцати тысяч воинов под Холмами?

– Да.

– Но где же тут моя вина?

– Твоя вина в том, что ты необдуманно доверил войско неопытному царю.

– Но разве я в ответе за то, что в нашем государстве слово неопытного государя значит больше, чем ум двухсот сановников?!

– Ты сам должен был возглавить войско. Отчего ты этого не сделал?

– Я предвидел исход этого сражения и не мог взять на душу такой грех.

– Прости, но я и в самом деле не понимаю тебя, светлейший.

– Когда-нибудь вы все поймете, да поздно будет. А у меня готов сорваться упрек – как жаль, Итара, что я ошибся в тебе. Да ведь и его ты припишешь наущению этой девушки.

– Откажись от нее, Набусардар. За тем я к тебе и пришел. Таково желание вавилонских вельмож, об этом они просили уведомить твою милость. Иначе знать отвернется от тебя.

– Народ не отвернется, – воскликнул Набусардар, – и если вельможи не считают своим долгом защищать родину, ее защитит простой народ! На него я возлагаю свои надежды. Поэтому я вооружил его. А вавилонским вельможам передай, что последний раб из рудников для меня дороже, чем они.

– Но ведь и я – вельможа, Набусардар! – вскричал оскорбленный Итара.

– Так же, как и я, Итара. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что сейчас важнее всего?!

– Я давно не видел тебя, ты сильно изменился. Для тебя нет ничего святого – ни богов, ни особы царя.

– Не секрет, что я не питал и не питаю почтения к идолам и недалеким правителям. Увы, Валтасар – последний царь из рода Набонидов, и поневоле приходится оказывать ему почести. Но коль скоро боги послали нам царя, лишённого разума и благородства, будем же хоть мы мудры! Или ты тоже подозреваешь меня в стремлении захватить престол и с недоверием относишься ко всему, что я делаю?

– Вельможи поговаривают, будто ты для того и отослал Валтасара на север, чтобы тем вернее погубить его и захватить престол.

– Что еще? Что еще говорят обо мне вавилонские вельможи? – не выдержав, вскричал Набусардар. – Быть может, им любопытно будет знать, что я думаю о них? В таком случае, Итара, грешно тратить драгоценное время на пустые разговоры. Ступай и скажи им, какого я о них мнения. Тот, кто доверяет мне, пусть остается в армии, остальные могут поступать, как сочтут нужным. И не было случая, чтобы простой народ предал родину. Я пойду с простым народом.

Едва сдерживаясь, Итара встал, чтобы уйти и передать эти слова вельможам. Скрестив на груди руки, он склонил голову.

Прощаясь, Набусардар сказал ему:

– И ты, Итара, решай сам, что тебе больше по душе, но помни – волк и тот не покидает свою стаю, когда на нее нападает враг.

Итара снова скрестил руки на груди и склонил голову.

Словно избитый плетью, смотрел Набусардар ему вслед, смутно ощущая, как подступает дурнота, похожая на ту, от которой он искал избавления в целебном источнике на холме Колая. Он противился ей из последних сил. Нет, нет, он не поддастся. Поборет

ее. Теперь не время, теперь...

Набусардар сделал несколько шагов, чтоб убедиться, что сознание не оставило его, глубоко вздохнул, – нет, еще жив.

Итара бесшумно вышел, лишь сквозняком взметнуло полы его плаща.

Дверь осталась открытой, потоки воздуха шевелили шерстяные занавесы. С улицы донесся голос, требовавший пропустить в дом командования армии.

Безошибочно узнав его, Набусардар приказал страже отворить ворота.

– Нанаи! – только и смог вымолвить он, когда посетительница переступила порог и дверь за нею затворилась.

Она стояла перед ним в шлеме и длинном плаще, надетом поверх женского платья.

– Я явилась к тебе, мой господин, прости мне этот поступок, – проговорила она серьезно. – Правда, нынче такое время, что тебя уже ничто не удивит. Я переделалась воином и на коне прискакала из Борсиппы...

Набусардар окаменел. Слезы любви блеснули в его глазах.

Нанаи негромко продолжала:

– ...не потому, что опасалась за тебя, – о, могла ли я опасаться за моего Набусардара?! Прошу, выслушай меня, господин.

Она выждала, но, не получив ответа, взяла Набусардара за руку и, усадив на скамью, обняла за плечи.

– Ты недоволен моим приездом, господин, но и не гонишь меня?

Он судорожно стиснул кулаки, пытаясь унять глухую тревогу и боль.

– Ты так молчалив, – нежно проговорила она, – но я понимаю. Не один раз касалась я ладонью твоего лица, твоей груди, я знаю, как тебе трудно. Тяжелое время переживаешь ты, потому я и пришла к тебе, потому и прошу, выслушай!

– Нанаи, моя единственная, несравненная, – проговорил Набусардар, заставив себя улыбнуться, – говори, говори, быть может, твой животворный голос исцелит меня.

Прижавшись щекой к его плечу, она сказала:

– Целыми днями не выхожу я из комнаты, где ты позволил устроить мою мастерскую. Четыре стены да чистое небо над головою. На полу – бочки с глиной, мокрая холстина, инструмент, которым Гедека учит меня работать. На стенах – самые лучшие мои друзья, барельефы из жизни славного Навуходоносора, при котором жили и умерли мои предки. Посреди комнаты на подставке – изваяние матери с младенцем на коленях. Скоро я закончу его. Стоит тебе увидеть ее – и ты забудешь обо всем на свете. Мать обращена лицом на восток, и когда поутру восходит солнце, она улыбается его первым лучам. Улыбается, как улыбалась бы я сама, кормя своего сыночка.

Не удержавшись, Набусардар порывисто обнял Нанаи. Наперекор чванливой вавилонской знати, наперекор всему миру он будет слушать ее и не выпустит ее рук из своих.

– Так, мой Непобедимый, день за днем проводила я безмятежно, наедине со своей скульптурой, со своей мечтой. А сегодня, когда я вошла в мастерскую, мне показалось, что там кто-то прячется, хотя, ты знаешь, никому, кроме меня, входить

туда не дозволено. Мне почудилось, будто за мной наблюдают. Но в комнате никого не было. Я протянула руку к ларцу из черного дерева, который ты заказал для моих инструментов, и, к удивлению, вместо железного резца нашла там кинжал, нашу семейную реликвию, у нас ее передают из рода в род... Тот самый кинжал, с которым я пасла овец. Не знаю, как он туда попал, но я схватила эту драгоценность и стала рассматривать. На рукоятке ее выбита надпись: «Жизнью пожертвуй, Гамадан, во имя чести и народа». Прочитала я это и забыла об улыбке «Матери с младенцем». Кровь вскипела во мне, словно бурный поток. Я бросилась во дворец и застала там Теку. Она как увидела кинжал, так глаз с него не спускала.

– Ты что-нибудь знаешь об этом кинжале? – спрашиваю ее с подозрением.

– Тсс... – Она остановила меня, приложив палец к губам. – Его посылает тебе добрая Таба, которую ты считала умершей. Ты единственная продолжательница рода, и он принадлежит тебе по праву наследства.

– А что с отцом? – спрашиваю я, зная, что Эсагила, испугавшись твоей угрозы, отпустила его... Правда, однажды ночью, в праздник богини Иштар, они подожгли наш дом. Отец вернулся на пепелище. Он не жаловался, не сетовал – просто решил таскать ил и глину из канала, чтобы построить новый дом. Ничто не сломило его, он был тверд, как и подобает Гамадану! Такими Гамаданы были всегда, такими мы и останемся! Но сейчас не об этом речь. Не за этим я к тебе приехала. Да, чуть не забыла – я послала отцу немного денег, не сердись...

– Ты правильно сделала, моя бесценная, – кивнул Набусардар, сжимая в своих ладонях ее руки. – Сознаюсь, мне было известно, что дом ваш сожгли, но я не хотел печалить тебя злой вестью. Я давно предлагал твоему отцу поселиться в моем дворце, но он отказался. Просил отпустить его на землю предков. Не взял и денег; надеюсь, он примет их от тебя.

– Пока жива Таба, сестра Синиба, я за отца спокойна. Она такая же бесстрашная, как и мой дядя. Неспроста послала она мне кинжал. Запертая в четырех стенах, плененная твоей любовью, я забыла о том, что творится на белом свете. Не знала даже, что персы сокрушили Мидийскую стену, что под Холмами пали двадцать тысяч воинов и храбрый Наби-Иллабрат. Об этом я узнала только теперь. Если бы не кинжал, я до сих пор ходила бы как зачарованная вокруг своей «Матери с младенцем». Кинжал вернул меня к действительности, и вот я здесь. Ты понял меня?

– Не совсем... Что же все-таки привело тебя сюда?

Под окнами зазвенели мечи – новые, булатные мечи, выкованные на заказ оружейниками из Дамаска. Солдаты рубились, испытывая их прочность.

Заслышав звон металла, Набусардар встрепенулся.

– Пойдем, я хочу, чтобы ты видела, какими мечами вооружил я мою армию.

Они наблюдали с террасы за молниеподобным сверканием мечей на плацу, и тут Нанаи проговорила умоляюще:

– Я пришла к тебе просить, чтобы ты опоясал меня мечом, о мой господин.

Он вздрогнул – что такое она говорит?

– Да, за этим. я и пришла к тебе. У тебя полегло двадцать тысяч воинов, вот я и решила, что смогу заменить хоть одного из них.

Теперь он понял. В голове его разом прояснилось, точно вспыхнули миллионы факелов, их пламя рассеяло угрюмый сумрак, в который вверг его душу Итара. Нет, нет, совсем

он не одинок! Она – с ним, она неотделима от него, как неотделимо дыхание от живого тела, луч от солнца, роса от зари. Сбылось то, о чем мечтал он!

– Ты готова заменить одного из двадцати тысяч павших... А для меня ты значишь много больше. Ты до последнего дыхания будешь защищать Вавилонию, верю, но нельзя же всем умереть. Кому-то и жить надобно. Ты вернешься в Борсиппу и там переждешь злую годину. Я уже не смогу покинуть армию, но сердцем всегда буду рядом с тобой. Твой образ для меня – и меч и щит в бою. Клянусь, я одолею персов, а если царь и тогда откажет мне в моей просьбе, я сложу с себя благородный сан и все равно возьму тебя в жены. Я и теперь считаю тебя женой, матерью моих сыновей, которых подарит мне твое благословенное лоно.

– Я единственная наследница рода Гамаданов, господин, – стояла на своем Нанаи, – и мой долг – в годину опасности защищать родину с оружием в руках наравне с мужчинами. Не знать мне покоя ни днем, ни ночью, если я сложа руки буду смотреть, как умирают другие, как ты рискуешь жизнью...

– Я поклялся тебе одолеть персов, еще раз клянусь в этом священной нашей родиной и нашей любовью. Возвращайся в Борсиппу и жди победного конца этой кровавой войны. Никто не вправе потребовать, чтобы я и тебя принес в жертву; сознание, что ты жива, придает мне силы. Мысль о том, что ты в безопасности, наполнит меня отвагой. Твоя гибель подкосит меня. Послушайся, моя несравненная, жена моя, кровь и жизнь моя.

Услышав эти слова, Нанаи затрепетала, словно ольховая веточка на ветру.

Она бросилась ему на грудь и обвила руками его шею. Набусардар понял – она уступила... Он обнял ее и прижался щекой к ее кудрям.

Стало так тихо, что звуки дыхания и падающих капель в водяных часах казались им звоном колоколов.

Но снова тишину пронзил лязг мечей во дворе.

Набусардар отстранил ее:

– Мы должны расстаться, любовь моя, опора и щит мои, да хранит тебя твой Энлиль.

– Когда же я увижу тебя, мой бесценный? Долго ли продлится война? Не знаю, переживу ли я разлуку... Набусардар сокрушенно покачал головой.

– Война, видно, затянется, но мы не должны терять мужества.

Он осыпал ее поцелуями – целовал ей лоб, глаза. перецеловал каждую прядь на висках.

– Мне пора, Нанаи. пора...

Она выскользнула из его объятий, дрожа всем телом от тревоги и счастья.

– Да, пора...

Голос ее звучал чисто и звонко, но печально, будто колокол, в который мастер заколдовал свою боль.

Она поправила шлем на меднокудрой голове, запахнула длинный плащ и двинулась к выходу.

– Я велю солдатам проводить тебя, чтоб с тобой ничего не случилось. Они проводят тебя до самой Борсиппы, до нашего дворца.

– Не тревожься. Гляди. – Она приподняла полу плаща – на правом боку висел короткий меч, на левом – плетеный хлыст.

– И все-таки мне будет спокойнее, если тебя проводят.

– Ни одна душа не узнает во мне женщину. Даже стражники на мосту приветствовали меня как одного из твоих военачальников.

– Вавилон бурлит, моя бесценная, мало ли что Может случиться. Вдруг, когда ты будешь возвращаться, поднимут мост?

– Дай мне грамоту, что я твой гонец, и все будет в порядке.

Набусардар достал из стола глиняную, скрепленную печатью табличку и протянул ее Нанаи.

– Этого достаточно, даже если тебя остановит царь. – И добавил: – Но все-таки будь осторожна.

Он проводил Нанаи до ворот.

Молча сжал ее горячие руки и еще долго – после того как она ушла – ощущал на ладонях их тепло и ласку – все, что осталось ему на долгие месяцы войны.

* * *

Бабилу, Город Городов, гордившийся начертанным на его знамени призывом: «Радуйтесь с богами!» – приуныл, поддавшись слабости и малодушию. Всемогущие боги оказались не в состоянии укрепить волю человека и рассеять его мрачные предчувствия. Небожитель Мардук, покоритель хаоса и покровитель мужества, не умел избавить людей от тревоги; растущему в их душах смятению он не смог противопоставить чувство уверенности и тем самым обрек их на томительное ожидание безрадостного будущего.

Людей вновь охватило безумие, словно вернулся знойный ава, месяц смерти, но, не в силах томиться взаперти, они высыпали на улицу, сходились небольшими группами, с боязнью выпрашивали друг друга о новостях. Тысячи нелепых предсказаний и лживых посул возмутителей спокойствия передавались из уст в уста. Слово волновало народ, как ветер море. Надвигалась буря, буря опустошительная.

Улочкой, на которой жили гребенщики, шел жрец, полы его длинного одеяния цеплялись за кусты винограда, увешанные тяжелыми розовыми гроздьями. Бритые лицо и голова его лоснились, громко стучали твердые сандалии, надетые на босу ногу.

Казалось, он не обращал внимания на встречных, которые судачили и сетовали, но вот, бросив украдкой взгляд на одну из группок, жрец вдруг остановился.

Говорила жена тупоносого мастера:

– Он потому такой сильный, что его вскормили волчьим молоком...

– Волчьим, молоком? – с удивлением повторяют слушатели.

А годовалый сынишка разносчицы Изобы, который ползет на животе за семенящим вразвалку голубем, вскидывает курчавую головку, точно понимая, о чем говорят взрослые, точно соглашаясь с тем, что от волчьего молока человек и в самом деле становится сильным.

– Святая правда, – щурится подмастерье, обтачивая буйволиный рог.

– мой брат грузит на пристани бочонки с оловом, которые отсылают в Индию, там ему такого порассказали...

– Гм! – делает большие глаза Села, переставая грызть тыквенные семечки. – А ну, выкладывай, что знаешь.

– А вот послушай: Кира вскормила волчица... Женщины ахнули.

Мастер хмыкнул, разинул рот и задумчиво постучал ногтем по щербатому зубу, недоверчиво покачав головой.

– Хозяин не верит, – обиженно бросил подмастерье. – А вот один грек из Коринфа говорил, что волчица зачала его от лесного бога, и один перс из Суз это подтвердил. Оттого Кир так могуч и непобедим. Он может угадывать чужие мысли, вызывать ураган, испепелять взглядом жилища.

Мурашки забегали по спинам слушателей, а Села прижалась спиной к стене:

– Ну, если правда это, пускай он угадает мои мысли и испепелит мое тело своим жаром...

– У тебя одно на уме, бесстыдница, – сплюнул подмастерье. – Вот погоди – испепелит тебя Кир... в геенне огненной...

Заложив руки за голову, Села потянулась, словно кошка.

Молодой корабельщик, сын перекупщика рогов, не сводил с нее жадного взгляда. Жилы на его загорелой шее вздулись.

– Села, – проговорил он не громко, охваченный волнением.

В ту же минуту Селу окликнула мать, желая ее предостеречь.

– Ха-ха! – Села в ответ показала жемчужные зубы.

Не дожидаться же ей со страхом в сердце и скорбью во взгляде прихода персидского властелина. Не страха и слез ждет она от жизни. Все свои мечты она поверяет наперснице-каморке, и та ее ни в чем ни разу не упрекнула – ее каморка под чахлым платаном, обрамленная гирляндами кровавых пионов, каморка, где стоит ее ложе, мягкое ложе из овечьих шкур...

Подмигнув корабельщику – дескать, как-нибудь наведайся ко мне, – огнеокая Села скользнула в калитку двора. Раззадоренный корабельщик тотчас последовал за нею, с трудом ступая непослушными дрожащими ногами по ее обжигающим следам. Но Села захлопнула дверь перед самым его носом и рассмеялась задорным молодым смехом.

– Наконец-то ушла, – с облегчением выдохнул подмастерье, – ей бы только зубы скалить... Теперь расскажу вам все по порядку.

Докончив зубец гребня из буйволиного рога, он начал:

– Да поразит меня богиня моря Сидури, да завлечет меня в подземное царство Иркалас,

если я вру, что Кира произвела на свет волчица. Говорят, он даже на человека не похож. Тело заросло шерстью, вместо рук – лапы, а вместо пальцев – когти. Чудище, под стать могучему Сакану, богу пустыни и диких зверей!

– Ох, – простионала Изоба и, подняв с земли малыша, прижала к себе, словно укрывая от беды.

На лицах слушателей отобразился ужас, и только мастер-гребенщик ухмылялся про себя.

Он знал, что Кир – могучий царь, но знал также и то, что рассказы о волчице – выдумка, пущенная в ход для одурачивания простаков. Как-то ранним утром в его мастерскую явился персидский купец с высоким коробом за спиной. Он скупил у него чуть ли не все гребни, отделанные жемчугом и тонкой резьбой, и щедро заплатил за них – золотыми персидскими монетами, горевшими на ладони, точно маленькие солнца. До поздней ночи просидел он в пустой мастерской, беседуя с хозяином. И когда месяц посеребрил зубчатые стены дворцов, речь зашла о Кире, могущественном правителе страны за Эламскими холмами, куда совершают паломничество пророки; они постыятся и возвращаются, осененные высшей правдой, чтобы нести ее в народ.

Персидский купец тоже пришел оттуда и, словно златоустый пророк, повествовал о жизни Кира, начиная с самого его зачатия, когда будущий царь, подобно затерянному семени, пребывал во чреве Манданы, матери своей, и кончая тем днем, когда он, как и его отец Камбиз, стал властелином Анзана. Жизнь Киру дали Мандана с Камбизом. Мандана приходилась дочерью мидийскому царю Астиагу, а Камбиз – сыном персидскому князю Курушу из царствующей династии Ахеменидов.

– Кир – царский сын, ему на роду было написано властвовать.

Так говорил персидский купец, облокотясь на короб, при свете месяца, стража ночных небес, глядя в маленькие глазки гребенщика.

– Да только дед, царь Астиаг, невзлюбил внука.

– Неужто? – дивился мастер.

– То-то и оно.

– Гм...

– Перед тем как младенцу покинуть материнское лоно, лоно Манданы, Астиагу привиделся вещий сон.

– Вещий сон? – Хозяин придвинулся к рассказчику.

– Вещий.

– Гм...

– Всемогущему царю Астиагу, повелителю мидийцев и Эламского царства, приснилось, будто из лона Манданы произросла могучая виноградная лоза, затмившая своими побегами его владения. Маги и звездочеты предсказывали, что Мандана даст жизнь великому властелину, который подчинит своей власти не только чужеземных правителей, но и самого царя Астиага. Так оно и случилось. Мандана родила Кира, и тот сломил могущество Астиага и стал владыкой Мидии, отомстив тому, кто обрек его на гибель, когда он был еще беспомощным младенцем.

– На гибель? – по слогам выговорил мастер, машинально разгребая на своем столе роговые обрезаки.

– На погибель, потому что пророчество магов испугало Астиага. Задумав недоброе, призвал он Мандану к себе. Камбиз не мог этому противиться, он был данником Астиага. Вскоре Мандана произвела на свет сына и нарекла его Киром. Астиаг пожелал взглянуть на внука, и, когда кормилица принесла его, он из страха за себя приказал верному царедворцу Гарпагу убить младенца и потихоньку унести в горы.

Гребенщик вздрогнул и невольно произнес вслух, точно все еще сидел с купцом в своей мастерской:

– В горы...

Изиба взглянула на него. Она не умела читать чужие мысли, так как не обладала даром пророков – даром познания и провидения. Не зная, о чем думает гребенщик, она спросила:

– Ты думаешь, нам лучше уйти в горы и там переждать беду?

Смешавшись, гребенщик снова постучал ногтем по зубу, словно возвращая себя к действительности.

– По нынешним временам и впрямь лучше жить с дикими зверями, чем с людьми. Близится день суда и муки мученической. Но я о другом...

– О чем же ты?

– О том, как Астиаг, ходивший в пурпуре из города Библа и увешанный золотом с острова Тассу, жестокосердый царь Астиаг приказал Гарпагу убить Кира, едва тот покинул материнское чрево, и унести его в горы.

– Но Гарпаг пощадил этого изверга, – затрясся от злобы торговец Эрару, – да осенит Астиага Шамаш, он ведал, что ожидает людей, когда внук его подрастет.

– Да укрепит Нинурта, бог войны, меч Кира, – надулся гребенщик. – На себе испытал несправедливость, Кир хочет избавить мир от неправды.

– Откуда это известно тебе, мастер? – подбоченилась Элига, которая толкла у крыльца ячмень в ступе.

– Заходил ко мне один персидский купец. – Мастер шумно втянул воздух тупым носом.

– Верно, он неплохо тебе заплатил за гребни... – укоризненно бросила Изиба, приглаживая густые кудряшки над лбом малыша.

– И то сказать... золотыми.

– Зо-ло-ты-ми?

– Ну, теперь ты как вельможа, – рассмеялась она, – только вот на груди золотой цепи не хватает!..

– Неужто вправду золотыми? – недоверчиво переспросил подмастерье. – Может, не золотыми, а ячменем?

– Говорят вам – золотыми, самыми настоящими! Вот я и думаю – если простой купец может платить золотом, то, когда придет Кир, все будем в золоте купаться. Вот она, его справедливость!

– Оно и впрямь было бы справедливо... Слушатели одобрительно закивали головами.

Поодаль, на краю дороги, сидела покрытая язвами женщина, моля милосердных богов об исцелении и ловя каждое слово о Кире. Персидского царя ждали, верили, что он несет избавление униженным, и в то же время боялись, так как войско его сеяло смерть и огонь. Говорили, что самими богами ему предначертано властвовать над Старым Светом, но обезображенная гнойниками и струпьями женщина всей своей исстрадавшейся душой желала, чтобы не правом на власть, а даром исцеления обладал персидский владыка.

– Здоровье дороже золота, – кричала она людям, прикрывая язвы на своем теле.

– Будет золото – будет и здоровье, – ответила ей Элига и, переводя дух, отложила пест. – Накупим себе дворцов, каждый день будем купаться да натираться благовониями, как вельможи.

Женщина в язвах махнула рукой и устремила взгляд к Узкой улочке, откуда ежедневно в этот час появлялся жрец бога Эа, утешавший страждущих сочувственным словом. Когда он показался на углу, несчастная выпростала из-под тряпья руки и простерла их к слуге божьему. Тот направился прямо к ней, но не словом утешения, а холщовым мешочком с сушеными травами благодетельствовал ее на этот раз.

– Омой язвы отваром, – сказал он ласково.

– И тело мое снова очистится?

– Если Эа явит милость – очистится.

– Будь благословен, святой человек, – поблагодарила она его.

Едва он отошел от больной, как его остановила жена гребенщика.

Люди, кланяясь, обступили жреца, у всех на языке был один вопрос.

Не успев поздороваться с жрецом, подмастерье сказал за всех:

– Верно, просвещенный слуга божий все знает про Кира и волчицу. Он человек ученый, для него тайн нету. Вот увидите, на пристани мне не наврали.

Жрец охотно завязал с ним беседу.

– Слышал, слышал. О том, что Кира родила волчица, толкуют повсюду. А вот о чем вы тут говорили между собой – мне не ведомо.

– Я тебе расскажу, слуга божий, – протиснулся вперед подмастерье, убрав за спину нож и недоделанный гребень. – Я говорю, что Гарпаг вовсе не убил младенца, а живым унес в лес. Там его нашла волчица и вскормила своим молоком. Когда он подрос, его приметили пастухи, принесли в царский дворец в Экбатане, и Астиаг узнал в нем сына своей дочери.

– А мне, – важно заметил мастер, – один персидский купец рассказывал по-другому. У Гарпага не поднялась рука на невинного младенца, и он отдал его пастуху Митридату, наказав отнести Кира в чашу и бросить на съедение диким зверям. Но в ту пору жена Митридата, да утешат ее боги, родила мертвого ребенка, и царский пастух решил оставить Кира у себя, а тело своего сына отдал царским солдатам для погребения, выдав его за младенца Манданы. Кир рос, играл на лесных опушках с пастушатами и уже тогда выделялся среди ровесников умом и красотой. Из-за его мудрости и красоты обман Митридата и вышел на свет божий, который ниспосылает нам ясноликий Шамаш.

– Началось все с игры, – перебила мастера жена, видя, что он устал рассказывать, – ребятишки избрали Кира своим царем. Все ему покорялись, и только сын знатного мидийца Артембара отказался подчиниться сыну пастуха. За ослушание Кир велел высечь

его плетями. Мидиец пожаловался на Митридата и его сына царю Астиагу. Когда царь призвал обоих к себе, Кир, носивший в то время, как сын пастуха, другое имя, стал храбро отстаивать свою правоту: «И поделом велел я всыпать ему плетей, он вместе с другими нарек меня царем, а царю надо повиноваться». Речь эта так понравилась владыке великого Мидийского царства, что хотя он и догадался, кто перед ним, однако простил Митридату обман и взял отрока к себе на воспитание. Правда, после того, как маги уверили царя, что Кир ему больше не помеха: раз он был в игре царем над своими сверстниками, стало быть, пророчество уже сбылось и лишено силы на будущее.

– Зато на Гарпага обрушилось возмездие, – осклабился подмастерье, – Астиаг приказал тайком убить его сына и зажарить к обеду, на который он пригласил Гарпага.

– О, – едва не разрыдалась Изоба. Она прикрыла малыша передником и, схватив его, убежала в дом.

– Так ли все было? – стали допытываться у жреца простолюдины.

– Не знаю, сколь правдивы эти слухи, но я не верил бы им. Много тут вздорного. Слухи эти распускают персидские шпионы, чтобы внушить любовь и сочувствие к Киру. А Кир как раз из тех, кто не заслуживает ни любви, ни сочувствия.

– А верно, что он весь оброс шерстью и вместо пальцев у него – когти? – выпалил подмастерье, повторяя домыслы недругов Кира.

– И что из глаз у него огонь полыхает?

– А взгляд испепеляет жилища?

– Что он могуч, как Сакан?

– И даже на человека не похож? – выкрикивали они наперебой.

– Да нет же, – перекрыл их голоса слуга божий, – Кир создан по образу и подобию человека, это могущественный и великий царь, но в груди его – сердце хищника.

– Стало быть, он опасен для людей, как леопард для лесного зверя, – заключил Эрару.

И снова людей охватили тревога и страх.

– Что же нам делать, слуга божий? – пробормотала жена гребенщика.

– Храните спокойствие и благоразумие. Вавилония не сложит оружия.

С этими словами жрец покинул их.

Задумавшись, он шагал меж рядами пальм, глядя на холмы Царского Города, где весной распускаются фиолетовые, под стать предвечернему мареву, цветы катальпы и янтарно-желтый кустарник с запахом меда. Пчелы жужжат над их чашечками, осыпанными пыльцой, как золотистым песком, который суда Валтасара привозят из Аравии вместе со слоновьими бивнями, черным деревом, корицей, серебром, оловянными блюдами и невольниками.

Жрец не дошел еще и до третьего дома, как его вывели из задумчивости громкие крики.

В узком проходе между харчевней на углу и лавкой, где торговали бараньим жиром, галдела толпа женщин и стариков. Присмотревшись, жрец увидел за их спинами черноволосую, с орлиным взглядом девушку в пестром полосатом платье. Ее толкали, щипали, стегали веревками, рвали одежду, а когда она, наконец обессилев, упала, ее принялись нещадно топтать ногами.

Жрец бога Эа прибавил шаг.

И в тот же момент из Поперечной улицы вырвалась другая толпа, и на маленькой площади появился царский военачальник, с головы до пят закутанный плащом. Конь гарцевал под ним, вставал на дыбы, ржал и встряхивал гривой. Потом он закружил на одном месте, и всадник увидел толпу, глумившуюся над девушкой.

Он пришпорил коня. Зеваки устремились за ним следом. Старики и женщины в проулке расступились, изумленные. В наступившей тишине всадник спросил, кто эта женщина и чем она провинилась.

Кто-то шепнул:

– А этот солдат что-то малость смахивает на благородную госпожу.

Это и в самом деле была Нанаи, возвращавшаяся из дома командования армии от Набусардара.

– Чем провинилась эта женщина? – повторила она свой вопрос.

– Она персиянка, господин! – выкрикнул старец с длинной всклокоченной бородой.

– Я спрашиваю: чем она провинилась?

– Ничем, господин, ничем, – с этим криком несчастная бросилась к всаднику. – Провинилась я только тем, что породило меня на свет лоно персиянки. Смилуйся, господин! Они убьют меня, господин! Я ни в чем не повинна. Я поклоняюсь Ормузду, но почитаю и вавилонских богов, вашего царя и ваши законы! Мой дом на Торговой улице, я живу честно, торгую луком и чесноком. Не допусти, господин, чтобы город твоих богов и царя твоего стал вертепом.

Нанаи содрогнулась и не могла выговорить ни слова – язык ее словно завязали узлом. Она вспомнила о князе Устиге, и, хотя день был жаркий, в лицо ей пахло холодом. Нанаи почудилась затхлость глубокого подземелья.

– Господин, – рыдала женщина, с мольбою воздев руки, так как халдейки стали плевать в неё.

– Перестаньте! – повелительным тоном произнесла Нанаи и подняла руку к шлему.

Не поднимаясь с колен, персиянка вскинула голову.

– Благодарю тебя, господин.

– Не смейте ее трогать! – добавила Нанаи и повернула коня.

Только теперь заметила она служителя бога Эа. Облаченный в долгополую белую ризу, стоял он возле столба, на котором были высечены своды законов. Проскакав мимо него, Нанаи стала пробираться к мосту через Евфрат.

Улицы бурлили, Вавилон напоминал развороченный муравейник.

Маршировали солдаты, у внешних и внутренних ворот сменялась стража, тянулись повозки, груженные военным снаряжением, раскидывались станом войсковые части; сновали женщины, дети, старики. От городских стен, где жили и умирали в грязи поколения неимущих, голодными глазами взирая на дворцы вельмож, толпами валили нищие. Голытьба хлынула с окраин к центру города, покидая лачуги из глины и тростника, которые прыщами на теле аристократа уродливо и робко лепились возле

роскошных палат богачей. Хотя Набусардар позаботился и об этих подданных великой Вавилонии, выделив для них убежища, однако множество бедняков запрудило улицы, сея панику и мешая марширующим солдатам.

В конце концов, советники царя подали мысль установить в разных концах города десять глиняных досок с призывом к спокойствию и благоразумию. Люди ринулись к доскам. Каждому хотелось знать, что там написано. Каждому хотелось видеть их собственными глазами. Шум, гам, перебранка от этого только усилились.

Тогда власти прибегли к другому средству – разослали царских глашатаев умиротворять народ. Те подняли на ноги весь город, население покинуло дома, чем не преминули воспользоваться грабители – они убивали слуг и дворцовых невольников и уносили в свои притоны несметные богатства. Похозяйничала во дворцах и городская голытьба.

Возвращавшаяся из дома командования Нанаи стала свидетельницей смятения в городе. Пугая гнедого жеребца, толпа несла ее от улицы к улице, бурливших, как река в половодье. Конь шарахался и фыркал, подгоняемый криками, плачем, причитаниями. Отчаявшись пробиться к мосту, Нанаи отдалась на волю людского потока, который вынес ее на просторную Базарную площадь.

Там, посреди базальтовых столбов, перед рабами, торговцами, носильщиками, ремесленниками, богатыми горожанами и вельможами витийствовал царский глашатай.

Нанаи остановилась, чтобы переждать, пока схлынет толпа.

До слуха ее донеслось:

– Персы – не первые, кто замышляет покорить весь мир и властвовать даже над Вавилоном. История знает великих и могущественных властелинов, мощь и слава которых разбились о стены нашего Священного Города. Так случилось с правителями Мидии, Элама, Египта и Ассирии. Боги наказали их, сокрушив их империи. В отместку за то, что они дерзнули посягнуть на Бабилу, Ворота Неба, через которые боги нисходят с небес на землю, вседержители разрушили Тебы, Сузы, Ниневию и Сарды. Надменный Ашшурбанипал, царь ассирийский, покорил почти весь Старый Свет. Завладел Эламом, Армянским царством, Палестиной, Египтом и уже зарился на Вавилон. Спасаясь от него, эфиопский царь, могучий Тиргак, покинул родину и укрылся в Верхнем Египте. Фараона Нехо Ашшурбанипал насильственно увез в Ниневию. Гордому тирскому царю Балу пришлось мириться с ним. Арвадский царь Якинлу заискивал перед Ашшурбанипалом. Иудейский властелин Манезес, как и прочие палестинские владыки, был вынужден уступить ему свои корабли и армию. Киликийский царь из страха перед Ашшурбанипалом добровольно стал его данником. Правители всех государств, чтобы снискать расположение непобедимого царя, слали царевен для гарема в Ассуре. Весь мир лежал у его ног, ни один властелин не мог мечтать о большем. В честь своих побед хвастливый Ашшурбанипал устроил триумфальное шествие. В свою роскошную колесницу он впряг трех пленных эламских царей – Тамарита, Пою и Хумбахалдаша – а также аравийского царя Ваити. Богоравный, правил он своей империей до тех пор, пока не замыслил покорить Вавилон. Ашшурбанипал пошел на него войной, но у стен нашего города пошатнулась его мощь. Вавилон – не Тебы! Завоеватель пал, а Бабилу, Город Богов, и поныне стоит во всей своей красоте и силе. Та же участь постигнет и надменного варвара Кира, задумавшего поставить нас на колени.

Оглушительный рев восторга прокатился по площади, Толпа шумела, сотрясая воздух, словно буря – деревья. Царский глашатай поднял руку, на его запястье полыхнул браслет из рубиновых карбункулов. Но призывный жест не возымел действия. Площадь снова огласили ликующие клики.

«Неужто и вельможи согласны с царским златоустом и воздают ему хвалу? – подумала Нанаи. – Ведь это неправда, будто Ашшурбанипал потерпел поражение у стен Вавилона! Простой человек этого может не знать, но вельможи – люди образованные, им-то

известно, какая трагедия разыгралась в Вавилонии сто лет назад».

Тогда Вавилоном правил Шаосдухин. Его отец Ашшур Асаргаддон недолюбливал сына и наследником назначил Ашшурбанипала, внука; Шаосдухину пришлось довольствоваться северной частью теперешней Вавилонии. Но он не мог примириться с положением вассального владыки, укрепил Вавилон и вступил в союз с Эламом – который был в ту пору могучей военной державой, – с Псаметихом Египетским, Гигесом Лидийским, с царями Сирии, Палестины и Аравии. Он готовил мятеж, полагая, что империя Ашшурбанипала некрепка. Но Ашшурбанипал опередил его. Напав на Элам, он двинулся к Вавилону, которым овладел после двухлетней осады, когда обезумевшие от голода защитники начали поедать собственных детей. Шаосдухин вместе со всей семьей бросился в огонь и тем закончил свое существование. Ашшурбанипал с триумфом вступил в Вавилон и стал править им.

Для чего же царские глашатаи искажают правду? Какая в том нужда? И кто дал им на это право? Знают ли об этом сановники? Царь, Набусардар? К чему обманывать народ? Иль еще мало лжи в жизни? Или не было в славной истории халдеев великих людей, чьи имена в ненастные дни излучают ярчайший свет?»

Нанаи не понимала этого. Облик Вечного Города, столь не похожий на тот, каким он рисовался ей когда-то под ветвями олив, надрывал душу. Кажется, Устига был прав, называя Вавилон городом распутства. Сознание этого причиняло девушке такую боль, что она готова была скрипеть зубами, как это делал Набусардар.

Нанаи разглядывала стоявших рядом людей. Вероятно, в другое время они не поверили бы царскому глашатаю, но сейчас принимали за чистую монету каждое его слово, убеждавшее их в несокрушимости Бабилу. В эти трудные минуты им была отрадна даже ложь, лишь бы она поддерживала слабеющую веру в несокрушимость Вавилона, ведь Вавилон – город богов, а боги бессмертны. Бабилу! Город Городов! Столица мира! Его великолепия вызывает восхищение у ценителей красоты; самые выдающиеся полководцы восхищаются его стенами-крепостями.

Пылкие речи разожгли людей. Возбужденные толпы растекались по улицам. Одни звали глашатаев вести их в храм, другие двинулись к Муджалибе, третьи останавливались перед Набопаласаровыми башнями, словно перед всемогущими богами.

У ворот муджалибского дворца собрался народ, горя желанием видеть и слышать своего властелина. Глашатай отправился во дворец передать царю волю народа.

Нанаи задержалась в толпе. Ей тоже хотелось увидеть халдейского царя. Хоть разок увидеть своего владыку, в статном теле которого, да простит его Энлиль, дремал слабый и безвольный дух. Затаив дыхание, она смотрела на террасы дворца.

Но Валтасар не появлялся. Вместо него перед глазами людей маячила, уходя в самое небо, сверкающая крыша над пиршественным залом – ападаной; вместо его голоса до слуха доносился шум евфратской волны.

Отчаявшийся царь тем временем предавался скорбным размышлениям о том, что произошло с ним под Холмами. Он был в полной растерянности. Мысль, что он самолично послал на смерть двадцать тысяч лучших воинов, терзала его. Совесть не давала ему покоя.

А воспаленные уста людей, толпившихся на площади, непрестанно исторгали:

– Хотим видеть царя!

– Хотим слышать царя!

Посланный вернулся один: царь, мол, держит совет со своими сановниками и потому не может выйти к народу. Тут из толпы кто-то крикнул:

– Тогда слушайте меня, халдеи! Все повернули головы к украшенному драконом столбу, на цоколь которого взобрался черноволосый юноша.

Устремила на него взгляд и Нанаи. Смеркалось, и лицо оратора расплывалось в легкой дымке. Юноша глубоко вздохнул и вызывающе бросил:

– Царские глашатаи убеждают вас дать отпор врагу. Все вы должны опоясаться мечами и биться за волю. Что ж, пользуйтесь случаем – когда еще такой представится! Опояштесь мечами и обнажите их против злейших врагов простых халдеев – против царя, жрецов и князей, которые разоряют вас поборами, обременяют непосильной работой. Они велят вам биться за волю. Но разве простой халдей знает, что такое воля, если он всю жизнь был рабом! Прежде вы помирали на полях, не выпуская серпа из рук, у водочерпалок на каналах, с заступами в рудниках, чтобы господа могли кутить и развратничать. А теперь вас заставляют умирать за них, чтоб они и впредь держали вас своими рабами. А вы добивайтесь подлинной воли, по которой истосковалось ваше сердце! Добивайтесь, чтоб вами правил справедливый, добрый царь!

Юноша снова набрал в легкие воздух и вытер потный лоб.

Гул пронесся по толпе; наклонив головы, люди переговаривались друг с другом.

А юноша продолжал:

– Всем известно, что Кир милостив к своим подданным, что в его государстве царят покойствие и Порядок и нету там обиженных. Халдеи, мы столько лет мечтали о воле, и вот ее возвещают персидские горны. Кир – владыка истинный и справедливый! Ждите Кира, царя царей и повелителя мира, с ним боги всех племен!

– Да живет Кир, великий царь и покоритель! – неожиданно поддержал его в толпе чей-то голос.

– Да живет Кир-избавитель! – восторженно выкрикнул юноша, поощренный тем, что его слова нашли отклик.

У Нанаи часто-часто забилось сердце, руки, сжимавшие поводья, задрожали. Она не верила своим глазам. Быть может, это ей только снится? В своем ли она уме? Не ослышалась ли? Растерянная, Нанаи пыталась разглядеть лицо юноши, неясное в предвечерней мгле. Она вся напряглась, глаза ее сделались неподвижны, как застрявший в основе ткацкий челнок. Она не могла отвести взгляда от этого грубоватого, скуластого лица с резко очерченным ртом и угольно-черными, метавшимися, словно спугнутые змеи, глазами! Нанаи боялась себе признаться: Сурма – бунтовщик.

В ее мозгу всплыло такое воспоминание о дяде Синибе: как-то раз он нарвал белых колокольчиков и поставил их в подкрашенную воду. К утру колокольчики стали красными. В день семейного торжества дядя принес цветы на стол и сказал:

– Колокольчики, впитавшие краску, подобны младенцу, растущему в утробе матери. Все, что он вберет в себя, будучи в ее лоне, остается в нем до самой смерти; так и этот багрянец останется в цветах, пока они не увянут. А то, что получит младенец с материнской кровью, либо укрепит его тело, преумножит и облагородит мысль, либо закиснет, загниет, и порча эта с кровью проникнет в сердце. Из такого ребенка вырастет дурной человек.

При этих словах мать Сурмы поднялась и спросила неприязненно:

– Отчего это ты глядишь на меня?

– Чтоб ты знала, что таит в себе материнская кровь, – улыбнулся он примирительно.

Она схватила Сурму за руку и ушла из дома.

Сейчас Нанаи по-своему истолковала намек Синиба, да пошлют ему боги свет в царстве мрака, смысл его слов о законе крови: кровь матери взяла верх в Сурме. Та покинула семью, этот изменяет своему народу. Какая низость!

У Нанаи закружилась голова, она качнулась в седле, но дурнота быстро прошла. Пришпорив коня и подобрав поводья, Нанаи стала пробираться сквозь толпу.

– Царский военачальник! – расступаясь, кричали люди.

Нанаи ехала прямо на обелиск.

Зоркие, ястребиные глаза Сурмы узнали Нанаи. Он прижался спиной к столбу и встретил ее предостерегающей усмешкой.

Нервы обоих были напряжены, как тетива лука. Оказавшись с Нанаи лицом к лицу, юноша спросил:

– Тебе чего?

– Я вижу, Энлиль ослепил тебя, и я протягиваю тебе руку, чтобы вывести на путь истинный. Опомнись, Сурма, памятью предков заклинаю тебя, опомнись! Двадцать тысяч единокровных братьев наших сложили голову за нашу, за мою и твою родину...

– Оттого я и не хочу, чтобы погибли еще тысячи. Все равно перс победит, так как пришло время правде одержать верх над подлостью и обманом. Не Вавилония, а правда и справедливость – вот моя родина! Или ты запамятовала, как они обошлись с твоим отцом, забыла, что изо дня в день у нас в Вавилонии совершаются сотни беззаконий, а богатеи измываются над беззащитным человеком? Не все же пользуются покровительством борсиппского дворца, – упрекнул он ее. – Люди умирают с голоду, под плетьюми.

Лицо Нанаи исказилось. Ему ли не знать, что побудило ее искать защиту у Набусардара! Теперь он укоряет ее! Но кое в чем он, пожалуй, прав: ей нужно вернуться к своим, разделить их судьбу. Работать с ними на болотах в низовьях Евфрата или пронзить себе сердце кинжалом – это было бы достойнее. Умереть за правду, но не оставить своих в беде. Жестокое раскаяние терзало Нанаи, и не могла она в эту минуту выдержать взгляда Сурмы. Да, да, она тут же помчится в родную деревню... Внезапно толпу охватила паника, люди расступились и пропустили стражников.

Всадники спешили, протискиваясь к обелиску. Впереди шел военачальник с плеткой в руках; сложив ее вдвое и приблизившись к Сурме, он наотмашь хлестнул его по лицу. Брызнула кровь. Алые струйки потекли по шее на рубаху.

– Да отомстят тебе боги! – простонал Сурма.

– Ради Энлиля! – воскликнула Нанаи. – Что вы делаете?

Она не подозревала, как и сам Сурма, что это верховный судья Индин-Амуррум велел схватить бунтовщика, когда ему донесли о его крамольных речах. Идин-Амуррум не думал, что пригрел на своей груди змею: не знал, что прозрев, Сурма устремит взор за рубежи отчизны и вместо того чтобы помочь братьям в схватке с иноземным захватчиком, станет уповать на справедливость персидского царя... Идин-Амуррум приказал связать и бросить его в темницу.

Не успела толпа опомниться, как стражники набросились на Сурму и увели его.

Нанаи круто повернула коня. Она намеревалась пробраться на, царскую, дорогу, чтобы сообщить о случившемся Набусардару, но толпа зажала ее в своих тисках, не давая тронуться с места. Дернув поводья, девушка пришпорила жеребца. Конь взвился, и люди отпрянули в страхе. Нанаи двинулась напролом и вскоре выбралась на свободное пространство. Только тут дошло до ее сознания, что поступок Сурмы враждебен и Набусардару, а стало быть, Сурма не заслуживает его заступничества. Это заставило ее переменить решение.

Она поскакала прямо к мосту через Евфрат, Макат Абарти Пуратту, куда вели ворота Ураш. Дорога показалась ей бесконечной. Точно оживший сказочный дракон Мардука, летела она на взмыленном коне. На мосту через канал Арахту, огибавший северные укрепления Царского Города, поводья выскользнули из рук Нанаи, и она поймала их лишь под стеной возле храма Нинмахи, храма Великой Матери. На мосту через канал Либилхегал, ограждавший южные бастионы Царского Города, чуть было не задержала стража. Пожалуй, она ускакала бы, но жеребец заартачился. Начальник стражи приказал схватить ее за неподчинение приказу остановиться. Нанаи защищалась, ссылаясь на грамоту и печать Набусардара. Препирательства, казалось, никогда не кончатся. Нанаи охватила тревога, и она сказала:

– Ты хочешь, господин, быть в ответе за то, что я не смогу своевременно передать наместнику Борсиппы наказ Набусардара? Мне велено не задерживаться ни минуты. Но, кажется, ты считаешь, что приказы начальников тебя не касаются?

Тогда, опасаясь наказания, солдаты заступились за нее.

– Я не могу больше задерживаться. Отпусти меня. – настойчиво твердила Нанаи.

Она с нетерпением ждала, когда начальник поднимет руку и даст знак солдатам. Наконец тот нерешительно согласился. Нанаи пришпорила коня и помчалась во весь опор; гулкий топот разнесся по улицам.

Во время бешеной скачки Нанаи потеряла шлем – скользя по крупу коня, он со звоном покатился по мостовой.

– Женщина! – тотчас услышала она позади изумленный крик и вслед за этим – другой:

– Держи ее!

Начальник стражи выслал в погоню за нею двух всадников.

Близилась ночь, мост через Евфрат был уже поднят.

С развевающимися волосами, подлетев к страже у мостовых ворот Ураш, Нанаи выпалила, едва переводя дыхание:

– Я гонец Набусардара.

И протянула полученную от него глиняную дощечку.

Начальник стражи тотчас приказал отпустить мост и воздал ей почести, полагающиеся царским гонцам.

На дороге между Эсагилой и башней Этеменанки она услышала позади цокот копыт. Ее догоняли стражники.

Мост еще не опустился, а Нанаи уже вихрем мчалась по нему. Сил для продолжения этой бешеной скачки у нее оставалось немного. Руки ее отяжелели, тело отказывалось повиноваться. Нанаи чудилось, будто она карабкается на гору – Машу, по вершине которой проходит граница мира, граница между жизнью и смертью,

* * *

За волнения, смуту и беспорядки, охватившие Вавилон, карали чужеземцев.

Двери домов многих персов, лидийцев и мидийцев были изрублены топорами, имущество их было разграблено, а сами обитатели изгнаны в пустыню. Лавки финикийцев также подверглись разграблению, а их владельцев впрягли в телеги вместо скота и заставили возить тяжести. Вспомнили о вековой кровавой вражде ассирийцев и эламитов. Греков, римлян, этрусков, гишпанцев, карфагенян, индийцев, китайцев, нубийцев и эфиопов лишь секли для острастки. Армяне, киликийцы и арабы заблаговременно покинули Халдейское царство:

Египтян под страхом смерти трогать было запрещено:

Вавилон рассчитывал на военную помощь фараона, не предполагая, что фараон уже предал Валтасара.

Тяжкое подозрение пало и на иудеев. После поражения халдейского войска под Холмами они еще откровеннее стали уповать на грядущее избавление.

Но недолгой была их радость, питаемая надеждой на то, что Кир даст им свободу и позволит вернуться в Иерусалим, где пески заносили осиротевшие могилы их отцов. Царские стражники ворвались в еврейский квартал, тал, мечами и копьями поражая все живое, что попадалось под руку. Плач, стоны, крики отчаяния огласили город, словно в день Страшного суда.

Желая избавить своих соплеменников от новых напастей, Зоровабель, внук израильского царя Иоакима, в сопровождении проповедника отправился в царский дворец. Он был полон решимости вымолить снисхождение к своему несчастному племени.

Валтасар отказался принять Зоровабеля и насупил брови.

– Ненавижу, – прошипел он. – И если он не хочет провести остаток дней своих с пророком Даниилом в темнице, пускай убирается!

Зоровабелю не оставалось ничего иного, как удалиться; когда стража закрыла за ним трое тяжелых ворот из кедрового дерева, он сказал проповеднику:

– Я не в силах дольше смотреть на страдания моего народа. Ты посредник между богом и людьми, испроси у Ягве избавления. Доколе, доколе же нам еще терпеть?

– Не гневи богов, Зоровабель. Тебе суждено еще узреть место, где стоял и снова вознесется великий и вечный Иерусалим. Быть тебе его властелином, Зоровабель.

– Силы мои на исходе, друг мой. Не дожидаться мне избавления.

– Разве не говорил я тебе, чтобы в минуты слабости ты молился перед клетью, замурованной в Воротах Иштар, где в цепях и оковах влачил свои дни твой дед Иоаким? В него плевали проходившие мимо халдеи, народ великого и мудрого царя Навуходоносора, что отстроил и укрепил славный Вавилон, покорил моря и земли, царя, равного которому не знал мир. Это он заточил в клеть и позволил осквернять плевками

израильского царя, могущественного царя Иоакима. Мудр был Навуходоносор, и превзошел он всех халдейских царей, но запомнил, что в жизни нужно быть не только сильным, но и великодушным. Зоровабель, тебе суждено узреть Иерусалим, ты будешь свидетелем падения Вавилона.

– Сил моих больше нет... – повторил тот, положив руку на плечо мудреца.

– Молитва у Ворот Иштар вселит в тебя бодрость.

Зоровабель едва доплелся от Ворот Белтис в царском дворце до Ворот Иштар.

Проповедник попросил стражу позволить им преклонить колени перед клетью, над которой была высечена обращенная к богу Мардуку молитва. Раньше камня этого не было. Но, прослышав о том, что иудеи приходят сюда, на священное для них место, чтобы воззвать к Ягве, Эсагила приказала казнить на жертвенниках тридцать паломников, а над клетью начертать молитву, обращенную к Мардуку. Когда кто-нибудь из евреев приходил сюда почерпнуть жизненных сил, он обязан был читать вслух высеченные на каменной плите слова.

И Зоровабель, подняв голову, смотрел на хитроумные, начертания знаков:

«О Мардук, Создатель, Повелитель, Царь среди богов!

Верховный, Всемогущий и Всеведущий, обрати на меня взор свой.

Падаю ниц перед величием твоим,

Прах лижу с ног твоих,

Трепещу меча твоего.

Нет бога могущественнее тебя,

Нет бога мудрее тебя.

Нет бога строже тебя.

Ты создал меня и дал мне жизнь!»

Иудей пробежал глазами слова молитвы, а вслух не произнес ни одного.

– Зоровабель, – вывел его из задумчивости проповедник, – сделай хотя бы вид, что ты молишься. За нами следят.

– Не могу я взывать к Мардуку, не могу, – воспротивился тот.

– Тебя предадут смерти. Молись.

– Ягве, – воскликнул Зоровабель, – смилуйся над нами! Проповедник похолодел от страха, а начальник стражи заметил:

– Он оскверняет достоинство Мардука. Мы обязаны арестовать его за богохульство...

– Он душевнобольной, – вступился за него проповедник, – пожалейте его.

Начальник стражи пылливо уставился в изможденное лицо внука царя Иоакима. Но тут Зоробабель снова шевельнул губами и снова произнес:

– Ягве, бог ты мой всемогущий, я вечно буду славить тебя.

Проповедника бросило в дрожь.

Один из стражников, плечистый, широкий в кости детина, буркнул:

– Коли ты поводырь, запрети ему болтать про Ягве. Бог Мардук повелевает небесами. Пускай молится Мардуку.

– Или может, он грамоте не обучен? – спросил другой.

– Я ему помогу, – великодушно вызвался военачальник. И стал читать:

– «О Мардук, Создатель Повелитель, Царь среди богов!..»

Зоробабель приблизился к клетке и пал на колени. Поняв, что, только подчинившись, сможет он сохранить себе жизнь, Зоробабель, будто глотая горечь, произнес через силу:

– О Мардук... о Мардук... о...

– О Мардук, Создатель, Повелитель... – подсказывал начальник стражи.

Вдруг Зоробабель ухватился за прутья клетки, затряс ее и вскричал:

– Кровавый Мардук! Кровавый, бездушный владыка!

– Придется его связать и посадить в острог, – с досадой проговорил начальник. – Он подстрекает народ.

– Связать его, связать! – крикнул чей-то голос. Многие из горожан, проходивших в это время через

Ворота Иштар, останавливались поодаль и наблюдали, как бунтует потомок иудейского царя.

– Взять его! – прозвучал приказ.

Солдаты подхватили Зоробабеля под руки, сиюсь оторвать от железных прутьев, в которые он судорожно вцепился, дюжий стражник тщетно пытался разжать его пальцы.

– Отрубите ему руки! – посоветовал кто-то. Тотчас из толпы выступил косматый детина с топором в руках. Встав боком к клетке, он замахнулся, но топор выскользнул у него из рук и отсек ему пальцы на собственной ноге. Толпа ахнула.

– Это он, – указывали из толпы на проповедника, – он всему виной! Он приворожил его руки к прутьям.

– Бейте его камнями!

– Успокойтесь, халдеи, – сказал спутник Зоробабеля. – Имейте жалость к человеку. Разве вы не видите, что его схватила корча?

– А ты кто такой? – слышались голоса.

– Я его знаю, – сказал один из стражников. – Это он внушал своей пастве, будто Кир

вызволит их из плена.

Я шел следом за ними до самых ворот, – молвил маленький горбун, – и слышал, как он уверял Зоробабеля, что тот увидит Иерусалим, станет его владыкой и будет свидетелем падения Вавилона.

– Свидетелем падения Вавилона? – возмутились в толпе.

– Наши воины уже поджидают Кира на стенах с самыми острыми в мире мечами.

– Храбрейшие уже готовы достойно встретить персов!

– Да обрушится на него гнев царя!

– Да свершится над ним суд Валтасара!

Стражники связали проповеднику руки и потащили, отгоняя зевак. Вавилоняне плевали в него, швыряли поясами, сандалиями, всем, что попадало под руку.

Когда конвой скрылся из виду, простоволосая женщина с витыми серьгами в ушах сказала, указывая на Зоробабеля:

– А с этим мы разделаемся сами!

Внук Иоакима слышал вопли женщин и приближающийся топот ног. Обладая Зоробабель силой, он отбил бы от них, но он чувствовал лишь беспредельную слабость. Железные прутья клетки слились перед глазами; светлая полоска неба померкла, и все вокруг закрыла темнота. Из темноты на землю, где он стоял коленапреклоненный, дождем брызнули звезды и погребли его под собой, словно желая защитить от людской злобы и ненависти.

Зоробабель повалился на решетку, прижавшись лбом к прутьям.

– А ну, тащи его на башню! Пусть поглядит, какое у Вавилона войско! – кричали люди.

– На стену его!

– За ребро!

Зоробабеля порешили вздернуть на башне Иштар, самой неприступной твердыне Вавилона. Пять колец мощных стен окружали ее, два металлических засова намертво запирали ворота. Высокие стены с башнями служили предостережением любому врагу; укрывшееся в них войско, храбрейшее в мире, грозило ему погибелью. Один из халдеев бросился в караульное помещение и, вынеся оттуда веревку с железным крюком, подбежал к Зоробабелю, чтобы подцепить его за ребро.

Толпа ликовала.

Но когда возбуждение достигло высшей точки, когда Зоробабелю обнажили грудь, сорвав одежду, с севера донеслись звуки чужеземных горнов. Стук копыт и лязг оружия послышались у ворот Царского Города, – четыре персидских всадника, послы Кира, явились с предложением заключить мир, если Вавилон добровольно сложит оружие. Спешившись – по священной Дороге Шествий не смел проехать ни один всадник, ни одна повозка, – послы торопливо зашагали от Въездных ворот к Воротам Иштар, чтобы оттуда последовать к царскому дворцу и не мешкая исполнить поручение своего владыки.

Изумленные халдеи оставили Зоробабеля, прислушиваясь к незнакомым звукам труб. Невесело стало вавилонянам, зловещее предчувствие омрачило их лица.

Первым опомнился прокаженный, гончар Иллигара.

– Что это значит? – обратился он к стоявшим у стены солдатам.

Послы Кира стремительно приближались, сопровождаемые халдейским военачальником.

Начальник стражи смотрел на них в немом удивлении. Так вот чьи горны повелевали прохожим посторониться! Он укрылся в караульном помещении и, вытаращив глаза, наблюдал оттуда за горделивой размашистой поступью персов.

Забыв про Зоробабеля, халдеи покинули Ворота Иштар и устремились в город, чтобы разнести весть о прибытии послов в царский дворец. С чем пожаловали они в Вавилон? Неведение будоражило пуще всего. Толпа в воротах мигом рассеялась, остался лишь мужчина с крюком на веревке. Но вот и он швырнул веревку на землю и побежал вслед за остальными.

А Зоробабель по-прежнему стоял на коленях перед доской Мардука. Голова его прикинула к железным прутьям, белый бурнус из тонкой шерсти спал с плеча. Раскаленные камни мостовой впивались ему в колени. Его заставило очнуться жужжание пчелы, искавшей спасение от палящих лучей в тени зарешеченной ниши. Зоробабель ухватился за прутья, пытаясь подняться. Железо обожгло ему ладони. Он попробовал опереться о стену, но и камень был раскален. Все вокруг испускало жар впитанного за тысячелетия солнца. Жар исходил уже не столько от неба, сколько от земли, в которую солнце глубоко пустило корни своих лучей. На каждое прикосновение земля безжалостно отвечала ожогом. Отсюда во что бы то ни стало надо уйти.

Начальник стражи сжалился над Зоробабелем и, подхватив его под руки, помог подняться. Однако онемевшие от долгого стояния на коленях ноги не держали Зоробабеля. Тогда стражник обхватил его руками и потащил к караульному помещению, доверительно шепча:

– Не бойся меня, некоронованный царь Иудеи, я свой. Я стоял с полком неподалеку от канала Хебар и полюбил там еврейскую девушку Зилу. На горе мне нас разлучили. Нынче Хебар в руках Кира...

– Вот как? – прошептал Зоробабель.

– А только что к Валтасару прибыли персидские послы. Ты, верно, заметил их?

– Нет... я ничего не видел, я знаю только одно – что опасно взывать к Мардуку и быть там, где пребывает он. Он сделал меня хромым и лишил зрения.

– Тсс... – вздрогнул стражник, – сюда идут...

По лестнице мимо гигантских каменных львов двигалась процессия прислужниц, в центре которой мускулистые, бронзовые от солнца невольники несли инкрустированный золотом паланкин благородной Телкизы. Справа от него шла коварная рабыня Гемеза, слева – рослый музыкант, игравший на флейте грустную песню островитян об отвергнутой любви.

Телкиза полулежала на подушках, и ресницы ее дрожали от затаенной муки. От невидимых слез воспалились ее глаза. Печальная песня надрывала ее и без того изболевшую душу. Но пытка эта доставляла Телкизе мучительное наслаждение, чем большее – тем слаще. Телкиза страдала от одиночества.

Когда они поравнялись с караульной, Гемеза наклонилась к своей повелительнице:

– Взгляни, благородная госпожа, – и, раздвинув плотную завесу, указала на Зоробабеля.

Со скучающим видом Телкиза выглянула из носилок, но, встретившись глазами с иерусалимским красавцем, задышала часто и велела носильщикам остановиться.

– Хочу увидеть его вблизи, – сказала она, – позовите.

Зоробабель готов был повиноваться, однако ноги еще не слушались и плохо держали его стройное тело.

Начальник стражи приблизился к знатной вавилонянке, чтобы замолвить за него словечко.

– Он долго молился Мардуку на раскаленных камнях, и ему отказали ноги.

Постукивая длинным ногтем о кромку носилок, Телкиза улыбнулась:

– Тому, кто так самозабвенно молится Мардуку, исповедуя иудейскую веру, я готова помочь. Мои рабы проводят тебя домой. Где ты живешь?

– В Верхнем Городе, среди благородных халдейских вельмож. Неподалеку от меня – дворец вельможи Мурашу.

– Это по дороге к моему дворцу. Мои носилки к твоим услугам.

Она приказала опустить паланкин на землю.

– Я не достоин такой милости, – возразил Зоробабель, – я из числа отверженных, княгиня.

– Ты хочешь меня предостеречь, царь Иудеи? – рассмеялась Телкиза и вовсе смутила Зоробабея.

Будто в городе ничего и не происходило, Телкиза приказала рабам помочь ему сесть в носилки.

А хитрая, как лиса, Гемеза, рассчитывая угодить своей госпоже, не удосужилась остановить их у дома Зоробабея, и царь Иудеи вопреки своей воле оказался во дворце Телкизы.

Она не ошиблась – княгиня и в самом деле радушно приняла внука Иоакима, предложив ему, как и всем знатым своим гостям, благовоний и вина.

Украшив волосы нардом, с сардониксовой чашей в руках, Зоробабель сидел в комнате со сводчатым потолком. Посредине, огороженный серебряными перильцами, бил фонтан, журча и рассыпая вокруг жемчужные брызги. Фонтан окружали низкий кустарник и цветы, которые и в жару сохраняли земле влагу. Стены комнаты были увешаны пестрыми коврами, а пол устлан мягкими подушками.

Возле Зоробабея, тоже с веткой нарда в волосах и сардониксовой чашей в руках, сидела Телкиза, облаченная в яркие одежды, похожая на диковинную бабочку, опустившуюся на лепесток лаванды. Она отпивала маленькими глотками густое вино, рисуя в своем воображении, как трепетные руки гостя обовьют ее стан, словно плющ – ствол платана.

Телкиза пыталась прогнать навязчивое видение, зная, как скоро наскучит ей подобная связь. И все-таки ловила себя на том, что вспыхнувшая страсть вот-вот прорвется. Воцарившаяся тишина лишь усиливала ее волнение.

Однако молодой красавец не обнаруживал того, к чему обычно склонна пылкая молодость. Опершись на локоть, он задумчиво смотрел куда-то вдаль, сквозь стены; в

бескрайних просторах мира виделись ему лениво катящие свои воды Иордан и Кедр, мерещились вершины Светлых гор и Ливана, где Гильгамеш, царь Урука, одержал верх над чудовищем Хумбаба, хранителем кедровых лесов. Веками халдейские цари истребляли священный Ливан, сплавляя вниз по Евфрату могучие бревна на постройку дворцов, несокрушимых твердынь, защищавших их жизнь и власть. Среди зелени олив и виноградных лоз Зоробабель видел Иерусалим. Иерусалим – вечная, несбыточная мечта его соплеменников.

Зоробабель прикрыл глаза и проглотил подкативший к горлу ком.

Телкиза заметила это и сказала опечаленному гостю:

– Я вижу, ты не умеешь радоваться в радости, внук Иоакима. Поверь же скорбь свою той, которая поможет тебе. Иль ты не веришь, что Телкиза управляет волей царей, сановников и вельмож? Откройся мне, и ты убедишься, что в моих словах нет и доли преувеличения. Тебя мучает что-то, я вижу это по твоему лицу и хочу тебе помочь. Ну, Зоробабель...

– О чем ты просишь меня, княгиня? – спросил он. Телкиза пронзительно и пристально взглянула на него. Как преграду, Зоробабель поставил между ней и собою чашу с искристым напитком.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив и забыл об этом суровом мире.

– Халдеи убили во мне способность радоваться дарам жизни. Зато я хорошо знаю, что такое смерть и страдание. Нет, княгиня, счастье не для меня. Думы мои – о народе, который сейчас умирает под плетьюми и гибнет от копий вавилонских солдат.

– Ты должен был просить царя Валтасара не отказать твоему народу в милости.

– Я пытался сделать это, но царь не допустил меня к себе.

– Я испрошу у него эту милость. И больше того. Я упрошу царя освободить вас из плена, вы вернетесь в свой Иерусалим.

– Княгиня... – тихо произнес он, – княгиня...

– Однако ты не слишком мне доверяешь, не слишком... Но ты еще узнаешь Телкизу, увидишь, какая власть мне дана. Ты будешь царем Иерусалима, Зоробабель! О, если бы я захотела, я сделала бы тебя владыкой самого Вавилона, поверь мне. – Телкиза вспомнила, что то же самое говорил женщинам Валтасар, заставляя их уступить ему. Теперь она следовала его примеру.

Зоробабель чуть ли не брезгливо отшатнулся от нее. Телкиза поставила чашу на подушку и протянула к нему руки.

– Ты холоден, как стены подвала в моем дворце, – выговаривала она ему. – Словно мертвый. Отчего не приникнешь ты к огню, что полыхает подле тебя? На всю жизнь запомнил бы ты этот миг блаженства. На всю жизнь. Зоробабель. Не было еще мужчины, который не желал бы меня тем сильнее, чем дольше сжимал в своих объятиях.

Юношу охватили жалость к себе и трепет желанья. Ее красота – красота золотистого лотоса, юная прелесть яблоневого цвета – волновала его, зажигала его взор, но всякий раз, как он порывался протянуть руку, неведомая сила останавливала его.

Но тут кстати, со светильником и торбой в руках вошла рабыня Гемеза. Насыпав в золотую курильницу травяного крошева и кусочков какого-то плода, она окропила их душистым маслом и подожгла. Затем рабыня удалилась, и шорох ее шагов был поглощен лепетом фонтана.

Клубы дыма повисли под сводами, наслаиваясь ярусами, точно пепельные облака.

Зоробабель вдохнул их аромат и заметил:

– Благовония слишком пряны, княгиня.

– Я хочу, чтобы ты забыл все дурное и почувствовал себя счастливым. Вообрази, ты – царь Вавилона или царь земель над Иорданом. О, ты скоро станешь им. Закрой глаза и представь, что вас освободили из вавилонского плена и ты держишь путь в места, где некогда был основан Иерусалим. И если это будет тебе приятно, считай, что я бросила в Вавилоне дворцы и богатство и странствую вместе с тобой. – Телкиза опустила ресницы и, словно невзначай, провела рукой по его талии. – Вообрази, что мы уже возле песчаных холмов и скоро увидим виноградные лозы на их склонах. – Она сделала паузу, прислушалась. – Я уже слышу шум Кедр. Если долгая дорога утомила тебя, – продолжала она с ласковым участием, – мы приляжем в тени сосен на берегу реки и отдохнем, мой царь.

– Отчего ты величаешь меня царем, княгиня, когда я вовсе не царь? – перебил Зоробабель Телкизу, поняв всю бессмысленную вздорность ее речей.

Женщина переменяла позу и оперлась на локоть.

– Какая разница, царь ты или нет, – горько усмехнулась она. – Мы живем в такое время, когда все может обернуться и явью и сном, все может иметь два лица, как монета две стороны. Где правда, а где ложь – разобрать уже невозможно. Мы утратили меру и чувство подлинного и поддельного. Жестокое время! С какой радостью я ушла бы отсюда далеко-далеко...

Оставила бы сокровища и дворцы, лишь бы снова обрести силу и желание жить. Ты не можешь более страдать, мне же гораздо тяжелее – у меня нет сил жить.

Она вздохнула, мельком окинув его изящную, словно точеную фигуру. Еще недавно страсть не выпустила бы ее из своих сетей, а теперь Телкиза смотрит на все, как покойница, у которой чудом остались жить одни глаза.

– Ты мне не веришь, – начала она снова, и в голосе все явственнее звучали горестные нотки, – а я отдала бы не только дворцы и богатства но и жизнь и богов, только бы еще раз, сгорая от любви, признаться:

«Ради тебя отрекаюсь от жизни, красоты и молодости, потому что ты – сама жизнь, красота и молодость». Когда я прикасаюсь к тебе, – Телкиза снова провела рукой по его шелковой одежде, – видишь, с какой тоской и нежностью я прикасаюсь к тебе, – в меня словно вливается сок девственных берез, нектар раненого цветка амбры, дарующий богам бессмертие. У тебя в крови огонь, мой милый, вот – я ощущаю его, прикладывая ладонь к твоей пульсирующей жилке.

Она затихла и устремилась на него пристальный взгляд.

Зоробабелю почудилось – она сейчас вспыхнет пламенем! Ее глаза сверканьем соперничали с драгоценными камнями, ее тело слепило, точно светильники в священной обители.

– О, если бы у меня были силы, – сокрушаясь, пожаловалась она и слабо улыбнулась, – я молвила бы жаркими устами: «Обними меня – и ты узнаешь, что сокрыли во мне податели земного блаженства. Обними меня покрепче, не бойся, никто не увидит, как царь возрожденного Иерусалима осчастливит своей любовью вавилонскую женщину. Отгони страх, ибо страх не достоин мужа, который вскоре будет повелевать тысячами».

Вымолвив последние слова, она опустила голову и закрыла лицо руками. Куда девалось бывшее? Кто из богов в наказание опустошил ее сердце? Лучше, чем кто бы то ни было, Телкиза понимала, что все, что ею говорится, говорится лишь по привычке. Она машинально повторяла то, что подсказывали ей воспоминания о сердечных бурях прошлого. Право, она тоже была холодна, как стены дворцового подземелья.

Говорить и то ей было неважно. Полной грудью вдыхала она одуряющий аромат благовоний, вперив в пространство остановившийся взгляд. Она потянулась к чаше, но даже не пригубила ее.

Зоробабель заметил ее отрешенность, мысли Телкизы витали где-то далеко.

– Княгиня, – обратился он к ней, – спасибо тебе за ласку, за то, что позволила передохнуть в твоём доме. И если я нехотел здесь, отпусти меня.

– Я рада, что ты отдохнул. Мои слуги отведут тебя домой, я постараюсь выполнить все, что обещала. Я ничего не забыла и замолвлю словечко перед царем за иудеев. Ради тебя, властелин Израильского царства.

– Зачем ты бередишь мою душевную рану, княгиня? На мою долю выпало столько тяжких минут, что нового разочарования я не перенесу.

– Я не хочу растревлять твои раны, царь. Будущее убедит тебя в этом, хотя меня оно тоже очень пугает. Говорят, Кир приближается к Вавилону.

Зоробабель промолчал.

– Разумеется, Вавилон не намерен сложить оружие, по нынешним временам это для твоих соплеменников страшнее всего. Поэтому я охотно берусь исполнить твою просьбу и похлопочу за них.

Зоробабель поблагодарил.

– Если уж ты решишься беспокоить царя, княгиня, – сказала он ей, – прошу тебя еще об одном – замолви словечко за невинного пророка Даниила, которого его величество несправедливо заточил в темницу.

– Хорошо, – кивнула она, – я буду довольна, если кто-нибудь помянет меня добрым словом. Как знать, что сулит нам грядущее? Пусть пророк Даниил не забудет обо мне. – Она испытующе посмотрела на Зоробабеля. – Нужно ли тебе еще что-нибудь? Может быть, у твоих соплеменников на Хебаре тоже есть просьбы? Не замолвить ли и за них словечко?

Зоробабель не проронил ни звука. Стараясь скрыть волнение, он машинально потянулся к чаше. Словно из тумана возник перед ним начальник стражи у Ворот Иштар, и Зоробабель слышит его голос: «Хебар в руках Кира».

– Что же ты молчишь, Зоробабель? В предчувствии чего-то непоправимого Телкиза тоже подняла чашу и судорожно сжала ее в руках.

– Быть может, Кир уже захватил Хебар и ты не решаешься сказать мне об этом?

Зоробабель опустил голову. Он видел, как ослабли и дрогнули пальцы Телкизы.

В храме Э-мах, храме Великой Матери, примыкавшем к царскому дворцу, пылали светильники, курились кадила. Величественные алебастровые стены уходили в необозримую высь, внушая людям, благоговение перед богиней Нинмахой, плодоносное чрево которой являлось источником всего сущего на земле. Проникни к ней. Злые духи и умертви они священное семя, человечество перестало бы существовать. Поэтому святилище Нинмахи обнесено тройной стеною, тройным кису. Сама богиня нашла прибежище в нише северной стены. Под нею простирается алтарь, украшенный огромными бычьими головами – знак мужской силы бога, с которым бессмертная Нинмаха зачала бренный мир.

Словно крохотные гномы, молились перед ее гигантским изваянием сановники Вавилона во главе с царем Валтасаром. По левую руку от царя, отступя на шаг, стоял Набусардар, за ним – сановники, высшие военные чины.

У алтаря жрец в длинном белом облачении повторял нараспев:

- О Нинмаха!
- О Нинмаха!
- О Нинмаха!

И вельможи вторили незамысловатому гимну. Допев его до конца, они уперлись подбородками в грудь и уставились в известняковые плиты пола. Ниже всех опустил голову Валтасар, погрузив взгляд, казалось, в самые недра земные. Он горячо раскаивался и молил о спасении Вавилона, хотя совсем еще недавно, обуреваемый гневом и гордыней, бросал вызов самим богам. Потерпев первое поражение в войне с персами, царь понял, сколь пагубны упрямство и заносчивость. Уверовав, что счастье, победы и поражения сильных мира сего – в руках богов, Валтасар преисполнился решимости покаяться перед Нинмахой за прошлые свои ошибки и прегрешения.

– Отныне храни меня, мать богов, – молил он, – от всех напастей, от опрометчивых поступков. Ниспошли мне силы и мудрость. Меня ждет нелегкая царская обязанность – принять послов Кира и решить с ними дела на благо царства и подданных наших. Не допусти повторения кровопролития, подобного тому, под Холмами. Я со всеми моими сановниками и придворными пришел воздать тебе почести, чтобы укрепила ты наш дух, волю и надежду на то, что Вавилон не дрогнет под ударами крыльев полночного орла.

Царь опять низко опустил голову, а вслед за ним – его сановники и военачальники. Иные пали ниц и бились лбом о каменные плиты.

Тут царь услышал, как стоявший позади него наместник Бурсиппы шепотом сказал главному казначею о том, что хорошо бы принести жертвы и богу Мардуку, заручиться и его благословением. Царь готов был примириться и со всеми остальными богами, но с Мардуком мириться не желал. Он питал к нему жгучую, неистребимую ненависть за то, что верховный бог Вавилона благоволил не столько к царю, сколько к жрецам.

– С Мардуком – ни за что, ни за что! – повторил он, окончив молитву, и склонил перед богиней голову, препоручая себя ее власти.

Один Набусардар ни разу не склонил головы. Даже поражение под Холмами не побудило его покориться небожителям. В храм он пошел, лишь уступая Валтасару, и стоял перед алтарем, безучастный, ни о чем не прося Нинмаху. Он и здесь думал о своем мече и о своей армии. Ему не верилось, будто Великая Мать способна отвратить нашествие персов. Напротив, он был убежден, что схватка с персами неизбежна, и готовился

померяться с ними силой оружия.

Расправив широкие плечи, непокорный военачальник безучастно смотрел в круглое, похожее на луну, лицо Нинмахи, равнодушно дожидаясь конца богослужения. А чтобы отвлечься от мысли о персидских послых, которые ждали во дворце, Набусардар принялся рассматривать скульптуру Нинмахи как произведение искусства. Одутловатое лицо богини обрамляли густые, ниспадавшие до плеч волосы. Округлые формы се слепили наготой. Выпуклый живот напоминал крышку на глиняном сосуде для зерна, толстые бедра были уродливы. Сие божественное лоно почиталось источником жизни и благополучия! Руки богини были сведены под полушариями груди, своим молоком небесная Нинмаха вскормила младенцев богов. Прическу ее венчали булавки и броши из золота, слоновой кости и драгоценных камней. Шею украшало баснословно дорогое ожерелье, которое пожертвовал царь Валтасар, умоляя богиню предотвратить нападение персов на Вавилон.

Мать богов Нинмаха была для халдеев воплощением женской красоты. Когда Набусардар вспомнил об этом, губы его сами собою растянулись в усмешке. Лабаши, строитель храма Э-мах, должно быть, только потому осмелился причислить свою статую к сонму богов, что никогда не видывал тела, подобного телу Нанаи. Нанаи по праву могла возвышаться у алтаря на удивление всему миру! Сам царь счел бы честью поклоняться ей и шептать пылкие слова любви. Перед ней склонились бы ниц вавилонские вельможи и ползали у ее ног.

Сановник, ведавший хозяйством, коснулся его плеча и тихо напомнил:

– Светлейший! Царь уже в дверях, а ты все стоишь.

Набусардар не сразу нашелся, что ответить. Лоб его взмок, по бороде стекал пот.

Лишь выйдя из храма, он ожил и поспешил вдогонку свите.

На нижнем дворе, где, стоя у дверей царских служб, их приветствовали чиновники Валтасара, за Набусардаром увязался хранитель печати и негромко сказал:

– Ты сегодня так истово молился, истовой самого царя, хотя персы тебя не страшат, ты даже замешкался у алтаря.

– Разумеется, князя не страшат персы, – вмешался в разговор сановник по торговым делам, – и божественную Нинмаху Набусардар просил не о даре мудрости, силы и мужества, а...

– А ты ясновидец, достойнейший, – укоризненно усмехнулся первый советник, – ты проницательнее Дельфийского оракула.

– Богам было угодно, чтобы я заглянул в сердце верховного военачальника. Представьте себе, предводитель наших войск молил Нинмаху не об укреплении армии, а о том, чтоб она ниспослала нам столько же волов, сколько Набусардар потребовал от нас для своих солдат. И эта его молитва прилась нам весьма кстати. Клянусь Мардуком, я уже вознамерился было пахать на рабах.

– Новые законы запрещают это, светлейший, – невозмутимо заметил Набусардар.

– Зато благодаря тебе нынче дозволено отбирать у вельмож последнюю скотину, убивать ее на бойне и раздавать мясо городской черни. Ты изменяешь своему сословию. Голодранцы тебе милее господ.

– Сейчас не время говорить об этом, светлейший, – заметил вновь назначенный сановник, в ведении которого были дороги.

– А я рад случаю, – вспыхнул сановник по торговым делам, – высказать, что думаю. И если Набусардар не образумится, я – заявляю это во всеуслышание – не премину возместить недостающее тягло рабами.

– Я не советовал бы тебе, светлейший, делать это, – с угрозой произнес Набусардар, – не советовал бы я тебе в нынешние времена приучать рабов к мысли, что можно пахать и на людях. Как бы самому не очутиться в ярме!

Сановник лишь хмыкнул в ответ, покусывая губы от злости. В молчании прошли они через двойную дверь во внутренний двор, а оттуда – в зал, где вершилось правосудие и где царь самолично выносил и утверждал приговоры.

Здесь Валтасару было угодно принять персов.

Царь сидел в судейском кресле, глядя прямо перед собой. Он постукивал каблуком по его подножию, держа одну руку под мантией. Затем встал, спустился по ступенькам к сановникам и опять остановился в молчании, задумчиво расчесывая пальцами курчавую бороду. Видно, невеселые мысли роились в его голове.

Наконец он подняв глаза и молвил:

– Мой отец, царь Набонид, – пленник Кира. Держава Набонида пала, только Вавилон, верховным властелином и правителем коего я являюсь, стоит непоколебимо. Я знаю, в тяжкую годину для народа единственная его опора – царь. Перед алтарем Великой Матери я просил богиню укрепить наш ум, ниспослать нам силу и мужество, чтобы спасти Вавилон от гибели и разрушения. С минуты на минуту сюда войдут персидские послы. Одним богам известно, с чем они к нам пожаловали. Но я, мои верные, я, ваш царь, хочу быть с вами и народом нашим до последнего вздоха.

Прошу и вас не посрамить честь предков и не изменить родине, что бы ни случилось.

Никогда еще никто из присутствующих не слышал от Валтасара столь многозначительных слов. Сановники с нетерпением ждали, что последует дальше.

А царь, словно его и в самом деле осенила божественная Нинмаха, продолжал:

– Обычно осаждающие требуют сдать город без боя...

По залу пронесся ропот.

– Вы полагаете, что Кир выслал своих гонцов с иной целью? – спросил Валтасар.

– Да! – лаконично ответил один из сановников.

– Ты так считаешь, светлейший? – Царь наклонился в сторону наместника Борсиппы.

– Да, царь царей, – подтвердил тот, – сдается мне, персы хотят помириться с нами, ибо чувствуют себя недостаточно сильными. Сановники живо восприняли это предложение, а многие согласились с высказанным мнением.

– Со времени династии ассирийских Саргонов, с тех пор, как Навуходоносор превратил Вавилон в неприступную твердыню, никто еще не отваживался посягнуть на него с оружием в руках, – продолжал наместник.

– Золотые слова! – подхватил главный казначей.

– Кир тоже храбрился, покуда не подошел к стенам нашей несокрушимой твердыни. А увидел ее – и поостыл.

– Все мы того же мнения, – подал голос верховный судья, опираясь на трезубец, знак своего сана, – все мы того же мнения и убеждены, что даже самый могущественный завоеватель дрогнет перед творением нашего прославленного властелина, премудрого Навуходоносора. Однако Кир не отступил. Его не пугает толща стен, – голос судьи набирал силу, – просто он хочет облегчить себе задачу и войти победителем через открытые ворота.

– Рад, что мысль твоя, благородный рабианум, не сбилась с пути истинного, – похвалил Набусардар речь Идин-Амуррума. – Да, Кир не откажется от намерения взять Вавилон, ибо не Халдейское царство, а захват Вавилона – его цель. Сомневающиеся скоро убедятся в этом. Я разделяю мнение царя и верховного судьи.

– Верховный военачальник потому держит их сторону, – язвительно заметил сановник по торговым делам, – чтобы его не обвиняли в ограблении знати.

– Только подлец мог вымолвить такое, только наш общий враг, – отвечив на это Набусардар.

Сановник по торговым делам поднял руки, судорожно растопырив костлявые пальцы, готовый вцепиться в Набусардара.

– Уважай хоть царя. – Один из советников схватил его за руки, силой заставляя опустить их.

– Разумеется! – в запальчивости крикнул сановник. – От нас требуют уважения, но о том, что наболело, и думать не смей!

Ко всеобщему удивлению, Валтасар с достоинством отвернулся от сановника и направился к судейскому креслу. Он держался как подобало истинно великому царю.

Стремительно опустившись в кожаное кресло, он поднял жезл, требуя тишины.

– К чему эти споры, мои верные подданные? – сказал он. – Нет сомнения, Кир хочет принудить нас сдать город. Он думает, что смог быстро продвинуться по халдейским землям потому, что полонил их владыку, царя Набонида. Меня же он не принимает в расчет, так как не признает законным царем...

Впервые Набусардару стало по-настоящему жаль царя. Отчаянным усилием слабой воли Валтасар заставлял себя разыгрывать роль мужественного и сильного властелина. К этому побуждали его нависшая над Вавилоном опасность и печальный урок, полученный под Холмами. Там он осознал, что высокомерие и празднословие отнюдь не делают части правителю. Но в своей попытке измениться, вести себя мудро и с достоинством Валтасар смахивал на беспомощного ребенка, окруженного сворой волков. Хуже всего было то, что решения его в самом зародыше отличались неуверенностью, расплывчатостью – кочующие облака под переменчивым ветром.

Царь хотел еще что-то сказать, но медлил.

– Что же ответим мы послам? – проговорил он наконец. – Как царь и правитель Вавилона, я вправе дать лишь один ответ...

Набусардар хотел было крикнуть: «Вавилон не сдадим!» – но его остановил стук котурнов. Стремительно приблизившиеся к Валтасару военачальники доложили, что прибыли персидские послы.

Советники, сановники, военачальники заняли свои места. Царь махнул рукой:

– Пусть войдут!

Пышные уборы персов поразили кичливых халдейских вельмож не меньше, чем стражу у Въездных ворот. Ослепительно сверкали золотые пластины панцирей и усыпанные драгоценными камнями одежды. Изысканны были манеры послов. Колени они преклонили с такой благородной непринужденностью, что невольно удивили тех, кто привык бухаться перед царем на брюхо, точно подрубленное дерево. Затем послы – все четверо рослые, осанистые – разом поднялись и стали в ряд. Выждав мгновение, один из них выступил вперед, держа в руках обитую крест-накрест золотыми полосками шкатулку слоновой кости.

Посол протянул ее Валтасару со словами:

– Кир, сын Камбиза, владыка великой империи Персидской, посылает Валтасару, сыну Набонида, царю Вавилона, сей дар с просьбой принять его и выслушать его послы.

Дар принял первый советник и поставил шкатулку на столик возле царя, . Когда он приоткрыл крышку, в белоснежной оправе ларца сверкнули триста шестьдесят бесценных перстней. Дар царя Кира стоил княжества.

– Царь царей, царь Кир посылает тебе триста шестьдесят перстней – столько же, сколько дней в году. Эти камни приносят счастье, если надевать перстни по тем дням, которые установила мудрость магов. Число и месяц начертаны изнутри и обведены кружком, – заключил персидский гонец.

Валтасар натянуто поблагодарил. Ему хотелось проявить выдержку, не уронить себя перед чужеземцами. Внешне он казался спокойным, но Набусардар и Идин-Амуррум чувствовали, что душа его переполнена горечью. Тем большее восхищение внушало им мужественное поведение Валтасара.

Наконец царь знаком дал понять, что готов выслушать посланников Кира.

Сверкая глазами, посол отчеканил:

– «Я, Кир, царь из династии царей, из могущественного рода Ахеменидов, властелин мира и теперешний владыка царства Халдейского, говорю правителю Вавилона – открой ворота города, чтобы войско мое могло беспрепятственно вступить на его улицы. Поднеси мне, как победителю, засовы от дворцовых ворот. Тогда Вавилон избежит разрушения, царь его – смерти, а народ – кровопролития. Исполни все это, и ты познаешь милосердие персидского властелина. Если же...»

У Валтасара потемнело в глазах. Столь унижительные речи еще не касались его слуха. Открыть ворота и поднести засовы... Тогда город избежит разрушения, он – смерти, а народ его – кровопролития... «Нет, нет и нет!» – загудело в мозгу, и сердце лихорадочно заколотилось. Кир – на халдейском троне! Нет и нет! Ему почудилось, что судейское кресло под ним качнулось, и все окружающее стало превращаться в мутную водную стихию, грозящую потопом.

Оторопели и сановники, но Набусардар ожидал подобных речей и внимательно смотрел на царя. «Что тот ответит посламу? – думал он с замиранием сердца. – Не сделает ли опрометчивого шага?»

А перс продолжал звонким голосом:

– «Если же воспротивишься, я прикажу своим солдатам разрушить город до основания, тебя взять живым или мертвым, а подданных твоих перебить. Обдумай слова властелина мира, великого персидского царя, и сам реши, какую участь избрать».

Валтасар сидел в своем кресле, грозный как демон. Казалось, стоит ему раскрыть рот – и оттуда вырвется адский пламень. Оскорбительно и заносчиво было послание перса. Он много себе позволяет. Угрожает смертью и кровавой расправой. Отослать ему за это

в мешке головы его послов... Только скажут потом, что вавилонский владыка иначе и не умеет вести переговоры...

Вдруг Валтасар распрямылся. Сверкнули глаза, озабоченное лицо прояснилось. Словно почувствовав себя сильным, как никогда, он сказал:

– Царь и сын богов может дать царю Киру один ответ. Однако законы нашей страны повелевают выслушать мнение сановников. Покиньте нас ненадолго, мои воины проводят вас. Мы обсудим послание Кира.

Когда персы вышли, в зале поднялся страшный шум, словно Валтасар судил сварливых жен. Злобой и воинственным пылом наполнились сердца халдеев. Лишь ничтожная горстка сановника малодушно высказалась за сдачу города, надеясь тем самым сохранить себе жизнь и состояние. В конце концов не все ли равно, кто сидит на вавилонском троне? Лишь бы нежиться на мягких ложах да наслаждаться радостями жизни. Первым заговорил сановник, ведавший торговлей:

– Неразумно противиться Киру из упрямства. Жаль города, древних храмов, дворцов, драгоценных жезлов вельмож.

– И простолюдинов – ты забыл добавить, светлейший, – перебил его верховный судья.

– Скажи лучше, голи перекатной, что живет под городскими стенами... – огрызнулся сановник.

– Нищие – тоже люди, – продолжал Идин-Амуррум, – жизнь всем одинаково дорога. Но не за имущество и дворцы, а за честь нашу должны мы постоять. А за то, – сказал он, обращаясь к Валтасару, – чтобы Вавилон дал отпор персам.

– Правильно, правильно! – вскричал один из военачальников. – Или мы немощны, как падаль, которую терзают стервятники? С мечами в руках пойдём на Кира!

– На Кира! – подхватило большинство.

– Безумные! – пытался перекричать их наместник Борсиппы. – Вы хотите погубить город? Надо поладить с Киrom добром, иного выхода у нас нет.

– Теперь, когда потеряно все царство, спасем хотя бы Вавилон. Примем условия Кира и встретим его как победителя.

– Смерть ему! – снова раздались голоса.

– Вам смерть! – прозвучал ответ. Воздев руки, царь воскликнул:

– Спокойнее! Распри нас не спасут. Последнее слово за моим верховным военачальником. Ему доверил я защиту города. Набурсардар, светлейший князь, что скажешь ты?

Набурсардар приблизился к царю и опустился перед ним на колени.

– Сперва благослови меня, царь мой, – обратился он к Валтасару. – Хвала тебе за твой ум и твою рассудительность в такую минуту! Пусть осенит меня царственная десница.

Валтасар поднялся и, растроганный, положил руку на его голову.

– Будь благословен царем Вавилона, а равно воинственной Иштар из Арбелы и Нинибом, богом войны, подателем силы, нашедшим прибежище в святилище Эпатутила в Шуанаки.

Затем он снова опустился в кресло и, подобно остальным, устремил выжидательный взгляд на Набусардара.

– Велика мощь Кира, – начал Набусардар, – но стены нашего города мощнее, крепче. Армия наша сильна. Доблестные воины Вавилона полны решимости сражаться до последней капли крови. Ни ты, царь, ни сановники не смеют допустить, чтобы город сдался без боя, без единого выстрела, без единого удара мечом, чтобы он рабски склонил голову перед врагом. Вавилон будет защищаться, а если суждено ему пасть, так с боем.

– Ты заодно с царем, – отозвался Валтасар, – что же, Вавилон обнажит меч! Таков наш ответ Киру.

– Нет, не бывать этому! – послышались возгласы. – Поручится ли Набусардар, что город выстоит? Надо принять условия Кира!

– Принять условия Кира? – воскликнул Валтасар. – Открыть ворота города, уступить трон персу? И вы согласны на это? Видно, молоко рабынь, которым вас вскармливали, сделало вас малодушными! Нет, ни за что не склоню я головы перед врагом. Или вы хотите, чтобы Кир угнал вас в Экбатану?

– Кир обещает быть милостивым владыкой, – заметил казначей.

– Кир обещает быть милостивым владыкой, – отдельно выговорил Валтасар и откинулся на спинку кресла. – Стало быть, вы ждете Кира, и мне, вашему царю и повелителю, надлежит уступить ему трон, чтобы вы вкусили его милосердия? Вы не доверяете ни мне, ни войску, ни стенам, на которых сияют имена прославленных властелинов Вавилонии. Вон отсюда! – И, закрыв лицо руками, он стал спускаться по ступенькам. – Вон! Вон!

– Царь, – остановил его Набусардар, – горстка заблудших не может поколебать нашей решимости. Останься и послушай меня! Отчего тебя вдруг покинула рассудительность?

С выражением непоколебимой решимости на лице Набусардар схватил обеими руками меч царя и произнес:

– Клянусь мечом твоим и всеми властелинами царства Халдейского, что одолею персов. Доверься мне, как доверился я своему войску. И вас, вельможи, прошу не терять присутствия духа и веры в то, что мы отстоим Город Мира.

– Смерть Киру! Смерть Киру! Смерть Киру! – Возгласы гулко прокатились по залу, сотрясая стены. То были голоса верных царю людей.

– Видишь, царь, – воспламенился Набусардар, – все мы с тобой. Все заодно – Вавилон не сдадим!

– Не сдадим! Не сдадим! Не сдадим!

– Призови персидских послов и скажи свой ответ Киру.

Послы выслушали Валтасара, не сводя с него глаз, и, торопливо преклонив колена, поспешили к выходу.

В памяти они уносили краткий и непредвиденный ответ: «Я, Валтасар, сын Набонида, потомок непобедимых властелинов славного Халдейского царства, заявляю тебе, Кир, сын Камбиза, потомок анзанских князей, – Вавилон не склонит пред тобою главы, но встретит тебя стрелами, копьями и мечами».

– И вот еще что... – остановил послов Валтасар, – передайте своему властелину, что подарок, который он мне прислал...

Все были уверены, что царь возвратит подарок, как того требовал обычай, но, сдержанно улыбаясь, Валтасар dokonчил:

– ...я оставляю себе. Перстни, говорите вы, обладают волшебной силой и приносят счастье. Дружеский дар. хотя нельзя сказать, что он поистине царский, – по крайней мере, для царя Вавилона, который почивает на золотых ложах, стоящих на золотом полу, меж золотых стен, под кровлей из золота, этот дар слишком скромно. Но чтобы не остаться в долгу и отблагодарить Кира за любезное внимание, я хочу тоже преподнести ему подарок. Повелеваю тебе, светлейший, мой главный казначей. – Тут уголок его рта зловеще дернулся, но Валтасар сдержался. – Выбери самую большую шкатулку из дерева усу, выстави ее дорогим сидонским пурпуром и наполни золотыми браслетами да насыпь сверху жемчуга. К этому прибавь десять отборных киликийских жеребцов белой масти, под седлами из пурпурной овчины, с подпругами в огненных карбункулах, с золочеными уздечками, с бронзовыми удилами – десяток белых, как морская пена, жеребцов! Чтоб было ему на чем удирать в Персию. Да, да... я все сказал.

Ошеломленные расточительством царя, вельможи покачивали головами. Но Валтасар не внял их увещаниям. Когда персидские послы вышли из судейского зала, он молвил:

– Пусть Кир знает, с кем имеет дело. И царь невесело, но громко рассмеялся.

– Кир полагает, будто триста шестьдесят перстней, всего лишь триста шестьдесят перстней, способны сделать человека счастливым. Мои подвалы забиты перстнями, но в сердце горечь и скорбь. Нет, золото и каменья приносят власть, только не счастье. Когда-нибудь Кир поймет это... – Опершись на локоть, Валтасар заслонил ладонью глаза. – Триста шестьдесят перстней... Триста шестьдесят перстней... Да у него разум младенца, хотя он и старше меня годами. Благословенные дни беззаботного детства, о, с какой отрадой я вспоминаю вас, с какой отрадой! Блажен тот, кто остается ребенком, взойдя на престол и покоря чужие земли. Как я завидую тебе, Кир, ты и поныне не утратил младенческого простодушия. Триста шестьдесят перстней... по одному на день... – и человек счастлив...

– Ваше величество, – тихо окликнул его Набусардар, – надобно все обсудить, персы не заставят себя ждать.

– Отложим до завтра, я устал. Завтра утром сойдемся все в тронном зале.

– Ты отпускаешь нас?

– Ступайте... Подумай, Набусардар, какое лицемерие... Ну не детская ли причуда? Кир замыслил отобрать у меня Вавилон и тут же посылает мне на счастье эти перстни. Могли ли я быть счастлив без престола и Вавилона?

– Персам не видать нашего города, я поклялся тебе в этом, царь, да обретет твоя душа покой.

– Нет покоя моей душе, тысячи змей терзают ее своими жалами.

Один из советников, наклонившись к царю, сказал:

– Испробуй, сын богов, чудесное свойство перстня. Валтасар презрительно рассмеялся; он смеялся, но в смехе его сквозила тревога.

– Впрочем, надень-ка мне тот, что предназначен на сегодня, – решил он вдруг и протянул руку.

– Агат, – объявил советник, – расстраивает козни врагов.

– Обман все это, сплошной обман. Кир – единственный мой недруг, он один замышляет против меня козни... А что за камень приходится на завтра?

– Вот. Сапфир.

– А он от чего?

– Сапфир исцеляет от проказы...

– Но я не осквернен ею!

– ...лечит глубокие раны, утоляет жажду, просветляет душу.

Валтасар снял перстень с агатом и, швырнув его на пол, снова протянул руку.

– Тот, тот дай мне. Может, сапфир и нужен, может, он и вправду поможет мне.

– Но сапфир приурочен на завтра.

– О, заодно с Гильгамешем клянусь духом подземного царства Энкиду, – Кир послал мне эти перстни, чтоб уязвить мое сердце. Агат предостерегает: берегись козней врага! Хорошо, что я вовремя это понял. Долой их, долой! Когда я смотрю на них, кругом все темно. Глаза слепит от их сияния. Они слепят меня, слепят...

Шатаясь, Валтасар встал с кресла и, подняв шкатулку над головой, со всей силы швырнул ее об пол.

– Вот, – злорадствовал он, надсадно дыша, – Кир поступил, воистину по-царски, он предостерег меня против козней врага. – Валтасар бросил взгляд на Набусардара. – Надо быть наготове. А сейчас ступайте...

Закутавшись в пурпурный плащ, вобрав голову в плечи, Валтасар удалился в свои покои под сень Набопаласаровой цитадели.

Сановники в растерянности смотрели на рассыпавшиеся по полу драгоценности, и на согбенную фигуру царя был обращен лишь пристальный взгляд Набусардара.

* * *

На следующий день утром, едва солнце позолотило крыши, из Муджалибы прибыла царица, чтобы бдительно направлять волю и поступки Валтасара. В сопровождении небольшой свиты она незамеченной вошла через северные ворота в стене Имгур-Бел и оказалась на восточном дворе. Кроме стражи, о ее появлении никто не знал.

Первым делом царица, окруженная княжнами, и прислужницами, пожелала возжечь благовония в висячих садах, где находился жертвенный храм повелителя богов Мардука. Сады эти были разбиты в северо-восточной части дворца на террасах, поддерживаемых сводчатыми опорами. Там, среди изумрудного кустарника и цветущих деревьев, возвышалось украшенное внутри колоннадой пышное святилище.

Царица направилась к алтарю и, пока юные прислужницы насыпали в жертвенные чаши

лепестки халвана, шафрана, муската, нарда, алоэ, мирта и кинамона, молилась, опустившись на колени.

Она шептала слова молитвы так тихо, что никто не слышал ни звука. Царица оберегала тайны своего сердца от соглядатаев, доверяя их лишь великому богу.

И когда, памятуя наказания пророка Даниила, царица ощутила, что небо милостиво к ней, она поднялась и, незаметно пройдя на женскую половину дворца, послала доложить о себе Валтасару.

– Что ей опять нужно? – Нахмурился царь. Но принять царицу согласился и, как ни странно, встретил примирительной улыбкой. Вокруг него еще суетились слуги; соблюдая этикет, они в строгой последовательности выносили принадлежности его ночного туалета. Наконец главный придворный оправил цепь на груди у царя и, согнувшись в три погибели, облобызал пряжку на его сандалии.

– Когда ты, – рассердился Валтасар, – отучишься, князь, от этой мерзости?

– Так чтит я и его величество царя Набонида.

– О-о-о! – прохрипел Валтасар. – Но ведь я же не Набонид... Ступай.

Царь казался сердитым, невыспавшимся, подавленным.

Царица замерла. Когда они остались одни, она опустилась на колено и смиренно склонила голову. Царица ждала, как ждут рабыни или собаки. За последнее время ей столько пришлось пережить, опрометчивость Валтасара сокрушала ее. Она не решалась поднять глаза. Царь хранил молчание, и это угнетало ее еще больше.

Вдруг раздались шаги – один, другой, третий. Царь приближался к ней, и вот сандалия царя коснулась складок ее одежды. Рука Валтасара ласково легла на ее волосы, и, охваченная смятением, царица услышала его печальный голос:

– Отчего ты не пришла ко мне этой ночью? Я так тосковал по тебе, всем сердцем тосковал по твоей благородной красе.

Она боязливо вздрогнула.

– Тебе трудно поверить в это... Долгие месяцы пренебрегал я тобою, как безумец ждал издалека неведомых красавиц... Но вчера Нинмаха открыла мне глаза. И что-то переменилось во мне.

Он положил ладони на ее обнаженные плечи и зашептал под самым ухом:

– Мое ложе приготовлено для тебя. Благовонный нард и мои объятия ждут тебя на нем. Взгляни мне в глаза, и ты прочтешь в них все. Я не лгу тебе, сестра и жена моя, царица моя.

Взволнованная, она теребила складки своей одежды, речь Валтасара повергла ее в растерянность, напомнив о тех минутах, которые пресекло время, а жизнь изгладила из памяти.

– Встань же, пойдём...

Она поднялась, но он преградил ей дорогу, заключил в объятия и покрыл ее шею жаркими поцелуями.

– Валтасар... я не понимаю... что с тобой? – прошептала она чуть слышно.

– Хочу, чтобы все было как прежде. Давно ли твои прикосновения воспламеняли мою кровь? Помнишь, как, обнявшись, бродили мы по висячим садам Муджалибы? Как бредил я на каждом шагу твоей юной красой?

– Нет, нет, Валтасар! Не воскресишь того, что прошло. Мне все это кажется вымыслом, сказкой, волшебным сном. Хотя...

– Видишь, ты сказала – хотя... Стало быть, ты любишь меня, сестра моя. И я буду любить тебя не так, как прежде, а как подобает истинному царю...

Она покорилась его воле.

Валтасар повел жену в соседнюю комнату, говоря:

– Сегодня ночью мне явилась во сне божественная Нинмаха и благословила мое семя, коему надлежит зачать будущего царя Вавилонии. Мне нужен наследник; как и Набониду. Наступают тяжелые времена, и если сразит меня стрела перса, кому я передам трон? Как знать, что ожидает нас впереди...

– Дождись ночи, Валтасар. Дождись звезд и луны. Я останусь во дворце до утра.

– Сестра, досточтимая сестра моя... Избавь мое тело от мук, душу от тревоги. Вчера нагрянули персидские послы. Что-то ждет нас этой ночью? Неспроста посылает мне тебя провидица Нинмаха, верно, она и твое лоно благословила во сне.

– Я пришла к тебе не за тем. – Губы царицы страдальчески дрогнули.

– Говори не таясь. Если ты пришла ко мне с просьбой – она будет исполнена. В награду за эту минуту.

– Досточтимый брат мой, – она порывалась пасть перед ним на колени, – великодушный, как все истинные властители, молю тебя – запрети убивать чужестранцев на улицах и в домах! Молю тебя, царь, могущественный царь Вавилона!

Он обнял ее и прижал к своей груди.

– Я тотчас отменю приказ. Ради тебя. Вот мой дар, достойный этой минуты.

Он подвел ее к золотисто-белому ложу под пурпурным балдахином, расписанным картинами из жизни неземных существ, которые предавались любви среди небесных светил и цветов.

Отстегнув царскую цепь, Валтасар швырнул ее на ковер из тигровых шкур. Сорвал с себя мантию и тоже бросил на пол. Открыв флакон из драгоценных граненых камней, он смочил нардом волосы – себе и сидевшей рядом царице. Затем снова обнял и стал расстегивать золотые пряжки на ее одежде. Царь шептал в упоении:

– Ты долго не могла забыть той минуты под кипарисами, – теперь же ты запомнишь меня навеки. Я опьяню тебя нардом и силой своего молодого тела. Клянусь священной Нинмахой, даже боги не дали бы тебе большего блаженства... Но отчего сидишь ты, как неживая, и взор твой печален, царица, сестра моя? Или ты не хочешь, чтобы род наш правил Вавилонией?

– Хочу, Валтасар...

– И что же...

– Ты забыл, – проговорила она с расстановкой, – что предки твои – княжеского происхождения, и сын твой может унаследовать корону лишь в том случае, если будет

зачат самим Мардуком в его святилище?

Он непонимающе уставился на нее и оцепенел от изумления. Минуту длилось молчание, потом глаза его вспыхнули, и он крикнул:

– Я сам хочу быть отцом моего сына... Или...

Валтасар вскочил и, отстранившись, все не мог оторвать от нее взгляда. – ...или ты уже носишь в себе плод Мардука, плод какого-нибудь жреца Эсагилы?

Она молчала.

– Я... сойду с ума, если это правда, сойду с ума! – Яростно накинулся он на нее.

Царица молчала.

Широко растопыренные пальцы Валтасара застыли у ее лица. С каким наслаждением сорвал бы он эту личину немоты, разжал эти застывшие губы, чтобы слетело с них хоть одно, пусть даже убийственное слово.

– Когда это случилось? Или тебя принудили? Неужто ты и вправду веришь, будто сам Мардук осчастливил твое лоно? Разжиревшие эсагильские жрецы – вот кто овладел тобой! Мошеники, воры! И ты дерзнула сделать это! О, я лишусь рассудка...

– Утешься, брат мой; – наконец нарушила она молчание, – и выслушай меня спокойно. Я давно бы открылась, но ведь ты не допускал меня к себе... Я надеялась, что царица Вавилона не будет унижена, как последняя рабыня. Боги окружили меня почестями и богатством, облекли властью, но лишили самого дорогого...

– О чем ты говоришь?

– Сядь и выслушай меня, заклинаю тебя милосердием богов, выслушай меня. В ее голосе сквозила боль. Когда он сел, царица сказала:

– Да будет мне свидетелем. бог мудрости и друг людей, бог Эа, что у меня были добрые побуждения. Как царица Вавилонии, а должна была знать ее законы. А в сводах записано: первенец царя, чтобы не лишиться права наследовать престол, должен быть зачат семенем Мардука. И вот однажды ночью родитель твой Набонид, да хранит его в персидском плену преподобный Син, привел меня в башню Этеменанки и приказал глядеть на звезды и ждать на усталом шелками золотом ложе явления бога Мардука. В глубокой тишине я молилась, следя за тем, как движется по небесному своду серебристая колесница луны. Вдруг святилище озарилось сиянием, и в него кто-то вступил, чистый и лучезарный. От страха тело мое оцепенело, а глаза неотрывно смотрели на вошедшего. Но снова разлилась темнота, и я лишь почувствовала, как кто-то прикасается ко мне жаркими ладонями, обжигая мне плечи и бедра, как сливаются воедино мое и его дыхание. Под утро за мной вернулся отец Набонид. Я была уже одна и крепко спала. Но когда он положил руки на мой лоб и сказал: «Будь благословенно лоно твое, и да выйдут из него тысячи!» – я проснулась.

Растерявшийся Валтасар в гневе кусал губы, скрежетал зубами. Он лихорадочно искал выхода и вдруг зловеще усмехнулся:

– Твоему ребенку не бывать царем. Едва он увидит свет Шамаша, я прикажу унести его в горы и бросить на съедение зверям, как поступил с Киром Астиаг, – но только я дожусь его смерти. Да!..

– О, милосердные боги, – прошептала царица, – это дитя и вправду не будет никогда править твоим царством, потому что ему не суждено родиться.

Валтасар насупил брови.

Она застонала, зарылась лицом в подушки.

– Это дитя никогда не родится, потому что в моем лоне нет жизни, мое лоно подобно праху и пеплу, демоны сделали мое лоно бесплодным.

– О боги! – вскричал Валтасар, трясая ее за плечи. – Что ты говоришь? Иль ты не знаешь, что я последний в роду Набонидов и что с моей смертью прекратится наш род? Понимаешь ли ты, что говоришь? Твое лоно бесплодно? Не может этою быть! О, я сойду с ума. Я сойду с ума.

Рыдания сотрясли тело царицы. Из глаз ее хлынули слезы и оросили шелк подушек. Царица не смела поднять лица, задыхаясь от стыда и унижения, которые ее всю преобразили. Она плакала горько, навзрыд. Ждала, что Валтасар сжалится над ней и его утешение поможет ей перенести нестерпимую муку этой минуты.

Но Валтасар злобно закричал:

– Повернись, когда рядом стоит царь! Вот не думал я, что демоны лишат тебя дара материнства и так унижат мой род, да еще на глазах у рабов. Недостойна ты зваться царицей Вавилона. Недостойна показываться на люди.

Она бросилась ему в ноги и обхватила руками его колени.

– Убей меня, Валтасар, чтобы избавить себя от позора, но молю – не терзай больше мое сердце злобными словами. Я готова умереть и уйти к богам. На земле я не знала ничего, кроме страдания. Если тебе нестерпимо видеть меня, я освобожу тебя, освобожу скоро, ты даже не заметишь этого. Но будь милосерден ко мне, пока я жива.

Она подняла на него покрасневшие глаза, лицо ее сделалось серым, губы вздрагивали.

Ему на миг стало жаль ее, и он сказал уже мягче:

– Скверно я с тобой обошелся. Ты за волю богов не в ответе. Но ты тоже пойми, как больно ранило меня твое признание. Быть может, еще не все потеряно? Что говорят придворные лекари?

– Я уже пила отвары из всех трав! Мудрый Иги-Ану говорит, что при дворе фараона живет настоящий чародей, который исцелил от бесплодия царевну Нубии и множество знатных жен Египта. Он один может спасти меня. Но персы стерегут ныне дорогу в страну Мусури. Я молила всех богов Вавилонии, – ни один не помог мне. Тогда я поверила свое горе пророку Даниилу.

Валтасару не понравилось, что царица обратилась за помощью к еврейскому мудрецу, и он помрачнел.

– О, прости, Валтасар, что я поступила так, но безмерное отчаяние толкает людей и на худшие поступки.

– И что же присоветовал тебе Даниил, этот неуязвимый лев иудейский? – спросил он ее насмешливо.

– Он велел мне молиться Ягве, живому богу, подателю чудес.

– О-о-о! – рассвирепел царь. – Надеюсь, ты еще не сделала этого?

– Нет, нет, – задумчиво покачала она головой. – Как может царица Вавилона молиться богу несчастных пленников?

– Вот такие речи пристали тебе! А теперь вставай и собирайся в Муджалибу. Сегодня мы снаряжаем гонца к фараону, чтобы поторопить его, он обещал нам помощь. Я попрошу фараона, чтобы он позволил этому искуснику вылечить тебя.

– Благодарю тебя, царь, и священную Нинмаху благодарю за то, что она наделила тебя сдержанностью и силой перенести столь тяжкие удары.

– Не будем больше говорить об этом, не растравляй мои раны. Ведь если у меня достало сил пощадить тебя, это еще не значит, что я одолею и душевную муку. Чтоб не терзали меня мысли, я должен бежать отсюда прочь. Еще минута промедления – и мной овладеет безумие. Ты не можешь вообразить, на какую муку ты меня обрекла. Нестерпимую муку.

Он поднял мантию, небрежно накинул ее себе на плечи, и она обвисла безобразными, неряшливыми складками. Нагнувшись за цепью, царь уронил на ковер пояс. Цепь он так и не повесил на шею, а понес в руках, размахивая ею и бормоча:

– Нестерпимая мука, нестерпимая мука, тут и с ума сойти недолго. Персы под стенами Вавилона, а я последний в роду... последний в роду... Ну как тут не сойти с ума?

Волоча ноги, Валтасар вышел из опочивальни. Он, переходил из комнаты в комнату, ужасая стражу своим видом. Один из военачальников вызвался пристегнуть ему цепь – знак царского достоинства.

Валтасар отмахнулся:

– Прочь с дороги!

И зашагал дальше, не видя и не зная, куда и зачем.

Бессвязно бормоча что-то, со страдальческой гримасой, слонялся он по дворцовым анфиладам и галереям – от двери к двери, от ворот до ворот. Наконец, после долгих раздумий, безжалостно сверливших его мозг, после бесконечных вздохов, сотрясавших его грудь, он остановился и тупо захохотал.

– Этот иудейский лев научает ее молиться Ягве. Бесстыдник! Верно, он и сам не верит, что его бог способен исцелить царицу от женской немочи. Живой бог, податель чудес! Мошенник он! Мошенник, почище Мардука. Ягве, если правда то, что говорит о тебе пророк Даниил, порази ты меня на этом месте. Яви чудо, и пусть не буду я с этой минуты царем халдейским. Пусть обращусь я в гада, ползающего по камням в темных недрах преисподней. Да обращусь я в прах земной или песчинку в пустыне. Да отнимется у меня язык, коим поношу тебя, поношу от всего сердца, от всей души.

Он дрожал всем телом, рот его перекосило от нестерпимой пытки.

– Что, не можешь, нет у тебя власти надо мной? Да и как ты явишь чудо мне, коли не способен явить его тем, кто верует в тебя? Мечи моих воинов косят их, как траву. Ты посулил им вызволение из моего плена, я же приказал перебить их всех до единого. Кого поведешь ты назад в Иерусалим? Кого, отвечай?

Говори, коли ты могуществен, могущественнее вавилонского царя!

Молчание было ему ответом, но тишина не утолила скорби сердца. Валтасар обессилел, он уже не мог ни ходить, ни кричать. Он прислонился к стене возле лестницы, затем в изнеможении опустился на каменное кресло, высеченное в виде сидящего льва. Слабость и безмерная усталость сковали его тело.

– Не найти мне покоя, – шептал царь, – не будет мне покоя, пока я не уничтожу их

всех, всех, начиная с седоволосых стариков и кончая грудными младенцами. Истреблю, как огонь – вредоносную саранчу.

Он уронил голову на грудь и на мгновение впал в забытие.

Но волнение не дало ему усидеть не месте, Валтасар поднялся и стал спускаться по лестнице, осторожно и медленно – точно после тяжелой болезни – переставляя ноги по каменным ступеням. Шатаясь, вышел он в пустой коридор. Вскоре царь увидел за углом две скорчившиеся фигуры. Это были прислужницы. Они давно наблюдали за ним и теперь в ужасе кинулись в помещение для слуг с вестью о том, что боги лишили царя рассудка. Бросив работу, слуги исподтишка следили за Валтасаром. Царь был без меча и нагрудной царской цепи, одежда болталась на нем, как на палке, цепь позвякивала в безвольно опущенной руке.

Неожиданно для себя Валтасар очутился перед входом в тронный зал и из-за спин воинов, охранявших зал, увидел, что советники уже собрались и с нетерпением ждут его появления. Царь стремительно вошел в зал, но, заметив удивление на лицах собравшихся, остановился, оглядел свой непристойный наряд и, словно оправдываясь, глухо проговорил:

– Меня постигла великая скорбь.

Закрыв глаза тыльной стороной ладони, он подошел к трону, сел, сгорбившись и расставив ноги. Затем, нагнувшись еще ниже, облокотился на правое колено. В руке его покачивалась золотая цепь, распахнувшаяся мантия обнажала волосатую грудь.

Покрасневший от неловкости за цари Набусардар знаком приказал одному из советников привести одежду Валтасара в надлежащий порядок. Не к лицу государю сидеть здесь растерзанным, выставя себя на посмеище.

Валтасар махнул рукой:

– Не нужно... Что толку? – По щеке его покатила слеза.

– Царь, – кинулся к нему Набусардар. – Что произошло? Не можем ли мы помочь твоему горю?

– О, – простонал Валтасар, но тут же распрямился и обвел приближенных темными, зияющими, как пропасть, глазами. – Все ли в сборе? – спросил он, не ответив.

– Да.

– О чем у нас нынче речь, мои верные?

– Надобно отрядить послов к фараону, – ответил Набусардар.

– Да, да, да, и чем скорее, тем лучше, немедля! Египетское войско должно ударить по Киру с тыла... Кроме того, – Валтасар замялся, – есть у меня к фараону особая просьба... Он один может рассеять скорбь моего сердца. – Живет при его дворе знаток, что... исцеляет от бесплодия и возвращает несчастным женам их женское естество. Нет, этого он им не скажет. Сановники не смеют знать, что с его смертью оборвется род Набонидов. – ...фараон должен исполнить мою просьбу и прислать лекаря с нашими гонцами, не то...

Туча, залегшая в морщинах на лбу, сгустилась еще больше.

Полупризнание Валтасара не раскрыло его тайны. Уж не страдает ли царь неизлечимой болезнью?

Судья Идин-Амуррум заговорил первым, пока остальные размышляли:

– Дозволь заметить, царь, – проговорил он, – если послы и доберутся до страны Мусури, кто поручится, что им удастся вернуться обратно? Нами только что получена весть о падении Ура и Урука. Войска Кира отрезали все дороги, можно предполагать, что у них в руках и Средняя дорога, кратчайшая из тех, что ведут через арабские провинции прямо в Египет.

Валтасар помертвел.

– Так, значит, Ур и Урук тоже? Но ведь персов на юге не было, Кир продвигался с севера.

– Сегодня нам донесли, что часть войска он незаметно перебросил через арабские провинции.

– Но ведь арабские провинции тоже принадлежат Халдейской империи! – вознегодовал царь.

– Большинство переметнулось на сторону врага, – заметил Набусардар, – с их помощью Кир овладел Уром и Уруком. Аравия, как и следовало ожидать, потеряна для нас. Очевидно, Кир не поскупился на посулы. Но это не сломит нашу волю. Речь идет о Вавилоне, а Вавилон укреплен надежно.

– Стало быть, и Урук? – переспросил Валтасар. – Неужто наместнику Урука не доставало войска для защиты?

– Честь и слава наместнику Урука во веки веков! – воскликнул Набусардар. – Когда он увидел, что придется сдать город превосходящим силам врага, то приказал поджечь дворец и вместе со всей семьей бросился в огонь, не дался живым этим хищникам.

– Да зовется он отныне великим князем, наместник Урука. Его имя я прикажу занести в царские анналы.

– Да послужит он нам примером, – подхватил наместник Борсиппы, но голос его прозвучал неискренне.

– Ур и Урук, говорите вы, – покачал головой Валтасар, – значит, Средняя дорога тоже в руках Кира из Анзана?

– Да, – ответил начальник конников, – но пусть тревога не сокрушает тебя. Среди моих всадников есть один, о нем говорят, что его не догонит ни самый быstroногий жеребец, ни самая быстрая стрела. Отправь его гонцом вместе с послами к фараону. Жизнь ручаюсь, он доберется до Египта и возвратится к тебе с папирусом, в коем будет изъявлена воля правителя страны Мусури.

– Хвалю за сообразительность. Да будет так. Князь Набусардар, позаботься о гонце и посольстве от Вавилона да не забудь о моей просьбе. Вот, пожалуй, и все. На сегодня вы свободны.

– Тебя еще ждет начальник стражников, – напомнил царю Набусардар.

– Что ему надобно? – хмуро спросил недовольный царь. – Конца нет делам..

Рослый загорелый воин в одежде верховного стражника, человек, привыкший действовать решительно и прямо, описал обстановку в городе. Между прочим он упомянул, что евреи, оставшиеся в живых и избежавшие расправы, рассеялись по городу. Они прячутся в сточных канавах и убеждают народ сдать Вавилон без боя, не то, мол, персы силой овладеют городом, и тогда вавилонянам не избежать кровавого возмездия. Мужчин

перережут, женщин и девушек поделают между воинами-победителями. Все сокровища и движимое имущество вывезут в Персию, а город разрушат и превратят в пустыню.

В дикой ярости Валтасар вскочил с трона.

– А что ты сделал с теми, кто мутит народ?

– Всех, кого удалось выловить, я приказал распять на крестах.

Помилован лишь один смутьян по имени Сурма. Смертную казнь я заменил ему пожизненным заточением. Он халдей, и я не хотел казнить его наравне с евреями.

– Напрасно, – Валтасар затрясся от злобы, – всякий, кто подстрекает народ против царя, заслуживает смерти.

– Смутьянов столько, что не хватит крестов, светлейший..

– Бросайте на съедение львам!

– Львы уже сыты.

Побагровев от гнева, Валтасар в запальчивости крикнул:

– Топить их в Евфрате!

Послышался стук котурнов. Растолкав стражу, в зал ворвался военачальник и, пав перед царем ниц, задыхаясь, воскликнул:

– Кир!

Царь взглянул на Набусардара и на прочих вельмож.

Набусардар подбежал к вошедшему.

– Встань и объясни, что случилось.

– Кир идет на Вавилон.

У царя готов был вырваться строптивый крик, что это ложь, что Кир не посмеет, но вдруг до его слуха донеслись звуки походных горнов, подобные далекому подземному гулу.

Царь оцепенел, лицо его застыло от ужаса. Он силился что-то сказать, но слова не сходили с его уст. Губы остались полуоткрыты, руки повисли, лоб покрылся испариной; Валтасар не мог справиться с ознобом.

А персидские горы трубили все громче, сотрясая стены великолепных царских палат, что высятся на холме Бабилу как мавзолей славы бессмертных династий.

Валтасар стоял каменным изваянием, до боли напрягая слух и устремив неподвижный взгляд на подступы к

Вавилону, где, словно из бездны преисподней, как совсем недавно – из-за гребня Холмов, неудержимо надвигалось персидское войско.

* * *

Ветер уносил облака пыли, вздымаемые персидской конницей, мчавшейся к стенам Вавилона. Вихреподобная конница варваров, словно разгневанная орлица, неслась над полями. Тучей надвигались несметные полчища наемников, казалось, эта туча застигает не только землю, но и небо. Не было числа персидскому воинству. Нескончаемая лавина утомляла зрение, будоражила мысли, вселяла страх в сердца.

Обитатели цитадели, – от верховного писца до последнего слуги, высыпали на террасы садов, чтобы видеть зловещий ураган, бушевавший у стен Вечного Города.

Оправившись от первого потрясения, Валтасар подобрал полы одежды и выбежал из зала на верхнюю террасу. Тяжело дыша, смотрел он потухшим взглядом на север, на восток. Там разверзлась земная твердь, оттуда надвигался мираж, обернувшийся потоком. Вражеская конница неслась к стенам Бабилу. Воинственный рев вырывался из глоток победителей. Грохот сотен тысяч копыт сотрясали основания домов. Оглушительные звуки труб и дробь барабанов колебали стены дворцов.

Но даже с крыш царского дворца трудно было разглядеть что-либо в этой лавине. А Валтасару не терпелось увидеть псоглавого Кира, стоящего в боевой колеснице. Отчаяние побуждало царя рассмотреть это наглое лицо. Но, как ни жалуйся богу Ану из Урука, а на таком расстоянии все равно ничего не увидишь.

Вдруг царя осенило. Когда-то фараон Амазис в знак вечной дружбы преподнес ему стекло, в которое было видно далеко вокруг. Теперь выдумка египетского мудреца может пригодиться, да благословят боги фараона Амазиса!

Валтасар нетерпеливо кликнул советника:

– Принеси мне трубу, ту, фараонову! Да лицезреет властелин... – горькая усмешка тронула его губы, – да лицезреет властелин властелина!

Когда трубу принесли, царь в судорожном нетерпении подносил ее то к правому, то к левому глазу. Картина происходившего на подступах к городу виделась смутно. Все сливалось в близкий, бесформенный поток. Можно было лишь заметить движение стремительно катившейся лавины персидского войска.

– О, – сокрушенно воскликнул Валтасар, – кто-то заменил в трубе драгоценное стекло простым! – Царь расвирепел от досады. – Кто из вас это сделал, отвечайте! Кто посмел?

– Быть может, со временем стекло само потеряло свое чудесное свойство приближать далекое? – нашелся один из приближенных.

– Гм! – подивился царь. – Само потеряло чудесное свойство приближать далеко...

– Или, – многозначительно заметил Набусардар, – это – таинственное явление природы, и его надлежит истолковать как предостережение владыке Вавилона: фараоны страны Мусури столь же непостоянны, как и это новшество их ученых мужей.

– Ты полагаешь, это чудо?

– В чудеса я не верю, просто я пользуюсь случаем лишней раз остеречь ваше величество – не следует полагаться на помощь Египта!

– Фараон поклялся мне богом Амоном, что нападет на персов с тыла. Ведь Кир угрожает

и Египту.

– Именно поэтому, царь!

– Я не понимаю тебя, Набусардар. Ты всегда думаешь иначе, не так, как я. А что посольство к фараону?

– Кир кольцом окружил город. Послы не могут из него выбраться. Мы заперты со всех сторон. Кир расположился на подступах к Вавилону. Но мы и сами этого хотели, так как для нас выгоднее сражаться под прикрытием стен. Ваше величество было согласно с этим планом.

– Да, но у меня к фараону особое дело. Я нуждаюсь в мудрости его чародея-лекаря. Набусардар, мой род...

– Положись на меня, царь царей, я столько раз просил тебя об этом. Клянусь Нинибом, подателем силы, клянусь воительницей Иштар из Арбелы, я не сложу оружия, пока не смогу поднести тебе отсеченную руку Кира вместе с его мечом. Да пребудут в спокойствии твои дни и ночи. Никому не дано сокрушить и уничтожить Вавилон.

Валтасар смахнул ладонью пот со лба, закрыл глаза, кончиками пальцев потер веки и сжал виски, думая свою нелегкую думу. Набусардару неизвестно, что терзает душу царя. Последний в роду, последний... ибо демоны превращают плодородное лоно жен в пустыню и пепел... Кир у стен Вавилона, а он, царь, оставшийся без потомка, стоит на террасе дворца и прислушивается к реву войска, чей предводитель не обойден ни потомством, ни могуществом, ни славой.

– Я, – начал Валтасар, но слезы застлали ему глаза.

Никто не должен видеть их. Никто не должен видеть слабости великого властелина.

Он еще боролся с собой, когда кто-то крикнул:

– Колесница бога Солнца, а за нею – Кир! Колесница бога Солнца, а за нею – Кир... Валтасар протер глаза, но ничего не увидел. Ничего. До него доносились только звуки чужеземных горнов, возвещавших о приближении персидского царя и его свиты. Громогласные, мощные, они наполняли душу Валтасара растущей тревогой. Валтасар украдкой оглянулся. Может, подняться повыше, на башню звездочетов, опустевшую со времени его вступления на престол?.. Но тотчас его мысленному взору представилось распростертое на полу тело звездочета. В припадке гнева Валтасар велел убить ученого мужа: по сиянию небесных светил тот предсказал ему, что он погубит свое царство. А теперь звездочет призывает его наверх, чтобы повторить свое пророчество. Мертвые возвращаются к живым. Мертвые предостерегают.

– Нет, не пойду, – вырвалось у него.

– Куда, ваше величество? – осведомился Набусардар.

– Туда, наверх. – Царь искоса взглянул на башню. – Оттуда виден Кир...

– Ты скоро увидишь его вблизи, царь и господин Бабилу. Мои воины на копьях принесут тебе его бездыханное тело. Теперь же пора вернуться к нашим обязанностям. Я прошу отпустить меня, государь. Моя армия нуждается во мне, хотя военачальники давно получили приказания на случай опасности. Хвала человеческой мудрости! Я не ошибся, назначив преемником Наби-Иллабрата начальника лучников Исма-Эля. Окажи ему милость, государь, разреши лично воздать почести царю Вавилона. Он заслужил это, Исма-Эль – искусный воин.

– Хорошо, – кивнул царь. – Поспешите же к своему войску.

– Будь благословен и помни – при первой же атаке на наши укрепления мы засыплем врага стрелами, как засыпает путников песчаная буря. Если ты еще немного побудешь здесь, то сможешь увидеть, как рвы и волчьи ямы поглотят конницу Кира. Персы еще узнают, каков царь Вавилона, и испытают на себе, сколь мужественны его воины.

– О, это так! – просиял Валтасар. – Когда ты рядом, я чувствую себя могучим и бессмертным.

– Ты и в самом деле могуч и бессмертен, царь царей.

– О да, да, Набусардар... Ступай же, ступай к своим воинам. Я чувствую себя в силах дать отпор не только персам, но и всему миру! Да, да, я могуч и бессмертен... Мне ли бояться вражеских стрел? Не ведай страха и будь опорой своему войску, как я буду опорой своим подданным.

Набусардар вместе с другими почтительно поклонился и в сопровождении военачальников оставил дворец. Царь обернулся к приближенным. На их лицах были написаны страх и нетерпение. Все думали о своих домах, о своих семьях, и Валтасар, понял, что они ждут не дождутся, когда он их отпустит.

– Малодушные! О чем вы тревожитесь? Ведь с вами царь! – сказал Валтасар.

– А наше имущество, жены, дети! – вскричал наместник Борсиппы.

Царь неодобрительно усмехнулся:

– Ваше имущество, ваши жены и дети под защитой моих воинов и неприступных стен. Вам не о чем беспокоиться. Кир скоро поймет свою ошибку и тщетность этого похода. Я верю Набусардару.

Откуда-то сбоку послышался возглас:

– Всадники застряли во рвах! Латники проваливаются сквозь землю вместе с лошадьми!

– Пращники напоролась на колья в волчьих ямах! Людей, стоявших на террасах Эсигиши, охватил буйный восторг.

– Благословен Мардук!

– Да осенит слава царя!

– Да живет вечно непобедимый Набусардар! – кричали они.

Валтасар подошел к краю террасы, где росли катальпы и форзиции, и, в волнении обрывая листву, кричал как одержимый:

– Кир поймет свою ошибку! Он поймет, что Вавилония не Мидия и не Сирия, чтобы пасть от собственной слабости! Вавилон – не Иерусалим или Ниневия, чтоб от него не осталось камня на камне! А царь Валтасар – не Астиаг, не Седехиаш, от которых разбежалось собственное войско! Вавилон вечен, а царь его – бессмертен!

Просиявшим взором обвел он укрепления и крыши домов. Повсюду стояли баллисты и катапульты, воины были наготове. Возле них, защищенные от вражеского огня сырыми кожами, попонами и холстинами, возвышались груды стрел и метательных ядер.

В царя укрепилось чувство собственного достоинства. Но когда он перевел взгляд на лабиринт вавилонских улиц, то ужаснулся неописуемому смятению, какое не охватывало еще ни один город, населенный детьми человеческими.

Плач и стоны доносились снизу. Люди покидали жилища и в ужасе метались у домов, не зная, где искать спасения. Казалось, благоразумие и выдержка изменили халдеям. Мысль о грозящей смерти и жестокости персов оттеснила все другие. Потеряв над собой власть, люди не могли противостоять панике и хаосу, как не может противостоять им всякий, кого обуял страх.

Но с террас Эсигиши открывалось взору лишь происходящее на улицах. Между тем и в дворцовых палатах хозяйничали демоны страха – вельможи совсем потеряли голову, не зная, что предпринять: прятать ли прежде добро или прятаться самим? Рабы сносили в подвалы великолепные ковры и дорогие вышивки, надрывались под тяжестью сокровищ, накопленных десятками поколений и приумноженных нынешними стяжателями; сундуки с золотом и брильянтами закапывали в садах, роскошные заморские ткани и кожи замуровывали в стенных тайниках. У каждого члена семьи был при себе мешочек с драгоценными камнями. У всех, даже у женщин и детей, за поясом поблескивали кинжалы. Во дворах ржали оседланные кони – на тот случай, если придется бежать из города.

Дом сановника, ведавшего торговлей, находился в Верхнем Городе, как раз напротив царского дворца. Широкие ворота из дерева усу, отделанные бронзой и тибетской яшмой, горели позолотой и переливались на солнце всеми цветами радуги.

Внезапно они распахнулись, и на улицу выбежала хрупкая девушка. Каждое ее движение выдавало страх. Она боязливо оглянулась и спряталась за диоритовую скульптуру крылатого быка, охранявшего вход во дворец. Вид у нее был безумный.

– Моя дочь! – в отчаянье крикнул сановник, глядя на нее с террасы, и впился глазами в девушку.

На улице показался отряд солдат.

Девушка выбежала им навстречу. В ее волосах, стянутых сзади узлом, сверкали дорогие булавки и великолепные длинные гребни. Девушка бросилась перед солдатами на колени и, ползая по бульжной мостовой, умоляла пронзить ее мечом. Она выхватывала из волос драгоценные украшения и, кидая их солдатам – в награду, – кричала:

– Жестокие персы хотят надругаться над нами... Но не видать моего тела... варварам из Персеполя и Экбатаны. Лучше убейте меня, убейте!

Сановник вцепился пальцами в нагрудную цепь и закричал:

– Моя дочь... Не убивайте! Моя дочь...

А она сорвала брошь, скреплявшую ее одежду, и обнажила грудь, умоляя пронзить ее сердце.

Горнист отряда оттолкнул девушку в сторону – теперь не до женских капризов. Девушка отлетела на край мостовой, и булавка, что была в ее волосах, вонзилась ей в горло. Она упала под ноги кудрявому мальчику, который тащил на веревке белого священного козленка, чтобы принести его в жертву богам и просить сохранить ему жизнь.

Увидев, что девушка умирает, мальчик выронил веревку и, бросившись на холодеющее тело, запричитал:

– Сестра, моя любимая сестра!

Отец завыл зверем и стал рвать на себе волосы. Срочно позвали придворного лекаря. Несколько капель отвара, добавленных к молоку, привели его в чувство, но он, не переставая, шептал:

– Говорил я, что надо смириться перед Киром, Нельзя было отсылать ни с чем его послов. Теперь мы сами перебием друг друга.

Валтасар инстинктивно схватился за горло. Беспольные, но справедливые слова! Суровое время настало для Вавилона. В царство, где хозяйничает меч, приходит смерть. Перед этим неумолимым законом не устоит и Город Городов. Произойдет сражение не только с врагом на подступах к городу. Сражение начнется здесь, среди своих. Припомнятся тысячи неотмщенных обид, распрей, поднимут голову смутьяны, душегубы, изменники, стяжатели, воры, скупцы, грабители, которые ради мамоны не побоятся схватить за горло самого царя.

Валтасар сжал подбородок длинными пальцами. Несмотря на сентябрьскую духоту, он чувствовал, как его спина покрывается холодным потом. Каким беспомощным показался он сам себе перед своими сановниками и придворными! Кто знает, сколько подлых убийц скрывается за этими постными, смиренными лицами? Быть может, тот чернобровый писец или вон та краснощекая швея только и ждут случая, чтобы умертвить своего властелина? Теперь безопаснее всего в покоех, охраняемых верными стражами.

– Туда... – выдавил он и надел цепь, словно золотое украшение могло заменить ему прочный чешуйчатый панцирь.

Валтасар стал спускаться с террасы. Сановник, ведавший дорогами, присоединился к нему и попросил:

– И нас отпусти, государь. Мы поклялись честно исполнять наши государственные обязанности, но ведь на нас лежит забота и о наших семьях.

Стараясь не выдать своего страха, Валтасар натужно и презрительно усмехнулся:

– Еще бы! Вы всегда отдавали предпочтение своим домам и своим семьям. Так можете ли вы и в эту минуту стать другими?

– Клянусь тебе, царь царей, заботясь о близких, мы не забудем об интересах державы.

– Положим, – сказал царь, – однако всегда бывало, всегда и везде бывало так, что в трудную минуту приближенные царя оставались вблизи своего повелителя и не покидали его ради жен и детей.

– Тогда считай, что я обратился с этой просьбой лишь от своего имени. Быть может, это только я при виде мертвой дочери его светлости сановника по торговым делам поддался сумасбродным опасениям. У меня дома тоже дочь, она для меня все. – На глаза его навернулись слезы.

– Ступай же. Спаси ее и приведи в мой гарем.

– Царь! – Он бухнулся в ноги Валтасару.

– Я сказал, можешь идти, так ступай же, ступай. Из толпы донесся голос борсиппского наместника:

– Просим твое величество – отпусти и нас. Нашим дворцам грозят уничтожение и грабеж.

– Ах, вот как! – царь шумно и негодуяше вздохнул, глубоко втянув воздух, сотрясаемый трубными звуками, грохотом боевых колесниц и топотом пышногривых коней. Гул, вой и рев были столь оглушительны, что казалось, они исходят из-под террас садов Эсигиши. Валтасар запахнул мантию и невольно съежился.

Подавляя страх, он проговорил, заикаясь:

– Чего вы боитесь? Войско Набусардара сбросит солдат Кира в Евфрат, как падаль.

* * *

Персидские латники готовились к первой атаке. Военачальник Гобрый рассчитывал взять город штурмом крепостных стен. Ни сомнений в успехе тщательно продуманного плана, ни колебаний у Гоброя не было. Он был убежден, что пробивная сила армии Кира превосходит мощь вавилонских укреплений.

На все вопросы военачальников и царя он отвечал односложно и торжественно:

– Они сдадутся, мы возьмем город приступом.

– А что, если наши расчеты и предположения не оправдаются? – усомнился Кир, когда маги уже готовились принести последние жертвы и фимиами над алтарями взвился выше башни Этеменанки и даже выше башни Эвриминанки.

– Им не устоять, высокочтимый, клянусь звездой Сопид, на которой обитают души блаженных. Да не допустит меня туда Ормузд, если я не оправдаю твоих надежд. Еще никогда я не был так уверен, как накануне этого сражения.

– А что скажешь ты, князь? – обратился царь к Сан-Урри. – Ты халдей и знаешь силы своих. Ты был правой рукой Набусардара, его помощником. Сан-Урри посмотрел исподлобья на Кира маленькими черными глазками. В его взгляде проблескивало недовольство: персидский владыка до сих пор не удостоил его воинского чина, по-прежнему величая лишь князем. Честолюбец, он мечтал о том, как войдет в побежденный Вавилон во главе отряда, в пышных регалиях персидского высшего военачальника. Но Кир не проявлял желаний возвысить Сан-Урри.

Мысленно рисуя себя в самом блестящем виде, Сан-Урри улыбнулся.

– Любой город можно взять штурмом, но одного военачальника для этого мало. Ты же, царь, поручил Гобрюю штурм всех наружных укреплений... Думаю, было бы правильнее, если бы штурмом борсиппских укреплений на западе руководил Гобрый, а штурмом вавилонских укреплений на востоке – кто-либо другой...

– Гобрый – отличный воин, и у меня нет оснований не доверять ему.

– Гобрый – отменный воин, это так, но, быть может, среди твоих приближенных найдется человек, который лучше знает слабые места вавилонских стен.

– Я не знаю такого воина среди моих приближенных, – покачал головой Кир.

Сан-Урри опустил глаза; словно звезда, угасла его надежда на чин.

С безрассудством отчаяния он сказал:

– Я к твоим услугам, царь царей и повелитель мира. Дозволь, я поведу твои полки на юго-восточные укрепления, за которыми расположен Храмовый Город. Жрецы Эсагилы будут молить Мардука подсказать им, на какую пуститься хитрость, чтобы отворить

ворота в этой части городской стены. Оглянуться не успеешь, как я с твоим войском проникну внутрь города.

Сан-Урри стоял в трепетном ожидании.

– Нет, нет, милейший Сан-Урри. Пусть все остается по-прежнему. Еще не время для твоих подвигов. Будь терпелив. Я десять лет ждал победы над Вавилонией – с того дня, как мы победили лидийцев. Пуще поражения боялся я спешки. Наберись терпения и ты.

– Государь, ты обрекаешь меня на бесконечное прозябание, бесконечное... – хмуро процедил Сан-Урри.

– Терпение и спокойствие, – повторил Кир и повернулся к Гобрюю.

Назойливость Сан-Урри внушала ему тревогу. Раздражение выдавало его честолюбивые помыслы. Это восстанавливало Кира против Сан-Урри, отбивало желание поручить ему отряд.

Но Гобрий, понимая, что гложет душу халдейского спесивца, предпочел доверить ему командование войском, стоявшим перед укреплениями Храмового Города.

– Но с повышением в чин высшего военачальника! – не приминул напомнить Сан-Урри.

– Если проникнешь в город и не дашь захватить себя в плен, царь царей пожалует тебе желаемый чин, – кивнул Гобрий, ожидая согласия Кира.

– Быть по сему, – поневоле согласился царь и приблизился к жертвенникам.

Пока остальные смиренно молились, Сан-Урри шептал:

– Буду драться, как лев, буду драться, как тигр. Сокрошу и уничтожу его. Я должен сломить его мощь, я должен смирить его гордыню, я должен увидеть его окровавленный труп.

Он думал о Набусардаре. Думал с ожесточением, до хруста стискивая челюсти. Он готов был растерзать его зубами, испепелить огненным взглядом. Лишенный пока другой возможности, Сан-Урри проклинал его пред ликом чужеземных богов, суля позорную смерть. Да не ведает он отныне ни любви, ни радости! Да оставят его отныне силы и здравый ум! Да поразят его тело ломота, язвы, проказа! Будь он проклят, проклят! Но ничего подобного в эту минуту с Набусардаром не случилось – то ли боги отвратили слух от мерзостной молитвы, то ли невластны были они причинить зло человеку.

Набусардар сидел в командной башне, венчавшей внутреннюю стену Имгур-Бел, и ждал начала штурма. Исполненный силы, здоровья и мудрости, он готовился отразить нападение персов. Он знал, что в лагере Кира молятся богам, и смотрел в бойницу на клубы дыма над жертвенными алтарями, стлавшегося над строениями Вечного Города.

Он почувствовал его аромат, когда стража раздвинула защищавшую вход завесу из металлических пластинок и в башню вошел гонец из борсиппского дворца.

– С чем пожаловал? – поторопил гонца Набусардар, прежде чем тот обратился к нему.

– С весточкой от избранницы твоего сердца, непобедимый господин.

– Что-нибудь случилось? – и Набусардар схватил протянутую ему суму из красной овчины, тщательно перевязанную ремешком.

– Я гонец радости, а не печали, светлейший, – приветливо отвечал воин, пока

Набусардар доставал из сумы серебряную дощечку и алую ленту.

– Гонец радости... да, ты прав, – отозвался верховный военачальник, улыбкой сгоняя с лица выражение озабоченности. – Письмо в Борсиппу я передам тебе позже.

Едва за воином с легким звоном сомкнулась завеса, Набусардар в нетерпении обратился к посланию.

«Великий возлюбленный мой, непобедимый Набусардар!

Пишу тебе накануне сражения. В одной из твоих книг я прочитала чудесные слова. Послушай их, мой прекрасный, ибо иных я не. желаю произнести в это мгновение: «Положи меня на сердце свое, как печать, и на руку свою, как перстень печатный, ибо любовь сильна, как смерть». О да, бесстрашный возлюбленный мой, положи меня не сердце свое, как печать, и я буду рядом с тобой в самой жестокой сече; словно доспехи своим телом защищу твою грудь от вражеских стрел. И на руку положи меня, как перстень печатный, который придаст тебе силы и сделает неуязвимым. Припадаю устами к твоим устам и шепчу: любовь сильна, как смерть, любовь сильнее смерти. Кто любит сильно, тот не умрет, – любовь надежно хранит человека, как воина хранит металлический щит. Помни об этом, мой бесценный, любимый мой. Обвей красной лентой рукоять меча – она уберезет тебя в минуту опасности. Я собственными руками вышила на ней: «Любовь сильнее смерти! Да, любовь сильнее смерти! Не забывай об этом, мой победитель. Нанаи».

Набусардар готов был тут же, немедля помчаться в Борсиппу и заключить Нанаи в свои объятия, но, глянув невзначай в бойницу, поверх крыш, увидел, что дым от жертвенных алтарей персов уже не так высок, – должно быть, молебствие скоро окончится.

Кликнув писца, он велел ему начертать на воске несколько фраз, затем перенести их на золотую дощечку и в той же кожаной суме отослать Нанаи.

Лысый мудрец уселся на пол, скрестил ноги и, положив на правое колено восковую дощечку, стал выводить резцом под диктовку Набусардара:

«Повелительница сердца моего, любовь моя бесценная!

Мне кажется, будто я жил тысячи лет назад и тысячи лет назад повстречал тебя и сразу же сказал:

«Любовь сильнее смерти». Это оказалось правдой, потому что прошло много лет, и любовь воскресила нас из мертвых, чтобы мы напомнили о ней людям в новом образе, в образе Нанаи и Набусардара.

Не забывай, вечно желанная радость моя, того, что я тебе говорил: «Ты словно денница, ты прекрасна, как месяц, чиста, как солнышко. Шея твоя словно башня из слоновой кости, очи твои – озера, отливающие изумрудом. Стан твой строен, будто пальма, а груди – как виноградные гроздья. Две алые ленты – губы твои. Речь твоя – драгоценность, кудри твои – будто стадо овец на склоне горы. Ты – совершенство, подруга моя, и все в тебе безупречно. Сестра моя, ты пленила. мое сердце, пленила взором своим, лебединой шеей своей.

Я люблю тебя, Нанаи, люблю всей душой, навеки и не могу не повторить вслед за тобою: любовь – это жизнь, любовь – сильнее смерти. Лентой твоей пурпурной я обвиваю рукоять меча и...»

Остальные слова потонули в реве горнов, который донесся с востока и обрушился на стены командной башни Имгур-Бел. Вслед за этими звуками раздался оглушительный воинственный вой, и к внешним стенам Вавилона со стороны Канала Голубых Вод устремились Кировы полки.

Стройные ряды щитоносцев, лучников, пращников, копьеносцев ошетинились оружием.

Набусардар вскочил с каменной скамьи. Алая лента соскользнула с колена под каблук тяжелого армейского башмака. Хрустнули хрупкие бусины жемчуга, но Набусардар не заметил этого. Выбежав на стену, он закричал:

– К бою! Трубачи – сигнал!

Халдейские трубы грянули на крепостном валу, первым призывным звукам пронзительно вторили горнисты, стоявшие по всей стене. С городских улиц донеслась громовая дробь барабанов. Все живое в Вавилоне было на ногах. Не столько битва, сколько то, что могло последовать за нею, удесят�еряло ужас вавилонян, сводила их с ума.

С обеих сторон просвистели первые стрелы. Стрелы персидских солдат полетели на укрепления, стрелы халдейских солдат – в ряды персидского войска. В первые мгновения это было похоже на стремительные перелеты птиц. Постепенно стрельба учащались, и вскоре в воздухе поднялся настоящий ураган. Было видно, как несколько десятков солдат Набусардара выронили луки и, истекая кровью, рухнули на камни и сползли вниз по внешней стене укреплений. Но и персидские латники падали под ноги своих товарищей, и иссохшая халдейская земля жадно впитывала теплую кровь умирающих.

Как ни странно, остальное оружие персов бездействовало. Из этого можно было заключить, что для захвата Вавилона Кир решил прибегнуть к планомерной осаде, а не к стремительному штурму. Военачальников Набусардара тревожили лишь необычайно большие разрывы между отдельными полками персов.

– Это неспроста, – заметил и Исма-Эль, руководивший обороной Борсиппы.

– Разрывы по окружности приходятся строго против крепостных ворот, добавил его помощник. – Возможно, опасаясь наших вылазок из-за стен, они готовятся зажать нас в клещи.

– Или Кир задумал ошеломить нас каким-нибудь новшеством в осадном деле...

Набусардар, поднявшийся в это время вместе с царем Валтасаром на вершину башни, тоже обратил внимание на эту странность.

– На дальних подступах видны передвигающиеся тени, – напрягая зрение, заметил он посреди разговора, – похоже, это отряды конницы. Но какой толк от конницы в начале боя, когда и ворота закрыты, и стены целы?

– Я ничего не вижу, – удрученно протянул Валтасар, – надо было надеть перстень с лигиром, который делает людей дальнoзоркими.

– Да, – равнодушно кивнул Набусардар, наморщил лоб и прищурился. – Зрение меня не обманывает, это отряды конницы, всадники в доспехах. О Ниниб, что это значит?

– Штурм! Внезапный штурм! – заикаясь выговорил царь.

– Может, они и впрямь решились на штурм вместо осады? Но будь спокоен, государь, мы это предвидели!

Набусардар сделал знак трубачам, и они сигналом предупредили воинов у ворот о приближении неприятеля.

Сквозь яростный вихрь и посвист стрел с персидской стороны слышались звуки, напоминающие набатные удары; тотчас в разрывах напротив ворот, словно из-под земли,

выросли шеренги копьеносцев и пращников.

– Они, видно, скрывались во рвах и волчьих ямах?! – вскричал Валтасар.

– Нет, государь, перед штурмом персы засыпали ямы и рвы; копьеносцы и пращники стояли на коленях меж рядами лучников, оттого мы и не заметили их. Теперь они поднимаются и заполняют разрывы против ворот. Это подготовка к штурму. К стенам направляются все новые и новые отряды!

Из-за рвов и насыпи, окружавших персидский лагерь, выныривали осадные и метательные орудия. Громыхали катапульты, баллисты, онагры. Катились подвижные башни, корзины и винеи, тараны с наконечниками в виде бараньей головы; укрепленные на тесаных деревянных стойках металлические сверла; наготове были крюки, которыми вытаскивали расшатанные кирпичи и камни из стен, лестницы, веревки, цепи.

Все это надвигалось на вавилонские укрепления в образцовом порядке и со скоростью урагана.

Набусардар кричал с командной башни:

– Трубите! Трубите! Трубите!

У ворот с внутренней стороны поднялась суматоха. Военачальники отдавали приказания, придирчиво оглядывая сгрудившихся воинов. Запасные отряды были готовы к бою. Халдейские горны без умолку возвещали тревогу.

Над стенами просвистели первые камни, пущенные персидскими пращами. В ответ вавилоняне натянули тетиву баллист. С оглушительным грохотом и воинственным ревом приближались персидские воины к стенам города. Одни – заслонившись щитами, другие – под прикрытием «черепаш», третьи – очертя голову, с одним мечом в руках, без шлема и лат. Охваченные воинственным пылом, они всем своим видом выражали нетерпение сойтись с врагом лицом к лицу. Их, горячих и отважных по натуре, не устрашала даже гибель тех, что снопами валились под ударами халдеев. Разъяренные пролившейся кровью братьев, они жаждали крови. И вот, когда мерахийцам первым удалось перекинуть бревна через защитный ров у основания крепостной стены, они набросились на сбитых с укреплений раненых халдеев и, вгрызаясь в шею, высасывали из их жил теплую кровь. Они гибли вместе со своими жертвами, пронзенные сверху копьями воинов Набусардара.

Несмотря на то что вавилоняне действовали умело и отважно, стремясь задержать продвижение персов, тем все же удалось – к одним воротам раньше, к другим позднее – подкатить громадные тараны, защищенные башнями. Затем самые отчаянные и ловкие из числа атакующих воинов, невзирая на град халдейских стрел, пробились со сверлами к стене. Под прикрытием щитоносцев они отдирали смоляную, обмазку и проворно выворачивали кирпич за кирпичом, камень за камнем, чтобы как можно скорее проделать брешь и оказаться на другой стороне, на улицах Вечного Города.

В яростное единоборство с вавилонской твердыней вступил отряд ассирийцев, входивший в состав персидской армии. Они не забыли, как царь Навуходоносор покорил их страну и превратил воспетый поэтами город Ниневию, средоточие красоты и великолепия, в груды безжизненных развалин. Зная, что в сердцах ассирийцев не погасла ненависть к халдеям, Гобрий бросил их на штурм северо-восточных укреплений, за которыми на высоком насыпном холме стоял летний дворец царя, обитель света и радости, солнечная Муджалиба. Этот уголок, с его причудливой архитектурой, роскошными террасами садов, легенды уподобляли потерянному раю первых людей, дразня и вызывая ярость сынов некогда могущественной, но пришедшей в упадок Ассирии. Ассирийцы крушили окружавшие Муджалибу стены не только сверлами, таранами и крюками; охваченные бешенством, они колотились головой о камни, кровоточащими пальцами выцарапывали кирпичи.

«Отомстите за Ниневию!» – такой клич бросил им Гобрий.

В гуле и грохоте боя слышны были только три эти слова:

– Отомстите за Ниневию! Отомстите за Ниневию! Отомстите за Ниневию! Но сокрушить вавилонские стены было не так-то легко. Требовались колоссальные усилия и время. Халдеи не испытывали недостатка в средствах, сводивших на нет разрушительную работу врага. Они опрокидывали на пришельцев котлы с кипящей смолой, бросали сверху горящую паклю, от которой занималась одежда. Точно пучки соломы, вспыхивали густые курчавые бороды, всклокоченные волосы. Раскаленными ядрами халдеи поджигали подвижные башни, виной, корзины; трудногасимыми горючими веществами уничтожали орудия неприятеля. На участке, где наступали ассирийцы, тут и там загорались гигантские костры. Баллисты метали в бушующее пламя комья сала и смолы, отчего огонь вспыхивал с новой силой. Ассирийские воины превращались в живые факелы. Выход один – отступить и искать спасения в мутной воде канала.

Ассирийцы повторили атаку, бросив в бой запасные полки, но их постигла участь первых отрядов.

Перед вторым приступом начальник северных укреплений Вавилона распорядился, чтобы обитатели, Муджалибы покинули дворец, находившийся в опасной близости к городской стене.

Царица со своим двором перебралась в резиденцию супруга. Женская половина дворца Набопаласара после долгого перерыва пополнилась наложницами из муджалибского гарема. Тут молодой царь снова увидел скифскую девушку Дарию, которую царица без его ведома приказала освободить и взяла под свое покровительство. Пустившись на хитрость, она внушила царю, будто это он сам, после поражения под Холмами, велел отворить двери темницы, так как сердце его преисполнилось сочувствием к девушке. Валтасар поверил. Всецело занятый военными делами, он вдруг подумал – а не благословят ли боги лоно дочери Сириуша и ниспошлют роду Валтасара потомка? Своими мыслями он поделился с царицей, и та, несчастная, униженная, отчаявшаяся, согласилась на все.

Царь даже почувствовал расположение к начальнику северных укреплений, распорядившемуся переселить часть муджалибского двора. А когда Набусардар, после того как была отбита вторая атака ассирийских полков, произвел его в главные начальники, Валтасар в тот же день пожаловал ему меч с золотым эфесом.

Набусардар настаивал, чтобы царь покинул поле боя и не выходил из своего дворца. Находиться на стене Имгур-Бел было далеко не безопасно, особенно когда отряд Сан-Урри, действовавший на юге, обрушил на стены Храмового Города мощные тараны. Халдейским войском на этом участке командовал Эль-Халим. Он слыл непримиримым врагом Эсагилы, и Набусардар был уверен, что Эль-Халим не прельстится на посулы верховного жреца Исме-Адада. Но опаснее уловок Эсагилы была мощь неприятеля на этом участке сражения.

Помощник доложил Эль-Халиму:

– Ворота скоро рухнут!

– Усильте натиск сверху, со стен! – приказал Эль-Халим. – Пустите в ход огонь и тяжелые камнеметы.

– Бесплезно, огонь не берет персов. На них мокрая одежда, и все осадные орудия тоже прикрыты сырыми кожами. Наши горючие вещества гаснут.

– Святая Иштар из Арбелы! – бессильно стиснул зубы Эль-Халим.

– Не помогают ни завалы из придорожных валунов, ни пальмовые подпоры, ни железные кольца... Смотри, как прогибается правая створа!

– Примем рукопашный бой. Вели трубить сигнал!

Едва он произнес это, правая створа тяжелых, скрепленных металлическими полосами ворот рухнула с оглушительным треском.

Не успели протрубить горны, как Эль-Халим увидел хлынувшую в брешь лавину персов со щитами, мечами и копьями. Вслед за густыми рядами пехотинцев показалась закованная в броню конница. На конце длинных копий сверкали острия и крюки, которые невозможно вытащить, если они вопьются в тело.

Эти крюки запомнились Эль-Халиму. С таким же копьем на статном жеребце сбоку отряда скакал военачальник, – по всей видимости, предводитель персов. Под красным плащом у него сверкал меч;

Эль-Халим отметил про себя, что меч скорее халдейский, нежели персидский. Да и красный плащ отличался от плащей персидских военачальников.

Впрочем, все это он увидел лишь мельком. Картина боя да подступах к городу теперь резко изменилась. Солдаты Кира устремились в пролом. Неудержимая лавина персов заслонила от Эль-Халима ближние рубежи. Он хотел было подняться в свою командную башню и оттуда оглядеть окрестности, но какой в этом был теперь смысл? Теперь надлежало стоять там, где была твердая почва под ногами.

На улицах Вечного Города загремели персидские мечи. В отличие от устарелого тяжелого оружия, каким приходилось сражаться части вавилонских солдат, мечи эти были более легкими и обоюдоострыми. Зато халдеи были вооружены превосходными дротиками!

Давно людской взор не созерцал сечи, подобной той, –какая разгорелась у Южных ворот. Она напоминала ярость разбушевавшихся стихий, изображенную на стенах и плафонах ападаны.

Воины Эль-Халима дрогнули. Одни бросились к Эпатутиле, храму бога Ниниба. Другие спасались бегством в направлении Эсагилы. Третьих наемники Кира гнали вдоль стены Имгур-Бел на север. До Верхнего Города, обиталища вавилонских вельмож, богачей и купцов, славившегося своим роскошным торговым кварталом, было уже рукой подать. Прорыв персов поверг вавилонян в ужас.

Но Эль-Халим не утратил присутствия духа. Это был старый опытный боец, принесший своей державе не одну победу. Он поскакал к оставленным в резерве отрядам и немедленно повел их на врага. Туго пришлось и Набусардару. Один отряд послал он на помощь Эль-Халиму и теперь сам с горсткой воинов сражался у внутренней стены Имгур-Бел.

После яростных схваток наемники Гобрива кое-где отступили. Свежие силы халдеев во главе с Эль-Халимом оттеснили левый фланг варваров к горловине ворот. И тут из Нижнего Города пришла нежданная подмога от военачальников Акур-Сина – отряд метателей с грохотом подкатил свои баллисты и камнеметы, стрелявшие пучками стрел и раскаленными фарфоровыми ядрами. Стрелы впивались в тела врагов, словно жала шершней. Они пробивали шеи, черепа, выжигали глаза. Перед подобным оружием бессилен даже верткий обоюдоострый меч, каким бы превосходным он ни был.

После таких кровавых испытаний солдаты Кира, славившиеся бесстрашием и воинственностью, сочли за благо отойти. Но это не спасло их от саднящих ран и смерти; тогда, в поисках спасения, они обратились в паническое бегство.

В этот момент на горизонте, словно кровавый смерч, появился одетый в пурпурный плащ

всадник на ретивом скакуне. Он прокладывал себе дорогу, рубя мечом направо и налево, не разбирая, где голова халдея, а где перса, безжалостно поражая всякого, кто попадался на пути. Точно обезумевший слепец, косил он живых и мертвых, напролом стремясь к своей цели.

Персидские латники, знали, что это новый предводитель Сан-Урри; воинов же Набусардара сбил с толку его ярко-красный плащ из сидонского пурпура – они приняли всадника за халдейского военачальника. И снова в глаза Эль-Халиму бросился наконечник копья с крюком, которое держал в свободной руке неистовый рубака. Словно вещий сон, копье не выходило у него из головы. Оно угрожающе маячило перед глазами, и в какой-то момент Эль-Халиму почудилось, что копье нацелено прямо в его коня.

В тот же миг жеребец под огненно-красным всадником взметнулся на дыбы, и Эль-Халим увидел лицо, искаженное дьявольской усмешкой.

– Сан-Урри... – прошептал он в изумлении.

Залитый потом и кровью, Сан-Урри расхохотался. Он ослабил поводья, и высколенный жеребец, перемахнув через груды трупов, оказался на расстоянии копья от Эль-Халима.

В ослепительном сиянии сверкнул наконечник с крюком, и в тот же миг Эль-Халим почувствовал удар коварного оружия: С яростью зверя Сан-Урри всадил копье прямо в лицо Эль-Халима. Брызнула кровь, и Эль-Халим испустил дух. Сан-Урри сдернул его с седла и, пустив лошадь галопом, на копье поволок труп халдейского военачальника к Киру.

Расправа произошла на глазах у растерявшихся халдеев, и когда персы были оттеснены за крепостные стены, один из военачальников поспешил известить Набусардара о страшном конце Эль-Халима.

– О, дьявол – вскричал Набусардар.

– На нем был такой же плащ, как у наших, Эль-Халим вовремя не узнал подлеца.

– О, дьявол! – повторил Набусардар, скрежеща зубами. – Не будь мои воины так изнурены жестокими схватками, я приказал бы преследовать его до самой огнедышащей преисподней.

– Война еще не кончена, светлейший. Сан-Урри не уйдет от своей судьбы.

– Дьявол! – задыхался Набусардар. – Даю голову на отсечение, что на его черной совести падение Мидийской стены. Я давно подозревал, что он продался персам. Однако ты прав – война еще не окончена.

Да, война еще была не окончена. Ее демоны ненадолго притихли лишь на подступах к Вавилону, а на подступах к Борсиппе полыхало яростное сражение.

Убедившись, что силы Кира так невелики, командующий Исма-Эль решил предпринять вылазку. Атака следовала за атакой, и после каждой из них на поле брани оставались груды трупов. Солдаты обеих сторон возводили из тел павших товарищей укрытия, прячась за которыми вели стрельбу. Но через некоторое время Гобрию все же пришлось ретироваться к Большому каналу, и до персидских отрядов, штурмовавших подступы к Вавилону, дошел слух, что их соратники обречены.

Тогда Кир лично возглавил войско, стоявшее с восточной стороны города, а Гобрия послал к Борсиппе.

Чтобы попасть к западным стенам города, нужно было переправиться через Евфрат. С этой целью в верховьях реки, выше города, персы поставили пятнадцать судов. Это

были суда, на которых финикийские купцы везли Валтасару кипрских красавиц. Суда охранял отряд конницы и отряд пращников. По приказу Исма-Эля халдейские солдаты днем и ночью метали в них увесистые камни из онагр и горящие стрелы из катапульт и баллист. С риском для жизни персы ведрами поливали зыбкие суденышки, но предотвратить беды не смогли. В вихре пламени вспыхнули три корабля. Языки огня жадно облизывали их, трещали бревна, доски, смола.

Гобрий переправлялся по ним на другой берег. Он едва спасся, вовремя спрыгнув с коня, который застрял меж бревнами.

Сперва он колотил его каблуками по брюху, крича:

– Но! Но! Пошел!

Но конь проваливался все глубже. Тогда Гобрий выпрыгнул из седла и вскочил на другую лошадь.

– Да нашлет на них Ариман чуму! Да отсечет им Ассур руки и ноги! – бранился он, погоняя жеребца.

Багровый от ярости, примчался Гобрий на поле боя под Борсиппой и тут же повел за собой оттесненное халдеями войско. Разыгралась нещадная сеча. Она длилась несколько часов. Обе стороны совершенно выбились из сил. Захватив пленных, Исма-Эль укрылся за стенами города.

Несмотря на то что после этого побоища грохот войны на несколько дней умолк, именно тогда произошло роковое для Вавилона событие: сами того не ведая, халдеи вместе с пленными наемниками впустили в свой город горстку персидских лазутчиков во главе с Элосом, переодевшимся солдатом Набусардара.

* * *

Два трофея лежали перед великим Киrom. Склонив голову, потемневшим взглядом смотрел он на них. Тяжелы были его думы, душа ныла. Не так-то легко оказалось взять Вавилон. Все атаки персов разбились о мощь армии Набусардара. Кир скорбел о неисчислимых жертвах и в душе называл себя преступным расточителем, легкомысленно бросившим свое войско в пасть смерти. Горестный получался итог, если сравнить потери и добычу.

Добыча незначительна.

Во-первых, бездыханное тело Эль-Халима, за него скрепя сердце пришлось возвысить тщеславного мерзавца Сан-Урри.

Во-вторых, каменная плита с надписью царя Сарданапала; ассирийцы сорвали ее со стены Имгур-Бел и с величайшей гордостью сложили к стопам повелителя мира, царя народов.

Сколько пролито человеческой крови, сколько ран, сколько страданий, а в награду – столь ничтожная добыча...

– Оставь! – Он махнул рукой и поднял взгляд на покрытого грязью и нечистотами

ассирийца, который, скрываясь от халдеев, прополз с плитой Сарданапала по дну сточной канавы.

– Она относится к тому времени, царь царей и повелитель мира, – сказал ассириец, – когда Вавилоном правили ассирийские цари. Обрати свой взор к этой надписи и прочти ее.

– Оставь! – снова махнул рукой Кир, но, подумав, что не годится пренебрегать добычей, составляющей гордость его воинов, пробежал надпись глазами.

Ассирийский правитель бахвалился в таких выражениях:

«Мардуку, властелину всякой твари в царстве игиги и ануаки, создателю небес и тверди земной, зиждителю судеб, обитателю Эсагилы, владыке Бабилу, вседержителю, во славу и хвалу воздвиг я стену Имгур-Бел. Я – Сарданапал, великий царь, могущественный царь, царь всевластный, царь страны Ассур, царь четырех стран света, сын Асаргаддона, великого царя, могущественного царя, царя всевластного, царя страны Ассур, владыки Вавилона, царя Шумера и Аккада, внука Синахерибба. великого царя, могущественного царя, всевластного царя, царя страны Ассур...»

– А-а! – в третий раз махнул рукою Кир.

– Когда-то наши цари были великими, – приосанился ассирийский воин, – великим и славным было наше прошлое. Могущественный Вавилон и тот склонил перед нами главу, а покорить Вавилон – не легко.

Глаза персидского властелина налились кровью.

– Да... – не сразу ответил он.

– Что прикажешь делать с плитой, повелитель мира? Не прикажешь ли укрепить ее над входом в твой шатер, чтоб распалить халдеев?

– Нет! – отрезал Кир. – Унесите ее в свой лагерь, пусть эти слова распалют души ассирийцев, пусть напоминают вам о том, что ваши предки покорили Вечный Город. Пусть при виде этой плиты оживет в вас воинственный дух предков!

Воины подхватили каменную плиту и, послушные велению царя, улюлюкая, понесли ее к лагерю.

– А что с этим? – спросил Сан-Урри, указывая на труп Эль-Халима.

– Бросить в канал! – сказал Гобрый.

– Нет, нет! – насупился Кир. – Такой храбрый воин, как Эль-Халим, заслужил от персидского царя гостеприимство и почести. Выройте для него глубокую могилу. Тело покройте плащом и сверху положите шлем, панцирь и меч мертвого. По углам могилы воткните четыре длинных копья для навеса из пурпура. Трижды по семь дней будет Эль-Халим моим гостем. Каждый день в его честь закалывайте быка, подносите ему в золотых чашах вино искристое и белый хлеб в корзинах из серебра. Ты, Гобрый, мой главный военачальник, выбери самую красивую наложницу из моего гарема и прикажи ей каждый вечер умащать свое тело благовониями и проводить ночь под пурпурным балдахинном. Пусть, подкрепившись добрым бычьим мясом, крепким вином и пшеничным хлебом, Эль-Халим потешится с нею.

Все было исполнено, как приказал царь. Благовония курились возле могилы воина, и пурпур колыхался над нею. Самая обольстительная из всех наложниц Кира ежевечерне ступала под его сень и, распростершись на шелковой подстилке, сладострастно призывала Эль-Халима.

А пока все это происходило, персидские солдаты кричали стоявшим на стене халдеям:

- Смотрите, какие почести оказывает наш повелитель пленному халдею!
- Мясом, вином да белым хлебом потчует гостя!
- Слава нашему царю!
- Да живет вечно Кир!

Но они бросали слова на ветер. Халдейские воины с отвращением наблюдали за тем, как воздаются почести мертвому Эль-Халиму. Чтобы показать чванливым персам, во что ставят они их почести, халдеи на шестой день, день священнодействия магов, усеяли землю под вавилонскими стенами отрубленными головами персов. Баллисты забрасывали их к самому шатру Кира; халдеи метали из катапульт даже отсеченные руки и ноги. А чтобы умиловить разгневанных богов, тяжелыми онаграми швыряли изуродованные трупы.

Персидское воинство пришло в ужас, а в душе Кира разразилась буря. Военачальники некоторых полков осаждали Гобрива, пытались через него воздействовать на царя и убедить его отказаться от намерения взять Вавилон. Время идет, запасы съестного, ядер и стрел тают на глазах, ряды персидских воинов редеют, а город Мардука стоит и стоит.

Но в ответ на их просьбу Кир, побагровев, отрезал:

- Нет! Мы снова пойдем на приступ и поведем беспощадную осаду, не отступим до тех пор, пока Вавилон не падет к моим ногам.
- Я не ожидал, что армия Набусардара окажет столь упорное сопротивление, - сказал Гобрив.
- А я знал, я был готов к этому. Никогда не рассчитывал я на слабость армии Набусардара. Я предвидел, что против него нам придется применить особое оружие. Мы будем стоять у ворот Вавилона до тех пор, пока у них не иссякнет провиант. Я возьму их измором!
- А если на это потребуется год?
- Хоть год.
- Может статься, предусмотрительный Набусардар сделал запасы на два-три года.
- Позови ко мне Сан-Урри, - ответил на это Кир. На все вопросы персидского царя Сан-Урри кивал головой, щуря под пронизательным взглядом владыки мира и без того узкие щелки глаз.
- На сколько лет запаса провиантом? Ты был помощником верховного военачальника, ты должен это знать.
- Набусардар готовился к длительной войне. Царские житницы полны ячменем и пшеницей, сушильни - мясом, подвалы - маслом и вином.
- В таком случае, - проговорил Кир, в упор глядя в глаза Гобриву, - в предстоящем сражении главной задачей твоих воинов будет пробраться к житницам, сушильням и подвалам с припасами. И да гласит твой девиз - жечь, жечь, жечь!
- Осмелюсь заметить твоему царскому величеству, - вставил Сан-Урри, - урожая с

вавилонских полей хватит на целый год. Так что, если даже житницы и сгорят, новый урожай возместит убытки.

– Мы подождем их поля накануне жатвы. Ни единого зернышка не должно попасть в закрома. Виноградники опустошим камнеметами, а на их скот наши маги с божьей помощью нашьют мор. Отравим питьевую воду, уничтожим все, чем они кормятся. Тогда они приползут ко мне на коленях и будут лизать пыль с моих башмаков и заплетающимся языком молить о пощаде. Ты понял меня, Гобрий?

Хотя он произносил фразу за фразой с самоуверенным видом, в голосе его сквозила горечь и тень омрачала его ясное чело.

– Да, – запнувшись, неуверенно ответил Гобрий.

– Да! – вскрикнул всемогущий царь и судорожно впился пальцами себе в лицо; из груди вырвался хриплый, воющий стон.

Помедлив, Кир проговорил:

– Речи мои мерзки и спесивы. Отчего я так говорю? От отчаяния, верно... – Он криво усмехнулся. – Верно, я теряю рассудок при виде вавилонских стен. Что ж, они могучи, – он снова усмехнулся про себя, – но неужто персидский царь слабее их? Не верю я этому, не верю, Гобрий!

Склонив голову, Гобрий ждал приказаний.

– Мы возьмем Вавилон измором, Гобрий. Не приступом, а осадой и истреблением запасов истощим халдеев. Пусть твои воины не дают им покоя ни днем, ни ночью, понимаешь, ни днем, ни ночью!

Несмотря на жару и усталость, персы непрерывно совершали нападения на Вечный Город. Стычки измотали солдат Набусардара, приходилось все время быть начеку.

Случалось, персы группками проникали в город, прятались в садах, храмах или жилищах тех, кто ждал от Кира избавления. А через день-другой вдруг загоралась какая-нибудь из царских житниц. Нередко поджигателей ловили на месте и тут же учиняли над ними расправу. Но что значила жизнь для одержимого перса – он сделал свое дело, и это было для него главным. Одна за другой исчезали вавилонские житницы.

Медленно тянулся год, и люди с нетерпением ждали новой жатвы, но в пору буйного созревания вавилонские нивы и виноградники охватили пожары. В водоемах поселились демоны и увлекали человеческие жизни в царство теней, в царство смерти. А во время одной из стычек персам удалось через проломленные ворота загнать в город стадо зараженных чумой волов. Ужас угнетал души халдеев; ежедневно на них обрушивались все новые и новые беды. Неизбывное горе тех дней стерло улыбку с их лиц, потушило блеск в глазах, погасило огонь в крови. Жизнь в городе превратилась в жалкое, горестное прозябание. Вавилон, гордость мира, напоминал надломленный стебель золотистого лотоса, горделивого златорогого оленя, стремительный бег которого оборвала стрела охотника. Истощенный, измученный, израненный, он тем не менее покорялся.

Да, Вавилон стоял, стоял наперекор всему!

Минул год. Пошел и второй – год больших надежд царя Кира: персидский властелин уповал, что голод наконец скосит все живое за неприступными стенами.

Но Вавилон стоял.

На исходе третьего полугодия Кир призвал мудрейших из магов, и велел им воззвать к

звездам. Как и прежде, сверкание светил пророчило: сын Камбиза, внук Астиага, сломит мощь Мардукова города.

– Сломит! – отчаянно воскликнул царь, – Сломит... Только это и слышу от вас, скажите лучше: кто потворствует Вавилону?

Главный маг услужливо ответил:

– Ниниб, податель силы, обитающий в Эпатутиле. Надо лишить город его бога, и тогда, о царь царей, врата Вавилона раскроются перед твоим войском.

– О! – вспыхнул Кир. – И для этого понадобилось полтора года! Почему вы не открыли мне этого раньше?

– Благоволение звезд неисповедимо, – увещевал его маг, – им угодно было открыть тебе это только теперь, однако теперь они открыли тайну будущего, простой же смертный узнал бы ее лишь на скорбном одре.

– Ты хочешь упрекнуть меня в неблагодарности?

Или, может быть, в том, что я забывал богов?

Он запустил руку за пояс и, достав золотую цепь, бросил ее магу на протянутые ладони.

– Да благословит тебя Ормузд, царь царей, – склонился мудрец и погладил пальцами драгоценную цепь.

– Вы утверждаете, что я наверняка сломя мощь Мардукова города?

– Клянемся богами.

– Ступай же... а ты, Гобрий, вели Сан-Урри выкрасть из Эпатутилы бога Ниниба.

Сан-Урри тщательно все обдумал и решился на вероломный шаг. Он знал панический страх халдеев перед мертвыми. Религия повелевала истинно верующим исполнять любое желание мертвеца, когда тот являлся им. Этим-то и задумал воспользоваться Сан-Урри. Рассчитывая на простодушие стражников, он облачился в одежды Эль-Халима.

И однажды ночью, когда небо струило на дворцы свою прохладу, под стенами Вавилона снова появился огненно-красный всадник. За спиной у него развевался плащ Эль-Халима, на голове поблескивал шлем Эль-Халима, в руке – меч Эль-Халима с драгоценным эфесом; лицо военачальника было закрыто черным покрывалом.

Сопровождали его двадцать всадников в дорогих латах.

Ровно в полночь, когда души мертвых выходят из могил, Сан-Урри постучался в Южные ворота.

– Кто ты? – послышался голос стражника.

– Я призрак Эль-Халима и направляюсь к Нинибу с просьбой воскресить меня.

Солдат в ужасе попятился и растолкал спящих товарищей.

Те с перепугу залязгали зубами, стали кричать привидению:

– А кто это с тобой?

– Это мои воины из царства душ. Давящая тишина воцарилась под сводами башни, страх и удивление отразились на лицах вавилонян.

Сан-Урри упрашивал:

– Пропустите своего военачальника к Нинибу, чтобы бог снова влил кровь в его жилы. Пропустите меня к Нинибу, и я восстану из мертвых. Я знаю, как сокрушить персов и изгнать их из наших пределов. Как только Ниниб вдохнет жизнь в мои члены, на ваших глазах свершится чудо. У стен Вавилона не останется ни одного пришельца.

Кто не мечтал дожидаться дня, когда наконец-то умолкнет бряцанье оружия? Кто не мечтал свободно вздохнуть на вольной земле?..

Ворота отворились и коварный Сан-Урри не спеша пересек на своем жеребце черту города. С ним двадцать вооруженных всадников на закованных в доспехи конях. Они направились прямо к Эпатутиле.

Храм пуст. Лишь у алтаря, в чашах металлических светильников, мерцают одинокие огоньки. Перед алтарем, творя молитву в ночной тиши, стоит на коленях жрец.

С десятью самыми сильными воинами Сан-Урри неслышно подкрадывается к священнослужителю и вонзает в спину меч. Вытерев окровавленное лезвие о белую жреческую ризу, он приказывает переодетым персам вынести из храма статую Ниниба. Статуя тяжела даже для десятка молодцов, но безмерное тщеславие Сан-Урри не знает снисхождения. Накинув веревки, солдаты сваливают статую божества, сделанную из дерева усу и чистого золота, № волокут ее к выходу. В тени сикоморов они привязывают Ниниба к восьмерке лошадей и мчатся назад к Южным воротам.

Подскакав к халдейским стражникам, Сан-Урри выпаливает, еле переводя дух:

– Эль-Халим воскрес, радуйтесь, на ваших глазах свершится чудо. К восходу солнца кончится война.

И снова распахивают ворота. Ни тени подозрения в душах, их покорили слова обещания – к восходу солнца кончится война!

Первые лучи взметнулись из-за Тигра, возвещая рассвет. Остроконечные золотистые спицы вонзились в землю страны Субар. От горизонта покатились огненная колесница Шамаша. Добрый бог щедро одарял мир теплом и светом.

Затаив дыхание, взирали на небо халдейские стражники, ожидая обещанного чуда. Двое из них, едва забрезжило, поспешили уведомить о случившемся Набусардара.

Тот пришел в ярость. С первых же слов он понял, что дело нечисто. Набусардар не верил в чудодейственную силу статуи Ниниба, мысль о том, что его воинов так легко обманули, приводила его в бешенство.

– В темницу этих трусов! – кричал он. – Сменить стражу у Южных ворот! Всех в темницу! Всех, всех!

Весть о похищении статуи Ниниба, бога силы, с быстротой молнии облетела город. Новые страхи и мучительные предчувствия схватили вавилонян в свои когти.

Страх достиг наивысшей точки, когда в предполуденные часы персы начали бешеную атаку на всех подступах к Вавилону и Борсиппе. Несколько дней не на жизнь, а на смерть рубились обе стороны. Кир был убежден, что теперь-то, когда выбита главная опора, Вавилон падет.

Но Вавилон все стоял и стоял.

Натиск и упорство Кира постепенно спадали, точно ости с пшеничного колоса. Кира то брало отчаяние, то обуревал гнев, порою душевные силы его сдавали. Он не допускал мысли о том, что сражение может быть проиграно, что солдаты станут жертвой легкомысленной игры. Надежды и сомнения вихрем переплетались в его измученном мозгу.

Единственным ободрением для него были все новые и новые заверения магов, что город Мардука падет от его руки, но этот час еще не пробил.

Был на исходе второй год осады. Подавленный, Кир сидел под сенью шатра. До слуха его доносился стук ручных мельниц – в тот день солдаты мололи пшеницу и пекли хлеб. Шорох и поскрипывание жерновов раздражали царя, и без того не находившего себе покоя.

Не сдерживаясь, он раскричался на магов:

– Сегодня же ночью еще раз спросите, что скажут звезды! Боги ли, демоны ли откроют час падения Вечного Города, мне уже все едино!

Ясновидцы на цыпочках покинули шатер, и в тишине снова затарахтели мельницы. Их назойливый шум изводил Кира.

– Ох, еще эти мельницы, – простонал он. Стиснув виски ладонями, он поднялся, чтобы выйти. Перед шатром Кир заметил несколько седовласых, бородатых старцев в черных балахонах. Они кланялись ему у приоткрытого входа и кричали через головы его телохранителей:

– Борух габо! Да сияет слава и мудрость Кира! Царь окликнул начальника стражи:

– Кто такие?

– Послы иудеев с Хебара, – ответил тот. Кровь прилила к лицу персидского владыки. Нет, сегодня он их принять не может. Сегодня пусть оставят его в покое.

Но старцы пали на колени и начали биться лбом о землю, моля владыку мира преклонить слух к их смиренным речам.

– Войдите, – угрюмо уступил наконец Кир.

– Мы принесли тебе, искупитель народов, ключ от врат вавилонских.

– Ключ от врат вавилонских? – Царь едва не пошатнулся.

Самый древний из старцев достал из-под полы длинного балахона обмотанную холстиной книгу и положил на ее верхнюю дощечку морщинистую ладонь.

– Здесь, царь царей, указан путь к твоей победе. Кир недоверчиво нахмурился.

– О славнейший из владык, – убежденно проговорил третий посол. – Пока ухо не услышит, сердце не поверит. Мы же готовы пожертвовать жизнью в знак того, что веруем в твое великое начинание. Свидетельством тому – строки этой книги. Дозволь разложить перед тобою дощечки, и если у тебя хватит терпения выслушать хотя бы одну небольшую главу, вовек будешь благословлять этот день.

– Сядьте, – повелел им Кир, – а ты, – он кивнул старику, который держал книгу, – читай!

Царь опустился на широкое, покрытое алым сукном ложе. Поначалу равнодушно,

перемогая себя, внимал Кир чтецу, но потом стал вслушиваться.

Старик кончил читать и положил изрезанную морщинами ладонь на верхнюю дощечку. Широко раскрытыми темно-серыми глазами он с беспредельной верой смотрел на Кира. Вот оно, слово, способное открыть врата Вавилона, сокрушить его стены, поколебать трон. Вот оно, слово, которое десятки лет дремало, неведомое, в глиняной оболочке, чтобы в один прекрасный день ожить и восстать на поработителей, имя которому – Город Мардука.

Так думал величественный старец с берегов Хебара; не дождавшись от Кира изъявлений восторга, он молвил, вызывая царя на разговор:

– Вот и все, царь царей.

– Да простит меня Ормузд, – отозвался Кир, – но я не догадываюсь, в каком слове сокрыт дар, о котором вы говорите. Сколько брошено на ветер речей, вот таких же речей, никчемных, пустых!

Кир в раздражении поднялся с ложа. Его пронизывающий, зоркий взгляд блуждал по земле, по стенкам и куполу шатра, пока не остановился на лице чтеца.

– Я говорю, что, не понимаю; смысл не совсем ясен для меня, – нахмурился Кир.

– Мы прочитали тебе о том, как однажды вавилонская царица Нитокрис подвиглась на некое деяние. Она построила мост через Евфрат, мост, который долго почитался чудом света, – не меньшим, чем было бы теперь покорение Вавилона.

Толкователь предания помолчал.

– Продолжай, – голос Кира стал строже, – не люблю, когда умолкают на полуслове. Какая связь между делами царицы Нитокрис и войной с Вавилонией? Да осенит меня Ормузд – разум мой нынче помрачен. Чего вы от меня хотите?

– Вели своему войску отойти от стен Вавилона и до поры не вступать в сражение, покамест не будет на то нужды.

– Но халдеи нападут на нас, увидев, что мы сложили оружие. Твой совет мне не по душе. Или ты задумал меня провести?

– Доверься мне, царь царей. Мы ли не жаждем скорейшего вызволения из вавилонского рабства?! Ради этого иудеи готовы служить тебе и почитать тебя как своего царя. Дай нам оправиться – и наша страна безропотно станет платить тебе дань. Не было и не будет у тебя слуг преданнее нас. Если не веришь на слово, царь царей, мы согласны составить уговор. Ты показал себя милосердным властелином, и евреи с берегов Хебара присягают тебе на верность. Хебар радуется твоим победам и распевает псалмы в честь избавителя. Но еще гибнут от мечей халдеев наши братья в еврейском квартале Вавилона, и чем скорее ты вступишь в город, тем больше их будет спасено.

Потому-то, владыка мира, мы и прибыли; прибыли, чтоб укрепить в тебе веру и помочь советом.

– Видно, ты знаешь, как проникнуть за крепостную стену?

– Знай, царь царей, – кивнул старец, – но твой ум пронизателен, и ты по примеру царицы Нитокрис, о которой вспоминали мы, старейшины еврейской общины на Хебаре, сам найдешь верный путь.

– На войне дорога каждая минута, – внешне более спокойно заметил Кир. – Если ты знаешь способ, не таи этого от меня. Обещаю вызволить из вавилонского плена ваших

братьев и отпустить их в Иерусалим. Сверх того, получите от меня золото на постройку жилищ.

– И еще одно, сын Камбиза...

– Проси, чего хочешь!

– ...Навуходоносор похитил из храма Соломона четыре с половиной тысячи золотых сосудов и немало священной утвари. Ныне все это хранится в святилище Мардука. Обещай нам, что изымешь наши сокровища у Эсагила, – это она перенесла их из царских подвалов в Храмовый Город.

– Эсагила?! – вырвалось у Кира.

– Да, Эсагила. Жестокая повелительница Вавилонии. Она отняла у нас детей и принесла их в жертву Мардуку.

– Довольно! – Движением руки царь прервал старика и задумался.

В памяти его всплыло все, что он слышал о недостойном поведении жрецов Храмового Города. Но еще не настала пора рассчитаться с теми, кто творит беззакония. К тому же Эсагила предусмотрительно заручилась его защитой, передав в качестве откупа план Мидийской стены. Обязательства тревожат его, но что значит эта тревога в сравнении с теми муками, которые доставляют ему несокрушимые стены Вечного Города! Кир велел старцам, коль скоро они на деле хотят ему помочь, выложить все без утайки.

И те рассказали ему о том, как великая и мудрая владычица, задумав построить Макат Абарти Пуратту, мост через Евфрат между Вавилоном и Борсиппой, приказала сперва вырыть южнее Борсиппы обширный водоем, а также каналы выше и ниже этого водоема, при помощи которых были отведены воды Евфрата, и его русло стало сухим. Когда замысел премудрой царицы был воплощен и первые путники перебрались с Мардукова берега на берег Набу, Нитокрис велела вернуть воду в русло Евфрата.

– Край, где находится бывший водоем и каналы, о владыка владык, ныне в твоих руках, – многозначительно заметил один из послов.

– Я проходил через эти края, но не видел ни водоемов, ни каналов.

– Они занесены песком.

– При царице Нитокрис их без усталости углубляли и, наполняя водой, орошали поля. Но с тех пор многое изменилось. О них давно уже никто не заботится, и ветры засыпали их песком.

– Царь царей, прикажи снова расчистить каналы и водоем, и тогда халдеи познают всю пагубность твоего деяния.

– О! – воскликнул Кир. – О мудрые мужи!

– Ты догадался, избавитель поработенных! Догадался и уже видишь, как по осушенному руслу Евфрата твое войско проникает в город? Теперь ты согласен, что мы явились, не зря?

– Признайтесь, кому из вас пришла в голову эта мысль? Если Тот человек не пренебрежет моим даром, я увенчаю его голову золотым венцом.

– Не золото, – назидательно заметил Киру самый древний из старцев, – но, дела твои послужат нам величайшей наградой.

* * *

К вечеру того же дня персидский владыка проследовал в свою передвижную башню и провел в ней всю ночь наедине со своими тревожными мыслями. Когда под утро он вышел оттуда, лицо его было изборождено морщинами – следами тяжких раздумий и бессонницы. Вид у Кира был усталый, измученный, но в голове его созрел план действий, и это придавало ему сил.

На востоке занималась заря, рассветные лучи гасили сияние звезд. В воздухе еще веяло ночной прохладой, приятно освежавшей после дневного зноя. Кир полной грудью вдохнул эту свежесть и вошел в свой шатер, где по его приказанию уже собрались все военачальники.

– Тебе, Гобрий, поручаю, – начал он, – отвести персидское войско от стен Вавилона.

– Царь царей! – изумленно воскликнул тот, полагая, что владыка лишился рассудка.

– Да, да. мы отступим, но это не значит, что мы складываем оружие. Просто мы отойдем на дальние подступы, чтобы подготовиться к зиме.

– Твое величество намерено отложить штурм до весны? – осведомился Сан-Урри.

– Наберитесь терпения и усердно исполняйте мою волю. Скоро вы узнаете, зачем это нужно. Пока же повелеваю: отвести армию из-под Вавилона и ждать моих приказаний. Армию, отведенную из-под Борсиппы, разделим на две части. Отыщем занесенное песком озеро царицы Нитокрис и занесенные песком каналы выше и ниже этого водоема. Одна часть армии будет расчищать их к северу, другая – к югу. Достигнув русла Евфрата, вы натолкнетесь на старые плотины. Плотины оставьте в грунте, но сделайте так, чтобы в нужный момент их можно было легко открыть. Русла каналов послужат нам надежным убежищем на зиму. Если же неприятель вынудит нас покинуть его, мы немедленно пустим в каналы воду.

– Видя, что мы покидаем поле боя, халдеи не преминут воспользоваться этим. Войско Набусардара бросится вдогонку и, чего доброго, оттеснит нас к самой границе, – запальчиво сказал военачальник Зария.

– Я все обдумал и взвесил, – возразил царь, – Набусардар не решится преследовать нас, для этого ему понадобится сильная конница, сильнее, чем наша.

– Да, – подтвердил Гобрий и поднял руку, в которой он держал плоскую стрелу, испещренную таинственными знаками и помеченную именем Элоса. – Когда ты, уединившись, о могущественный мой повелитель, обдумывал дела, к моей башне в сумерках прилетела стрела, вот эта стрела. Новое донесение Элоса, где говорится как раз о халдейской коннице. Она столь малочисленна, что нам не о чем тревожиться.

– Прекрасно! – Глаза Кира повеселели. – Прекрасно! Элос не обманул наших надежд. Мой Устига избрал себе достойных преемников. Мой Устига... несчастный... Что нового проведал о нем Элос? Сикара, тебе доносят о нем наши лазутчики из Вавилона. Что с моим Устигой, с моим возлюбленным Устигой?

Сикара молчал, будто у него отнялся язык.

Предчувствуя недоброе, царь вскричал:

– Он мертв? Неужто Набусардар дерзнул предать его смерти? Отравил гаомой или пронзил его сердце копьем? За это я сровняю Вавилон с землей!

– Он еще жив, но дни его сочтены. Устига умирает в борсиппском подземелье. Если тебе дорога его жизнь, повелитель мира, как можем мы отойти от стен Вавилона на всю зиму? Устига не дождется весны, не доживет до нашей победы.

– А дочь Гамадана тоже в Борсиппе?

– Да, она живет во дворце Набусардара, просвещеннейший из царей. Говорят, она подобна богине. Недаром, о, недаром перед ней не устоял даже Устига – муж, сильный духом.

– Слышал я от Забады, что и она его любит, крепко любит моего Устигу. Но и того, другого, тоже любит, а женщины часто поступают опрометчиво, когда страсть разрывает их сердце надвое. Говоришь, она подобна богине... Когда мы вступим в Вавилон, позаботься о том, чтобы доставить эту девчонку в мой гарем. Или... – царь запнулся, – прямо в мой шатер... Не для меня, нет, для Устиги моего возлюбленного. Человека легко прельстить красотой, ею нетрудно совратить и душу царя... Ты полагаешь, Сикара, чувство Устиги столь сильно, что он способен простить ей измену?

– Мне это неведомо, великий мой повелитель. Одно могу сказать – за измену Нанаи уже заплатилась жизнью ее отец, старый Гамадан.

– Что ты приказал с ним сделать? – испугался Кир.

– Я приказал сжечь его заживо.

– Да простит тебя Ормузд, но суд над ним ты должен был предоставить Устиге, как я предоставляю ему суд над нею.

Сикара опустил голову в знак раскаяния.

– Сожалением дела не поправишь; в другой раз, прежде чем что-либо совершить, хорошенько подумай, чтобы не просчитаться. Это относится ко всем, – заметил царь и напутствовал военачальников призывом беспрекословно выполнять приказания Гобрия, как если бы это были его собственные приказания.

Оставшись наедине с доблестным, верным и рассудительным Гобрием, Кир сказал:

– Я утаил от подчиненных тебе военачальников свои замыслы. Не сомневаюсь в их преданности, но демоны неустанно сеют зло в умах человеческих. А значит, возможна измена. Одному тебе я доверяю вполне. Итак, слушай, мой храбрый Гобрий. Каналы, которые мы расчистим, понадобятся нам не для зимовки, а для отвода воды из Евфрата. Спустив воду из той части русла, что проходит через город, мы выберем удачный момент и по дну реки незаметно проникнем в Вавилон. Думается, самое подходящее для этого время – осенний праздник Сбора плодов. Отступление нашей армии из-под стен Вавилона халдеи наверняка сочтут признаком нашей усталости и бессилия. Через расположенных к нам эсагильских жрецов надо будет тайно передать условный наказ Элосу. Халдеи наверняка обрадуются нашему уходу. Тогда Элос и другие лазутчики постараются побудить халдеев праздновать победу над персами в день Сбора плодов. Пусть они раздражают людей, пусть напомнят им о вкусе вина и жирного воловьего мяса; пусть, играя на их слабостях, разожгут у них аппетит и соблазнят пиром. Пусть еще раз вскипит Вавилон песнями, плясками и весельем. Пусть предается он необузданным утехам, которые лишат его сил и разума. Когда час пробьет, Элос снова известит нас стрелой. Под покровом ночи мы без труда проникнем в город и овладеем им... Вот, мой верный Гобрий.

– Царь! – в восхищении воскликнул Гобрий и, упав перед Киrom на колени, прижался лбом к его мечу.

– Да, вот так, Гобрий... Не будем терять ни минуты. Каналы надо успеть очистить до праздника. Мы победим Вавилон, мы скоро победим.

– Я никогда в этом не сомневался, мой повелитель, властелин мира!

– Зато меня, признаться, начали одолевать сомнения и отчаяние. Но я полон решимости продолжать борьбу. А теперь ступай и исполни мою волю.

С той поры часто можно было видеть Гобрива верхом на закованном в броню коне. Халдейские воины с куртин наблюдали за непонятными приготовлениями другой стороны. Армия Кира поспешно снималась с позиций, всюду царил суматоха.

Набусардар перешел с Имгур-Бел на наружную стену. Скакун Гобрива словно летал по воздуху, едва касаясь копытами земли и горделиво запрокинув голову. Его длинный пышный хвост развеивался по ветру, доспехи жеребца сверкали в ослепительном сиянии дня, и каждая бляха излучала золотой блеск.

На голове у широкоплечего всадника красовался шлем с пышным, как павлиний хвост, султаном.

Вызывающее украшение на голове Гобрива, а также смелость, с какой он гарцевал под халдейскими стрелами, раздражали Набусардара. Он вскинул было лук, чтобы пронзить его стрелой, но, подумав, решил поступить иначе.

Он давно помышлял отомстить Гобриву за смерть Наби-Иллабрата. Более удобного случая нельзя было и придумать. Сейчас он бросится за ним вдогонку с целым отрядом, захватит врасплох и объявит, что боги призывают его в свои владения. Он настигнет Гобрива и оборвет нить его жизни. Сейчас или никогда!

Гобрий не ожидал нападения.

Вылетев из ворот во главе большого отряда латников и конников, Набусардар понесся прямо к цели. Словно смертоносная стрела, мчался он в своей боевой колеснице. Не успели персы опомниться, как он оказался лицом к лицу с Гобрием. Обнажив меч, Набусардар сильным взмахом занес его над врагом. Мгновенье – и тот был бы повержен. Но Гобрий с неменьшим проворством отразил удар. Звон булата, отменного, дамасского булата, сотряс воздух. А со всех сторон уже летели грозным смерчем персидские всадники. Поняв, что попадает в окружение, Набусардар, отбиваясь мечом, сделал попытку отступить. Но, прежде чем он успел оторваться от Гобрива на сколько-нибудь значительное расстояние, отряды сошлись и разделили их узким клином. И Гобрий и Набусардар оказались под защитой своих воинов. Чем дальше, тем непреодолимее становилась живая преграда между ними. Набусардар потерял всякую надежду приблизиться к своему противнику. Кровь вскипела в Набусардаре, «сейчас или никогда!» – сверлило его мозг. Лицо заливало потом, от жары перехватило дыхание. Зоркие, орлиные глаза Набусардара неотступно смотрели туда, откуда доносилась команда его соперника. Он так жаждал смерти Гобрива, что его даже не радовала стойкость собственных воинов. Ни груды изрубленных вражьих тел, ни превосходство халдейского отряда – ничто не могло его утешить. Он упрямо подстерегал подлого гутийского наместника, на выручку которому тем временем подоспели свежие силы.

Под натиском персов халдеи начали медленно пятиться. Они порубились на славу и отступали, гордые собой. Один Набусардар стоял в своей боевой колеснице, сжигаемый бессильной яростью. Что из того, что они захватили в плен несколько носатых персидских военачальников, ему хотелось заполучить в свои руки самого Гобрива – живым или мертвым!

Халдеи были уже у самых ворот, когда в голове у Набусардара вновь загудело назойливое: «Сейчас или никогда! Сейчас или никогда!»

Круто осадив коней и развернув колесницу, Набусардар вскочил на ее борта, вскинул лук и прицелился в Гобрю.

Гобрий этого не ожидал. Заметив опасность, он в мгновение ока, встав на круп коня, тоже вскинул лук и прицелился в Набусардара.

Оба отпустили тетиву, и стрелы скрестились в воздухе.

Стрела Гобрю пролетела над головой Набусардара, стрела халдейского военачальника впиалась в плечо Гобрю.

Гобрий выронил лук. Его плотная фигура покачнулась, и было видно, как, не удержавшись, он повалился, подхваченный на руки своими воинами.

Падая, он крикнул:

– Отравленными стрелами в них!

Набусардар со своим отрядом обратился в бегство.

Стремясь задержать персов, халдейские солдаты обрушили со стен на пришлых варваров раскаленные ядра.

Это было последнее перед отходом Кира сражение у могучих стен Вавилона.

Ночью персидские отряды один за другим ушли из-под стен Вавилона. Вблизи города осталась лишь горстка солдат, неспособная ни напасть, ни отразить нападение.

На рассвете халдейским дозорным, стоявшим на высокой стене, открылась неожиданная картина. С быстротой молнии облетел вавилонское войско слух о происшедшем событии. Весть о нем срочно передали в дом командования армии. Все высшие чины и военачальники во главе с Набусардаром бросились к башням, чтобы воочию насладиться зрелищем позорного бегства армии Кира.

Персы ушли, это было неоспоримо, оставалось лишь неясным, что кроется за этим шагом. Означает ли это, что Кир признал Вавилон непобедимым? Что Кир сложил оружие и возвращается в Персию?

Некоторый свет на эту загадку пролили сами персы – вскоре они остановились и начали окапываться. Работали, не щадя сил. Изнемогая от палящих лучей солнца, истекая потом, они настойчиво прокладывали дорогу к победе.

Халдеи же рассудили просто: персы роют убежища, вероятно, собираясь в них зимовать или оставить заслон для отступающих войск. То и другое свидетельствовало о поражении Кира.

Не только среди воинов, но и среди мирных жителей весть о трусливом ночном бегстве персов распространилась с быстротой весенних потоков.

Распахивались двери и ворота жилищ. Из них высыпали на улицу заспанные женщины, взлохмаченная детвора, неверящие, с вытаращенными глазами старики. На рассвете они еще робели, колебались, задавленные страхами и ужасом, но когда разгорелся день, осмелели даже самые трусливые.

Беспредельная радость пробуждала все живое в Вавилоне. Казалось, восстанут от

вечного сна даже те, кого жестокость персов спровадила в Э-урук-габгал, на сумрачный запад, где стена горизонта круто поднимается к небу, не давая мертвым вернуться к живым.

* * *

Злобно взирала Эсагила на объятые радостью улицы Вавилона, с невыразимой скорбью провожая взглядом отходившее персидское войско. Уже на второй год войны надежды ее стали увядать, так как армия Набусардара показала себя достойной соперницей армии Кира. Благодаря своей оснащенности и стойкости воинов она отразила все попытки персов овладеть Вечным Городом. Недаром приходил в отчаяние персидский владыка – велики оказались сила и решимость халдеев. В неменьшем отчаянии пребывал глава Храмового Города Исме-Адад. Не видя иного выхода, верховная коллегия жрецов в конце концов решила снова искать путей к царскому дворцу, где восседал на троне Валтасар. Эсагила лишилась возможности повелевать Вавилонией с той поры, как Набонид попал в персидский плен. Оставалось одно – попытаться склонить на свою сторону Валтасара и с его помощью вновь утвердить свою власть над Вавилонией. Никогда еще не представлялось более благоприятного момента для осуществления замыслов Храмового Города, как теперь; когда Набусардар был всецело поглощен обороной города. Ему некогда было даже подумать, что в такое время кто-то затеет за его спиной коварную игру, хотя он и знал, что Эсагила только и ждет удобного случая, чтобы осуществить свои давнишние чаяния.

Долго не раздумывая, Храмовый Город направил в царский дворец послов с дарами в руках и лестью на устах. Валтасар усмотрел в этом уничижение Эсагилы и изъявил согласие встретиться с Исме-Ададом. Во время встречи верховный жрец пытался ослабить узы, которые связывали царя с верховным военачальником его армии. Он обвинил Набусардара ни более ни менее, как в намерении захватить престол, чем сразу же восстановил царя против Набусардара.

– Лишить меня престола? – Царь пристально и грозно поглядел в глаза служителю Мардука.

Удар пришелся по самому чувствительному месту, и жрец тотчас смекнул, что цель его наполовину достигнута.

– Государь, тебе не о чем тревожиться, – твердым голосом заверил царя верховный жрец, – Мардук хранит властелинов, которые чтят Мардука. Тот же, кто восстает против него, должен погибнуть, а Набусардар – заклятый враг Мардука. Единственный путь оградить себя от опасности – это жить в мире с богом богов, и тогда халдейский престол на тысячелетия пребудет за твоим родом.

Валтасар оставил себе несколько дней на размышления. Чтобы ход его мыслей был благоприятен для Эсагилы, жрецы изъявили готовность возратить царю драгоценности, присвоенные ими еще в царствование Набонида и спрятанные в эсагильских сокровищницах. В знак примирения с Мардуком Валтасар согласился заключить союз с Храмовым Городом. С того дня Эсагила втайне стала плести паутину вокруг халдейского трона, все более опутывая свою жертву – царя Валтасара.

Порой Валтасара мучили угрызения совести, ему казалось, что война лишила его рассудка, но Эсагила заботилась о том, чтобы вовремя подбодрить царя радужными предсказаниями на будущее.

Со стороны казалось, что между царем и верховным жрецом установилась чуть ли не дружба. Они советовались друг с другом не только о делах государственных, но и сугубо личных. Как-то в минуту откровения Валтасар заметил Исме-Ададу:

– Ты сказал, служитель богов, что халдейский престол, благодарение Мардуку, на тысячелетия пребудет за моим родом. Богу следовало бы позаботиться не только о троне, но и о наследнике.

Исме-Адад посерьезнел и в сотый раз подумал о том, что царицу Бабилу боги не осчастливили даром материнства. Эсагила была заинтересована в том, чтоб Мардук ниспослал Валтасару потомка, если царь будет послушно исполнять волю Храмового Города. Но для этого нужно, чтобы фараон позволил своему придворному лекарю исцелить царицу Вавилонии, чему ныне препятствует война. Следовательно, придется подождать, пока оружие не решит исход войны.

Все это промелькнуло в голове Исме-Адада, но на этот раз он даже не улыбнулся, чтобы ободрить царя, однако заверил Валтасара, что будет молиться об исполнении его мечты.

Валтасар не обольщался на этот счет, да и царица, бесплодие которой унижало ее в глазах всего света, не противилась давнему уговору, – было условлено, что будущего царя Валтасар втайне приживет с одной из чужеземных царевен, но матерью его объявит царствующую супругу.

И тот и другой жили в тревожном ожидании будущего.

В ту ночь, когда Кир отдал приказ об отступлении, Валтасару приснился диковинный сон, и он вспомнил о Данииле, которого все еще держал в заточении. Царь пообещал выпустить его на волю и простить все его вины, если пророк со всевозможным тщанием истолкует его сон.

Стражники отодвинули тяжелые засовы, отомкнули крепкий замок, распахнули дверь во мрак подземелья и вывели на свет божий пророка Даниила. Его волосы в заточении побелели еще больше, кожа на лице стала желтой, губы посинели, но лоб, высокий, словно крепостной вал, светился спокойствием и мудростью.

Приверженцы Даниила советовали не ходить к царю, который задался целью известить иудейское племя.

А наиболее ревностные его почитатели решились даже потревожить сон царицы, памятуя о том, какой печалью наполнилась ее душа, когда царь повелел заточить Даниила в цитадели Набопаласара до конца его дней.

Царица сказала с решимостью:

– Пусть идет и истолкует сон царя. Я же вознесу молитвы к моей богине, чтобы уберегла она его от гибели.

Она преклонила колени перед статуей Иштар в своей опочивальне, сокрушенно шепча страстные мольбы. В ночном одеянии, трепеща от волнения и глотая слезы, она простерлась перед богиней.

Между тем окруженный стражниками Даниил невозмутимо шагал по двору.

Его взор отметил лишь едва заметное колыхание плакучих ив, вереницей тянувшихся у входа в висячие сады Эсигиши, и мерную поступь вооруженных часовых на стене Арахту, стене Саргона Ассирийского, – единственные признаки жизни в царском дворце на заре нового дня, на заре небывалых событий.

Как ни странно, но здесь все еще было объято сном. Даже слуги глядели со своих подстилок сонными глазами. Обычно у водолеев к этому времени бочки были полны водой, теперь же работники мирно похрапывали подле своих воротов и веревок. Стражники священного дворцового водоема клевали носом, опершись на копья. Под сенью платанов как замороженные лежали нежные газели богини Иннины.

Тишина и покой властвовали здесь.

Ночные тени еще таились в царской опочивальне, когда стражники ввели туда Даниила.

Валтасар сел на ложе, а пророку указал на низкую скамью и устался на него в упор. Ему почудилось, будто перед ним не пророк Даниил, а призрак самого Авраама, который во времена царствования Кадаштанхаби Первого из династии Касситов перебрался из Ура на реке Евфрат в страну Ханаан.

Бледный, в нимбе белых волос, Даниил сидел перед Валтасаром.

Царь откинул с груди покрывало, потянулся, протер тыльной стороной ладони глаза.

– Желая, чтоб ты объяснил мне мой странный сон, – обратился он к Даниилу.

– Что ж, поведай мне его, царь, и я попытаюсь из хаоса видений извлечь зерно истины, которого ты жаждешь.

Будто глядя сквозь стену куда-то вдаль, Валтасар стал вспоминать.

Во сне ему привиделся город на склоне горы, обнесенный семью крепостными стенами разного цвета. Первая стена была белой, словно пена морского прибоя; вторая – черной, точно пласты угля в земле; третья – темно-красной, словно карбункул в перстне, который надел на палец своей пылкой возлюбленной Аннита, сын Путханы, правитель города Кушшар; четвертая была темно-синей, цвета мантии Таммуза, шагающего весной среди первоцветов; пятая – светло-алой, будто рассветное зарево над тамарисковой рощей; шестая – серебристой, как лезвие секиры, висящей на щите победителя; седьмая горела золотом, подобно трону, на который царь усадил своего любимого певчего.

За седьмым кольцом над его золотыми зубцами возвышался царский дворец; Стены его были отделаны кипарисовым и кедровым деревом, балки и квадраты потолка обиты золотыми пластинами, крыша покрыта серебристой черепицей. Неподалеку от дворца стоял храм богини Анниты, его кровля из золотых плит и серебряных листов покоилась на позолоченных колоннах. Тут же всеми цветами радуги играли на солнце фонтаны, питавшиеся вечными снегами из источников эльвендских.

– Вот что увидел я во сне, – подчеркнуто сказал Валтасар. – Вот что я видел, не ведаю только, что это за город. – Он наклонился к старцу. – Седины говорят о твоей мудрости, скажи же, где блуждал я во сне, прошу тебя, потому что сон этот камнем лежит на моей душе. Говори всю правду, не бойся.

– Сон перенес тебя в Экбатану, столицу персидского царя Кира.

– То была Экбатана?

– Да, ты видел во сне Экбатану, такова она и наяву, мой путь часто проходил мимо ее стен. Она ослепительна и великолепна. Второй по красоте город после Вавилона, как был некогда Вавилон вторым после Ниневии. Когда же Ниневия пала от руки Навуходоносора и Киаксара, Вавилон превзошел ее могуществом и красотой.

– Ты хочешь сказать, что с падением Вавилона Экбатана превзойдет его могуществом и

красотой?

– Истинно.

– Пока я жив, этого не случится, – нахмурился царь, – разве что после моей смерти, если наследник окажется недостаточно сильным. Нет, мой сон предвещает иное. Посреди того пышного града я видел трон... трон этот был свободен, а по ступенькам его подножия сбегали кровавые следы. Через горы, реки и пустыни они тянулись к самому Вавилону. С трудом передвигая ноги, шел я по этим следам. Мои подошвы прилипали к ним, на полпути я упал, изнемогая от жажды; Мне довольно было бы и пригоршни воды, но я взывал по-царски: «Хочу вина, налейте мне вина!»

– И ты испил его во сне, царь? – перебил его старец.

– Нет, не испил. Вокруг меня простиралась голая пустыня. Но когда Мардук стал призывать меня к себе, примчался бык небожителя Рамана, он распорол мне рогом бок, и...

– Кровь излилась из твоего тела?

– Лишь вода и сукровица, ею и смочил я губы в надежде встать и продолжить свой путь. Встать и увидеть, пустует ли также вавилонский трон. И хотя у меня не хватило на это сил, боги помогли мне узреть издали, что трон Бабилу не пустует. На нем восседал царь, великий царь, бессмертный царь. Вот что открыли мне во сне боги. А кто еще, как не я, может быть этим царем, великим царем, бессмертным царем? Не так ли?

Старец молчал.

– Ты спишь? – вскричал Валтасар. – Я хотел тебе сказать, что теперь мне все ясно. Трон в Экбатане осиротеет, потому что Кир, этот одержимый безумец, сложит голову под стенами Вавилона. Он дерзнул возвыситься над Мардуком, и за это Мардук лишит его царства... Он помышлял стать властелином мира, Мардук же сделает его царем без царства, без трона, обратит крылатого орла в ощипанного орленка...

Лицо его дергалось, на животе колыхалась ночная одежда. Наклонившись вперед, Валтасар испытующе заглядывал в лицо пророку. Но ничего нельзя было на нем прочесть.

Царь заговорил с еще большим пылом и добавил угрожающе:

– Царь без царства, надутый павлин, Мардук опалит твои крылья. Да, да, Исме-Адад примирился со мной и сказал, что только тот, кто чтит Мардука, прочно владеет тронном. Оттого-то я и помирился с Мардуком. – Валтасар сделал паузу и улыбнулся пророку. – Видишь, я и сам разгадал свой сон. Но, радуясь грядущей победе над Киrom, отпускаю тебя на волю. Об этом просила меня благородная Телкиза, она призналась, что обещала Зоробабелю, – царь снова улыбнулся, – будущему правителю Израильского и Иудейского царства, помочь тебе. – Валтасар задумался. – Вступилась она и за твоих соплеменников. – Он снова погрузился в раздумье. – Не посулил ли ей Зоробабель корону израильско-иудейской царицы?.. Я знаю Телкизу с малых лет. – Глаза его блуждали, словно созерцая далекое прошлое; – Она всегда отличалась непомерным тщеславием. Но я желал бы ей стать царицей Вавилонии, – сказал царь, а про себя подумал:

«Должно быть, это она подстрекает Набусардара захватить престол, так уж лучше наречь ее царицей Иерусалима...» – По ее просьбе я согласился освободить вас из плена, но страна и все дороги, ведущие из моего царства, еще в руках Кира. Когда мы одержим над ним победу, я отпущу евреев. Вавилонии хватит рабов из персидских солдат. Вы же станете платить мне дань и послушно исполнять мои указы. Как только

окончится война, составим уговор. Я отпускаю тебя.

Когда Даниил поднялся со скамьи, Валтасар задержал его, сказав с царственным достоинством:

– Можешь порадовать опечаленное сердце царицы Вавилона, потому что я стараюсь изгнать из своей души ненависть и злобу. Ты был прав, сказав мне когда-то, что я слишком молодым оказался на халдейском троне. За те два года, что длится война, я не раз вспоминал твои слова, убеждаясь в их мудрости. Сколько пользы принесли бы они мне в молодости, не воспротивясь я им тогда. Но в своей гордыне и упрямстве я пренебрегал советами старших. В дни моей беспечной юности старики тяготили меня. Однако опыт показывает, что за сединами кроется мудрость. Может, ты еще понадобишься мне. Теперь же ступай, ты свободен.

Сомкнувшись за Даниилом, драпировки на дверях еще колыхались, словно от дуновения ветра, когда вдруг снова распахнулись, № перед царем предстал Набусардар.

Низко склонив голову, он сказал без промедления:

– Да простит меня царь, что осмелился так рано потревожить, его величество, но я спешу сообщить тебе весть – этой ночью персы отступили. Они так далеко отошли от стен Вавилона, что наши воины потеряли их из вида.

Валтасар, сдвинув брови, уставился на верховного военачальника. Оторопев, он долго и непонимающе смотрел на его губы. Не обманывает ли его слух? Персы отошли от города, персы отступили, персы сложили оружие? Неужто персы почувствовали себя недостаточно сильными? Неужто персы решили покинуть их страну и вернуться за Эламские холмы?

– Жив я или мертв? – спросил Валтасар.

– Жив, государь.

– Так, значит, я не ослышался? Ты сказал, что персы сняли осаду и возвращаются в Персию? Стало быть, сон в руку, в руку... Вот теперь впору потребовать: «Налейте мне вина! Налейте мне вина!» Ты сказал, что персы возвращаются в Персию?

– Я сказал, государь, – поправил его Набусардар, – я сказал – персы отошли так далеко, что наши дозорные на стенах потеряли их из вида.

– Стало быть, они возвращаются в Персию!

– Это еще неизвестно. Может быть, они отошли, чтобы выждать и собраться с силами. Хорошо бы, не мешкая, отбросить их к границе или, может быть, даже за нее. Войска Кира измотаны, и наша армия наверняка одолела бы его. Но я не могу ей приказать, выйти за стены города. Для этого мне нужна, если и не более сильная, то, по крайней мере, такая же конница, как у Кира. Тогда мы очистили бы нашу землю от врагов. Но беда в том, что арабы, эти проклятые арабские провинции, мой царь, прислали нам только часть обещанных коней.

– Почему только часть?! – рассвирепел Валтасар. – Так-то они исполняют волю своего повелителя?!

– Вместо пшеницы и ячменя они требовали в уплату золото.

– Почему же вы давали им пшеницу и ячмень, если они просили золота?

– Таково было твое повеление, ты сказал, что пшеница и ячмень – то же золото, и, если они будут недовольны, не давать ничего. Из-за этого наша армия осталась почти

без конницы.

– Гм... – язвительно хмыкнул Валтасар. – То ты толкуешь мои повеления вкривь и вкось, стоило же арабам отказаться от пшеницы и ячменя – и ты не дал им ничего! Чем это объяснить, князь? – Валтасар искоса взглянул на верховного военачальника. – Или, может быть, правы те, кто утверждает, что ты хотел нанести поражение не персам, а мне, своему царю? Теперь мне все понятно. Твое тщеславие не знает меры, ты ждешь не дождешься той минуты, когда сможешь объявить себя царем Вавилонии!

– Государь... – только и выговорил пораженный Набусардар.

– Мне все известно, – Валтасар расставил руки, опершись ими о ложе, – мне ведомы все твои помыслы. Я ждал лишь конца войны, чтобы рассчитаться с тобой и с персом. У тебя и у Кира – одно на уме, оба вы хотите лишиться меня трона. Когда-то я Эсагилу подозревал в том, что она ведет подкоп под мой трон, но теперь вижу, этим занимаешься ты, Набусардар.

– Государь, не понимаю, как можно говорить такое в эту минуту?

– Ты не желаешь понимать! – грубо оборвал его царь.

– В то время как я ежедневно подвергал свою жизнь опасности ради тебя и народа, ты, выходит, слушал наветы моих недругов? Поняв, что с помощью Кира ей не прибрать к рукам вавилонский престол, Эсагида стала заигрывать с тобой, иного выхода у нее не оставалось. Не так давно ты молился в ее храме и принес Мардуку щедрые жертвы. Ты снова готов отдать свой народ в рабство Эсагиле. Не за это умирали мужественные сыны Вавилонии!

– Не забывайся! Перед тобой твой повелитель, сын богов! Хотя ты и первый после богов и царя муж в государстве, однако будь осмотрителен. Тебе не мешает поучиться скромности.

Набусардар стиснул зубы и, словно острием меча, пронзил царя взглядом.

– Да, да, не мешает, – повторил Валтасар, – во мне и то нет столько гордыни и чванства, а я царь. Боги не благоволят к заносчивым. Советую склонить перед ними главу!

– С каких это пор царь царей покорился Мардуку? Если память мне не изменяет, два рода тому назад ты бросил Мардуку вызов.

– Мардук помог нам одержать победу.

– Выходит, не Набусардар, а Мардук защищал от врагов стены Вавилона?

– Истинно, Мардук, царь небес, наместником которого на земле являюсь я. возмущенный до глубины души, Набусардар тяжело дышал.

– Отчего же владыка небес не сокрушил персов под Холмами?

– Оттого, что я его презрел, и он отвернулся от меня. Но отныне мы снова с ним в ладах. Эсагила безоговорочно признала меня властелином Вавилона, ибо таковым признает меня ее бог. Теперь мне некого опасаться. Ни тебя, ни Навуходоносора, ни богов, ни черни. Я снова царь, истинный царь.

И он облегченно вздохнул, словно гора свалилась у него с плеч.

Набусардар привык к причудам царя, но война изнурила его, и на этот раз у него не было ни желаний, ни сил переубеждать Валтасара. Он молча выслушал возмутительные

речи царя, стараясь сохранить присутствие духа.

На молчание Набусардара царь довольно рассмеялся:

– У меня немало врагов, и многим придется не по вкусу эта победа. Многие кривили душой, заверяя меня в своих добрых чувствах, теперь свою притворную любовь они сменяют на откровенную ненависть. Но отныне мне все нипочем. Обойдусь без вашей любви, мне нужно, чтобы вы боялись меня! Наконец-то я чувствую себя настоящим царем, и никто не посмеет перечить моему слову. Даже ты, Набусардар, хотя ты мудр и нередко тщишься посрамить меня. Отныне буду повелевать я, один я. Ты же неукоснительно станешь делать то, что я тебе прикажу.

В такие минуты решения и высказывания Валтасара обычно были чреватые опасными последствиями, и поэтому Набусардар крепился.

– Будешь делать то, что я сочту нужным, князь. Наперед знаю, что тебе хочется возразить, но не вздумай этого делать. – Он повысил голос, отчеканивая каждое слово! – После долгих месяцев отчаяния боги вновь ниспослали мне счастье. Война тяготила меня. И вот горны возвестили победу над персами. Я прикажу открыть царские закрома и раздать пищу беднякам. Прикажу открыть винные подвалы, рабы выкатят бочки на улицу, и пусть мои подданные вдосталь пьют и веселятся. Воины, что охраняют стены, тоже пускай спустятся вниз и пируют!

– Воины, что охраняют стены? – в ужасе переспросил Набусардар.

– Да, и воины, что охраняют стены, – разгневался царь. – Но разве не говорил я тебе, что отныне законом будет лишь мое слово? Да, и солдаты, что охраняют стены, тоже. Пусть веселятся, пусть знают, каков их повелитель. – Царь недоверчиво покосился на Набусардара. – Или ты хочешь, чтобы армия, моя армия, перевозносила тебя одного?

– Поспешая к тебе, государь, я не предполагал, что ты встретишь меня подобными речами.

– Для тебя мои речи всегда плохи, князь; слушая меня, ты слышал лишь себя самого. Другие злословили у меня за спиной, а ты дерзил мне в глаза, мне, царю. От одного твоего взгляда я становился кротким, уступал тебе. Отныне все будет иначе. Я царь, истинный и могущественный! Попробуй воспротивиться мне, и ты узнаешь, как остер мой меч! Твое счастье, что сию минуту я жажду не крови, а веселья. Веселья, какое неизменно царило в Муджалибе, чтоб на ложах в трапезных было полно захмелевших. – Валтасар расхохотался. – И не только на ложах, но и на полу, так чтоб ступить было некуда. Розы, олеандры, ветви мирта и лавра, запах нарда и благовонных смол... А вокруг все князья да военачальники, да дворцовые наложницы. На самом мягком ложе – я с той гречанкой-рабыней. – Лицо царя внезапно преобразилось. – Не припомню теперь, как ее звали, но она меня любила, крепко любила, по-настоящему. Перед смертью она призналась мне в этом. О Набусардар, знаешь ли ты, что такое настоящая любовь? Прежде я об этом никогда не думал. А с той поры, как умерла гречанка, я тоскую, тоскую по великой женской любви. Эта скифская девушка Дария, ты ее знаешь... о, у нее во взоре я читаю о такой любви... Она непорочна, холодна, как север, и ее бдительная воля всегда направлена против царя, точно стрелы на оттянутой тетиве воинов ее племени. Но это придает ей прелести. Когда приближаешься к ней, она защищается кинжалом, а когда ее возьмешь – трепещет, будто струна. Я взял ее силой, и пока длилась осада, утолял жажду из родника ее лона. Она великолепна и когда сопротивляется, и когда трепещет от страсти. О, как благодарен я богам за то, что они послали ее мне! С нею я был счастлив.

Веки его медленно опустились, растроганный царь мягко улыбнулся.

– Да, с нею я был очень счастлив... Набусардар... Я был с нею так счастлив, как ни с

одной другой женщиной. Она бесподобна, когда кровь, ее воспламеняется страстью и негой. Хищный коршун и тот обратился бы в кроткого голубя, однажды познав это. Одно воспоминание о днях и ночах, проведенных с нею, делает человека снисходительнее и добрей. Видишь, я даже запомнил, что минуту назад мы с тобой говорили, как враги, Набусардар. При мысли о ней угасает даже ненависть. Я все прощаю тебе. Счастье примирило меня с тобой.

Набусардар склонил голову.

– Да, Набусардар, я всегда поверял тебе тайны сердца, не потому, что ты после богов и царя первый муж в государстве, а потому, что так судил Мардук. Бог положил тебе явиться ко мне в этот ранний час и услышать о моем безмерном счастье.

– Ты хорошо знаешь, государь, что Мардук – не мой повелитель.

– Когда я расскажу, какое чудо явил он мне, ты тоже признаешь его своим господином и богом. Тебе неизвестно о том, что в начале войны посетила меня великая печаль. Кир стоял у ворот Вавилона, а у меня не было наследника. Нинмаха благословила мои чресла, но демоны обратили лоно царицы Вавилонии в пустыню и пепел. Но теперь, хорошенько слушай, Набусардар, у меня будет наследник! Его носит под сердцем та скифка. Она зачала от моего семени, от царского семени, и родит втайне, и как только сын мой узрит свет Шамаша, мудрый Иги-Ану перенесет его в опочивальню царицы. Царица в глазах всех будет ему законной матерью, а скифка – кормилицей. Теперь и ты посвящен в тайну нашего рода. Я хотел, чтобы ты знал это, чтобы ты знал это и радовался вместе со мной! У меня будет наследник, потомок, наш род умножится и будет повелевать тысячами многие тысячелетия. Нынче я счастлив вдвойне. Я не последний в роду, а Кир, этот бескрылый орел, битым возвращается в Персию.

– Это еще неизвестно, государь. Его войско всего лишь отошло от городских стен.

– Возвращается, конечно. Кончилось это страшное кровопролитие! И я хочу радоваться, как радовался в пору беззаботной юности. Сердце мое ликует, как некогда в молодости. И ничто его больше не гнетет, ничто... – Царь наклонился к Набусардару. – Да будет благословенно лоно Дарии! Вот отчего я так радуюсь. И да сотрясаются от нашего веселья земля и небо!

Он сбросил с себя покрывало и вскочил, затем, схватив с кресла плащ, небрежно накинул его на плечи.

– Куда ты, государь? Да будет мне позволено напомнить тебе, что война еще не окончена и поспешность к добру не приведет. Персидское войско отошло не далее чем к горизонту.

– Я потому и спешу, – ответил Валтасар. – Пока их еще можно видеть на горизонте! Собственными глазами желаю видеть, как удирает персидский лев. Проводи меня на крышу дворца.

Кутаясь в плащ, Валтасар ринулся к двери. Царь так стремительно мчался по комнатам, коридорам, мимо стражи, что Набусардар едва поспевал за ним. Запыхавшись, Валтасар остановился на террасе и жадным взором оглядел окрестность.

Светало, и город вокруг, казалось, был окутан тонкой вуалью. В парках пробуждались птицы, журчали фонтаны. Небо на востоке порозовело, пробилась первая лучи солнца, скользнув по верхушкам вавилонских холмов. Со стороны Евфрата тянуло прохладой, воды реки волновала легкая зыбь. Возле плотины, к северу от города, покачивались на волнах персидские суда.

Заметив это, Валтасар спросил:

– Персы остались на кораблях?

– Нет, государь, корабли брошены неприятелем. Валтасар расхохотался, мятый ночной балахон затрясся, прикрытые плащом плечи содрогались. Царь смеялся от души, так что даже слезы выступили у него на глазах.

Персов уже не было видно, но Валтасар живо представил себе картину бесславного отступления опаснейшего из всех властелинов мира. Воображение рисовало ему песчаную пустыню, где в страхе перед неприступными стенами священного Мардукова города мчались запряженная шестеркой белых коней колесница бога Солнца и запряженная четверкою боевая колесница царя Кира.

Словно желая вдоволь насытиться и насладиться воображаемым зрелищем, Валтасар воскликнул:

– Разве не говорил я тебе, заносчивый сын Камбиза, что Вавилония – это не Мидия и не Сирия?! Что Вавилон не Иерусалим или Ниневия, а царь Валтасар не чета Астиагу и Седехиашу?

Он выпятил грудь и расправил плечи, преисполнившись сознания собственного достоинства и гордости.

– Ты не думаешь, князь, – обратился он к Набусардару, – что /это самая крупная победа Вавилонии? Навуходоносор разрушил Иерусалим и Ниневию, я же сокрушил Кира. А это труднее, это куда труднее! Теперь тень Навуходоносора не затмит меня своим величием. Имя мое засияет, подобно солнцу, вот этому солнцу, которое всходит над моей вольной державой. Все статуи Навуходоносора я прикажу утопить в Евфрате. Со стен летнего и зимнего дворцов сдеру барельефы с его изображениями. Я не желаю более оставаться в тени! Наружные стены и покои зимнего и летнего дворцов я прикажу украсить сценами из моей собственной жизни. Бронзовые плиты длиной во весь тронный зал поведают о тщетной попытке персов овладеть Вавилоном и о моем триумфе. Я великий, непобедимый государь! Не так ли, мой верховный военачальник?

Уклоняясь от ответа на столь вздорную тираду, Набусардар поправил сползавшую с плеча Валтасара мантию и, словно не слыша царя, заботливо спросил:

– Тебе не холодно, светлейший?

Он умышленно переводил разговор на другое, но царь не понял его уловки.

Долго ли продрогнуть на утреннем холодке! К тому же он в ночном одеянии да легких сандалиях. В пылу воодушевления он не заметил, как сполз плащ.. Глядишь, демоны уже расставили ловушки, но твой военачальник заботится не только о войске, но и о тебе. Верно, враки все это, будто он помышляет о троне. Должно быть, это завистники и угодники сеют такие слухи.

Растроганный Валтасар взглянул на Набусардара и поблагодарил:

– Спасибо, князь. Мне не холодно. Только нить разговора из-за тебя потерял, и теперь, осени меня хоть вся священная троица, ни за какое золото в недрах Пактола не вспомню, о чем бишь хотел я тебе поведать...

– Ты говорил о пиршестве в честь отступления персидского войска.

– Верно! Об этом. И еще я сказал, что. коль скоро война окончена, мои воины, могут покинуть стены и веселиться вместе со всеми.

– А что, если персы вернуться?

– И в самом деле... Хорошо, что ты не упустил этого из вида. Оставь солдат на стенах, но кое-кому из них. позволь все же забыть о крови и смерти за бочонком вина да куском жирного воловьего мяса на вертеле. Я приду проведать моих воинов, пускай полюбуются на своего непобедимого властелина.

– Да будет по-твоему, мой царь, – поклонился Набусардар, пряча усмешку.

Внизу послышались торопливые шаги и стук котурнов.

Набусардар обернулся. За развесистыми ветвями плакучих ив мелькнули фигуры военачальников секретной службы, прибывших с плотины Набонида на Евфрате.

– Что случилось? – не дожидаясь, когда они поднимутся, крикнул Набусардар.

– Мы с вестью к его величеству. Раскрыт заговор. Ночью мы заметили, как шевельнулись камни в плотине Набонида, неподалеку от Храмового Города, почти напротив башни Этеменанки. Смотрим – четыре больших камня разом провалились внутрь и из бреши показался нос челна с тремя закутанными фигурами. Лодка поплыла по течению, а камни снова поднялись и прикрыли отверстие. Наша стража под мостом перехватила пловцов и всех троих передала в руки дознателей, поскольку выяснилось...

– Кто это был? – в один голос вскричали Валтасар с Набусардаром.

– Два эсагильских жреца, младшие уманы, и с ними одна из твоих наложниц, царь и повелитель мира, – Дария, дочь скифского князя Сириуша...

– О-у-у, – точно шакал, взвыл Валтасар и, чувствуя приступ дурноты, схватил Набусардара за руку.

– Как вы поступили с ними? – сурово осведомился Набусардар.

Услышав в ответ, что Дария ожидает царского приговора в темнице, а уманов вызвался судить судейский двор Эсагилы, убитый горем Валтасар бросился на грудь Набусардара и прошептал:

– Зачем она это сделала? В ее чреве сокрыто драгоценное семя моего рода. О, как непостоянно людское счастье!

– Утешься, государь, – вполголоса успокаивал его Набусардар. – Мои воины избавили тебя от самого плохого. Дочь князя Сириуша ожидает тебя в темнице, и ты, как царь, вправе решить ее судьбу по своему усмотрению. Она здесь, ты не потерял ее. Зато предатели-уманы ускользнули от нас под крылышко Эсагилы, – и этого не поправишь. – Набусардар повернулся к военачальникам: – Как вы смели без моего дозволения выдать их Храмовому Городу?

– Согласно договору, который несколько месяцев назад царь царей, его величество Валтасар, заключил с верховным жрецом Исме-Ададом.

– Это правда, мой царь?

– Да.

– Но ведь Эсагила – заклятый враг твоего престола!

– Такова была воля Мардука... Мардук потребовал этой жертвы, обещая мне одолеть Кира и прочих моих врагов.

– Быть беде! – воскликнул разгневанный Набусардар и отступил от царя. – Твоя опора – твоё войско, а не бесы, обитающие в Храмовом Городе. Для того они вынудили тебя

заклучить договор, чтобы легче было предать Вавилон.

– Я не верю тебе, ведь Вавилон – владение не только мое, но и бога Мардука.

– Сейчас ты убедишься в этом. Набусардар снова повернулся к военачальникам и, дрожа от ярости, спросил:

– С какой целью пытались эти трое бежать под покровом ночи? Отвечайте!

– В ризе одного из уманов мы нашли послание Эсагилы царю Киру, а в юбке скифской женщины – письмо египетской царицы к фараону. В своем послании жрецы подстрекают персидского властелина продолжать войну и предлагают помощь золотом. Египетская же царица советует фараону примкнуть к персам и вместе с ними сокрушить Вавилон.

– Теперь ты убедился, царь? – воскликнул Набусардар с укором.

– Не тревожься, князь. Исме-Адад наверняка покарает подлых уманов смертью, как того требует уговор. Я все предусмотрел и оговорил. Скажи лучше, как поступить с этой скифкой, мой верховный военачальник? Поспешим в темницу.

* * *

Валтасар торопился. Стройный, как Тополь, он вдруг сгорбился. Царь понял, что не избежал судьбы отлученного от сонма сильных мира сего.

Он ждал. от Набусардара ободряющих слов и утешения. Ему хотелось услышать, что известия о заговоре ложны, что Дария, единственная звучащая струна на царской лире, дожидается его не злодейкой в темнице, а в покоях, объятых тишиной, готовая каждую минуту принять его ласку. Ведь была же она ласковой в последний раз, так, по крайней мере, ему казалось.

Ища исцеления для своего израненного сердца, царь обратился к Набусардару:

– Утешь хоть ты своего царя, скажи ему, что любовь Дарий не могла быть притворна...

При этих словах из святилища бога Таммуза, к которому они приближались, донеслась песня жрицы:

О, власть любви, о, волшебство!

Бальзам для сердца. Нож, направленный в него.

Любовь – то ясный день, то полуночный мрак,

дарит цветы она,

сулит печаль она,

о, власть любви, о волшебство...

Царь впился острыми ногтями в руку Набусардара.

– Утешься, мой царь...

О, власть любви, о, волшебство...

– Она носит драгоценное семя моего рода... я любил ее горячо, всем сердцем. Скажи же, Набусардар, что ее принудили, что поступила она так не по своей воле.

О, власть, о, волшебство...

– Скажи, что ее принудили.

Бальзам для сердца. Нож, направленный в него...

– Скажи, что она не помышляла об измене, не хотела затоптать росток царского семени.

Любовь – то ясный день, то полуночный мрак...

– Если все это правда – я лишусь ума.

Дарит цветы она,

сулит печаль она...

– Право, Набусардар, рассудок мой не выдержит этого испытания. Я верил, что она любит меня так же преданно и пылко, как любил ее я.

О, власть любви, о, волшебство...

– Мой совет, государь, не суди ее, пока сам не услышишь из ее уст всей правды.

Еще несколько ступеней – и они очутились в подземелье.

– Отпереть! – приказал Валтасар стражникам. – Я войду один...

И он переступил порог темницы, оставив Набусардара за дверью.

Дария стояла напротив входа, прислонившись спиной к стене. Казалось, ее распяли, привязав к перекладинам креста. Лицо ее посинело и осунулось. Глаза потухли.

Но, узнав в полумраке вошедшего, Дария вскрикнула:

– Царь!..

Трудно сказать, чего больше было в ее голосе: ужаса, муки, тревоги или строптивости.

Валтасар услышал в нем ужас и раскаяние.

Поэтому он обратился к Дарии со всей кротостью, на какую был способен:

– Не бойся, Дария. В темницу вступил вавилонский царь, но для тебя – просто Валтасар. Взгляни, я не опоясан мечом. Не жажда мести, а скорбь владеет мной. Дария, Дария, что ты делаешь со мной? Ты не только согласилась переправить фараону постыдное письмо, но и наследника моего погубить захотела. Дария, неужто забыла ты о нашей любви, забыла мои объятия? Неужто кровь не зовет тебя более на пир неги и страсти? Или, может... Сознайся, ведь тебя принудили служить Киру, вредить мне? Но кто? Кто дерзнул пойти наперекор сыну света? Наверное, тот, кто имеет доступ в гарем. Открой мне всю правду, о дочь Сириуша, не бойся, царь простит тебя. Кто этот презренный? Уж не царица ли? Что ты молчишь? Вымолви же хоть слово! Скажи, кто подстрекал тебя, и я брошу изменника на съедение ядовитым змеям. До пояса окунут его в кипящий котел, а туловищем полакомятся острозубые гадюки. В голову ему вобьют каленые скобы, сердце выгрызет тигр, а язык опалит кипящая земляная смола. О, он завопит так, как не вопил еще никто? Может, это кто-нибудь из жрецов?

– Нет, царь, – бесстрастно ответила Дария, словно статуя шевельнула растрескавшимися губами.

– Царица?

– И не царица. Я сама, я сама этого хотела и сделала. Как-то ты сказал, что я – твоя судьба. Так вот, пророчеству твоему суждено было сбыться! Да, я – судьба твоя! Всею душой я желала, чего ты пуще всего страшился. Чтоб остался ты в роду последним из последних! Чтоб сгинул ты, не дав миру потомства, за все насилия, которые ты совершил, за то насилие, которое ты учинил и надо мной.

– Дария, я знаю, это страх лишает тебя разума, но ты не бойся. Между нами все будет по-прежнему... Ты дашь жизнь моему сыну. Будешь носить царские одежды, есть за одним столом с владыкой. Рабыни мои будут убирать тебя цветами, подносить напитки, стлать под ноги тебе шелка и бесценный пурпур. Я возвышу тебя над самой царицей вавилонской. Прикажу подданным падать перед тобою ниц. Велю воздвигнуть новое святилище, и жрицы будут возносить в твою честь молитвы, наливать душистое масло в жертвенные чаши и сыпать в огонь благовонные травы; Самые богатые дары царь будет посылать не Мардуку, а в твоё святилище.

– Льстивы твои речи, царь, и мне противны они.

– Ты мне не веришь... Что ж, ты скоро узнаешь еще, каков Валтасар. Я велю воздвигнуть для тебя солнечный дворец прекраснее Муджалибы и снести туда все сокровища мира. Ты станешь самой богатой, самой прекрасной и любимой из всех жен.

– Неразумны твои намерения, царь. Твои речи вынуждают меня сказать, что я не просто ненавижу тебя. Ты вызываешь во мне отвращение.

Царь невесело усмехнулся:

– Ничего, скоро ты снова присмиреешь, дикая горлица хмурого севера, когда приведут тебя из темницы в дворцовые покои, сердце и речи твои смягчатся. Тебе хотелось прогневить меня. Но нет, нет, Дария. Я руку на тебя не подыму, ведь ты носишь под сердцем будущего царя Вавилонии.

На этот раз усмехнулась она – и странной была эта усмешка.

– Что это означает, о милосердные небожители? – вспыхнул Валтасар.

– Это значит, что быть тебе последним из последних, что вместе с тобою сойдет в могилу и твой царственный род. Стоит тебе прикоснуться к женщине, и боги проклинают ее лоно. Разве что тигрица могла бы зачать от твоего хищного семени. Люди бы прокляли меня, если бы я допустила, чтобы твой сын увидел свет солнца и звезд.

– Дария...

– Елейный твой голос не тронет меня. Ты обесчестил меня, и я тебя ненавижу. Ты спрашиваешь, кто вынудил меня пойти против тебя? Я сама, по своей доброй воле, повторяю тебе. Оставь при себе свои дворцы, их блеск и утечи. Пусть тебе стелят под ноги шелка и пурпур. Пусть твою голову рабыни украшают цветами. Пусть перед тобою падают ниц твои подданные. Оставь все себе, могущественный царь. Ты отказал мне в ничтожнейшей просьбе, исполнить которую сумел бы даже раб, так подавись же своим золотом и драгоценными камнями! Я готова в свой последний путь. Я знаю, что меня ожидает. Немногим удастся вырваться из твоих когтей. Я готова предстать перед богами. Знай, смерти я не боюсь, но да будет тебе известно и то, что еще в твоём гареме я выпила отравы, чтоб убить плод в своем чреве.

– Подумать страшно, – еле выговорил царь. Судорога сжала ему горло, из-под опущенных век показались слезы, и царь смахнул их.

Дария ждала вспышки, дикой, жестокой. Но ничего не случилось. Валтасару казалось, будто сотни стрел впились в него одновременно. Они пронзили его тело, и из ран ключом забила кровь. Явственно ощутив во рту ее вкус, он захрипел от безмерного горя, сознание его обволокло обморочным туманом. Потрясение едва не стоило ему рассудка.

– О Дария, – простонал он, – зачем ты это сделала? Зачем унизила меня перед целым светом и небесами? Зачем уподобила жалкому червю? А может, – царь встrepенулcя, – может, все это неправда? Да, да, это неправда. Дария, милая. Ну, сознайся, что это неправда. Ведь я любил тебя, сильно, преданно, все халдейское царство готов был повергнуть к твоим стопам. Нет, ты не пила губительного зелья! Царское семя живет в тебе и поныне. И как я мог поверить тебе?

– Не льсти себя надеждой, царь. Клянусь всем, что было для меня свято в моей отчизне, – я нарочно лишила тебя всякой надежды, убила в себе росток твоего будущего.

– Нарочно? Ядовитым зельем?

– Да, ядовитым зельем.

– Кто дал его тебе? – взорвался Валтасар.

- У меня нет причин скрывать это от тебя. Египетская царица!

- Египетская... царица, - выговорил он отдельно.

- Она сама пила его всякий раз, как возвращалась о тебя с любовного пира, и давала всем твоим женам и наложницам. Поэтому и нет при твоём дворе ни цариц, ни цариц. Не шепчут в гареме дети. Надо всем тяготеет проклятие. Не дворец, а мертвая пустыня. Египетская царица распоряжается судьбой неродившихся невинных малышей. Она лишила дара материнства и недавнюю твою надежду, знатную девушку, дочь сановника, ведающего дорогами. Египет ненавидит царя Валтасара, и царица была верной исполнительницей воли фараона. Она притворялась, делала вид, что любит тебя, владыка Вавилона и повелитель мира.

- О-о-о... - дико взвыл Валтасар. - О негодная! Я прикажу привязать ее за руки и за ноги к буйволам, и те... разорвут ее пополам... - И осекся. - Притворялась, делала вид, что любит меня... - Валтасар скорбно смотрел себе под ноги. - Притворялась, делала вид, что любит меня...

Он презрительно взглянул в глаза Дарии.

- Она делала вид, что любит меня; как и все остальные, да лишит их Мардук успокоения в царстве духов! Но ты хоть притворялась, что любишь, а ты хуже их. Ты даже не притворялась, даже вида не делала, что любишь меня, уступала скрепя сердце, ждала своего часа... Ты самая подлая из них, и за это тебя постигнет самая лютая кара.

Обезображенное яростью лицо Валтасара заставило Дарию отступить на шаг.

- Трепещи же! Трепещи царя Вавилона, ибо безграничен его гнев и мощь его неодолима. Суд над тобой я отложу, сейчас мой ум не в силах измыслить пытку, какой я хотел бы тебя подвергнуть, самую страшную, какую способен выдумать человек.

Он надсадно дышал и в ярости раскачивался из стороны в сторону, всем своим обликом и поведением напоминая бешеный поток, грозящий залить необъятные просторы и поглотить все живое.

Дария поняла, что этим царь собственными руками поставил межевой камень, обозначив предел ее нерадостному существованию.

Не попросившись, Валтасар вышел. Плечи Дарии опустились; истерзанная душа ее не в силах была воспарить над земной юдолью. Ей вспомнились весенние оттепели на севере, когда яркое солнце растопляет снега и с лап могучих сосен падает на размякшую землю звонкая капля; вспомнилась высокая сосна, шумевшая над ее родным кровом. Весной ветви сосны поникали, отяжеленные. Сейчас она сама была похожа на поникшую сосну.

Вслед за этим увидела она, как поднялось, раздвинулось весеннее небо, луга запестрели половодьем цветов и почек и под раскидистой темно-зеленой сосной остановился юноша с луком в руках.

Дария пыталась подавить в себе нежность, но тщетно, сердце ее таяло, словно искрящийся наст под лучами весеннего солнца. Прикрыв увлажнившиеся глаза, Дария чувствовала, как тревожно бьется сердце при воспоминании о давно пережитом блаженстве.

А над сводами подземелья гремел гимн любви, и великий бог, бог Таммуз, властвующий над людскими сердцами, наперекор всему, распутившимися соцветьями вписывал в книгу земли новые сказания о любви.

* * *

Много сказаний и много любви получила в дар от богов страна Субар. Много грез и надежд рождалось и гибло на благословенной земле. Много радостей и печалей извели людские сердца. И нередко те, что сперва обещали распуститься цветком, прорастали тернием. Так случилось и с сердцем Нанаи.

Ей казалось, что не дни, недели и месяцы минули с той поры, как она пасла своих овец, лелея сокровенные думы и грезя о Вавилоне, а целая жизнь – столько событий произошло за неполные два года.

Вот уже почти два года, как обе армии оспаривают победу в жестоких сражениях и душа Нанаи обращена к Набусардару и его войску. Умерли счастье и радость в ее сердце, осталась лишь мучительная, шипом засевшая в сердце тревога – что ждет ее завтра? Она жила на воле, но борсиппский дворец по-прежнему оставался для нее мрачной тюрьмой. Нанаи не находила себе места, ничто не радовало ее. Она часто казнила себя за то, что покинула родную деревню и своих близких. От них не доходило никаких вестей. Что случилось с ее отцом и тетушкой Табой после прихода персов? В тоске бродила она по дворцу, сопровождая Теку, когда та с клубками пряжи отправлялась в мастерскую к ткачихам. Там она повстречала мастерицу родом из Деревни Золотых Колосьев. Нанаи бросилась ей на грудь, обливаясь слезами.

– Сестрица, родная моя, – обнимая ее, всхлипывала Нанаи. – Одна у нас доля, но у тебя хоть сердце не изранено.

– Всем нынче тяжело, избранница Набусардара, – утешая, ответила ей ткачиха.

– Зови меня сестрой, – просила Нанаи, – после этой страшной войны мы все должны стать друг для друга сестрами и братьями, чтоб никогда больше не повторилось это ужасное кровопролитие. И откуда в человеке столько злобы и ненависти, – повернулась она к ткачихам, – если верно, что боги создали его для радости и любви? Разве не счастливее жилось бы на свете, когда бы в сердцах не плодилась злоба? Откуда взялась она?

– Тебе это известно не хуже, чем нам, госпожа наша, – ответила одна из ткачих, муж которой вместе с Набусардаром защищал стены города. – Глаза у тебя есть, ты не слепой живешь среди нас.

– Я понимаю, на что ты намекаешь, – опустила голову Нанаи. – Не до любви тем, кому нечем прикрыть голову от палящего солнца, защитить ступни от раскаленного песка, у кого нет ни башмаков, ни рубахи, ни юбки, чья кожа трескается от зноя. У меня есть глаза, я не слепая. Когда окончится война, я попрошу Набусардара, моего и вашего господина, раздать свое богатство бедным. Право, он не откажется. Он сам говорил, что вознаградит преданных и храбрых воинов. – Нанаи помолчала. – Для счастья не нужно золота. Живя в одиночестве, в постоянном страхе, я много думала о том, как искоренить злобу и ненависть. – Она подошла к кроснам и провела рукой по натянутой основе. – Вельможи лишили людей счастья, как не видеть этого? Но скажите, сестры: отчего сердце Кира воспыало ненавистью, отчего он пошел с мечом против сынов и дочерей всех племен? Перс Устига, о котором все вы слышали, сказал однажды, что Кир – царь благородный и желает людям добра. Но какое же это добро, когда человек подымает меч на человека? Разве его руку направляет бог любви и правды? – Нанаи заслонила глаза ладонями и продолжала: – Неужели нельзя иначе объединить народы для защиты от Нового Света? Зачем боги наделили человека мудростью, если он употребляет

ее на то, чтобы сеять смерть и кровавые муки? – Нанаи подняла голову и обвела женщин взглядом: Я простая крестьянка, такая же, как и вы, мои сестры, но я вижу – надо вырвать жизнь из тигриных когтей, чтобы каждый жил в покое и радости. Не простой народ хочет крови, а ненасытные звери в человеческом обличье, забирающие последний кусок у ближнего, не знающие счета своим закромам, скоту, золоту и одежам. Не может быть, чтоб справедливость добывалась одним только мечом.

– Ты права, госпожа наша, – сказала обрезальщица нитей, – мой отец – он погиб, сражаясь бок о бок с Набусардаром, – всегда говорил, что зло порождается только злом.

Нанаи подошла к ней и погладила по голове ребенка, который играл обрывками ниток на земле.

– Твой? – спросила она мастерицу. Та кивнула головой и пояснила:

– Его отец – солдат из охраны борсиппского дворца. – Женщина смущенно опустила голову. – Это – дитя любви.

– Тека даст тебе холстины на одежду для малыша, и с сегодняшнего дня ты будешь получать по две миски еды и кувшин козьего молока.

Затем Нанаи посмотрела на работу ткачих в других комнатах и наконец сама села за один из станов, прося научить ее ткань. С той поры она ежедневно навещала мастериц, ткала белые и цветные холсты, отвлекаясь так от своих мыслей.

Случалось, она оставалась с женщинами до позднего вечера, а то и всю ночь, когда под стенами города шла жестокая схватка, не давая уснуть.

Однажды ночью в ткацкую вбежал солдат и торопливо объяснил, что тетушка Таба шлет ей весть об отце. Тетушка прислала этого смельчака из деревни Золотых Колосьев в Вавилон. Пустившись вплавь по Евфрату, он под покровом ночи, то и дело ныряя, миновал персидские корабли. Таба знала, что борсиппский дворец Набусардара стоит над рекой и гонец без труда проберется к его воротам по берегу.

– Ты говоришь, что прибыл с вестью о Гамадане, отце моем? – переспросила его обрадованная Нанаи. – Да благословят тебя боги, говори.

Гонец смотрел на Нанаи, словно раздумывая, выкладывать ли все сразу. Наконец решился.

– Знаю, что опечалю твое сердце, принесю тебе скорбную весть, а не радостную. Нанаи испугалась.

– Говори скорей. Я готова к самому худшему.

– Персы разорили нашу деревню, а твоего отца живьем бросили в огонь. Он умер в невыносимых муках. Так они отомстили ему за Устигу.

Нанаи отшатнулась и ухватилась рукой за стену. Она представила себе страшную смерть отца, и ужас и нестерпимая боль пронизали всю ее. Придя в себя, Нанаи подумала, как лживые были слова начальника персидских лазутчиков. Теперь-то она знает, ради чего воюет Кир. Жажда власти – вот его благородная цель! Кровь и смерть – привычное средство для ее достижения.

Мысли Нанаи обратились к заточенному в подземелье дворца Устиге; все, что он говорил, оказалось ложью, а она легкомысленно поверила ему. Как могла она хотя бы на миг допустить, что Кир – человек справедливый и стремится облагодетельствовать мир своей безграничной любовью и правдой? Она должна подавить в себе добрые чувства

к нему; о да, подавить столь же безжалостно, как его солдаты во имя бога правды, справедливости и любви бросили старого Гамадана в бушующее пламя.

Она подняла заплаканные глаза на гонца.

– Спасибо тебе, я твоя должница. Чем могу я тебе отплатить? Чего ты желаешь – золота или драгоценных камней?

– Не золото и драгоценные камни, – ответил тот, – добрый меч мне нужен, чтоб отплатить персам за муки и унижение, свидетелем которых я был. От Деревни Золотых Колосьев камня на камне не осталось. Опояшь же меня мечом из кладовой Набусардара!

В ответ Нанаи приказала воинам из дворцовой стражи проводить гонца к Набусардару.

– Когда битва закончится, приходи снова. Я щедро вознагражу тебя, – сказала она ему на прощание.

С того дня Нанаи еще больше прильнула душой и сердцем к Набусардару, который не покидал крепостных стен. Градом сыпались на них персидские стрелы, но он готов был умереть ради того, чтобы жила Вавилония.

Дни она проводила в обществе Теки, скульптора, Улу, нередко – среди пряж и ткачих. И все это время лицо ее оставалось сосредоточенным и печальным.

Но в один прекрасный день привычное течение жизни во дворце было нарушено появлением незнакомого человека. При нем оказалась грамота с оттиском печати Набусардара, и назвался он певцом, которого якобы послал сам верховный военачальник, чтобы развлечь Нанаи в ее одиночестве. Тека поспешила сама привести певца к госпоже, надеясь, что тот развеет ее печаль.

Певец сидел в комнате перед Нанаи, склонившись над семиструнной лирой, подобной той, какую вложили в руки Терпандра божественные силы Крита. Он то касался перстами струн, то искоса доглядывал на избранницу великого Набусардара.

Музыкант был еще не стар, но в волосах его поблескивали серебристые пряди. Ясный взгляд его излучал неизъяснимую силу, и всякий раз, как он пробегал глазами по лицу Нанаи, в душе у нее поднималось странное беспокойство.

– О, – проговорила она, – твой взгляд смущает меня, ты покоряешь меня своим искусством, играй же, играй.

Певец исторгал из струн чарующие звуки, словно и в самом деле пытаюсь обольстить свою слушательницу.

– Мой господин послал тебя, чтоб утешить меня. Скажи, чем могу утешить его я?

– Твой господин послал не только утехи ради, – ответил музыкант в паузе между песнями, – Знай – по ночам его мучают кошмары... Кто-то из богов угрожает ему...

– Чем? – выпалила Нанаи испуганно.

– Не смею огорчать тебя, избранница любви. Но знай – боги непреклонны в своем промысле.

– О чем ты? Скажи – прошу тебя, очень тебя прошу.

– Я не могу говорить тебе о тревогах твоего господина, великого Набусардара.

– Верно, это что-нибудь страшное, очень страшное, потому что Набусардар равнодушен

и к богам и к наветам. Скажи, заклинаю тебя чарующими звуками твоей лиры! В этом нет ничего худого, даже если ты и дал обет верности и молчания. Скажи, заклинаю тебя колдовством твоих мелодий!

– Неужто ты так сильно любишь Набусардара?

– Да.

– И никого больше в целом свете?

– Никого. Певец задумался.

– Это-то и погубит твоего повелителя, моя несравненная госпожа.

Нанаи похолодела.

– Так говори же, чародей, говори, не мучай Меня.

– Волей богини Иштар тебе суждено делить свое сердце между двумя, любить двоих, жертвовать собой ради двоих, с двумя наслаждаться.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я пришел предупредить тебя, что одна из чаш на весах твоих чувств заметно перетянула другую, и тот, кому отдалась ты всецело, должен умереть. Это открыла Набусардару небесная Иштар.

– Набусардар должен умереть из-за моей любви к нему? Этого я не допущу. Сердце, которое жаждет быть благоухающим цветком, не станет роковой ловушкой. Нет, нет, певец, любовь не смеет убивать.

– Не должна бы, несравненная госпожа, никого и никогда. Однако сердце твое, на котором печатью лежит поцелуй того, другого, мирится с тем, что он страдает и гибнет в подземелье. Боги в своей суетности умеют быть и справедливыми. Они призывают к себе не Устигу, а Набусардара.

– Певец! – ужаснулась Нанаи.

– Ты скажешь, что в тревожное время, когда у стен города бушует война, твой долг – хранить любовь того, кто на куртинах ежедневно подставляет грудь под стрелы врагов?

– О да! Два года с замиранием сердца я жду его в этих стенах, мысль о грозящей ему опасности может свести с ума. Но, скажи, что же в этом удивительного, певец? Ведь я всего лишь женщина, которой так необходимо опереться на плечо мужчины. Тебе ли не знать этого! Если тебя и вправду послал Набусардар, он, верно, говорил, как задобрить своенравных богов...

– У тебя есть ключи от подземелья. Из чистого золота. Их подарил тебе Набусардар во вторую годовщину вашей встречи у Оливковой рощи. Верно я говорю?

– Верно.

– Он преподнес их в знак того, что считает тебя хозяйкой своего дома и целиком доверяет тебе... Ныне Непобедимый посылает тебе, – певец запустил руку в кошель за своим широченным кожаным поясом, – вот этот перстень.

Он повертел его в руках – камни заиграли, вспыхнули на свету.

– Великий Набусардар посылает его персидскому князю Устиге.

– Устиге? – От удивления Нанаи произнесла это имя шепотом.

– Именно Устиге, несравненная госпожа. Сумасбродство простого смертного не стоит того, чтоб о нем говорили, зато прихоти великих людей заслуживают всяческого внимания.

– Ты – демон! – вскричала Нанаи. – Как можешь ты насмехаться?

– Я придворный певец, и мое дело – играть да потешать. Но я умею быть и серьезным. Случается, и у меня болит душа. Прости, любезная госпожа, избранница великого Набусардара.

И он снова ударил по струнам, и снова полилась щемящая, скорбная мелодия.

Нанаи потупила глаза, черные мысли не давали ей покоя.

– Раздумывать ныне недосуг. Я обязан сдержать, слово и исполнить другое поручение – собственноручно передать Устиге этот перстень, – он слегка подбросил его и ловко поймал на лету пальцами. – Так приказал твой господин. Он посылает его в знак доброго расположения к персидскому князю. Я должен вручить его в твоём присутствии и сообщить Непобедимому, как перс отнесся к подарку – принял его с благодарностью или с негодованием.

– О, – затрепетала от страха Нанаи, – сделай, Энлиль, так, чтобы Устига порадовался ему.

– Ты боишься за жизнь Набусардара?

– Очень.

– Так сойдем же скорее в подземелье.

Нанаи торопливо достала ключи из золотой шкатулки. крышку которой украшала миниатюра – нефритовое изображение Оливковой рощи.

Спускаясь по дворцовой лестнице из мрамора в серых прожилках, Нанаи боязливо проговорила:

– Там сейчас Тека, верная рабыня моего господина...

Тека действительно находилась в темнице, в обычное время принеся узнику пищу.

Устига лежал на истлевшей соломе, не в силах пошевелить рукой. Скупой свет каганца освещал его лицо, вид узника был ужасен – скулы, обтянутые сине-серой кожей, черные провалы вместо глаз. На уши свисали длинные космы; некогда красиво подстриженная борода, теперь уже давно нечесанная, напоминала свалявшуюся паклю.

Тека склонилась было над узником, но тотчас отпрянула. Ей показалось, что Нергал, уносящий в преисподнюю души людей, уже закрыл ему глаза своим смертоносным перстом.

Но Устига очнулся.

Собрав последние силы, он спросил шепотом:

– Что делается за городскими стенами? Идет ли еще война? На чью сторону клонится победа? Тека молчала.

– Я знаю, тебе запрещено со мною говорить. Быть может, душа моя вырвется из этого мрачного подземелья прежде, чем утихнет битва. Я очень слаб, Тека. Но и на склоне жизни заклинаю тебя звездами, месяцем и солнцем, заклинаю любовью и скорбью, скажи: далеко ли Кир? Два года гнию я в этом склепе, ожидая либо смерти, либо иной жизни. Где стоит сейчас войско моего царя?

– Господин! – в ужасе отшатнулась Тека.

– Никто никогда не узнает, что ты разговаривала со мной. Сегодня ты в последний раз принесла мне пищу. Завтра моя душа уже будет блуждать в царстве теней. Ормузд поможет мне вырваться из темницы этого солнечного дворца, Ормузд помо...

Язык плохо повиновался ему, и он умолк.

– Господин, вижу, ты добрый человек и заслуживаешь того, чтоб увидеть солнце, но не принуждай меня обманывать моего господина.

– Я понимаю тебя, Тека. Ты думаешь, умирающему безразлично, кто побеждает, Кир или Набусардар? Оба они сильны. Два года длится единоборство. Быть может, боги смилостивятся и опояшут меня мечом, чтобы мог я примкнуть к воинам моего царя. О Тека, хоть раз еще опоясаться мечом и взять в руки лук!.. Но нет, этому не бывать... Тело мое – ветхая холстина, а дух – сломанное крыло... Но об одном я тебя прошу – скажи мне хотя бы о ней. Не она ли это была, чьи глаза излучали ее взгляд?

Тека силилась побороть в себе сострадание.

А Устига продолжал:

– Чьи глаза излучали ее взгляд, чьи уста пламенели багрянцем ее губ, на чьих щеках играл румянец с ее щек... а каждая черточка светилась ее застенчивой улыбкой...

Вздых вырвался из груди Теки.

– Скажи, это она прислала мне маленького божка из нефрита, благовония, теплое покрывало и упростила пробить второе оконце, чтобы в темнице было светлее?

Тека всхлипнула.

– И этого мне никогда не узнать... но исполни хотя бы последнюю мою просьбу. Скажи, жива ли она?

– Жива, – сжалившись, кивнула Тека. Охваченный внезапной надеждой, Устига попытался было встать, но предательская слабость вновь свалила его на соломенное ложе.

– Жива... Стало быть, она жива... Я умираю, а она жива... пусть хоть она живет. – Слеза выкатилась из-под его ресниц. – Пусть живет, моя прекрасная, любовь моя. Передай ей, Тека, что я ей все простил, что умираю без ненависти в сердце.

Тека насторожилась. Ей послышалось, будто кто-то спускается вниз по лестнице.

– Обещай, что передашь это... Я умираю за отчий край и уношу с собой в могилу самые светлые чувства к ней...

Рабыня взяла миску и протянула ее Устиге. Но тот не заметил этого жеста и продолжал слабеющим голосом:

– Мне кажется, я не мог бы найти в мире ничего более прекрасного, за что стоило бы пожертвовать жизнью.

Голова его свалилась набок, зрачки подернулись стеклянным блеском...

– Господин! – вскрикнула Тека и принялась трясти Устигу за плечо.

Конвульсия свела его лицо, но Теке мерещилось, будто он улыбается. Прозрачная пленка кожи обтянула скулы узника, бездной развернулись глазные впадины.

– Господин, господин! – кричала прислужница. Выронив из рук миску с едой, она бросилась к выходу.

В тот же миг дверь настежь распахнулась и на пороге показалась Нанаи с нанизанными на колечко золотыми ключами, а вслед за нею – певец, рука которого лежала на семиструнной лире.

В лицо вошедшим пахло затхлостью подземелья: воды Евфрата просачивались сквозь кладку, разъедая обмазку, узоры плесени расползлись по стенам темницы.

Нанаи едва не задохнулась в спертom воздухе и в страхе попятилась к двери.

Певец подхватил ее под руки и подбодрил:

– Смелей! Тот, что лежит на соломе, тоже дышал когда-то кристально-чистым воздухом, принесенным силою ветра с Серебряных гор, с горделивых вершин Тавра.

Она ничего не ответила на язвительные слова – ее вдруг так затрясло, что связка ключей на колечке, в два ряда усыпанном изумрудами, громко звякнула.

Погружавшееся в безмятежный сон сердце узника откликнулось на этот звук. Мгла перед глазами поредела с появлением чего-то непривычного. Устига ощутил это еще не совсем угасшим инстинктом – тем, что останавливает слепца на краю пропасти.

Когда Нанаи с певцом приблизились к нему, губы Устиги шевельнулись, но певец предупредил его вопрос. Он склонился над узником и, поднеся перстень к чахламу свету каганца, сказал:

– Князь из далекого персидского края, я принес тебе дар от твоего повелителя.

– Элос! – вырвалось из груди узника.

Элос, персидский лазутчик? Нанаи попятилась к двери, ища глазами стражников.

– Ах, у него горячка, не удивительно, что он бредит о своих друзьях... – лукаво усмехнулся певец и, взяв исхудалую руку Устиги, надел ему на палец перстень, в котором каплей крови пламенел драгоценный камень рубин из страны Офир, страны ясновидящей Балкис-Македы из Савы. Согласно поверью этот камень оживлял кровь в теле, спасая человека от смерти.

Певец тихонько шепнул Устиге:

– Кир близко, мужайся!

Устига пришел в себя.

Искра жизни трепетом пробежала по его изможденному телу. Вцепившись костлявыми пальцами в отвороты мантии, в которую был облачен музыкант, он взмолился:

– Скажи, кто ты!

– Певец, – ответил тот невозмутимо, – а этот перстень посылает тебе твой господин... непобедимый Набусардар – в знак вечной дружбы, залогом жизни. Притронься к нему, он с рубином. Притронься, и ты почувствуешь, какой он горячий и влажный. Он вернет кровь твоим жилам.

Устига разжал пальцы и упал навзничь.

– Он совсем обессилел, любезная госпожа. Чего доброго, не сегодня-завтра помрет в этой берлоге. Если хочешь спасти Набусардара, вели перенести персидского князя в светлую комнату да пошли к нему лекаря и ухаживай за ним. Насколько я знаю, однажды он спас тебе жизнь. И кажется, случилось это у опушки Оливковой рощи. Похоже, тогда ты любила Устигу и восхищалась красотой его духа, сердцу твоему грезилась его ласка, слух жаждал его песни... Вот послушай...

И он исторг из струн мелодию, которая больно отозвалась в душе Нанаи, девушка едва устояла на ногах.

– Сжался, певец. – Она закрыла лицо руками и повернулась к двери.

– Когда-то ты любила его, и Энлиль не забыл этого. Когда-то ты приняла помощь Устиги и позволила ему вернуть тебя к жизни. А теперь, когда душа его покидает тело, ты не шелохнешься, слова доброго не скажешь. Неужто ты так ослеплена тем, другим? Помни, боги бывают и справедливыми!

В подземелье слышались лишь тихие всхлипывания Нанаи и шуршание гнилой соломы.

– Кто это скрывается за тобой, гонец? – спросил Устига, вглядываясь в тень у двери.

– Женщина, князь. Волею богов и Набусардара она пришла утешить тебя. Боги и Набусардар послали ее, ибо перст Набу в Книге судеб начертал этой красавице из красавиц пребывать меж двух мужей, наподобие пропасти, разделяющей две скалы, и лелеять в сердце двоих, как лелеет и поит влагой земля сросшиеся корни мандрагор.

– Кто открыл тебе это и кто ты сам? – прошептала Нанаи в ужасе.

– Певчий и гонец Набусардара! – усмехнулся таинственный гость. – Ты удивлена, богиня любви, как Набусардар послал тебя в это нечеловеческое обиталище утешать несчастного? Как он решился пожертвовать тобою? Ах, досточтимая госпожа, богиня любви! – Он тронул пальцами струны, и темница наполнилась волшебными звуками. – Когда нам самим грозит смерть, о других мы не думаем... Таков и Набусардар.

Так вот оно что, думала Нанаи. Боги угрожают избраннику ее сердца смертью. Потерять единственного, кто остался у нее в целом мире? Дать погибнуть тому, в ком сейчас так нуждаются? Нет, этого не должно случиться!

Не будь стражи у приоткрытых дверей, не будь свидетеля в лице этого кудесника, она пала бы на колени с мольбой:

– Смилуйся, Энлиль, и ты Иштар, не оставьте меня на стезе моей!

Она приблизилась бы к ложе из гнилой соломы, на которой бессильно разметались руки, некогда врачевавшие ее пронзенное стрелой плечо, и молвила бы слово раскаяния. Быть может, в ответ она услышала бы спасительное для Набусардара слово прощения...

Но этот старец... Нанаи украдкой взглянула на музыканта. Этот старец, дьявол или искупитель, все перебирал и перебирал гибкими пальцами струны, и те то нежно трепали, то издавали яростный рокот.

Нанаи обуял страх, ее так и подмывало кинуться прочь, но старец с громогласной

семиструнной лирой уже стоял у выхода. Путь к отступлению был отрезан. А у противоположной стены, словно замороженный чудодейственной музыкой, медленно поднимался на ложе князь Устига, измученный, страшный, похожий на призрак из древних сказаний.

Поднимаясь, он проговорил:

– Откинь кисею с лица, женщина. Покажись. Пусть увидит Устига, кого послали ему в утешение боги и Набусардар.

Устига встал и двинулся к ней на высохших ногах.

Нанаи попятилась от живых мощей, хотела было крикнуть, но горло сдавила спазма и она лишь прошептала в ужасе:

– Тека!

Но Теки здесь уже не было. Она незаметно выскользнула из темницы, чтоб уведомить начальника дворцовой стражи о случившемся.

Устига медленно приближался к Нанаи.

Ни жива ни мертва от страха, девушка словно вросла в каменную плиту пола. Она не смогла пошевелинуться, даже когда рука Устиги отвела кисею с ее лица. Чувства Нанаи притупились, она не заметила, как умолкли струны, как, перекинув лиру через плечо, чудесный певец стремительно шагнул за порог и притворил за собою дверь.

Расшитая кисея более не скрывала ее лица, и персидский князь, нет не выговорил, а выдохнул, потрясенный:

– Нанаи?

Мягко и нежно, как каплет из ложбинки ковша драгоценный елей в жертвенные чаши, так же мягко и нежно провел он ладонью по ее кудрям.

– Ты пришла, потому что я страстно желал этого. То, чего бескорыстно жаждешь всем сердцем, непременно сбывается. Благословляю за это судьбу, стократ благословляю за то, что смог увидеть тебя. С хвалой на устах и песней в душе благословляю и буду благословлять ее во веки веков за каждое твое прикосновение, за каждое слово, за каждую улыбку. Ликуя, снимаю я уцелевшие гроздья с твоих виноградников, в упоении поднимаю пожелтелый лист, нечаянно зацепившийся за край твоего одеяния и невольно занесенный сюда тобою. Я беру и возлагаю его себе на голову, словно лавровый веночек, смоченный в драгоценной эссенции. С этим венком на голове, с просветлевшим лицом и кровоточащей, израненной душой уйду я завтра на закат...

– Устига, – перебила она его, думая, что он бредит.

– Да, завтра, так сказал певец.

– Ты не умрешь, – очнулась Нанаи. – Ты должен жить.

– Уйдем со мной, Нанаи, и мы навеки будем вместе.

– О нет, нет, – прошептала она в смятении, – я должна остаться во дворце, я должна ждать...

– Здесь? Во. дворце? Кого ты собираешься ждать? Отвечай же! Откуда ты пришла?

– Я давно уже здесь, князь. Почти столько же, сколько и ты.

Устига задрожал.

– Боюсь произнести – как возлюбленная, как наложница Набусардара?

– Не скрою – я помолвлена с Набусардаром и, если Энлиль явит свою милость, стану его женой. Мы ждем, когда окончится война.

Обессиленный, ошеломленный ее словами, Устига покачнулся, руками ища опоры в воздухе.

– Безумная! – вскричал он. – Разве ты не знаешь, что Набусардар никогда не сможет взять тебя в жены? Ведь ты не знатного происхождения! Ему бы только потешиться – он погубит тебя любовью, а меня – голодом.

– Князь, ты слаб и много страдал, это говорит твоя изболевшая душа. Сядь. – Она подхватила его под руку. – Мы оба измаялись. Война и страдания надломили нас.

Устига повиновался. Шагнув к подстилке, он сказал:

– Да, я болен. Прости меня, Нанаи. Я очень болен. Глаза мои давно не видели солнца, и душа напиталась вечным мраком.

Когда они опустились на трухлявую солому, Устига схватил ее за руку.

– Я давно не видел света, Нанаи, в этой тьме меня преследуют черные и злые мысли. Зачем ты выручила меня тогда и спасаешь теперь? – Уперев заострившийся локоть в костлявое колено, он опустил голову на руку. – Я так любил тебя, Нанаи, ты же предпочла богатство и роскошь. Но ведь и я мог окружить тебя богатством и роскошью в Экбатане. Ты избрала Набусардара, согласилась стать его рабыней – ты, дочь Гамадана, предки которого веками сражались за вольную Вавилонию.

Резким движением высвободив руку из тисков его пальцев, Нанаи упрямо покачала головой.

– Ты права, – откликнулся он виновато, – благородному человеку подобает быть заступником, но не обидчиком женщины. Прости, что я обидел тебя. За два года умирания в этом глухом подземелье я совсем потерял разум; согласишься – долго ли сойти с ума в этом склепе?!

Разговор невероятно утомлял его, каждое слово стоило Устиге больших усилий.

– Побереги себя, князь. Тебе нельзя так много говорить, – стала она успокаивать Устигу.

Спаси его – значило спасти Набусардара. Другого выхода, другого пути у нее не было. Она забыла об Устиге в трауре по отцу, но теперь, движимая страхом за Набусардара, которого боги грозили призвать в страну вечного заката, Нанаи преисполнилась решимости помочь персидскому князю.

– Доверься мне, князь. Сегодня же я вызволю тебя из этой сырости и смрада.

– Как ты меня вызволишь отсюда, что ты задумала?

– Нет, выпустить тебя на волю я не могу, – спохватилась Нанаи, – но я велю перенести тебя наверх, в дворцовые покои, где больше воздуха и солнца... Ведь ты всегда любил чистый воздух и солнце... князь.

По ее нежным щекам текли слезы.

– Выходит, взамен подземелья – дворцовые покои. – Устига склонил голову. – Благодарю тебя, Нанаи, ты очень добра. Но я отказываюсь от твоего благодеяния. Я давно приготовился к смерти. О, как тяжело жить в ее ожидании. Завтра... так сказал певец. – Он перевел дух. – В правой поле, в уголке этого рубища зашит смертельный яд. Я волен прибегнуть к нему, когда угодно. Я давно бы уже принял его, если бы не стоял передо мною твой образ, если бы не тревога за твою судьбу. Мне так хотелось увидеть тебя, увидеть еще раз. Я надеялся, что Кир сокрушит вавилонские стены и мы вместе уедем в Персию. Но Бабилу стойко обороняется. И ты, конечно, веришь, что победит Вавилон. Ты предпочла Набусардара и надеешься на его победу. – Вялая усмешка тронула его губы. – Но задумывалась ли ты над тем, кто он, этот победитель? Когда-то Набусардара перевозносили все вавилонские женщины, ныне они молчат, потому что у великого воителя странные вкусы. Он предпочитает женщинам лошадей и собак.

– Князь!

– Ты ослеплена, Нанаи! Неужто ты не замечала, что сперва он кормит лошадей и собак, а потом уже ест сам? Кто не знает, что пятьдесят наложниц своего гарема он отдал толстоброхому купцу в обмен на жеребца, который почитался лучшим скакуном во всей Фригии!

– Князь! – вскрикнула Нанаи, схватив его за руку. – Ты говоришь, не помня себя. Твоя рука будто в огне. Ты болен, ты очень болен. Князь...

Сгорбившись, как-то весь сжавшись, Устига прошептал:

– Нанаи, я хочу тебе еще сказать, что это был не царский певчий, не гонец Набусардара, а вестник смерти.

Устига уронил голову между колен, повалившись на бок, затих на своем ложе.

– Князь! – Объятая ужасом, Нанаи впилась руками в его плечи, силясь распрямить скорченную фигуру Устиги.

Нанаи без труда перевернула его на спину, но иссохшее, костлявое тело Устиги не обнаружило признаков жизни.

Нанаи в страхе поднялась. Первым побуждением ее было бежать, но мысль о том, что, возможно, певец, вестник смерти, ожидает за дверью, приковала ее к месту. Нанаи заслонила лицо руками. Он привел ее сюда, чтобы она стала свидетельницей смерти Устиги и узнала, за что суждено погибнуть Набусардару. Стремительной птицей мелькнула эта мысль в ее мозгу.

Одно было для нее несомненно: жестокосердные, кровожадные боги призывают к себе Набусардара в отместку за смерть Устиги.

Но пусть они знают, что любовь сильнее смерти, что любовь возлагает себя на жертвенный алтарь, что любовь собственную кровь цедит в раны истекающих кровью, что любовь сама воспламеняет себя, когда нужны свет и тепло, что любовь – это путь к красоте и правде, что любовь не знает усталости в стремлении к самой далекой цели, что любовь – это крепость, на башню которой самые прославленные воители с благоговением возлагают свои мечи; что любовь сильна, сильнее смерти...

Нанаи повернулась от двери, к которой она было отошла, и вновь осторожно подкралась к ложу Устиги, шепча:

– В этот миг ты стоишь на крепостной стене, любимый мой, великий и непобедимый Набусардар, тревожась за будущее Вавилонии. Знаю, тебя не страшат ни смерть, ни царство теней, я тоже их не боюсь, но из нас двоих ты нужнее, и поэтому ты должен

жить. Своей смертью я умиротворю жестокосердных богов, разгневанных гибелью Устиги.

Под ее ногами зашуршала гнилая солома: Нанаи тихонько опустилась на колени.

– Ты говорил, Устига, что в правой поле твоей одежды... – И она трясущимися пальцами нащупала маленький мешочек с ядом. – Я не противлюсь милости твоего бога Ормузда. – Нанаи надорвала подкладку. – В свой час он должен был избавить тебя от позора и унижения... – Нанаи извлекла мешочек и развязала тонкие тесемки. – Ныне... – Она высыпала порошок на ладонь. – Клянусь тебе, господин мой, возлюбленный мой, в щит которого сейчас вонзаются персидские стрелы, клянусь Энлилем, который создал меня, и богиней Иштар, которая меня благословила, что я уйду из царства радости в царство теней, чтоб ценою своей жизни спасти тебя.

Она смотрела перед собой в темноту, и счастливая улыбка озаряла ее лицо.

Тени подземелья простирались вокруг, недвижны, словно столпы загробного царства.

Нанаи перевела взгляд на ладонь, но, к ужасу своему, обнаружила, что нечаянно просыпала большую часть смертоносного порошка в лужицу, куда стекала сырость из-под ложа мертвеца. Может, для слабой женщины хватит и того немногого, что осталось?

Она запрокинула голову.

– Помни, великий мой, возлюбленный мой, прекрасный мой, смерть не разлучит нас, ибо любовь сильнее смерти... – и поднесла ладонь к губам.

Мысленно она прощалась со всем, что было дорого ей в этом мире. Взору ее разом предстали истерзанная войной Вавилония и языки пламени, в котором нашел свою погибель отец.

Приложив ладонь к губам, Нанаи еще раз остановила взгляд на пленном персе. Невыразимая боль стеснила ее грудь. Ведь она сама два года назад сделала первый шаг к ужасной развязке. В памяти Нанаи всплыли слова, сказанные Устигой той ночью в подвале дома на опушке Оливковой рощи. Конечно, это был прекрасный и благородный человек, но он стал жертвой бессмысленной ненависти и распри между людьми. И вдруг Нанаи поняла, что ни она, ни Устига не виновны в зарождении этой ненависти и розни и, не будь смертельной вражды меж племенами, они сумели бы найти общий язык.

– Князь, – изнемогая, жалобно прошептала она. Вдруг голова Устиги качнулась, упала набок, веки приоткрылись, и мутный взгляд скользнул по лицу Нанаи.

– Князь! – вскрикнула Нанаи, задрожав. Узник судорожно вздохнул и снова закрыл глаза.

– Ты жив... – негромко проговорила Нанаи, и ладонь со смертоносным порошком бессильно упала.

Устига слышал ее голос, но был так слаб, что не смог выговорить ни слова.

– Ты жив... – повторила она, точно благодаря его за величайшее благодеяние. – Воистину любовь сильнее смерти.

Эти слова шелестом донеслись до его слуха, Устига опять впал в забытие...

А в это время мнимый царский певчий стоял на террасе башни Этеменанки и на глазах у верховного жреца Исме-Адада изо всех сил натягивал тетиву, целя в сторону персидского лагеря. На стреле была надпись:

«Видел Устигу в темнице Набусардара. Дни его сочтены. Поспешите, Кир, царь мой».

Тот, кто теперь вместо семиструнной лиры держал в сильных руках натянутый лук, волею богов носил имя Элос.

* * *

После прихода Нанаи в борсиппский дворец Набусардар распорядился освятить куст игольчатого аканта.

Восхищенный формой растения, скульптор Гедека украсил двери, ведущие в покои Нанаи, гипсовым изображением ошестинившихся «соцветий и колючих листьев». Кроме того, увлекшись, он вылепил четыре колонны в виде акантовых колосьев и велел расставить их на террасе в том крыле, где находились комнаты Нанаи. Перед ним в бассейнах сверкали ослепительной красотой чашечки белоснежного лотоса, покоившиеся на плавучих листьях, словно заколдованные красавицы на глади озерных омутов. Решетчатый навес террасы был увит буйно разросшимся плющом, а по краям раскинулась крупноцветная чемерица; тут же тянулись ряды наперстянки с желтыми и пурпуровыми колокольцами, покрывавшими весь стебель. В укромных нишах росла жимолость, которая наполняла покои своим благоуханием. Десятки редких кустарников, трав и цветов покрывали небольшое пространство террасы.

Но наибольшей заботой дворцовых слуг удостаивался именно ошестинившийся колючками куст аканта, его высокие стебли обступали садовую мраморную скамью, подножие которой было искусно оковано бронзой. Горькие минуты одиночества Нанаи коротала на этом ложе, внимая шелесту южного ветерка в цветнике и воплям демона войны за городскими стенами.

Игольчатый акант должен был послужить щитом и мечом дому Набусардара. Под его защитой Нанаи, как и другим обитателям дворца, предстояло переждать грозную пору войны и наступление мирных дней встретить под знаком терпения, любви и веры.

Но однажды поутру Тека заметила, что верхушки аканта чахнут. Кто-то из демонов коварно подстерегал счастье, которое берег в своей цитадели непобедимый полководец. Весть об увядании священного куста встревожила всех обитателей дворца.

Несчастье нависло над домом Набусардара.

Все началось с того утра, когда чудной певец явился звуками своего инструмента развеять грусть возлюбленной хозяйина и так заморозил ее своими колдовскими чарами, что та согласилась спуститься в злополучную темницу к пленному персу.

Оказав дьяволу эту небольшую услугу, певец выскользнул за дверь, перебросился словцом со стражниками, взбежал по лестнице и, минуя княжеские покои, устремился к нижнему двору.

На левом крыле лестницы, сложенной из розового песчаника и украшенной гигантскими изваяниями сидящих львов из светло-серого камня, он лицом к лицу столкнулся с запыхавшейся Текой – прислужница разыскивала начальника дворцовой стражи, чтобы сообщить ему о происшествии в подземелье.

Певец не свернул с дороги и, когда Тека подняла кулаки, ударил по струнам.

– Ой! – вскрикнула рабыня, отшатнувшись.

Бренча лирой, музыкант сбежал по ступеням, на вертикальной плоскости которых камнетесы высекли сцены из жизни Охотников и лесных зверей.

Тека глядела ему вслед. Он прошел под могучим развесистым тысячелетним дубом, символизировавшим силу рода Набусардаров, нагло прошагал мимо стражников и скрылся за воротами.

Не найдя начальника стражи, Тека бросилась назад в подземелье, чтобы увести оттуда хозяйку дома.

Ее охватило предчувствие чего-то непоправимого.

Она распахнула дверь темницы, но после ослепительного летнего солнца в первую минуту ничего не увидела.

– Госпожа! – позвала она.

Ни звука в ответ.

Глаза ее понемногу свыкались с темнотой, и среди мрачных стен Тека различила на соломенной подстилке две фигуры.

Сперва она увидела Устигу, неподвижно скорчившегося на своем одре. Над ним, приложив ладонь к пылающему лбу князя, стояла на коленях измученная Нанаи.

– Что это? – в испуге проговорила Тека. Едва сдержав крик, она послала одного из стражников за дворцовым лекарем и наказала солдату держать язык за зубами, но, прежде чем явился премудрый лекарь Сирру-Асум, слуги столпились у входа в подземелье, выспрашивая, что случилось.

Тека была сама не своя:

– Неужто мертв?

Нет, он жив, – ответил Сирру-Асум. – Но у него корчи. Он совсем обессилел.

Тут он заметил лежавший возле подстилки мешочек. Лекарь поднял его и высыпал на тыльную сторону ладони остатки содержимого.

– Яд, – обомлела Тека.

– Яд, и притом очень сильный. О Мардук, надеюсь, он не собирался отравить себя и избранницу Набусардара?

– Нет, мудрый Сирру-Асум, – подала голос Нанаи, – я сама хотела лишиться жизни, чтобы спасти Набусардара от смерти, потому что, как открыл мне певец, если Устига уйдет в царство теней, вслед за ним суждено уйти и Набусардару. Я хотела, чтобы смерть моя стала для него искуплением, думала умиловать богов, но руки у меня так дрожали, что я, как видишь, просыпала яд на землю, а того, что осталось, было слишком мало.

– Будь благословен, Мардук, – прошептала Тека.

– Ты полагаешь, мудрый Сирру-Асум, что у князя всего лишь корчи? – в слезах спросила Нанаи.

– Все говорит за это. Мы положим его на носилки и перенесем наверх.

В дворцовом покое, куда его поместили, Устига очнулся с выражением печального и трогательного равнодушия ко всему, что предстало его взору. Он глубоко вдыхал свежий воздух, струившийся сквозь отверстие в потолке, и это был единственный знак теплившейся в нем жизни.

Треволнения последних дней так истощили Нанаи, что Сирру-Асум и ее уложил в постель. Она не помнила, приняла ли остаток яда, который высыпала на ладонь, решив отравиться. На всякий случай лекарь еще раз дал ей козьего молока с целебным отваром. Рука Нанаи дрожала, когда она пыталась поднять кубок со снадобьем. Губы ее были бескровны, глаза тусклы, долго не проходила слабость во всем теле.

Ожила Нанаи, когда лекарь, при ней вспомнив об Устиге, сказал, что Нергал не впустил его в царство теней; щеки Нанаи порозовели, просияли глаза.

Вскоре она стала подниматься с постели и выходить на террасу, обычно в сопровождении мудрого Сирру-Асума или жреца-учителя, брата Улу.

Однажды они стояли с благородным Улу среди газонов, засаженных ирисами, и смотрели на куст священного аканта с увядшей верхушкой.

– Страшно ли это знамение, брат Улу? – спросила Нанаи. – Боги наделили жрецов даром провидения, открой мне всю правду. Верно ли, что моему господину, великому Набусардару, угрожает опасность? Певец с семиструнной лирой пророчил ему смерть.

– Но ведь это не певец был, – с ласковой укоризной возразил Улу.

В глазах Нанаи отразилось недоумение.

– Не певец, а один из персидских лазутчиков.

– Элос?

– Быть может, и Элос. Его светлость, непобедимый Набусардар приказал выследить его в Вавилоне. Переодевшись певцом, этот перс проник во дворец.

– О горе мне, легковерной!

– Этот перс знал, что ты испугаешься за судьбу Набусардара, так оно и случилось. Но его светлость прощает тебя.

– Откуда это тебе известно, добрый Улу?

– Я сам принес Непобедимому весть о коварстве мнимого певца.

– Скажи, он очень устал от боев и сражений?

– У Непобедимого много забот, лицо его хмуро, глаза воспалены.

– Он потерял веру в победу?

– Веры он не потерял, но опасается, как бы войска не истощили друг друга настолько, что победителю не хватит сил увенчать себя лавровым венком.

– И долго еще продлится война?

– Кто знает, дорогая Нанаи! На внутренней стороне перстня, который оставил Устиге персидский лазутчик, мы обнаружили надпись...

– Надпись? – шепотом переспросила Нанаи, чувствуя, как ею снова овладевает слабость.

– «Мужайся, Кир близко!» – вот что написано там.

– Что это значит? – спросила Нанаи изменившимся голосом.

Что персы задумали какое-то вероломство и верят в свой успех.

* * *

Ликут горны, гремят барабаны, в воздухе реет походная песня. В эту смесь звуков вплетается гомон возвращающихся с поля дворцовых жнецов и жниц. Сверкают под солнцем серпы, горят в его лучах острия копий. Толпа все растет, обступая свиту верховного военачальника. Всадники с трудом прокладывают себе дорогу. Женщины бросают им цветы, плоды гранатового дерева, айвы, финики и тяжелые, роскошные гроздья винограда.

Наконец отряд остановился перед огромными воротами борсиппского дворца Набусардара.

Впереди воинов на статном скакуне ехал сам Набусардар в шлеме с гребнем. Верховный военачальник был чем-то озабочен, но сквозь тень на его лице просвечивала ласковая улыбка, с которой он обращался к ликующему народу.

Под звуки горнов и бой барабанов створы ворот распахнулись, и отряд въехал на просторный двор.

Набусардар остановился, подоспевшие конюхи подхватили брошенные им поводья, поглаживая верного коня по крутой шее.

А со второго двора уже спешили Тека и скульптор. из мастерских высыпали слуги.

Обрадованный такой встречей, Набусардар поздоровался со всеми и нетерпеливо обратился к Теке:

– Где же моя избранница?

– Твоя светлость найдет ее на террасе. Едва Тека произнесла эти слова, как стебли плюща раздвинулись, и в нимбе позолоченных солнцем волос показалось лицо дочери Гамадана.

– Нанаи! – выговорил Набусардар и, словно подхваченный ветром, кинулся к лестнице, ведущей в верхние покои.

С замирающим сердцем устремилась девушка ему навстречу. Легкокрылым мотыльком, легким облачком летела она, едва касаясь ступеней. Мысли у нее звенели, точно веселые бубенцы потешников. Любовь раскрыла свои лепестки, обнажив ликующее сердце Нанаи.

Она подбежала к нему и обвила его шею. Набусардар обнял ее и крепко прижал к груди. Обеими руками гладил он ее волосы, вплетая пальцы в их пряди.

– Нанаи, дорогая, любовь моя, жизнь моя...

– Благословение Энлилю – ты вернулся... – проговорила она.

– Любовь моя, жизнь моя... жизнь моя, любовь моя, – шептал он, ей в лицо, не зная, какое из этих слов вернее выражает переполнявшее его чувство. Вдруг он запнулся: – Это правда, будто Устига хотел лишить тебя самого прекрасного, что есть на Свете, и дал тебе яд?

– Я обо всем расскажу тебе, мой милый.

Обнявшись, поднимались они по лестнице, и Нанаи тихонько исповедовалась ему:

– Как-то во дворце появился незнакомый человек. Он назвался певцом и сказал, будто ты послал его ко мне. И я по глупости и со страху поверила его вздорным предостережениям. А когда увидела Устигу в корчах, то решила, что он умирает, и испугалась, неразумная, как бы боги в отместку не отняли жизнь у тебя. Я хотела смирить гнев богов и спасти тебя ценою собственной жизни, принять яд. Устига говорил, что у него в поле зашит мешочек с ядом. Но я не по его понуждению, а по своей воле хотела уйти в царство теней. Да только боги судили иначе; оба мы живы и я могу обнять тебя. О, я могу обнять тебя и смиренно прошу – будь милосерден к Устиге.

– Ты все еще любишь его, Нанаи? Сильно, сильнее, чем Набусардара?

– Одного тебя, мой победитель.

– Только потому, что я победитель? А что, если бы им стал Устига, – кого бы ты избрала тогда?

– Клянусь незапятнанной честью рода Гамаданов: что бы ни случилось – я буду любить одного тебя.

– Ты произнесла это с такой грустью, Нанаи, любовь моя...

– Я говорю это с грустью, потому что многое из того, с чем сталкиваемся мы на дороге жизни, нам неподвластно. Страдания персидского князя заставляют меня страдать, хоть я и понимаю, что ты держишь его в заточении как недруга Вавилонии и не вправе выпустить, пока мы враждуем с персами. Но прошу тебя об одном, Набусардар, не отправляй его обратно в подземелье! Там ужасно, там слишком ужасно даже для убийц и диких зверей. Оставь его в верхних покоях. Пусть и у него будет немного свежего воздуха и солнца.

– Ты любишь его, Нанаи! – Набусардар холодно посмотрел на нее.

– О, если бы ты мог заглянуть в мое сердце, сомнения твои рассеялись бы, мой дорогой.

На повороте лестницы они остановились передохнуть.

Тревога и опасения, связанные с Устигой, не покидали Набусардара, хотя он и не придавал особого значения высеченному на перстне приказу Кира, – враг ведь отступил от стен Вавилона! Он лишь распорядился усилить стражу во дворце и набить двойную решетку на окне комнаты, где лежал Устига.

Затем все сошлись в кабинете Набусардара для дружеской беседы.

Первым заговорил Гедека, осведомившись, долго ли еще будет бесноваться демон войны.

– Я не случайно приехал, – оживился Набусардар, – персы отступают, и надо полагать – войне скоро конец.

– Конец? – воскликнула Нанаи, и слезы радости зазвенели в ее голосе.

– Полагаю, что так, хотя твердой уверенности у меня нет. Персидское войско отошло от стен Вавилона – это правда, лишь несколько отрядов закрепилось на подступах к городу – возможно, для того, чтобы прикрыть отступление основных сил.

– Господин, – разрыдалась Тека, – все, что прикопила я, служа твоему роду, я с благодарностью приношу в жертву богам.

– Не надо спешить, – остановил ее верховный военачальник, – хотя его величество Валтасар первым ступил на сей ложный путь... Люди в Вавилоне не помнят себя от радости – пляшут, поют, кричат. На улицы выкатили бочки с вином, пьют без удержу. Царь заразился веселостью гуляк и приказал в честь победы устроить пир, еще невиданный в Вавилоне. Я предостерегал его, говорил, что рано. Да он заупрямился, закапризничал, как всегда. Говорит, в такой день никому ни в чем не будет отказа, вино, как воды Евфрата, потечет через весь Город Городов. Солдаты будут угощаться заодно с горожанами – в домах, на площадях, в садах и на улицах. Женщины будут ублажать победителей.

– Господин мой... – Испуг мелькнул в глазах Нанаи.

Набусардар нахмурился.

– А самые красивые должны принадлежать царю, дорогая, – с суровой горькой усмешкой добавил Набусардар. – Вот какой чести могут тебя удостоить!

– О, ради Энлиля, – ужаснулась она, – ради священного Энлиля, творца вселенной...

Услышав о причуде царя, Тека задрожала. Она была свидетельницей великой любви. Набусардара к Нанаи и понимала, что творится в душе ее господина.

Прихоть Валтасара ошеломила и Гедеку, но, храня спокойствие, он сказал:

– Если царь остановит свой выбор на Нанаи, я берусь подыскать продажную женщину, внешне похожую на твою избранницу, светлейший, пусть та за золото подарит царю свое тело и ласки. Лишь бы Валтасар не догадался о подвохе! Если нет у него почтения к тому, кто два года защищал Вавилон и его самого, то поделом ему быть обманутым.

– Нет, мастер, – возразил военачальник. – Довольно обмана и лжи. Нанаи станет моей законной женой. Царь должен это осознать. За победу над персами я не потребую иной награды, кроме благородного титула для дочери Гамадана. Награды будут присуждаться в день праздника. Вот тогда я испрошу у царя позволения, чтобы Нанаи в соответствии с законом могла стать спутницей моей жизни. – Набусардар задумался. – Правда, однажды царь отказал мне, но я не хочу обходить закон.

– Извини меня, светлейший, но, пожалуй, в таком деле хитрость надежнее просьбы, – возразил Гедека. – На сей раз я советую тебе прибегнуть к ней, хотя, как ты знаешь, сердцу моему всегда чуждо было лукавство. Я не верю в великодушие нашего государя, и мне жаль Нанаи.

– Или сам испроси у Иштар милостей любви, – подала голос Тека, умоляюще глядя на господина. – Пусть она благословит тебя. Совладав с двумястами тысячами персов, неужто не переспоришь ты халдейского владыку?!

В душе он разделял ее мнение, но вслух произнес:

– Я надеюсь, выход найдется. Спасибо вам за попечение о моем дворце и самом дорогом для меня сокровище.

При этом он взглянул на Нанаи и погладил ее сложенные на коленях руки.

– Спасибо за радение и верность. Расспросив каждого о жите-бытье, Набусардар вскоре отпустил всех.

Когда они остались наедине, Нанаи сказала:

– Ты невесел и печален, мой победитель. Ты так грустишь, будто персы овладели Вавилоном. А ведь мы давно не виделись и тяжкое время пережили в разлуке. Радуйся же нашей встрече в вольном краю.

– В вольном ли, моя Нанаи? Опасность еще не миновала. На подступах к городу персы роют рвы. Вопреки желанию Валтасара, я приказал воинам не покидать стен. Боюсь, как бы враги не возвратились, хотя допускаю, что они решили убраться восвояси. Неспокойно у меня на душе. А руки связаны, ведь и для меня царское слово – закон. Будь моя воля, я преследовал бы персов до пограничных рубежей. Но у нас нет сильной конницы. Страшно сознавать, что тобою верховодит царь, который толкает страну в бездну. Это даже рабы понимают. Простого человека не обманывает чутье. Эсагила помирилась с Царским Городом, убедившись, что Валтасар, так же как Набонид, станет послушным орудием в ее руках.

– Что же нужно для спасения народа, мой повелитель?

– Нужно устранить этого спесивца, да боюсь, скоро не удастся. К тому же теперь Вавилонии необходим Валтасар, каким бы он ни был; если трон опустеет – враг не преминет этим воспользоваться.

– Но разве в Халдейском царстве нет никого, кто мог бы занять престол и править народом? Ведь есть же у нас царица! Бодрейший Улу рассказывал мне о славном прошлом халдеев, он говорил, что при царице Нитокрис страна процветала так же, как при Навуходоносоре. Почему бы нынешней царице не править самой? Она мудра и добра к людям.

– Она-то мудра и добра, да только кто возьмется устранить Валтасара?

Набусардар глубоко задумался.

– Ну, хотя бы я, – решительно высказалась Нанаи. Он вздрогнул, словно очнувшись от тяжелого сна, и настороженно огляделся – не слышал ли их кто.

– Женщине такое не под силу. Это дело воинов.

– Полно, на праздничном пиру ты без труда обратишь на меня внимание Валтасара. Я ведь тоже могу пойти на этот пир. И, когда, забыв всё на свете, он будет жаждаť моих ласк, я заколю его.

– Нет, бесценная моя. – Набусардар взял ее руки, покрывая их поцелуями. – Ты останешься такой же чистой, как до сих пор. Ты не запятнаешь себя кровью. Это наше, мужское дело. Однажды невольню я чуть было не принес тебя в жертву персам и за это казнь себя по сей день. Нужно быть извергом, чтобы сознательно подвергать тебя опасности.

– Но ты же не посылаешь меня, я сама иду на это.

– Нет, Нанаи, бесстрашная жена моя, ты будешь принадлежать только мне, мне одному. Ты для меня самая желанная награда за победу над Ки́ром. Оставим заботы и поговорим

о чем-нибудь более отрадном. Завтра я снова вернусь к царю, а сегодня мне хочется счастья, настоящего счастья для нас обоих.

Взмахом руки он словно отогнал мрачные мысли.

– Да, сегодня мы должны быть счастливы вместе. С этими словами он опустился перед ней на колени и стал целовать ее пальцы, и перстень на пальце, и линии на ладонях, и ямки на запястьях, испрошенных голубыми жилками. Затем он поднялся и обнял ее.

– Да, сегодня я хочу, чтобы непостоянные боги сполна одарили меня счастьем, предначертанным мне судьбой.

Нанаи склонила голову ему на плечо. Их глаза встретились и слились в долгом взгляде, как родники сливаются в одном ручье.

Защищенные дворцовыми стенами от ревнивых взоров богов и людей, они были счастливы вдвоем, пока мрак не окутал дворец, возвещая наступление ночи.

Набусардар проводил Нанаи в ее покои.

– Да хранит тебя твой Энлиль, – сказал он ей, расставаясь.

Когда она вошла в опочивальню, Тека приготавливала для нее ночную одежду. Она помогла Нанаи совершить омовение и, умастив ее тело благовониями, нарумянив и наведя щеки нежной матовой пудрой, похожей на белую пыльцу, облачила госпожу в белоснежный, отделанный вышивкой, убор. Нанаи взглянула на себя в зеркало, когда Тека завязывала на ее талии розовые и голубые ленты. – Ты прекраснее райских дев, избранница моего господина, – сказала Тека, – ты прекраснее радуги. Видел бы тебя сейчас мой повелитель – он никогда больше не поглядел бы ни на одну из женщин! Ты словно розовокрылая горlinka на мраморном ободке пруда Иштар. словно песня про северные облака, румяные от зари.

– Отчего ты так старательно наряжаешь меня?

– Обычаи требуют от женщины, встречающей победителя, быть нарядной. В первую ночь по возвращении его с войны она должна принадлежать ему.

Нанаи замерла от изумления.

– Не бойся, благородная моя госпожа, – ласкала ее взглядом верная рабыня, – не тревожься, ты любима самой нежной любовью. Я вскормила Набусардара своей грудью – досточтимая матушка его умерла в родах... и знаю, какая кровь течет в его жилах, знаю, что у него на сердце и что в мыслях. Да благословит тебя в его объятиях Иштар, богиня любви.

Задув все светильники, кроме одного, Тека сказала с поклоном:

– Твой господин будет ждать тебя.

И притворила за собой дверь.

Нанаи стояла перед зеркалом, стыдливо разглядывая себя. Огненные локоны ее струились по плечам и спине.

Щеки, овеянные очарованием юности, напоминали созревающие плоды. Изящно очерченные губы были похожи на сложенные крылья бабочки, трепещущие в предчувствии головокружительного полета.

Разглядывая свое отражение, она вспомнила слова Теки:

«Твой господин будет ждать тебя».

Нанаи медленно отошла от зеркала.

Покои Набусардара от ее опочивальни отделяла лишь деревянная дверь, завешанная драпировками из тонкой шерсти.

Коснувшись их, она остановилась в нерешительности.

Да, есть такой обычай, освященный божественной Иштар: первая ночь принадлежит вернувшемуся с войны победителю. Но что, если она нарушит его, пользуясь покровительством той же Иштар? Нет, на чистоту ее непорочного тела покушается царь, – так уж во сто крат лучше принадлежать Набусардару, единственному, которому она хотела бы принадлежать.

Мысли Набусардара были заняты совсем иным, и он очень удивился, когда увидел Нанаи в своей комнате.

Он возлежал на ложе, рассматривая план местности, где персы рыли каналы, прикидывая расстояние от озера Нитокрис до Персидского залива. И тут увидел Нанаи.

Он отложил в сторону план и, любуясь, наблюдал, как Нанаи приближается к нему – ослепительная, лучезарнее дневного светила.

– Ты словно луч солнца, – улыбнулся он, глядя на ее бронзовые волосы, озаренные пламенем светильников.

– Не смущай меня, – кротко потупила она глаза.

– Или словно зори, которыми я любовался в Дамаске. Когда-нибудь мы отправимся туда вместе.

Он плавно поднял руку, радостно приветствуя ее, и не опускал до тех пор, пока Нанаи не коснулась ее.

Она присела на краешек его ложа.

– Как ты прекрасна! – воскликнул он, пораженный ее красотой. – Ты могла бы блистать звездой в небе, озаряя чертоги царей. Могла бы сиять месяцем и серебрить по ночам рощи. Могла бы сверкать солнцем, под которым наливаются колосья. Любовь моя единственная, ты воплощение мечты, которую, как драгоценный камень, лелеет человеческое сердце. Ты – воплощение всего прекрасного в этом мире. Но будь лишь одним – моей бессмертной любовью.

Помолчав, он спросил:

– Ты согласна?

– Согласна, повелитель и избранник мой. Он привлек ее к себе и, чтоб она не озябла, укутал плечи легким белым покрывалом.

– Или, может, руками согреть тебя, жизнь моя? Он ласкал ладонями ее плечи и руки, она улыбнулась и склонила голову ему на грудь.

– Ты словно лилия, – продолжал он, – что раскрывается от прикосновения первого солнечного луча. Обещаю тебе царство, хранимое для тебя в моей душе. В сравнении с ним все царства мира – ничто, все сокровища – прах. Я буду любить тебя так, как только способен любить человек человека.

Он порывисто привлек ее к себе и стал целовать. Один из светильников угасал, должно быть, в нем догорало масло, в комнате стало темнеть. При меркнувшем огне потемнели и волосы Нанаи, напоминая теперь плодоносный ил Месопотамской равнины, потемнели и окружающие предметы, тени их расплылись.

– От тебя веет дыханием олеандров и нарциссов, блаженство мое, – шептал он, обжигая губами ее уста, шею, плечи, осыпая ее всю поцелуями.

– Помнишь, как мы встретились с тобой под ветвями Оливковой рощи, мой любимый? – спросила Нанаи, прильнув к нему, точно лепесток к пестику цветка на закате.

Ответом ей было пылкое объятие.

– Не сон ли это? – спрашивала она.

– Нанаи, жена моя, желанная моя, любовь моя, – задыхаясь, шептал он ей в лицо, – не Валтасар, а Набусардар! Не его, а моей будешь ты отныне и навеки, навеки...

В дальней комнате Тека укладывала в драгоценный деревянный ларец детскую одежду, шитую голубыми и золотыми нитями. Сверху она положила белую шерстяную накидку, вытканную золотом и отороченную алым кантом. На застежке был изображен усыпанный драгоценными камнями герб рода Набусардаров. Он же украшал и маленькую шапочку, наподобие тех, какие носили халдейские военачальники.

Когда Тека закрывала наполненный ларец, чтобы утром господин передал его Нанаи как дар от победителя, Набусардар шептал на ухо своей возлюбленной:

– Ты будешь матерью, матерью моего сына, моего первенца. Будешь улыбаться солнышку, когда первые утренние лучи озарят твое лицо, будешь улыбаться солнышку, когда оно а полдень поднимется в зенит, согревая землю и все, что дает начало новой жизни, будешь улыбаться солнышку, когда оно под вечер, клонясь к закату, приносит отдохновение природе и женам, столь же плодородным, как и ты, рождающим только жизнь и любовь. Отныне не ведать тебе ни горести, ни печали, дорогая моя. Ты моя навеки, и я навеки твой.

* * *

Персидские полки не осмелились вернуться к неприступным стенам Вавилона.

Город Городов, могущественный Бабилу, пировал дни и ночи. Народ, опьяненный свободой и вином, ликовал, буйствовал, отплясывал на улицах с рассвета до заката и с заката до зари.

Горстка удалых, как на подбор, воинов смешалась с толпой и льстивыми словами подстрекала народ требовать от царя еще более роскошного пиршества. Это были люди Элоса. Они подговаривали горожан, рассчитывая, что Валтасар уступит их просьбам и устроит пир на праздник Сбора плодов. Довольно крови и смертей, надо и повеселиться, пожить в свое удовольствие, да так, чтобы жизнь кипела и бурлила, как горный поток.

Население города толпилось перед царским дворцом и, возглашая славу и хвалу

Валтасару, ждало до тех пор, пока царь не объявил, что исполнит волю народа.

Несколько недель готовились горожане, царь и сановники к празднику Сбора плодов.

Наперекор Эсагиле Валтасар распорядился соорудить на Дороге Шествий, на священной дороге Аибуршаб, триумфальную арку, справа от нее поставить изукрашенный перламутром и драгоценными камнями трон из чистого золота, а слева – скамьи для сановников и советников, сделанные из лучезарного золота и слоновой кости. Окружающее пространство он приказал вымостить гранитными плитами и начертать на них строфы хвалебных песен, прославляющих могущество и величие Валтасара.

На холме, служившем подножием триумфальной арки, копошились сотни невольников и поденщиков: плотников и каменотесов, мостильщиков и скобовщиков, кузнецов и плавильщиков, граверов и резчиков, гранильщиков и ювелиров. За этим кропотливым муравейником, подобно недреманному оку Мардука, приглядывали десятки скульпторов и архитекторов.

Крылатые бронзовые быки с головами халдейских гениев по два с каждой из четырех сторон поддерживали массивные колонны из дорогого диорита. Ребра устоев были окованы золотыми пластинами с украшениями в виде розанов, сердцевинкой которых служили самые крупные во всем царстве драгоценные камни. Среднюю часть колонн покрывали сцены сражений с персами. Верх арки представлял собой огромную, отлитую из золота, плиту. На ней изображалось, как царь Валтасар приносит в жертву Мардуку, владыке небес, толпу связанных по рукам и ногам персов и льет на алтарь бога из выложенного сверху донизу брильянтами, изумрудами, рубинами и аметистами кубка сценную им персидскую кровь.

С террасы висячих садов Эсигиши – гордости царского дворца – Валтасар восхищенно взирал на растущую громаду, творение, искуснейшее из искусных.

Иногда он увлекал за собой молчаливого Набусардара, и тому приходилось вторить царю, неумеренно превозносившему не только новое сооружение, которое было призвано поведать векам и народам о могуществе и славе сына Набонидова, но и готовящиеся торжества.

Однажды, Валтасар молвил, показывая на арку:

– Это во славу всевидящего, всемогущего Мардука. Священной же троице в ападане я готовлю жертвы еще более богатые.

Набусардару претила мысль о предстоящих торжествах, они казались ему кознями злых духов, признание царя кольнуло его, точно шип терния.

– Тебя, как я погляжу, не очень радуют мои слова и деяния, – заметил Валтасар, поднимая брови. – Не знаю только, что тому причиной – зависть или равнодушие...

– Я уже говорил, что пировать преждевременно, – боюсь, как бы не было беды. Ты прости меня, царь мой. Но арка твоя и впрямь величественна...

– Величественна... – обрадовался царь. – Это жертва Мардуку... Священной же троице в ападане... ну, да поведаю тебе и о том, ты мудр и многоопытен... Решил я в торжественный день принести на алтарь троицы человеческие жертвы. По моему приказанию отобрано сто самых красивых юношей, на сей раз из числа знатных иудеев и прочих чужеземцев.

– Опять кровопролитие, светлейший? Не ты ли говорил, что потому и устраиваешь празднество, что народу больше невмоготу видеть вокруг смерть и кровь?

– Так-то оно так, мой верховный военачальник, только чем же мне тогда удивить две

тысячи жрецов да две тысячи вельмож, что соберутся на пир в ападану?

Не в силах больше созерцать потоки крови и пирамиды мертвых тел, Набусардар ответил, в надежде отвратить царя от его намерения:

– Слышал я на берегах канала Хебар, как поют еврейские юноши. Пусть они развлекут гостей своим великолепным пением, благо ты примирился с Даниилом. Такого сюрприза не преподносил своим гостям еще ни один государь.

– Вот речь мудреца! – воскликнул Валтасар. – Вот совет, достойный царского слуха! Я велю им петь псалмы и хоралы. Один из моих лазутчиков говорил мне, иудей, прославляющий чужого бога, совершает тягчайший грех и навлекает проклятие Ягве на свое племя. На пиру я прикажу псалмами и хоралами славить священную троицу. Ягве отвратится от иудеев и оставит мое царство в покое. Тогда незачем будет отпускать их из плена, хоть я и обещал Даниилу, да и Телкиза уговорила меня; измученный думами о войне, я уступил ей.

– Я рад, что ты согласен обойтись без кровопролития, государь.

– Ты находчив и мудр, князь. Навуходоносор ставил звездочетов выше мудрецов, я же ставлю тебя выше и мудрецов и звездочетов. Да будут благословенны боги за то, что послали мне мужа, превзошедшего мудрецов и звездочетов. И чтоб ты видел, как высоко ценит тебя царь Валтасар, я щедро вознагражу тебя;

Он с минуту молчал, улыбаясь и причмокивая.

– Я не поскоплюсь, но меня огорчает, что ты все время печален... Уж не та ли девка причиной тому, князь? Неужто она и в самом деле полюбилась тебе?

Набусардар так стиснул зубы, что казалось, они раскрошатся, и в ярости поглядел на Валтасара.

– Я намерен, государь, взять ее в жены и сделать полновластной хозяйкой моего сердца, моих дворцов и земель.

Ярость Набусардара вызвала у царя усмешку, он сказал:

– Я еще не наградил ее благородным титулом, но стоит ли из-за этого расстраиваться? Радуйся, что Мардук помог нам одолеть персов и ты отпразднуешь победу. Все забудешь, что было и чего не было, очутившись среди цветов, яств и вин, курильниц и женщин.

– Она одна владеет моими помыслами, царь, и я прошу тебя – измени свое решение, исполни мою просьбу о благородном титуле для дочери Рамадана.

– После, после празднеств.

– Отчего твое величество терзает мне сердце?

– Оттого, что я царь и моя воля для всех закон.

Набусардар еще крепче стиснул зубы, мысленно призывая адский пламень на то место, где они стояли. Зная упрямый нрав царя, он решил не тратить времени на бесплодные препирательства и поклялся могилами своих предков и жизнью своих потомков отказаться от знатного звания, чтобы жить с Нанаи среди корабельщиков или хлебопашцев.

В то время, как дни Набусардара проходили в непрестанной тревоге, царь безудержно развлекался.

Триумфальная арка уже возвышалась, сверкая на солнце.

И вот наступил день праздника во всем своем великолепии – без единого облачка на высоком голубом небе, без единой тучки в душе Валтасара.

Это был праздник радости, торжество веселья и буйства. Город украсился гирляндами цветов; по устланым дорогами коврами улицам весело сновали вельможи и простой люд, все в пестрых нарядах, с украшениями из золота и самоцветов. Двери храмов были настежь, перед алтарями богов курились кадильницы, дым благовоний окутывал дома, клубился над крышами, дурманя сознание, расслабляя душу и волю, подобно крепким винам и ржаной водке.

С первыми лучами солнца народ устремился на площадь к триумфальной арке.

Вскоре туда прибыла и высшая знать, царские советники и чиновники, и рядом с ними, выстроились военачальники во главе с князем Набусардаром, позади встали предводители победоносных полков, держа на длинных древках эмблемы в виде орлов, расправивших крылья, драконов, змей, солнечных дисков, прямоугольников, венков, щитков и фигурок богов. Напротив с видом бессмертных небожителей расположились недоступно-горделивые жрецы высшего сана во главе с верховным жрецом Исме-Ададом, за ними в таких же надменных позах застыли жрецы рангом пониже, в их толпе белели вереницы жертвенных быков с позолоченными и перевитыми лентами рогами.

На помосте, окруженные наемниками со сверкающими копьями, ожидали своей участи пленные персы. Еще не оглашенный приговор был таков: половину заживо закопать, другую – изрубить мечами на глазах у всего народа.

Среди обреченных, словно предводительница посрамленного войска, стояла Дария, дочь скифского князя Сириуша. Вместе с остальными она должна была умереть позорной смертью. Погруженная в свои мысли, Дария, казалось, не замечала ничего вокруг. Щеки ее то вспыхивали, то покрывались бледностью. Тень скорби набегала на лицо, точно сердце ее останавливалось и кто-то из богов незримо дланями медленно вычерпывал из нее жизненные соки. Но вот румянец вновь проступил на ее щеках, Дария открыла глаза и окинула взором запруженное людьми пространство.

Толпа разглядывала девушку с неприязненным любопытством, видимо, ожидая, когда ее охватит страх смерти.

Смерти Дария не боялась, но ее давно мучила нестерпимая жажда. Язык – словно в раскаленном горниле, губы присохли к зубам. Сжальтесь над нею, боги, пошлите зеваку из толпы с пригоршней воды! Но ни одна душа не шелохнется, и Дария изнемогает от жажды.

Не выдержав, она проговорила с мольбой:

– Воды! Воды!

Не так страшна смерть, как ее ожидание, особенно если человека мучает при этом страшная жажда.

Дария в упор посмотрела на Исме-Адада, но тот сделал вид, будто не расслышал ее зова.

В эту минуту к ней приблизился Набусардар и, раскрыв золотую ладанку, предложил щепоть порошку, который он всегда носил при себе для утоления жажды.

Захватив пальцами щепотку снадобья, Дария всыпала ее в рот.

– Благодарю, князь, да будет твоя жизнь долгой.

Не успела она договорить, как толпа загудела.

На Дороге Шествий, словно ожившее предание, показалась запряженная четверкой белоснежных коней с развевающимися гривами колесница триумфатора.

Народ грянул славу Валтасару, хвалу и славу своему царю. Лавину цветов обрушила толпа на колесницу, которую сопровождали всадники и пешие воины. Великий победитель сдержанным движением поднятой руки и кивками благодарил подданных. Лицо Валтасара было сурово и надменно, ибо по его понятиям только суровость и надменность ограждают достоинство истинного властелина.

Стоя под аркой, царь произнес напыщенную речь. Из нее всем сделалось понятно, что страх перед величием царя есть проявление почтительности к нему.

Весь Вавилон пришел выразить царю свои верноподданнические чувства, но среди собравшихся немало было и безучастно взиравших на торжество, тех, кто внутренне отвергал его. Слушая царя, они с ужасом думали о том, что нет надежды на избавление от Валтасара, который по-прежнему угрожал народу мечом и кровью. Горечь закрадывалась в их сердца, , иные же не на шутку скорбели о том, что Киру, царю милостивому и великодушному, так и не удалось войти в город.

После царя от лица доблестной армии держал речь Набусардар; верховный жрец Исме-Адад говорил от имени Эсагилы, один из сановников представлял правящий синклит.

Затем Валтасар стал раздавать награды.

Первым к царю приблизился Набусардар. Для него были приготовлены меч с золотой насечкой и золотая нагрудная цепь с царским гербом.

С достоинством владыки Валтасар молвил:

– Ты храбро сражался и стойко защищал город. Согласно нашим законам, за отвагу в сражениях тебе полагается награда. Царь признает твои заслуги и дарует тебе этот меч, – он опоясал Набусардара оружием, – а также золотую цепь, – он надел ему на шею регалию. – Однако именем царя я повелел спросить у богов, кто же победил персов, и боги ответили, что Мардук, владыка вселенной. Я же сын богов, их победа – моя победа. Стало быть победитель персов – я.

Набусардар переменялся в лице. Сомнений не было – царь действует по наущению Эсагилы: опасаясь могущества Набусардара, жрецы задумали унижить его перед всем народом.

Царь заметил перемену в лице Набусардара, и его тонкие губы дрогнули в усмешке.

– Я жалею тебе также, – продолжал он, – титул великого князя и великого верховного военачальника. Быть тебе на третьем месте в государстве. Быть тебе самым главным после наших богов и меня.

Гневно сверкая глазами, Набусардар в упор смотрел на царя.

– Или тебе этого мало? – спросил тот лицемерно.

– Нет, – ответил Набусардар. – Но не приписывай богам бесстрашие воинов, ибо мы не видели богов, с мечом или луком в руках защищавших Вавилон. Другого я не могу сказать ни войску, ни народу, который не знает снисхождения.

– Так кто же, по-твоему, правит Вавилоном – народ или царь? – обрушился на него

Валтасар.

– Конечно, Вавилоном правишь ты, царь.

– То-то! – вскричал Валтасар. – А посему воля народа не может быть выше воли царя!

Набусардар снова впери́л взор в лицо Валтасара и сурово смотрел на царя до тех пор, пока тот не отвел глаза.

Уверенный, непреклонный как гранит, стоял он перед царем. Дыхание его было тяжелым, под высоким лбом роились сотни обжигающих мыслей, морщинами и тенью ложась на его суровое, опаленное войною лицо.

Владыка Бабилу не любил Набусардара таким. Он леденел от страха перед волевыми людьми. Царь нуждался в мудрости и поддержке верховного военачальника, но и побаивался его. Оттого-то и обрадовало его откровение небесных светил, что честь победы принадлежит не Набусардару, а Мардуку. Исме-Адад собственной персоной поспешил к царю с этим известием, дабы придать своему сообщению значительности. Служитель Мардука был крайне заинтересован в том, чтобы умалить заслуги Набусардара, а тем самым и значение его особы. А Валтасар, польщенный в своем тщеславии, и не подозревал, какую громадную услугу оказывает он Храмовому Городу.

– Итак, ты будешь первым после богов и меня, – продолжал царь, – но не вздумай возвыситься надо мной и нашими богами, иначе навлечешь на себя неумолимый гнев государев.

– Не тревожься, царь, – холодно отозвался Набусардар, – боги сулили мне быть твоим слугой.

Голос его пронизывал леденящей стужей, точно ветер на снежных, вершинах; слова звучали глухими отзвуками молота, стучавшего в его груди вместо сердца.

– Нет ли у тебя какой-нибудь просьбы ко мне? – осведомился Валтасар.

Он имел в виду благородный титул для дочери Гамадана. Ему хотелось, чтобы Набусардар, прославленный, почитаемый всем народом герой, валялся у него в ногах. Валтасар предвкушал, как перед лицом всего Вавилона он откажет своему полководцу.

Вопреки ожиданию Набусардар ответил:

– Нет, государь, больше мне ничего не надо.

Он поклонился и вернулся на свое место.

С меньшим воодушевлением царь вручил награды славному Исма-Элю, сыну погибшего Эль-Халима, другим высшим военачальникам, в том числе волоките Сибар-Сину, который поднес царю отрубленную руку пленного персидского вельможи вместе с его мечом.

По окончании церемонии Валтасар окинул презрительным взглядом пленных врагов и под бурное ликование толпы подал знак палачам взяться за смертоносные орудия, чтобы исполнить предначертание судьбы. Сверкнули секиры, и бездыханные тела рухнули на плиты под разукрашенной аркой.

Потоки крови, хлынувшие из тел казненных персов, раздражили озверевшую толпу. Люди бросились к помосту, требуя выдать на праведный суд народа персидских военачальников, приговоренных к погребению заживо. Но копыта стражников преградили им дорогу.

Среди неукротимого людского волнения Дария вдруг двинулась к помосту палача, и, как

только она тронулась с места, дикое буйство толпы стало утихать.

Дочь Сириуша Валтасар велел облачить в пурпурную мантию невиданного оттенка, какой не часто удавался красильщикам из знаменитого города Библ. Голову ее венчала тиара, на груди висела тяжелая золотая цепь, в звеньях которой сверкали топазы, аметисты, лазуриты, жемчуга, рожденные в лоне вод, и янтарь – сгустки солнечных лучей. Богатое убранство должно было указывать на то, что осужденная принадлежала к числу любимых жен царя, который вырвал ее из своего сердца за подлую измену и обрек ее на смерть. Она остановилась и положила голову на плаху. Палач откинул волосы с ее затылка и занес широкую, отточенную до блеска секиру.

Тут Валтасар вскинул жезл, давая знак обождать. Властный и вместе с тем влюбленный взгляд бросил он искоса на застывшую в ожидании Дарию. Он хотел что-то сказать ей, но губы его замерли, лишь едва приоткрывшись. Словно собираясь с силами, Валтасар втянул в себя воздух сквозь узкую щель рта, но тотчас же резко повернул голову и ястребиным, огненным взором заглянул в глаза обреченной.

– Теперь ты видишь, как безрассудно перечить воле царя? – проговорил он. – А ведь ты могла бы сидеть на пиру в парчовых одеждах, по правую руку от государя, равного самому Мардуку, владыке вселенной, по правую руку от властелина, могущественнее которого не было и вовеки не будет. Сожалеешь ли ты, строптивая, что постыдно пренебрегла царскими сокровищами? Я изменю свое решение, если ты раскаешься и покоришься могуществу и воле халдейского властелина! Тебе даруют жизнь, раскайся!

– Мне не о чем жалеть и не в чем раскаиваться! – твердо отвечала Дария. – Я и теперь предпочитаю смерть.

Кровь бросилась в голову царю. Уязвленный в своей гордыне, Валтасар вскричал:

– Так умри же! И палач отсек ей голову.

Облаченное в золото и пурпур тело дочери Сириуша упало на гранитные глыбы ассианских скал.

Голова откатилась далеко в сторону, тараша в небо остекленевшие глаза.

Забыв, что на него смотрит весь Вавилон, царь сбежал по ступеням трона и подошел к валявшейся на помосте царской тиаре; чуть поодаль лежала прикрытая длинными прядями каштановых волос голова. Он поднял отрубленную голову и, не отрываясь, смотрел на нее. Кровь капала на пышные одежды Валтасара, стекая с его ладоней на запястья, до сгиба локтей. Теплая еще кровь, вселявшая в царя беспокойство, гложущую тоску, неизъяснимую тревогу.

Ястребиный взгляд Валтасара потух, тонкие, надменные губы задрожали. Сломленный, он скорбно обратился к палачам:

– Что ж это вы сделали, что ж это вы сделали с царем Вавилона?

– Такова была воля царя, – ответил палач.

– Что ж это вы сделали с сыном богов? – простонал Валтасар, и на глаза его навернулись слезы.

Он приблизился к телу, простершемуся в луже загустевшей крови, и приложил отрубленную голову к шее. Затем поднял тиару, возложил ее на буйные кудри и, сняв со своего пальца перстень, надел его на палец дочери Сириуша.

– И одежды из пурпура, и тиара в драгоценных камнях, и перстень царский, а все-таки ушла от меня. Боги замыслили унижить Валтасара и, чтобы остался он в роду последним

из последних, прокляли лоно всех жен, кроме твоего, Дария... Я велю положить тебя на алтарь Мардука, и Мардук вернет тебе жизнь, ведь я примирился с ним. Он воскресит и твое лоно, и царское семя в нем, и станешь ты матерью тысяч, и эти тысячи наводнят царство и обрушатся на врага.

Обернувшись к верховному жрецу Исме-Ададу, царь уныло сказал:

– Веди перенести ее на алтарь Мардука, слуга божий, да помолись со своей братией, чтобы Мардук воскресил ее.

Недобро вспыхнули глаза Исме-Адада, Но перед толпой он подыскивал слова помягче, стремясь отговорить царя от безрассудного шага.

Толпа насмешливо восприняла царское приказание. И те, кто ждал Кира, уповая на его могущество, мудрость и справедливость, злорадствовали, видя растерянность Валтасара.

Верховный военачальник армии Набусардар был вне себя, видя, каким жалким орудием в руках Эсагилы снова сделался владыка Халдейского царства. Сам он тоже был преисполнен разочарования и отвращения, однако, движимый любовью к державе, любовью к отчизне, решил вовремя остановить царя.

Подойдя к Валтасару, он сказал, осторожно и сдержанно, чтобы не вызвать новой вспышки:

– Взойди на трон, государь.

– Оставь меня с нею, боль раздирает мое сердце.

– На тебя смотрит весь Бабилу, государь. Смотрит народ, которым ты повелеваешь.

– Вон всех из города! – был ответ Валтасара, и слезы хлынули из его глаз.

– Опомнись, царь, – голос Набусардара стал строже, – народ не должен видеть твою слабость.

– Пусть Мардук вернет мне ее, пусть из лона ее взойдут виноградные лозы и раскинутся над всем царством. Хочу, чтобы род мой был велик и бессмертен.

– Все сбудется, царь, – с плохо скрываемой яростью говорил Набусардар заведомую ложь и, не удержавшись добавил: – Ты сын богов, они тебе ни в чем не откажут! Исме-Адад распорядится положить тело Дарии как священную жертву на алтарь Мардука, и бог снова вдохнет в нее жизнь.

Царь внял его словам и взошел на трон.

Одежда его была в крови, на руках – липкие алые подтеки. До конца торжественной церемонии Валтасар не поднимал головы.

Он даже не заметил, как внизу, под триумфальной аркой, заживо погребли персидских военачальников, придавив их тела тяжелыми гранитными глыбами.

Он не пришел в себя и тогда, когда великий князь Набусардар подвел его в запряженной четверкой лошадей вызолоченной колеснице, на которой по усыпанным розами, лилиями и пальмовыми листьями улицам ему предстояло проследовать к пиршественным столам в Муджалибе.

Дарию, дочь скифского князя Сириуша, жрецы, из боязни прогневать Валтасара, поневоле возложили на алтарь владыки вселенной Мардука.

Возвышающееся над ее телом исполинское золотое божество застывшим взглядом смотрело куда-то вдаль. Дым фимиама клубился над драгоценными чашами и, поднимаясь к проемам в потолке святилища, к лазурному небу, насыщал собою дрожащий воздух.

Быть может, однажды южные ветры, устремясь, подобно птичьим караванам, на север, унесут с собой душистое облачко дыма. Быть может, затерявшись среди тамошних облаков, оно прольется дождем и ласково овеет мужественное лицо того, кто поднимал в эти дни свою рать против сильных мира сего и кого Дария с гордостью называла: мой избранник.

* * *

Муджалиба сверкала и искрилась, подобно драгоценному камню в диадеме, венчавшей чело матери земли, богини Анту. Возвышаясь в своем великолепии над дворцами и особняками Бабилу, она вся переливалась, надменно глядя в зеркало небес, величественный свод которых за многие тысячелетия до блеска отгладили бархатные южные ветры.

Прилегающие дороги и улицы были устланы веероподобными и копьеподобными пальмовыми листьями, ветвями лавра и серебристого тополя, платанов и дуба, трепетных берез и гранатовых деревьев, папоротника, айвы и поверх этих зеленых ковров усыпаны цветами огненных и белоснежных лилий, тамариска, олеандров, гиацинтов, тюльпанов, резеды и шафрана, анемонов и фиалок.

По ним передвигались массивные ноги бронзовотелых невольников. На плечах и в сильных руках рабы несли разукрашенные золотом, жемчугом, дорогими сукнами, шелками и кисеей носилки и паланкины. В них восседали чванливые вельможи.

Все это двигалось по направлению к дворцу радости и веселья, к дворцу Амугеи Мидийской – обители любви великого Навуходоносора и властной царицы Нитокрис из династии ассирийских правителей, – взбиралось вверх, запрудив дворы блистательной Муджалибы, неиссякающего источника наслаждений, приюта роскоши и расточительства.

Толпы гостей шумели в лабиринтах дворцов, лестниц, переходов, зал, анфилад, гостиных; в лабиринтах террас, у фонтанов и над прудами, на аллеях, обсаженных кипарисами, кедрами, агавами, плакучими ивами, катальпами, олеандрами и магнолиями; меж стен известняка и мрамора самых нежных тонов, из обожженного и глазурованного кирпича, из дымчатого и белого алебаstra; меж стен, отделанных золотом и серебром, медью и бронзой, резьбой и рельефами, мозаикой из черного дерева, слоновой костью и самоцветами.

Плиты пола из турминабанда, мрамора, черного и розового гранита были устланы знаменитыми вавилонскими коврами и на пол-локтя усыпаны розами, в каждом зале разными.

Ападана, пиршественная зала о тысяче колонн, была усыпана кроваво-альми розами, источавшими аромат, столь сладостный и пьянящий, что всякий, кто входил туда, невольно останавливался перевести дыхание. Ноги утопали в бархатистых и шелковистых лепестках; лицо ласкали прикосновения свисавших со сводов кедрового потолка гирлянд из лотоса и нарда.

У стен горели тысячи свечей, а колонны окружали весело перемигивающиеся светильники.

В их сиянии оживали росписи на стенах и потолке, фантазмагии из жизни людей и животных: в угаре сладострастия, которым боги наделили живую природу, гигантское чудовище справляло оргии с нимфами; белые лебеди поили любовью крылатых драконов, тела неземных дев переплетались с атлетическими телами героев, а бессмертный Гильгамеш, властелин неприступного Урука, всемогущий, блистательный, исполненный мудрости Гильгамеш с неистовством ошалевшего быка припадал к родникам девственниц и жен. Сонмы непорочных дев томились в ожидании, сонмы очастливленных любовью жен удалялись с песней на устах:

Кто прекраснее всех мужей?

Кто сильнее всех героев?

Гильгамеш – прекраснее всех мужей!

Гильгамеш – сильнее всех героев!

Каждому, кто переступал порог ападаны, хотелось сравняться силой и красотой с Гильгамешем, сравняться жаром сердца и буйством страстей.

Одержимые этим стремлением, вступили две тысячи жрецов Бабилу и две тысячи вельмож Города Городов под сень ападаны, где их ждало безбрежное море блаженства, милостью небесной Иштар, дочери Ану, готовое захлестнуть берега человеческих желаний.

Две тысячи жрецов Бабилу и две тысячи вельмож Города Городов уселись за пиршественные столы, убранные искусно сплетенными гирляндами из мирта и лотоса, уставленные золотыми сосудами и золотыми блюдами для еды и питья, ажурными вазами из серебра, полными лакомств: сезамовых лепешек, пряников, рассыпчатых печений с пряностями и фруктовой начинкой, фиников, фигов, миндаля и айвы, уставленные серебряными блюдами с паштетами, рыбой, устрицами, крабами, тетеревами, утками, сернами.

Меж столов стояли изукрашенные цветами чаны, откуда рабы без усталости черпали ковшом вино, наливая его в драгоценные кубки гостей.

Первый тост был поднят во славу и честь царя царей, одержавшего победу над персом, во славу и честь его величества Валтасара.

Гости выпили божественный нектар под звуки лир и пленительное пение двух женских хоров по сто певиц в каждом. Не успели они осушить кубки, как из всех входов и выходов выпорхнули легконогие танцовщицы – одни похожие на белую повитель, другие – на ярких бабочек. Обольстительная гирлянда обнаженных тел под прозрачной кисеей растянулась в танце во всю ширь необъятной залы о тысяче колонн. Словно на крыльях, парили они над шелковистым покровом роз перед величественным Валтасаром и нежно касались его щекощущими щупальцами взглядов, прося благодати царской любви.

Валтасар сидел в кресле, таком же богатым, как и царский трон. Сидел среди своих гостей, облаченный в мантию, еще более роскошную, чем их шитые золотом и жемчугом одежды. Воздух благоухал мирром, алоэ и нардом, но еще более тонкий аромат исходил от умащенного благовониями тела самого властелина. Золотые диадемы, украшенные лентами и драгоценными камнями, искрились на головах у гостей, но всего больше золота и драгоценных камней сверкало в тиаре Валтасара.

Он богоподобен в своей великолепии, мужественной силе и молодости, но голова его поникла, взор затуманился печалью.

Звенят браслеты танцовщиц, глаза искрятся весельем, тела плавно колышутся, словно пламя светильников.

Но Валтасар ничего не слышит и не видит, он поглощен своими мрачными думами.

Желая рассеять его печаль, к нему наклонился наместник Борсиппы и спросил:

– Государь, отчего ты не веселишься вместе с нами? Сердца твоих слуг ликуют, один ты печален, наш царь! Подними чело свое и взгляни, сколько вокруг прелестниц, жаждущих утешить тебя.

– О! – Царь устало махнул рукой.

– Взгляни только, повелитель, как прекрасны они; сколько неги в них, – присоединился к борсиппскому наместнику сановник по торговым делам. – Выбери десяток самых красивых, а остальных раздай гостям. Ты царь, ты победил Кира, ты волен выбирать.

Валтасар выпрямился, и уголки его рта презрительно опустились.

– Ни одну из них не желаю я видеть, все перебивали у меня, велите бросить их в Евфрат.

– Оставь девушек на утеху гостям, государь, – вступился за царских наложниц один из советников. – Мы празднуем победу, пусть же этот день будет достоин воспоминаний.

– Пускай берут, мне они не нужны. Я...

Он поднял кубок, запрокинул голову и осушил его до дна.

Верховный военачальник Набусардар успел заметить, как в опорожненный кубок скатились две Царские слезы, тяжелые, словно капли драгоценного елеса.

И хотя он ненавидел царя за унижение, доставленное ему царем у триумфальной арки, Набусардару вдруг захотелось его ободрить.

Наклонившись к царю, Набусардар – он сидел по левую руку от Валтасара – участливо, как в былые времена, спросил:

– Что терзает твою душу, владыка Вавилона?

Царь взглянул на него, словно очнувшись от сна. Прежде чем ответить, он жестом приказал музыкантам умолкнуть, хористок усла из пиршественной залы, а танцовщицам, живым, летучим и радужным огонькам ападаны, велел возлечь на усталые шелками и розами золотые ложа среди колонн и услаждать любовью князей и вельмож.

И пиршество продолжалось, и никогда еще так не пировали в ападане, чтоб вино рекою лилось.

Затем он обратился к Набусардару:

– Ты спрашиваешь, что терзает мою душу? Неужели ты, великий князь, быстрый умом, не догадываешься, что сокрушает царя? Сотни дев искушают мое сердце, но оно тоскует по одной-единственной...

Он закрыл глаза и гримаса исказила его лицо.

Валтасар прибавил с видом мученика:

– Сердце мое тоскует по одной-единственной, чье лоно таит семя моего рода.

Вымолвив это, он помолчал и вдруг широко раскрыл глаза и почти крикнул:

– Прежде налейте мне пять ковшей вина, чтоб воздать почести ее имени, царскому имени Дария. Быть может, тогда демоны помогут мне раскрыть тайну, которая убивает в моей душе радость победы над Киrom.

Вино – ковш за ковшом – перелилось, булькая, в царский кубок, и царь перелил эти пять ковшей в себя.

Захмелев, он воскликнул:

– А теперь я хочу послушать флейты и поглядеть бой на мечах под звуки флейт! Хочу слышать барабаны, бубенцы и тамбурины и видеть дев, которые пляшут под эту музыку! Хочу послушать священные лиры и поглядеть, как танцуют греческие юноши танец геранос у алтаря священной троицы – ясноликих Ану, Эа и Энлиля, золотые статуи которых стоят в глубине залы. Пусть веселится божественная троица, подлейте им масла и вина, подсыпьте благовоний в жертвенные чаши! Пусть дым фимиама вознесется к самому небу и возвестит священным хранителям Вавилонии, что сегодня в зале о тысяче колонн пирует царь Валтасар, победитель Кира.

Все было сделано так, как повелел Валтасар.

Вихрь музыки, танцев и булатного звона взметнулся под сводами ападаны. Безбрежное веселье разлилось, переполнив залу, – тысячи огней затрепетали в испуге, неистовый разгул сотрясал стены.

Царь взглянул на Набусардара:

– Ты спрашивал, что терзает мою душу. Теперь я отвечу – и тебе, и советникам моим, и военачальникам... Некий бог покарал лоно жен, которых я дарю своей любовью. Гневный суд услышал я из уст его – быть мне в роду последним из последних, высохнут во мне корни и не произрастет боле из женского чрева лоза жизни. Я познал горечь проклятия. Но некий бог света отвел проклятие от лона скифки и обратил его в раковину, таившую в себе драгоценную жемчужину царского семени. Дария, дочь Сириуша, могла дать жизнь моему потомку, новому поколению халдейских правителей. Но вы пошли против меня и обрекли ее на погибель. Вы обвинили Дарию в измене и тем пробудили во мне гнев, чтобы я возненавидел ее и отправил на казнь. О, зачем вы сделали это? Зачем причинили боль своему владыке и властелину мира, который вырвал вас из когтей перса?

Справедливый судья Идин-Амуррум, стремясь уберечь многих от смерти и умерить страдания и гнев Валтасара, сказал с сочувствием:

– Во власти богов утешить твое опечаленное сердце, государь, и я уверен, что они утешат его. Нам же надлежит покаяться в своих прегрешениях, пусть каждый из нас горячо покается...

– Что мне ваше покаяние? – повысил голос Валтасар. – Что оно даст мне, это ваше покаяние?

Гордыня боролась в нем со слабостью, и он, едва не рыдая, повернулся к Набусардару:

– Ты, великий князь, скажи своему царю – я всегда верил твоим словам, – скажи без

уверток: жива она или мертва?

– Она мертва, государь, – ответил тот.

– Мертва... – повторил Валтасар, сраженный словами своего военачальника. – Однако ты всегда отличался ясностью ума, посоветуй же, как вернуть Дарию. Она нужна мне живая.

– Это во власти святейшего Исме-Адада, – не без умысла кивнул Набусардар на верховного жреца, сидевшего справа от царя; чуть заметная усмешка тронула его крупный рот. – Ведь только Мардук властен возвращать жизнь мертвым; ты примирился с ним, и он не откажет тебе.

– Да, только Мардук, – сухо отозвался Исме-Адад, услышав насмешку в голосе Набусардара. – Да, это так, во власти Мардука, повелителя вселенной, возвращать жизнь смертным. Но если ты не хочешь потерять его расположения, оставь богу то, что ему принадлежит, – с притворным участием поклонился он к безутешному царю и продолжал елейным голосом: – Ты сам, досточтимый, приказал возложить дочь Сириуша на алтарь дарителя жизни, Мардук принял ее и осыпал щедротами, сделав своей рабой, прекраснейшей из всех, какие ему прислуживают.

– Не желаю, – вскричал возмущенный царь. – Не желаю, чтоб Дария была рабой Мардука, уж коли не бывать ей наложницей царя! Когда мы скрепляли договор, ты, святейший, заверял меня, что Мардук не станет попирает меня, он будет владычествовать на небе, а я на земле...

– Разве Мардук не сдержал своего слова, государь? Разве не распоряжается он только тем, что ему принадлежит? Дария покинула твое царство, и Мардук принял ее. Не ты ли приказал стражникам возложить леву на алтарь? Разве Мардук требует обратно то, что однажды он отдал тебе? Так отчего же ты требуешь жертвы, которую принес ему по доброй воле?

Нахмутив лоб, Валтасар откинулся на подлокотник. Какое-то время он молчал, с трудом переводя дыхание, а потом произнес, скорбно усмехаясь:

– Ты мудр, Исме-Адад, но ведь тебе известно, что мудрецов я не жалую.

Обстановка до того накалилась, что все опасались вспышки, и кое-кто из вельмож попытался отвлечь царя от зловещего разговора.

Они принялись усиленно потчевать его вином и лакомствами, расхваливали искусство флейтистов и проворство воинов, сражавшихся на мечах, перевозносили царя за богатое убранство пиршественной залы; наконец, призвали музыкантов с лютнями и арфами, и самый искусный певец запел гимн.

Но все было тщетно.

Валтасар не сводил с лица Исме-Адада колючего, пронзительного взгляда. В душе его бушевала буря отчаяния.

Неожиданно царь распрямылся. Багровыми пятнами покрылось его лицо, и он негодуя бросил жрецу:

– Мне нужна дочь Сириуша, я требую, чтобы Мардук вернул мне ее, не то я рассчитаюсь и с тобой, и с Мардуком!

Он схватился за меч и вытащил его из ножен до половины.

– Опомнись, царь! – вскричал Набусардар.

– И с тобой, помышляющим затмить царя, я тоже расправлюсь! – пригрозил Валтасар верховному военачальнику.

Набусардару казалось, что еще немного – и терпение его иссякнет, волна гнева унесет остатки самообладания, захлестнет его, как морские валы захлестывают береговую дамбу. Но он сделал над собой усилие и подавил вспышку.

Обезумевший царь извлек меч и уперся его острием в край стола.

Слова Валтасара отрезвили пирующих. Все ждали – грозы не миновать, кого-то боги отправят в царство мертвых.

Валтасар опоясан мечом. Власть свою он волен умножить силой булата, тогда как ни один из гостей не смел иметь при себе даже кинжала. Таково было повеление властелина мира, владыки Вавилона, сокрушившего Кира, повеление, внушенное неодолимым страхом: денно и ночью царь был начеку, страшась, как бы приближенные не учинили над ним расправу.

Только он может обнажить меч и определить, на кого глядит из царства теней черный глаз Нергала.

Незаметно выбравшись из-за стола, Сибар-Син поспешил на женскую половину, где царица угощала жен князей и сановников.

С просьбой унять царя он обратился к Телкизе. Та охотно согласилась принять участие в опасной игре.

Выпорхнув из-за Колонн, она остановила взгляд на презрительном, искаженном от гнева лице Валтасара. С деланным радушием приближалась она к возвышению, где стояло кресло царя.

Увидев её, Валтасар оторопел еще больше и, только когда она была уже почти рядом, крикнул:

– Что ты опять надумала? Чего тебе еще нужно? Но Телкизу это не обескуражило.

– Чего мне еще нужно? Видеть победителя.

– Видеть победителя... – повторил он хмуро. Но лицо его просветлело, и, вяло улыбаясь, он повторил:

– Видеть победителя...

У всех отлегло от сердца.

Валтасар вложил меч в ножны и залюбовался фигурой Телкизы – ему казалось, что такой красивой он ее еще никогда не видел.

Смоль волос Телкизы оттенял бирюзовый цвет ее одеяния. В локоны был вплетен золотой венок с цветами из бирюзы, изумрудов и аметистов. Массивные золотые пряжки скрепляли на плечах ее одежду. Руки от запястий до округлых плеч были унизаны браслетами самой причудливой формы. На пальцах, переливаясь, сверкали перстни. Сквозь просвечивающий подол длинной одежды поблескивали высокие каблучки, густо усыпанные драгоценными камнями. Широкий пояс стягивал ее прелестную фигуру.

Когда она появилась в Муджалибе, весь двор зашептал о ее красоте. Приглашенные на пир жены сгорали от зависти и ревности. Сама царица не могла похвастать таким великолепием нарядов.

Валтасар тоже поддался ее очарованию. Чем дольше он смотрел на Телкизу, тем больше разжигала она его воображение.

Не отрывая от женщины глаз, царь молвил:

– Ты прекраснее других, а посему тебе и дозволено более, чем другим. Я прощаю тебе то, что ты осмелилась переступить порог ападаны. Прощаю и велю приготовить для тебя кресло рядом с царем.

Пока готовили для нее место, Валтасар все более возбуждался.

– Как ты прекрасна! Ты прекраснее всех жен, которых я знал. Прекраснее той скифки. Если бы над твоим лоном не тяготело проклятье, я сделал бы тебя царицей Вавилонии. Мой род нуждается в наследнике. А ты, Телкиза, бесплодна, как пустыня и пепел. Как ни горяча пустыня, как ни жжется углями пепел, а нет в них дыхания жизни... Вот почему я прошу Мардука вернуть мне скифку.

Оглушенная его словами, Телкиза опустила в кресло.

Валтасар же обратился к Исме-Ададу:

– Поэтому я желаю, чтобы Мардук вернул мне скифку! Или тебе невдомек, святейший, какая это утрата для царя-победителя? Спасти Вавилон – и потерять женщину, над которой не тяготело проклятье.

Телкиза искоса взглянула на Набусардара. Привлечь внимание. мужа, обворожить своей красотой, чтобы ее одну счел он достойной своей любви! С этой целью облачилась она в свой роскошный наряд. Халдейский трон уже не прельщал ее. Война притупила ее чувства, а плотские удовольствия изнурили Телкизу, и она искала успокоения в ровной, заботливой любви Набусардара. Здесь, в ападане, могла бы вновь возродиться их давняя близость, и Телкиза взглядом напоминала мужу о былых радостях любви.

Но Набусардар не смотрел в ее сторону, умышленно затеяв разговор с сановником по внутренним делам.

Телкизе почудилось, будто у нее останавливается сердце.

Уязвленная до глубины души, униженная, она горько посмеялась над собой. Сама израненная, она призвана врачевать раны царя... Чувствуя себя обманутом и сознавая свое сумасбродство, Телкиза неожиданно рассмеялась.

Валтасар повернулся к ней.

Телкиза вновь безудержно расхохоталась прямо ему в лицо.

Это задело Валтасара.

– Чему ты смеешься, Телкиза? – вскричал он.

– Как же мне не смеяться, когда я вижу, как плутуют с нами боги? Я, первая женщина Вавилона, приношу им богатые жертвы, а любовь вымаливаю, как последняя рабыня. Ты, царь Вавилона, возлагаешь на их алтари несметные богатства, однако любовь тоже вымаливаешь, как последний раб. Видно, не все правда, что говорят нам служители храмов о наших небесных владыках. Спроси об этом святейшего Исме-Адада. Ведь ты же царь!

– Истинный царь, – поспешил откликнуться верховный жрец, – и сын богов, которому всем надлежит повиноваться, как повинуются примерные чада своим родителям.

– Я уже сегодня говорил тебе, святейший, что ты мудр, но мудрецов я не жалую.

Телкиза хохотала. Ее смех не отличался от грубого хохота грузчиков с пристани. Телкиза держалась вызывающе, показывая, как мало придает она значения условностям света.

– Твой смех, княгиня, – заметил верховный жрец, – вою шакала подобен, так не пристало смеяться прекрасным женам.

– Ну как же тут не посмеяться от души: святейший все так хорошо объяснил царю, а царь в толк не возьмет... – Телкиза оперлась головой о спинку кресла. – Однако я твоя гостья, Валтасар, вели же подать мне вина, – усмехнулась она. – Вели подать мне вина и пусть лютни играют! Прекраснейшая из жен Вавилона хочет залить свою печаль крепким вином, хотя бы ржаной водкой, и веселиться, веселиться...

Ей налили в кубок вина девяти разных сортов. Телкиза пила, не отрываясь и не сводя глаз с Набусардара.

– Это чтоб долго жил тот, кого я люблю! – заявила она и поставила на стол опорожненный кубок. – А теперь выслушай меня, Валтасар, – обратилась она к царю. – Святейший Исме-Адад тебе все хорошо объяснил. Он сказал, что ты сын богов. Да, ты сын бога. Народ видит и почитает в тебе сына божьего. Но Исме-Адад забыл сказать, что больше всего боги любят тех из своих сыновей, кто, имея глаза, не видит, имея уши, не слышит, имея сердце, не чувствует.

– Княгиня! – вознегодовал верховный жрец.

– О, – улыбнулась ему Телкиза, – кажется, мне подмешали в вино правды, дозвожь же не лгать хоть раз в жизни.

Вельможи жаждали развлечений и надеялись потешиться, услышав речи Телкизы. Они дружно подняли кубки и махнули музыкантам.

– Я не хочу сказать ничего худого, Валтасар. – Телкиза придвинулась к царю и, скрывая истинный смысл своих слов, продолжала: – У тебя есть глаза, да ты не видишь, что тебя окружают женщины более прекрасные, чем та скифка. У тебя есть уши, да не слышишь ты, с какой мольбой взывают к тебе самые прелестные девы. Имея сердце, не чувствуешь ты, ослепленный одной-единственной, как остальные жаждут вместо ее хлада влить в твое сердце любовь и огонь. До сих пор оно было словно из камня. Так докажи, что оно из плоти и крови, что жаждет оно милостей Иштар. Не только мечом, но и любовью докажи, что ты царь. Люби и любим будешь. Будешь любим всеми женами Вавилона, всеми женами иных племен, всеми женами мира... не погнушайся осушить со мной еще один кубок!

– Хорошо, Телкиза, – откликнулся он с воодушевлением и приказал налить себе и ей золотистого нектара в золотые кубки. – Ты Права, стоит ли убиваться из-за одной скифки?!

Оба до дна осушили кубки.

Голова у Валтасара пошла кругом.

– Всем налить вина, пускай все пьют. Я хочу наконец стать таким же веселым, как некогда, в царствование Набонида, когда я жил, не ведая ни забот. ни печали.

Во всех концах залы звенели чаши, лилось вино.

– Хочу, чтоб играла музыка и плясали девы. Привести сюда музыкантов со всей

Муджалибы, со всего Вавилона, со всего света! А ну, плясуньи! Больше жизни! Сегодня царит радость и красота!

Словно по мановению волшебной палочки, в залу со всех сторон вбежали очаровательнейшие девушки.

Под ликующие звуки всевозможных инструментов гости подняли кубки, возглашая здравицу за царя-победителя.

Верховный жрец едва ли не первым опорожнил кубок, подавая пример Валтасару, – он знал, что чем яростней предается царь кутежам и любви, вину и женщинам, тем послушнее он станет. Жрецы Храмового Города не забыли о прежнем своем могуществе, и им было безразлично, какими средствами они вернут его себе.

Исме-Адад и Валтасар одновременно поставили на стол пустые кубки, и глаза их невзначай встретились.

Верховный жрец с напускным жаром воскликнул:

– Пусть слава твоя простирается до звезд, о царь!

– Выше звезд! – поправил его Валтасар. – Выше владений Мардука!

– Выше, выше звезд, если будешь почитать избранного среди богов, всемогущего Мардука, – льстил верховный жрец Валтасару.

– Не думаешь ли ты, святейший, что я еще и Ягве стану поклоняться? – захохотал царь. – Теперь я уже знаю верный способ, как изгнать его из Халдейского царства.

И Валтасар указал рукой на стену, вдоль которой стояли толстые свечи на высоких подставках. Спиной к ним расположились по одну сторону вавилонские музыканты с инструментами из слоновой кости, по другую – сто иерусалимских юношей с арфами в руках.

Верховный жрец, сановники, советники, военачальники обратили свои взоры к стене. Посмотрела туда и Телкиза.

Юноши были очень красивы и стройны.

Валтасар велел подыскать таких, чтобы потом расставить их по всему дворцу наподобие статуй. А чтоб унижение для них было чувствительнее, он остановил свой выбор на юношах знатного происхождения, хороших певцах и искусных в игре на музыкальных инструментах. Пусть князья и вельможи, пусть вся вавилонская знать, видит, что смеет позволить себе их царь.

Увидев юношей, Телкиза вожделенно улыбнулась и взглянула на царя.

– Подари мне их, Валтасар, – попросила она, – это будет поистине царский подарок...

– Гм, – раздраженно хмыкнул Валтасар, – не могу я их подарить, они будут стоять изваяниями по всей Муджалибе.

– А ты не слишком щедр к той, которая... – Притворившись обиженной, Телкиза настаивала, желая распять на кресте сердце Набусардара.

Да, раз уж она несчастна, пусть и он не изведает счастья. Пусть и его душа превратится в клубок змей, пусть и его ужалит ревность.

– А ты не слишком щедр, – повторила она, – к той, которая указала тебе на самых

очаровательных, самых нежных, самых соблазнительных жен в царстве. Или ты забыл, что только благодаря мне обладал ими первый? Но, конечно, прекраснее не только кипрских и скифских женщин, а и самой Дарии – дочь Гамадана, о ней тоже сказала тебе я. Так неужели ты не подаришь мне иерусалимских юношей?

Она с нетерпением ждала ответа, глядя то на царя, то на стоявших возле певцов, иссиня-черные кудри которых блестели в мерцающем пламени свечей.

Сгорая от нетерпения, она украдкой поглядывала также поверх головы царя на Набусардара, полагая, что того сразит ее злонамеренное признание.

Но Набусардар и бровью не повел, он лишь отметил про себя: «Так это ее рук дело...»

Да, это было дело ее рук, и в эту минуту она всем своим существом жалела, что не может отомстить ему еще больше..

Мучаясь и жестоко страдая, Телкиза спросила царя:

– Так подаришь или нет, Валтасар?

– Я хочу превзойти искусенных в искусстве греков, – жалобно протянул он, потому что нелегко было противиться Телкизе, – я украшу дворец живой скульптурой.

– Взамен я отдам тебе римлянина, которого держу при своем дворе.

– Ненавижу римлян.

– Но иудеев ты тоже ненавидишь...

– Не дам я их тебе – я царь!

– А я некоронованная царица Вавилонии, – громко рассмеялась Телкиза.

– Не хочешь ли ты сказать, что трон принадлежит тебе или Набусардару? Не гневи Валтасара, не вынуждай меня назвать тебя царицей, да, царицей распутниц..

Этого Телкиза никак не ожидала. Угольки ее зрачков скользнули под опущенные веки, словно черные ужи в глубь реки. Она явилась сюда, чтобы полонить Набусардара, явилась, гордая, в золоте, в бирюзе, а Валтасар одной фразой втоптал ее в грязь.

– Ах, вот как...

Телкиза выпрямилась и оживилась, как цветок на рассвете.

– Если уж мы принялись сводить счеты, то нужно сводить их до конца. Полагаю, многое из того, что я скажу, будет любопытно для тех, кто еще верит в могущество золотых престолов и золотых богов.

Казалось, в зале сразу прибавилось света; зато музыка стихла, словно боясь заглушить ее слова. Гости, сидевшие за дальними столами, напрягали слух, многие даже встали, чтобы лучше видеть и слышать «вавилонскую львицу».

Телкиза сказала:

– Ты хотел оскорбить меня, Валтасар, назвав царицей распутниц, хотя тебе лучше других известно, что по закону я – первая женщина Вавилонии, Ты назвал меня так в присутствии двух тысяч пирующих жрецов Бабилу и двух тысяч пирующих вельмож Бабилу. Пусть так, да, я грешница, я грешна больше, чем вы полагаете. Это стыдно, унижительно, и поэтому перед всеми жрецами и вельможами Вечного Города я сейчас

обвиняю царский род Валтасара. Его отец Набонид, по наущению Эсагилы, почти девочкой отдал меня, как суку кобелям, на поживу лидийским посланникам, надеясь, что те станут уступчивее в переговорах. Чистая и невинная, я должна была телом своим ублажить придворных Креза, чтобы они согласились на условия халдеев. Вы уверяли меня, – Телкиза бешено глянула в лицо Исме-Адада, – что я угодна богам. На другой день я видела, как эти боги вместе с царем Набонидом и верховным жрецом Исме-Ададом ходили по земле. – Телкиза с трудом перевела дух. – Так ответь же, святейший, сколько мнимых Мардуков сменилось за все это время в капище? Сколько гнусностей содеял твой бог?

– Благородная Телкиза! – в притворном удивлении воскликнул верховный жрец.

– Благородная Телкиза! – язвительно усмехнулась она. – Конечно! Теперь вы готовы величать меня даже царицей Бабилу, лишь бы я замолчала. Но нет, нет! – Телкиза взвилась, как ударенная плетью змея. – Я не стану больше молчать. Годы, долгие годы тяготееет надо мной проклятие. Лишь благодаря Мардуку, властелину вселенной, жесточайшему из богов, я стала распутнейшей из женщин. Это он сделал меня такой, чтобы закрыть пути к сану царицы.

Даже Валтасара взяла оторопь. Он оглядел столы. Гости не сводили с Телкизы изумленных глаз. Царь попробовал остановить ее:

– Телкиза, твои речи безумны!

Она смерила его презрительным взглядом.

– Раб собственного безволия, раб Мардука, раб Исме-Адада!

Чтобы как-то поправить дело, верховный жрец многозначительно заметил:

– Право, она безумна!

– Пусть я прослышу безумной! – прошипела Телкиза. – Но теперь я сказала все.

Да, она сказала все, ошеломив признанием жрецов и вельмож, но сама облегчения не почувствовала: камень, давивший ей душу и тело, стал еще тяжелее.

Изнемогая от непосильного бремени, она обронила:

– Теперь ты можешь отпустить меня, Валтасар.

– Ступай, – ответил царь.

Телкиза поднялась, и в ее зрачках уже не было прежнего блеска. Она думала, что ее рассказ вызовет негодование в сердце Набусардара, но он остался глух и безразличен.

Окончательно сраженная его холодностью, Телкиза покидала ападану. Проходя меж рядами столов, украшенных гирляндами и уставленных золотой утварью, она слышала, как Исме-Адад гневно повторил:

– Право, она безумна.

– А, – махнул рукой Валтасар, давая этим понять, что больше о ней говорить не стоит.

Призвав управителя дворца, он распорядился насчет иудейских юношей.

Его голос заставил Телкизу обернуться. Стоя в дверях, она еще раз оглядела все вокруг, и мягкий ковер из роз обернулся для нее тернистым лугом, свисающие с

потолка гирлянды лотоса – петлями виселиц, звон чаш – : лязгом костей оживших скелетов, улыбки тупых пьяных лиц – оскалом смерти.

Нигде и ни в чем уже не было ни жизни, ни красоты. Ах, как она устала, как устала...

Сибар-Син поднялся из-за стола и, подойдя к Телкизе, предложил проводить ее.

– Пожалуй, – ответила она, – а эти все... будь они все прокляты, прокляты...

– Не оскверняй свои уста, княгиня, они созданы для наслаждения.

– Но мне все опостылело, все. Какой-то бог, сжалившись надо мной, внушил мне мысль о последнем наслаждении, которого я еще не извела... он внушил мне мысль о смерти...

Сибар-Син посмеялся ее сумасбродству и вместе с ней вышел на галерею.

Вдруг она остановилась и порывисто схватила его за руку.

– Слышишь, Сибар-Син?

Ападана оглашалась переливами арф и пением.

– Слышишь? – снова спросила она, судорожно сжимая его руку,

– Слышу, – кивнул он, – это хор иерусалимских юношей славит гимнами наших богов. Валтасар верит, что это навлечет гнев богов на потомков Авраама и Соломона, он верит, что так ему удастся изгнать Ягве из Вавилонии. А как ты думаешь, Телкиза, удастся это ему? Да и существует ли в природе этот самый Ягве? По моему разумению, боги охраняют только сильных, что им до такого униженного племени, как эти пленные иудеи?

– Оставим богов в покое, Сибар-Син. Я знаю только, что Валтасар считает Ягве своим заклятым врагом. Ты же слышал, как он сказал, будто и мое лоно обратил Ягве в пустыню и пепел. Не случись этого, он нарек бы меня царицей Вавилонии. Он гнусен, о, как он пресмыкается перед Эсагилой! Я просто с ума схожу – меня терзает жажда мести.

Гулкое эхо песни прокатилось под сводами галереи.

– От подобной музыки слабеет воля и рушатся замыслы, – заметил обольстительный вельможа, – но мы всегда были непреклонны.

– Право, Сибар-Син, что нам музыка... это для богов, а не для людей. – Она грустно вздохнула. – Я хотела тебе сказать...

Телкиза остановилась и умолкла.

– Мысли разбегаются... Вот сейчас внутренний голос шепнул мне: к чему помышлять о мести, не лучше ли снова невинной, простодушной девочкой играть в царской аллее разноцветными камушками?..

– Ты плачешь, Телкиза?

– О! – она опустила ресницы и смахнула ими слезы.

– Тебе надо быть сильной. Крепись, ведь ты – княгиня, а слабость пристала только рабам. Ты сказала, что жаждешь мести. Отомсти, и тебе станет легче. А детские годы не вернуть. Люди обязаны идти; идти и доиграть свою роль до конца.

– Идти и доиграть свою роль до конца... – повторила Телкиза. – Что ж, пусть так...

Она выдернула из висевшего на стене венка два нардовых стебля, размяла их в пальцах, пустила пушинки по воздуху, наблюдая их полет. Когда былинки опустились на примятые лепестки роз, женщина растоптала их ногами.

– Все суета сует... – молвила она печально и сокрушенно.

Телкиза провела рукою по холодному лбу.

– Теперь я жажду одного – смерти. Я хотела бы умирать долго-долго.

– Вино помутило твой разум, Телкиза. Только рабы мечтают о смерти.

– Я вернусь на женскую половину, – проговорила она чуть слышно и поспешила в другое крыло дворца, оставив Сибар-Сина одного.

Телкиза вернулась к пировавшим женщинам, заставив себя обворожительно улыбаться. Роскошная, ослепительная, она села за один стол со своими завистниками и восторженными почитательницами.

Телкиза заметила, что царица воспользовалась ее отсутствием и вместе со своей прислужницей понесла пророку Даниилу еду и питье с праздничного стола... Телкизу это несколько не удивило. Привязанность царицы к иудейскому мудрецу всегда оставляла ее равнодушной. Тем менее занимало ее это в данную минуту.

Вдыхая аромат смол и цветов, Телкиза задумчиво смотрела перед собой. Душой она оставалась в ападане. Набусардар не выходил у нее из головы.

Когда утих рокот струн и замерли последние звуки песен, воины Исма-Эля доложили Набусардару, что на подступах к городу все спокойно и Вавилону не угрожает никакая опасность, предчувствие которой бесконечно томило военачальника, – он и пил меньше, и был сдержан в веселье – беспокойство не покидало его.

Лишь один раз, захваченный пением иерусалимских юношей, засмотревшись на прозрачную каплю вина, он увидел в ней погруженный во тьму борсиппский дворец. С нежностью подумал он о Нанаи, спящей под охраной стражников, вспомнил Теку, скульптора, жреца Улу. Его переполняла благодарность к той, которая носит под сердцем его первенца.

Набусардар растер пальцем каплю чудесной влаги, а голос Валтасара спугнул его сказочное видение...

– Довольны ли вы, мои боги? Кто из живущих мог бы воздать вам большие почести? – спесиво кричал царь.

Он высокомерно оглядывал сотрапезников. Когда взгляд его остановился на одном из советников, иудее, отрекшемся от своего племени и за большую сумму получившем службу у Набонида, тот решительно поднялся и сказал:

– Не дай себя обмануть, о могущественнейший из могущественных! Эти отроки поносили тебя и твоих богов, песней и музыкой несравненной возвеличивая своего Ягве.

Кровь бросилась в лицо Валтасару. Вскочив с кресла, он взревел:

– Кто тебя подкупил? И как посмел ты перед жрецами и вельможами Вавилона унижить царя царей и глумиться над всемогущими богами? Перед всем народом и гостями ты позоришь своего повелителя и оскверняешь создателя своего Мардука! Смерть тебе!

– Смерть заслуживают не я, а они, – советник указал на певцов. – Дозволь слуге

твоему доказать свою правоту.

Губы Валтасара побелели.

– Именем Мардука заклинаю тебя! – настаивал советник.

Неожиданно из толпы иудейских певцов вышел юноша и сказал вельможе:

– Чего ради ты сперва предал свое племя и боги своего, а теперь выдаешь тех, кто не отрекся от Ягве и останется верен ему до самой смерти?

– Вы обманываете царя, властелина своего! – набросился на него советник. – Да, они обманули тебя, царь. Праведный гнев сотрясет тебя, если я переложу тебе с их языка на твой язык слова псалмов.

И он без промедления пересказал первую песню:

– «Будь благословенно имя Ягве отныне и присно и во веки веков. От восхода солнца до заката славься имя Ягве».

– Он правду говорит? – вскричал Валтасар, и глаза его гневно сверкнули.

– Правду, – подтвердил иерусалимский юноша, спокойно взглянув на царя глубокими, словно бездонными очами.

– Так будьте вы прокляты и да постигнет вас справедливая кара! – воскликнул царь. – Двадцати из вас гореть в печи огненной, чтобы вы почувствовали, сколь лучезарен ваш бог!

Едва он умолк, как советник при всеобщем возбуждении стал перелагать второй псалом:

– «О дочь вавилонская, быть тебе поверженной, благословен тот, кто отметит тебе за содеянное нам зло».

– Я велел угостить их с царского стола, – захлебываясь, прохрипел Валтасар. – Отныне пеплом кормите двадцать других, покуда не испустят дух. Советник пересказал и третий псалом:

– «Все боги всех племен – не более как идолы. Ягве же сотворил небеса, укрепил твердь земную и всякого судит по справедливости своей. Он покарает тех, кто говорит камню: ты создал меня! Но явит он милость верным, вызволит их души из рук святотатцев, ибо всемогущ он».

– В яму их, в яму, к львам! – хрипел Валтасар. – Слушать больше не желаю! Двадцати другим выколочь глаза, остальным привязать на шею камень и бросить в Евфрат!

Валтасар в исступлении рухнул в царское кресло. Когда он пришел в себя, стражники уже выводили иерусалимских юношей. Царь тупо смотрел им вслед помутившимся взором и порывисто дышал. Он тер ладонью веки и давился слюной. С ужасом осознав, что произошло, он боялся взглянуть на гостей. Как всегда, приходя в ярость, царь терял над собой власть, в глазах у него темнело, к горлу подступала тошнота. Наверное, Мардук теперь отвернется от него и ослабит его мощь. Но в душе, желая задобрить бога, Валтасар клялся извести иудеев всех до единого.

– Да, да, я исполню это... – бормотал он, покачивая тяжело опущенной головой.

Валтасар страдал, страдал невыносимо. Двести тысяч персов одолел, а совладать с племенем израильтян и иудеев не может. От стен Вавилона отогнал тучи персидского войска, а изгнать Ягве из Вавилона не в силах.

Внезапно царя осенила мысль. Лицо его оживилось на короткий миг, приняло выражение умиротворенности. Царь упивался про себя воображаемой картиной.

– А все-таки я его одолею! – воскликнул он с твердой уверенностью.

Чтобы и бог иудеев понял, как велика его, Валтасара, власть в Вавилонии, что воля его – закон для подданных, в свою честь он прикажет поднять священные сосуды Соломонова храма, которые вывез из Иерусалима Навуходоносор; ныне числом в четыре тысячи пятьсот они хранятся среди сокровищ, недавно, по уговору, возвращенных ему Эсагилой. Сосуды эти священны, и никто из смертных не смеет прикоснуться к ним, но как раз поэтому он и велит принести их, наполнить вином и осушить во здравие Валтасара, повелителя мира.

Царь тотчас распорядился доставить священные сосуды в ападану.

Заключая с царем союз, Исме-Адад обязался возвратить эти сосуды, – так как Храмовый Город похитил их из царской сокровищницы после смерти Навуходоносора, – и слово свое сдержал. Он не собирался препятствовать Валтасару, но, страшась за свою жизнь, позволил себе напомнить царю, что эти сосуды священны и никто, кроме богов, не вправе касаться их своими устами.

– А я – разве не сын богов? – подивился Валтасар речам верховного жреца.

– Даже сын богов не смеет этого допустить, так повелел Мардук.

– Так кто же распоряжается в Халдейском царстве – Мардук или Валтасар? – вскричал царь; недобрым огнем вспыхнули его глаза.

Боясь осквернить сосуды, жрецы и вельможи поддержали Исме-Адада, убеждая царя, что обычай требует чтить чужеземных богов.

Валтасар пришел в бешенство.

– Знаю я, все вы считаете меня слабовольным. По всему царству разослал я шпионов и знаю, что обо мне шепчут. Но затем я и созвал вас, чтобы вы убедились в моей силе.

Тогда поднялся мудрый рабианум Идин-Амуррум и учтиво сказал:

– Даже Навуходоносор, хотя и был он владыкой могущественным и непобедимым, не позволил себе осквернить сосуды и поместил их в святилище Мардука.

– Разве я не могущественнее Навуходоносора? Разве Навуходоносор, а не Валтасар одолел Кира? – вскипел царь.

Желая успокоить его, гости лицемерно грянули:

– Ты, о великий, наш царь!

– То-то. – Он принял славословие вельмож за чистую монету, и у него отлегло от сердца.

Между тем рабы вносили сверкавшие золотом священные сосуды, расставляя их на столах. Согласно приказу царя, никто не был обойден – даже гетеры и развратники.

Четыреста виночерпиев, держа на плечах узкогорлые тирские кувшины, наполненные изысканнейшими винами, приготовленными из лучших сортов винограда на острове Хиос, в городе Лампсак, на острове Крит и в городах Загра и Гурния, на острове Лесбос и в городе Библ – вино из этого города имело аромат ранних фиалок, – вбежали в залу под

звуки двойных флейт и египетских сistr.

Валтасар приказал гостям снять золотые венцы и сам снял драгоценную тиару. Затем в ападане появились рабы с серебряными подносами. На одних грудями возвышались миртовые венки, на других – широкие микенские чаши с дорогой эссенцией. Рабыни, вереницей входя под сень ападаны, брали с серебряных подносов венки и, окуная их в дорогие благовонные эссенции, возлагали затем на головы гостей.

Самый красивый венок из лавровых веток и золотых ягод, смоченный самой дорогой эссенцией, перевязанный лентами, украшенный камнями, был возложен на голову царя. Виночерпии сняли с плеч серебряные кувшины, и в золотые чаши струями полились вина, впитавшие в себя огненные лучи южного солнца.

Для его величества царя Валтасара густым и алым, как кровь, вином наполнили золотую чашу с двумя ручками, выделяющуюся своими размерами и формой.

Взяв сосуд обеими руками, Валтасар поднялся с кресла.

Глаза его сверкали, щеки лоснились, высокий лоб казался несокрушимым, как гранитный лоб священного быка.

Голос царя звенел, взывая к гостям:

– Пейте, жрецы и вельможи! Пейте во славу Валтасара!

Он первым поднял чашу и пригубил вино.

И в то же мгновение пламя свечей затрепетало и померкло.

Леденящий ветер пронесся по зале.

На стене появилась тень, и чья-то рука, повергнув пирующих в неопишувемый ужас, начертала:

«МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ФАРЕС».

Чаша выпала из рук царя Валтасара.

Он не сводил с надписи глаз, чувствуя, как все тело его охватывает дрожь. Виски покрылись каплями пота. Все замерло.

Долго стоял Валтасар, онемев, и все, что было в ападане живого, безмолвствовало вместе с ним.

Когда же кто-то осмелился пошевелиться, Валтасар горестно воскликнул:

– Перст судьбы! Предостережение!

Несколько опомнившись от потрясения, царь приказал созвать всех мудрецов, звездочетов и толкователей.

Но никто из мудрецов и толкователей не мог объяснить, что означают загадочные письмена.

Весть о случившемся облетела дворец, и в ападану с женской половины поспешила царица.

Она посоветовала обратиться к пророку Даниилу, который, наверное, разгадает значение слов.

Пророк вошел в сопровождении стражников. С первого взгляда было заметно, как потускнели за время заточения его глаза, сколько прибавилось морщин на его старческом лице. Но ум, дар природы, ничто не могло ослабить, и Даниил так истолковал вещие слова:

– Мене – значит «конец». Текел – «предел кладу владычеству твоему». Фарес – «лишу тебя царства и отдам его персам».

– Так... – едва вымолвил Валтасар, чувствуя, как деревенеет у него язык и немеют конечности.

Боль и отчаяние туманом заслонили от него свет. Смятение мыслей гасило блеск в глазах, и они потухали, украдкой скользя по лицам гостей.

Царь надеялся, что кто-нибудь из князей рассеет его опасения, поспешит утешить своего царя, убежденно воскликнув: это не божье знамение, а черная магия. Обратил же Моисей палку в змею, а камень – в воду! Быть может, и таинственная надпись на стене ападаны – дело рук какого-нибудь иерусалимского колдуна?

Но никто не пожелал снять тягостное бремя с его сердца.

Неужели они и в самом деле так сильно напуганы и верят, что некто, более могущественный, предрешил его судьбу и близится конец его царствования?

Рот Валтасара вдруг приоткрылся, и лицо царя исказилось гримасой смеха, судорожного, неестественного смеха. Так выразил он свое презрение к тем, у кого не нашлось для него слов ободрения, кто отвернулся от царя в страшный час.

Валтасар наклонился и сам поднял с пола золотую чашу о двух ручках; он поставил ее на стол и велел снова наполнить вином.

Когда чаша скатилась на пол, в нее попала кровавая роза. Валтасар приказал залить розу вином, белым и густым сирийским вином. Багрянец лепестков просвечивал сквозь золотистый нектар, багрянец лепестков ласкал губы, тянущие вино.

Выпив, царь снова приказал налить и опорожнил чашу.

Пил он, заодно с ним пили халдейские вельможи. Он пил и пил, не делая передышки, пока голова его не запрокинулась на спинку золоченого кресла. Мутными глазами отыскал он лицо иерусалимского пророка, тот стоял поодаль и ждал, когда царь отпустит его. Валтасар в изнеможении мотнул головой и, собрав остаток сил, закричал:

– В пурпур облачите его! Золотую цепь ему на грудь, и возгласите по всей стране – отныне он третий муж в державе нашей. Щедро награждает Валтасар тех, кто верно служит ему.

Первый советник приблизился к захмелевшему владыке и напомнил, что третьим мужем в государстве уже объявлен великий верховный военачальник Набусардар, так что негоже царю отречься от своих слов. Но Валтасар упорно твердил свое:

– В пурпур облачите, золотую цепь на грудь, и возгласите по всей стране, что отныне он третий муж в державе нашей!

Даниил осмелился приблизиться к возвышению, на котором стояло кресло царя, и скромно отказался:

– Я ничего не прошу, государь, – ни пурпурной мантии, ни золотой цепи, ни почести,

ни славы.

– Ты пренебрегаешь царскими дарами? – удивленно проговорил Валтасар.

– Нет, государь, – кротко ответил измученный долгим заточением старец, – но дорогие платья, золото и слава, равно как и брменная плоть, траве подобны, а почести – цветку полевому. Трава высохнет, облетят лепестки, когда дыхание смерти коснется цветка. Все суета сует и томленья духа...

Валтасар смутно различал фигуру пророка и не внимал его речам, бессмысленно повторяя заплетающимся языком только то, что случайно уловил его слух:

– Лепестки облетят... трава высохнет...

– Да. Лепестки облетят, трава высохнет, когда коснется ее дыхание смерти, – подтвердил Даниил.

Неожиданно царь услышал его голос и вновь закричал:

– В пурпурную мантию его, золотую цепь повесить на грудь...а мне вина – и всем вельможам моим подать вина!..

Гости уже лежали вповалку, но слуги послушно наполнили звонкие чаши искрящимся вином.

* * *

В день праздника Сбора плодов – праздника победы над Киrom измученные долгой войной жители Вавилона с восхода солнца ждали сигнала горнов, чтобы начать пиршество в домах, садах и на улицах.

С первым глотком вина в дворцовой зале о тысяче колонн Валтасар повелел и народу веселиться и пировать, и с первыми фанфарами в городе Мардука поднялось всеобщее ликование.

Бочки с вином, пивом, ячменной и финиковой водкой выкатывали люди на улицы, разводили костры, жарили на вертелах целые туши. В громадных котлах булькала чечевица, запах пряностей щекотал обоняние. На деревянных досках благоухали нарезанный лук и чесночные дольки. В глиняных мисках замешивалась мирса, излюбленное лакомство детей, приготовленное из меда и сала. Прямо под ногами у прохожих стояли доверху наполненные фруктами корзины.

Танцующие хороводы девушек мелькали повсюду. Их шеи украшали тонкие ожерелья, над щиколотками позванивали витые браслеты с бубенцами. Согнутыми пальцами и ладонями девушки били в белые тамбурины.

По пятам за ними таскались толпы зевак и жаждущие любви воины.

Особенно многолюдно было там, где вершили расправу над чужеземцами. Валтасар отдал в руки народа оставшихся в живых пленников: персов, ассирийцев, лидийцев. Египтян карали в отместку за то, что коварный фараон переметнулся на сторону Кира, лидийцев – за то, что ненавистный царь Крез дал согласие быть советчиком перса и сопровождал

его в походе на Вавилон; арабов – за то, что злополучные арабские провинции изменили Вавилонии и стакнулись с Киром; иудеев – за то, что они дерзнули уверовать в победу Кира.

Ослепленные гордыней и самодовольством халдеи, как никогда, ненасытно жаждали чужой крови и снова кропили ею камни Города Городов.

Победа, а также финиковая водка кружили головы, и, теряя рассудок, халдеи творили расправу, пытали, обрекая на страшную гибель, на медленное и мучительное умирание всякого, кто не был халдеем.

Они сажали свои жертвы на острые колья и натравливали на них разъяренных хищников. Бросали в котлы с кипящей смолой. Раздев донага, обливали расплавленным свинцом, отрезали языки и выжигали глаза. Выстраивали рядами и стреляли в них из луков, норовя попасть в рот или глаза. На городской стене сотни воинов на конях и в боевых колесницах, волоча за собой тела живых персов, состязались в проворстве.

Так забавлялся народ под открытым небом, пока царь и вельможи пировали в ападане.

Разгул и буйное веселье охватили Вавилон. Отовсюду неслись ликующие клики. Вакханалия не знала удержу и бесстыдно предлагала свои пьянящие груди всякому, кто желал в этот час испить из ее источника.

Когда день клонился к вечеру, все живое в Вавилоне валялось расprostертым – в домах, на крышах, террасах, улицах, площадях, в садах и рощах.

Трезвыми оставались только те, кто втайне или явно ждал прихода Кира, видя в этом единственное спасение.

К концу дня стал известен указ Валтасара, обязывавший женщин и девушек отдаваться защитникам города. Сперва захмелевшие девы и зрелые жены предлагали себя отважным воинам лишь на папертях храмов да у ног величественной Иштар, богини плодородия. Но когда мгла окутала город, гетеры и прелюбодейки стали тешить плоть во всех домах, на крышах и улицах. Воины группами спускались со стен, чередуясь каждые несколько часов, чтобы всякий мог насладиться дарами победы и любви.

А в это время на подступах к городу персидские воины расчищали занесенные песком каналы и, обливаясь потом, шаг за шагом под покровом ночи приближались к берегам великой реки.

Достаточно было поднять плотины, чтобы вода хлынула в каналы и обнажила русло Евфрата.

Кир ждал лишь сигнала от Элоса – условной стрелы.

И стрела наконец просвистела в воздухе, неся на своем веретене надпись: «Царь мой, час пробил, здесь все пьяны, от мала до велика».

И действительно, в Вавилоне все от мала до велика были пьяны. Горожане и воины – на улицах, царь, жрецы и вельможи – в Муджалибе.

Веселье в зале о тысяче колонн било через край. Отчаяние и тревога, закравшиеся было под сень ападаны, уступили место смеху и удали. Подавляя отчаяние, Валтасар решил вслух высказать предположение, что таинственное пророчество на стене – не более как козни иудеев. В этом нетрудно было убедиться, если принять во внимание, что только Даниил сумел разгадать эту околесицу. Гости с готовностью подтвердили догадку царя. Это был долгожданный луч света, рассеявший мрачные мысли!

Валтасар оживился вместе со всеми.

– Ешьте, пейте и веселитесь, гости мои! – взывал он к вельможам.

И те усердно пили, ели и веселились.

Ели самые изысканные кушанья, пили самые тонкие вина и шумно предавались разврату с опьяневшими наложницами.

Пророк Даниил стоя лицезрел эту богомерзкую оргию.

Один Набусардар оставался трезв, опасения за судьбу городских укреплений и своей избранницы не покидали его. Под страхом смерти он велел теперь ежечасно докладывать ему, все ли спокойно на подступах к городу. Дозорные по-прежнему не замечали ничего, что внушало бы тревогу. Ничтожный отряд персов продолжал, как и в другие дни, рыть каналы, над чем вавилоняне от души потешались.

Итак, за стенами не происходило ничего угрожающего, вельможи и народ могли спокойно предаваться удовольствиям.

И все же Набусардара все сильнее охватывала Необъяснимая тревога. Он не знал, за что тревожиться больше – за судьбу Вавилона или за свою любовь? Он послал в Борсиппу гонца узнать, не случилось ли во дворце какой беды. Он и сам полетел бы в Борсиппу, чтоб прижать к груди ту, которая стала для него солнцем и звездами, теплом и светом жизни, драгоценнейшим и прекраснейшим даром, каким он владел, но Набусардар и думать не смел оставить ападану и поэтому лишь ненадолго уединился, чтобы написать возлюбленной пылкое послание.

С этой весточкой и поскакал в Борсиппу гонец на резвом киликийском жеребце.

И как раз в тот момент, когда он мчался по мосту, персы подняли плотины, отделявшие воды Евфрата от каналов. Мощные потоки хлынули в бреши, наполняя новое русло, вода в Евфрате стала спадать.

Кир вместе с Гобрием и другими военачальниками стоял на берегу, глядя на дело своих рук, на то, как каналы поглощают воду и Евфрат мелеет, устремляясь в новое русло.

Когда кое-где обнажилось дно, персидский царь послал в город отряд лазутчиков. К величайшему изумлению, те обнаружили, что кованые ворота, которыми замыкались сбегавшие к Евфрату улицы, никем не охраняются и не заперты, – это красноречиво свидетельствовало о том, что замысел Кира остался неразгаданным и что Набусардар не ожидает нападения с этой стороны. Воины беспрепятственно проникли в центр Вечного Города и, смешавшись с толпой ликующих вавилонян, сами принялись отплясывать и веселиться вместе с ними. Не возбудив ничьего подозрения, они выполнили возложенное на них задание и, окрыленные успехом, возвратились обратно.

Более удачного стечения обстоятельств нельзя было и придумать. Следовало воспользоваться темнотой и войти в Вавилон до рассвета.

Гобрий немедленно повел свое войско по осушенному руслу реки. Помощником него был Сан-Урри, который хорошо знал эти места. Главной задачей отрядов было пробиться к Муджалибе, где находилась вся знать и сам царь. Вавилоняне видели движущиеся по улицам вооруженные отряды, но в темноте приняли их за воинов Набусардара. Сопrotивление персы встретили лишь у стен и ворот Муджалибы.

Несколько сот персидских наемников, предводительствуемые Гобрием и Сан-Урри, с боем ворвались во дворы Муджалибы и повернули прямо к пиршественной зале.

Валтасар, корча рожи, глумился над пророком Даниилом. Едва держась в кресле, он наклонял к нему перекошенное, пьяное лицо и бормотал:

– Золотую нагрудную цепь хотел ему пожаловать... да одежды из пурпура... третьим мужем в державе наречь... И нарек бы, если б Мардук не вразумил меня... не внушил, что предомною злонамеренный мошенник. Завтра же распять его на кресте... пускай поучает воронье, что станет клевать его тело, пускай там поучает, что трава сохнет, лепестки облетают...

Царь заставлял себя гоготать, но силы покидали его. Голова Валтасара свесилась на грудь, руки опустились. Одной из них он судорожно сжимал чашу о двух ручках.

Наконец царь притих. Набусардар настороженно поднял глаза и прислушался.

– Что за шум на галерее, что там такое? – спросил он обеспокоенный, и вскочил с кресла.

В тот же миг чья-то рука раздвинула зелено-белые драпировки из тяжелого шелка, прикрывавшие главный вход в ападану, и в просвете между завесами выросла фигура персидского воина, за спиной которого виднелся целый отряд.

– Царь! Князь! – воскликнул Набусардар.

Валтасар услышал его, но, одурманенный вином, не понял предостережения. Развалясь в кресле и размахивая чашей, он, не переставая, бормотал:

– Лепестки облетают... трава сохнет... Лепестки облетают... трава сохнет...

Больше он уже ничего не произнес.

Со всех сторон в залу лавиной хлынули персидские наемники, не встречая на своем пути ни малейших преград.

Набусардар понял, что все погибло, он похолодел при мысли об этом, но его тут же бросило в жар. Страшнее всего было сознание, что ни у кого из пирующих халдеев нет при себе оружия!

Набусардар кинулся к царю, чтобы воспользоваться его мечом, но персы опередили его. Не успел, он обнажить меч Валтасара – перед ним вырос не кто иной, как сам дьявол, перебежчик Сан-Урри.

Из-под низкого лба в лицо Набусардара смотрели ненавидящие глаза; Сан-Урри злобно прошипел:

– Наконец-то я спроважу тебя во мрак преисподней! – И он изо всех своих сил вонзил острие меча в могучую грудь Набусардара.

Набусардар захрипел и, обливаясь кровью, рухнул наземь.

Алые розы приняли его в свои объятия и бережно уложили на мягкие лепестки. Потом рядом с ним опустилась на колени какая-то бледнолицая дева и, обвив его руками, все крепче, крепче сжимала тиски объятий. Из ее уст вместо теплого дыхания вырывался леденящий ветер. Холодный пот покрыл лицо Набусардара. Он ощущал каждую его капельку, словно кто-то раскладывал у него на лбу тяжелые серебряные монеты.

Рядом распростерлось бездыханное тело Валтасара, его заколол верховный военачальник Кира – Гобрий. Царь мгновенно испустил дух; когда Гобрий выдернул меч из его груди, Валтасар был уже мертв.

Хмельной и грузный, халдейский царь тяжело свалился на устланный розами пол, лавровый веночек с его головы упал и повис на резном украшении ступеней, которые вели

к царскому креслу. Усыпанные драгоценными камнями ленты разметались по лесенке, конец одной из них касался правой руки Валтасара. Левая рука царя продолжала сжимать золотую чашу о двух ручках. Глаза его были закрыты, но губы, казалось, жили на мертвом лице, все еще шептали:

– Лепестки облетают... трава сохнет...

Набусардар завидовал мгновенной смерти царя. Ему же злая судьбина послала медленное умирание, избрав его свидетелем крушения и разора.

Он видел, как персы закалывали царских советников и сановников, срывали с них золото и украшения из драгоценных камней, сгребали со столов дорогую утварь и выносили вороха сокровищ. Не забыли они прихватить и золотые сосуды из храма Соломона. Защищаясь, вавилонские вельможи метали их в персов, но безуспешно. Один за другим падали наземь тела безоружных халдеев. Враги действовали с молниеносной быстротой, не давая им опомниться.

Лишь наместник Борсиппы, когда персидский военачальник занес меч, чтобы отрубить ему голову, успел крикнуть:

– Не убивай меня! Я уговаривал Валтасара сдать город без боя!

Но признание ему не помогло. Голова наместника покатилась по столу, оставляя кровавый след.

Каким-то чудом уцелел верховный судья Вавилона Идин-Амуррум, по-прежнему сидевший на скамье, и, когда резня прекратилась, его вместе с пророком Даниилом и верховным жрецом Исме-Ададом Сан-Урри взял под свою защиту.

Набусардар еще видел, как уцелевшую горстку вельмож, которые и без того не могли причинить никакого вреда врагу, персы связали и погнали впереди себя.

Борясь со смертью, с бледнолицей девой, которая все крепче и крепче сжимала его в двоих объятиях, Набусардар слышал, как орудуют солдаты Кира в соседних покоях, – должно быть, так же хозяйничали они сейчас по всей Муджалибе... по всему Вавилону... по всей Борсиппе. Мысль о борсиппском дворце придала ему сил, и он попробовал подняться. Но бледнолицая усмехнулась и снова окунула его голову в густой аромат роз.

Затем он услышал вопли женщин – пронзительные, истошные, душераздирающие вопли. Набусардар знал, что они означают. Персы ворвались на женскую половину.

Выталкивая женщин на улицу, они погнали свои жертвы к солдатам, стоявшим на подступах к городу.

Среди пленных была и Телкиза, жена Набусардара, которую Гобрий прочил самому Киру, выделив ее среди остальных красавиц.

Она брела в толпе вместе с женами князей, вельмож, рабов, вместе с наложницами Валтасара, и стройная фигура ее, обтянутая бирюзовой парчой тонкой выделки, переливалась в зареве факелов. Ей оставили даже драгоценные камни, сверкавшие в черных, как смоль, волосах, чтобы она предстала перед Киrom столь же восхитительной, какой они нашли ее в Муджалибе.

Процессия двигалась к городским воротам.

Повсюду ее встречали персидские воины, превратившие Вечный город в кромешный ад. Все ворота городских укреплений были открыты, и через них в город входил отряд за отрядом. Кое-где завязывались стычки, но о победе халдеев не могло быть и речи.

Персы наводнили город Мардука.

Мирных жителей Гобрий приказал не трогать, но потребовал, чтобы горожане не покидали жилищ и не мешали продвижению персидских войск. Однако в панике люди выскакивали на улицу, надеясь спастись бегством, некоторые даже оказывали врагу сопротивление, бросая с крыш тяжелые предметы. В ответ на это персы врываются в дома и не щадили ни грудных младенцев, ни седовласых стариков.

Стенания, крики отчаяния огласили Город Городов.

Тут и там поднимались вверх столбцы пламени, в котором гибла величественная красота строений, восхищавших весь мир.

Первые огненные языки взметнулись над Муджалибой, озарив огромное пространство вокруг. Вынеся все ценное, персы подожгли дворец, ознаменовав тем самым свою победу.

Тогда знатный горожанин Сибар-Син, которого в толпе пленных тоже гнали за городскую черту, незаметно приблизился к опутанной веревкой Телкизе и шепнул ей:

– Сан-Урри мечом заколол Набусардара в ападане. Никаких чувств не прочел он на ее лице. Телкиза продолжала путь, тупо глядя перед собой.

– Он мертв, Телкиза! – выразительно повторил вельможа, пытаясь ужасной вестью смутить ее.

Телкиза оставалась безучастной. Лишь губы ее слегка искривила загадочная гримаса.

– Мы не счастливее его... – бросила она в ответ.

– О, я дорожу жизнью, Телкиза.

Она устало вздохнула, словно ходьба стоила ей невероятных усилий, и промолчала.

Послышался треск огня, испепелявшего Муджалибу.

Многие из пленных. думали о тех, кто остался во дворце...

Телкиза мысленно перенеслась в пиршественную залу, в великолепную залу о тысяче колонн.

Ападану тоже охватило пламя.

Набусардар был еще жив.

Он видел, как огонь лижет одежды раненых и мертвецов, подкрадываясь к нему. С потолка срывались гирлянды лотоса, из раковин светильников текло на пол горящее масло. Все вокруг поыхало и трещало. В воздухе стоял удушающий смрад горящих тел, вопли несчастных сливались в душераздирающий вой.

Набусардар давно привык к мысли о смерти, но такой конец поверг его в ужас, и он молил небо, чтобы бледнолицая дева поскорее задушила его в своих объятиях, чтоб душа его рассталась с телом прежде, чем его опалит смертоносное дыхание огня.

Вот уже занялась роскошная мантия Валтасара, от тлеющей веточки розы задымились и вспыхнули его волосы.

Огонь был близко, он неотвратно надвигался...

Ужас рос в душе Набусардара, в глазах потемнело. Нет, это не был страх перед смертью, – на поле брани он изо дня в день смотрел ей в лицо, – чувство страха было ему неведомо. Но такая смерть унижала достоинство воина, бессильного, безоружного, беззащитного.

Нестерпимым жаром лизнуло руки, и Набусардар задохнулся дымом, бледнолицая дева разомкнула тиски объятий и покинула его. Слабая улыбка разлилась по его лицу – так мягкое сияние луны заливают землю.

Губы его шевельнулись и неслышно прошептали:

– Умираю... Нанаи, жена моя дорогая. – И Набусардар вздохнул последний раз.

Он умер прежде, чем пламя коснулось его, умер возле простертого в луже крови царя, рука которого все еще крепко сжимала золотую чашу. Разжать ее заставил царя лишь огонь, обративший его тело, как и тела его подданных, в обугленный труп.

* * *

«Поговорим о любви.

О любви буду тебе говорить и петь, избранница моя, венец совершенства, какое только видело человеческое око на вековечной земле. Подобного не сыскать на вершине, пламенеющей карбункулами. В сверкающих топазами и аметистами долинах не найти. В серебропенных и лазурных водах не узреть. Устам провидцев не описать твоей прелести. Даже взор ясновидения ничем не заслужит милости созерцать тебя во всем великолепии.

Такой блистаешь ты лишь в сердце моем, прелестнейшей из женщин, когда-либо ступавших по земле. Сердце подсказывает мне слова любви, и я слагаю в твою честь гимны.

Слагаю их утром и вечером – гимны любви слагаю тебе, возлюбленная моя.

Высокородный князь Набусардар»

Такое послание вручил Нанаи в борсиппском дворце гонец, прискакавший из праздничной Муджалибы.

Нанаи отдыхала на ложе. У ее изголовья сидя дремала Тека, то и дело роняя голову на грудь и упираясь подбородком в ожерелья из ракушек. Тут же бодрствовали увенчанный сединами Гедека и погруженный в безмятежные думы праведный Улу.

В радостном волнении читала Нанаи весточку, осыпая поцелуями подпись Набусардара.

Прижав дощечку к груди, она проговорила, счастливо улыбаясь:

– Как ты порадовал меня, мой повелитель! Для меня эти строки слаще угощения в ападане. С нетерпением буду ждать зари, когда он вернется ко мне. Передай великому князю, гонец, что верные друзья мои неотлучно со мной, а сама я сердцем с ним в

зале о тысяче колонн.

Гонец скрестил на груди руки и с поклоном удалился, чтобы вернуться в Муджалибу.

Когда он вышел, Нанаи снова перечитала послание. Она упивалась каждым его словом, ласкала взором каждую черточку, впитывала в себя значение каждой фразы, пока сердце ее не замерло от счастья и душа не затрепетала подобно струнам псалтыри. Тихими руками наполнилось все ее существо, музыка рвалась из груди, опьяняя сознание и кружа голову, приводила в волнение молодую кровь.

Нанаи долго упивалась этим волнением, но постепенно усталость вытеснила эти видения. Собрав остаток сил, она попыталась удержать их, продлить сладострастные мгновения, которых так жаждало ее измученное, исстрадавшееся сердце.

Она сожалела о мимолетности счастья, но тут же, словно дурной сон, ее объял страх: что, если у порога подстерегают ее новые муки и страдания? Набусардар, ее избранник и повелитель, не был уверен в том, что войско Кира возвращается в Персию. Кто знает, быть может, кровавым днём жестокости и смерти еще не настал конец.. Нанаи страстно хотелось изменить существующий в мире порядок вещей, хотелось избавить белый свет от низменных страстей, приводящих к войнам, сберечь женам мужей, родителям – детей, детям – родителей, сестрам – братьев, матерям – сыновей, хотелось оградить людские жилища от горя и нищеты.

Но в бессилии опустила она свои руки, сжимавшие послание Набусардара, и в страхе положила их на живот, словно прикрывая росток жизни, который пустил корень у нее под сердцем.

Затем она взглянула на Улу и сказала:

– Ты мудр, брат Улу, и, верно, сумеешь объяснить. Мучает меня мысль: отчего это люди стремятся лишь к одному – повелевать друг другом? Не стремись они к этому, скольких из нас судьба избавила бы от горестей! Скажи, кто научил людей этому злу?

Улу задумчиво поднял взгляд и серьезно ответил:

– Кто ж еще, как не боги! Они властвуют над нами, и человек, сотворенный по их образу и подобию, подражает им. Не в силах повелевать богами, он вознаграждает себя тем, что властвует над людьми.

– Говорят, боги совершенны, но разумно ли поступили они с человеком? Создав себе подобного, почему не лишили они его зависти, ненависти, мстительного себялюбия?

– Потому, что сами они тоже одержимы завистью, ненавистью и мстительным себялюбием.

– Тогда прав Набусардар, повелитель мой и избранник, утверждая, что не боги создали человека, а человек создал богов. Сам будучи несовершенен, он и богов создал по своему подобию. Но, если человек создал богов, то кто же создал самого человека?

– Это – великое таинство природы и жизни.

– А богам открыто оно? Или тайна природы и жизни и для них остается тайной, и они, подобно мне, вопрошают: откуда пошел человек и откуда пошла земля и небо? Кто научил человека говорить, птицу – летать, рыбу – плавать, цветок – расти? Кто дал человеку дыхание, цветку – аромат, меду – сладость, росе – прохладу? Кто положил воде течь, а суше пребывать в неподвижности? Кто положил быть жизни и смерти?

Улу склонил голову и погрузился в глубокое раздумье. Когда он снова поднял лицо, глаза его сверкнули.

Он сказал с жаром:

– И меня всю жизнь преследуют эти вопросы, но ответить на них я не умею.

Они не кончили начатого разговора: рывком распахнулась дверь, разлетелись в стороны занавесы, и в опочивальню стремительно вбежал начальник дворцовой стражи.

– Муджалиба горит! – выпалил он.

Из переходов и с галерей доносились разноголосый гул и топот ног. Помощнику начальника довольно было одной команды, чтобы поднять на ноги дворцовую охрану.

Сквозь гомон голосов и топот прорвался крик Нанаи:

– Муджалиба горит?!

Она вскочила, охваченная недобрим предчувствием.

Тека тоже очнулась и сидела, испуганно озираясь по сторонам.

Один Гедека, примостившись в удобном кресле, спал крепким сном, безмятежно и ровно дыша.

Казалось, услышав это известие, Нанаи лишится чувств, но она сохраняла полную ясность мысли, и только в глазах ее затаился ужас и прерывистое дыхание выдавало испуг.

Она побежала одеться и вернулась уже в плаще.

На ходу бросила повелительно:

– По коням, скорей в Вавилон!

Когда они с Улу вскочили на нижнем дворе на быстроногих жеребцов, снаружи нетерпеливо забарабанили в огромные ворота. Стража отодвинула засов, и под арку влетел всадник, который привозил Нанаи весточку от Набусардара. Он едва переводил дух, пот струился по его вискам.

– Мост разрушен, – выкрикнул он в крайнем волнении. – Муджалиба в огне. Что бы это значило, о Мардук?! Мне пришлось повернуть назад.

Тека запричитала, и, воздев руки, стала громко молиться.

– Чует мое сердце – это персы, – с тревогой проговорила Нанаи.

– Боюсь, что причиной тому – безумство Валтасара, – убежденно возразил ей всадник.

– Что делать? – озабоченно подумал Улу вслух.

– Лучше всего переждать во дворце, – посоветовал начальник стражи.

– О нет, – решительно возразила Нанаи. – За дворцом у берега привязан челн. Переправимся через Евфрат на челне. Ты, начальник, бдительно охраняй дворец. Княжеский гонец пока останется с тобой. Я поеду с братом Улу.

Тека посоветовала взять в гребцы невольников. Но Нанаи отказалась. Она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы сесть на весла и грести вдвоем с Улу.

Они спустились к дамбе. Тека светила им фонарем. Вдруг, к величайшему своему

изумлению, они обнаружили, что река безводна. Пожалуй, встреча с самой смертью не удивила бы их более.

Первым опомнился Улу, его обычно твердый голос слегка задрожал.

– Что ж это? – проговорил он растерянно.

– Пойдем пешком, – ответила Нанаи, превозмогая ужас, охвативший ее.

– Верно, благородная моя госпожа, – поддержала ее дрожащая Тека и подняла над головой фонарь, – в добрый час, ступайте, свершилось чудо. Верно, ты так полюбила Мардуку, что ради тебя он отвел воды Евфрата и ты можешь перейти реку посуху.

Не долго думая, путники спустились на дно русла. Бушевавшее на другом берегу пламя освещало им дорогу. С первых же шагов они убедились, что путь им предстоит не из легких. Дно было илистым, и по мере приближения к середине становилось все более вязким. С величайшим трудом передвигали они ноги, и взгляды, которыми они молча обменялись, говорили: брести по лужам и топи – нет, это не чудо Мардука, а скорее – вызов смерти.

Пришлось сделать передышку.

Пожар разрастался вширь, пламя его подымалось все выше. Рука невидимого великана подбрасывала над зубчатыми стенами и башнями дворца, обители радости и света, гигантские клубы дыма. Всепожирающая стихия упрямо рвалась сквозь мрак ночи к небу.

Нанаи отвела взгляд от зарева и, словно желая проникнуть в самые недра души Улу, пылливо посмотрела ему в глаза:

– Ты полагаешь – Набусардар жил несправедливой жизнью?

– Ты боишься за него?

Она потупила взор, где затаились боль и печаль, и, ничего не ответив, двинулась дальше; Улу пошел следом.

Обессилевшие, едва держась на ногах, они почти добрались до противоположного берега, как вдруг заметили двигавшийся им навстречу вооруженный отряд. Шедший впереди воин крикнул, чтобы они остановились.

– Кто такие? – спросил он, приблизившись.

– Служитель храма Набу из Борсиппы, – ответил Улу и, обняв Нанаи за плечи, привлек ее к себе. Он понял, о, муки ада, что они повстречали персидских солдат.

– А эта?

– Это сестра моя, – солгал Улу, спасая Нанаи; он понимал, какая участь ждала бы ее, открой он, что перед ними избранница Набусардара.

– Связать их! – приказал перс. Солдаты исполнили приказание, и один из них осветил факелом лица пленников.

– А ты красива, – улыбнулся он Нанаи, – я отдам тебя моему царю. Улу вспыхнул:

– Кто ты таков, что дерзаешь выносить подобный суд? Эта женщина – моя сестра! Солдат загоготал.

– Эта женщина – твоя сестра, а Кир – мой господин, мой царь, и все, что находится

на этой земле и в этом городе, с нынешней ночи принадлежит ему. И ты. и твоя сестра. Вы оба его рабы.

Нанаи пошатнулась. Нужны ли слова красноречивее? Все стало ей ясно: персы проникли в пирующий Вавилон, Набусардар попался в их ловушку. У нее не было сил исподволь выведать что-либо о постигшей его судьбе, и, снедаемая тревогой, она спросила напрямик:

– А Муджалиба?

Солдаты ответили хохотом:

– Она горит в честь нашей победы!

– Что же случилось с царем Валтасаром? – в ужасе спросил Улу.

– Он мертв, как и все, кто пировал с ним этой ночью. У Нанаи подкосились ноги, и она опустилась прямо в ил.

Улу хотел помочь ей встать, но с ужасом понял, что отныне он раб, а не вольный человек, и руки его связаны. Покорившись судьбе, он обратился к солдатам с просьбой поднять Нанаи и вынести на берег.

В ответ начальник отряда пообещал ослабить веревку, если он укажет, где находится дворец великого князя Набусардара. Они направлялись туда, чтобы вызволить из заточения любимца Кира, князя Устигу.

Улу прикинулся несведущим, сославшись на то, что поселился в Борсиппе недавно.

Но тут очнулась Нанаи и протянула связанные руки в сторону величественного, широко раскинувшегося строения.

Пригрозив за обман смертью, начальник приказал солдатам вынести их в открытое поле и развязать там.

Сам же он со своим отрядом поспешал в Борсиппу, шагая по топкому руслу Евфрата, чтобы как можно скорее выпустить на волю начальника персидских лазутчиков в Вавилонии.

Нанаи невольно обернулась вслед удаляющемуся отряду и в последний раз увидела в небе очертания дворца, цитадель своей любви. Тяжелым, прерывистым вздохом простилась она с нею, навсегда простилась со всем, что звалось красотой, счастьем, жизнью. Нестерпимая боль пронизывала ее грудь; боль, которая стала еще острее, когда Нанаи перевела взгляд на пылающую Муджалибу – огромный раскаленный шар у величественного подножия висячих садов.

Обостренным слухом она различала в зловещем треске огня роковое:

«Царь Валтасар мертв, как и все, кто пировал с ним этой ночью!»

Нанаи хотелось перекричать безумный огонь, завывать от горя, но персидский солдат подтолкнул ее, и она молча пошла рядом с примолкшим Улу.

Сердца обоих разрывались, однако они не смели выдать своего отчаяния ни вздохом, ни взглядом, ни движением губ. Они ступали в безмолвии, как рабы, настоящие рабы властелина мира.

Выбравшись на берег, они прошли через ворота в стене и очутились на вавилонских улицах.

Им открылась ужасающая картина.

Городские ворота стояли раскрытыми настежь, и в Вавилон со всех концов стекались лавины персов. Вереницы телег подъезжали к домам вельмож, их нагружали золотом, драгоценностями. Мостовые были усеяны телами убитых и пьяных. Халдейские воины с мечами, луками, копьями и дротиками в руках лежали бездыханными трупами попеременно с женщинами, детьми, стариками.

Страшное зрелище являли собою улицы Вечного Города – груды трупов и лужи крови, сливавшейся в потоки... Сандалии Улу и подол Нанаи насквозь пропитались ею. Не в силах больше видеть картины жестокости и страдания, они закрывали глаза. Но их слух раздирали стенания и вопли умирающих.

Наконец, они вышли из этого ада, овеянного смертью и мукой, и оказались за пределами города, в том месте, куда сгоняли пленных и где находился шатер Кира.

Нанаи, избранницу Набусардара, разлучили с Улу и подвели к женщинам, отобранным для могущественнейшего из властелинов, покорителя народов, царя Кира.

Пленницы ждали у входа в шатер.

Но Кир словно не замечал их. Он глядел на кровавые злодеяния своего воинства, в зрачках его плясали отблески пожара. Губы царя были сурово сжаты. Опершись на металлическую стойку шатра, Кир хранил молчание, и только грудь его взволнованно вздымалась.

* * *

Крылья огненной птицы с востока простерлись над Воротами Богов – городом Мардука.

Вавилон находился в руках персов. Войско Набусардара сложило оружие. Халдейское царство, могущественнейшее из держав мира, стало персидской провинцией.

В колеснице, запряженной четверкой белоснежных лошадей, Кир с триумфом въехал в столицу поверженного врага. Пальмовыми и лавровыми ветвями устлали ему дорогу Эсагила и те из горожан, кто уповал на его справедливость и милосердие. У въезда в Храмовый Город персидского владыку встречал верховный жрец Исме-Адад, облаченный в парадную ризу, с драгоценным подарком в шкатулке черного дерева.

Новый властелин сел в царском дворце на трон, на котором до сих пор восседали великие, овеянные славой правители Вавилонии, и произнес свою первую речь на священной земле Мардука. Кир произнес ее перед жрецами Эсагила, покорившейся знатью, богатыми торговцами, простолюдинами во главе с Сурмой, которого выпустили из темницы солдаты Гобрива, перед сынами иерусалимского племени во главе с будущим его царем Зоробабелем. Он произнес ее перед высшими персидскими сановниками, среди которых находились лидийский царь Крез, бывший союзник Вавилонии, высшие военачальники – Гобрив, Сан-Урри, а также Забада и Элос вместе с князем Устигой.

Кир сказал так:

– Милостью богов мы совершили величайшее в истории человечества деяние. Мы вели

суровую, но мужественную борьбу. Соппротивление врага нередко побуждало нас к жестокости. Пролито много крови во имя великой цели – единения всех народов Старого Света, над которым нависла угроза с севера. Новый Свет, предводительствуемый греками и римлянами, вооружается, готовится напасть на нашу дорогую отчизну. Боги внушили мне мысль объединить все земли от Финикийского моря до Персидского, от Красного – до реки Инд, ибо, только сплотившись, сможем мы устоять перед натиском неприятеля. Ныне воля богов исполнена, и я, царь великой державы Персидской, все силы свои положу на то, чтобы борьба наша не оказалась напрасной, чтобы не на час была наша победа. Не легко собрать племена воедино, но намного труднее их удержать. А посему вы, персы, победившие со мной противников нового устройства древних народов, должны бок о бок со своим владыкой продолжать начатое дело, не только пользуясь завоеванными благами, но и приумножая их неустанным трудом своим в тех землях, ради покорения которых вы пролили столько крови и принесли в жертву столько жизней. До сих пор персы были рабами других. Отныне они станут властителями мира. Все, что вы видели в Мидии, Сирии, Аравии, Фригии, Ассирии, Каппадокии, Лидии, Армении, и все, что видите в бывшей великой державе Халдейской, – ваше. Народы этих стран станут данниками Великой Персии, коей уготован расцвет и благоденствие. Все, кого мы принудили сложить оружие, с этого дня становятся рабами персов. Вы, халдеи, не откликнувшись на призыв царя царей, воспротивившись ему, лишились не только воли, но и имущества. Отныне на этой земле вам ничего не принадлежит. Покорно и усердно будете вы служить царю царей. А чтобы знали вы, сколь милосерден персидский властелин и повелитель мира, оставляю вам ваших богов и их святилища. Свершайте жертвоприношения и творите молитвы перед ликом священного Мардука. Но я требую, чтобы вы молились также пред ликом Ормузда, бога любви и справедливости, который начертал персам повелевать вами.

При этих словах от толпы вавилонян отделился какой-то человек и двинулся прямо к трону.

Кир прервал речь и велел стражникам остановить смельчака. Устига, Забада и Элос тотчас узнали в нем Сурму. Это ему они внушали, что их царь – поборник милосердия и равенства, поборник правды и свободы, справедливости и воли всех народов Старого Света.

Сейчас, слушая речь Кира, Сурма с глубоким возмущением повторял про себя, что дела Кира расходятся с его словами. Он чувствовал себя обманутым и посрамленным в своей вере. Не для того рисковал он головой, чтобы помочь персу закабалить свой народ. Не рабом, а вольным человеком желает он быть!

Сурма не был искушен в тонкостях придворного этикета. Но раз Кир утверждает, что для него все равны, то он, конечно, выслушает Сурму.

Кир удивился, однако спросил:

– Кто ты такой, чтобы вступать в разговор с царем?

– Я – Сурма. Князь Устига, Забада и Элос знают обо мне больше. Дозволь, царь царей, в нескольких словах передать тебе волю халдеев, ибо я уверен, что ты не пренебрегаешь советами своих подданных.

– Я не пренебрегаю советами своих подданных персидского происхождения. А ты – халдей, и тебя почитаю я не подданным своим, а рабом. Вижу, человек ты простой и не ведаешь, что перебивать царя не годится.

– Человек я и впрямь простой, но и у меня есть душа, да и разумом бог не обидел. Давно уже, прослышав о тебе, я принял твою сторону, чтобы сеять на земле справедливость. Я подстрекал халдеев против царя, жрецов и вельмож, потому что они были жестоки и не правду чтили, а ложь. Те, кого обратил я в свою веру, ждали тебя, словно сказочную птицу, что несет на своих крыльях свободу подневольным. А ты рабов

царя Валтасара, жрецов и вельмож халдейских, сделал собственными рабами. Где же справедливость, спрашиваю я тебя, царь царей?

Кир, едва сдерживая ярость, пристально смотрел на него.

– Не успел я взойти на трон, а ты уже сеешь смуту в народе? Народ, которым я правлю, должен пребывать в довольстве и согласии. Только цари Вавилона терпели тех, кто подтачивал их могущество.

Недобрым взглядом обвел он присутствующих и прочитал предостережение в бездонных глазах Устиги.

Князь поднял руку, прося позволения говорить.

Затем он сказал:

– Царь мой и повелитель, за два года, проведенных в заточении, я познал цену воли. Тебе, великому и просвещенному, нет нужды прислушиваться к речам чужеземцев, но внимли моему совету. Обещай халдеям свободу мыслей и действий, если в течение года они окажут себя достойными этого. Верни им часть имущества, другую оставь в награду воинам. Разрешите халдеям самим править, открой школы, сделай так, чтобы человек был равен человеку. Только тогда достигнешь ты мира и согласия в своих владениях, и народы не забудут твоего царствования до скончания света. Если же станешь одних непомерно возвеличивать, а других – непомерно унижать, не ведать тебе покоя.

– Любезный мой Устига, – молвил царь, несколько смягчившись, – существует неписанный закон, согласно которому побежденные становятся рабами победителя и его подданных.

Толпа персидских начальников одобрительно загудела.

Устига повысил голос:

– Доныне был в силе такой закон, но разве время не дает миру великих людей, кто возвещает и утверждает новые великие права? Ново и неосценимо будет твое свершение; если ты провозгласишь равенство между людьми и братство между народами!

– Равенство между людьми... и братство между народами... – задумчиво повторил Кир, глядя прямо перед собой, и глаза его светились мыслью.

Но тут возроптали советники царя. Персы мужественно довели войну до конца. Персы победили. Персы доказали свое превосходство над остальными народами. Они заслужили привилегии и лучшую жизнь. За что же тогда проливали они кровь и приносили жертвы?

– За лучшую и более справедливую жизнь для всего мира! – с необычайной серьезностью произнес Устига, почувствовав, как сотни людей с надеждой обратили к нему свои взоры; среди них был и пылающий взгляд Сурмы, и исполненный старческой мудрости взгляд Иддин-Амуррума, и пронизательный, отмеченный сиянием избранных, взгляд пророка Даниила.

Но эту надежду сокрушил протест персидских вельмож, новоявленных покорителей мира.

– Почему именно персы Должны принести себя в жертву человечеству?

– Потому, – ответил Устига, – что они способны на более великие дела, чем просто предаваться роскошеству и удовольствиям. Чтобы наслаждаться благами жизни, не надо быть избранником божьим, воспользоваться ими сумеют и безумец, и раб. Великие же цели жизнь выдвигает перед избранными, наделенными великой мудростью.

– Мы избранники Ормузда! – вскричал военачальник Гобрий. – Веками Вавилония держала в рабстве народы Старого Света, пусть же халдеи испробуют, каково это – носить ярмо на собственной шее. Царь мой, ты не знаешь Мардукова племени. Это змея, притаившаяся под твоим лавровым венком! Лишь плети да мозоли, которые они набьют себе на руках и ногах, сделают их покорными. Не оказывай любви и милости недругам своим, не то войско взбунтуется и покоренные народы погубят великую державу.

– Не торопись, Гобрий, мой верховный военачальник, – прервал его Кир, – в тебе говорит не столько рассудительность, сколько ненависть и чувство мести. Нет, нет, я не решусь быть жестоким и несправедливым. Ни твой совет, ни совет Устиги я не могу принять без оговорок. Но выход надо искать.

Царь обратился к Сурме:

– Нет, не решусь я быть жестоким и несправедливым. Так скажи мне – чего ты желаешь?

– За свой народ прошу, царь царей. – Сурма упал Киру в ноги.

– Встань! – приказал царь. – Рабы и те не склоняются предо мною ниц, никому не позволю я лизать прах ног моих.

Сурма поднялся и молвил:

– Будь милосердным, повелитель мира, будь милосердным к тем, кто не знал иной доли, кроме рабской. Даруй им волю, и они полюбят тебя сильнее, чем всех царей, жрецов и вельмож Вавилонии, вместе взятых.

– Ты безумец, Сурма, – дружелюбно усмехнулся Кир, – а мне по нраву мужи рассудительные. Я умею прощать людям их слабости, а тебя прощаю потому лишь, что речи твои побуждают меня быть осмотрительным. Если бы на этом троне сидел халдей, не сносить тебе головы. Но чтобы помнил ты доброту персидского царя, отпускаю тебя живым.

И Кир приказал стражникам:

– Выведите его из дворца и отпустите с миром.

Устига попытался было молодостью объяснить запальчивость Сурмы. Он напомнил, с каким жаром бился тот за водворение персов на земле Валтасара, за то, чтобы вместе с ними в Вавилонии победили любовь и правда.

Но Кир остался непреклонен.

– Нет, мой Устига, – сказал он, – сумасбродство опасно. Пусть во главе халдейского люда встанет рабианум Идин-Амуррум.

Властелин мира продолжил свою тронную речь, а стражники выпроводили Сурму за ворота царской цитадели.

Сурма побрел по улицам.

В городе еще полыхали пожары, тут и там тлели пепелища. Около них потерянно блуждали люди, справлялись о судьбе своих близких и по развалинам опознавали жилища. Лица были печальны, в сердцах кровоточили глубокие раны.

Сурма проходил мимо, задумчивый и подавленный. Ему казалось, что, либо он молча задохнется от немилосердной тяжести в груди, либо закричит во весь голос. Он кусал губы и сжимал кулаки.

Неужто только по слепоте своей поверил он в немилосердие Кира? Неужто огненная птица с востока, несущая на своих крыльях волю и справедливость халдейскому народу, – лишь плод его воображения?

От всех треволнений Сурму клонило в сон. По временам он закрывал глаза и ковылял по улицам, покуда не вышел на простор Базарной площади.

Она была разорена. Базальтовые столпы, словно, поверженные великаны, валялись на плитах мостовой, засыпанные кирпичом и обломками битума – остатками разрушенных домов и аркад. Среди этого разорения вышагивали персидские стражники да время от времени мелькала фигура халдея с поникшей головой.

В хмурой тишине звонко раздавались шаги персидских солдат, а с другого конца площади вдруг донеслась песня, которую выводил дрожащий мужской голос.

Сурма остановился и прислушался.

Это была героическая песня о Гильгамеше. И хотя выводил ее дрожащий, словно надтреснутый, старческий голос, песня хватала за душу. Казалось, сам Гильгамеш восстал из мертвых, скликаая осиротевший люд.

Сурма пошел на звуки песни. Персидский дозор среди руин увидел нищего с выколотыми глазами. Струйки крови, стекавшей из свежих ран, засыхали на его лице. Персидские солдаты не понимали слов песни, и один из жалости бросил на ладонь нищего золотую персидскую монету. Певец оцупал ее и заплакал. Из невидящих глазниц его текли жгучие слезы, не облегчая невыносимого горя. Будь у него меч, он пронзил бы им свое сердце. Но персы отобрали у него оружие, выкололи глаза и вытолкали за ворота дворца Телкизы.

Когда солдаты отошли, он прошептал:

– Я поклялся тебе, господин, что мечом своим окажу услугу народу. Я поклялся жить и умереть вместе с тобой. О господин, прости своего слугу... Трясущейся рукой он вытер лицо и, не слыша более стука чужеземных сапог, заговорил, облегчая душу:

– О, господин, прости своего слугу, я, слепой и безоружный, не мог ничего совершить. У меня вырвали меч из рук, выкололи глаза, но сердца из груди не исторгли. В нем живы твои слова. О господин, ты заповедал мне любить родную землю всей душой, как подобает человеку. Ведь только зверю все равно, кому принадлежит лес, в котором он живет.

Сурма стоял неподалеку, он приблизился к слепцу в одно время с солдатами, и звук его шагов потонул в гуле их чеканной поступи. Неслышно присев поодаль на развалинах, Сурма слушал плач певца.

Когда тот проговорил: «Ведь только зверю все равно, кому принадлежит лес, в котором он живет» – юноша шевельнулся и спросил:

– Кто ты?

Старик испуганно пошарил рукой вокруг себя, намереваясь подняться.

– Не бойся, я халдей, а персидские солдаты теперь далеко. Кто ты?

– Я нищий и песней питаю свои уста.

– Все мы нищие и рабы Кира. Душа скорбит при мысли об этом, тревога и привела меня сюда. Твоя песнь о Гильгамеше зажгла во мне пламень. Слова твои наполняют мое сердце отвагой. Ты сказал: только зверю все равно, кому принадлежит лес, где он

живет...

– Эти слова принадлежат моему благородному господину.

– О, я теперь знаю, кто ты! – воскликнул Сурма. – Ты – Киру, слуга Набусардара. Я враждовал с ним, пока он был жив. Теперь он мертв, а я с радостью сражался бы отныне рядом с ним. Как и он, больше всего на свете я люблю солнце и волю. Если бы у меня было оружие, я поднял бы народ на персов, ибо не нашел я у их царя ни любви, ни правды. Будь у меня верные сотоварищи, я ворвался бы в царский дворец и собственными руками заколол бы его. Но что может сделать в одиночку безоружный человек?

– Поначалу Набусардар тоже был один, как перст. Не было у него ни воинства, ни мечей. Зато были у него храбрость, сила, вера и любовь к своей отчизне. Ходи по улицам Вавилона и ищи, собирай мужей, наделенных храбростью, силой, верой и любовью к родному краю. Оружие бедняки спрятали в своих лачугах.

Из-за угла показались персидские солдаты и направились прямо к нищему.

– Стража, – шепнул Сурма.

– Ступай, – отозвался Киру, – и благословят боги твои деяния.

Сурма пошел прочь, а Киру снова запел.

Уверенность звучала теперь в его просветленном голосе. Радостны были слова песни, летевшей вслед удалявшимся шагам Сурмы. Воображение рисовало Киру тень Набусардара, скользящую бок о бок с этим юношей. Улыбка разлилась по его лицу со следами запекшейся крови, голос слепца крепчал. Песня разгоралась словно костер, ширилась, росла; казалось, она распаивает врата царства мертвых, и из них выходят великие мужи, подхватывая песнь Киру о Гильгамеше, чтобы напомнить живым о тысячелетней славе шумеров и халдеев, чтобы сплотить покоренных в новые легионы.

Вскоре город Мардука потряс бунт, поднятый Сурмой и военачальником Исма-Элем, которому в роковую ночь пира удалось избежать вражеских когтей: он успел бежать, переодевшись разносчиком чудодейственных мазей.

Несколько тысяч вооруженных халдеев хлынули на холм Ги́ла и перебили персидских сановников в казенных домах. На улицах к ним примкнули горожане; с победным криком ринулись они к царскому дворцу на расправу с Ки́ром.

Но царская цитадель охранялась надежно, а дворцовые казармы были полны отважных, лихих воинов Гобрива. Персидские латники поднялись на бунтовщиков и после жестокой сечи перебили всех.

В наказание Кир приказал изгнать из города еще несколько тысяч халдеев, предназначив их для отправки в Персию. Чем меньше останется в городе исконных жителей, тем проще будет управлять новыми владениями – так рассудил Кир. Хотя был он мудр и склонен милосердно обходиться с простым человеком, однако не прекращавшееся в Городе Городов брожение вынудило его издать до крайности строгие законы. Куда легче будет совладать с халдеями – униженными, забытыми и беззащитными!

Смуты и стычки не прекращались ни на день, хотя за малейшую провинность, за малейшее ослушание халдеям грозила смерть. Гобриву пришлось вдвое усилить городскую стражу, а священную особу царя охранял отряд отборных копьеносцев числом в десять тысяч. Все сознавали, что погибло племя Набонида и Валтасара, но зато воскресло племя Саргона, Хаммурапи и Навуходоносора. В халдеях вновь заговорили гордость духа, воинственность и отвага. Они не желали признавать персов ни как своих господ, ни как друзей. В их глазах перс был пришельцем, узурпатором, притеснителем народа.

Ненависть к нему росла изо дня в день. Люди воспылали жаждой добиться подлинного благоденствия и покоя, предпочитая умереть, но не гнуть спину под персидской плетью.

Трудные времена наступили для Кира. Он одержал победу, равной которой не знала история, но душа его лишилась покоя. А он хотел бы наконец видеть утихшим разбушевавшееся море, хотел бы знать, что мир и согласие утвердились в подвластных ему землях.

Кир сознавал, что добро порождает добро, зло всегда чревато злом. Он начал эту войну, преследуя благородные цели, уверенный, что сможет принести счастье народам. Но теперь, подводя итоги своих ратных подвигов, он не мог не признать, что, в сущности, война есть зло, а любое зло, даже самое малое, неизбежно разрастается до чудовищных размеров, едва становится средством достижения поставленной цели. И еще один вопрос мучил его – нужна ли была эта война? Нельзя ли было найти иной способ оградить себя от крепнущих соперников – Греции и Рима? Да так ли уж бескорыстны были его намерения? Не крылось ли за ними стремление к господству над миром? Какую справедливость принес он народам? Прав был Сурма: «Ждали тебя, словно сказочную птицу, что несет на своих крыльях свободу подневольным. А ты рабов царя Валтасара, жрецов и вельмож халдейских, сделал собственными рабами. Где же справедливость, спрашиваю я тебя, царь царей?» А что ответил на это он? Обвинил Сурму в подстрекательстве и, вместо того, чтобы задуматься над его словами и своими поступками, велел выгнать из царского дворца.

Постепенно жизнь открывала ему глаза. Кир многое хотел бы смягчить в своих начинаниях. Он хотел бы стать подлинным владыкой империи, милостивым к народу и мудрым в своих поступках.

На городских воротах он приказал укрепить глиняные доски с надписями на персидском и халдейском языках, возвещавшие вавилонянам о том, что царь желает сыскать любовь своих подданных, в награду за повиновение им будут возвращены права и имущество.

Люди хлынули к воротам. Грамотеи вслух читали остальным о намерениях нового властелина.

Люди еще толпились перед досками, когда в направлении Царского Города бешеным галопом промчался персидский всадник. Он влетел на казарменный двор царской цитадели и потребовал немедля провести его прямо в тронный зал, к Киру.

Он прискакал с вестями из Экбатаны. Воспользовавшись тем, что Кир занят делами в Вавилоне, на восточные рубежи исконной Персии напали массагеты, к которым присоединилось племя скифов. Сын Кира, наследный царевич Камбиз, выступил против них с войском, оставленным для защиты Персии, но просит о помощи.

У Кира помутилось в голове. Утомленный затянувшейся войной, он мечтал об отдыхе. Увы, к его тяжким государственным заботам прибавляются новые – опасения за восточные рубежи. Колесо фортуны продолжало вертеться, персам не удалось остановить его ценою победы над Вечным Городом, над Бабилом – Воротами Богов.

Воинственная царица массагетов, мудрая правительница Томирис, выбрала удачный момент для нападения на великую Персию. Напрасно Кир слал ей дары, расточал восторженные похвалы ее красоте, напрасно просил руки. Коварная игра отомстила за себя, царица Томирис ответила войной.

Не оставалось ничего иного, как направить в сражение на востоке часть войска, находившегося в Вавилонии, и Кир без промедления приказал Гобрию собрать под стенами Вавилона несколько полков.

Вместе с ними должны были уйти в Персию и тысячи пленных.

* * *

Краюху хлеба, кусок вяленого мяса размером с ладонь и бурдюк с водой получили на дорогу те, кого уже не охраняло более всевидящее око Мардука, предоставив произволу персидских солдат-победителей. Лишенные имущества и всего, что было для них дорого на этой земле, отправлялись они в долгий, трудный путь, оканчивавшийся за горами Элама, где пищей им будут тяжелые кирпичи, а песней – посвист плетей.

Толпы новых рабов ждали у стен Вавилона, когда их погонят в Персию; скорбным взглядом смотрели они на башни Этеменанки и Эвриминанки. В последнюю минуту они ждали спасения, которое придет оттуда, из этих цитаделей веры и надежды, не подозревая того, что духовный владыка, Исме-Адад, заискивает перед персом, чтобы сохранить свое могущество, а не думает о благе народа.

Больше спасения ждать было неоткуда, надежды таяли. Последнее прощание, и впереди – дальняя, дальняя дорога.

Царь Кир отбирал в толпе женщин наложниц и рабынь для своего дворца. Особенно долго задержался его взгляд на первых двух – на Телкизе, жене Набусардара, и Нанаи, избраннице сердца Набусардара.

– Ты прекраснейшая из женщин, – ласково сказал он Телкизе, испытывая легкое волнение, – ты будешь получать от меня самые дорогие подарки.

Она презрительно посмотрела на него и негромко рассмеялась.

– Только рабыни жаждут подарков, – отозвалась Телкиза. – Но я пресыщена роскошью. Чем же может удивить меня персидский царь, когда нет такой драгоценности, которой не поднес бы мне, царь Вавилонии! К тому же, как ты ни красив, – я любила мужей еще прекраснее. Согласись, владыка мира, мне нечего ждать от тебя.

Дерзкие слова Телкизы задела Кира, но женщина заворожила его стройным станом, затянутым в зеленоватые одежды с золотыми и бирюзовыми пряжками.

– О, нет сомнения, ты хороша, как плоды пальм. И, верно, горяча в любви, как само солнце. Но когда приглядишься к тебе, то начинает казаться, что ты – тигрица, прекрасная и хищная тигрица.

– Ты угадал, – равнодушно процедила она, – меня звали тигрицей Вавилона и ненасытной женщиной, потому что не было случая, чтобы я пренебрегла любовью и наслаждением. – Она снова засмеялась, загадочно и язвительно. – Но ты слишком долго осаждал Вавилон и опоздал, за это время я пресытилась любовью и наслаждениями – и ничего не жажду более. Зиждитель людских судеб, бог Набу из Эзиды, судил мне участь Зашир-Бела. Если у тебя, хватит терпения, я расскажу тебе о нем. Зашир-Бел в царствование просвещенного Хаммурапи был первым богачом Вечного Города. Никто не мог с ним сравниться богатством, красотой, роскошью и умением наслаждаться. Никем мир так не восхищался, никому еще так сильно не завидовали люди. Но с ним произошло то же, что и со мной. Он пресытился, и ничто более не трогало его. Однажды он устроил торжество, слава о котором пережила тысячелетия. В разгар пиршества, когда гости были уже навеселе, он положил руку на свой златотканый пояс со словами: «Я познал все улады, одна лишь улада умирания и смерти неведома мне доселе», потом

вытащил флакон с каким-то снадобьем и, испив его, замертво упал на украшенный гирляндами стол.

Рассказывая, Телкиза не сводила глаз с Кира. Постепенно насмешливое выражение сходило с ее лица, и когда она кончила говорить, облик ее напоминал побитое морозом оливковое Дерево. Потухшая, сломленная и обессилевшая, она подняла руку и открыла крышку массивной броши, стягивавшей на груди шелк одежды. Без дрожи в пальцах, без страха в глазах Телкиза вынула из нее крохотный пузырек цветного стекла и, зажав его в ладони, сказала:

– И мне, царь, неведома лишь услада умирания и смерти.

Как некогда богач Зашир-Бел, поднесла она пузырек ко рту, опрокинула в себя его содержимое и, прежде чем Кир опомнился, замертво упала к его ногам.

– Кто эта женщина? – вскричал царь, метнув взгляд на стоявшего поодаль Устигу.

Ему ответили, что это благородная Телкиза, жена Набусардара. Кир закрыл руками лицо и погрузился в безмолвную скорбь.

Улучив минуту, Нанаи склонилась над мертвой и прошептала:

– Ты уходишь в царство теней, ты уходишь к Набусардару.

Царь открыл лицо; смутившись, Нанаи поспешно выпрямилась. Заметив ее движение, Кир осведомился:

– Ты с нею в родстве? Не хочешь ли и ты умереть?

– Нет, царь царей, – взмолилась Нанаи, – я хочу жить смилюйся надо мной, я ношу под сердцем ребенка.

– Желает ли ты остаться во дворце или отправиться с изгнанниками в Персию.

– С изгнанниками в Персию, если ты окажешь мне эту милость.

– Будь по-твоему, – решил царь.

Едва прозвучал этот приговор, как к Киру приблизился князь Устига и, ни словом не обмолвившись о своей любви к дочери Гамадана, попросил царя подарить ему Нанаи, чтобы он мог распорядиться ею по своему усмотрению.

– Бери, – ответил Кир, не задумываясь, – ты наверняка вынесешь над нею самый справедливый суд.

Взгляд князя не раз приветливо останавливался на лице Нанаи, пока властелин мира выбирал себе жен для услады души и сердца. Тех, кому не суждено было стать наложницами царя, Кир велел угнать рабынями в Персию.

Наконец владыка ласково распрощался с Устигой, который направлялся в Экбатану, чтобы после двух лет губительного заточения отдохнуть среди родных.

Тысячи пленников тронулись в путь одновременно с полками, уходившими на войну против массагетов..

Халдеи покидали родной край, в земле которого с незапамятных времен истлевали кости их предков. Понуриив головы, уходили они на север, на неприветливую чужбину, где им придется надрываться под бременем непосильной работы, где над их спинами, как вечное предостережение, будет свистеть персидская плетка. С трудом сдерживали они

рыдания, но у многих лица были залиты слезами. Иные, храня мужество, уносили в сердце проблески надежды: когда-нибудь займется заря и для рабов.

В толпе пленников шагал и Улу.

Улу обрадовался, когда увидел, что Устига позволил Нанаи сесть в свою колесницу и даже прикрыл ее от палящего солнца воинским плащом. Пожалуй, иначе ей не вынести изнурительного, долгого пути на север после стольких ужасов и испытаний. Устига проявил себя заботливым покровителем, и Улу был благодарен ему за это. Этой маленькой услугой он расположил его к себе.

В той же колеснице ехал пророк Даниил, которого Кир послал советчиком к сыну Камбизу до своего возвращения в Экбатану. Даниил сидел на скамье, втайне думая о халдейской царице. Последний раз он видел ее в пиршественной зале, когда она стояла перед Валтасаром вместе с мудрецами и звездочетами. Что случилось с нею потом – неизвестно. Даниил справлялся о судьбе царицы, но никто не мог ничего сказать о ней. То ли ее убили персидские солдаты, то ли поглотил огонь в Муджалибе. А может быть, ей удалось спастись через потайной ход? Царица исчезла бесследно. Напрасно Даниил днем и ночью ломал голову; напрасно терзал он себя и теперь, покачиваясь на жесткой скамье боевой колесницы.

Все трое сидели рядом, но ни один не проронил ни звука. Слышался лишь стук копыт да щелканье бича. Молча ехали они по опустошенной земле. Дороги были завалены сухими пальмами и фруктовыми деревьями, персы срубили их, чтобы лишить население пропитания. Пилами и топорами пленные расчищали завалы на дорогах.

Когда возы остановились в очередной раз, Устига, внимательно посмотрев на Нанаи, сказал:

– Пусть не страшит тебя переселение в мою отчизну. Ты ступишь в нее не рабыней, а моей женой; знай – я выпросил тебя у царя, и отныне ты принадлежишь мне. Я выпросил тебя потому, что сердце мое не любит и никогда не сможет полюбить иной женщины, кроме тебя. Когда персидской отряд выволил меня из Борсиппы, я не столько радовался своему спасению, сколько тревожился о тебе, о твоей участи. Я приказал обыскать все покои, все уголки во дворце и покинул дворец, лишь убедившись, что все мои старания бесплодны. Из любви к тебе я не позволил тронуть ни Теку, ни скульптора и отпустил их. У меня не было ничего своего, и я одарил их из сокровищниц Набусардара. Сперва они отказывались, но я заставил их взять. Солдатам же велел охранять дворец до моего возвращения, надеясь вернуться в Борсиппу с тобой. Ты станешь мне женою, госпожой и стражем моего богатства. В Персии я возьму тебя в жены по законам моей страны.

Нанаи сидела с безучастным лицом, уставясь в дно колесницы.

– Или тебе не по сердцу моя речь? – спросил он ее мягко.

Нанаи сидела как неживая, уста ее точно онемели. Она ничего не ответила. Не ответила – вслух, но слова были у нее на языке и, невысказанные, тихо льнули к губам. Если б они были произнесены, Устига услышал бы: «Прости, князь, я вынуждена причинить тебе боль, несмотря на твою доброту. Не скрою, я уважаю тебя и до конца моих дней сохраню о тебе память, как о человеке благородном и великодушном, но не требуй, чтобы я осквернила память Набусардара. Я ношу под сердцем его ребенка».

Нанаи представила, как Устига погладит ее руку и скажет еще ласковее: «Я стану отцом ребенка Набусардара и буду одинаково любить вас обоих».

Он и ответил бы так, но даже этим не склонил бы Нанаи – ее молчаливое решение было твердо и непреклонно.

Не могла она над могилой отцов и братьев так легко решать вопросы любви и жизни. Бесчестным было добиться для себя лучшей доли в пору всеобщего бедствия. Нанаи сознавала, что, лишь разделив все невзгоды, которые постигли ее племя, она получит право на искупление.

Когда Устига заговорил снова, лаская ее бездонным целительным взглядом, она еще ниже наклонила голову, и на глазах ее блеснули слезы.

Но вот, посмотрев поверх плеча возницы, Нанаи увидела впереди поворот дороги, с детства знакомый поворот, с которым связано столько дорогих ее сердцу воспоминаний; поворот дороги, змеевидной лентой уходившей к Деревне Золотых Колосьев. Чуть поодаль, на бугре, вздымались зубчатые руины святилища Энлиля. Еще недавно к бугру лепились дома из обожженного кирпича и хижины из тростника и глины. Ныне там простиралась пустошь, загроможденная развалинами и отравленная смрадом пожарищ.

Картина запустения помрачила сознание Нанаи, она перестала понимать, что говорил и говорит ей Устига, чувствуя лишь, как яростная боль потоком захлестывает все ее существо.

Постукивая, колесница неторопливо въехала в деревню и поравнялась с пустырем, где прежде стоял дом ее отца, дом Гамадана. От дома ничего не осталось, лишь пепел кое-где покрывал землю.

С трудом удерживая слезы, Нанаи подавила в себе рыдания, заставившие трепетать ее уста.

Устига понимал, что ей нелегко, и, желая утешить, повторил:

– Оттого я и предлагаю тебе кров на моей родине... Ее веки чуть дрогнули, движение это напоминало взмах крыльев подбитой, обессиленной птицы.

– Ах, князь! – тяжело вздохнула она и дала волю слезам.

– Своей любовью я хочу вознаградить тебя за все, чего ты лишилась.

Нанаи осталась глуха и к этому признанию. Лишь смутную жалость к князю ощутила она на какую-то долю секунды, но жалость не поколебала ее решения.

Она попросила Устигу остановить лошадей и позволить ей проститься с местами, где в течение многих поколений жил ее род.

Лошади стали.

Нанаи сошла с колесницы.

Толпы пленников, которым Устига тоже позволил передохнуть, видели, как подошла она к пожарищу и, захватив горсть пепла – все, что осталось от родного дома, – стала пересыпать его в ладонях. Нанаи озиралась вокруг в надежде увидеть среди развалин хотя бы одну живую душу, движимую тем же стремлением, какое возникло сейчас в ней самой. Но вокруг было безлюдно. Запустением и унынием веяло от руин.

Она еще раз наклонилась, пригоршней зачерпнула пепел и вернулась к колеснице.

Устига протянул руку, чтобы помочь ей сесть.

Но она медлила.

Мне нечем тебя вознаградить, князь, – молвила Нанаи, – прими же на память обо мне эту горсть пепла, ибо хочу попросить тебя... Я никогда не сомневалась в твоей

доброте. Но если ты и вправду хочешь оказать мне благодеяние, позволь остаться там, где произвело меня на свет лоно матери.

Пораженный, Устига покорно позволил Нанаи высыпать ему на ладонь невесомую, как пух, сероватую пыль.

Но он тут же опомнился.

– Нет, нет, Нанаи. Ормузд на минуту помрачил мой разум. Как я могу оставить тебя в пустыне, где нет ни души, где только хищные звери рыщут? Я не решусь вернуться в Персию без тебя.

Не убеждая его ни словом, ни слезами, она вытащила из-под белого плаща дедовский кинжал и устремила на него взгляд; лицо ее было исполнено непреклонной решимости.

Устига понял.

Устига понял и почувствовал, как рушится под ним мост, который он с таким упорством возводил в своей душе через разделявшую их пропасть. Он думал, что ему удалось преодолеть коварную бездну; верил, что человеческая любовь способна сближать горные вершины и прокладывать в поднебесье пути от сердца к сердцу. И вот достаточно ничтожного куска кованого, отточенного железа, чтобы осознать – подобно двум неподвижным утесам, во веки веков противостоит человек человеку.

Сердце его сжалось, но он, пересилив себя, улыбнулся улыбкой, в которую вложил всю свою нежность и любовь. Затем извлек из кармана связку ключей и с болью в сердце сказал:

– Спрячь кинжал, Нанаи, и защищай им жизнь в своем одиночестве. Да возьми в придачу эти ключи, они от борсиппского дворца. Ты отказываешься от них? Ну, что ж... – Он посмотрел на нее долгим взглядом, затем откинул увенчанную драгоценным камнем крышечку на перстне и всыпал в углубление под ней щепотку пепла. – Я же с благодарностью принимаю твой дар – щепоть земли. Она будет поддерживать во мне надежду, .что, ступая по земле, человек всегда может вернуться к человеку.

Рыдания подступили у него к горлу, но он ни единой слезинке не позволил увлажнить свои ресницы.

Нанаи попросила позволения проститься с Улу.

Опасаясь за ее жизнь, Устига с радостью оставил бы его с нею.

Но Нанаи сказала Улу на прощание:

– Брат Улу, не покидай свой народ. Он будет в тебе нуждаться больше, чем я.

И Улу покорно вернулся к печальной толпе изгнанников, которая, повинувшись Устиге, снова двинулась в путь.

Когда тронулась с места и колесница Устиги, пророк Даниил обернулся к дочери Гамадана и ободрил ее ласковыми словами, чтоб она крепилась и не падала духом. Слова его слились с грохотом колес и стуком копыт – колесница князя последовала за пленными.

Нанаи провожала их взглядом, пока они не исчезли из вида. Судьба увеличивала между ними и Нанаи расстояние, множа отчужденность. Вереницей крохотных точек миновали они последний поворот и скрылись за косогором, увенчанным развалинами святилища Энлиля.

Нанаи осталась одна в немилосердном безлюдии края.

* * *

Некогда над этим оазисом пылало беззакатное солнце, и человек часто не решался поднять глаза к слепящему небосклону. Ныне над головой – хмурое небо, а под ногами – пепел разоренного края.

Некогда на здешних нивах золотистыми волнами колыхалась пшеница, и тучные, налитые колосья кланялись жнецам в самые ноги. Ныне из края в край, подобно неподвижно-свинцовым крыльям подстреленной птицы, простирается бесплодная пустыня.

Некогда плоды пальм, сочные гроздья винограда и плоды гранатовых деревьев звенели о ветви, и ветер разносил эти звуки, словно колокольный звон. Ныне лишь ветры гуляют среди поваленных деревьев, выводя над просторами тоскливую песню.

Некогда в сердцах обитавших здесь людей распускались цветы, подобные огненным розам в необозримых садах. Их аромат был столь силен, что порхавший в лазури мотылек падал на землю одурманенный, а путники по их благоуханию издали определяли, где лежит страна Субар. Ныне зловоние запущенных каналов и смрад пепелищ удушают все живое.

Некогда поросший травой косогор, увенчанный зеленью Оливковой рощи, словно бы радовался перезвону колокольцев на шеях пасущихся овец и слушал, как пастухи на дудочках наигрывают любовные песни. Ныне проклятие тяготеет над этим местом.

Некогда здесь подолгу простаивала Нанаи, засмотревшись на звезды, к которым уносились мечты ее юности. Ныне после долгой разлуки она стоит здесь снова, внимая стенаниям земли, охваченная печалью одиночества.

Некогда она уносилась на крыльях дерзновенной мечты, глядя в будущее глазами, подобными бездонной голубизне неба. Ныне остались лишь две отяжелевшие руки да взор, обращенный в глубь себя, на дно колыбели под сердцем, что вот-вот одарит ее такой родной и невинной улыбкой.

Ради этой младенческой улыбки решила она остаться здесь, задумав поднять из пепла отчий дом, взрастить на бесплодной земле злаки, расчистить канавы, чтобы влага вновь напоила долину, обсадить берега деревьями, чтобы люди могли наслаждаться их плодами, повесить колокольцы к шеям овец и выгнать отару на сочные пастбища, снова зажечь на себе светила и озарить ими душу человеческую, изгнав из нее мрак, боль и печаль.

Решившись свершить все это, она обратилась лицом к пепелищу, когда колесница Устиги скрылась за руинами храма Энлиля и образ князя растаял в далекой дымке.

Вновь окинула она взглядом мертвую деревню, убеждаясь, что кроме нее здесь никого нет.

Нанаи обошла пепелище. В одном месте уцелела часть глинобитной ограды. Во дворике валялись кувшин и мотыга, принадлежавшие ее отцу. Должно быть, персы настигли его, когда он работал, мотыга выпала у него из рук. Свяжав отца и подпалив дом, они бросили его в огонь, где он и погиб в страшных мучениях.

Сердцу хотелось скорбеть о нем, глазам – оплакивать его. Но пора горя тоже не беспредельна, заживают и раны души.

Нанаи наклонилась, подняла кувшин и мотыгу и, придя к канаве, стала расчищать ее, наполняя жидкой глиной кувшин. Кувшин за кувшином таскала она к развалинам, а когда глина немного подсохла, принялась лепить из нее кирпичи и раскладывать их на солнце. До изнеможения трудилась она день за днем, питаясь водой и финиками. Это была борьба не за жизнь, а за смерть.

Нанаи возводила основание дома, когда в деревню начали возвращаться люди.

Они тоже принялись таскать глину из канав, лепить кирпичи и сушить их на солнце. Труд их был незаметен, но упорен. Люди отстраивали жилище для себя и своих детей.

Стены домов росли, но поселяне сомневались – не напрасен ли их труд? Что, если с севера опять налетит ураган и развеет в прах кровли и стены? Что, если огонь снова прогонит их из жилищ в леса, к диким зверям? Что, если мечи врагов снова станут рубить головы и поливать землю кровью?

Когда соседи пришли к Нанаи со своими тревогами, Нанаи сказала:

– Я тоже потеряла все, но не отчаиваюсь. Кто теряет, тот и находит. Персы надругались над моим отцом, бросив его в огонь. Персы убили моего Набусардара. Обезоружили его войско и опозорили наш край. Они отняли у нас имущество и десятки тысяч халдеев угнали в рабство за Эламские холмы. На халдейском троне сидит Кир, всеми делами в Вавилонии вершат чужеземцы. И все-таки я не отчаиваюсь. Жестокие испытания научили меня сильнее любить, мужественнее переносить невзгоды, крепче верить. Добрая Таба, о судьбе которой никто из вас не знает, предсказала, что пойдет от меня новое поколение поборников правды, любви и справедливости. Я ношу под сердцем сына Набусардара и научу его любви, правде и справедливости, чтобы судьба вернула ему самое дорогое для человека – родину, избавленную от врагов и вражды. Они слушали ее, затаив дыхание; одна из женщин сказала:

– Твой сын – княжеского рода. Быть может, ты носишь под сердцем будущего царя Вавилонии, ради которого Энлиль изгонит персов из нашей отчизны.

Нанаи улыбнулась.

– Не одним царям покровительствует судьба, – возразила она, – не драгоценные камни, а дела человека кладет она на чашу своих весов. Соседка подивилась, как мудро она им все объяснила. В тот же день, когда сумерки опустились на поля, люди пришли к Нанаи, чтобы побыть возле нее, почерпнуть силы в ее словах, – по тем нелегким временам они нуждались в них, как голодный в хлебе, как жаждущий в воде.

Толковали до глубокой ночи, пока усталость после изнурительной работы на склонила их головы в дремоте. Нанаи одиноко стерегла их сон, как некогда стерегла стадо белых овец у Оливковой рощи.

Наконец сон сморил ее, и она прикорнула среди гостей.

Той ночью нежданно-негаданно в Деревню Золотых Колосьев прилетели южные ветры. Они продули хижины, развеяли песок и пепел и, погладив по щеке спящую Нанаи, стряхнули на ее лоб золотистую прядь волос.

А Нанаи снилось, будто за деревней снова колосятся хлеба, будто вдоль каналов колышется волнами ячмень и пшеница и над тучными нивами парит жаворонок. Он несется над просторами, словно желая крылами и песнями объять белый свет.

Увидела она во сне и себя. Она сидит на меже, обнимая своего сыночка. У него черные курчавые волосы и открытый, огненный взгляд Набусардара. Горящими глазами он как замороженный следит за дерзким полетом птицы. Сердце мальчика учащенно бьется, мечтая о таких же крыльях и головокружительной высоте. Нанаи прижимает его к себе и говорит:

– У всех, кто живет любовью и правдой, вырастают крылья, чтобы мог человек взлететь и объять умом и сердцем целый мир. Вырастут они и у тебя, мой маленький, мой яблоневый цветик, любовь моя бесценная. Но сперва подрасти, стань мужчиной и освети делами землю, в которой почит твой отец, великий Набусардар. Вот так, мой маленький, цветик мой яблоневый, любовь моя бесценная.